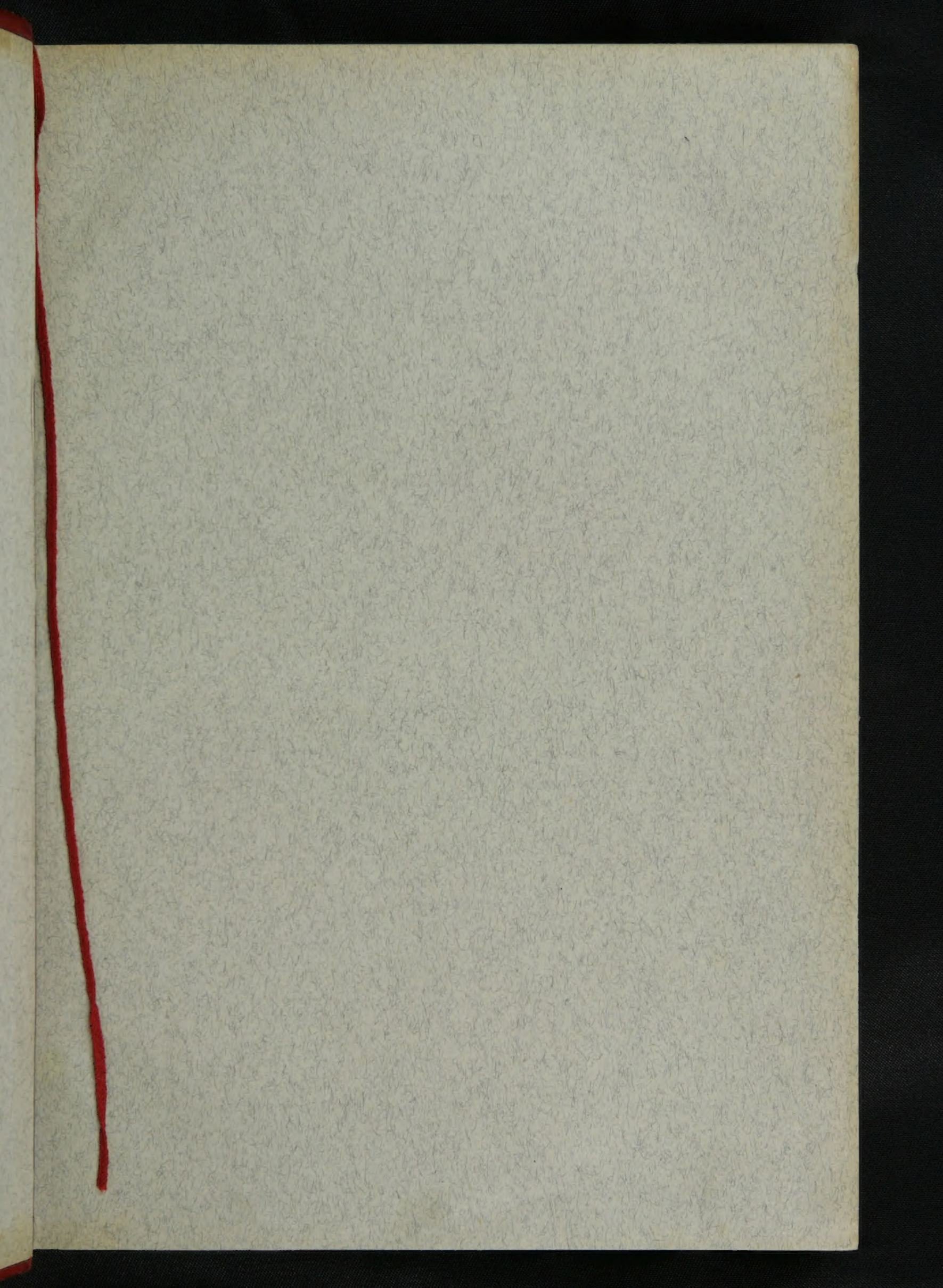
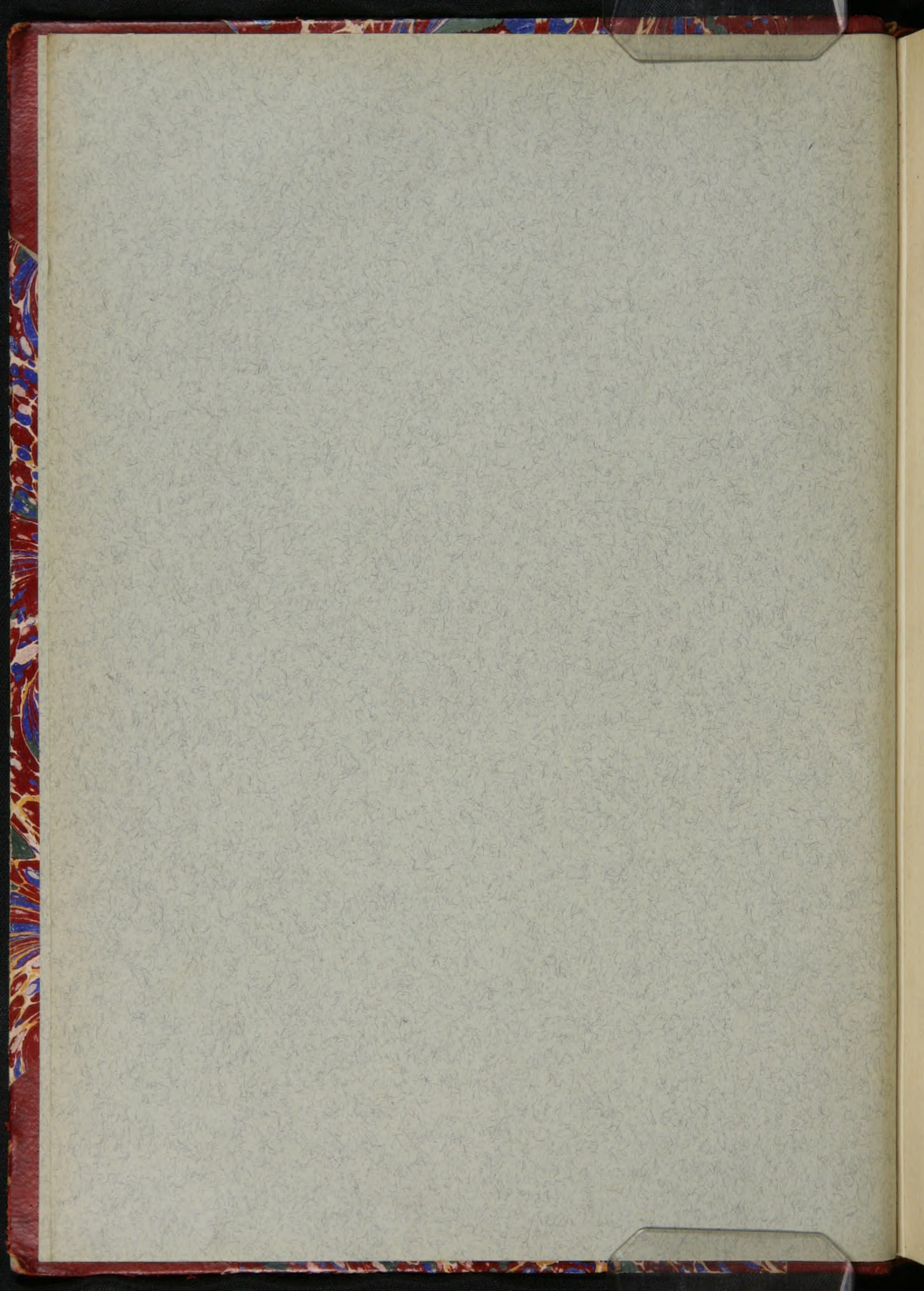

МКТ
Магазин № 51
И. И. И.
С. С. С.

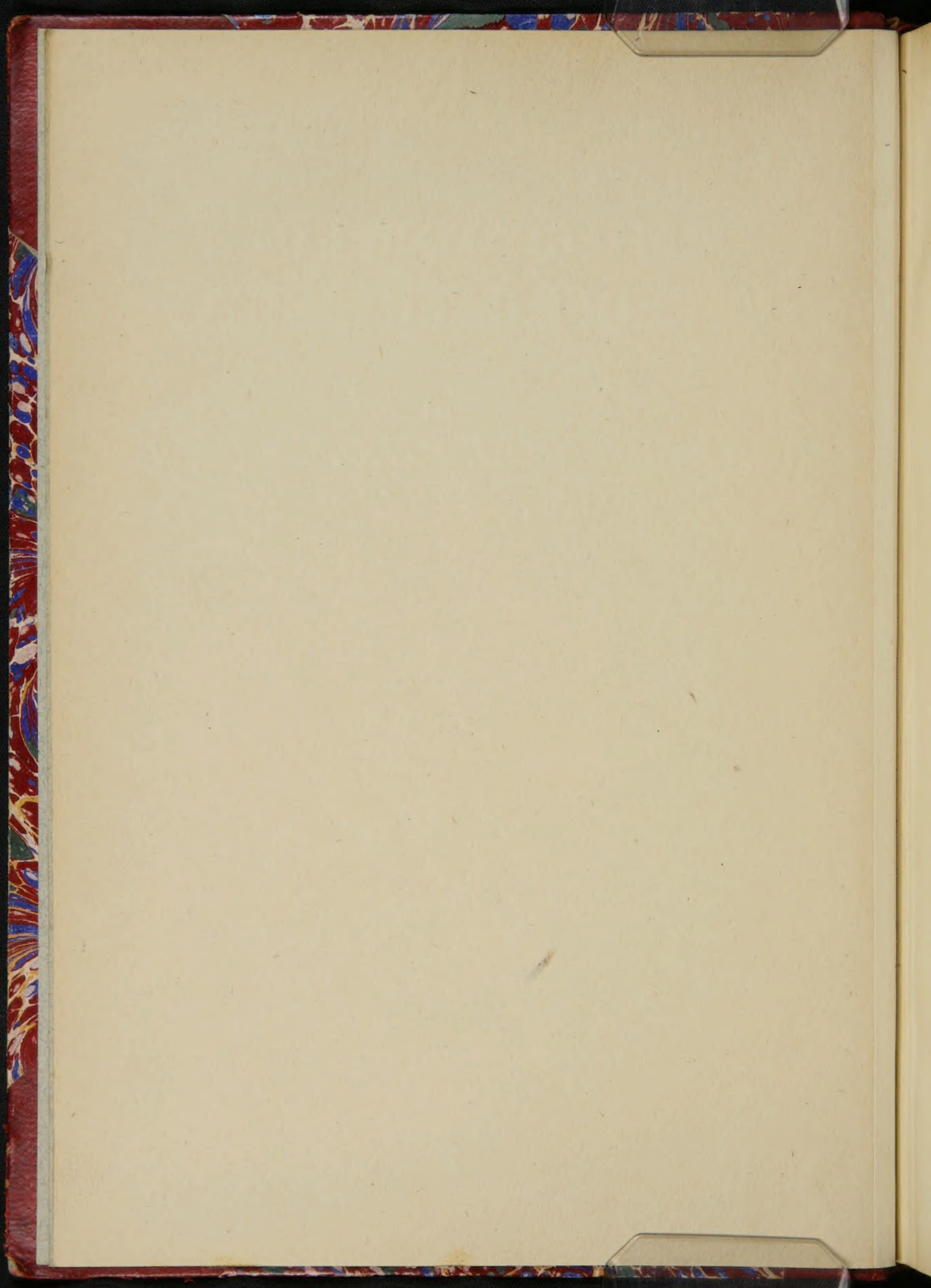

ИМПЕРАТОРСКІЙ
ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ

Наставники и питомцы
1811-1843
Римурія Кобеко

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1911

ИМПЕРАТОРСКІЙ

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ

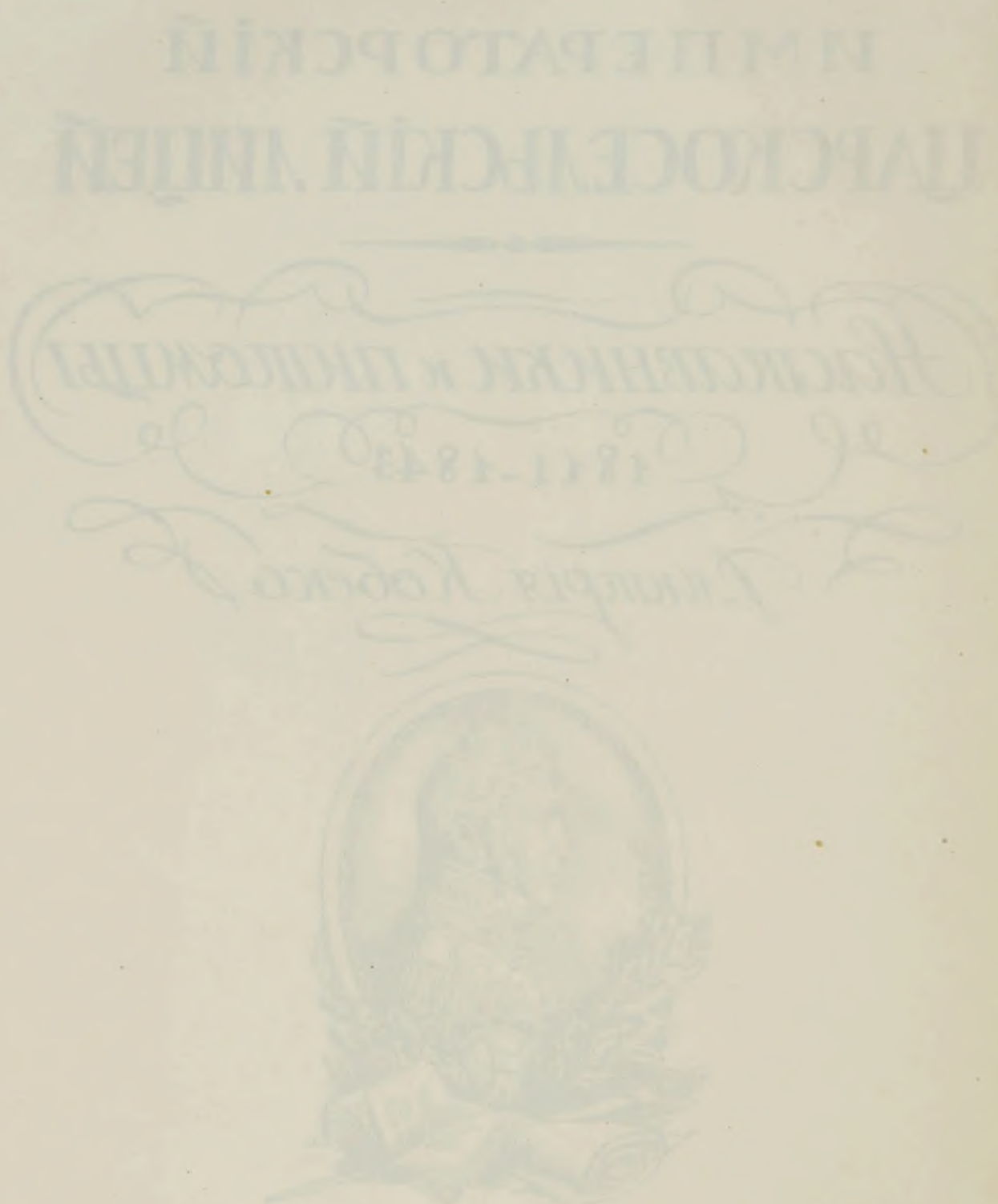
ИМПЕРАТОРСКІЙ
ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ

Наставники и питомцы
1811-1843
Дмитрія Кобеко

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. О. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1911.

Императорскій Лицей, созданный Императоромъ Александромъ I и лично открытый имъ 19 октября 1811 г. въ Царскомъ Селѣ, оставался тамъ до 1 января 1844 г., когда былъ переведенъ въ С.-Петербургъ и получилъ наименованіе Александровскаго.

Царскосельскій Лицей оставилъ по себѣ добрую память: онъ далъ Россіи немало достойнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ государственной службы и въ области словесности и наукъ и заслужилъ горячую любовь своихъ питомцевъ. Просуществовалъ онъ съ небольшимъ тридцать два года. Въ этотъ періодъ времени какъ внѣшній его обликъ, такъ и внутреннее устройство подверглись измѣненіямъ, по которымъ жизнь его дѣлится на два періода.

Начальный періодъ обнимаетъ время съ 1811 по 1836 годъ. Первый руководитель Лицея В. Θ. Малиновскій придалъ ему гуманное и отчасти космополитическое направленіе; заложенные имъ начала развились при ближайшемъ преемникѣ его, Е. А. Энгельгардтѣ.

Въ теченіе перваго періода Лицей, перешедшій въ 1822 г. изъ министерства народнаго просвѣщенія въ военное вѣдомство, сохранялъ свое первоначальное устройство строго закрытаго учебнаго заведенія. Шестилѣтній курсъ ученія дѣлился на два возраста (или класса), по три года въ каждомъ, и выпуски производились только

черезъ три года. Число воспитанниковъ было ограничено 50-ю и всѣ они содержались на счетъ государственнаго казначейства.

Во второмъ періодѣ (1836—1843) Лицей, продолжая оставаться въ военномъ управленіи, былъ раздѣленъ, вмѣсто двухъ возрастовъ, на четыре класса съ 1½-годиннымъ курсомъ въ каждомъ; къ 50 казеннокоштнымъ воспитанникамъ прибавлено было 50 своекоштныхъ, и домовые отпуска получили довольно широкое развитіе. Не высказываю своего мнѣнія объ этихъ перемѣнахъ, полагая, что читатель настоящей книги самъ оцѣнитъ ихъ вліяніе на внутреннюю жизнь Лицея.

Проведя въ Александровскомъ Лицеѣ шесть лучшихъ лѣтъ жизни (съ 1850—1856 г.г.), когда еще живо сохранялись преданія Царскосельскаго Лицея и здравствовали многіе изъ старѣйшихъ его питомцевъ, я давно уже началъ собирать свѣдѣнія о старомъ Лицеѣ и его первокурсникахъ. Нынѣ я рѣшился обработать накопившіеся у меня матеріалы въ отдѣльную монографію. Сознывая, что дѣйственность каждаго высшаго учебно-воспитательнаго заведенія выражается дѣятельностью лицъ, окончившихъ въ немъ курсъ, и что исторія такихъ заведеній должна бы излагаться параллельно съ изображеніемъ жизни и трудовъ наиболѣе выдающихся его учениковъ, я старался обрисовать по запискамъ бывшихъ воспитанниковъ и по другимъ документамъ того времени внутреннюю жизнь этой школы, представляющую много оригинальнаго и своеобразнаго, и въ общихъ чертахъ прослѣдить дѣятельность лучшихъ питомцевъ Лицея, въ особенности на поприщѣ словесности и наукъ. Въ изслѣдованіе постановки обученія и оцѣнку программъ преподаванія я не вдавался, потому что такая задача могла бы быть испол-

нена только опытнымъ педагогомъ, теоретически и практически знакомымъ со всѣми сторонами учебнаго дѣла.

Исторія Царскосельскаго Лицея вошла, какъ часть, въ трудъ г. Селезнева «Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея», С.-Петербургъ. 1861; исторію существовавшего при Лицеѣ Благороднаго пансіона издалъ питомецъ его князь Н. С. Голицынъ въ книгѣ подъ заглавіемъ «Благородный пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея. 1814 — 1829», С.-Петербургъ, 1869. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Лицеѣ, его преподавателяхъ и ученикахъ встрѣчаются въ разновременно издававшихся «Памятныхъ книжкахъ Лицея. Я воспользовался данными, изложенными въ этихъ почтенныхъ трудахъ.

Кромѣ матеріаловъ печатныхъ источниками моего труда служили дѣла архива Лицея и богатое собраніе записокъ, писемъ и альбомовъ бывшихъ лиценстовъ, хранящееся въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ. Особенно цѣннымъ является находящееся тамъ собраніе писемъ Е. А. Энгельгардта: во многихъ мѣстахъ моей книги читатель найдетъ выдержки изъ этой переписки. Много любопытныхъ данныхъ мнѣ посчастливилось найти въ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки и въ различныхъ архивахъ.

Явно бросающаяся въ глаза неравномѣрность нѣкоторыхъ отдѣловъ моей книги проистекаетъ отъ того, что въ воспоминаніяхъ питомцевъ Царскосельскаго Лицея изображена школьная жизнь только шести лицейскихъ курсовъ, время ученія которыхъ, благодаря этому, обрисовывается достаточно живо и подробно. Для прочихъ же шести курсовъ сохранились лишь сухія архивныя свѣдѣнія, да и то не вполне. Такъ какъ я писалъ свою книгу преимущественно для бывшихъ лиценстовъ и, въ частно-

сти, для младшихъ ихъ поколѣній, дабы освѣтить въ ихъ памяти преданія о старомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, и не предполагаю, чтобы книга моя получила распространеніе среди широкой публики и завоевала себѣ значительный кругъ читателей, то я и не считалъ необходимымъ выходить въ своемъ изложеніи за предѣлы исключительно лицейской жизни.

Всѣмъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе въ настоящемъ грудѣ, приношу глубокую мою признательность. Въ особенности дорого мнѣ живое и теплое участіе, проявленное лицами К. А. Военскимъ, П. Е. Рейнботомъ, А. А. Рубцомъ, Е. Н. Тевяшевымъ и В. А. Чудовскимъ и сослуживцами моими по Императорской Публичной Библіотекѣ В. В. Майковымъ, барономъ А. Э. Нольде, В. И. Сантовымъ, Н. Д. Чечулинымъ и Д. Д. Шамраемъ, которые обогатили мою книгу многими біографическими и бібліографическими свѣдѣніями и тщательно наблюдали за ея печатаніемъ.

19 октября 1911 г.

Дмитрій Кобко.

Старинко Державинъ насъ замѣнилъ

II, въ проѣздъ сходя, благополучилъ.

I.

Вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ учрежденіе того или другого учебнаго заведенія, допускаетъ въ сущности только одинъ отвѣтъ. Вездѣ и всегда училища создаются въ цѣляхъ распространенія просвѣщенія, въ цѣляхъ увеличенія числа лицъ, обладающихъ общимъ или специальнымъ образованіемъ. Другого назначенія для училища, очевидно, и быть не можетъ: слѣдовательно, основная причина всегда одинакова. Но отъ условій времени и мѣста зависятъ различныя второстепенныя, однако, существенныя подробности въ организаціи учебнаго строя, въ его программѣ, въ составѣ лицъ, получающихъ образованіе въ данной школѣ, въ правахъ, съ окончаніемъ курса связанныхъ. Эти условія опредѣляются общими соображеніями государственной политики данной эпохи и тѣми особыми задачами, которыя государственная власть непосредственно намѣтила для разрѣшенія.

Въ частности, прославленное поэтомъ дней Александровыхъ прекрасное начало знаменуется многочисленными мѣрами къ подъему уровня образованія въ Россіи, путемъ созданія новыхъ разсадниковъ просвѣщенія. Возникли среднія учебныя заведенія, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ были поставлены довольно широко и приближались къ типу высшей школы, какъ напр. училища въ Кременцѣ, Іѣвжнѣ, Одессѣ и Ярославлѣ, получившія впоследствии наименованія Лицеевъ. Въ нѣкоторыхъ крупныхъ провинціальныя центрахъ — въ Казани, Харьковѣ и въ Дерптѣ учреждены Университеты; къ этому же времени отно-

сится и открытіе Виленскаго Университета. Нельзя умолчать объ учрежденіи и другихъ училищъ, преслѣдовавшихъ болѣе спеціальныя цѣли.—Педагогическаго Института, С.-Петербургской Духовной Академіи и Института Инженеровъ Путей Сообщенія. Уже этотъ перечень, въ которомъ упомянуты лишь главнѣйшіе факты, показываетъ, какой крупный шагъ былъ сдѣланъ на пути развитія просвѣтительныхъ средствъ въ первое десятилѣтіе царствованія Александра I. Императоръ лично интересовался вопросомъ народнаго просвѣщенія, какъ явствуется изъ многихъ сужденій извѣстнаго негласнаго комитета, вліявшаго на законодательную дѣятельность въ первые годы его царствованія, да и впослѣдствіи Государь не упускалъ изъ виду заботы о повышеніи образовательнаго уровня въ странѣ.

Не слѣдуетъ однако забывать, что эти начинанія касались въ сущности не всего населенія Имперіи, а только опредѣленныхъ его слоевъ. Для лицъ податнаго состоянія, особенно для крестьянъ, поступленіе въ училище по прежнему обставлялось весьма тягостными формальностями, серьезно затруднявшими для нихъ доступъ и къ среднему, и къ высшему образованію. Фактически всѣ училища того времени заполнялись молодыми людьми дворянскаго сословія, изъ котораго комплектовались ряды чиновниковъ и офицеровъ.

Преслѣдуя идеальныя цѣли просвѣщенія, государственная власть достигала и другой, болѣе утилитарной — подготовки образованныхъ должностныхъ лицъ. Трудно даже различить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какимъ соображеніемъ отдавалось преимущество; утилитарная цѣль на дѣлѣ достигалась и тогда, если въ уставѣ подлежащаго училища не было оговорокъ о томъ, что въ него принимаются только дѣти или юноши дворянскаго сословія.

Если помнить все это, то нѣтъ надобности подробнѣе распространяться о причинахъ общаго характера,

вызвавшихъ учрежденіе Царскосельскаго Лицея, къ лѣтописи котораго мы приступаемъ. Не должно поражать, что онъ учреждался исключительно для юношества благороднаго происхожденія; не удивительна и оговорка о цѣли его, заключавшася, по словамъ перваго его устава, въ образованіи юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной. Наконецъ, понятно и то, что мысль объ учрежденіи новаго учебнаго заведенія встрѣтила сочувствіе Императора, который такъ охотно шелъ навстрѣчу этого рода начинаніямъ.

Заслуживаютъ гораздо большаго вниманія тѣ обстоятельства, благодаря которымъ Царскосельскій Лицей пріобрѣлъ своеобразный обликъ среди современныхъ его возникновенію училищъ и затѣмъ сохранилъ его въ теченіе многихъ лѣтъ. Прежде всего необходимо указать на то, что Лицей былъ помѣщенъ въ самомъ дворцѣ Государя, въ непосредственной близости къ нему и его семьѣ. Нельзя далѣе не отмѣтить и того, что уже и по первоначальному плану предполагалось создать для обучающихся въ Лицеѣ юношей такую обстановку, которая изолировала бы ихъ по возможности отъ внѣшняго міра. Поступая въ Лицей въ очень юномъ возрастѣ (10—12 лѣтъ), они должны были расти и развиваться въ атмосферѣ учебнаго заведенія, такъ какъ домой они не отпускались вовсе. Наконецъ, достойна вниманія и программа учебнаго курса Лицея: соотвѣтственно выраженной въ первой же статьѣ устава цѣли Лицея, въ программѣ отводилось большое мѣсто предметамъ общеобразовательнымъ. Науки «приказнаго званія», профессиональныя свѣдѣнія, необходимыя для чиновника, вовсе не выдвигаются на первый планъ. Эти особенности могутъ быть объяснены только тѣмъ, что при учрежденіи Лицея преслѣдовалась особая цѣль.

Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію Лицея послужило, повидимому, намѣреніе Императора Александра I создать учебное заведеніе, въ которомъ могли бы, совместно съ нѣсколькими сверстниками, пройти курсъ наукъ

малолѣтніе великіе князья, братья Императора. Прямыхъ доказательствъ, категорически подтверждающихъ это предположеніе, нѣтъ; но цѣлый рядъ указаній, который мы сейчасъ и приведемъ, дѣлаютъ его весьма правдоподобнымъ.

Императоръ Александръ I вступилъ на престолъ 11 марта 1801 года, имѣя трехъ братьевъ, великихъ князей Константина, состоявшаго уже въ бракѣ, Николая и Михаила.

Заботы о воспитаніи жившихъ совмѣстно младшихъ великихъ князей Николая, родившагося 25 іюня 1796 г., и Михаила, родившагося 28 января 1798 года, и наблюденіе за ходомъ этого воспитанія всецѣло принадлежали Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Императоръ Александръ не вмѣшивался въ это дѣло; но вскорѣ представился случай, когда онъ призналъ нужнымъ отступить отъ принятаго имъ сдержаннаго положенія: *«Императрица Марія Ѳеодоровна желала отправить сыновей своихъ въ Лейпцигскій университетъ, чему, однако, рѣшительно воспротивился Императоръ Александръ. Взамѣнъ того, ему пришло на мысль образовать въ Царскомъ Селѣ Лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи»*.

Подчеркнутыя строки представляютъ копію съ собственноручной отмѣтки Императора Александра II на прочитанномъ имъ еще въ рукописи сочиненіи лиценста I курса барона М. А. Корфа «Матеріалы и черты къ біографіи Императора Николая I» ¹⁾.

Тотъ же баронъ Корфъ въ запискѣ о первомъ курсѣ Лицея сообщаетъ, что помѣщеніе для Лицея отведено было собственно *во дворцѣ* ²⁾, по особенной совсѣмъ причинѣ, именно потому, что и весь Лицей образованъ былъ для воспитанія въ немъ царскихъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Начальная

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. Общества. Спб. 1896, т. 98-й, стр. 58.

²⁾ Курсивъ барона Корфа. См. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899, стр. 222.

о томъ идея не получила своего осуществленія только потому, что при самомъ открытіи Лицея, т. е. въ концѣ 1811 года ¹⁾, отношенія наши къ Наполеону представлялись уже въ самыхъ грозныхъ краскахъ, и мысли Императора Александра приняли другое направленіе. Это — прибавляетъ баронъ Корфъ — я имѣлъ счастье неоднократно слышать самъ и отъ Императора Николая Павловича, и отъ великаго князя Михаила Павловича. Его Величество называлъ меня иногда въ шутку: «mon camarade manqué».

Роскошь помѣщенія и содержанія Лицея сравнительно съ другими, даже женскими, заведеніями, — рассказываетъ другой первокурсникъ Лицея, И. И. Пущинъ, — могла имѣть связь съ мыслью Александра, который, какъ говорили тогда, намѣренъ былъ воспитывать съ нами своихъ братьевъ великихъ князей Николая и Михаила, почти нашихъ сверстниковъ по лѣтамъ, но Императрица Марія Ѳеодоровна воспротивилась этому, находя слишкомъ демократическимъ и неприличнымъ сближеніе сыновей своихъ, особъ царственныхъ, съ нами, плебеями ²⁾.

Въ 1842 году Царскосельскій Лицей посѣтилъ Императоръ Николай въ сопровожденіи принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, предназначавшагося къ занятію должности Попечителя Лицея. Помѣщенію своему здѣсь Лицей обязанъ его отцу, — сказалъ Императоръ директору Лицея Д. Б. Броневскому, указывая на принца ³⁾, — онъ подастъ (поконному) Государю мысль дать намъ образованіе въ университетѣ и, чтобы приготовить къ этому, воспитать насъ общественно. Лицей и былъ учрежденъ

¹⁾ Вспомнимъ, что уставъ Лицея изданъ былъ болѣе, нежели за годъ до того — 12 августа 1810. (Примѣчаніе барона Корфа).

²⁾ Записки о Пушкинѣ, изд. Якушкина. Спб. 1907, стр. 18.

³⁾ Отецъ принца Петра, принцъ Георгъ Гольштейнъ-Ольденбургскій пріѣхалъ въ Петербургъ 26 марта 1808 г. и 18 апрѣля 1809 г. вступилъ въ бракъ съ великою княжною Екатериною Павловною.

для того въ нашемъ помѣщеніи. Разрывъ съ Наполеономъ помѣшалъ этому ¹⁾).

Мысль объ учрежденіи Лицея возникла въ концѣ 1808 года. Сохранилась собственноручная записка М. М. Сперанскаго, уволеннаго въ 1807 г. изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ оставленіемъ при прочихъ должностяхъ по званію статсъ-секретаря и работавшаго по непосредственнымъ личнымъ указаніямъ Государя. На запискѣ этой, озаглавленной «Первоначальное начертаніе *особеннаго* Лицея» (помѣчено: «читано», т. е., Государю) 11 декабря 1808 г. ²⁾. Въ этомъ краткомъ начертаніи говорится о составѣ Лицея изъ 10 или 15 молодыхъ людей разныхъ состояній отъ 10 до 12-лѣтняго возраста; указаніе важное, если припомнить, что именно въ 1808 г. в. к. Николаю минуло 12, а в. к. Михаилу—10 лѣтъ. Далѣе говорится о предметахъ и образѣ ученія, причемъ предметы ученія раздѣляются на два курса: словесности и знаній, но продолжительность пребыванія какъ на курсахъ, такъ и вообще въ Лицеѣ не опредѣлена. Въ числѣ предметовъ преподаванія указаны науки математическія въ пространномъ смыслѣ со всѣми приложеніями къ военному искусству.

Наконецъ, въ отдѣлѣ объ образѣ жизни въ Лицеѣ упомянуто, что всѣ учащіеся въ Лицеѣ составляютъ одно общество безъ всякаго различія въ столѣ и одеждѣ; далѣе сказано, что, сверхъ учителей въ классѣ, для каждаго изъ четырехъ человѣкъ опредѣляется одинъ смотритель нравовъ и домашнихъ упражненій; въ заключительной же статьѣ постановлено, что ни одинъ изъ учащихся не

¹⁾ Селезневъ. Историческій очеркъ Императорскаго Лицея. СПб. 1861, стр. 16. Сообщено это, несомнѣнно, со словъ Д. Б. Броневскаго. Ср. также Гречъ «Записки о моей жизни». СПб. 1886, стр. 270.

²⁾ Въ слѣдующемъ 1809 году 17 апрѣля Сперанскій назначенъ канцлеромъ Абосскаго университета и членомъ Главнаго правленія училищъ.

долженъ являться при дворѣ, развѣ въ приватномъ и совершенно домашнемъ видѣ ¹⁾).

Сперанскій ставилъ себѣ въ заслугу труды по учрежденію Лицея. «Училище сіе, писалъ онъ въ 1815 году, образовано и уставъ его написанъ мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе; но безъ самолюбія скажу, что оно соединяетъ въ себѣ несравненно болѣе видовъ, нежели всѣ наши университеты» ²⁾. Въ этихъ словахъ Сперанскій разумѣлъ графа А. К. Разумовскаго, назначеннаго 11 апрѣля 1810 года Министромъ Народнаго Просвѣщенія: при немъ издано было Постановление о Лицеѣ, а затѣмъ послѣдовало открытіе этого знаменитаго учебнаго заведенія.

Однако, мысль о воспитаніи въ Лицеѣ великихъ князей не осуществилась. Тогда рѣшено было дать Лицею узко практическую, если такъ можно выразиться, утилитарную цѣль: приготовленіе молодыхъ людей къ государственной службѣ, чѣмъ давно уже озабочивалось правительство.

Учрежденіе такого рода учебнаго заведенія находилось въ тѣсной связи съ мѣрами, принимавшимися русскимъ правительствомъ въ теченіе XVIII и въ началѣ XIX столѣтій для улучшенія личнаго состава гражданскихъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ.

Еще Императоръ Петръ I указами 1720 и 1724 г.г. установилъ чинъ коллегін-юнкера, соотвѣтствующій 14 классу, и для подготовленія юнкеровъ къ гражданской службѣ учредилъ при Сенатѣ особую школу. Благихъ результатовъ эта мѣра не оказала, и Императрица Екатерина II въ 1763 году приказала эту школу закрыть и взамѣнъ ея при сухопутномъ кадетскомъ и морскомъ корпусахъ открыть курсы законовѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы

¹⁾ Записка эта, извлеченная проф. С. В. Рождественскимъ изъ архива Министерства народнаго просвѣщенія, напечатана въ Лицейскомъ журналѣ, годъ IV (1906—1907), № 3, стр. 132—134.

²⁾ Сперанскій. Дружескія письма къ Масальскому. С.-Петербургъ, 1862, стр. 65.

прослушавшіе эти курсы, а равно и кончившіе курсъ въ Московскомъ Университетѣ, опредѣлялись въ гражданскую службу съ первымъ чиномъ коллегии-юнкера. Но и эта мѣра также не принесла замѣтныхъ результатовъ, хотя оставалась въ силѣ во все время царствованія Императрицы Екатерины II.

Императоръ Павелъ I вернулся къ мысли Петра Великаго и указомъ 1 января 1797 года повелѣлъ: 1) возстановить опредѣленіе и обученіе коллегии-юнкеровъ при департаментахъ Сената и при всѣхъ коллегіяхъ, причемъ предписывалось принимать изъ дворянъ не моложе 12 лѣтъ, и тѣхъ, кои не обучались предметамъ, для нихъ назначеннымъ, помѣщать сперва въ титулярные юнкеры; 2) для обученія ихъ, сверхъ канцелярскаго дѣлопроизводства, прочимъ наукамъ, способствующимъ искусству въ штатскихъ должностяхъ и приличнымъ достоинству дворянина, учредить, по-прежнему, особливую при канцеляріяхъ Сената школу, и 3) изъ юнкеровъ титулярныхъ, черезъ протеченіе двухъ лѣтъ, кои окажутъ довольное успѣяніе въ познаніи канцелярскаго дѣлопроизводства и въ другихъ назначенныхъ наукахъ, производить въ коллегии-юнкеры, положенные по табели о рангахъ въ 14 классѣ.

Генераль-прокуроръ князь А. Б. Куракинъ, на котораго возложены были всѣ распоряженія по открытію школы, представилъ Императору всеподданиѣйшій докладъ съ проектомъ самаго учрежденія школы. «Цѣль учреждаемой при Сенатѣ школы для юнкеровъ есть образованіе благородныхъ чиновниковъ для гражданской службы», говорилось въ немъ: ученіе въ школѣ дѣлится на два главныхъ отдѣленія: на науки общія или приуготовляющія ученика къ приобрѣтенію наукъ званія, и на самыя науки званія. Такъ какъ школа учреждалась при Сенатѣ, то науки званія въ сей школѣ «имѣютъ быть юридическія, и потому правовѣдѣніе, или юриспруденція, должен-

ствуешь быть главнымъ предметомъ ученія въ сей учреждаемой школѣ».

Курсъ ученія продолжался четыре года, изъ коихъ въ первые два года преподавались науки общія, а въ слѣдующіе два—геометрія и тригонометрія, географія руссiйская, исторія руссiйская, изъясненіе о должности чело-вѣка и гражданина, логика, теоретическое и практическое преподаваніе законовъ; «языкъ нѣмецкiй имѣеть быть преподаваемъ особымъ учителемъ черезъ 4-хъ-годичное время, ибо нѣмецкiй языкъ для руссiйскаго гражданскаго чиновника не только полезенъ, но и нуженъ по причинѣ многихъ областей Россiйской Имперіи, въ коихъ сей языкъ есть языкъ природный, и дѣла тѣхъ самыхъ областей, не зная нѣмецкаго языка, производить весьма неудобно».

Вступающіи въ число юнкеровъ благородный юноша, не моложе 12 лѣтъ, долженствовалъ предъявить несумнѣтельныя свидѣтельства и доказательства дворянскаго достоинства.

Однако, возобновленное повелѣніемъ Императора Павла обученіе юнкеровъ на указанныхъ выше условіяхъ оказалось не достигающимъ цѣли, а потому генералъ-прокуроръ А. А. Беклешовъ 26 ноября 1801 г. вошелъ къ Государю Александру Павловичу со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ полагалъ: 1) въ юнкера моложе 14 лѣтъ никого не записывать и не иначе принимать, какъ по экзамену изъ слѣдующихъ предметовъ: руссiйскаго языка, чистописанія, грамматики, арифметики, геометріи, исторіи и географіи; 2) главный предметъ юнкерской школы должно быть преподаваніе руссiйскаго правовѣдѣнія и языка французскіи и нѣмецкiи; 3) при выпускѣ изъ института, по экзаменѣ, юнкеровъ опредѣлять въ помощники секретарскіе, съ производствомъ особеннаго жалованія отъ казны, буде не окажется тогда праздныхъ мѣстъ и окладовъ. Высочайшимъ указомъ 19 декабря того же

года были утверждены всѣ предположенія генераль-прокурора, а рескриптомъ, даннымъ на его имя въ тотъ же день, ему поручалось составить уставъ юнкерской школы ¹⁾.

Въ 1803 г. Министръ Юстиціи Г. Р. Державинъ предписалъ въ каждый годъ экзаменовать обучающихся два раза — второй изъ экзаменовъ долженъ былъ быть публичнымъ. Въ 1805 г. этотъ юнкерскій институтъ былъ закрытъ, и рѣшено было образовъ Высшее Училище Правовѣдѣнія при Комиссіи составленія законовъ, на что и послѣдовало 1 августа 1805 г. Высочайшее одобреніе. Училище это было открыто 7 сентября 1806 г. Курсъ преподаванія въ училищѣ былъ опредѣленъ трехлѣтній.

Въ 1809 г. студенты, по окончаніи первого курса, были выпущены изъ училища, а продолженіе лекцій, по приказанію директора Комиссіи составленія законовъ, Сперанскаго, отложено было до другого времени. Въ 1816 г. училище было окончательно закрыто ²⁾.

Между тѣмъ въ 1809 г. послѣдовали два Высочайшихъ указа, рѣшительно выразившіе намѣреніе Правительства улучшить личный составъ правительственныхъ учрежденій.

Первымъ изъ этихъ указовъ, подписаннымъ 3 апрѣля, повелѣно было всѣмъ камеръ-юнкерамъ и камергерамъ, носившимъ эти званія, но не занимавшимъ никакихъ должностей, непременно пріискать себѣ въ назначенный срокъ

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что предположенія Беклешова, вошедшія въ указъ, подверглись строгой критикѣ со стороны молодыхъ друзей Императора, составлявшихъ негласный комитетъ, и даже самъ Императоръ признался, что онъ подписалъ указъ «dans un moment de faiblesse», но что онъ «lui avait déplu». См. Вел. кн. Николай Михайловичъ—Графъ П. А. Строгановъ, т. II, стр. 147 и 149 (засѣданіе 23 декабря 1801 г.).

²⁾ Подробности относительно юнкерской школы см. въ статьѣ А. В. Безроднаго. О подготовленіи опытныхъ и образованныхъ дѣятелей для государственной службы. Журналъ Мин. Юстиціи. 1903 г., № 9.

опредѣленный родъ служебныхъ занятій. При неисполненіи сего они лишались придворнаго званія.

Вторымъ указомъ, отъ 9 августа, установлено было въ чинъ коллежскаго ассессора производить въ томъ только случаѣ, если представляемый къ чину предъявить свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса въ одномъ изъ университетовъ или подвергнется въ университетѣ испытанію по установленной программѣ. Такое же университетское свидѣтельство устанавливалось и для производства въ статскіе совѣтники, съ тѣмъ еще, чтобы представляемый состоялъ на службѣ вообще не менѣе 10 лѣтъ и въ это время не менѣе 2 лѣтъ занималъ одну изъ особо поименованныхъ должностей ¹⁾).

Въ это именно время, въ началѣ 1810 года, рѣшено было приступить къ образованію Лицея, и Императоръ Александръ передалъ Министру Народнаго Просвѣщенія графу Разумовскому проектъ учрежденія этого учебнаго заведенія.

Въ § 1-мъ онаго указывалось, что Лицей имѣетъ цѣлью образованіе юношества, предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной.

Слова эти лишь нѣсколько видоизмѣняютъ выраженія, употребленныя, какъ показано выше, въ докладѣ князя Куракина.

Изъ этихъ краткихъ свѣдѣній видно, что въ первоначальныхъ предположеніяхъ объ учрежденіи Лицея принималъ участіе Сперанскій. Преданіе объ этомъ хранилось въ Лицеѣ, и въ 1850 г., на актѣ Лицея, въ отчетѣ о его дѣятельности за 1849—50 годъ секретарь Совѣта Я. Ханыковъ упомянулъ, что по указанію Императора Александра I уставъ Лицея былъ изложенъ окончательно Сперанскимъ.

¹⁾ Подробности см. въ книгѣ бар. Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго». Спб. 1861. Т. I, стр. 173 сл.

II.

Проектъ о Лицеѣ, переданный Императоромъ графу Разумовскому, писанъ, по словамъ историка Лицея Селезнева, иностранцемъ, хотя въ подтвержденіе этого никакихъ доказательствъ имъ не приводится.

Графъ Разумовскій, по разсмотрѣніи врученнаго ему проекта, во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ говоритъ: «средства, изложенныя въ семъ проектѣ къ достиженію цѣли, не совсѣмъ соображены съ оною» и за симъ, опредѣляя цѣль учрежденія, представляетъ, что «понятіе о важныхъ частяхъ службы и о тѣхъ, кто къ онымъ готовится, долженствовало бы опредѣлить выборъ въ наукахъ и языкахъ, для нихъ потребныхъ. Знанія, всякому благовоспитанному приличныя, надлежитъ различать отъ наукъ, въ особенности нужныхъ только нѣкотораго состоянія людямъ. Но въ начертаніи Лицея на сіе вниманія не обращено. Предписывается въ немъ обучать, напримѣръ, химіи, астрономіи и другимъ отвлеченнымъ частямъ математики. Нужны ли сіи науки министру, судѣ, дипломату и другимъ состояніямъ обыкновенной гражданской службы? Нѣтъ сомнѣнія, что и между воспитанниками Лицея будутъ рѣдкіе таланты, кои, по особенной склонности, могутъ углубиться въ сіи науки; но таковымъ открытъ путь въ университеты, гдѣ преподаются науки во всей обширности. Исторія мнѣній философскихъ о душѣ, идеяхъ и мірѣ, большею частію нелѣпыхъ и противорѣчащихъ между собою, не озаряетъ ума

полезными истинами, но помрачаетъ заблужденіями и недоумѣніями. Естественную исторію, нарочитымъ образомъ и въ обширности, преподавать такому роду юношества, котораго воспитаніе имѣетъ другое, а не ученое, назначеніе, излишне. Греческій языкъ также нуженъ состоянію ученому, а въ государственной службѣ, по многимъ отношеніямъ, несравненно нужнѣе языкъ нѣмецкій, который въ Лицеѣ вовсе не полагается. Множество и важность предметовъ, которымъ воспитанники Лицея должны учиться, также не соображены ни съ возрастомъ, ни со временемъ, которое они пробить должны въ семъ учрежденіи. Они принимаются отъ 10 до 12 лѣтъ, и должны пробить въ Лицеѣ только 6 лѣтъ. Возможно ли успѣть въ столь короткое время въ столь многихъ и важныхъ предметахъ, каковыя предписаны въ семъ училищѣ? Если же кто и успѣетъ, то получитъ обо всемъ понятія смѣшанныя, скороспѣлыя, кои такового многовѣда сдѣлають скорѣе несноснымъ и вреднымъ педантомъ, нежели основательнымъ знатокомъ.

Короче, графъ нашель проектъ этотъ неудовлетворительнымъ и въ заключеніе докладывалъ: «таковыя несообразности и другіе недостатки въ планѣ Лицея убѣждаютъ меня составить новый проектъ оному, который не замедлю представить на Высочайшее усмотрѣніе».

Сохранившаяся въ дѣлахъ того времени другая докладная записка графа Разумовскаго свидѣтельствуетъ тоже о неполнотѣ проекта и вмѣстѣ о томъ значеніи, какое имѣло предположенное учрежденіе. Записка эта озаглавлена «Вопросы Лицея»; при ней находятся помѣтки, подъ наименованіемъ: «Отвѣты на вопросы Лицея»; писаны онѣ рукою Государя. Содержаніе ихъ таково:

Въ вопросахъ: 1. «Управленіе Лицея составляютъ два главные предмета: а) порядокъ учебный и нравственный и б) порядокъ экономическій. Порядокъ первый изложенъ въ полученномъ мною проектѣ и составляетъ первую часть; но порядокъ экономическій и штатъ Лицея не со-

ставленъ. Заняться ли мнѣ и симъ предметомъ, такъ какъ то необходимо къ полнотѣ постановленія?» Отвѣтъ: «нужно».

2. «Какую степень долженъ занимать Лицей между училищами: будетъ ли равняться съ университетами или занимать среднее мѣсто между ними и гимназіями?» Отвѣтъ: «съ университетами».

3. «Подлежать ли ему общей зависимости, учрежденной по министерству просвѣщенія; или непосредственно будетъ онъ зависѣть отъ Высочайшей власти, либо особы отъ Вашего Величества довѣренной?» Отвѣтъ: «въ особомъ управленіи».

4. «Сколько воспитанниковъ ежегодно предполагается принимать, и какъ великъ будетъ весь ихъ комплектъ?» Отвѣтъ: «сіе будетъ зависѣть отъ экономическаго исчисления. Не менѣе 20 и не болѣе 50; а послѣ—по усмотрѣнію».

5. «Будутъ ли они имѣть мундиръ?» — Отвѣтъ: «будутъ».

6. «Куда будутъ поступать воспитанники по окончаніи курса въ Лицеѣ и съ какими выгодами?» — Отвѣтъ: «въ гражданскую службу, съ чинами по успѣхамъ, отъ 14 до 9 класса, а въ военную — на томъ же положеніи, какъ и Пажескаго Корпуса».

7. «Въ нѣкоторыхъ учебныхъ институтахъ, во Франціи и другихъ государствахъ, было въ обычаѣ отличать ношеніемъ крестиковъ тѣхъ изъ учащихся, кои болѣе прочихъ успѣвали въ ученіи и отличались добронравіемъ своимъ. Сіе средство весьма удобно было къ поощренію молодыхъ людей въ наукахъ и нравственности; подобное сему постановленіе полезно ввести въ Лицей; въ такомъ случаѣ можно бы учредить сію награду слѣдующимъ образомъ: на примѣръ, два или три таковыхъ крестика было бы сдѣлано, коими, по истеченіи каждаго мѣсяца, украшаемы были трое изъ учащихся, болѣе всѣхъ въ продолженіи того мѣсяца отличавшіеся какъ поведеніемъ, такъ

и прилежаніемъ въ ученіи, и какимъ-либо достойнымъ похвалы и одобренія сочиненіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое отличіе произвело бы между молодыми людьми сильное желаніе его заслужить. Но прошествіи мѣсяца, кресты сіи положены были бы паки въ залъ собранія, гдѣ опять заслужившіе ихъ были бы ими украшены. Молодой человѣкъ таковой знакъ отличія носилъ бы не только во внутренности Лицея, но и внѣ онаго; напр., при какомъ-либо торжествѣ, зрѣлищѣ и проч., при которыхъ бы воспитанникамъ Лицея быть случилось». Отвѣтъ: «неудобно рано приучать къ крестамъ. Награды книгами, порядкомъ замѣщенія, медалями и проч. удобнѣе» ¹⁾).

Изъ приведеннаго видно, что въ планѣ новаго учрежденія Государь лично принималъ участіе; что же касается до самой редакціи проекта, то она принадлежала директору департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія И. И. Мартынову, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуешь въ своихъ запискахъ ²⁾).

Кромѣ Мартынова, въ обсужденіи вопроса о Лицеѣ принималъ нѣкоторое участіе представитель сардинскаго короля при русскомъ дворѣ, католикъ, приверженецъ іезуитовъ, графъ Местръ. Въ теченіе іюня и іюля 1810 года онъ адресовалъ графу Разумовскому пять писемъ о народномъ просвѣщеніи въ Россіи вообще и о проектѣ Лицея въ особенности ³⁾).

Отчасти благодаря указаніямъ графа Местра, первоначальный весьма обширный перечень предметовъ преподаванія въ Лицеѣ былъ нѣсколько сокращенъ, хотя, по

¹⁾ Все, касающееся учрежденія Лицея, заимствовано изъ книги Селезнева (стр. 3—7). Дѣла объ учрежденіи Лицея, на которое ссылается г. Селезневъ (въ выноскахъ на стр. 4, 6 и 7), въ настоящее время въ Архивѣ Лицея нѣтъ.

²⁾ Памятники новой русской исторіи. Спб. 1872, т. II, стр. 172 и слѣд.

³⁾ Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ“. Спб. 1880, т. II, стр. 249 и слѣд.

справедливому замѣчанію акад. Сухомлинова ¹⁾, гр. Разумовскій далеко не подчинился всѣмъ указаніямъ гр. Местра.

12-го августа 1810 года «Постановленіе о Царско-сельскомъ Лицеѣ» было утверждено Государемъ ²⁾.

Главнѣйшія статьи этого постановленія заключаются въ слѣдующемъ:

Цѣль Лицея опредѣлена въ образованіи юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной.

Въ Лицей принимаются отличнѣйшіе воспитанники дворянскаго происхожденія, отъ 10 до 12-лѣтняго возраста.

Число ихъ, на первый разъ, полагается не менѣе 20 и не болѣе 50. По несомнѣнномъ удостовѣреніи въ отличной нравственности и совершенномъ здоровьѣ дѣтей, принимаютъ въ Лицей тѣхъ изъ нихъ, которыя окажутъ требуемыя для вступленія познанія и удостоятся Высочайшаго на опредѣленіе утвержденія.

Курсъ ученія состоитъ изъ предметовъ, приличныхъ важнымъ частямъ государственной службы и необходимо нужныхъ для благовоспитаннаго юноши.

Лицей и члены его пріемлются подъ особенное Его Императорскаго Величества покровительство и состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

Въ правахъ и преимуществахъ своихъ Лицей совершенно равняется съ русскими университетами.

Внутреннее управленіе Лицея ввѣряется директору и подъ ближайшимъ его начальствомъ двумъ надзирателямъ, и составляетъ два главные предмета: 1) порядокъ учебный и нравственный и 2) порядокъ хозяйственный. Упра-

¹⁾ Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Спб. 1889, т. I, стр. 31.

²⁾ Полн. Собр. Законовъ, т. XXXI, № 24325.

вление тѣмъ и другимъ возлагается на особаго надзирателя.

Первое мѣсто во внутреннемъ управленіи принадлежитъ директору. Онъ есть хозяинъ Лицея и наблюдаетъ за порядкомъ учебнымъ, нравственнымъ и хозяйственнымъ. Въ случаѣ отсутствія директора, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ профессоровъ, по назначенію министра просвѣщенія. Сверхъ примѣрной жизни, директоръ долженъ имѣть обширныя познанія въ наукахъ и языкахъ, въ Лицеѣ преподаваемыхъ, дабы могъ правильно судить объ искусствѣ учащихся и успѣхахъ воспитанниковъ и, въ случаѣ отсутствія профессора, заступать его мѣсто, занимая воспитанниковъ приличными учебному ихъ предмету упражненіями.

Предметы раздѣляются на два курса, каждый въ три года: начальныи и окончательныи.

Въ начальномъ курсѣ полагается: 1) *грамматическое изученіе языковъ*: руссійскаго, латинскаго, французскаго и нѣмецкаго; 2) *науки нравственныя*: первоначальное основаніе Закона Божія, нравственной философіи и логики; 3) *науки математическія и физическія*: ариѳметика, начинающая съ тройнаго правила, часть алгебры, тригонометрія прямолинейная и начало физики; 4) *науки историческія*: исторія руссійская и иностранная, географія и хронологія; 5) *первоначальныя основанія изящныхъ писменъ*: избранныя мѣста изъ лучшихъ писателей, съ разборомъ оныхъ, и правила риторики; 6) *изящныя искусства и гимнастическія упражненія*: чистописаніе, рисованіе, танцованіе, фехтованіе, верховая ѣзда, плаваніе.

Въ окончательномъ курсѣ назначено: 1) *науки нравственныя*, 2) *физическія*, 3) *математическія*, 4) *историческія*, 5) *словесныя*, 6) *языки*, 7) *изящныя искусства и гимнастическія упражненія* и, «если позволитъ время, преподавать понятіе о гражданской архитектурѣ и перспективѣ, какъ объ искусствахъ въ общежитіи необходимыхъ».

Обученіе возлагается на профессоровъ, адъюнктовъ

и учителей. Число первых опредѣляется такъ: 1) одинъ профессоръ для россійской и латинской словесности, 2) одинъ для французской, 3) одинъ для нѣмецкой, 4) одинъ для наукъ историческихъ, 5) одинъ для математическихъ и физическихъ наукъ и 6) три для нравственныхъ: для перваго курса одинъ и для втораго два; въ числѣ ихъ полагается священнослужитель для Закона Божія.

При сихъ осьми профессорахъ имѣются два адъюнкта: 1) одинъ для трехъ профессоровъ словесности и 2) одинъ при профессорѣ математическихъ и физическихъ наукъ. Для изящныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій шесть учителей: 1) чистописанія, 2) рисованія, 3) танцованія, 4) фехтованія, 5) верховой ѣзды и 6) плаванія.

Профессоры, подъ предсѣдательствомъ директора, въ свободное отъ занятій время, составляютъ конференцію. Она производитъ испытанія воспитанникамъ каждые полгода, въ присутствіи директора, а по окончаніи года—въ присутствіи особо приглашенныхъ къ тому лицъ. Воспитанникамъ, оканчивающимъ курсъ, испытаніе производится изъ всѣхъ предметовъ курса лицейскаго.

Курсъ ученія заканчивается торжественнымъ собраніемъ всего Лицея; здѣсь читаются воспитанниками ихъ сочиненія, «до наукъ словесныхъ относящіяся» и предварительно одобренныя профессорами, и провозглашаются фамиліи воспитанниковъ, удостоившихся награды. Фамиліи эти и розданныя награды публикуются въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ.

Ближайшимъ блюстителемъ за порядкомъ въ учебной и нравственной части назначается надзиратель, при которомъ, въ качествѣ помощниковъ, состоятъ гувернеры—люди испытанной нравственности, русскіе и иностранцы; послѣдніе должны хорошо знать свой языкъ, чтобы разговаривать на немъ съ воспитанниками.

Отличительною чертою Лицея была его замкнутость. Лицей представлялъ изъ себя строго закрытое учебное заведеніе, и воспитанники не увольнялись въ отпуски

даже на лѣтнія каникулы, проводя такимъ образомъ всѣ 6 лѣтъ въ стѣнахъ Лицея, въ товарищескомъ кружкѣ.

Хозяйство заведенія ввѣряется хозяйственному правленію, состоящему изъ директора, который есть предсѣдатель его, надзирателя по учебной и нравственной части и надзирателя по части хозяйственной.

Годовая штатная сумма на содержаніе Лицея составляла 96,545 рублей ¹⁾).

19 августа того же года на министра возложено было приступить къ образованію Лицея, согласно Постановленію и штату онаго.

Указомъ, даннымъ оберъ-гофмейстеру графу Литтѣ 3 февраля 1811 года, повелѣно строенія, назначаемыя въ Царскомъ Селѣ для Лицея, со всѣми принадлежностями (въ томъ числѣ и мебелью) отдать въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія; на передѣлки въ этой части бывшаго дворца великихъ князей составлена была смѣта на сумму свыше 107.000 руб. ²⁾).

Затѣмъ 17 мая утверждены были формы обмундированія чиновниковъ и воспитанниковъ Лицея. Воспитанникамъ назначенъ былъ кафтанъ темносиняго сукна съ стоячимъ воротникомъ и обшлагами суконными краснаго цвѣта, подкладка синяя; камзолъ и нижнее платье бѣлые суконные; пуговицы позолоченныя гладкія; на воротникѣ съ каждой стороны по двѣ петлицы: младшаго разряда серебряныя, а старшаго—золотыя ³⁾).

9-го іюля 1811 года Разумовскій ходатайствовалъ передъ Императоромъ о дарованіи возникающему учрежденію видимаго знака монаршаго благоволенія. «Ваше Величество»—представлялъ министр—«въ залогъ непремѣннаго благоволенія Вашего всемилостивѣйше пожаловать соизволили грамоты академіямъ: Наукъ и Медико-Хирургической,

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXI, № 24328.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXI, № 24508 и дѣло архива Лицея.

³⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXI, № 24634.

университетамъ и нѣкоторымъ другимъ высшимъ училищамъ. Примѣры сии убѣждаютъ меня испрашивать Императорской грамоты Вашего Величества и учреждаемому Лицею, яко уравненному въ правахъ и преимуществахъ съ російскими университетами». Проектъ грамоты Царско-сельскому Лицею удостоился Высочайшаго одобренія, и 22 сентября изготовленная со всею роскошью рукопись ея была подписана Государемъ.

Выше приведенъ нами отзывъ о Лицеѣ М. М. Сперанскаго. Любопытно сопоставить съ этимъ отзывомъ то, что писалъ къ нему В. П. Кочубей: «не университеты нужны намъ, когда некому въ нихъ и учиться, а особливо университеты на нѣмецкую статью, но училища первыя и вторыя... Система лицеевъ есть самая лучшая, какую для Россіи принять можно»¹⁾).

Насколько разнообразны были ходившіе въ петербургской публикѣ того времени слухи о причинахъ учрежденія Лицея, можетъ служить разсказъ, включенный извѣстнымъ своимъ злорѣчіемъ Ф. Ф. Вигелемъ въ его записки.

«Осень 1811 года, разсказываетъ онъ, замѣчательна была двумя событіями: окончаніемъ и освященіемъ Казанскаго собора и основаніемъ Царскосельскаго Лицея». Описавъ затѣмъ торжество освященія собора, происходившее 15 сентября, Вигель кратко очерчиваетъ исторію Царскаго Села и продолжаетъ: «чадолюбіе было всегда отличительною чертою характера четырехъ братьевъ, сыновей Павла I, и этимъ они совсѣмъ не походили на отца. Два раза надежда поманила родительскимъ счастьемъ и два раза она обманула Александра. Но вчужѣ не переставалъ онъ любить нѣжный дѣтскій возрастъ и полагалъ, что разсадникъ будущихъ вѣрныхъ ему служителей, составленный изъ невинныхъ, веселыхъ отроковъ, будетъ утѣшителемъ для его взоровъ. И для того, кажется, и помѣстилъ онъ

¹⁾ С. В. Рождественскій. «Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія». Спб. 1902, стр. 76.

его подлѣ самаго дворца, въ высокомъ длинномъ павильонѣ, построенномъ Екатериною» ¹⁾).

Самое слово «Лицей» было для Россіи новшествомъ. Правда, оно уже было въ проектѣ тогдашняго товарища министра народнаго просвѣщенія, извѣстнаго любителя учености М. Н. Муравьева; имъ хотѣлъ онъ замѣнить названіе Академическая гимназія и изъ стариннаго учрежденія шуваловскаго образовать, подъ названіемъ Лицея, педагогическое заведеніе. Въ 1806 году постановленіе Академической гимназіи при Московскомъ университетѣ было утверждено, но названіе Лицей осталось только въ проектѣ ²⁾. Правда и то, что въ 1806 году И. И. Мартыновъ издавалъ въ Петербургѣ журналъ подъ названіемъ «Лицей», но четыре тощія книжки этого журнала, наполненныя преимущественно извлеченіями изъ сочиненія Лагарпа «*Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne*», были мало распространены въ публикѣ. Въ 1811 году учреждена была въ Петербургѣ «Бесѣда любителей русскаго слова», причемъ былъ слухъ, что изданію читанныхъ въ ней статей предполагалось дать названіе «Лицей». Однако одинъ изъ учредителей «Бесѣды», А. С. Шишковъ, писалъ 19 февр. 1811 года къ Я. І. Бардовскому³⁾: «Вы писали ко мнѣ о Ликеѣ или Лицеѣ (я никогда иностранныхъ словъ порядочно написать не умѣю), нынѣ вышло Высочайшее разрѣшеніе на оный: и такъ, надѣюсь, скоро возымѣетъ онъ свое начало, только не подъ иностраннымъ названіемъ, но подъ русскимъ «Бесѣды» ⁴⁾).

Однако слово «Лицей» не скоро у насъ натурализировалось: долгое время слышалось употребленіе его въ женскомъ родѣ—«Лицея».

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, часть III. Москва, 1892, стр. 177 и 181.

²⁾ Селезневъ, 4.

³⁾ Сотрудникъ С. Н. Глинки по изданію въ Москвѣ «Русскаго Вѣстника».

⁴⁾ А. С. Шишковъ. Записки. Берлинъ, 1870, т. II, стр. 311.

III.

Ознакомившись съ первоначальнымъ Постановленіемъ о Лицеѣ, обратимся къ характеристикѣ лицъ, которымъ было поручено проводить его въ жизни. Особеннаго вниманія заслуживаетъ педагогическій персоналъ его. Уже въ силу того, что воспитанники все время, круглый годъ, проводили въ стѣнахъ Лицея, между ними и преподавателями, естественно, должна была установиться связь болѣе близкая, чѣмъ та, которая существуетъ въ современныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Во главѣ учреждаемаго Царскосельскаго Лицея поставленъ былъ съ званіемъ главноначальствующаго графъ А. К. Разумовскій, бывшій предъ тѣмъ попечителемъ Московскаго университета. Обстоятельное жизнеописаніе его можно прочесть во II томѣ «Семейства Разумовскихъ» А. А. Васильчикова. Любопытную, въ нѣсколькихъ строкахъ, характеристику его далъ французскій посолъ въ Петербургѣ Коленкуръ въ депешѣ 3 марта 1811 года. Вотъ его слова: «Le comte Razoumowsky aime les arts, les sciences, mais il s'occupe plus de ses maîtresses, ses nombreux bâtards, que de son ministère. On le dit honnête homme, il n'intrigue pas: il est au reste trop paresseux pour cela» ¹⁾).

На должность директора Лицея назначенъ былъ указомъ 2 іюня 1811 года статскій совѣтникъ Василій Ѳедоровичъ Малиновскій. Родился онъ въ 1765 году, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и въ 1781 году

¹⁾ Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи 1808—1812 г. Изд. в. кн. Николая Михайловича. Спб. 1907, V, 352.

опредѣленъ былъ архивариусомъ въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ¹⁾. Черезъ два года былъ назначенъ переводчикомъ того же архива, а въ 1789 причисленъ къ русскому посольству въ Лондонъ, куда онъ стремился, дабы ознакомиться съ государствомъ, славнымъ мудростію и счастьемъ своего правленія и жителей²⁾. Въ Лондонъ онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью посольскаго священника, протоіерея Самборскаго, въ 1791 году вернулся въ Россію и въ слѣдующемъ году отправленъ былъ въ главную квартиру русской арміи, въ Яссы, гдѣ вскорѣ заключенъ былъ мирный договоръ съ Турціей. Постѣ этого онъ вновь вернулся къ занятіямъ въ иностранной коллегіи, въ 1800 году назначенъ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію, гдѣ пробылъ весьма недолго, и въ 1802 году вновь просился въ коллегію на должность экспедитора русскаго языка. Свободное отъ служебныхъ занятій время онъ отдавалъ частію литературнымъ трудамъ, а частію дѣламъ благотворенія такъ, онъ былъ директоромъ дома трудолюбія, учрежденнаго существовавшимъ тогда Филантропическимъ комитетомъ.

Изъ литературныхъ трудовъ Малиновскаго мы извѣстенъ еженедѣльный журналъ «Осенніе вечера», 1803 г. Журналъ этотъ, заключающій въ себѣ статьи, писанныя, кажется, самимъ Малиновскимъ, прекратился на восьмомъ номерѣ. Вторымъ его трудомъ было «Разсужденіе о мирѣ и войнѣ», выпущенное имъ анонимно — только въ концѣ книги имѣются его инициалы «В. М.» Однако разсужденіе принадлежитъ именно Малиновскому; несомнѣннымъ доказательствомъ этому служить письмо его къ графу А. Р. Воронцову, при которомъ онъ поднесъ ему этотъ

¹⁾ Довольно подробныя свѣдѣнія о его службѣ до 1802 года имѣются въ просительномъ письмѣ Малиновскаго къ канцлеру графу А. Р. Воронцову, напечатанномъ въ «Архивѣ кн. Воронцова», т. 30, стр. 391.

²⁾ См. указанное письмо его къ кн. А. Р. Воронцову.

свой трудъ ¹⁾. Трактатъ Малиновскаго состоитъ изъ двухъ частей—первая написана въ Ричмондѣ, въ 1790 году, а вторая въ 1798 на дачѣ Самборскаго Бѣлозеркѣ, близъ Павловска, напечатанъ же онъ въ 1803 году въ С.-Петербурѣ. Основная идея разсужденія—проповѣдь вѣчнаго мира; написано оно нѣсколько отвлеченно, какъ, впрочемъ, въ то время вообще писались трактаты по вопросамъ общественнымъ и политическимъ; къ фактамъ историческимъ и къ реальной дѣйствительности авторъ рѣдко обращается. Но слѣдуетъ отмѣтить, что въ разсужденіи встрѣчаются не безынтересныя мысли. Въ первой части доказывается вредъ войны и отсутствіе всякой необходимости въ ней: многіе мыслители, пользовавшіеся въ то время авторитетомъ, высказывались какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ. Во второй намѣчены мѣры къ устраненію войны. Наиболѣе радикальною представляется автору созданіе общаго союза всѣхъ европейскихъ державъ и особаго постояннаго органа союза—совѣта полномочныхъ. Союзъ предупреждаетъ столкновенія, а въ случаѣ непокорства можетъ силою принудить неповинующуюся державу. Совѣтъ, однако, является не только постояннымъ третейскимъ трибуналомъ, въ родѣ проповѣдуемаго нынѣ пацифистами Гаагскаго суда; черезъ совѣтъ должны проходить всѣ сношенія союзныхъ державъ между собою. Поэтому отпадаетъ необходимость содержать посланниковъ, отъ которыхъ, по мнѣнію автора, жившаго въ эпоху расцвѣта такъ называемой «кабинетной политики», въ дѣлѣ сохраненія мира бываетъ иной разъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Такой союзъ дастъ возможность, какъ полагаетъ авторъ, уменьшить зло войны и сократить вооруженія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не противорѣчитъ идеѣ суверенитета («самовластія»), такъ какъ государство не можетъ

¹⁾ Письмо это—отъ 16 августа 1803—напечатано въ «Архивѣ князя Воронцова», т. 30, стр. 394. См. также письмо его къ Державину отъ 4 августа 1812 г. въ «Сочиненіяхъ» Державина, изд. Академіи Наукъ, т. VI, стр. 239.

быть справедливымъ судьей въ своемъ дѣлѣ; объединенныя въ такомъ союзѣ державы составляютъ и безъ того единое общество и по христіанству, и по взаимному отношенію. Однимъ словомъ, въ разсужденіи можно встрѣтить мысли, которыя и теперь повторяются въ проповѣдяхъ идеи вѣчнаго мира, и изложены онѣ, въ общемъ, ясно и послѣдовательно. Неудивительно, что, когда, много лѣтъ спустя, въ 1859 году, проф. Харьковскаго университета Д. И. Каченовскій сдѣлалъ докладъ о немъ въ лондонскомъ обществѣ друзей мира, то разсужденія Малиновскаго привлекли вниманіе и были въ выдержкахъ изложены въ журналѣ общества «Herald of Peace» ¹⁾).

Перечислимъ теперь профессоровъ, преподавателей и прочихъ служащихъ, которые назначены были въ Лицей къ его открытію 19 октября 1811 года.

Первымъ законоучителемъ Лицея былъ пресвитеръ Николай Васильевичъ Музовскій.

Профессоръ русской и латинской словесности Николай Ѳедоровичъ Кошанскій родился въ 1781 году, образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ прослушалъ курсы на двухъ факультетахъ—философскомъ и юридическомъ, послѣ чего занялся педагогической дѣятельностью въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы. Въ 1805 году получилъ степень магистра, а въ 1807 году доктора. Онъ напечаталъ нѣсколько переводовъ французскихъ литературныхъ произведеній и изданій по изящнымъ искусствамъ и археологін и составилъ нѣсколько

¹⁾ См. объ этомъ свѣдѣнія, приведенныя въ Русскомъ Ивалидѣ, 1861 года, № 131, стр. 538, фельетонъ: «Въ память перваго директора И. Ц. Лицея Малиновскаго». Авторъ статьи подписался «Лиценстъ перваго курса»; не невозможно, что она принадлежитъ сыну Малиновскаго—Ивану, умершему въ 1871 году. Кромѣ того, В. Ѳ. Малиновскимъ переведенъ съ англійскаго «Отчетъ генералъ-казначея Александра Гамильтона, учиненный Американскимъ Штатамъ о пользѣ мануфактуръ въ отношеніи оныхъ къ торговлѣ и земледѣлію» Спб. 1807 г.

учебниковъ. Графъ Разумовскій, узнавшій его въ бытность свою предсѣдателемъ Московскаго Общества испытателей природы, пригласилъ его въ августъ 1811 года на должность профессора Лицея.

Адъюнктъ-профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ родился въ 1780 г. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, онъ былъ назначенъ учителемъ въ Переяславскую семинарію, но вскорѣ же былъ переведенъ въ Петербургскій Педагогическій институтъ для продолженія образованія. По окончаніи здѣсь курса въ 1807 г., со званіемъ старшаго учителя гимназій, онъ былъ командированъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Съ 1808 по 1811 г.г. Кайдановъ пробылъ въ Германіи, слушая въ разныхъ университетахъ лекціи исторіи и философіи. По возвращеніи изъ-за границы онъ выдержалъ экзаменъ въ 1811 г. на степень магистра и въ томъ же году былъ назначенъ адъюнктомъ въ Лицей.

Трое сыновей его были воспитанниками Царскосельскаго Лицея.

Адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ Александръ Петровичъ Куницынъ родился въ 1783 году, въ селѣ Коѣ, Кашинскаго уѣзда, отъ родителей духовнаго званія; получилъ первоначальное образованіе въ духовномъ училищѣ своего уѣзда, затѣмъ продолжалъ ученіе въ Тверской семинаріи; въ 1803 г. переведенъ въ Спб. Педагогическій институтъ, откуда въ 1808 году, по окончаніи курса по факультету нравственно-политическихъ наукъ, былъ отправленъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ своемъ предметѣ и слушалъ лекціи профессоромъ юрико-политическихъ наукъ и дипломатіи въ Геттингенскомъ и Парижскомъ университетахъ. Въ Геттингенѣ онъ сблизился съ Н. И. Тургеневымъ, слушавшимъ тамъ лекціи ¹⁾. По возвращеніи въ 1811 году поступилъ въ Лицей адъюнктъ-профессоромъ.

¹⁾ Письмо его къ Тургеневу на возвратномъ пути въ Россію, вмѣстѣ съ Кайдановымъ, изъ Варшавы отъ 24 апр. 1811 года въ «Архивѣ братьевъ Тургеневыхъ», Спб. 1911 г. Вып. I, стр. 413.

Адъюнктъ-профессоръ физико-математическихъ наукъ Яковъ Ивановичъ Карцовъ родился въ 1784 году, учился въ Смоленской духовной семинаріи и въ 1803 году перемѣщенъ былъ въ С.-Петербургскую учительскую гимназію, преобразованную въ слѣдующемъ году въ Педагогическій институтъ. Какъ отлично кончившій въ 1807 году отправленъ былъ за границу и слушалъ курсъ наукъ въ университетахъ Іенскомъ, Галльскомъ и Геттингенскомъ, занимался въ Collège de France и Парижскомъ музеѣ натуральной исторіи. Вернувшись черезъ 3 года въ Петербургъ, Карцовъ явился на экзаменъ и, по опредѣленію конференціи Императорской Академіи Наукъ и Спб. Педагогическаго института, въ іюлѣ 1811 года удостоенъ званія адъюнктъ-профессора, а въ августѣ съ двумя товарищами своими—Куницынымъ и Кайдановымъ—назначенъ въ Лицей.

Вакансія адъюнкта физико-математическихъ наукъ была замѣщена не ранѣе, какъ послѣ второго приѣма воспитанниковъ въ 1815 году, студентомъ С.-Петербургскаго Педагогическаго института В. М. Архангельскимъ.

Перечень этихъ именъ доказываетъ, что графъ Разумовскій старался пригласить въ Лицей лучшія русскія педагогическія силы того времени. Кошанскій пользовался репутаціею опытнаго преподавателя и составителя многихъ учебныхъ руководствъ. Трое его сослуживцевъ—Кайдановъ, Карцовъ и Куницынъ, питомцы Петербургскаго Педагогическаго института—были спеціально командированы за границу для приготовленія къ профессорской дѣятельности. Они посѣщали между прочимъ Геттингенскій университетъ, пользовавшійся громкою извѣстностью въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ и давшій высшее образованіе многимъ русскимъ. ¹⁾ Пушкинъ, знавшій лично многихъ изъ такихъ геттингенскихъ студентовъ и въ

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія о Геттингенскомъ университетѣ можно найти въ книгѣ Вишнитцера «Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des XIX Jahrhunderts» Berlin. 1907 г.

своей характеристикѣ Ленскаго признавшій, что онъ обладалъ душою чисто геттингенской, съ благодарностью вспоминалъ объ урокахъ и наставленіяхъ Куницына. Поэтому намъ кажется небезпристрастнымъ суровый отзывъ барона Корфа о трехъ только что названныхъ лицахъ, которымъ бар. Корфъ поставилъ въ укоръ даже ихъ плохое французское произношеніе.

Учителями искусства были: чистописанія—Фотій Петровичъ Калининъ, фехтованія—Вальвиль, танцованія—Гюаръ и рисованія—Сергѣй Гавриловичъ Чириковъ; послѣдній занимался еще и стихотворствомъ и написалъ даже поэму—въ печати не появившуюся—«Герой Сѣвера» и въ послѣдствіи самъ былъ извѣстенъ между воспитанниками подъ именемъ «героя Сѣвера».

Надзирателемъ по учебной и нравственной части былъ Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ, а по хозяйственной части Леонтій Карловичъ Эйлеръ.

Въ заключеніе упомянемъ о двухъ довольно замѣчательныхъ личностяхъ, профессорахъ французскаго языка де-Будри и нѣмецкаго фонъ-Гауеншильдъ.

Давидъ Ивановичъ де-Будри родился въ 1756 г. въ Швейцаріи въ Нейштадтѣ отъ поселившагося тамъ доктора медицины и философіи Ивана Марата. Ученіе началъ въ Нейштадской гимназіи; въ 1768 г., переселившись съ отцомъ своимъ въ Женеву, вступилъ въ гимназію сего города; въ 1773 г. переведенъ въ тамошнюю академію. Въ 1784 г. его пригласилъ въ Россію для воспитанія своихъ дѣтей камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ. По окончаніи сего воспитанія Будри посвятилъ себя наставленію юношества въ пансіонахъ и частныхъ домахъ, потомъ въ 1803 г. опредѣленъ учителемъ французской словесности въ институтъ благородныхъ дѣвицъ ордена св. Екатерины и въ 1806 г. въ Петербургскую губернскую гимназію, въ 1811 году переведенъ профессоромъ въ Лицей и въ томъ же году издалъ французскую грамматику съ русскимъ переводомъ.

Многія изъ лицъ, писавшихъ о первоначальныхъ годахъ Царскосельскаго Лицея, придавали особое значеніе тому, что де-Будри былъ родной братъ извѣстнаго дѣятеля великой революціи Марата; новую фамилію онъ избралъ себѣ въ самомъ концѣ XVIII в. Но ничто не доказываетъ, чтобы родство хоть сколько-нибудь повліяло на убѣжденія или поведеніе де-Будри.

Де-Будри умеръ въ 1821 году, и мѣсто его занялъ Иванъ Алексѣевичъ Тилло.

Фридрихъ-Леопольдъ Матвѣевичъ Гауеншильдъ, австрійскій подданный, происходилъ изъ семьи, переселившейся въ Австрію изъ Силезіи. Отецъ его, состоявшій на австрійской службѣ, занималъ мѣсто по камеральному управленію (Cameral-Inspektor) въ Трансильваніи въ Германштадтѣ (Nagyszeben). Сынъ его, будущій профессоръ, первоначальное образованіе получилъ въ Германіи, затѣмъ, повидимому, поступилъ въ Вѣнскій университетъ, такъ какъ въ составѣ корпуса университета принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1797 году, а въ 1805 году приобрѣлъ даже чинъ поручика въ академической гвардіи ¹⁾. Но военная служба, повидимому, не отвлекла его отъ научныхъ занятій.

По даннымъ его формулярнаго списка видно, что онъ представилъ въ Вѣнскую академию художествъ въ 1805 году два сочиненія: «Alba Iulia nebst Bemerkungen über das von Matheus von Hauenschild entdeckte römische Baad» и «Ueber den Gesundbrunnen von Borssek und das Thal von Menadie». Эти работы, очевидно, были представ-

¹⁾ Свѣдѣнія о жизни Гауеншильда, имѣющіяся въ дѣлѣ о службѣ его и формулярномъ списокѣ, хранящихся въ архивѣ Лицея, использованы уже въ книгахъ Селезнева и кн. Голицына. Я привожу нѣсколько новыхъ данныхъ, изъ коихъ наиболѣе цѣнными я обязанъ просвѣщенному содѣйствію Императорскаго посла при Австрійскомъ Дворѣ Николая Николаевича Гирса. Черезъ его посредство я получилъ справку относительно прохожденія Гауеншильдомъ службы въ Австріи и о дальнѣйшей судьбѣ его, послѣ увольненія отъ должности директора Благороднаго пансіона.

лены имъ въ рукописи, такъ какъ экземпляровъ ихъ не имѣется ни въ одной библіотекѣ ни русской, ни иностранной, и не упоминаются онѣ въ библіографіяхъ. Въ 1805 году онъ получилъ отъ этой академіи званіе *officier honoraire*.

Въ Россіи, какъ ниже будетъ показано, Гауеншильдъ особенно покровительствовалъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Поэтому представляется вѣроподобнымъ предположеніе, что Гауеншильдъ познакомился съ Уваровымъ еще въ Вѣнѣ, гдѣ послѣдній съ 1806 по 1809 годъ состоялъ при посольствѣ ¹⁾, и что это знакомство могло повліять на переѣздъ его въ Россію. По свѣдѣніямъ изъ австрійскихъ архивовъ переѣздъ Гауеншильда и дальнѣйшая его карьера въ Россіи объясняются слѣдующимъ образомъ. Въ 1809 году онъ былъ въ Вѣнѣ воспитателемъ въ домѣ австрійскаго генераль-лейтенанта барона Лаудона. Лаудону предстояло отправиться по дѣламъ службы въ Прагу, и онъ поручилъ Гауеншильдъ сопровождать своихъ родственниковъ (мать, сестру и племянницу), возвращавшихся въ Лифляндію, гдѣ находились его помѣстья ²⁾. Для этого путешествія Гауеншильдъ былъ выданъ вѣнской полиціей паспортъ 20 августа 1809 г. Когда же по прибытіи на мѣсто Гауеншильдъ выразилъ намѣреніе вступить въ бракъ съ племянницей генерала Лаудона, то мать дѣвницы изъявила согласіе на этотъ бракъ только подъ условіемъ, чтобы онъ пріобрѣлъ въ Россіи званіе профессора. Тогда Гауеншильдъ обратился за разрѣшеніемъ и содѣйствіемъ къ австрійскому послу въ Петербургѣ, фельдмаршалъ-лейтенанту графу С.-Жуліену, и совѣтнику посольства фонъ Лебцельтерну. Черезъ ихъ посредство онъ, какъ свидѣтельствуя австрій-

¹⁾ С. В. Рождественскій. «Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія», стр. 220.

²⁾ Родъ Лаудоновъ, многіе представители котораго, въ томъ числѣ и извѣстный генераль, сражавшійся въ семилѣтнюю войну съ Фридрихомъ Великимъ, состояли на австрійской службѣ, происходятъ изъ Лифляндіи.

скіе источники, и получилъ мѣсто профессора въ Лицеѣ. Отмѣтимъ, что къ тому времени въ Петербургѣ уже былъ С. С. Уваровъ, назначенный 31 декабря 1810 года на должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, а министромъ народнаго просвѣщенія былъ графъ А. К. Разумовскій, съ которымъ Уваровъ состоялъ въ свойствѣ.

Гауеншильдъ вскорѣ оказался полезнымъ Уварову, такъ какъ перевелъ на нѣмецкій языкъ сочиненіе его *Ideen zu einer asiatischen Akademie* (въ 1811 году)¹⁾. Близко знавшій жизнь Благороднаго пансіона кн. Н. С. Голицына удостовѣряетъ, что объ опредѣленіи Гауеншильда въ Лицей особенно ходатайствовалъ С. С. Уваровъ²⁾. Вѣроятно, и австрійское посольство, которому было извѣстно о близости Лицея ко Двору, приложило всѣ старанія, чтобы въ составъ профессоровъ его ввести своего человѣка.

Уже и въ то время, повидимому, у питомцевъ пансіона, а можно думать, что и у лицейскихъ, мелькала мысль, что Гауеншильдъ не спроста появился изъ Австріи, изъ Вѣны, слѣдовательно, «хотя и въ 1811 году, но едва ли не изъ лона Меттерниха³⁾». Повидимому, уже во время педагогической дѣятельности Гауеншильда были какіе-то почти неуловимые признаки, указывавшіе на связи Гауеншильда съ австрійской дипломатіей, и уже тогда строились предположенія, правдоподобность которыхъ подтверждается позднѣйшими, совершенно опредѣленными свидѣтельствами.

Педагогическая и воспитательная дѣятельность Гауеншильда связана больше съ Благороднымъ пансіономъ, чѣмъ

¹⁾ Цензурное разрѣшеніе помѣчено 20 іюля 1811 года.

²⁾ Благородный пансіонъ, стр. 129. Лицейскій I-го курса Илличевскій въ письмѣ къ своему товарищу по гимназіи Фуссу отъ 10 дек. 1814 года говоритъ: «нѣмецкаго яз. профессоръ у насъ г. фонъ-Гауеншильдъ, человѣкъ съ большими познаніями; попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ Лицеѣ»—Гротъ, 61.

³⁾ Слова кн. Н. С. Голицына, Благородный пансіонъ, стр. 128. Среди лицейскихъ Гауеншильдъ носилъ названіе «австрійца», что видно изъ одной школьной пѣсни, приведенной у Грота на стр. 237.

съ Лицеѣмъ, и подробно описана въ неоднократно упомянутомъ сочиненіи кн. Голицына. Слѣдуетъ только повторить, что успѣшной она не можетъ быть признана. Гауеншильдъ не сумѣлъ расположить къ себѣ своихъ питомцевъ. Противна была имъ наружность его, дававшая ему подобіе вѣнскаго бюргера, «съ губою вверхъ задранной». Съ воспитанниками онъ былъ рѣзокъ, грубъ и несправедливъ, къ тому же оказался плохимъ администраторомъ и запуталъ хозяйственныя дѣла пансіона, во главѣ котораго онъ стоялъ. Столкновенія съ другими, болѣе любимыми, воспитателями и интриги его, свѣдѣнія о которыхъ также доходили до воспитанниковъ, окончательно погубили его репутацію среди послѣднихъ и разстроили постановку учебнаго дѣла въ пансіонѣ.

Однако на основаніи того, что Гауеншильдъ оказался непригоднымъ на случайномъ для него педагогическомъ поприщѣ, еще не слѣдуетъ относиться съ сомнѣніемъ къ сужденію современниковъ его, сохранившихъ память о немъ, какъ о «человѣкѣ образованномъ, ученомъ и дѣятельномъ»¹⁾. Этотъ отзывъ можно подтвердить не только преданіями, но и положительными доказательствами.

Немедленно же по пріѣздѣ въ Россію Гауеншильдъ ревностно началъ изучать русскій языкъ и быстро справился съ этою задачей. Освоившись съ языкомъ, Гауеншильдъ тотчасъ же использовалъ свои знанія, приступивъ къ очень обширной работѣ. Познакомившись съ Карамзинымъ, писавшимъ уже тогда свою «Исторію государства Россійскаго», онъ успѣлъ пріобрѣсти его расположеніе настолько, что Карамзинъ предоставилъ ему возможность прочесть свой трудъ даже еще до выхода его въ свѣтъ. Гауеншильдъ выразилъ желаніе перевести «Исторію» на нѣмецкій языкъ; въ этомъ намѣреніи поддержалъ его и канцлеръ графъ

¹⁾ Слова Селезнева; кн. Голицынъ не склоненъ придавать имъ вѣры, стр. 23.

Румянцевъ, которому Гауеншильдъ разсказалъ свой планъ. Гауеншильдъ въ видѣ опыта перевелъ предисловіе къ «Исторіи» и прочелъ его А. И. Тургеневу и Уварову. Кромѣ того, черезъ кн. А. Н. Голицына, министра народнаго просвѣщенія, онъ выхлопоталъ себѣ значительную по тѣмъ временамъ сумму въ 6000 рублей для пріобрѣтенія сочиненій на иностранныхъ языкахъ, цитируемыхъ въ «Исторіи». Необходимость такой покупки книгъ оправдывалась тѣмъ, что Гауеншильдъ опасался ошибиться въ переводѣ отрывковъ изъ нихъ, приводимыхъ въ «Исторіи» на русскомъ языкѣ, а, будучи вдали отъ библіотекъ, не имѣлъ подъ рукою нужныхъ изданій. Переводъ сдѣланъ со 2-го изданія «Исторіи», причемъ части, еще не напечатанныя, Карамзинъ обѣщалъ предоставить переводчику въ рукописи. Всѣ эти свѣдѣнія изложены въ предисловіи къ переводу перваго тома «Исторіи»¹⁾ и, слѣдовательно, никакому сомнѣнію не подлежатъ,— а изъ нихъ вытекаетъ, что Гауеншильдъ въ теченіе почти десяти лѣтъ встрѣчалъ вниманіе у такихъ образованныхъ людей, ученыхъ и вельможъ, какъ Карамзинъ, Уваровъ, Тургеневъ, кн. Голицынъ, Румянцевъ; не могъ бы въ ихъ обществѣ вращаться съ такимъ успѣхомъ человѣкъ несвѣдущій, недалекій; его бы поняли очень быстро и, понявъ, отвратились бы. Очевидно, Гауеншильдъ обладалъ не только ловкостью и угодливостью, но и болѣе солидными качествами.

Въ 1818 году Гауеншильдъ изготавилъ переводъ другаго произведенія Уварова, напечатанный подъ заглавіемъ: Rede des H. Curators des St. Petersburgischen Lehrbezirkes S. V. Ouvaroff, gehalten in der feierlichen Versammlung des Paedagogischen Central-Instituts den 22 Maerz 1818. St.-Petersburg, 1818. Благодаря этимъ работамъ, у Гауеншильда завязались связи съ Академіей Наукъ, такъ что

¹⁾ Переводъ выишетъ подъ заглавіемъ: Karamsin's Geschichte des russischen Reiches. Riga. 1820.

въ 1818 году академики Кругъ и Френъ предложили конференціи Академіи объ избраніи его членомъ—корреспондентомъ¹⁾. Президентъ Академіи Уваровъ выразилъ согласіе на это избраніе, и при баллотировкѣ 16 декабря 1818 г. Гауеншильдъ получилъ 12 голосовъ изъ 15. Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ о томъ, что у Гауеншильда были, дѣйствительно, серьезныя связи съ тогдашнимъ ученымъ обществомъ; а не могли бы онѣ образоваться, если бы онъ къ этому обществу не подходилъ.

Однако, Гауеншильдъ сумѣлъ проникнуть и въ другіе круги. Объ этомъ можно судить по запискѣ, представленной имъ впослѣдствіи, когда онъ уже окончательно перешелъ на дипломатическую службу (въ 1826 году), своему австрійскому начальству о дѣятельности М. М. Сперанскаго. Записка эта, находящаяся въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ, опубликована В. А. Бильбасовымъ²⁾. Конечно, въ такомъ конфиденціальномъ документѣ Гауеншильдъ, можетъ быть, и преувеличивалъ свое значеніе и приукрасилъ свою роль, но нельзя предполагать, чтобы онъ очень извращалъ факты. Ихъ можно было проверитъ, хотя бы въ основныхъ чертахъ,—а Гауеншильду въ то время болѣе, чѣмъ когда-либо было невыгодно приобрѣтать репутацію человѣка легкомысленнаго или лживаго.

Изъ этой записки явствуетъ, что Гауеншильдъ былъ знакомъ со Сперанскимъ и даже пользовался нѣкоторымъ его довѣріемъ въ эпоху расцвѣта его вліянія, въ 1810 году, проникъ же онъ къ Сперанскому черезъ Новосильцева. Для Сперанскаго онъ составилъ обзоръ нѣмецкой философской литературы и другія работы по комиссіи законовъ. Разсказываетъ онъ въ своей запискѣ и о какомъ-

¹⁾ См. § 246 протокола засѣданія конференціи Академіи Наукъ 18 декабря 1818 г. Одновременно съ Гауеншильдомъ былъ избранъ извѣстный знатокъ греческой словесности Грефе, получившій приблизительно то же количество голосовъ (13 изъ 15).

²⁾ Русская Старина 1902 г., т. 110, стр. 251—262. Происхожденіе этой записки изложено ниже.

то странномъ планѣ Сперанскаго, разработка котораго была ему поручена: а именно сообщаетъ, будто бы съ цѣлью преобразовать русское духовенство Сперанскій предполагалъ основать масонскую ложу и обязать наиболѣе способныхъ изъ духовнаго званія участвовать въ ней. Первымъ мастеромъ ложи долженъ былъ быть Гауеншильдъ, на обязанности котораго должна была лежать цензура трудовъ этихъ духовныхъ братьевъ. Будто бы даже Государю были предложены проекты двухъ указовъ, изъ которыхъ первый касался временнаго закрытія существующихъ ложъ и былъ подписанъ Государемъ, а второй содержалъ предписаніе всѣмъ ложамъ принять ритуалъ, вырабатываемый Сперанскимъ— на этотъ указъ Высочайшаго согласія не послѣдовало. Описываетъ Гауеншильдъ засѣданіе Великой ложи, гдѣ читался этотъ новый ритуалъ, составленный Фесслеромъ и переведенный имъ, Гауеншильдомъ, на французскій языкъ; въ этомъ засѣданіи (въ іюнѣ 1810) участвовали Сперанскій, Розенкампфъ, Пезаровіусъ и Магницкій. Впослѣдствіи, уже послѣ возвращенія изъ ссылки, Сперанскій продолжалъ поддерживать сношенія съ Гауеншильдомъ. Упоминаетъ Гауеншильдъ и о разговорѣ, который онъ имѣлъ 8 іюля 1820 года съ Государемъ, сообщившимъ ему о своемъ рѣшеніи возвратить Сперанскаго изъ ссылки; рассказываетъ о совѣтахъ, полученныхъ имъ отъ Кошелева, относительно того, какъ ему держаться со Сперанскимъ, и много другихъ любопытныхъ подробностей.

Если даже и допустить, что не всѣ факты изложены Гауеншильдомъ вполне точно и что близость его къ различнымъ государственнымъ дѣятелямъ того времени не была столь интимна, какою она можетъ показаться съ его словъ, то все же слѣдуетъ признать, что Гауеншильдъ очень внимательно присматривался къ петербургскимъ кругамъ и имѣлъ вполне отчетливое представленіе о тѣхъ интригахъ и теченіяхъ, которыя сказывались въ его время. И даже болѣе—этотъ иноземецъ, на 24 году своей жизни поселившійся въ Петербургѣ, обнаружилъ необыкновенное

умѣніе находить для себя вѣрный путь среди этихъ интригъ и теченій, умѣлъ сохранять отношенія съ людьми, взаимно враждебно настроенными, и обладалъ какимъ-то талантомъ проникать въ ихъ довѣріе.

Для завѣдыванія административными и хозяйственными дѣлами Лицея учреждено было хозяйственное правленіе изъ директора Лицея и двухъ членовъ: надзирателя по учебной части и надзирателя по части хозяйственной. Первымъ секретаремъ правленія былъ коллежскій ассесоръ Ефимъ Петровичъ Люценко.

Люценко опредѣленъ былъ въ эту должность, вѣроятно, по рекомендаціи тестя В. Ѳ. Малиновскаго, протоіерея Самборскаго, такъ какъ въ 1799 году изъ студентовъ Московскаго университета поступилъ въ Практическую школу земледѣлія¹⁾, первымъ начальникомъ которой былъ Самборскій, и въ 1801 году получилъ должность наставника хлѣбопашества. Съ закрытіемъ школы въ 1803 году Люценко поступилъ въ департаментъ удѣловъ, а затѣмъ 8 августа 1811 года назначенъ былъ секретаремъ лицейскаго хозяйственнаго правленія и пробылъ въ этой должности два года, по 20 августа 1813 года.

На литературное поприще Люценко выступилъ въ 1792 году, и съ тѣхъ поръ помѣстилъ въ разныхъ журналахъ огромное количество стихотворныхъ и прозаическихкихъ пьесъ, оригинальныхъ и переводныхъ съ древнихъ и новыхъ языковъ, не обличавшихъ, впрочемъ, въ авторѣ большихъ талантовъ²⁾. Съ Люценко, случайно связаннымъ съ именемъ Пушкина, мы встрѣтимся еще разъ на страницахъ нашего разсказа.

Съ основанія своего Лицей имѣлъ собственнаго врача. То былъ титулярный совѣтникъ Францъ Осиповичъ Пе-

¹⁾ Для школы было отведено мѣсто между Тярлевой деревней и домомъ Самборскаго и Московской дорогой, близъ Павловска, въ 24-хъ верстахъ отъ Петербурга, имѣніе «Бѣлозерка».

²⁾ См. Б. Модзалевскій. Пушкинъ и Е. П. Люценко. Спб. 1898.

шель, моравскій уроженецъ, вызванный въ Россію въ 1808 году для занятія должности уѣзднаго врача города Софіи. Во все время пребыванія своего на службѣ въ Лицеѣ, по 1842 годъ, Пешель пользовался довѣріемъ и любовію молодыхъ людей. Онъ подолгу велъ оживленныя бесѣды съ окружавшими его воспитанниками и былъ для нихъ вѣстникомъ всѣхъ новостей ¹⁾).

¹⁾ Селезневъ, стр. 164.

IV.

Болѣе года, послѣ обнародованія Постановленія о Лицеѣ, употреблено было на приготовленіе для него помѣщенія. Оно отведено было во флигелѣ большого Царско-сельскаго дворца, передъ тѣмъ занятомъ комнатами великихъ князей, и въ галлерей, посредствомъ которой флигелъ сообщался съ главнымъ корпусомъ дворца. Помѣщеніе было роскошное, и, кромѣ общихъ классныхъ, рекреационныхъ и столовой залъ, для каждаго воспитанника отведены были еще небольшія отдѣльныя расположенныя по обѣ стороны свѣтлаго корридора комнаты для самостоятельныхъ учебныхъ занятій, служившія также и спальнями. Въ томъ же флигелѣ помѣщались гувернеры и нѣкоторые изъ служащихъ лицъ. Директору предоставленъ былъ отдѣльный двухэтажный домъ черезъ улицу.

Во время производства этихъ работъ собирались свѣдѣнія о дѣтяхъ, родители которыхъ ходатайствовали о приѣмѣ ихъ. 1-го августа 1811 года этимъ кандидатамъ произведенъ былъ медицинскій осмотръ, а 9-го экзаменъ; тѣмъ изъ кандидатовъ, которые не успѣли явиться къ этимъ срокамъ, они были перенесены на 18 августа¹⁾. Къ экзамену было допущено 38 юношей, изъ коихъ, по до-

¹⁾ См. объявленія въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1811 г. 11 и 28 іюля и 4-го авг., №№ 55, 60 и 62.

кладу министра, Высочайше утверждены 22-го сентября воспитанниками слѣдующіе тридцать:

Бакунинъ Александръ.	Кюхельбекеръ Вильгельмъ.
Броглио гр. Сильверій.	Ломоносовъ Сергѣй.
Вольховскій Владиміръ.	Малиновскій Иванъ.
Горчаковъ кн. Александръ.	Мартыновъ Аркадій.
Гревеницъ бар. Павелъ.	Масловъ Дмитрій.
Гурьевъ Константинъ.	Матюшкинъ Θεодоръ.
Данзасъ Константинъ.	Мясоѣдовъ Павелъ.
Дельвицъ бар. Антонъ.	Пушкинъ Александръ.
Есаковъ Семень.	Пушинъ Иванъ.
Илличевскій Алексѣй.	Ржевскій Николай.
Комовскій Сергѣй.	Саврасовъ Петръ.
Корниловъ Александръ.	Стевень Θεодоръ.
Корсаковъ Николай.	Тырковъ Александръ.
Корфъ бар. Модестъ.	Юдинъ Павелъ.
Костенскій Константинъ.	Яковлевъ Михаилъ.

Въ проектѣ Лицея, переданномъ Государемъ графу Разумовскому, предположено было составить Лицей изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ *знатныхъ фамилій* ¹⁾. Можно думать, что это условіе вызвано было первоначальною мыслью о воспитаніи въ Лицеѣ великихъ князей. Затѣмъ въ Постановленіи о Лицеѣ 12 августа 1810 года тотъ же параграфъ изложенъ нѣсколько иначе, а именно: въ Лицей принимаются отличнѣйшіе воспитанники *дворянскаго происхожденія*.

Разсматривая ближе приведенный списокъ 30 воспитанниковъ, нельзя не обратить вниманія, что въ числѣ ихъ было нѣсколько юношей изъ старинныхъ существовавшихъ еще въ Московской Руси фамилій (Масловъ, Матюшкинъ, Мясоѣдовъ, Пушкинъ, Ржевскій, Юдинъ) и только пять изъ титулованныхъ фамилій, остальные же

¹⁾ Селезневъ, стр. 4.

принадлежали къ разряду служилыхъ людей, пріобрѣвшихъ дворянство въ порядкѣ служебномъ ¹⁾).

Выборъ воспитанниковъ подчинялся различнаго рода вліяніямъ. Воспитанникъ Гурьевъ былъ крестникъ вел. кн. Константина Павловича; родители барона Гревеница и Кюхельбекера занимали должности при Дворѣ Императрицы-матери. За Данзаса ходатайствовала графиня Софья Владиміровна Строганова, сестра князей Дмитрія и Бориса Владиміровичей Голицыныхъ; за барона Дельвига—главнокомандующій въ Москвѣ графъ Гудовичъ, шуринъ графа Разумовскаго; за Тыркова — министр юстиціи Г. Р. Державинъ; Малиновскій и Мартыновъ были сыновья начальствовавшихъ въ Лицеѣ лицъ.

Къ 13 октября молодежь эта собрана была въ Лицей въ ожиданіи оффиціального его открытія, которое назначено было въ четвергъ 19 октября.

Оффиціальное сообщеніе объ открытіи Лицея помѣщено въ «Сѣверной Почтѣ» № 84; превосходное, живое и картинное описаніе этого событія включено И. И. Пущиннымъ въ воспоминанія о его лицейской жизни и, конечно, извѣстно всѣмъ лицеистамъ.

Описаніе этого торжества можно прочесть еще въ запискахъ Ив. Ив. Мартынова ²⁾), изъ которыхъ, между прочимъ, узнаемъ, что имъ же была написана и рѣчь, которую читалъ на этомъ торжествѣ В. Ѳ. Малиновскій.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь строго оффиціальное описаніе этого торжества, помѣщенное въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ. Описаніе это гласитъ:

Въ четвергъ, въ назначенный день открытія въ Царскомъ Селѣ Императорскаго Лицея, почему того дня

¹⁾ Такъ, Константинъ Дмитріевичъ Костенскій былъ, если не ошибаюсь, сынъ коллежскаго ассессора Костенскаго, служившаго при Царскосельской ассигнаціонной бумажной фабрикѣ. Гречъ. „Записки о моей жизни“. Спб. 1886, стр. 91 и 92.

²⁾ „Памятники новой русской исторіи“, изд. Кашпиревымъ. Спб. 1872, т. II, стр. 173.

въ назначенное время съѣхались въ Царскосельскій дворецъ Государственнаго Совѣта члены, государственное министерство, придворные и прочіе первенствующие чины, кои о томъ были извѣщены отъ министра народнаго просвѣщенія, господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго; также собрались: директоръ Лицея статскій совѣтникъ Малиновскій, съ профессорами, учителями и воспитанниками.

Около половины 12-го часа предъ полуднемъ въ Царское Село прибыть соизволила изъ Гатчины Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею великою княжною ¹⁾ и Его Свѣтлостью герцогомъ администраторомъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ, въ сопровожденіи статсъ-дамы княгини Прозоровской и оберъ-шталмейстера Муханова, а потомъ вскорѣ прибыть же соизволили изъ Санктъ-Петербурга прежде Его Императорское Величество и послѣ Ея Императорское Величество, будучи съ фрейлиною княжною Волконскою, и особо Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ; и по прибытіи соблаговолили проходить во внутренніе чертоги Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Пополудни въ 1-мъ часу Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами и всѣми собравшимися до того знатными чинами и воспитанниками соизволили имѣть выходъ въ царскосельскую придворную церковь къ божественной литургіи, которую совершалъ императорскій духовникъ соборомъ. Его Величество съ Императорскою Фамиліею литургію слушали съ хоръ, съ первѣйшими двора чинами, а прочіе всѣ проходили въ церковь.

¹⁾ Анною Павловною.

По окончаніи литургіи духовникъ съ прочимъ духовенствомъ съ животворящимъ крестомъ и святою водою, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, а съ послѣдованіемъ Его Императорскаго Величества съ Государынями Императрицами, Ихъ Высочествами и всѣмъ собраніемъ, изъ церкви проходили въ назначенное для Лицея зданіе для освященія онаго.

По совершеніи обряда освященія, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ происходило открытіе Лицея, во-первыхъ, прочтеніемъ нѣкоторыхъ статей изъ Высочайше пожалованной на тотъ предметъ грамоты, которую потомъ принялъ отъ господина министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго для оставленія навсегда въ Лицеѣ директоръ господинъ Малиновскій; онъ же произнесъ приличную случаю краткую рѣчь. Послѣ оной конференціи секретарь читалъ списки: 1) ученымъ и гражданскимъ чиновникамъ, поступившимъ въ Лицей, 2) принятымъ воспитанникамъ; и заключено къ сему нравоученіемъ, говореннымъ адъюнктъ-профессоромъ господиномъ Куницынымъ ¹⁾.

Потомъ, когда воспитанники отведены въ классныя камеры за обѣдъ, тогда оной соблаговолили обозрѣть Его Императорское Величество и Императорская Фамилія, будучи съ особами свѣтлѣйшихъ и знатнѣйшихъ чиновъ.

По Высочайшемъ возвращеніи въ покои Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, соизволили Ихъ Величества кушать обѣденное кушанье обще съ Ихъ Высочествами и составляющими свиту обоего пола особами, кои были суть слѣдующія: Ея свѣтлость принцесса Амалія ²⁾, Его свѣтлость герцогъ Ольденбургскій, статсъ-дама княгиня Прозоровская, фрейлина княжна Волконская, оберъ-

¹⁾ Оно напечатано подъ заглавіемъ: «Наставленіе воспитанникамъ, читанное при открытіи Императорскаго Царскосельскаго Лицея въ присутствіи Е. И. В. и Августѣйшей Фамиліи 19 октября 1811».

²⁾ Сестра Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

гофмаршалъ графъ Толстой и оберъ-шталмейстеръ Мухановъ, всего на 11 кувертахъ.

Между тѣмъ, бывшіе во время открытія Лицея Совѣта члены и прочія знатныя персоны угощались фрыштыкомъ, зависящимъ отъ господина министра народнаго просвѣщенія ¹⁾.

Послѣ Императорскаго обѣденнаго стола, будучи Ихъ Величества и Ихъ Высочества во внутреннихъ Государыни Старшей Императрицы покояхъ, взаимно во оныхъ распрощались и соблаговолили изъ Царскаго Села отсутствовать: Ея Величества съ Ея Высочествомъ великою княжною и свитою своею въ Гатчину, а Ихъ Величества Государь Императоръ, Супруга Его и особо Государь Цесаревичъ въ Санктъ-Петербургъ» ²⁾.

Вечеромъ 19 октября зданіе Лицея было иллюминировано. Занятія воспитанниковъ начались 23 октября.

Первые шаги Малиновскаго на новомъ для него поприщѣ директора Лицея не заслужили одобренія министра народнаго просвѣщенія.

Въ торжественный день рожденія Государя 12 декабря 1811 года въ Лицеѣ былъ первый праздникъ, описанный въ «Сѣверной Почтѣ» № 101 отъ 20 декабря ³⁾. Послѣ литургіи и молебствія воспитанникамъ предложено было избрать изъ своей среды отличнѣйшихъ, имена которыхъ, по одобреніи выбора директоромъ, были написаны золотыми буквами на бѣлой доскѣ въ залѣ Лицея. Вечеромъ былъ дѣтскій праздникъ съ иллюминаціей.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, графъ Разумовскій указалъ, что должно возвысить цѣну поощреній и наградъ для воспитанниковъ, уничтожить нынѣ выставленную

¹⁾ По словамъ Мартынова, завтракъ этотъ обошелся графу Разумовскому въ 11.000 рублей.

²⁾ Камеръ-фурьерскій церемоніальный журналъ 1811 года, июль—декабрь. С.-Петербургъ. 1910. Стр. 319—323.

³⁾ См. приложение 1.

доску и впредь въ подобныхъ случаяхъ предварительно представлять на разрѣшеніе министра ¹⁾).

Сверхъ того, съ неудовольствіемъ прочтя въ «Сѣверной Почтѣ», какимъ образомъ празднованъ былъ въ Лицеѣ день рожденія Императора 12 декабря, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ для избѣжанія впредь подобныхъ случаевъ не помѣщать безъ его вѣдома въ вѣдомостяхъ никакихъ статей.

Въ сентябрѣ 1812 года изъ опасенія движенія французскихъ войскъ на Петербургъ предположено было удалить Лицей изъ Царскаго Села и отправить воспитанниковъ въ Або, гдѣ они могли бы продолжать занятія подъ наблюденіемъ профессоровъ тамошняго университета ²⁾. Сопровождать туда воспитанниковъ изъявилъ желаніе тестъ В. Ѳ. Малиновскаго, протоіерей Самборскій ³⁾. Предположеніе это не осуществилось, такъ какъ опасность приближенія французскихъ войскъ миновала.

¹⁾ Журналъ конференціи за 1812 годъ 3 января.

²⁾ См. въ Лицейскомъ Пушкинскомъ Музеѣ письмо гувернера Лицея Ренненкампа графу Разумовскому въ числѣ бумагъ графа, подаренныхъ Лицею княземъ Репнинымъ.

³⁾ См. статьи К. А. Военскаго въ Лицейскомъ журналѣ за 1907/8 годъ, № 1, стр. 74, и въ Русской Старинѣ 1908 г., № 3, стр. 619.

V.

19 марта 1812 г. была составлена первая «табель 1) объ успѣхахъ, 2) прилежаніи и 3) дарованіяхъ воспитанниковъ на основаніи вѣдомостей, поданныхъ профессорами и учителями Лицея .

Табель эта показываетъ, что конференція весьма тщательно отнеслась къ оцѣнкѣ ввѣренныхъ ей питомцевъ.

Въ одной изъ опущенныхъ самимъ Пушкинымъ строфъ его извѣстнаго «19 октября 1825 года» онъ, вспоминая о школьномъ старшинствѣ своихъ товарищей, говоритъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой
Пускай опять Вольховскій сядетъ первой;
Послѣднимъ—я, иль Брогльо, иль Данзасъ.

Этотъ распорядокъ начался съ марта 1812 года, и мѣста, показанныя въ табели, воспитанники I-го курса, за незначительными измѣненіями, сохранили до момента своего выпуска.

Приводимъ буквально самую эту табель ¹⁾.

¹⁾ Она хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской

ТАБЕЛЬ,

составленная изъ поданныхъ вѣдомостей Г.Г. Профессоровъ, Адъюнктовъ и учителей: 1) о успѣхахъ, 2) о прилежаніи, 3) о дарованіяхъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея, какіе оказали они въ теченіи полугода съ 23 октября 1811 по 19 марта 1812 года.

Въ Законѣ Божіемъ вообще всѣ были внимательны. [1]. Вольховскій. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Чрезвычайные успѣхи. 2) Примѣрнаго прилежанія. 3) Способности отличны и въ высшей степени.

Во франц. яз. 1) Скоро сравнивается съ самыми первыми. 2) Исполненъ ревности и прилежанія. 3) Весьма внимателенъ и разсудителенъ.

Въ нем. яз. 1) Чрезвычайные успѣхи. 2) Примѣрнаго прилежанія. 3) Рѣдкихъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Въ ариѳмет. 1) Превосходные успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Отмѣнно хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Прекрасные успѣхи. 2) Отличнаго прилежанія. 3) Весьма хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Успѣхи медленны. 2) Весьма прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

[2]. Горчаковъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Чрезвычайные успѣхи. 2) Чрезмѣрно прилеженъ. 3) Быстрой понятливости.

Публичной Библіотеки, собраніе автографовъ. Мы печатаемъ текстъ таблицы съ современнымъ намъ правописаніемъ, въ подлинникѣ вездѣ написано: «прилѣжаніе», «мѣдленный», «щастливый». Кромѣ того, въ прямыхъ скобкахъ мы указываемъ номера, подъ какими воспитанники послѣдовательно помѣщены въ таблицы.

Во франц. яз. 1) По успѣхамъ и по знанію первый въ классѣ. 2) Неутомимъ. 3) Отличныхъ дарованій.

Во нѣм. яз. 1) Быстрые успѣхи. 2) Отличнаго прилежанія. 3) Превосходныхъ дарованій.

Во логикѣ. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Во ариѳмет. 1) Превосходные успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Во геогр. и истор. 1) Прекрасные успѣхи. 2) Прилежанія примѣрнаго. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Во рисованіи. 1) Успѣхи по болѣзни его весьма малы. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

Во чистописаніи. 1) Успѣхи малы по причинѣ болѣзни. 2) Весьма прилеженъ. 3) Очень способенъ.

[3]. Илличевскій. *Во росс. и лат. яз.* 1) Отличными успѣхами не уступаетъ первымъ въ классѣ. 2) Отличнаго прилежанія. 3) Счастливыхъ дарованій.

Во франц. яз. 1) Изъ первыхъ въ классѣ. 2) Довольно прилеженъ. 3) Очень способенъ.

Во нѣм. яз. 1) Изрядные успѣхи. 2) Довольно прилеженъ, но развлеченъ. 3) Много дарованія.

Во логикѣ. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Во ариѳмет. 1) Весьма хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Во геогр. и истор. 1) Прекрасные успѣхи. 2) Очень прилеженъ и внимателенъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Во рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

Во чистописаніи. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Посредственнаго прилежанія. 3) Очень способенъ.

[4]. Пущинъ. *Во росс. и лат. яз.* 1) Превосходные успѣхи, и болѣе тверды, нежели блистательны. 2) Рѣдкаго прилежанія. 3) Счастливыхъ дарованій.

Во франц. яз. 1) Весьма отличные успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Очень понятенъ и способенъ.

Въ нѣм. яз. 1) Великіе и надежныя успѣхи. 2) Примѣрнаго прилежанія. 3) Отмѣнныхъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Понятенъ.

Въ аримет. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Прекрасныя успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Успѣхи довольно хороши. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[5]. Есаковъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Особенно прилеженъ и усерденъ. 3) Одаренъ и памятью и понятливостью.

Во франц. яз. 1) Успѣхи много обѣщаютъ. 2) Весьма прилеженъ. 3) Весьма способенъ и понятенъ.

Въ нѣм. яз. Хорошіе успѣхи. 2) Весьма хорошій и прилежный ученикъ. 3) Отмѣнныхъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Въ аримет. 1) Весьма хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Отмѣнно хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Очень способенъ.

[6]. Малиновскій. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Скоро сравняется съ первыми. 2) Рѣдкаго прилежанія. 3) Счастливыхъ дарованій.

Во франц. яз. 1) Успѣхи обѣщаютъ, что онъ всегда будетъ между отличнѣйшими. 2) Всегда прилеженъ и исправенъ. 3) Весьма разсудителенъ.

Въ нѣм. яз. 1) Много успѣховъ. 2) Много ревности къ ученію. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Понятенъ.

Въ ариѳмет. 1) Весьма хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ и внимателенъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Медленные успѣхи. 2) Довольно прилеженъ. 3) Способенъ.

[7]. Корфъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Сравнивается съ первыми. 2) Постояннаго прилежанія. 3) Счастливыхъ дарованій.

Во франц. яз. 1) Успѣхи общаются, что онъ всегда будетъ между первыми. 2) Очень прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Въ нѣм. яз. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Примѣрнаго и постояннаго прилежанія. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Понятенъ.

Въ ариѳмет. 1) Весьма хорошіе успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Прекрасные успѣхи. 2) Очень прилеженъ и внимателенъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

[8]. Гревеницъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Отмѣннаго прилежанія. 3) Счастливыхъ дарованій.

Во франц. яз. 1) Ощутительные успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Изрядныхъ дарованій.

Въ нѣм. яз. 1) Успѣхи весьма примѣтны. 2) Всегда отмѣнно прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Внимателенъ.

Въ арифмет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. Посредственные успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Отлично способенъ.

[9]. Масловъ. *Въ русс. и лат. яз.* 1) Успѣхи отлично хороши и надежны совершенно. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Рѣдкихъ способностей при здоровомъ размышленіи.

Во франц. яз. 1) Хорошіе успѣхи, кромѣ произношенія. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ нѣм. яз. 1) Много успѣховъ. 2) Очень прилеженъ. 3) Изрядныхъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Въ арифмет. 1) Превосходные успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Прекрасные успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[10]. Ломоносовъ. *Въ русс. и лат. яз.* 1) Успѣхи тверды и очень значущи. 2) Прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

Во франц. яз. 1) Есть успѣхи. Считается между первыми. 2) Прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

Въ нѣм. яз. 1) Посредственные успѣхи по новостн языка. 2) Старателенъ. 3) Способенъ.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Понятень.

Въ ариѳмет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Прекрасные успѣхи. 2) Весьма прилежень. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Посредственныя успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

Въ чистописаніи. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

[11]. Кюхельбекеръ. *Въ русс. и лат. яз.* 1) Отлично успѣваетъ. 2) Прилежень. 3) Довольно способень.

Во франц. яз. 1) Успѣхи очень хороши и произношеніе поправляется. 2) Очень прилежень. 3) Весьма способень.

Въ нѣм. яз. 1) Большіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Внимателень.

Въ ариѳмет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Порядочные успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Способень.

Въ чистописаніи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

[12]. Комовскій. *Въ русс. и лат. яз.* 1) Успѣхи очень надежны и тверды. 2) Похвальнаго прилежанія. 3) Очень способень.

Во франц. яз. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Довольно быстрого понятія.

Въ нѣм. яз. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Всегда прилежень и исправень. 3) Способень.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Понятень.

Въ арифмет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Весьма хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ и внимателенъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[13]. Яковлевъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Успѣхи очень хороши. 2) Отличнаго прилежанія. 3) Быстрыхъ дарованій.

Во франц. яз. 1) Успѣхи [очень изрядны. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

Въ нем. яз. 1) Изрядные успѣхи. 2) Всегда прилеженъ и внимателенъ. 3) Способенъ.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Внимателенъ.

Въ арифмет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Весьма способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[14]. Бакунинъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Успѣхи, особенно въ латинскомъ, блистательны. 2) Посредственнаго прилежанія. 3) Способенъ.

Во франц. яз. 1) Говоритъ свободно и знакомится съ правилами языка, коихъ прежде не имѣлъ. 2) Довольно прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Въ нем. яз. 1) Успѣхи были бы весьма значущи, если-бы не торопился. 2) Довольно прилеженъ. 3) Изрядныхъ дарованій.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Понятенъ.

Въ ариомет. 1) Не худые успѣхи. 2) Средственнаго прилежанія. 3) Не худыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Довольно прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[15]. Саврасовъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Хорошіе успѣхи. 2) Довольно прилеженъ. 3) Способности еще неизвѣстны.

Во франц. яз. 1) Успѣхи весьма примѣтны. 2) Весьма прилеженъ. 3) Изрядныхъ дарованій.

Въ нѣм. яз. 1) Много успѣховъ. 2) Трудолюбивъ. 3) Способенъ.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Очень внимателенъ.

Въ ариомет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ и внимателенъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Весьма прилеженъ. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[16]. Юдинъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Успѣхи больше тверды, нежели блистательны. 2) Очень прилеженъ. 3) Твердыхъ и надежныхъ способностей.

Во франц. яз. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилеженъ, но отстаетъ по тихому своему нраву. 3) Изрядныхъ дарованій.

Въ нѣм. яз. 1) Медленные, но основательные успѣхи. 2) Много кротости и прилежанія. 3) Изрядныхъ дарованій.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Отмѣнно прилеженъ. 3) Внимателенъ.

Въ ариѳмет. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Слабыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень и внимателень. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Способень.

Въ чистописаніи. 1) Изрядные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

[17]. Пушкинъ. *Въ русс. и лат. яз.* 1) Успѣхи въ латинскомъ хороши; въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны. 2) Слабаго прилежанія. 3) Одарень понятливостію и вкусомъ.

Во франц. яз. 1) Считается между первыми во французскомъ классѣ. 2) Весьма прилежень. 3) Одарень понятливостію и проицаніемъ.

Въ нѣм. яз. 1) Мало успѣховъ. 2) Не прилежень. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Не прилежень. 3) Весьма понятень.

Въ ариѳмет. 1) Посредственные успѣхи. 2) Лѣнивъ. 3) Не плохихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Довольно прилежень. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилежень, но нетерпѣливъ. 3) Очень способень.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

[18]. Стевенъ. *Въ русс. и лат. яз.* 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

Во франц. яз. 1) Не смотря на продолжительную болѣзнь, успѣхи изрядны. 2) Прилежень. 3) Понятень.

Въ нѣм. яз. 1) Изрядные успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Изрядныхъ дарованій. Остраго ума.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Внимателень.

Въ арифмет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Малые успѣхи по причинѣ болѣзни. 2) Прилеженъ. 3) Очень способенъ.

[19]. Матюшкинъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Въ латинскомъ успѣхи очень хороши; въ русскомъ изрядны. 2) Прилеженъ. 3) Счастливыхъ дарованій.

Во франц. яз. 1) Примѣтные успѣхи, но отсталъ отъ первыхъ. 2) Прилеженъ. 3) Понятенъ.

Въ нем. яз. 1) Нѣтъ успѣховъ. 2) Мало прилежанія. 3) Не безъ дарованій.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Внимателенъ.

Въ арифмет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Очень прилеженъ, но торопливъ. 3) Способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[20]. Корниловъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Хорошіе успѣхи. 2) Посредственного прилежанія. 3) Способности только-что развиваются.

Во франц. яз. 1) Изрядные успѣхи. 2) Прилеженъ. 2) Способенъ.

Въ нем. яз. 1) Изрядные успѣхи. 2) Не очень прилеженъ, потому что развлеченъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Внимателенъ.

Въ арифмет. 1) Не худые успѣхи. 2) Не прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Весьма прилежень. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Посредственного прилежанія. 3) Способенъ.

[21]. Мартыновъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Успѣхи очень хороши. 2) Прилежаніе требуетъ побужденій. 3) Счастливыхъ дарованій.

Во франц. яз. 1) Медленные успѣхи и очень мало говоритъ по французски. 2) Мало прилежанія. 3) Очень понятенъ.

Въ нѣм. яз. 1) Много успѣховъ. 2) Любитъ нѣмецкій языкъ и весьма рачителенъ. 3) Изрядныхъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Не очень прилежень. 3) Понятенъ.

Въ ариомет. 1) Не худые успѣхи. 2) Средственного прилежанія. 3) Не худыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилежень и внимателенъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способенъ.

[22]. Гурьевъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Слабые успѣхи. 2) Прилежаніе принужденное. 3) Способности еще не развились.

Во франц. яз. 1) Посредственные успѣхи. 2) Разсѣянъ. 3) Довольно понятливости.

Въ нѣм. яз. 1) Успѣхи посредственные. 2) Прилежаніе поправляется. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Не худые успѣхи. 2) Не очень прилежень. 3) Понятенъ.

Въ ариомет. 1) Посредственные успѣхи. 2) Не прилежень. 3) Не плохихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Довольно прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[23]. Костенскій. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Успѣхи достаточны. 2) Особо похвальнаго прилежанія. 3) Не слишкомъ счастливъ памятью.

Во франц. яз. 1) Весьма мало успѣлъ. 2) Прилеженъ. 3) Мало способности.

Въ нѣм. яз. 1) Мало успѣховъ. 2) Мало прилежанія. 3) Весьма слабыхъ дарованій.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Внимателенъ.

Въ ариѳмет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Очень прилеженъ. 3) Способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ.

[24]. Мясоѣдовъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Изрядные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Не столь счастливъ способностями.

Во франц. яз. 1) Считается между послѣдними. 2) Нерачителенъ. 3) Очень плохихъ способностей.

Въ нѣм. яз. 1) Очень мало успѣховъ. 2) Довольно прилеженъ. 3) Слабыхъ дарованій.

Въ логику. 1) Не худые успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Слабаго понятія.

Въ ариѳмет. 1) Мало успѣховъ. 2) Старателенъ. 3) Весьма слабыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Прилеженъ и внимателенъ. 3) Посредственныхъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Весьма медленные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

Въ чистописаніи. 1) Небольшіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

[25]. Корсаковъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Успѣхи довольно хороши. 2) Вниманія и постоянного прилежанія нѣтъ. 3) Счастливъ памятью и понятливъ.

Во франц. яз. 1) Слабые успѣхи. 2) Не старателень и разсѣянъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ нѣм. яз. 1) Мало успѣховъ. 2) Мало прилежанія и мало вниманія. 3) Много разсудка и памяти.

Въ логику. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Не прилежень. 3) Весьма понятень.

Въ ариомет. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Мало прилежень. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Изрядныя способности.

Въ чистописаніи. 1) Слабые успѣхи. 2) Слабаго прилежанія. 3) Способень.

[26]. Ржевскій. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Изрядные успѣхи. 2) Прилежаніе зависитъ отъ надзора. 3) Способности только-что выходятъ изъ дѣтства.

Во франц. яз. 1) Нѣтъ успѣховъ. 2) По малолѣтству разсѣянъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ нѣм. яз. 1) Не примѣтно успѣховъ. 2) Не очень прилежень и разсѣянъ. 3) Дарованія примѣчаются.

Въ логику. 1) Не худые успѣхи. 2) Не очень прилежень. 3) Внимателень.

Въ ариомет. 1) Не худые успѣхи. 2) Средняго прилежанія. 3) Не худыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Довольно прилежень. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Большіе успѣхи. 2) Весьма прилежень. 3) Очень способень.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

[27]. *Тырковъ. Въ рос. и лат. яз.* 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Слабыхъ способностей.

Во франц. яз. 1) Очень слабые успѣхи. 2) Никогда не зналъ урока. 3) Способностей не показываетъ и мало говоритъ.

Въ нѣм. яз. 1) Мало успѣховъ. 2) Мало прилежанія. 3) Мало способностей.

Въ логикѣ. 1) Нехудые успѣхи. 2) Не прилежень. 3) Слабаго понятія.

Въ ариѳмет. 1) Посредственные успѣхи. 2) Не прилежень. 3) Слабыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Посредственныхъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

Въ чистописаніи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способень.

[28]. *Брогліо. Въ рос. и лат. яз.* 1) Успѣховъ ожидать развѣ со временемъ. 2) Прилежаніе нерѣдко остается тщетнымъ. 3) Слабой понятливости.

Во франц. яз. 1) Ни малѣйшаго успѣха. 2) Не прилежень. 3) Слабой понятливости.

Въ нѣм. яз. 1) Почти вовсе нѣтъ успѣховъ. 2) Не прилежень. 3) Ни способности, ни памяти.

Въ логикѣ. 1) Средственные успѣхи. 2) Не прилежень. 3) Весьма слабаго понятія.

Въ ариѳмет. 1) Никакихъ успѣховъ. 2) Лѣнивъ. 3) Слабыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Слабые успѣхи. 2) Малаго прилежанія. 3) Посредственныхъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Малыя способности.

Въ чистописаніи. 1) Весьма малые успѣхи. 2) Довольно прилежень. 3) Мало способень.

[29]. Дельвигъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Въ знаніи обоихъ языковъ слабъ передъ другими. 2) Посредственнаго прилежанія. 3) Имѣетъ слабую память.

Во франц. яз. 1) Вовсе нѣтъ успѣховъ и почти ничего не знаетъ по французски. 2) Прилежень. 3) Весьма слабыхъ способностей.

Въ нѣм. яз. 1) Успѣхи весьма медленны. 2) Довольно прилежень. 3) Слабыхъ дарованій.

Въ логику. 1) Средственные успѣхи. 2) Не прилежень. 3) Весьма слабого понятія.

Въ ариѳмет. 1) Очень мало успѣховъ. 2) Очень лѣнивъ. 3) Слабыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Довольно хорошіе успѣхи. 2) Прилежень. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Очень прилежень. 3) Способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилежень. 3) Способенъ.

[30]. Данзасъ. *Въ росс. и лат. яз.* 1) Успѣхи малы и слабы. 2) Прилежаніе зависитъ отъ принужденія. 3) Кажется, мало имѣетъ способностей.

Во франц. яз. 1) Въ успѣхахъ послѣдній. 2) Лѣнивъ. 3) Нельзя сказать, что не имѣетъ дарованій.

Въ нѣм. яз. 1) Успѣховъ очень мало. 2) Лѣнивъ. 3) Способности весьма ограничены.

Въ логику. 1) Средственные успѣхи. 2) Лѣнивъ. 3) Непонятенъ.

Въ ариѳмет. 1) Вовсе никакихъ успѣховъ. 2) Весьма лѣнивъ. 3) Очень слабыхъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Слабые успѣхи. 2) Малаго прилежанія. 3) Слабыхъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Очень прилежень, но не разсмотрителенъ. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Нерадивъ. 3) Способенъ.

Поступившіе въ Лицей 30 воспитанниковъ различествовали между собою какъ возрастомъ ¹⁾, такъ и степенью подготовленности къ продолженію своего ученія по лицейскимъ программамъ. Семеро изъ нихъ—Вольховскій, Данзасъ, Ломоносовъ, Масловъ, Матюшкинъ, Ржевскій и Яковлевъ—перешли въ Лицей изъ московскаго благороднаго университетскаго пансіона, пользовавшагося репутаціею прекраснаго учебнаго заведенія, Илличевскій воспитывался въ Петербургской гимназій, Кюхельбекеръ въ уѣздномъ училищѣ гор. Верро, остальные же получили первоначальное образованіе или въ частныхъ пансіонахъ, или дома.

Изъ представленныхъ въ силу § 85 Постановленія о Лицеѣ отчетныхъ записокъ преподавателей за время съ 15 марта по 15 октября 1812 года видно, что ученики дѣлились на четыре разряда по степени подготовленности и прилежанію ²⁾.

Въ декабрѣ 1812 года произведено было частное полугодичное испытаніе воспитанниковъ, послѣ котораго конференція нашла, что успѣхи воспитанниковъ во всѣхъ предметахъ, кои доселѣ имъ были преподаваемы, вообще очень хороши и подають весьма выгодное мнѣніе о ихъ способностяхъ и прилежаніи; что особенно отличаются рѣдкими способностями и превосходными успѣхами во всѣхъ частяхъ князь Горчаковъ, Вольховскій, Масловъ и Есаковъ; сверхъ сего, многіе отлично успѣваютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ порознь. Съ другой стороны, равномерно замѣчены, по слабости успѣховъ и недостатку способностей, графъ Брогліо и Данзасъ. Графъ Разумовскій, получивъ объ этомъ донесеніе, счелъ однако неприличнымъ послѣ частныхъ испытаній опредѣлять воспитанникамъ положен-

¹⁾ При поступленіи въ Лицей барону Корфу было 11 лѣтъ, Малиновскому 16 лѣтъ.

²⁾ Онѣ хранятся въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ въ числѣ бумагъ графа А. К. Разумовскаго, подаренныхъ княземъ Репнинымъ.

ныя въ Постановленіи Лицея награды, которыя имѣютъ быть раздаваемы послѣ публичныхъ экзаменовъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ мартѣ 1813 года послѣдовало распоряженіе попечителя о распредѣленіи въ классахъ мѣстъ такъ, чтобы отличившіеся занимали высшія мѣста, а желающіе оныя оспаривать у нихъ всегда бы имѣли на то право.

Конференція, принявъ это распоряженіе къ исполненію, съ тѣмъ вмѣстѣ постановила, чтобы воспитанники, такъ какъ есть особый надзиратель, которому ввѣрено ихъ поведеніе, размѣщены были имъ по достоинству въ столовой залѣ.

Этотъ послѣдній распорядокъ вызвалъ слѣдующее двустипіе:

Блаженъ мужъ, иже

Сидитъ къ кашѣ ближе.

Наконецъ, въ томъ же 1813 году въ сентябрѣ первый курсъ лишился одного изъ своихъ товарищей. Воспитанникъ Константинъ Гурьевъ за порочное поведеніе былъ предназначенъ къ исключенію изъ Лицея, и только по усиленной просьбѣ его матери разрѣшено было «возвратить его родителямъ».

VI.

При первомъ же приѣмѣ воспитанниковъ въ Лицей обнаружилось неудобство, заключавшееся въ неравенствѣ познаній учениковъ, принятыхъ въ одинъ и тотъ же классъ. Для устраненія этого неудобства графъ Разумовскій нашелъ необходимымъ требовать отъ поступающихъ въ Лицей извѣстной степени познаній.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признано было желательнымъ облегчить способы пріобрѣтенія такихъ познаній; въ связи съ этимъ возникла мысль объ учрежденіи особаго приготовительнаго учебнаго заведенія, которое постоянно снабжало бы Лицей отличнѣйшими воспитанниками. Кромѣ того, при этомъ имѣлась въ виду еще и другая цѣль — доставить русскому дворянству новое средство воспитанія и образованія дѣтей.

Эта мысль графа разрабатывалась въ 1-ой половинѣ 1812 года, а въ іюлѣ этого года онъ представилъ уже Государю докладъ объ учрежденіи пансіона и испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на покупку въ Софіи двухъ домовъ для его помѣщенія. Покупка этихъ домовъ состоялась однако только въ 1813 году, и 31 декабря этого года опубликовано ¹⁾ было Высочайше утвержденное въ

¹⁾ Полн. Собр. Законовъ, т. XXXII, № 25509.

іюлѣ 1812 года постановленіе о Благородномъ пансіонѣ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, напечатанное тогда же и на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾).

Въ силу этого Положенія, воспитательною частью пансіона располагаетъ правленіе Лицея, а объ учебной части имѣетъ попеченіе конференція его. Ближайшій надзоръ за внутреннимъ устройствомъ пансіона ввѣряется одному изъ профессоровъ Лицея, носящему званіе директора пансіона. Директоръ избирается преимущественно изъ природныхъ россіянъ или, по крайней мѣрѣ, изъ подданныхъ россійскихъ. По части воспитанія пансіонъ имѣетъ нужное число комнатныхъ и хозяйственныхъ надзирателей или гувернеровъ, а по части учебной—профессоровъ и учителей изъ Лицея, не достающее же число ихъ принимаетъ со стороны. Въ пансіонѣ предполагалось воспитывать 150 дѣтей. На содержаніе воспитанниковъ, дома и всего хозяйства пансіона и на жалованіе учителей и служащихъ назначаются деньги, вносимыя за воспитанниковъ. За воспитаніе и ученіе вносится по 1.000 рублей въ годъ и, сверхъ того, при вступленіи 300 рублей. Для полного образованія въ пансіонѣ назначается 9 лѣтъ.

Воспитанники раздѣляются на три возраста: младшій, средній и старшій. Приѣмъ воспитанниковъ производится передъ началомъ каждаго учебнаго года, т. е., до 1-го августа. Знаній отъ поступающихъ при приѣмѣ не требуется, потому что ученіе въ пансіонѣ начинается съ самыхъ первыхъ основаній; впрочемъ, полагалось не считать препятствіемъ къ приѣму, если дитя будетъ умѣть читать и писать по русски или на другомъ какомъ языкѣ. Воспитанники не отпускались во всѣ 9 лѣтъ курса къ родителямъ или родственникамъ ихъ, которымъ предоставлялось посѣщать ихъ по праздничнымъ днямъ.

Учебный планъ и предметы, преподаваемые въ пансіонѣ, мало чѣмъ разнились отъ преподаваемыхъ въ Лицеѣ,

¹⁾ По нѣмецки оно озаглавлено *Reglement für die adeliche Pension in Zarskoe-Selo* (s. l., s. a.) 8°.

и, что особенно важно, по всѣмъ тремъ частямъ—воспитательной, учебной и хозяйственной—пансіонъ поставленъ въ соотношеніе съ Лицеємъ и зависимость отъ его правленія и конференціи, а черезъ посредство ихъ—и отъ министра народнаго просвѣщенія.

Эта двойственность въ управленіи пансіономъ, имѣвшимъ отдѣльнаго директора, привела, какъ увидимъ ниже, къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ. Мѣста директора пансіона просилъ у графа старшій изъ профессоровъ Лицея Н. Θ. Кошанскій, но графъ избралъ на эту должность профессора Гауеншильда. Можетъ быть, графъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что Гауеншильдъ еще раньше устроилъ въ Царскомъ Селѣ свой собственный приготовительный для Лицея пансіонъ, или, что еще вѣроятнѣе, за Гауеншильда ходатайствовалъ зять графа Разумовскаго, С. С. Уваровъ.

Въ декабрѣ 1813 года былъ произведенъ медицинскій осмотръ поступающихъ въ пансіонъ юношей, и приняты въ первый возрастъ 15, а во второй 18 человѣкъ; черезъ нѣсколько времени приняты въ первый возрастъ еще 18 человѣкъ, а во второй—21.

27-го января 1814 года Благородный пансіонъ былъ открытъ директоромъ Лицея, и только съ этого времени профессоръ Гауеншильдъ началъ преподаваніе на русскомъ языкѣ.

Открытіе Благороднаго пансіона было послѣднимъ важнымъ дѣломъ директора Лицея Василія Ѳедоровича Малиновскаго. Послѣ непродолжительной болѣзни онъ скончался 24 марта 1814 года. Погребенъ онъ былъ на Охтенскомъ кладбищѣ въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія, чиновъ Лицея и 5 воспитанниковъ онаго.

Изъ дѣтей Малиновскаго двое сыновей были воспитанниками Лицея: Иванъ I-го и Андрей III-го курсовъ, дочь Анна была въ замужествѣ за офицеромъ Финляндскаго полка (декабристомъ) барономъ А. Е. Розеномъ, Марія—за В. Д. Вольховскимъ. Внукъ его Антонъ Ива-

новичъ Малиновскій былъ воспитанникомъ Александровскаго Лицея ХХІ курса. Скончался онъ въ 1904 году ¹⁾.

Составитель настоящей книги провелъ въ Лицеѣ шесть лѣтъ (1850—1856) вмѣстѣ съ Антономъ Ивановичемъ и нынѣ наклонѣ лѣтъ еще живо помнитъ свѣтлую гуманную личность одного изъ лучшихъ своихъ товарищей.

¹⁾ Сочувственный некрологъ его, писанный П. И. Бартеневымъ, помѣщенъ въ Русскомъ Архивѣ 1904 г., кн. 5, стр. 168.

VII.

Уже по кончинѣ Малиновскаго Высочайше опредѣлены были 1 сентября 1814 года служебныя права воспитанниковъ пансіона и служебнаго его персонала ¹⁾; 16 декабря 1816 года опредѣлены права преподавателей и служащихъ пансіона и права воспитанниковъ по окончаніи ими курса ²⁾, а 30 декабря того же 1816 года опредѣлены соотвѣтственно сему послѣднему постановленію права учителей наукъ и надзирателей самого Лицея ³⁾.

Смерть В. Θ. Малиновскаго имѣла послѣдствіемъ много неурядицъ въ управленіи Лицеемъ. Императоръ Александръ находился въ то время въ Парижѣ, который 17-го марта капитулировалъ предъ побѣдною русскою арміею. Понятно, что министръ народнаго просвѣщенія не счелъ удобнымъ спѣшно представлять Государю кандидатовъ на должность директора Лицея и принялъ временныя мѣры къ организаціи управленія Лицея. Временные начальники, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга въ теченіе 2-хъ лѣтъ (1814—1816), ослабили значеніе власти и принизили ее въ глазахъ воспитанниковъ. 27-го марта 1814 года министръ предложилъ: 1) должность директора исправлять Кошанскому и имѣть ему предсѣдательство въ конферен-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXII, № 25685.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXIII, № 26562.

³⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXIII, № 26584.

цій и хозяйственномъ правленіи; 2) въ правленіи, кромѣ Кошанскаго и инспектора ¹⁾ Фролова, засѣдать адъюнктъ-профессору Куницыну; 3) держаться непремѣнно предписанныхъ правилъ и прежняго порядка какъ относительно засѣданій конференціи и правленія, такъ и прочихъ установленій и распоряженій.

Но едва лишь Кошанскій вступилъ въ отправленіе должности директора, какъ въ маѣ 1814 года его постигла тяжкая болѣзнь. Тогда министромъ было предписано: 1) въ продолженіе болѣзни профессора Кошанскаго всѣ представляемыя ему бумаги отъ конференціи и хозяйственнаго правленія, подписывать всѣмъ членамъ, налицо находящимся; 2) должность конференцъ-секретаря поручить адъюнктъ-профессору Кайданову и, наконецъ, 3) учебные часы проф. Кошанскаго раздѣлить между другими наставниками. Такъ какъ болѣзнь Кошанскаго затянулась, то въ концѣ мая рѣшено было опредѣлить адъюнктъ-профессора Галича на время въ Лицей и Благородный пансіонъ для преподаванія російской и латинской словесности.

Въ концѣ сентября этотъ распорядокъ былъ измѣненъ; министръ поручилъ управленіе Лицеємъ профессору Гауеншильдѣ на томъ же основаніи, какъ оно было возложено на Кошанскаго.

При такомъ порядкѣ управленія Лицеємъ настало время перваго перевода воспитанниковъ изъ младшаго возраста въ старшій; предстояло произвести публичныя испытанія, которыя и назначены были на 8 января 1815 года.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ испытаніяхъ, на которыхъ впервые публично проявился гений Пушкина, мы находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о лите-

¹⁾ Надзиратель по учебной и нравственной части Фроловъ названъ здѣсь инспекторомъ, хотя должность надзирателя переименована въ инспектора только въ 1816 году. Селезневъ, стр. 42. 156.

ратурныхъ занятіяхъ воспитанниковъ I курса, хотя подробнѣе это будетъ изложено въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Изъ писемъ лицейскаго I курса Илличевскаго къ одному изъ своихъ гимназическихъ товарищей мы приведемъ выдержки, въ которыхъ онъ говоритъ объ этихъ занятіяхъ.

25 марта 1812 года: «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи познаній и вкуса, и, читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки. Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять, но мы съ нимъ пишемъ украдкою».

26 апрѣля того же года: «Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять, и мы начали періоды; вслѣдствіе чего посылаю тебѣ двѣ мои басни».

27 іюля 1814 года: «Посылаю тебѣ мою «Оду на взятіе Парижа».

5 октября 1814 года: «Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки; *il s'en faut de beaucoup!*), а страсть къ стихамъ...»

10 декабря 1814 года: «Мы ожидаемъ экзамена, которому давно уже слѣдовало быть и послѣ котораго мы перейдемъ въ окончательный курсъ, то-есть, останемся въ Лицеѣ еще на три года... утѣшительныя мысли»¹⁾.

Такимъ образомъ, съ самаго поступленія въ Лицей нѣкоторые изъ воспитанниковъ упражнялись въ стихотворствѣ, а съ 1814 года начали печатать свои произведенія.

Къ переводнымъ экзаменамъ приглашены были любители просвѣщенія и въ числѣ ихъ Г. Р. Державинъ, ко-

¹⁾ Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899, стр. 55 и сл.

торый и пріѣхалъ на экзаменъ російской словесности. Вотъ, что рассказываетъ объ этомъ Пушкинъ: «Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобы дожидаться его и поцѣловать ему руку, руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: «гдѣ, братецъ, здѣсь н. . . . къ?». Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это рассказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подперши голову рукою; лицо его было безмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилося съ упонительнымъ восторгомъ.... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе, не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли».

По окончаніи публичныхъ экзаменовъ и послѣ перевода воспитанниковъ младшаго возраста въ старшій, на освободившіяся ваканціи были приняты въ Лицеѣ, изъ Благороднаго пансіона слѣдующіе двадцать одинъ воспитанникъ:

Дубенскій Павелъ.	Микулинъ Илларіонъ.
Угримовъ Александръ.	Чарнышъ Михаилъ.
Загрязскій Василій.	Безакъ Константинъ.
Яхонтовъ Петръ.	Ивановскій Петръ.
Князь Эристовъ Димитрій.	Познякъ Иванъ.
Подлиневъ Сергѣй.	Гигѣичъ Алексѣй.
Васильчиковъ Александръ.	Ханыковъ Николай.
Молчановъ Николай.	Савичъ Николай.
Орлай Михаилъ.	Брусловъ Николай.
Харламовъ Михаилъ.	Лангеръ Валеріанъ.
Пальчиковъ Владиміръ.	

Принято было 21 человекъ, дабы съ присоединеніемъ ихъ къ 29 лиценстамъ старшаго возраста составилъ полный комплектъ воспитанниковъ въ числѣ 50.

Въ концѣ января 1816 года, по необходимости надобности имѣть непрерывный надзоръ надъ благороднымъ пансіономъ, министръ, уволивъ директора онаго проф. Гауеншильда отъ исправленія должности директора Лицея, предложилъ, чтобы до опредѣленія въ оный директора исправлялъ должность его надзиратель по учебной и нравственной части Фроловъ при помощи адъюнкта-профессора Кушнерева.

На этотъ разъ замѣщеніе должности директора не заставило себя долго ждать. 27 января 1816 года директоромъ назначенъ былъ статскій совѣтникъ Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

Имя Энгельгардта, прославленное его питомцами, знакомо не только кругу друзей Лицея, оно извѣстно всей образованной Россіи. Можно полагать, что Энгельгардтъ, дѣйствительно, обладалъ недюжиннымъ умѣньемъ обходиться съ молодыми людьми, умѣлъ завоевать и любовь ихъ и уваженіе. Достаточно сослаться на переписку его съ его питомцами, которая поддерживалась имъ долгое время уже послѣ окончанія воспитанниками курса, на ту связь, которую онъ умѣлъ сохранить съ ними, не смотря

на различіе ихъ характеровъ и жизненнаго пути. Даръ педагогическій былъ, очевидно, прирожденнымъ талантомъ его, такъ какъ до назначенія директоромъ Лицея Энгельгардту сравнительно малое время приходилось на практикѣ имѣть дѣло съ вопросами воспитанія. Въ исторіи Царско-сельскаго Лицея его біографія заслуживаетъ особливаго вниманія, и въ дальнѣйшемъ изложеніи приводятся тѣ данныя о его жизни, которыя можно извлечь изъ печатныхъ и изъ архивныхъ матеріаловъ. О дѣятельности Энгельгардта въ бытность его директоромъ и о перепискѣ его со своими питомцами будетъ сказано въ соотвѣтствующихъ главахъ.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ родился въ Ригѣ 12 августа 1775 года. Его отецъ, Антонъ Владиміровичъ, одно время директоръ лифляндской генеральной экономіи, былъ женатъ на Христинѣ ди Приауда (*nobile di Venezia*). Въ 1780 году, пяти лѣтъ отъ роду, по тогдашнему обычаю Егоръ Антоновичъ былъ записанъ сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, а восьми лѣтъ былъ отданъ въ дѣвичій пансіонъ сестеръ Бардевиговъ въ Петербургъ. Въ этомъ пансіонѣ онъ пробылъ 8 лѣтъ, а впослѣдствіи самостоятельно, подъ руководствомъ домашнихъ учителей, изучалъ математику и латинскій языкъ. Въ пансіонѣ сестеръ Бардевиговъ онъ получилъ возможность познакомиться съ Шторхомъ, Крафтомъ, Буссе, которые были его преподавателями, и съ другими лицами, близко стоявшими къ тогдашнимъ научнымъ кругамъ. По окончаніи образованія Энгельгардтъ поступилъ на дѣйствительную военную службу и былъ нѣкоторое время ординарцемъ при Потемкинѣ и въ 1793 году былъ посланъ курьеромъ съ дипломатическими депешами въ Вѣну (6 апрѣля). 1 января 1795 года онъ былъ выпущенъ изъ гвардіи капитаномъ въ Смоленскій драгунскій полкъ и прикомандированъ къ канцеляріи князя Зубова. Однако, въ военной службѣ Энгельгардтъ оставался недолго; 3 декабря 1796 года онъ былъ уволенъ отъ нея и поступилъ

въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ канцелярію вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина. Куракинъ очень милостиво относился къ Энгельгардту и заботился о немъ всю свою жизнь. Но при Павлѣ Петровичѣ судьба вельможъ была переменчива. Въ 1799 году Куракинъ былъ уволенъ отъ дѣлъ, и Энгельгардтъ устроился на службу въ Мальтійскій Орденъ, «секретаремъ магистра державнаго Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго», во главѣ котораго стоялъ Императоръ. Близость къ Императору создавала нѣкоторую опасность для приближенныхъ. Большую тревогу пришлось однажды перенести и Энгельгардту. Императоръ поручилъ ему заказать — по собственноручно вырѣзанному образцу — мальтійскій крестъ для Салтыкова; но, когда Салтыковъ, возложивъ на себя этотъ крестъ, явился къ Императору, то Императору крестъ показался слишкомъ большимъ. Сорвавъ крестъ съ Салтыкова, онъ его тутъ же разбилъ и вызвалъ Энгельгардта, дабы расправиться съ нимъ, такъ какъ предположилъ, что Энгельгардтъ нарочно заказалъ крестъ большаго размѣра, съ цѣлью выставить Императора въ смѣшномъ видѣ. Энгельгардта Павелъ Петровичъ принялъ очень гнѣвно, грозилъ ему размозжить голову тростью, но, когда Энгельгардтъ оправдалъ себя, предъявивъ образецъ креста, то Государь быстро отошелъ и разстался съ нимъ дружески.

Должность секретаря Ордена дала Энгельгардту возможность приблизиться къ Наслѣднику престола великому князю Александру Павловичу. Великій князь долженъ былъ присутствовать въ засѣданіяхъ капитула Ордена и, будучи не твердъ во всѣхъ тонкостяхъ статутъ, нерѣдко вызывалъ гнѣвъ Государя своими невѣрными отвѣтами на его вопросы. Тогда Энгельгардтъ, дабы выручить Александра Павловича изъ затрудненія, испросилъ у него разрѣшеніе представлять наканунѣ засѣданія краткія записки о вопросахъ, могущихъ возникнуть на засѣданіи, съ прописаніемъ подробныхъ объясненій. Великій князь внимательно изучилъ объясненія Энгель-

гардта и на засѣданіи поразилъ Государя правильностью отвѣтовъ и точнымъ знаніемъ подходящихъ параграфовъ статutowъ. Государь настолько обрадовался, что тутъ же обнялъ великаго князя со словами: «Je reconnais en Vous mon sang! Vous êtes mon digne fils». Объ этой услугѣ Энгельгардта Александръ Павловичъ помнилъ и впоследствии¹⁾.

Вскорѣ же по восшествіи на престолъ Императора Александра I Энгельгардтъ былъ назначенъ въ канцелярію вновь учрежденнаго Государственнаго Совѣта на должность помощника экспедитора по первой экспедиціи, вѣдавшей часть иностранную и коммерческую²⁾.

¹⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы изъ статьи сына Е. А. Энгельгардта, Владиміра, напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г., стр. 1462—1491, «Воспоминанія о директорѣ Царскосельскаго Личнаго Е. А. Энгельгардтѣ»; напечатанная въ «Историч. Вѣст.» за августъ 1911 г. статья Н. А. Энгельгардта не содержитъ новыхъ данныхъ.

²⁾ См. Арх. Гос. Совѣта, т. III, Царствованіе Императора Александра I (1801—1810), стр. XI. Должность помощника экспедитора соотвѣтствовала въ позднѣйшей іерархіи Государственной Канцеляріи должности помощника статсъ-секретаря.

Въ архивныхъ дѣлахъ Государственной Канцеляріи о службѣ Энгельгардта имѣются только очень краткія свѣдѣнія. Когда въ 1829 г., 20 іюня, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній запросилъ канцелярію о формулярномъ спискѣ Энгельгардта, то его въ канцеляріи не нашли. Но въ справкѣ, посланной въ отвѣтъ на запросъ, упомянуто, что помощникомъ экспедитора Энгельгардтъ былъ назначенъ 7 мая 1801 г. Болѣе поздній формулярный списокъ его, сохранившійся въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ (составленный 31 августа 1851 г.), въ частяхъ, касающихся начала службы Энгельгардта, не вполне точенъ. Такъ, напр., онъ названъ въ немъ помощникомъ статсъ-секретаря I экспедиціи Государственнаго Совѣта, между тѣмъ, какъ въ то время (1801) должности этого наименованія не было: за тѣмъ дата назначенія (8 января 1801 года) также не вѣрна, ибо Государственный Совѣтъ былъ учрежденъ 26 марта.

Въ этой должности Энгельгардтъ пробылъ до 1812 года, когда въ началѣ іюня онъ былъ назначенъ директоромъ Педагогическаго института. Повидимому, самъ Энгельгардтъ стремился къ педагогической дѣятельности и не скрывалъ своего желанія въ разговорахъ съ Государемъ, который иногда посѣщалъ его на его дачѣ въ Царскомъ Селѣ¹⁾.

Вскорѣ же послѣ назначенія на эту должность Энгельгардту пришлось, по приказанію министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго, перевезти весь институтъ и состоявшую при немъ гимназію въ Петрозаводскъ. Это распоряженіе было вызвано боязнью нашествія Наполеона — нѣкоторыя учебныя учрежденія и музеи были либо вывезены изъ Петербурга, либо предназначены къ отъѣзду въ мѣста, недосигаемыя для непріятели. Директоромъ института Энгельгардтъ пробылъ не полныхъ четыре года. 11-го января 1816 года онъ былъ вызванъ къ Аракчеву, очевидно, для переговоровъ относительно новаго назначенія директоромъ Лицея. Надлежитъ отмѣтить, что Энгельгардтъ, соглашавшись принять

¹⁾ Противъ Александровскаго сада, на улицѣ, ведущей въ паркъ Кулишова. См. указанную выше статью В. Е. Энгельгардта. Относительно разговоровъ Энгельгардта съ Государемъ и интимнаго ихъ характера имѣются и другія показанія, кромѣ свидѣній, сообщенныхъ его сыномъ. Такъ, въ запискахъ декабриста Штейнгеля читаемъ: «Энгельгардтъ имѣвшій счастье разговаривать съ Государемъ, сказывалъ мнѣ, что однажды при случаѣ, какъ Е. В. любилъ устраивать изъ себя, онъ смѣлился замѣтить, что время приняться за устройство гражданской части; но Государь, взявъ его за руку и пожавъ крѣпко, со слезящимися глазами произнесъ: «Ахъ. Я это очень, очень чувствую, но ты видишь: кѣмъ я возьмусь!» См. изданіе «Изъ писемъ и показаній декабристовъ», Спб. 1906, подъ редакціей А. К. Бороздина, стр. 62. О близости Энгельгардта ко двору свидѣтельствуютъ и письма къ нему кн. А. Н. Голицына—см. Русскій Архивъ, 1868 г., стр. 873—877.

эту новую должность, счелъ необходимымъ представить Государю черезъ Аракчеева же записку, выражающую его взглядъ на условія, необходимыя для успѣшнаго отправленія новой должности. Онъ указываетъ въ ней, что честный начальникъ учебнаго заведенія, достойный довѣрія, «долженъ пользоваться довѣренностію полной» и «долженъ быть освобожденъ отъ всякой мелочной и раздробительной зависимости». «Онъ долженъ быть въ заведеніи, какъ отецъ семейства, и подобно ему управлять». Поэтому Энгельгардтъ, на случай, еслибы Государь пожелалъ, чтобы онъ управлялъ Лицеемъ «не такъ, какъ простой одной наружности держащійся наемникъ», предлагалъ, прежде всего, управление Лицея сдѣлать независимымъ отъ постороннихъ вліяній и только обязать директора въ концѣ года представлять отчетъ. Далѣе, онъ выговаривалъ себѣ право избирать въ сотрудники тѣхъ людей, которыхъ онъ считаетъ способнѣйшими, и удалять непригодныхъ и вредныхъ и, наконецъ, просилъ права свободнаго распоряженія суммами заведенія, направляя ихъ по надобности временно на ту или другую вѣтвь внутренняго хозяйства. Неизвѣстно, имѣло ли это представленіе успѣхъ у Государя; можно склониться къ утвердительному отвѣту, но, во всякомъ случаѣ, для характеристики Энгельгардта, важно отмѣтить, что, не смотря на всю соблазнительность полученныхъ предложеній, Энгельгардтъ все же счелъ необходимымъ открыто высказать свой взглядъ и формулировать его съ такой опредѣленностью, которая могла и не понравиться Государю ¹⁾.

27 января того же года Энгельгардтъ былъ назна-

¹⁾ Эта записка найдена въ бумагахъ Энгельгардта его сыномъ и напечатана въ указанной уже выше статьѣ его (Русскій Архивъ, 1872 г., стр. 1474). Записка помѣчена 12 января 1816 г., составлена по предложенію Аракчеева и написана въ его же кабинетѣ.

ченъ директоромъ Лицея, съ производствомъ въ дѣйстви-
тельные статскіе совѣтники.

Въ бумагахъ Энгельгардта сохранились краткія за-
мѣтки (на нѣмецкомъ языкѣ), содержащія взглядъ его на
дѣятельность педагога ¹⁾. Эти мысли заслуживаютъ вни-
манія не только по ихъ содержанію, но главнымъ обра-
зомъ потому, что Энгельгардтъ на самомъ дѣлѣ прово-
дилъ ихъ въ жизни. Въ основаніи всякаго воспитанія,
по его мнѣнію, должна лежать любовь къ воспитаннику;
ее надо выражать не словами, а дѣломъ. Только путемъ
сердечнаго участія въ радостяхъ и огорченіяхъ питомца
можно завоевать его любовь, хотя бы и бессознательную.
Довѣріе юношей завоевывается только поступками. И
религія, т. е., вѣра въ Бога, любовь къ Нему, надежда и
твердое упованіе на Него, можетъ быть внушена дѣтямъ
не путемъ повторенія правилъ и библейскихъ изреченій,
которыхъ дѣти понять не могутъ, а могутъ только за-
учить слухомъ и головой; сердцу же говорятъ не слова,
а чувства, воплощенные въ поступкахъ. Настоящее пови-
новеніе—только добровольное, проистекающее изъ вну-
тренняго и сердечнаго убѣжденія; оно остается въ силѣ
и въ такомъ случаѣ, когда за нимъ не стоитъ наказаніе.

Необходимо, чтобы мальчики и юноши не предава-
лись разсѣянности и умственной бездѣятельности — они
должны знать, что имъ полагается дѣлать съ утра и до
вечера, и должны привыкнуть къ этому. «Постоянное со-
знаніе на себѣ обязанности создаетъ привычку къ ея
выполненію».

Воспитаніе безъ всякаго наказанія — химера, но надо
быть бережливымъ въ наказаніяхъ; въ особенныхъ, важ-
ныхъ случаяхъ необходимо примѣнять необычное нака-
заніе. Если же мальчика наказывать часто и безъ смысла,
то онъ привыкнетъ видѣть въ воспитателѣ только палача,
который ему мститъ, и если такой наказанный плачетъ,

¹⁾ Онѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1872 г., стр. 1595.

то не отъ раскаянія, а отъ злобы. Публичныя наказанія въ большинствѣ случаевъ опасны, ибо у многихъ они сразу же убиваютъ стыдъ, страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. «Тѣлесное наказаніе (der Prügel), безразлично, будетъ ли оно физическое или моральное (?), можетъ создать изъ сноснаго школьника двуногое рабочее животное, но оно никогда не образуетъ челоуѣка, никогда не образуетъ мужа». Наказаніе должно имѣть такой характеръ, при которомъ наказуемый сознавалъ бы, что оно тягостно и для воспитателя, и что онъ охотно скрылъ бы отъ всѣхъ это неизбѣжное послѣдствіе совершеннаго проступка.

При дружескихъ отношеніяхъ между воспитателемъ и воспитанникомъ имѣется множество способовъ наказыванія безъ обращенія къ карательнымъ средствамъ, хотя бы, напр., болѣе суровый взглядъ, болѣе сухая противъ обыкновенія рѣчь, устраненіе отъ обычной дружеской бесѣды и пр. Все это можетъ произвести глубокое впечатлѣніе на питомца, «если только воспитатель любимъ своими воспитанниками».

Замѣтки эти цѣнны и для лѣтописи Лицея, такъ какъ хорошо извѣстно, что метода воспитанія, примѣненная Энгельгардтомъ, была дѣйствительнымъ ихъ выраженіемъ. Въ этихъ наброскахъ онъ писалъ не программы для другихъ, а формулировалъ то, что дѣлалъ самъ. Разумѣется, не афоризмы эти, сами по себѣ взятые, и не рецепты, въ нихъ указанные, обезпечили тотъ поразительный успѣхъ, который сопутствовалъ Энгельгардту въ его работѣ. Обаяніе, которое онъ имѣлъ среди своихъ питомцевъ, та связь, которую онъ сумѣлъ сохранить съ ними въ теченіе многихъ десятилѣтій, могутъ быть объяснены только прирожденнымъ ему талантомъ. Но мало того—метода воспитанія, предлагаемая Энгельгардтомъ, своею просвѣщенностью рѣзко выдѣляется на мрачномъ, въ общемъ, фонѣ тогдашняго времени, когда за сентиментальностью, за склонностью пролить слезу по всякому чувствительному поводу скрывалась изряд-

ная жестокость; тѣлесное наказаніе, не смотря на высокія слова, оставалось основою всякаго практическаго воспитанія, и воздѣйствіе на возвышенныя стороны воспитанника, проповѣдуемое лучшими умами эпохи, еще далеко не составляло обычнаго приѣма.

Укажемъ здѣсь, для полноты, на замѣчаніе М. А. Корфа, что у Энгельгардта не было никакихъ особенныхъ религіозныхъ убѣжденій и воззрѣній, «ни религіозной призрачно-идеальной точки зрѣнія, ни даже, думаю, слишкомъ глубокихъ религіозныхъ убѣжденій»¹⁾. Едва-ли правильно это замѣчаніе Корфа, несклоннаго вообще къ искреннимъ похваламъ кому бы то ни было. Со всей личностью Энгельгардта плохо вяжется отсутствіе религіознаго чувства. Въ его словахъ оно постоянно сквозитъ, и нѣтъ никакихъ данныхъ видѣть въ Энгельгардтѣ какого-либо притворщика.

Энгельгардтъ, сумѣвшій поддерживать у своихъ питомцевъ влеченіе, у многихъ даже страсть, къ литературнымъ занятіямъ, самъ не былъ чуждъ писательской дѣятельности. Хотя наибольшее количество его трудовъ въ этой области относится къ болѣе позднему періоду его жизни, но и до назначенія на должность директора Лицея ему пришлось участвовать въ нѣкоторыхъ литературныхъ начинаніяхъ того времени.

Повидимому, даже среди свѣдущихъ лицъ своего времени онъ пользовался репутаціей знатока Россіи, русскаго языка и русскихъ обычаевъ. Вопросы географіи и этнографіи Россіи, понимая эти термины въ широкомъ значеніи, всегда привлекали его вниманіе, и въ этой области онъ имѣлъ несомнѣнныя познанія.

Сотрудничествомъ Энгельгардта пользовался его бывший учитель по пансіону сестеръ Бардевиѣ, славный ученый академикъ Шторхъ. Шторхъ, какъ извѣстно, пред-

¹⁾ Пушкинъ и его современники, VIII, стр. 25, письмо М. А. Корфа къ В. П. Гаевскому отъ 30 мая 1863 г.

принялъ издание журнала *Russland unter Alexander dem I, eine historische Zeitschrift* (1803—1809); въ этомъ журналѣ онъ имѣлъ въ виду давать обзоръ наиболѣе значительныхъ событій современной ему русской жизни. Первый томъ былъ выпущенъ имъ единолично, но вскорѣ онъ убѣдился, что ему одному не справиться со своей работою; какъ видно изъ предисловія ко II тому, онъ привлекъ къ постоянному сотрудничеству коллежскаго совѣтника и кавалера, Егора фонъ-Энгельгардта, который, какъ онъ пишетъ, занималъ въ то время должность помощника экспедитора въ канцеляріи Государственнаго Совѣта. Шторхъ его рекомендуетъ своимъ читателямъ, какъ знатока русскаго языка и Россіи вообще. Въ составѣ редакціи этого журнала Энгельгардтъ оставался, вѣроятно, до конца существованія журнала, т. е., до 1809 года,—по крайней мѣрѣ, нѣтъ указаній на то, чтобы онъ вышелъ изъ нея. Трудно, однако, установить, насколько значительно было его участіе въ работѣ по журналу и какія статьи написаны имъ лично, такъ какъ въ этомъ журналѣ статьи обыкновенно печатались безъ подписи. Можно предполагать, что замѣтка объ Орденѣ св. Іоанна Іерусалимскаго написана лично имъ; вѣроятно, и нѣкоторые переводы на нѣмецкій языкъ законодательныхъ актовъ, напечатанные въ этомъ изданіи, сдѣланы если не имъ самимъ, то подъ его руководствомъ.

Въ это же время Энгельгардтъ принялъ участіе въ одномъ беллетристическомъ произведеніи—мы говоримъ о вышедшихъ въ 1811 году въ Петербургѣ двухъ небольшихъ книжкахъ подъ общимъ заглавіемъ «*Bagatelles. Promenades d'un désœuvré dans la ville de S.-Pétérsbourg*». Книжки эти, кажется, имѣли успѣхъ; въ 1812 году онѣ были переизданы въ Парижѣ, а затѣмъ появились въ переводѣ на нѣмецкій и на голландскій языки. Авторомъ ихъ считается Theodor Faber¹⁾. Какъ и Энгельгардтъ, онъ былъ рижскій

¹⁾ А не Faber, какъ онъ именуется въ нѣкоторыхъ каталогахъ.

уроженецъ, учился въ Германіи и, послѣ разнообразныхъ приключеній какъ тамъ, такъ во Франціи и въ Австріи, получилъ въ 1805 году отъ попечителя Виленскаго университета, князя Чарторійскаго, приглашеніе прибыть въ Вильну. Однако онъ поселился въ Петербургѣ и былъ употребляемъ по разнымъ порученіямъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ 1816 году былъ причисленъ къ русскому посольству при Германскомъ Союзѣ и на Аахенскомъ конгрессѣ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Умеръ въ Парижѣ въ 1847 году. Имъ издано на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ значительное число брошюръ по поводу разныхъ современныхъ событій, а въ 1813 году редактировалъ онъ издававшуюся въ Петербургѣ газету «Le Conservateur Impartial» ¹⁾. Въ книжкахъ «Bagatelles» помѣщено 31 небольшихъ разсказа, часть которыхъ принадлежитъ перу Энгельгардта ²⁾.

Въ концѣ 1816 года произошла другая перемѣна среди начальствующихъ лицъ, а именно, рескриптомъ отъ 10 августа графъ А. К. Разумовскій былъ уволенъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія. Баронъ Корфъ удостовѣряетъ, что «Разумовскаго у насъ вообще уважали и даже считали какимъ то нашимъ благодѣтелемъ, такъ что послѣ выпуска, когда онъ уже не былъ министромъ, мы всѣ ѣздили къ нему являться и благодарить его, безъ всякаго на то приказанія или вызова» ³⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ можно найти въ словарь Рекке и Навиерскаго «Allgemeines Schriftsteller-und-Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Estland und Kurland», и въ прибавленіи къ этому словарю, а также въ Сѣверной Пчелѣ 1847 г., № 284; кромѣ того, см. Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 3, Спб. 1900 г., стр. 281 и 282.

²⁾ Внукъ его, баронъ Э. Р. Остенъ-Сакенъ сообщилъ мнѣ, что въ библіотекѣ его дѣда былъ экземпляръ этого изданія съ карандашными помѣтками «G. E.» подъ статьями, написанными имъ. Къ сожалѣнію, экземпляръ этотъ затерянъ.

³⁾ Пушкинъ и его современники, вып. VIII, стр. 25.

Причину увольненія графа Разумовскаго по своему объясняетъ извѣстный Н. И. Гречъ. Съ отвращеніемъ приводимъ выписку изъ его Записокъ, отмѣчая въ примѣчаніяхъ явныя несообразности его разсказа.

Разумовскаго подсидѣлъ директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ, шарлатанъ, лицомѣръ, хвастунъ и порядочный сквернавецъ. Онъ пользовался милостью Александра, къ которому умѣлъ подольститься подъ личиною прямодушія. Въ 1816 году, по прибытіи Александра въ Царское Село, онъ будто невзначай попался ему навстрѣчу въ саду и на вопросъ Государя, что онъ дѣлаетъ, отвѣчалъ, что огорченъ выговоромъ министра. Государь полюбопытствовалъ знать, за что; Энгельгардтъ отвѣчалъ: «Въ декабрѣ прошлаго года ¹⁾ представлялъ я министру о необходимости сдѣлать торги на постройку лѣтнихъ панталонъ воспитанникамъ и не получилъ никакого отвѣта. Въ январѣ повторилъ представленіе. И тутъ отвѣта не было. Въ мартѣ—третье представленіе и новый отказъ. Вотъ, наступилъ май, и я сшилъ панталоны безъ торговъ. Въ октябрѣ, наконецъ, получилъ я разрѣшеніе на торги ²⁾; но тогда донесъ, что панталоны уже сшиты и изношены. Министръ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за послушаніе предъ начальствомъ и за неисполненіе приказаній. Черезъ недѣлю Разумовскій былъ отставленъ» ³⁾.

На мѣсто Разумовскаго назначенъ былъ управляющимъ министерствомъ князь А. Н. Голицынъ.

¹⁾ Явный анахронизмъ, такъ какъ Энгельгардтъ назначенъ былъ директоромъ только 27 января 1816 года.

²⁾ Такой же анахронизмъ, такъ какъ графъ Разумовскій уволенъ былъ 10 августа 1816 года.

³⁾ Записки о моей жизни Спб. 1886, стр. 292.

VIII.

Когда въ 1861 году Лицей праздновалъ пятидесяти-лѣтній юбилей, библіотекаръ Лицея Селезневъ издалъ Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царско-сельскаго, нынѣ Александровскаго, Лицея». Обширный трудъ этотъ, основанный на архивныхъ данныхъ, частию нынѣ уже утраченныхъ, представляетъ официальную исторію Лицея, почти не касаясь ученической жизни воспитанниковъ и ихъ товарищескихъ связей. Между тѣмъ, преданія о первомъ курсѣ Лицея, передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе, крѣпко держались, доколѣ Лицей оставался въ Царскомъ Селѣ. По переводѣ его въ Петербургъ настало время собиранія этихъ преданій, ихъ систематизаціи и разработки. Дѣломъ этимъ занялись два лицейста—В. П. Гаевскій и Я. К. Гротъ.

О внутренней жизни Лицея за первые годы его существованія имѣется много свѣдѣній, использованныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ; здѣсь, не входя въ подробности, мы отмѣтимъ только наиболѣе существенное.

В. П. Гаевскій (XIV курса, 1839—1845) составилъ подробную біографію барона А. А. Дельвига и напечаталъ рядъ статей о Пушкинѣ и о старомъ Лицеѣ ¹⁾.

Я. К. Гротъ (VI выпуска, 1826—1832), пользуясь, съ

¹⁾ Онѣ перечислены въ трудѣ Межова «Puschkiniana». Библиографическій указатель статей о жизни А. С. Пушкина. Спб. 1886.

одной стороны, обширнымъ знакомствомъ съ первокурсниками, или, какъ они иногда назывались, ветеранами Лицея, а, съ другой, глубокимъ уваженіемъ всѣхъ лицестовъ, изъ которыхъ многіе были его слушателями, собралъ массу документовъ, воспоминаній и корреспонденціи. Часть этого матеріала онъ разновременно печаталъ въ періодическихъ изданіяхъ, а затѣмъ собралъ ихъ въ отдѣльную книжку, изданную имъ подъ заглавіемъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (С.-Петербургъ, 1887) ¹⁾. Сборникъ этотъ долженъ служить настольною книгою каждому, кто желаетъ ознакомиться съ первоначальнымъ Лицеемъ и его наставниками и питомцами. Собранные Гротомъ матеріалы существенно дополняются Записками Ив. Ив. Пущина о Пушкинѣ ²⁾, иначе освѣщающими характеръ и свойства великаго поэта сравнительно съ тою его характеристикой, которая была сдѣлана другимъ его товарищемъ, барономъ М. А. Корфомъ, записка котораго включена въ сборникъ Грота. Кромѣ того, лицейскія стихотворенія Пушкина содержатъ въ себѣ много автобіографическихъ свѣдѣній и свѣдѣній о его товарищахъ, прекрасно комментированныхъ Л. Н. Майковымъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина.

На основаніи этихъ данныхъ сдѣлана была г. Аверариусомъ попытка изобразить жизнь Пушкина въ Лицеѣ въ кругу его товарищей, и, хотя книжка его издана, какъ чтеніе для юношества ³⁾, но не безъ пользы и удовольствія можетъ быть прочитана и многими великовозрастными російскими гражданами ⁴⁾.

¹⁾ Второе изданіе этой книги, дополненное сыномъ автора К. Я. Гротомъ, вышло въ Петербургѣ въ 1899 году.

²⁾ Лучшее ихъ изданіе, сдѣланное г. Якушкинымъ, вышло въ С.-Петербургѣ въ 1907 году.

³⁾ «Юношескіе годы Пушкина», три изданія 1888, 1893, 1899.

⁴⁾ Проф. Никитенко въ «Запискахъ» своихъ. Спб. 1905. II, стр. 189, говоритъ, что княгиня М. А. Трубецкая, дочь которой была ученицею Никитенко, показывала ему огромное собраніе писемъ кн. А. М. Горчакова къ дѣтямъ его роднымъ, которые были род-

Воспитанники IV к. Бѣлуха-Кохановскій, VI к. Гротъ, VII Харитоновъ и X-го Веселовскій и Яхонтовъ оставили воспоминанія о своемъ пребываніи въ Лицеѣ. Въ настоящемъ трудѣ я широко использовалъ эти воспоминанія.

Свободное отъ классныхъ работъ время юноши посвящали занятіямъ литературнымъ, образовавъ вскорѣ же по поступленіи своемъ въ Лицей литературный кружокъ. Участники его связаны были между собою не какими-либо виѣшними формальными узами, а единствомъ вкусовъ и любовью къ родной словесности.

Во главѣ этого товарищескаго кружка стоялъ Пушкинъ, около котораго группировались бар. Дельвигъ, Илличевскій, Корсаковъ, Кюхельбекеръ, Пущинъ, Яковлевъ и нѣкоторые другіе. Рано они начали испытывать свои силы на литературномъ поприщѣ и сначала помѣщали свои произведенія въ рукописныхъ журналахъ, подъ заглавіями: «Вѣстникъ», «Неопытное перо», «Пловцы» и «Лицейскій Мудрецъ».

Нѣкоторые изъ этихъ журналовъ снабжены были рисунками, принадлежавшими по большей части Илличевскому, галантливому рисовальщику-карикатуристу.

Вслѣдъ за симъ лицейскіе поэты начали печататься. большею частію подъ псевдонимами, въ московскихъ журналахъ: «Вѣстникъ Европы», «Россійскомъ Музеумѣ» и «Амфіонѣ». Первымъ явился передъ публикою баронъ Дельвигъ съ своею «Одою на взятіе Парижа», помѣщенной въ «Вѣстникъ Европы» за іюнь мѣсяць 1814 года за подписью

стvenниками княгини. Письма эти были писаны съ 11-лѣтняго возраста и заключаютъ въ себѣ много любопытнаго для біографіи князя; они сохраняются въ настоящее время у сына кн. А. М. Горчакова, кн. К. А. Горчакова. Изъ статьи В. П. Гаевского «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія», «Современникъ», 1863, т. 97, стр. 383, видно, что сохранились письма изъ Лицея барона Дельвига къ его родственникамъ; эти матеріалы еще не появлялись въ печати.

«Русской». Послѣ 1815 года печатаніе произведеній воспитанниковъ Лицея прекратилось. Причина этого мнѣ неизвѣстна. Позволю себѣ высказать предположеніе, не произошло ли это подѣ влияніемъ назначеннаго 27 января 1816 года директора Лицея Е. А. Энгельгардта. Быть можетъ, онъ полагалъ, что печатаніе это отвлекало юношей отъ учебныхъ занятій, которыя должны были усилиться въ виду окончанія ими курса въ 1817 году, а, быть можетъ, онъ уже тогда задумалъ устройство въ Лицеѣ литературнаго общества взять въ свои руки, что и осуществилъ, какъ увидимъ ниже, въ концѣ 1821 года.

Илличевскій писалъ 17 февраля 1816 года своему гимназическому товарищу Фуссу: «Благодарю тебя, что ты насъ поздравляешь съ новымъ директоромъ: онъ уже былъ у насъ; если можно судить по наружности, то Энгельгардтъ человекъ *не худой*. Vous sentez la pointe? Не полѣнись написать мнѣ о немъ подробнѣе; это для насъ не будетъ лишнимъ. Мы все желаемъ, чтобъ онъ былъ человекъ прямой, чтобъ не былъ къ однимъ Engel, а къ другимъ hart» ¹⁾.

Самъ Энгельгардтъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ²⁾ свидѣтельствуешь, что въ первый разъ съ своими воспитанниками онъ говорилъ 1 марта 1816 года.

По вступленіи своемъ въ должность директора Энгельгардтъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ ни въ составѣ преподавателей, ни въ составѣ гувернеровъ. Со времени учрежденія Лицея гувернеры перемѣнялись въ немъ часто, и къ началу 1816 года въ этихъ должностяхъ состояли Венигель, Калининъ—онъ же учитель чистописанія,—и Чириковъ—онъ же учитель рисованія; въ 1817 году Энгельгардтомъ приглашенъ былъ на должность четвертаго гувернера баронъ Остенъ-Сакенъ, въ томъ же году назначенный бібліотекаремъ Лицея. Онъ рѣзко выдѣлялся изъ

¹⁾ Гротъ, стр. 67.

²⁾ Къ Матюшкину.

среды гувернеровъ Лицея по своему образованію. Онъ окончилъ курсъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ, посѣщалъ Фелленберга (въ Швейцаріи) для изученія сельскаго хозяйства, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ у Песталлоцци и потомъ еще четыре года оставался за границей ¹⁾.

Посвятивъ себя совершенно дѣлу воспитанія, Энгельгардтъ въ самое короткое время успѣлъ близко ознакомиться съ порученными ему надзору юношами, и въ сохранившейся въ его бумагахъ рукописи «*Etwas über die Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums*», написанной 22 марта 1816 года, слѣдовательно, менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ опредѣленія, находимъ довольно вѣрную характеристику каждого изъ нихъ ²⁾. Представляемъ въ переводѣ нѣсколько выдержекъ изъ нея, не лишенныхъ интереса; какъ наблюденія опытнаго педагога надъ внутреннимъ міромъ замѣчательныхъ личностей. Самое строгое сужденіе выпало на долю Пушкина, въ которомъ Энгельгардтъ видѣлъ только дурныя стороны и котораго охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ: «Его высшая и конечная цѣль—блестѣть, и именно поэзіею; но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французскій умъ. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ Лицей зналъ почти наизусть, какъ достойно

¹⁾ Селезневъ, стр. 163.

²⁾ Гдѣ находится въ настоящее время эта рукопись Энгельгардта, мнѣ неизвѣстно. Приведенныя же здѣсь характеристики заимствованы изъ ст. Гаевского «Пушкинъ въ Лицѣ и лицейскіе его стихотворенія».—Современникъ, 1863, т. 97.

приобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія». О Дельвигѣ Энгельгардтъ высказался благосклоннѣе. «Въ немъ вспыхиваетъ иногда, хотя слабый, огонь поэзіи. Благодаря Жуковскому, онъ занимается съ нѣкотораго времени съ большимъ усердіемъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ играхъ и шуткахъ его выказывается нѣкоторая иронія. Онъ всѣми способами достаетъ себѣ книги и читаетъ все безъ разбора, преимущественно во время лекцій. Русскую литературу онъ изучилъ лучше всѣхъ своихъ товарищей». Объ изученіи Дельвигомъ нѣмецкаго языка имѣются показанія въ письмѣ къ нему Кюхельбекера изъ-за границы въ 1820 году. Разсказывая Дельвигу, какъ ему довелось перечитывать, вмѣстѣ съ молодымъ нѣмецкимъ художникомъ, Бюргера, Шиллера, Гёльти, онъ прибавляетъ: «эти вечера, мой Дельвигъ, меня всякій разъ переносятъ въ родной Лицей, въ нашъ фехтовальный залъ, гдѣ мы съ тобой читали тѣхъ же самыхъ поэтовъ и нерѣдко съ непонятнымъ какимъ-то трепетомъ углублялись въ тѣ же таинства красоты и гармоніи, страстей и страданія, наслажденія и чувствительности. Можетъ быть, мой другъ, и ты вспомнишь лѣта нашей безпечности и ея радости» ¹⁾).

О Кюхельбекерѣ находимъ у Энгельгардта слѣдующій отзывъ: «Читалъ все и обо всемъ; имѣетъ большія способности, прилежаніе, добрую волю, много сердца и добродушія, но въ немъ совершенно нѣтъ вкуса, такта, границъ мѣры и опредѣленной цѣли. Чувство чести и добродѣтели проявляется въ немъ иногда какимъ-то донкихотствомъ. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и меланхолію, подвергается мученіямъ совѣсти и подозрительности и, только увлеченный какимъ-нибудь обширнымъ планомъ, выходитъ изъ этого болѣзненнаго положенія. Въ дѣтствѣ онъ былъ опержкомъ пляскою святого Витта, а отецъ его умеръ отъ чахотки, которая и ему угрожаетъ». Этотъ отзывъ Энгельгардта подтверждается тѣмъ, что въ

¹⁾ «Мироточиво», 1-25, IV, стр. 67.

Лицеѣ Кюхельбекеръ отличался такою раздражительностью и такими странными выходками, которыя возбуждали даже сомнѣнія въ нормальности умственныхъ его способностей ¹⁾. Сверхъ того, Кюхельбекеръ былъ крайне разсѣянъ, и самъ упоминалъ объ этомъ въ показаніи, данномъ имъ слѣдственной комиссіи о декабристахъ въ 1826 году. «Я до невѣроятія былъ разсѣянъ», писалъ онъ; «осмѣлюсь здѣсь рассказать два случая, которые могутъ быть засвидѣтельствованы всѣми моими лицейскими товарищами.

Въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку въ эскадронѣ брата моего Альбрехта былъ въ мою бытность въ Лицеѣ офицеръ, нѣкто Позняковскій, который къ намъ хаживалъ и съ которымъ я былъ довольно коротко знакомъ. Его посылають за ремонтомъ; онъ приходитъ къ намъ; съ нами прощается, уѣзжаетъ. Спустя нѣсколько дней, гуляя въ саду, вижу гусарскаго офицера: отъѣздъ Позняковскаго забыть: забыто, что онъ былъ у насъ, прощался съ нами: подхожу къ человѣку совершенно мнѣ незнакомому, здороваюсь съ нимъ, упрекаю его за то, что онъ насъ забылъ, воображаю, что это Позняковскій. Потомъ однако же, вспомнивъ о ремонтѣ, спрашиваю товарищей, почему Позняковскій такъ скоро вернулся, и узнаю, что это полковникъ Скобелевичъ. Другой случай былъ въ Лицеѣ же. Я имѣлъ счастье знавать Павла Петровича Ушакова, который меня любилъ и ласкалъ, когда мнѣ случалось его встрѣчать въ Павловскѣ у сестры моей ²⁾ или у баронессы Гревеницъ. Встрѣчаюсь съ нимъ въ саду царскосельскомъ: останавливаю его, разговариваю съ нимъ, удивляюсь его холодности и принужденности: чуть было не спросилъ его, чѣмъ я навлекъ на себя его неудоволь-

¹⁾ По свидѣтельству Гаевского, въ Лиценскомъ Архивѣ въ 1863 году еще хранилось дѣло «О сумасшествіи Кюхельбекера». Въ настоящее время этого дѣла въ архивѣ нѣтъ. Ср. журналъ конференціи Лицея 1815 г. № 11, о наказаніи Кюхельбекера.

²⁾ Юстинны Карловны, по мужу Глинки. Мужъ ея былъ, какъ и Ушаковъ, въ числѣ кавалеровъ при великихъ князьяхъ.

ствіе. Отхожу; товарищи спрашиваютъ меня: какъ ты осмѣлился остановить великаго князя? Тутъ только все разрѣшилось для меня: Павелъ Петровичъ сопровождалъ нынѣ царствующаго Государя Императора, котораго я очень видѣлъ, которому я поклонился; но мнѣ никакъ не представлялось, что это могъ быть онъ» ¹⁾.

Безъ сомнѣнія, поэтической талантъ Кюхельбекера былъ не великъ. Но этотъ «живой лексиконъ» и «вдохновенный комментарий», какъ называлъ его Пушкинъ, былъ болѣе всѣхъ своихъ товарищей начитанъ и изучалъ какъ теорію словесности, такъ и исторію европейскихъ литературъ. Онъ приготовилъ къ изданію на нѣмецкомъ языкѣ книгу: «О древней россійской словесности», о чемъ бар. Дельвигъ нашелъ нужнымъ сообщить читателямъ Россійскаго Музеума» письмомъ къ издателю, помѣщеннымъ въ этомъ журналѣ въ 1815 году, ч. IV, № 11. Сверхъ того, въ издававшемся въ Петербургѣ «Conservateur Impartial» напечаталъ онъ въ 1817 году «Взглядъ на нынѣшнее состояніе русской словесности», явившійся въ русскомъ переводѣ въ «Вѣстникъ Европы» въ томъ же году, №№ 17 и 18 ²⁾.

Наконецъ, объ Илличевскомъ Энгельгардтѣ замѣчаетъ, что раннія похвалы повредили ему и что въ умственномъ развитіи и наукахъ онъ остановился на той же ступени, на которой находился при поступленіи въ Лицеѣ ³⁾. Илличевскій, какъ сказано выше, былъ порядочный рисовальщикъ, и одно изъ своихъ посланій къ нему Пушкинъ озаглавилъ даже словами: «Къ живописцу». Въ Царско-сельскомъ Лицеѣ преподаваніе рисованія было поставлено хорошо, благодаря заботливости преподавателя Сергѣя

¹⁾ Показаніе В. Кюхельбекера слѣдственной комиссіи по дѣлу о декабристахъ, данное 15 апр. 1826 года. Государственный Архивъ, I. В. № 345.

²⁾ Дневникъ В. К. Кюхельбекера 7 ноября 1832 года. Русская Старина. 1875, т. XIV, стр. 75.

³⁾ Этими четырьмя характеристиками ограничиваются выдержки В. П. Гаевского изъ записки Энгельгардта.

Гавриловича Чирикова ¹⁾, бывшего въ то же время гувернеромъ. Въ первое время лиценсты, не пользуясь отпускомъ въ дома родителей, проводили нерѣдко свободное время у Чирикова; въ квартирѣ его составлялся литературный кружокъ ихъ, и въ гостиной его долго сохранялись на стѣнѣ строки, набросанныя рукою Пушкина ²⁾. Онъ оставилъ Лицей въ 1841 году. Оба его сына воспитывались въ Лицеѣ. Въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ хранятся рисунки нѣсколькихъ первокурсниковъ, подаренные ими на память товарищу ихъ В. Д. Вольховскому.

При первомъ курсѣ устраивались въ Лицеѣ также и театральныя представленія.

Помню—пишетъ баронъ Корфъ—вздумалось намъ сыграть предлинную и довольно скучную драму «L'abbé de l'Érée», въ которой всѣ женскія роли были передѣланы де Будри въ мужскія, и любовники превращены въ друзей. Бодрый старичекъ цѣлый мѣсяцъ мучилъ насъ по этому случаю репетиціями. Но еще ранѣе того лѣтомъ 1814 года лиценсты разыграли какую-то маленькую пьесу; затѣмъ 24 октября 1815 года также былъ спектакль. Играли «Стряпчаго Пателена» и «Ссору двухъ сосѣдовъ» ³⁾. Въ первой пьесѣ Илличевскій представлялъ Вильгельма купца, торгующаго сукнами, котораго плутъ стряпчій подрядился во всю пьесу обманывать; во второй—Вспышкина, записного псара, охотника и одного изъ ссорящихся сосѣдовъ ⁴⁾.

Наконецъ, передъ самымъ выпускомъ въ домъ Энгельгардта вечеромъ былъ спектакль, въ которомъ, вмѣстѣ съ первокурсниками Ломоносовымъ, Горчаковымъ, Корсаковымъ, Яковлевымъ и Малиновскимъ, участвовали члены семьи директора, носившаго фамилію Durange (передѣлка на французскій ладъ фамиліи Энгельгардтъ). Разыграна была

¹⁾ Отзывъ о немъ барона Корфа въ книгѣ Грота, стр. 232—234. Тамъ же, стр. 278—279, письмо Чирикова къ Комовскому.

²⁾ Селезневъ, стр. 161.

³⁾ Эта комедія въ 1 дѣйствіи кн. А. А. Шаховскаго представлена была впервые 26 апрѣля 1810 г. а напечатана въ 1821.

⁴⁾ Гротъ, стр. 232. 58. 66.

сочиненная госпожею Смитъ ¹⁾ пьеса: «*Tout veut parler, voilà ce qui brouille ce petit monde ou les ébats de la reconnaissance, de l'amitié et du plaisir*». Въ пьесѣ этой, какъ можно судить по афишѣ, встрѣчаются намеки на современныя лицейскія злобы дня ²⁾.

Съ момента вступленія Энгельгардта въ должность директора вообще быть воспитанниковъ измѣнился къ лучшему. Замкнутый кружокъ ихъ, предоставленный собственному развитію, мало-по-малу расширялся въ соприкосновеніи съ обществомъ, нравственное вліяніе котораго Энгельгардтъ считалъ однимъ изъ важныхъ элементовъ въ дѣлѣ образованія. Онъ приглашалъ къ себѣ ³⁾ воспитанниковъ въ увѣренности, что домашнее обращеніе и привычка быть въ кругу семейства принесутъ имъ пользу. Кромѣ семьи Энгельгардта, лица изъ посѣщали дома жившихъ въ Царскомъ Селѣ учителя музыки Тепера де-Фергюсона, Севериной, бар. Веліо и Бакуниной, сынъ которой былъ въ Лицеѣ; его сестра Екатерина Павловна возбуждала одно время въ Пушкинѣ чувства привязанности ⁴⁾. Сверхъ того, Пушкинъ вращался въ кружкѣ офицеровъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка. Не слѣдуетъ, однако, думать, что въ этомъ кружкѣ преобладали кутежи: офицеры того времени принесли изъ заграничныхъ походовъ интересы иного рода сравнительно съ тѣми, которые господствовали въ русской арміи до 1812 года.

Слишкомъ за годъ до выпуска Государь спросилъ Энгельгардта, есть ли между лицейскими желающіе идти въ военную службу. Онъ отвѣчалъ, что чуть ли не болѣе

¹⁾ Родственница директора, которой Пушкинъ адресовалъ посланіе «Къ молодой вдовѣ».

²⁾ Ст. Гаевского, «Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 398—399.

³⁾ Семья Энгельгардта состояла изъ жены, трехъ сыновей и двухъ дочерей.

⁴⁾ Дѣвица Е. П. Бакунина пожалована была 24 октября 1817 года фрейлиною, а 30 апрѣля 1834 года вступила въ бракъ съ капитаномъ Полторацкимъ.

десяти человекъ этого желаютъ. Государь сказалъ: «Въ такомъ случаѣ надо бы познакомить ихъ съ фронтомъ. Энгельгардтъ испугался и напрямикъ просилъ Императора разрѣшить ему оставить Лицей, если въ немъ будетъ ружье. Къ этой просьбѣ присовокупилъ, что онъ никогда не носилъ никакого оружія, кромѣ того, которое у него всегда въ карманѣ, и показалъ садовый ножикъ. Долго они торговались; наконецъ, Государь кончилъ тѣмъ, что его не переспоришь, велѣлъ спросить всѣхъ и для желающихъ быть военными учредить классъ военныхъ наукъ¹⁾. Вслѣдствіе этого приказанія въ Лицей былъ опредѣленъ инженерный полковникъ Эльснеръ, бывший адъютантъ Костюшки, преподавателемъ артиллеріи, фортификаціи и тактики.

Эльснеръ былъ, если не ошибаюсь, въ свойствѣ съ проф. Гауеншильдомъ²⁾. Около того же времени—продолжаетъ И. И. Пущинъ—было другого рода нападеніе на насъ. Какъ-то въ разговорѣ съ Энгельгардтомъ Царь предложилъ ему посылать насъ дежурить при Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ во время лѣтняго ея пребыванія въ Царскомъ Селѣ, говоря, что это дежурство приучитъ молодыхъ людей быть развязнѣе въ обращеніи и вообще послужитъ имъ въ пользу. Энгельгардтъ и это отразилъ, доказавъ, что, кромѣ многихъ неудобствъ, придворная служба будетъ отвлекать отъ учебныхъ занятій и препятствуетъ достиженію цѣли учрежденія Лицея. Къ этому онъ прибавилъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ никогда не видалъ камеръ-пажа ни на прогулкахъ, ни при выѣздахъ царствующей Императрицы. Предложеніе также не осуществилось.

¹⁾ Пущинъ. Записки, стр. 39—40.

²⁾ Гауеншильдъ былъ женатъ на баронессѣ Юліи Эльснеръ; въ числѣ воспитанниковъ лицейскаго пансіона выпуска 1828 г. былъ Отто Эльснеръ, умершій въ должности директора училищъ Херсонской губерніи.

IX.

О характерѣ и внутреннемъ содержаніи учебнаго курса, который прошли первые лиценсты, лучше всего можно судить по отчету, составленному конференціей послѣ окончанія экзаменовъ. Этотъ документъ проливаетъ свѣтъ на то вниманіе, съ которымъ учебный персоналъ отнесся къ поставленной ему задачѣ, и даетъ представленіе о просвѣщенныхъ методахъ, которыми онъ пытался разрѣшить ее. Можно смѣло утверждать, что ни въ одномъ изъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній Имперіи не встрѣтитъ такого широкаго взгляда на дѣло. Въ виду этого приводимъ отчетъ полностью, тѣмъ болѣе, что, повидимому, этотъ документъ доселѣ ускользалъ отъ вниманія изслѣдователей лицейской старины и нигдѣ еще не напечатанъ.

Отчетъ конференціи Императорскаго Царскосельскаго Лицея въ учебныхъ занятіяхъ воспитанниковъ старшаго возраста въ теченіе шестилѣтняго курса ученія ¹⁾.

По открытіи Лицея въ 1811 году конференція приступила къ опредѣленію способа ученія соотвѣтственно Высочайше утвержденному Постановленію. Хотя правительствомъ предоставлены были достаточныя средства для

¹⁾ Приложенъ къ журналу чрезвычайнаго засѣданія конференціи Лицея 1817 года іюня 9.

успѣшнаго хода ученія и воспитанія, но конференція тѣмъ не менѣе встрѣтила трудности привести оныя въ движеніе.

Успѣхъ въ каждомъ начинаніи весьма часто зависитъ отъ перваго направленія средствъ къ достиженію предполагаемаго конца; успѣхъ въ учебныхъ заведеніяхъ необходимо предполагаетъ доброе начало, которое трудно дать, но несравненно труднѣе перемѣнить или исправить. Конференція чувствовала во всей силѣ истину сего наблюденія, а потому со всякимъ вниманіемъ разсматривала способы образованія и, дабы привести въ исполненіе благодѣтельныхъ намѣреній правительства, почитала для того единственнымъ средствомъ точное соблюденіе правилъ даннаго ей Постановленія.

Новость сего заведенія, съ одной стороны, представляла ей всю свободу дѣйствовать, съ другой же стороны, количество дѣлъ и важность оныхъ занимали все ея вниманіе. Лицей получилъ свое существованіе единымъ словомъ верховной власти, а не черезъ постепенное образованіе и усовершенствованіе. 1810 года изданъ былъ указъ, которымъ предполагалось учредить сіе училище. 1811-го года оно уже существуетъ; въ немъ находится полное число наставниковъ, собранныхъ изъ разныхъ странъ заграничныхъ и внутреннихъ, полное число воспитанниковъ, призванныхъ изъ отдаленныхъ предѣловъ обширнаго царства. Новый способъ образованія, новые наставники и воспитанники, новое учебное мѣсто—всѣ сіи предметы надлежало привести въ согласіе и направить во взаимной связи къ общей цѣли образованія.

По Постановленію о Лицеѣ воспитанники приняты были въ сіе заведеніе по предварительному испытанію; только отличнѣйшіе изъ нихъ должны были удостоиться избранія; но на первый случай выборъ сей не могъ быть учиненъ съ надлежащею строгостію по ограниченности числа кандидатовъ; да притомъ же весьма трудно предугадывать нравственныя дарованія, особливо въ дѣтяхъ, на

основаніи краткаго испытанія. Посему между поступившими на первый разъ воспитанниками вскорѣ по началѣ курса ученія оказалась бóльшая разность, нежели какую предполагать было можно ¹⁾.

Начальство предвидѣло сіе неудобство и постановило особеннымъ правиломъ, чтобы каждый наставникъ не поступалъ въ изъясненіи предлагаемой науки далѣе, пока не удостовѣрится въ знаніи слушателями предметовъ, имъ пройденныхъ. Потому первыя начала какъ въ языкахъ, такъ и въ наукахъ проходимы были весьма медленно. Слѣдствіемъ сего оказалось, что, за исключеніемъ только весьма малаго числа, воспитанники равнымъ шагомъ пріобрѣтали свѣдѣнія. Но усилія наставниковъ не могли и не должны были побѣдить самую природу, которая неравно каждому дары свои раздѣляетъ. По истеченіи перваго года ученія конференція замѣтила, что многіе изъ воспитанниковъ отличныя имѣютъ способности, и что никакое усиліе учащаго не можетъ сравнить съ ними тѣхъ, которые таковыхъ дарованій не имѣютъ. Посему, не опуская изъ вниманія слабѣйшихъ слушателей, каждый изъ наставниковъ невольно, такъ сказать, давалъ свободу отличнымъ дарованіямъ и потворствовалъ природѣ, превозмогающей его усилія. Оттого неравенство увеличивалось не въ количествѣ правилъ, сообщаемыхъ наставниками, но въ обширности и полнотѣ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ ихъ слушателями.

Предметами перваго курса ученія по Постановленію должны были быть языки, почему на преподаваніе оныхъ обращено было особенное вниманіе. Коренныя правила латинскаго и руссійскаго языка приняты были за главное руководство къ изученію словесности. Истина почитаема была преимущественнымъ украшеніемъ выраженій, сообраз-

¹⁾ Графъ Разумовскій обращалъ на это вниманіе конференціи еще 30 октября 1811 года, какъ записано въ ея журналѣ этого числа. См. выше, стр. 63.

ность и приличіе—первымъ совершенствомъ слога, а правильное расположеніе мыслей—главнымъ достоинствомъ сочиненія. Познаніе нѣмецкаго и французскаго языковъ въ такомъ же духѣ сообщаемо было. Главною цѣлію изученія иностранной словесности поставляемо было основательное познаніе ученаго нарѣчія, которымъ великіе умы иностранныхъ писателей излагали высокія мысли о предметахъ нравственности, государственнаго управленія и благоустройства. Удобность говорить на иностранныхъ языкахъ не была также изъ вида опускаема. Руководствуясь такими правилами, конференція при окончаніи начальнаго курса усмотрѣла, что всѣ почти воспитанники доведены были наставниками иностранныхъ языковъ до возможности понимать иностранныхъ классическихъ писателей и излагать ихъ мысли въ переводахъ, а многіе съ легкостью начали изъясняться какъ на нѣмецкомъ, такъ и на французскомъ языкахъ.

Познаніе отечественной словесности мало-по-малу приближалось къ желаемой зрѣлости. Лицей можетъ похвалиться и тѣмъ, что славянскій языкъ—ветхій деньми отецъ многочисленнаго поколѣнія нарѣчій—въ силу самого Постановленія помѣщенъ былъ въ кругъ учебнаго образованія. На семъ неизблемомъ камени сооружаемо было мало-по-малу изученіе отечественной словесности. При чемъ и другая цѣль, гораздо еще важнѣйшая, была достигаема: при пособіи славянскаго языка воспитанники удобнѣе пріобрѣтали познаніе Ветхаго и Новаго завѣта. Да не почтетъ россіянинъ страннымъ и чуждымъ языкъ его предковъ, который, оставивъ суетныя дѣла общежитія, сдѣлался органомъ откровенія и проповѣдникомъ истинъ евангельскихъ. Если Лицей долженъ служить пріуготовленіемъ къ гражданской и воинской службѣ, то пусть служитель правосудія, исполнитель воли Высочайшей и три-статый всадникъ будутъ извѣстны о красотахъ, сокровенныхъ въ иѣдрахъ Священнаго писанія; пусть возгордятся они учебнымъ познаніемъ славянскаго языка, который

многимъ извѣстенъ только по имени или по тѣмъ выраженіямъ, каковыя слышать только при богослуженіи случается. Языкъ латинскій, обильный источникъ древней учености и родоначальникъ западныхъ нарѣчій Европы, не съ меньшимъ проходомъ былъ раченіемъ. Отъ начертанія буквъ постепенно восходили воспитанники до словосочиненія сколько витіеватаго, столько же и труднаго. И уже въ первомъ курсѣ они сами удостовѣрились, какое обширное поле свѣдѣній открывается имъ съ познаніемъ сего древняго языка, который въ Россіи почти до конца осьмнадцатаго столѣтія почитался удѣломъ духовныхъ училищъ и былъ пренебрегаемъ въ свѣтскомъ воспитаніи. — Огромный свитокъ исторіи представленъ былъ воспитанникамъ въ начальномъ курсѣ только въ краткомъ начертаніи, дабы они могли обнять его въ цѣлости и потомъ обозрѣвать части онаго въ надлежащей подробности. Важнѣйшія происшествія, наиболѣе примѣтныя по ихъ вліянію на міръ нравственный и физическій, достаточны для упражненія ихъ вниманія въ теченіе первыхъ годовъ ученія. Познаніе теченія дѣлъ человѣческихъ и событій, имѣвшихъ вліяніе на судьбу народовъ, было цѣлю преподаванія исторіи, дабы слушатели сами могли извлекать заключенія, полезныя для жизни частной и общественной. Съ постепеннымъ развитіемъ способностей воспитанниковъ представляемы были имъ предметы, требующіе преимущественно ихъ собственнаго вниманія и размышленія. Имъ открыты были общія дарованія человѣческой природы, изъяснены дѣйствія ума и необходимые законы, по которымъ оныя происходятъ, и, наконецъ, предложены средства отыскивать истину и отличать оную отъ правдоподобія и вѣроятности. Сіи наставленія служили имъ руководствомъ и приуготовленіемъ къ познанію механическихъ законовъ природы сколько любопытныхъ, столько же и полезныхъ по ихъ приуроченію къ потребностямъ и нуждамъ человѣческимъ. — Наука чиселъ, количествъ и измѣреній сопровождала вниманіе воспитанниковъ въ из-

слѣдованіи физическихъ силъ и свойствъ природы. Такимъ образомъ, разныя части воспитанія единовременно приближались къ совершенству.—Но теоретическое образованіе не составляетъ еще ближайшей цѣли человѣка. Оно, конечно, облегчаетъ его занятія умственные и механическія; но для того ли только должно образоваться, чтобы удобнѣе пріобрѣтать выгоды общежитія и предметы, непосредственно лстящіе нашей чувственности и самолюбію? Бѣдно было бы существованіе человѣка, еслибы онъ не прости-ралъ своихъ видовъ далѣе краткаго поприща временной жизни.—Потому конференція, сходственно съ Постановленіемъ о Лицеѣ, познаніе законовъ божескихъ полагала краеугольнымъ камнемъ образованія воспитанниковъ, и истины откровенія предшествовали мудрованіямъ свѣта или дополняли то, чего разсудокъ естественный самъ по себѣ не могъ обнять и постигнуть.

Исторія Ветхаго завѣта, познаніе происшествій политическихъ и нравственныхъ въ поколѣніи народа избраннаго, примѣры твердости вѣры и шатанія языковъ были предметами изслѣдованія въ начальномъ курсѣ ученія. Подъ руководствомъ закона откровеннаго излагаемы были законы нравственные, открываемые человѣку посредствомъ разума. Не механическое повтореніе того, что въ видѣ преданія переходитъ изъ устъ въ уста въ простомъ общежитіи, но коренное познаніе правилъ добраго поведенія, непритворной и безкорыстной добродѣтели составляло существо философическаго ученія нравственности. Убѣжденіе въ необходимости добрыхъ нравовъ заимствовано было изъ самаго существа природы человѣческой и изъ свойства общежитія, а не изъ другихъ какихъ-либо источниковъ болѣе отвлеченныхъ, которые нерѣдко въ самой нравственности заставляютъ сомнѣваться и почитать ее собраніемъ закоренѣлыхъ, безъ точнаго изслѣдованія принятыхъ обычаевъ и правилъ.

Такимъ образомъ начальный курсъ ученія совершался, и въ 1815 году произведенъ былъ публичный экзаменъ

воспитанниковъ. Конференція съ удовольствіемъ замѣтила значущіе успѣхи воспитанниковъ еще на частномъ предварительномъ экзаменѣ, а публичный доставилъ ей средство узнать мнѣніе публики о мѣрѣ приближенія Лицея къ той цѣли, каковая назначена правительствомъ сему учебному заведенію.

Послѣ начальнаго курса непосредственно начался окончательный. Ученіе отечественной и иностранной словесности продолжалось на томъ же основаніи. Преподающіе по сей части занимали воспитанниковъ чтеніемъ классическихъ сочиненій, сопровождая оное своими замѣчаніями и приноровленіемъ высшихъ правилъ словесности. Но, дабы таковое упражненіе съ большею могло служить пользою, воспитанники почасту занимаемы были сочиненіями на разныхъ языкахъ, и преподающіе имѣли чрезъ то способъ узнавать ихъ успѣхи и дополнять свои представленія тамъ, гдѣ находили ихъ недостаточными.

Укоренивши такимъ образомъ правила добраго вкуса и тонкой разборчивости, каждый изъ нихъ проходилъ исторію словесности языка, имъ преподаваемаго, показывая отличительныя свойства онаго и постепенное усовершенствованіе.

Какъ воспитанники Лицея по Постановленію преимущественно назначаются для гражданской государственной службы, то и главными предметами ихъ ученія въ семъ курсѣ были науки, служащія приуготовленіемъ и руководствомъ къ сему поприщу служенія. Отъ перваго изложенія системы наукъ политическихъ воспитанникамъ постепенно предлагаемы были науки, объясняющія права и обязанности людей въ общежитіи, составъ гражданского общества и существо связей, соединяющихъ различныя части государства, источники народнаго богатства и благосостоянія, правила управленія народной промышленности и способъ удовлетворенія общественнымъ потребностямъ. Теоретическое познаніе сихъ предметовъ сопровождается было изслѣдованіемъ существующихъ въ

Россіи узаконеній какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ въ методической ихъ связи. Въ истолкованіи положительнаго законодательства Россіи принимаемо было за основаніе не буквальное выраженіе воли верховной, но поводъ и причины, служившіе побужденіемъ къ учрежденію какого-либо закона. При соображеніи отдѣльныхъ узаконеній, въ разныя времена изданныхъ, открываемы были воспитанникамъ несогласія нѣкоторыхъ постановленій, и вниманіе ихъ преимущественно обращено было на сіи пункты, обыкновенно запутанность и безпорядокъ въ теченіи судныхъ дѣлъ производящіе. Не скрыты были отъ нихъ злоупотребленія, въ судѣ и расправѣ встрѣчаемыя, равно какъ источники оныхъ и послѣдствія: ибо въ храмѣ просвѣщенія и образованія одна только истина должна управлять устами наставника; она только можетъ обнаружить всю гнусность неправоты, мздоимства и лицепріятія. Конференція почитала и почитаетъ излишними и даже не нравственными похвалы того, что само по себѣ достойно презрѣнія и оужденія; а потому каждому изъ своихъ членовъ поставляла въ обязанность изображать вещи въ настоящемъ ихъ видѣ, не смотря ни на какія уваженія. Кромѣ строгаго съ ея стороны наблюденія за сею частію воспитанія, каждый изъ наставниковъ руководствовался мыслию, что онъ образуетъ юношей, которые, проходя степени службы, могутъ нѣкогда приблизиться къ подножію трона и, содѣлавшись орудіями верховной власти, содѣлаются вмѣстѣ органами общаго мнѣнія и предстоятелями народа предъ лицомъ монарха. Да познаютъ же они, что всѣ люди какъ предъ Провидѣніемъ, управляющимъ вселенною, такъ и предъ владыкою земнымъ равны въ томъ отношеніи, что онъ равно промышляетъ о ихъ благополучіи.

Съ сей точки зрѣнія показываемо было воспитанникамъ устройство государственныхъ дѣлъ и необходимыя обязанности благонамѣреннаго служителя общества. Да наполнится ихъ сердце состраданіемъ къ ближнему, да по-

лучать они смѣлость возставать противу злоупотребленій, тяжкимъ игомъ обременяющихъ общество. Будучи сами чужды своекорыстія и другихъ страстей, подрывающихъ корень общежитія, да положить они преграду другимъ въ ихъ незаконныхъ поступкахъ.

Когда воспитанникамъ представляема была такимъ образомъ картина благоустройства гражданскихъ обществъ, въ то же время предлагаема была имъ исторія всемірная и частная отечественная. Здѣсь черпали они удостовѣреніе въ томъ, что представляемо было въ видѣ задачъ въ самой теоріи. Конференція поставляла въ необходимую обязанность преподающему предлагать истины историческія со всею точностію и со всякимъ безпристрастіемъ, достойнымъ историка. Дѣянія вѣковъ прошедшихъ и лицъ, дѣйствовавшихъ на позорищѣ міра прежде насъ, не должны быть обращаемы въ пользу нашего самолюбія и пороковъ, для насъ лестныхъ, но которые мы хотѣли бы оставить въ сокровеніи. Какъ счастье народовъ зависитъ отъ благоразумнаго управленія и благихъ нравовъ, такъ и бѣдственная судьба постигаетъ ихъ или за всеобщее развращеніе, или за пороки и ошибки ихъ правителей. Таковыя событія должны занимать преимущественно вниманіе людей, готовящихся для общественнаго служенія. Проходя исторію позднѣйшихъ вѣковъ, преподающій обращалъ вниманіе воспитанниковъ преимущественно на внутреннее состояніе государствъ, на ихъ взаимныя сношенія, на внѣшнюю торговлю, бывшую нѣкогда предметомъ зависти и соревнованія приморскихъ державъ, а потомъ учинившуюся предлогомъ хищничества и несправедливыхъ завоеваній, на поселенія, заводимыя въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, которыя, бывъ нѣкогда почитаемы главнѣйшими источниками народнаго обогащенія, служили яблокомъ раздора между государствами Западной Европы и до сихъ поръ еще, не смотря на упадокъ меркантильной системы, имѣютъ сильное вліяніе на судьбу народовъ.

Отечественная исторія проходима была съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ каковымъ предлагаема была древняя и новѣйшая иностранная. Вопреки вкравшемуся по злоупотребленію обычаю хвалить все домашнее безъ разбору, дѣянія историческія и характеры лицъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣла Россіи, представляемы были въ точномъ ихъ видѣ. Самые пороки изображены были во всей ихъ гнусности: ибо нимало не уменьшаетъ нынѣшнюю славу Россіи то, что она нѣкогда была государство слабое, раздираемое то внутренними несогласіями, то внѣшними неблагоприятными войнами, что въ ней царствовали нѣкогда суровые обычаи, безчеловѣчные законы, что въ государственномъ управленіи не было постепенности, что судъ и расправу могли находить только вельможи и люди, близкіе ко двору царскому, а простой народъ страдалъ отъ угнетенія сильныхъ. Пусть россиянинъ въ существенномъ видѣ знаетъ исторію своего отечества, пусть углубляется въ источники его прежняго изнеможенія и необразованности; при такомъ разсмотрѣніи откроются ему вмѣстѣ причины, исторгнувшія Россію изъ сего бѣдственнаго положенія и возведшія на степень настоящаго величія и славы. Пусть онъ представляетъ себѣ быстрые успѣхи правительства въ образованіи народа и вмѣстѣ убѣдится въ той истинѣ, что Россія сдѣлала касательно сего многое, но что остается сдѣлать еще большее. Тогда сердце его исполнится любви и признательности къ великимъ мужамъ, которые возымѣли смѣлость вооружиться противу предразсудковъ, укоренившихся въ теченіе многихъ столѣтій, противу злоупотребленій, обратившихся въ обычаи и, такъ сказать, въ законъ непреложный, противу характера жителей непреклоннаго по ихъ невѣжеству и суровости. Вмѣстѣ съ симъ возродится въ немъ соревнованіе къ подвигамъ сихъ великихъ геніевъ и охота содѣйствовать успѣхамъ блага общаго.

Хотя по Постановленію воспитанники Лицея преимущественно назначаются въ гражданскую службу, но по

тому же Постановленію не прегражденъ имъ путь въ военную. Науки физикоматематическія, какъ преимущественно для сей цѣли служащія, излагаемы были съ таковымъ же раченіемъ, какъ и нравственныя. Чистая математика проходима была въ семъ окончательномъ курсѣ постепенно до самыхъ высшихъ ея вычисленій. Потомъ уже предложены были части прикладной математики, наиболѣе нужныя по ихъ употребленію въ механическихъ производствахъ.

Вниманіе воспитанниковъ преимущественно обращено было на искусство давать направленіе силамъ природы, замѣнять оными слабыя силы человѣка, облегчать его труды и сокращать занятія въ достиженіи предполагаемыхъ цѣлей посредствомъ мѣръ и способовъ, въ самомъ существѣ вещей сокровенныхъ. — Физическія науки въ такомъ же духѣ предлагаемы были. Историческое изложеніе дѣйствій природы сопровождаемо было изъясненіемъ оныхъ посредствомъ опытовъ и наблюденій. Явленія вещественнаго міра благодѣтельныя и вредныя, тихія и грозныя, разсматриваемы были по ихъ происхожденію и послѣдствіямъ. Силы, направляемыя рукою невидимаго Промысла и отъ взоровъ неопытнаго созерцателя міра сокровенныя, открываемы были по ихъ чудесному вліянію на образованіе и цѣлость неорудныхъ и органическихъ созданій. Ознакомивъ воспитанниковъ съ общими законами и свойствами природы, преподающій занималъ ихъ изслѣдованіемъ существа и устройства обитаемой нами планеты, также отысканіемъ слѣдовъ ея первобытнаго образованія и послѣдовавшихъ превращеній. По Постановленію о Лицеѣ тотъ же наставникъ долженъ былъ проходить и военныя науки; но, какъ при всемъ раченіи онъ не могъ посвятить на сіи предметы довольно времени и какъ число воспитанниковъ, оказавшихся склонными къ военному званію; открылось довольно значущимъ, то конференція почла долгомъ усилить и мѣры къ образованію ихъ для сего рода службы, почему и прибѣгла съ просьбою къ начальству объ опредѣленіи по части военныхъ наукъ особеннаго на-

ставника. Попечительное начальство удовлетворило сему требованію, и воспитанники при особомъ ихъ и со стороны наставника раченіи приобрѣли достаточныя свѣдѣнія въ сихъ наукахъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ ученія. Причемъ однако жъ конференція, увѣрена будучи, что для достойнаго офицера необходимо нужно ученое образованіе, требовала отъ воспитанниковъ, пожелавшихъ вступить въ военную службу, неослабнаго занятія науками, до гражданской части относящимся. Ея желанія и труды увѣнчаны были счастливымъ успѣхомъ; большая часть воспитанниковъ, оказавшихся склонными къ воинской службѣ, приобрѣли достаточныя свѣдѣнія и во всѣхъ прочихъ наукахъ. Учебныя занятія всѣхъ воспитанниковъ вообще сопряжены были съ собственными ихъ упражненіями въ дѣлопроизводствѣ: какъ по части правовѣдѣнія, государственнаго хозяйства, такъ и по части военной, почему и могутъ они, оставивъ Лицей, употреблены быть непосредственно на службу общую. Отъ нихъ зависить воспользоваться приобретеннымъ образованіемъ, и конференція надѣется, что изъ признательности къ благотворному правительству, изъ благодарности къ своему начальству и въ воздаяніе за труды своимъ наставникамъ содѣлаются они добрыми гражданами и ревностными служителями общества.

Такое направленіе преподаванія на старшемъ возрастѣ Лицея не осталось безъ вліянія на многихъ изъ питомцевъ Лицея. Ниже приведенъ будетъ нами отрывокъ изъ записокъ Пущина, въ которомъ онъ свидѣтельствуетъ, что «по мнѣніямъ и убѣжденіямъ его, вынесеннымъ изъ Лицея, онъ готовъ былъ для дѣла» ¹⁾, которому посвятило себя организовавшееся во второй половинѣ 1817 года тайное общество.

Первый курсъ Лицея оканчивалъ свое образованіе. Надлежало озаботиться о будущей судьбѣ этихъ моло-

¹⁾ Записки, Спб. 1907, стр. 44.

дыхъ людей. Съ этою цѣлію 19 мая 1817 года опредѣлено было, что окончившіе курсъ воспитанники Лицея поступаютъ въ гражданскую службу съ чинами отъ 14 до 9 класса включительно, а въ военную службу въ гвардейскіе или армейскіе полки, соотвѣтственно ихъ познаніямъ и поведенію. На экипировку воспитанниковъ недостаточныхъ родителей повелѣно отпускать изъ государственнаго казначейства по 10,000 рублей чрезъ каждые три года ¹⁾).

Затѣмъ 7 іюня того же года Высочайше повелѣно было, дабы воспитанникамъ до открытія вакансій въ тѣхъ мѣстахъ, куда они по желаніямъ ихъ опредѣлены будутъ, назначаемо было жалованье по слѣдующему распредѣленію: удостоеннымъ IX класса по 800, X класса по 700, XII класса по 600 и XIV класса по 400 рублей въ годъ ²⁾).

Сверхъ того, были опредѣлены 9 іюня 1817 года правила перевода воспитанниковъ Благороднаго пансіона въ Лицей ³⁾).

Наконецъ, шестилѣтній опытъ показалъ недостаточность средствъ, ассигнуемыхъ на ежегодное содержаніе Лицея, почему 26 мая 1817 года утвержденъ новый оному штатъ, по которому сумма ежегоднаго расхода опредѣлилась 129,450 рублей ⁴⁾).

Наступило время окончанія учебныхъ занятій воспитанниками I курса Лицея. Сходно съ объявленіемъ, бывшимъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ № 39, произведено было 15 дневное публичное испытаніе воспитанникамъ Лицея по всѣмъ частямъ преподаваемыхъ въ ономъ наукъ.

О значеніи этихъ экзаменовъ бар. М. А. Корфъ говоритъ: «Окончательный экзаменъ нашъ вполне соотвѣтствовалъ образу нашего ученія и надзора за нашею нравственностію. Подобно, какъ въ математикѣ, и по большей

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXIV, № 26875.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXIV, № 26913.

³⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXIV, № 26916.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXXIV, № 26887.

части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка опредѣленныхъ ролей, и дурные отвѣты являлись только тогда, когда какой-либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ росписаніи или какой-нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже *последняго* въ жизни своей урока. Посѣтители же вопросовъ не задавали по той простой причинѣ, что ихъ не было, а тѣ, которые и были, могли только невѣжественно поклоняться безднѣ нашей фиктивной премудрости, или сами, какъ, напримѣръ, наши профессора, состояли участниками въ заговорѣ» ¹⁾.

Такой образъ производства экзаменовъ, сводившій ихъ на степень какъ бы театральнаго представленія, продолжался въ Лицеѣ вплоть до перевода его въ 1843 году въ Петербургъ.

Однако такой порядокъ испытаній существовалъ не только въ Лицеѣ, но и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Историкъ преобразованныхъ въ 1809—1814 г.г. духовныхъ учебныхъ заведеній, г. Титлиновъ ²⁾, сообщаетъ, что на публичныхъ испытаніяхъ обыкновенно спрашивали лишь лучшихъ учениковъ; спрашивали, согласно дозволенію устава, лишь по главнымъ предметамъ, и притомъ не по всему курсу, а только по небольшому отдѣлу извѣстной науки, заранее приготовленному. При этомъ иногда допускали даже подмѣну учениковъ.

Послѣ экзаменовъ происходилъ 9 іюня актъ въ присутствіи Государя и исправляющаго должность министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына. Сообщаемъ современную запись объ этомъ актѣ ³⁾.

¹⁾ Гротъ, стр. 253.

²⁾ Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи. Вып. I. Вильна. 1908 г. стр. 246.

³⁾ Передана намъ въ рукописи лиценстомъ XVIII курса графомъ Д. М. Сольскимъ. Она здѣсь впервые появляется въ печати. Официальное извѣстіе объ актѣ помѣщено было въ Сынѣ Отечества, 1817 г., № 26, стр. 273.

Начался актъ привѣтствіемъ, говореннымъ директоромъ Лицея:

Шесть лѣтъ, какъ Ваше Императорское Величество соблаговолили освятить сей храмъ наукъ и воспитанія. Нынѣ Императорскій Лицейъ представляетъ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, первые плоды своихъ трудовъ. Двадцать девять юношей, приготовившихъ себя къ разнымъ родамъ государственной службы, въ сей торжественный день изъ питомцевъ Вашего Императорскаго Величества поступаютъ въ общество гражданъ на службу своего Царя и Отечества.

Большая часть изъ нихъ воспользовались временемъ и способами, здѣсь имъ доставленными, для обогащенія ума и для образованія сердца. Слѣдующій краткій отчетъ излагаетъ начала, на коихъ основано было ученіе и воспитаніе ихъ, и способы, употребленные начальствомъ для достиженія предполагаемой цѣли ¹⁾.

По прочтеніи конференцъ-секретаремъ отчета объ учебныхъ занятіяхъ и образѣ воспитанія во время шестилѣтняго курса воспитанниковъ, директоръ продолжалъ:

Таковы были способы образованія, воспитанникамъ нашимъ доставленные; достойные наставники не щадили ни труда, ни времени для усовершенствованія ввѣренныхъ имъ питомцевъ. Произведенное передъ публикою 15-дневное по всѣмъ частямъ строгое испытаніе доказало степень ихъ знанія—они могутъ быть полезны! Они будутъ полезны! Въ чистыхъ сердцахъ ихъ пылаетъ священное желаніе отплатить, хотя часть того великаго долга, который на нихъ лежитъ. Они будутъ полезны! Они будутъ достойны благодѣяній, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ на нихъ изліянныхъ и нынѣ въ заключеніе изливаемыхъ при выпускѣ ихъ. Позвольте объявить имъ объ оныхъ при лицѣ Благодѣтеля ихъ.

¹⁾ Отчетъ этотъ напечатанъ выше, стр. 94 и слѣд.

Затѣмъ былъ прочитанъ списокъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея съ означеніемъ преимуществъ, съ коими каждый изъ нихъ по мѣрѣ успѣховъ и достоинства въ службу государственную опредѣляется.

По прочтеніи сего списка и по раздачѣ медалей, директоръ продолжалъ:

Идите, друзья, на новомъ вашемъ поприщѣ! Читите Бога и святой Его законъ; любите Царя благодѣтеля и Отечество, храните правду, жертвуйте всѣмъ за нее; не смерть страшна, а страшно безчестіе; не богатство, не чины, не ленты чествятъ человѣка, а доброе имя, храните его, храните чистую совѣсть, вотъ честь Ваша.—Идите, друзья, поминайте насъ,—уповайте на Бога, и Богъ васъ благословитъ¹.

За симъ хоръ воспитанниковъ пропѣлъ Прощальную пѣснь воспитанниковъ Императорскаго Лицея при выпускѣ ихъ изъ сего заведенія, сочиненную барономъ А. А. Дельвигомъ¹).

Память о I-мъ выпускѣ донинѣ хранится въ стѣнахъ Лицея; даже на современниковъ произвелъ онъ сильное впечатлѣніе: такъ, Н. И. Гречъ именуетъ его «блистательнымъ»²), а Ф. Ф. Вигель называетъ этотъ выпускъ воспитанниковъ «весьма примѣчательнымъ», прибавляя, что «немногіе изъ нихъ остались послѣ въ безызвѣстности»³).

Пѣніе на актѣ прощальной пѣсни прекратилось еще въ бытность Лицея въ Царскомъ Селѣ. Въ Александровскомъ Лицеѣ она пѣлась въ рѣдкихъ совершенно исключительныхъ случаяхъ, и младшимъ поколѣніямъ лицеистовъ она мало извѣстна. Приводимъ ее здѣсь, какъ память добраго стараго времени.

¹) Въ самый день акта Энгельгардтъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 степени, а 13 профессоровъ и чиновниковъ получили также награжденія.

²) Записки о моей жизни, стр. 407.

³) Записки, V, стр. 51.

Прощальная пѣнь воспитанниковъ П. Ц. Лицея.

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: *«шестуйте сыны!»*

Тебѣ, нашъ Царь, благодаренье!
Ты Самъ насъ юныхъ соединишь,
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу музамъ посветишь.
Прими жъ теперь не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердца чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благости Твоей.

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: *«шестуйте сыны!»*

О Матерь! вняли мы призванью!
Кипитъ въ груди младая кровь;
Длань крѣпко соединилась съ дланью;
Связала ихъ къ тебѣ любовь:
Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла, кровь и трудъ,
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо въ правды судъ!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: *«шестуйте сыны!»*

Благословите положившихъ
Святой отечеству обѣтъ,
И съ дѣтской нѣжностью любившихъ
Васъ, други первыхъ нашихъ лѣтъ!
Мы не забудемъ наставленій,
Плодъ вашихъ опытовъ и думъ,
И мысль объ нихъ, какъ нѣкій Геній,
Неопытный поддержитъ умъ.

Простимся, братья! руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ!

Другъ на другъ остановите
Вы взоръ съ прощальною слезой!
Храните, о друзья! храните
Ту жъ дружбу съ тою же душой!
То жъ къ правдѣ пылокое стремленье!
Ту жъ ко трудамъ живую кровь!
Въ несчастъѣ—гордое терпѣнье!
А въ счастье—всѣмъ равно любовь!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье
Въ объятяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: *«шествоуйте сыны!»*
Простимся, братья! руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ! ¹⁾.

¹⁾ Перепечатано изъ «Сына Отечества» 1817 г., № XXVI,
стр. 260.

Х.

Пушкинъ и его товарищи, составившіе I курсъ Лицея, стяжали ему добрую славу и уваженіе послѣдующихъ поколѣній лиценстовъ и служили для нихъ поучительнымъ примѣромъ. Среди старыхъ лицейскихъ образовался, если можно такъ выразиться, культъ Царскаго Села. Едва переѣхавъ по окончаніи курса въ Петербургъ, Дельвингъ писалъ Яхонтову, лицейскому II курса:

Не мило мнѣ на новосельѣ:
Здѣсь все увяло, тамъ цвѣло.
Одно и есть мое веселье —
Увидѣть Царское Село.

Нѣсколько позже Пушкинъ въ своемъ знаменитомъ 19 октября 1825 года» говорилъ товарищамъ:

Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское село.

Лицейскіе, жившіе внѣ Петербурга, пріѣзжая сюда, непременно посѣщали свой старый пріютъ, Царское Село, и стараго своего директора. «Вчера» — писалъ Энгель-

гардтъ 9 марта 1818 года Матюшкину: «былъ праздникъ хоть куда. Прилетѣли вдругъ двое саней съ колокольчиками: остановились у дверей моихъ. Гляжу—выходятъ наши москвичи: Горчаковъ, Малиновскій, Ломоносовъ. И радоваться и спрашивать и отвѣчать и не слушать ни вопросовъ, ни отвѣтовъ,—они здоровы и очень много гебѣ кланяются. День мы провели вмѣстѣ и очень весело: вечеромъ они поѣхали, и я съ ними сѣлъ и поѣхалъ въ городъ къ Малиновскому и просидѣлъ до 2-хъ часовъ ночи: болтали да калякали да толковали про старину и про будущность. Жаль, что нельзя вѣкъ свой съ лицейскими своими провести. Я съ ними только и живу».

Естественно, что столь пламенные чувства должны были получить вещественное воплощеніе въ какихъ-либо символахъ. Такъ бывало и бываетъ всегда, не только въ эпоху расцвѣта „чувствительности“, которая имѣла особенную склонность къ такого рода сувенирамъ и эмблемамъ. И въ жизни лицейскихъ сказалось это стремленіе.

Въ лицейскомъ саду I курсъ поставилъ памятникъ въ видѣ гранитной плиты съ надписью „genio loci primus curus erexit“.

Для объясненія этой надписи, заимствованной, очевидно, изъ классическаго римскаго міра, слѣдуетъ помнить, что религіозное міровоззрѣніе латинянъ было въ основѣ своей пантеистично; для нихъ все было проникнуто своего рода божествомъ, или божественностью; все существующее и дѣйствующее они производили изъ высшаго, одареннаго силою и интеллектомъ существа. Божественный духъ латиняне приписывали всякому явленію природы, которое производило впечатлѣніе на душу; горы, долины, источники и вообще всякое мѣсто, которое почему либо внушало чувство почтенія, имѣли своихъ геніевъ. Сохранилось множество надписей „genio loci“, „genio hujus loci“. Постепенно идея такого генія смѣнивалась съ идеею пенатовъ и идеею родоначальника. Такъ именно и объясняли значеніе этого памятника первокурс-

ники¹⁾. Однако, самъ Энгельгардтъ, какъ видно изъ одного его письма, которое приведено будетъ ниже, подъ *genius loci* разумѣлъ основателя Лицея, Императора Александра I.

Когда памятникъ обветшалъ, то XI курсъ возобновилъ его, прибавивъ къ надписи слова: «*undecimus (id est cursus) renovavit*».

Въ такомъ видѣ памятникъ этотъ перевезенъ былъ въ Петербургъ, и пишущій эти строки, проведенный въ Лицеѣ шесть лѣтъ (1850—56), живо помнитъ этотъ остатокъ лицейской старины, помѣщавшійся въ глубинѣ сада на правой его сторонѣ, но послѣ того онъ куда-то исчезъ, и въ 1873 году его уже не могли найти²⁾.

Дабы связать лицейскихъ какимъ-либо внѣшнимъ видимымъ знакомъ, Энгельгардтъ роздалъ имъ для ношенія чугунныя кольца, почему и называлъ ихъ часто «чугунниками». Нѣкоторые изъ нихъ долго не разлучались съ этими кольцами. Такъ, И. И. Пущинъ въ письмѣ къ Энгельгардту въ 1845 году изъ Сибири писалъ:

«Горько слышать, что наше 19 октября пустѣеть: видно, и чугунное кольцо стирается временемъ».

Благодарно вспоминая воспитавшій ихъ Лицей, первокурсники установили собираться товарищамъ ежегодно въ день его открытія 19 октября.

Первоначально Энгельгардтъ приглашалъ первокурсниковъ къ себѣ въ Царское Село, гдѣ день Лицея праздновался въ воскресенье, предшествовавшее 19-му октября. Такое празднество, бывшее въ 1818 году, описалъ Кюхельбекеръ въ письмѣ къ одному изъ своихъ товарищей³⁾.

¹⁾ Баронъ Корфъ говоритъ, что *genius loci* была просто фантастическая надпись, придуманная романтическимъ Энгельгардтомъ въ честь невидимого духа—покровителя этихъ рощей, какого-нибудь пофантазавшаго фея.

²⁾ Объ этомъ памятникѣ были замѣтки въ Русской Старинѣ 1873 г., VIII, стр. 244, 597 и 1000. Воспоминанія А. Н. Яхонтова—Русская Старина, 1888, № 10 стр. 105.

³⁾ Сынъ Отечества, т. 49, стр. 532.

Всѣ первокурсники, пріѣхавшіе въ Царское Село, обѣдали у Энгельгардта и затѣмъ перешли въ Лицей, гдѣ состоялись театральное представленіе и балъ. Вскорѣ однако первокурсники стали 19 октября собираться отдѣльно въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ.

Этотъ обычай приняли и послѣдующіе курсы, причемъ каждый изъ нихъ собирался отдѣльно. Правило это соблюдалось столь строго, что, когда Энгельгардтъ въ 1836 году предложилъ воспитанникамъ первыхъ трехъ курсовъ, при немъ покинувшихъ Лицей, сойтись вмѣстѣ для празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея, то осуществить эту мысль не удалось, не смотря на авторитетъ, которымъ онъ пользовался среди своихъ питомцевъ.

Собраніямъ этимъ, происходившимъ то у одного, то у другого изъ товарищей, велись записи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ неоднократно придется возвращаться къ описаніямъ празднованія этого дорогого дня, имѣющаго въ Петербургѣ такое же значеніе, какое въ Москвѣ имѣетъ день 12 января, годовщина основанія Московскаго университета.

На лицевой сторонѣ медали, для награжденія лучшихъ воспитанниковъ Лицея, изображаются, какъ сказано въ официальномъ описаніи этой медали, «принадлежности наукъ и словесности: птица, посвященная Минервѣ, лира Аполлонова, хартія или свитокъ и награда достойныхъ—вѣнки дубовый и лавровый. Надъ эмблемами сими надпись: для общей пользы, приличествующая предмету воспитанія и ученія въ Лицеѣ». Эти эмблемы и надпись усвоены, какъ гербъ и девизъ Лицея, и всегда помѣщаются на официальныхъ его документахъ и изданіяхъ.

Между директоромъ и учебнымъ персоналомъ Лицея, съ одной стороны, и питомцами, съ другой, установилась прочная связь на долгіе годы. Нельзя безъ умиленія читать слѣдующую записъ въ журналѣ конференціи Лицея 5-го ноября 1818 года:

Ст. VIII. Слушано. Г. директоръ Лицея объявилъ

собранию, что онъ на сихъ дняхъ получилъ письмо отъ бывшихъ воспитанниковъ Матюшкина и Ломоносова: отъ первого, отправившагося съ экспедиціею капитана Головнина, изъ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ, а отъ второго, отправленнаго къ россійскому посольству при Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ, изъ Филадельфіи; оба они благополучно кончали свое путешествие и съ чувствомъ живѣйшей благодарности ко всѣмъ почтеннымъ наставникамъ своимъ просятъ о содержаніи ихъ въ памяти.

Положено.

Такъ какъ сословіе членовъ конференціи всегда принимаетъ участіе въ питомцахъ своихъ, то и внести статью сію въ журналъ оной .

Столь же любопытенъ и другой фактъ, занесенный въ протоколъ конференціи 6 апрѣля 1820 г.

Слушано. Письменное отношеніе бывшаго воспитанника Лицея барона Модеста Корфа, въ коемъ онъ, изъясняя чувствованіе своей признательности къ Лицею, въ коемъ онъ воспитывался, посвящаетъ Лицею переведенную на русскій языкъ книгу: «Опытъ стенографическій» ¹⁾).

Положено. Конференція, чувствуя истинное удовольствіе, что воспитанники Лицея являютъ опыты полезныхъ отечеству своихъ трудовъ, и, принимая съ должною признательностью посвященіе означенной книги г-номъ Корфомъ Лицею, полагаетъ изъяснить ему, Корфу, свою должную за сіе благодарность .

Съ другой стороны, проф. Кайдановъ, издавъ въ 1817 году «Руководство къ познанію всеобщей политической исторіи», посвятилъ его Лицею и Благородному пансіону, какъ свое *«усерднѣйшее приношеніе»*, и снабдилъ это руководство обширнымъ обращеніемъ «къ благород-

¹⁾ Объ этомъ переводѣ будетъ сказано ниже.

нымъ воспитанникамъ», въ которомъ излагаетъ передъ ними цѣль изданія и планъ всего сочиненія ¹⁾).

Эту связь питомцевъ съ воспитавшимъ ихъ заведеніемъ старательно поддерживалъ и укрѣплялъ Энгельгардтъ. Онъ велъ переписку съ весьма многими жившими въ Петербурга лицейскими, и извлеченныя изъ этихъ писемъ свѣдѣнія будутъ неоднократно встрѣчаться на слѣдующихъ страницахъ настоящаго труда.

Въ заключеніе этой главы скажемъ, что Царскосельскому Лицею неизвѣстно было слово «лиценствъ», вошедшее въ употребленіе только по перемѣщеніи Лицея въ Петербургъ: царскосельскіе питомцы онаго назывались лицейскіе .

¹⁾ Упомянемъ и о томъ, что въ іюль 1819 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на помѣщеніе въ воспитанники Благороднаго пансіона на счетъ онаго брата бывшаго воспитанника Лицея поручика главнаго гвардейскаго штаба Вольховскаго во уваженіе того, что оный былъ отличѣйшимъ воспитанникомъ Лицея и при выпускѣ изъ онаго по всей справедливости удостоился получить первую золотую медаль.

XI.

Прежде, чѣмъ вести наше повѣствованіе далѣе, скажемъ нѣсколько словъ о лицахъ, стоявшихъ во главѣ управленія Лицеемъ въ 1817 году.

Постановленіемъ о Лицеѣ 12 августа 1810 года Лицей и члены его пріемлются подъ особенное Его Императорскаго Величества покровительство и состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія. Другими словами, это означало, что Лицей не входилъ въ число учебныхъ заведеній, подчиненныхъ попечителю учебнаго округа.

О ту пору министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Назначенный министромъ въ 1816 году, съ сохраненіемъ должностей оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, главноуправляющаго иностранныхъ исповѣданій и главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, князь Голицынъ 24 октября 1817 года поставленъ былъ во главѣ вновь образованнаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и на его долю выпала обязанность наблюдать, чтобы, какъ сказано было въ изданномъ тогда же манифестѣ, «христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія».

Какъ исполнилъ князь эту задачу, говорить здѣсь не мѣсто. Вопросъ этотъ достаточно освѣщенъ г.г. Рождественскимъ ¹⁾ и Чистовичемъ ²⁾.

По отзыву одного изъ современниковъ, князь Голицынъ «даже знатныхъ людей прежняго времени, столь образованныхъ для свѣта, превосходилъ любезностью и невѣжествомъ».

Ближайшимъ сотрудникомъ князя по дѣламъ народнаго просвѣщенія, вмѣсто уволеннаго 17 февраля 1817 года И. И. Мартынова, явился тогда же назначенный директоромъ департамента д. с. с. В. М. Поповъ, одинъ изъ единомышленниковъ Магницкаго и Руничя и послѣдователь секты Е. Ф. Татишиной.

Директоромъ Лицея былъ Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, а директоромъ лицейскаго Благороднаго пансіона—профессоръ Гауеншильдъ.

По постановленію 16 декабря 1816 г. (§ 3) хозяйственными дѣлами благороднаго пансіона располагало правленіе, а учебными—конференція Лицея.

При различіи характеровъ, нравственныхъ свойствъ, педагогическихъ воззрѣній Энгельгардта и Гауеншильда, упомянутое постановленіе могло подавать и, дѣйствительно, подавало поводы къ несогласіямъ и недоразумѣніямъ между ними.

Какъ мы видѣли выше, I-ый курсъ Лицея, составлявшій съ 1815 по 1817 годъ старшій возрастъ онаго, состоялъ изъ 29 лицъ; младшій же возрастъ только изъ 21 ученика. При переводѣ сихъ послѣднихъ въ 1817 году на старшій возрастъ, признано было нужнымъ довести число ихъ до 25, прибавивъ къ нимъ четырехъ воспитанниковъ пансіона, а именно: Бориса Данзаса, Нумерса.

¹⁾ Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія 1802--1902. Спб. 1902, стр. 105—161.

²⁾ Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Спб. 1894.

Шабельскаго и Семенова, на младшій же возрастъ перевести изъ пансіона 25 человекъ ¹⁾, чѣмъ наличный составъ воспитанниковъ Лицея доведенъ былъ до нормальной цифры пятидесяти.

При семъ едва не нарушено было Постановление о Лицеѣ. 4-го ноября 1817 года князь Голицынъ писалъ Энгельгардту изъ Москвы: «Государь поручилъ мнѣ спросить у Васъ, не можно ли устроить такъ, чтобы можно было помѣстить въ Лицей, а не въ пансіонъ, не въ примѣръ другимъ, молодого графа Шереметева, съ тѣмъ, что, ежели онъ по наукамъ не можетъ быть въ курсѣ Лицея, то дома могъ бы получать уроки и, когда сравнялся бы съ учениками Лицея, то тогда бы онъ ходилъ въ классы съ прочими». Энгельгардтъ выразилъ мнѣніе, что «изъятія изъ хорошихъ правилъ всегда вредны, а это изъятіе преимущественно вредно: богатство Шереметева не даетъ ему никакого права на сіе преимущество, и потому поступленіе его не должно имѣть мѣста». Графъ Шереметевъ такъ и не поступилъ въ Лицей ²⁾.

Составъ преподавателей при II курсѣ остался тотъ же, что и при первомъ; только законоучитель протоіерей Музовскій въ ноябрѣ 1817 года замѣненъ былъ бакалавромъ С.-Петербургской духовной академіи магистромъ Іоакимомъ Кочетовымъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялъ священникомъ и при Царскосельской дворцовой церкви. Въ февралѣ 1818 года изъ представленныхъ учащими въ Лицеѣ полугодичныхъ списковъ составлены были таблицы и сдѣлано общее извлеченіе изъ оныхъ съ подробнымъ описаніемъ успѣховъ, способностей, прилежанія и поведенія каждаго воспитанника.

Приведемъ для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ характеристикъ.

¹⁾ Изъ числа ихъ Аѳанасій Бестужевъ вскорѣ умеръ, и на его мѣсто переведенъ былъ изъ пансіона Анатолій Жадовскій.

²⁾ Рус. Арх. 1868 г., ст. 875—876.

Данзасъ. «Весьма хорошія способности и похвалы-ные и довольно ровные по всѣмъ частямъ успѣхи. Сіи послѣдніе могли бы быть отличны, если-бы не былъ онъ иногда разсѣянъ въ мысляхъ. Отъ того происходитъ, что онъ часто вопрошаетъ или отвѣчаетъ, не обдумавъ напередъ, а потому часто вопросы и отвѣты его оказываютъ какую-то пустоту разсудка, которая ему ничуть не свойственна, которая однако можетъ сдѣлаться для него весьма предосудительною въ глазахъ и мнѣніи людей, не такъ коротко его знающихъ».

Лангеръ. «Понятенъ и довольно основателенъ въ сужденіяхъ своихъ, но весьма нерадивъ, и потому въ иныхъ предметахъ успѣхи его очень посредственны, а въ другихъ только не худы, тогда когда съ нѣкоторымъ со стороны его хотѣніемъ и прилежаніемъ могъ бы, при дарованіяхъ его, сдѣлаться весьма хорошимъ воспитанникомъ. Онъ въ младшемъ курсѣ былъ прилежниѣе и болѣе дорожилъ ученіемъ».

Пальчиковъ. «Способности очень хорошія, но безпеченъ и неисправенъ въ урокахъ, и особливо съ нѣкотораго времени замѣтно, что гораздо менѣе дорожитъ ученіемъ и менѣе занимается, нежели прежде; а потому и успѣхи его подвигаются не впередъ, а назадъ. Онъ изъ числа тѣхъ, которые были гораздо лучше въ младшемъ курсѣ».

Подлиневъ. «Весьма хорошія способности, отлично внимателенъ, прилеженъ и исправенъ во всемъ. Успѣхи превосходные. Желательно, чтобы могъ онъ себя приучить съ меньшею торопливостію дѣйствовать и говорить; въ первомъ случаѣ онъ весьма часто самого себя сбиваетъ и путаетъ, а въ послѣднемъ дѣлается непонятнымъ тѣмъ, съ которыми объясняется. Это въ послѣдствіи времени можетъ для него сдѣлаться весьма вреднымъ, ибо въ свѣтѣ о способностяхъ и знаніяхъ человека могутъ только судить по тому, какъ умѣетъ онъ ихъ приложить къ дѣлу и объяснить».

Познякъ. «Дарованій хорошихъ, но, по общему всѣхъ преподающихъ мнѣнію, безпеченъ и лѣнивъ, и потому, исключая російской словесности, по всѣмъ частямъ, успѣхи—весьма посредственные .

Чарнышъ. «Весьма хорошія дарованія, примѣрно трудолюбивъ и прилеженъ, разсудителенъ и охотно занимается. Въ урокахъ и во всѣхъ своихъ занятіяхъ исправенъ. Успѣхи весьма хорошіе и равные по всѣмъ частямъ, и потому основательные. Ему только надлежитъ принуждать себя болѣе говорить и изъясняться, особливо на иностранныхъ языкахъ: уже выше сказано было, что въ свѣтѣ о занятіяхъ и способностяхъ человека не иначе судить могутъ, какъ тогда, когда умѣетъ онъ ихъ приложить къ дѣлу и свободно изъяснить, а это—дѣло навыка .

Князь Эристовъ. «Дарованія очень хорошія, успѣхи хороши, но совсѣмъ не соотвѣтствующіе его способностямъ. Не всегда прилеженъ и часто весьма невнимателенъ. Считая себя во многихъ предметахъ уже довольно свѣдущимъ, пренебрегаетъ оными и, вмѣсто основательнаго ими занятія, поверхностно только ими занимается. Въ классѣ не всегда ведетъ себя такъ, какъ бы надлежало. Онъ изъ числа тѣхъ, которые въ младшемъ возрастѣ были прилежнѣе .

Яхонтовъ. «Весьма хорошихъ дарованій, прилеженъ, внимателенъ, почти всегда исправенъ въ урокахъ; по всѣмъ частямъ ровные и хорошіе успѣхи. Сими послѣдними однако обязанъ онъ болѣе природнымъ способностямъ и счастливой памяти, нежели напряженію ума и труду, котораго онъ прилагаетъ менѣе, нежели бы надлежало, а потому и успѣхи его, хотя весьма похвальные, однако не соотвѣтствуютъ еще способностямъ и дарованіямъ его» .

Конференція Лицея предоставила директору прочесть воспитанникамъ эти аттестаціи.

Весьма вѣроятно, что Егоръ Антоновичъ не ограничился формальнымъ исполненіемъ этого порученія, но по-

старался дать ближайшія наставленія каждому изъ воспитанниковъ и указалъ имъ пути къ исправленію замѣченныхъ недостатковъ, высказывая это въ свойственной ему гуманной формѣ.

Въ мартѣ 1819 года министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сообщилъ директору начертаніе подробнѣйшихъ правилъ касательно испытаній въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, коихъ воспитанники при выпускѣ имѣютъ право на полученіе класснаго чина. Въ правилахъ этихъ, между прочимъ, требовалось производство ежемѣсячныхъ испытаній, но конференція Лицея положила представить министру о разрѣшеніи производства испытаній черезъ три мѣсяца. Однако министръ отозвался, что, какъ ежемѣсячныя испытанія составляютъ общее по училищамъ распоряженіе вслѣдствіе Высочайшей воли, то и не можно нарушить оное при самомъ введеніи ихъ въ Лицеѣ.

Прервемъ на время разсказъ о жизни второго курса Лицея упоминаніемъ о томъ, что въ 1819 году произведенъ былъ первый выпускъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ лицейскомъ Благородномъ пансіонѣ. На выпускныхъ испытаніяхъ присутствовали министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, митрополитъ Сестренцевичъ-Богущъ, князь В. П. Кочубей, многіе другіе любители просвѣщенія, а также родители нѣкоторыхъ воспитанниковъ. 29-го іюня происходилъ актъ, который закончился чтеніемъ длиннаго списка наградъ, пожалованныхъ преподавательскому и воспитательскому персоналу пансіона ¹⁾.

Въ числѣ выпущенныхъ изъ пансіона десяти воспитанниковъ былъ и Николай Ивановичъ Павлищевъ, вступившій въ 1828 году въ бракъ съ Ольгою Сергѣевною Пушкиною, сестрою поэта.

¹⁾ Сѣверная Почта, 1819. № 57. По нѣмецки имѣется отчетъ подъ заглавіемъ: «Bericht über den Zustand der adeligen Pension des Kaiserlichen Lyceums zu Zarskoe-Selo bis zum August 1817».

2-го декабря 1819 года профессор Гауеншильдъ словесно заявилъ директору, что воспитанники Лицея старшаго возраста въ классѣ изъявили ему общее ослушаніе и нехотѣніе списывать его лекціи и списанныя ему показывать для разсмотрѣнія, причемъ онъ объявилъ, что виновнѣйшіе въ семъ дѣлѣ воспитанники были: Яхонтовъ, Эристовъ и Чарнышъ. Конференція, разсмотрѣвъ это заявленіе Гауеншильда, постановила: Яхонтова и Эристова посадить въ карцеръ на 3 дня, а Чарныша единственно изъ уваженія къ прежнему его похвальному поведенію—на одни только сутки, сдѣлавъ ему, сверхъ того, строгій выговоръ. Всѣхъ же сихъ трехъ воспитанниковъ впредь до исправленія поставить въ отмѣткѣ по поведенію такъ: воспитанника Чарныша понизить двумя нумерами, Эристова сравнить съ послѣдними по поведенію, а Яхонтова поставить по поведенію ниже Эристова. Всѣмъ прочимъ воспитанникамъ сдѣлать выговоръ, а всѣмъ вообще подтвердить, дабы они всякому своему наставнику всегда оказывали должное повиновеніе и выполняли бы все то, что всякій наставникъ по части своего предмета отъ нихъ требовать будетъ, подѣ опасеніемъ строгаго наказанія, въ случаѣ ослушанія; равно при семъ же поставить всѣмъ воспитанникамъ на замѣчаніе, что не одни успѣхи ихъ въ наукахъ, но и поведеніе ихъ какъ виѣклассное, такъ и классное будутъ имѣть вліяніе на нихъ при выпускѣ ихъ изъ Лицея.

Съ своей стороны князь Голицынъ выразилъ крайнее неудовольствіе по случаю этого непозволительнаго поступка и предписалъ сдѣлать отъ имени его виновнымъ строгій выговоръ въ присутствіи прочихъ воспитанниковъ, всѣмъ же воспитанникамъ вообще подтвердить сохранять къ начальникамъ и наставникамъ своимъ во всякомъ случаѣ уваженіе и повиновеніе; ибо при нарушеніи сего будутъ они подвергать себя невыгоднымъ замѣчаніямъ, которыя при выпускѣ изъ Лицея будутъ для нихъ крайне предосудительны; а для предохраненія воспитанниковъ на буду-

шее время отъ таковыхъ поступковъ—болѣе утверждать ихъ въ правилахъ благочестія и благоправія.

Вслѣдъ за тѣмъ князь Голлицынъ въ июнѣ 1820 года призналъ необходимо нужнымъ священнику, имѣющему должность законоучителя при Лицеѣ, засѣдать въ конференціи, ибо онъ по важному предмету, имъ преподаваемому, занимаетъ мѣсто, дѣйствительно, не ниже профессорскаго, и, какъ познаніе Закона Божія и правилъ евангельскаго ученія преимущественно должно входить въ учебное и нравственное образованіе воспитанниковъ, то при испытаніи ихъ въ присутствіи конференціи непременно слѣдуетъ быть и законоучителю, дабы онъ наравнѣ съ профессорами имѣлъ возможность и право давать свой голосъ касательно успѣховъ въ ученіи и нравственныхъ качествъ воспитанниковъ.

Эти заботы о нравственности лицейскихъ едва-ли нужны были въ директорство Энгельгардта, человѣка весьма религіознаго и набожнаго. Онъ, между прочимъ, принялъ дѣятельное участіе въ постройкѣ въ Царскомъ Селѣ лютеранской церкви, на сооруженіе которой Императоромъ Александромъ пожаловано было, по докладу Энгельгардта и по просьбѣ лицейскаго пастора Гнихтеля, двадцать тысячъ рублей и 386 кв. саж. земли ¹⁾. Освящена она была 13 октября 1818 года, причемъ воспитанники Лицея и Благороднаго пансіона пѣли нѣмецкіе стихи Эртеля, положенные на музыку Тепперомъ. Къ этому празднику, какъ уже упомянуто выше, пріѣзжали въ Царское Село

¹⁾ Die Evangelisch-Lutherischen Gemeinden in Russland. Eine historisch-statistische Darstellung. S.-Petersburg. 1909, Seite 66. Селезневъ, стр. 53. Сохранилось извѣстіе, что въ построеніи этой церкви принимали участіе масонскія ложи, входившія въ составъ великой ложи Астрей. Сборы денегъ поступалъ медленно, и въ журналѣ ложи отъ 30 октября 1821 года великій мастеръ предложилъ подтвердить всѣмъ ложамъ о незамедлительной высылкѣ собранныхъ ими денегъ, хотя въ это время церковь была уже построена и освящена.

нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ I курса и въ числѣ ихъ В. К. Кюхельбекеръ. Всегда восторженный, онъ и отъ этого зауряднаго случая пришелъ въ умиленіе и описалъ его въ риторически-высокопарномъ письмѣ «лицейскаго ветерана къ лицейскому же ветерану», причемъ упомянулъ, что «ветераны» обошли прудъ, остановились на розовомъ полѣ, на Екатерининскомъ мѣстѣ и на темныхъ аллеяхъ, окружающихъ павильонъ уединенія¹⁾.

Въ январѣ 1818 года Лицей посѣтилъ О. П. Козодавлевъ, въ то время управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія²⁾; вмѣстѣ съ Лицеемъ онъ осмотрѣлъ и пансіонъ. Посѣщеніе это описано въ *Conservateur Impartial* (1818, № 5, отъ 15 января), гдѣ сказано, что Козодавлевъ остался очень доволенъ видѣннымъ, однако большая часть похвалъ удѣлена личности самого посѣтителя, познанія коего, по словамъ газеты, соединяли *le double avantage de la théorie et de la pratique*.

Вслѣдъ за выпускомъ I курса и переводомъ въ Лицей для укомплектованія его штата 25 воспитанниковъ пансіона, Энгельгардтъ обратилъ вниманіе на то, что воспитанники Лицея, пользуясь всѣмъ Царскосельскимъ паркомъ, не имѣли отдѣльнаго домашняго для нихъ сада.

Ваше Сіятельство сами—писалъ онъ по этому поводу князю А. Н. Голицыну въ ноябрѣ 1817 года—неоднократно соглашались въ пользѣ и необходимости сего приобрѣтенія для Лицея и для бѣдныхъ моихъ малютокъ, которые тоскуютъ о пространномъ своемъ полѣ въ пансіонѣ, гдѣ они въ приличной возрасту ихъ свободѣ бѣгали, прыгали и садовничали, тогда какъ теперь должны они чинно, сложя руки, прохаживаться по аллеямъ сада

¹⁾ Сынъ Отечества. 1818 г., ч. 49, № 45, стр. 352. О мѣстоположеніи розоваго поля см. Царское Село. Путеводитель». СПб. 1910 г., стр. 172.

²⁾ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ родился 29 марта 1754 г., ум. 24 июля 1819 г.; назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ 28 января 1811 г., онъ въ 1818 г. управлялъ временно и министерствомъ народнаго просвѣщенія.

и остерегаться, чтобы не нарушить порядка громкимъ словомъ, прыжкомъ, однимъ словомъ, не быть дѣтьми.

Вслѣдствіе этого князь Голицынъ представилъ Государю планъ отвода необходимой для лицейскаго сада площади и проектъ рисунка ограды вокругъ нея.

Отведенная для сада площадь имѣла въ длину 70 саж., въ ширину 65 саж., и въ центрѣ ея находилась церковь Знаменія.

12 февраля 1818 Энгельгардтъ писалъ Голицыну: «Молодежь моя такъ счастлива въ мысляхъ обо всемъ, что будетъ у нихъ на давно желанномъ семъ мѣстѣ! Уже заводятся лопатами, граблями, садовыми сѣменами и готовы бы, кажется, были уже въ снѣгъ сѣять и сажать.

Великое благодѣяніе намъ Вы доставили. И я удостоился счастья видѣть у себя Государя и благодарить его лично за всѣ его милости. Онъ изволилъ мнѣ объявить радостную вѣсть, что начальники бывшихъ моихъ воспитанниковъ весьма имъ довольны и хорошо о нихъ отзываются».

Засимъ послѣ продолжительной переписки объ устройствѣ сада, ограды вокругъ него и фонарей и отпуска нужныхъ средствъ, все это дѣло окончилось въ ноябрѣ 1819 года. Садъ Лицея такъ и сохранилъ на будущее время названіе «ограда» ¹⁾.

Учебныя занятія второго курса были нарушены пожаромъ 12 мая 1820 года. Въ слѣдующихъ словахъ описывается этотъ пожаръ исторіографъ Н. М. Карамзинъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву 10 мая 1820 года:

«Третьяго дни сгорѣло около половины здѣшняго великолѣпнаго дворца, церковь, Лицей, комнаты Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Государевы. Часу въ третьемъ передъ обѣдомъ я спокойно писалъ въ своемъ новомъ кабинетѣ и вдругъ увидѣлъ надъ куполомъ церкви облако дыма съ пламенемъ,—бѣгу ко дворцу и нахожу Государя, уже дающаго приказанія, даже забрызганнаго водою,

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія объ оградѣ Лицея приведены въ статьѣ лицейста LIX курса А. А. Рубца, помѣщенной въ Лицейскомъ журналѣ 1911 г., № 4.

почти въ самомъ огнѣ. Вѣтеръ былъ сильный, а царско-сельская полиція—не петербургская, не московская—для гашенія пожаровъ не имѣетъ ни тѣхъ средствъ, ни той расторопности. Прибѣжало множество солдатъ, но съ голыми руками. Огонь пылалъ, и черезъ 10 минутъ головни полетѣли и на исторіографскій домикъ». Сказавъ далѣе, что этотъ домикъ удалось отстоять, Карамзинъ продолжаетъ:

Между тѣмъ, дворецъ горѣлъ. Дѣлали, что могли, въ ожиданіи петербургской полиціи, которая прискакала къ вечеру. Тутъ графъ Милорадовичъ отличился своею дѣятельностью. Мы всю ночь не раздѣвались и не спали до седьмого часа утра. Пожаръ остановился у самаго кабинета Государева. Императоръ былъ на ногахъ часовъ тринадцать или болѣе. Не нужно говорить о его хладнокровіи: онъ видалъ и не такія опасности. Огонь совершенно угасъ вчера къ обѣду, но Лицей и нынѣ поутру еще курился» ¹⁾.

Съ своей стороны, вотъ, что писалъ объ этомъ Энгельгардтъ Матюшкину, бывшему въ то время въ кругосвѣтномъ плаваніи. «Сгорѣлъ, братъ мой, сгорѣлъ нашъ Лицей отъ крыши до погреба, и, кромѣ стѣнъ, черныхъ дымомъ, ничего не осталось. Нѣтъ 12-го нумера; нѣтъ залы; нѣтъ того окна, въ которомъ 1 марта 1816 года я въ первый разъ съ вами говорилъ, гдѣ началась дружба между мною и многими изъ васъ; нѣтъ той комнаты, гдѣ ты мнѣ изъявилъ свое желаніе путешествовать; нѣтъ той арки, гдѣ я тебѣ объявилъ, что твое желаніе исполняется: нѣтъ... да всего нѣтъ, все исчезло, все—пепель, и Лицей живетъ только еще въ сердцахъ чугунниковъ. Храните это воспоминаніе, друзья; священный союзъ юношества да проводитъ васъ до гроба. Аминь. По возвращеніи твоемъ ты, впрочемъ, найдешь все опять по прежнему: будущую весною воспитанники вѣзжаютъ въ воз-

¹⁾ Некоторые подробности объ этомъ пожарѣ встрѣчаются въ письмахъ петербургскаго почтъ-директора К. Я. Булгакова. Рус. Арх. 1902. № 11, стр. 366, 368 (bis).

обновленный Лицей, который, по волѣ Государя, долженъ быть отдѣланъ совершенно на подобіе прежняго. Это рѣдкій человѣкъ. Тотъ Государь! На другой день пожара онъ разговаривалъ со мною о возстановленіи Лицея и съ чувствомъ, только ему свойственнымъ, подтверждалъ нѣсколько разъ, чтобы все, даже живопись, была точно такъ, какъ прежде: «Я увѣренъ, что много тутъ заключается воспоминаній; жаль бы ихъ уничтожать, жаль бы, если прежніе воспитанники Лицея сдѣлались-бы ему чужды». Это рѣдкій человѣкъ; жаль, что нельзя дать ему чугуннаго колечка: онъ, право, достоинъ быть нашимъ... Два дня послѣ того пріѣхали Вольховскій, Пущинъ, Комовскій, Малиновскій, Саврасовъ. Мы обняли другъ друга и, молча, со слезами, обѣщали другъ другу, что дружба наша и любовь къ старому Лицею не исчезнутъ, какъ онъ».

Конечно, Энгельгардтъ приложилъ всѣ старанія къ скорѣйшему возстановленію Лицея: онъ былъ членомъ Высочайше учрежденной комиссіи для поправки Царско-сельскаго дворца и за свои труды въ этомъ званіи былъ награжденъ перстнемъ съ алмазами.

Пожаръ 12 мая не допустилъ произвести публичное 10-ти дневное испытаніе воспитанникамъ II курса, на которое черезъ газеты была уже приглашена публика. Поэтому рѣшено было приступить къ выпуску воспитанниковъ, основывая удостовѣреніе ихъ въ чины и другихъ наградахъ на являвшіяся конференціи объ успѣхахъ и достоинствахъ каждаго воспитанника. Выпускъ 25 лицъ: изъ которыхъ поступили въ гражданскую службу 16, а въ военную 9, произошелъ 22 мая 1820 года въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія. Энгельгардтъ пожалованъ былъ при этомъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2 степ. 1).

1) Отеч. Записки 1820, I, стр. 332 и СПб. Вѣдомости 1 іюня того же года, № 44.

Остановимъ вниманіе наше на питомцѣ II курса — Лангерѣ.

Съ его именемъ связана исторія возникновенія у насъ искусства литографированія. Оно впервые примѣнено было въ 1814 году для воспроизведенія дипломатическихъ документовъ, во многихъ спискахъ требовавшихся при веденіи переговоровъ о заключеніи всеобщаго мира по низложеніи Наполеона; но для работъ художественныхъ было использовано однимъ изъ первыхъ Лангеромъ.

Валеріанъ Платоновичъ Лангеръ еще въ Лицеѣ пристрастился къ живописи. Энгельгардтъ, всегда заботливый къ воспитанникамъ, обратилъ вниманіе на его способности къ рисованію. Сохранилось письмо ¹⁾ его къ князю Голицыну, гдѣ онъ проситъ «оказать намъ, лицейскимъ, новую милость, поднеся Государю, вмѣсто краснаго яичка, первый опытъ литографированныхъ видовъ Царскаго Села. Ихъ снималъ и литографировалъ нашъ воспитанникъ Лангеръ, бѣднѣйшій изъ всѣхъ ихъ, потому что не только ничего не имѣетъ собственнаго на свѣтѣ, но не имѣетъ ни отца, ни матери, ни родныхъ; онъ совершенно одинъ на свѣтѣ. Между тѣмъ, талантъ его и страсть къ рисованію и живописи во всѣхъ родахъ, дѣйствительно, рѣдкіе, и еслибъ были поощрены, то Лангеръ, безъ сомнѣнія, могъ быть отличнымъ художникомъ. Государь такъ милостивъ; онъ не откажется, я думаю, доставить послѣ выпуска бѣдному Лангеру способовъ поѣхать на одинъ годъ въ Дрезденъ, а потомъ въ Италію.

Сверхъ двухъ экземпляровъ для Его Величества, принимаю я смѣлость приложить еще по одному экземпляру для обѣихъ Императрицъ. Если наклейка и отдѣлка футляровъ и проч. не такъ-то совершенны, то это можетъ извиняемо быть тѣмъ, что все работы нашихъ воспитанниковъ, которые не совѣтъ въ томъ опытни. Пятый экземпляръ мы просимъ ваше сіятельство принять и удо-

¹⁾ См. жем., стр. 142.

стоитъ оный уголочка въ вашей учебной комнатѣ. Даѣ Богъ нашему предпріятію желаемый успѣхъ, т. е., чтобы послѣдствіемъ онаго было нѣчто болѣе осязательное обыкновенныхъ подарковъ за подносимыя сочиненія». Въ *post-scriptum* Энгельгардтъ прибавляетъ: «При отправленіи сего догадался я, хотя нѣсколько и поздно, что надлежало бы изготавить еще одинъ экземпляръ для великой княгини Александры Ѳеодоровны,—какъ по приличію, такъ и потому, что, вѣроятно, воспослѣдуетъ подарочекъ, въ которомъ бѣдный мой художникъ имѣетъ великую надобность. Мы не премнемъ изготавить сей экземпляръ и доставить къ вашему сіятельству дня черезъ два .

Письмо это—говоритъ г. Селезневъ,—замѣчательное простотою изложенія, еще болѣе знаменательно, какъ очеркъ рекреационныхъ занятій воспитанниковъ и какъ изъясненіе взгляда на предметъ этотъ руководителей. Произведеніе Лангера удостоилось Высочайшаго воззрѣнія; повелѣно было заплатить за всѣ издержки по литографіи. Художникъ получилъ отъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны брилліантовый перстень, отъ Маріи Ѳеодоровны золотые часы, а отъ великаго князя препровождены были такіе же часы съ иѣпочкою.

Рисунки Лангера вышли въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Альбомъ двѣнадцати видовъ Царскаго Села. 1820. Снималъ и на камнѣ рисовалъ воспит. Императорскаго Лицея Валеріанъ Лангеръ».

Экземпляръ этихъ рисунковъ Лангеръ представилъ въ бібліотеку Лицея, и конференція постановила «воспитаннику изъяснить за сіе благодарность и удовольствіе, какое конференція чувствуетъ, когда воспитанники Лицея свободное отъ ученія время посвящаютъ на полезное и пріятное занятіе; увѣдомленіе же о награжденіи Лангера конференція приняла съ тѣмъ великимъ удовольствіемъ, какое только она можетъ чувствовать, видя, что воспитанники Лицея обращаютъ на себя Высочайшее благоволеніе и удастанваются всемилостивѣйшихъ наградъ .

Подобно тому, какъ въ жизни лицейскихъ I-го курса играла роль сестра ихъ товарища А. П. Бакунина, Екатерина Павловна, такое же значеніе имѣла во II курсѣ сестра И. Д. Позняка, Софія Дмитриевна. Она часто навѣщала своего брата въ бытность его въ Лицеѣ и обыкновенно въ сопровожденіи баснописца А. Е. Измайлова. Въ эти поѣздки, которыя не ограничивались кратковременнымъ посѣщеніемъ Лицея, Софія Дмитриевна познакомилась со многими изъ товарищей ея брата, и въ томъ числѣ съ Дельвигомъ, который уже былъ тогда въ старшемъ возрастѣ, и нерѣдко проводила въ ихъ шумномъ обществѣ цѣлые дни ¹⁾.

О дальнѣйшей судьбѣ этой замѣчательной личности рѣчь будетъ ниже.

Въ томъ же 1820-мъ году въ августѣ произведенъ былъ второй выпускъ изъ Благороднаго пансіона. По поводу сего выпуска князь Голицынъ далъ знать конференціи, что слѣдуетъ принять за главное основаніе при удостоеніи воспитанниковъ нравственное достоинство и поведеніе ихъ и выпускать оныхъ сходно сему. Поэтому, хотя воспитанникъ Якубовичъ въ уваженіе успѣховъ его по наукамъ и удавался въ офицеры молодой гвардіи, но, какъ послѣдній его поступокъ оказалъ въ немъ непростительное забвеніе повиновенія и уваженія начальству, во всякомъ случаѣ должнаго и главную связь каждаго общества составляющаго, то и не можетъ онъ по справедливости участвовать въ таковомъ отличіи, почему и удаляется онъ офицеромъ по арміи.

¹⁾ Гаврилінъ въ «Современникѣ», 1851 г., № 1, стр. 28, со словъ лицейскаго II курса кн. А. А. Эристова.

XII.

Изъ 29 лицейскихъ I курса 17 опредѣлились въ гражданскую, 10—въ военную службу и одинъ во флотъ; французскій подданный графъ Броглю немедленно по окончаніи курса выѣхалъ во Францію.

Понятно, что послѣ шестилѣтняго замкнутого пребыванія въ Лицеѣ юноши стремились пожить въ родномъ кругу. Пушкинъ уѣхалъ къ родителямъ въ с. Михайловское. Псковское губ.. Дельвигъ — къ отцу, командовавшему бригадою въ Хоролѣ, Илличевскій—къ отцу, губернатору въ Томскѣ, Яковлевъ—въ Москву. Князь Горчаковъ и Ломоносовъ, поступившіе въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вскорѣ также отправились въ Москву, гдѣ, по случаю пребыванія Государя, былъ и министръ иностранныхъ дѣлъ со своею канцеляріею; Матюшкинъ тотчасъ по выпускѣ изъ Лицея уѣхалъ въ Москву для свиданія съ матерью, а въ августѣ 1817 года отправился въ кругосвѣтное плаваніе на шлюпѣ «Камчатка» подъ начальствомъ капитана 2 ранга Головинна и вернулся изъ этого путешествія 6 сент. 1819 года. Военные остались въ Петербургѣ для обученія фронту и воинскому уставу, и 29 октября 1817 года восьмеро произведены были въ офицеры ¹⁾.

¹⁾ Русскій Инвалидъ 8 ноября 1817 года:

Приказъ 29 октября.

Мисоѣдовъ въ корнеты въ Оренбургскій уланскій полкъ;

Военные наши—писалъ ¹⁾ Энгельгардтъ 20 декабря 1817 года—послѣ пятимѣсячнаго фрунтоваго курса, наконецъ, попали въ офицеры, а бѣдный Ржевскій и до того не дожилъ; онъ умеръ отъ гнилой нервической горячки. Гробъ его понесли шесть изъ бывшихъ его товарищей.

Служебныя обязанности тѣхъ лицейскихъ, которые остались въ Петербургѣ, не были, повидимому, обременительны и давали имъ много свободнаго времени.

Пушкинъ, вернувшійся изъ Михайловскаго въ Петербургъ въ концѣ августа 1817 года, съ увлеченіемъ бросился въ свѣтскую жизнь. Два его товарища—баронъ Корфъ и Пущинъ—сохранили свѣдѣнія о его житьѣ-бытьѣ за время съ 1817 по 1820 годъ.

Записка барона Корфа, вызвавшая нѣкоторыя противъ себя возраженія, тѣмъ не менѣе содержитъ не мало справедливаго. Что семейная жизнь Пушкина, при безопасности и безличности его отца и сварливости его матери, была не изъ пріятныхъ, это—несомнѣнно; что въ домѣ Пушкиныхъ не было порядка, и хозяйство велось въ немъ плохо, это также безспорно. Вызвало оно даже четверостишіе Дельвига:

Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать
Дурного масла, яйцъ гнилыхъ,
Такъ приходи со мной обѣдать
Сегодня у своихъ родныхъ.

Въ прапорщики:

Тыковъ въ Сѣверскій конноегерскій полкъ,
Бакушинъ л.-г. въ Семеновскій полкъ,
Корниловъ л.-г. въ Московскій полкъ,
Малиновскій л.-г. въ Финляндскій полкъ,
Есаковъ и Пущинъ л.-г. въ конную артиллерію,
Саврасовъ въ 1 гвардейскую артиллерійскую бригаду,
Волыковскій по выдержаніи особаго испытанія опредѣленъ
быть 13 июня 1817 въ гвардейскій генеральный штабъ.

¹⁾ Матюшкину.

Что Пушкинъ постоянно нуждался въ деньгахъ и, увлекаясь игрою въ карты, надѣлалъ долговъ Всеволожскому, барону Шиллингу, а, можетъ быть, и другимъ, и уплата этихъ обязательствъ тяготѣла надъ нимъ, также хорошо извѣстно.

Баронъ Корфъ коснулся только внѣшнихъ проявленій жизни Пушкина.

Другой его товарищъ, его первый, безцѣнный другъ Пущинъ, охарактеризовалъ и притомъ также строго состояніе его духа за это время.

Еще въ лицейскомъ мундирѣ Пущинъ былъ частымъ гостемъ артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ онъ былъ въ родствѣ. Постоянныя бесѣды ихъ о предметахъ общественныхъ, о дѣлѣ существовавшего у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемого многими втайнѣ, необыкновенно сблизили Пущина съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: онъ сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцевъ, которому онъ больше высказывался, нашелъ, какъ указано уже было выше, что по его мнѣніямъ и убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ Лицея, онъ готовъ для дѣла. На этомъ основаніи онъ принялъ въ общество Пущина и Вольховскаго, который, поступивъ въ гвардейскій генеральный штабъ, сдѣлался его товарищемъ по службѣ¹⁾.

Признанія Пущина, что мнѣнія и убѣжденія его вынесены были имъ изъ Лицея, важны для выясненія значенія лицейскаго воспитанія. «Первая моя мысль—говорить въ своихъ запискахъ Пущинъ—была открыться Пушкину: онъ всегда согласно со мною мыслилъ о дѣлѣ общемъ, по-своему проповѣдывалъ въ нашемъ смыслѣ, изустно и письменно, стихами и прозой..., но подвиж

¹⁾ По словамъ князя С. П. Трубецкаго, основаніе обществу было положено имъ, Пестелемъ, Никитою Муравьевымъ и Сергѣемъ Шиповымъ 9 февраля 1816 года. «Записки». СПб., 1907. стр. 12.

ность пылкаго его нрава, сближеніе съ людьми ненадежными пугала меня... Естественно, что Пушкинъ, увидя меня послѣ первой нашей разлуки (лѣтомъ 1817 г.), замѣтилъ во мнѣ нѣкоторую перемѣну и началъ подозрѣвать, что я отъ него что-то скрываю. Особенно во время его болѣзни (въ февралѣ 1818) и продолжительнаго выздоровленія, видясь чаще обыкновеннаго, онъ затруднялъ меня спросами и разспросами, отъ которыхъ я, какъ умѣлъ, отдѣлывался, успокаивая его тѣмъ, что онъ лично, безъ всякаго воображаемаго имъ общества, дѣйствуетъ какъ нельзя лучше для благой цѣли: тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! въ Россію скачетъ» и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ...

Между тѣмъ, тотъ же Пушкинъ, либеральный по своимъ воззрѣніямъ, имѣлъ какую-то жалкую привычку измѣнять благородному своему характеру и очень часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и другихъ; они съ покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось изъ кресель слѣзть ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало: «что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія и пр.»; онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлать, когда немножко потеряется. Потомъ, смотришь — Пушкинъ опять съ тогдашними львами.... Странное смѣшеніе въ этомъ великолѣпномъ созданіи. Никогда не переставалъ я любить его; знаю, что и онъ платилъ мнѣ тѣмъ же чувствомъ, но невольно, изъ дружбы къ нему, желая, чтобъ онъ, наконецъ, настоящимъ образомъ взглянулъ на себя и понялъ свое призваніе... Не заключаю изъ этого ворчанія, чтобы я когда-нибудь былъ спартанцемъ, какимъ-нибудь Катономъ: далеко отъ всего

этого: всегда шалилъ, дурилъ и кутилъ съ добрымъ товарищемъ. Пушкинъ самъ увѣковѣчилъ это стихами ко мнѣ, но, при всей моей готовности къ разгулу съ нимъ, хотѣлось, чтобъ онъ не переступалъ нѣкоторыхъ границъ и не профанировалъ себя, если можно такъ выразиться, сближеніемъ съ людьми, которые, по ихъ положенію въ свѣтѣ, могли волею или неволею набрасывать на него нѣкотораго рода тѣнь...

Самое сильное нападеніе Пушкина на меня по поводу общества было, когда онъ встрѣтился со мною у Н. И. Тургенева, гдѣ тогда собрались всѣ, желавшіе участвовать въ предполагаемомъ изданіи политическаго журнала.

Николай Ивановичъ Тургеневъ, о которомъ мы упомянули выше, родился въ 1789 году, воспитывался въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ и слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ, откуда вернулся въ Россію въ 1812 году, а въ слѣдующемъ году назначенъ былъ къ знаменитому прусскому дѣятелю барону Штейну. Вторично вернулся онъ на родину въ 1816 году и служилъ въ комитетѣ составленія законовъ, а затѣмъ въ Государственной Канцеляріи въ должностяхъ помощника статсъ-секретаря. Въ 1818 году Тургеневъ издалъ свой «Опытъ теоріи налоговъ», несомненно замѣчательную по тому времени работу, и постоянно проводить, насколько то было возможно, идею освобожденія крестьянъ. Въ 1825 году онъ выѣхалъ въ заграничный отпускъ и въ Россію уже не возвратился, будучи привлеченъ къ слѣдствію о тайныхъ у насъ обществахъ.

На только что упомянутомъ собраніи были, между прочими,—продолжаемъ рассказъ Пушкина—Куницынъ и нашъ лиценскій товарищъ Масловъ¹⁾. Мы сидѣли кругомъ большого стола. Масловъ читалъ статью свою о статистикѣ. Въ это время я слышу, что кто-то сзади беретъ

¹⁾ Масловъ по выпускѣ изъ Лицея поступилъ на службу въ Государственную Канцелярію.

меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкинъ. «Ты что здѣсь дѣлаешь? Наконецъ, поймалъ тебя на самомъ дѣлѣ»,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо и прошелъ дальше. Кончилось чтеніе. Мы встали. Подхожу къ Пушкину, здороваюсь съ нимъ; подали чай, мы закурили сигарки и сѣли въ уголокъ.

Какъ же ты мнѣ никогда не говорилъ, что знакомъ съ Николаемъ Ивановичемъ? Вѣрно, это ваше общество въ сборѣ? Я совершенно нечаянно зашелъ сюда, гуляя въ Лѣтнемъ саду. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный другъ, это ни на что не похоже! Мнѣ и на этотъ разъ легко бы безъ большого обмана доказать ему, что это совсѣмъ не собраніе общества, имъ описываемаго, что онъ можетъ спросить Маслова, и что я самъ тутъ совершенно неожиданно. «Ты знаешь, Пушкинъ, что я отнюдь не литераторъ, и, вѣроятно, удивляешься, что я попалъ нѣкоторымъ образомъ въ сотрудники журнала. Между тѣмъ, это очень просто, какъ сейчасъ самъ увидишь. На дняхъ былъ у меня Тургеневъ, разговорились мы съ нимъ о необходимости и пользѣ изданія въ возможно свободномъ направленіи; тогда это была преобладающая его мысль. Увидѣлъ онъ у меня на столѣ недавно появившуюся книгу m-me Staël «*Considérations sur la révolution française*» и совѣтовалъ мнѣ попробовать написать что-нибудь объ ней и изъ нея. Тутъ же пригласилъ меня въ этотъ день вечеромъ быть у него,—вотъ я и здѣсь...»

...Мысль о принятіи Пушкина исчезла изъ моей головы. Я страдалъ за него и подъ часъ мнѣ опять казалось, что, можетъ быть, тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймомъ поможетъ ему повнимательнѣе и строже взглянуть на самого себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ ненормальномъ своемъ быту. Я зналъ, что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но, видно, не пришла еще пора кипучей его природѣ уговориться...»

Эти объясненія Пушкина вполне соответствуютъ словамъ самого Н. И. Тургенева, который «предпринималъ

въ Петербургѣ изданіе журнала независимо отъ (тайнаго) общества и явно приглашалъ къ соучастию въ изданіи его членовъ и не членовъ общества, извѣстныхъ русскихъ литераторовъ». ¹⁾ Въ письмѣ къ брату Сергѣю отъ 24 января 1819 г. онъ сообщаетъ, что въ предполагаемомъ имъ журналѣ «должны были участвовать молодые люди, бывшіе воспитанники Лицея, и нѣсколько офицеровъ» ²⁾.

Послѣ этого—продолжаетъ Пушкинъ—мы какъ-то не часто видѣлись. Кругъ знакомства нашего былъ совершенно разный. Пушкинъ кружился въ большомъ свѣтѣ, а я былъ, какъ можно подальше, отъ него.

Все это не мѣшало намъ при всякой возможности встрѣчаться съ прежней дружбой и радоваться нашимъ встрѣчамъ у лицейской братин, которой уже немного оставалось въ Петербургѣ. Большею частию свиданія мои съ Пушкинымъ были у домосѣда Дельвига.

Чаще, чѣмъ собранія у Тургенева, Пушкинъ посѣщалъ собранія другого общества, извѣстнаго подъ названіемъ «Зеленая Лампа» ³⁾. Общество это основано было въ 1818 году Н. В. Всеволожскимъ, а собесѣдниками или, быть можетъ, собесѣдницами его были А. В. Всеволожскій, Я. Н. Толстой, П. Б. Мансуровъ, Пушкинъ, бар. Дельвигъ, А. Г. Родзянко, Д. Н. Барковъ, А. Д. Улыбышевъ и др. ⁴⁾. Напрасно г. Щеголевъ въ статьѣ своей ⁴⁾ объ обществѣ «Зеленой Лампы» силится придать ему какое-то полити-

¹⁾ Н. И. Тургеневъ. Отвѣты на книгу «Графъ Блудовъ и его время» Paris, 1867. стр. 21 и письмо А. И. Тургенева отъ 6 мая 1819 г. къ И. И. Дмитріеву въ Рус. Архивѣ, 1867 г. стр. 647. Программа этого журнала была готова въ іюль 1819 г., см. Остафьевскій Архивъ. I, стр. 260.

²⁾ Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. С.-Петербургъ. 1909; стр. 440.

³⁾ Пушкинъ и его современники, вып. IV, стр. 98. Ср. письмо Пушкина къ Мансурову 27 окт. 1819 г. Михайловскій-Данилевскій въ Рус. Старинѣ, 1890, № 11, стр. 505. О Барковѣ см. «Воспоминанія» Павлищева, стр. 149, 153—155, 157.

⁴⁾ Пушкинъ и его современники, вып. VII, стр. 19 и сл.

ческое значеніе; это былъ кружокъ свѣтскихъ образованныхъ людей, любившихъ литературу и театръ и вольнолюбивыхъ постольку, поскольку была вольнолюбива петербургская молодежь того времени; бесѣды общества обыкновенно происходили за стаканомъ вина. Кюхельбекеръ свидѣтельствуешь, что онъ былъ приглашаемъ вступить въ это общество, чего однако не захотѣлъ по причинѣ господствовавшей будто бы тамъ неумѣренности въ употребленіи напитковъ ¹⁾).

Еще въ бытность свою въ Лицеѣ Пушкинъ избранъ былъ членомъ пресловутаго общества «Арзамасъ», столь незаслуженно, какъ намъ кажется, восхваляемаго. Это былъ тѣсный кружокъ образованныхъ молодыхъ людей, это было, по словамъ секретаря общества Жуковского, не что иное, какъ литературная шутка, а «протоколы засѣданій и рѣчи членовъ были галиматьей» ²⁾).

Пушкинъ носилъ въ обществѣ прозваніе «Сверчокъ», но изъ сохранившихся протоколовъ засѣданій не видно, чтобы онъ принималъ участіе въ этихъ засѣданіяхъ. Въ 1817 году въ общество были приняты М. Ѳ. Орловъ, Н. И. Тургеневъ и Никита Муравьевъ, которые указывали политическія и социальныя цѣли для дѣятельности Арзамаса. Общество распалось... ³⁾).

Въ противоположность Пушкину его другъ, баронъ Дельвингъ, былъ большою домохозяиномъ.

Частная жизнь Дельвинга съ самаго выпуска его изъ Лицея — говоритъ ⁴⁾ его біографъ В. П. Гаевскій — отличалась лѣтностью и безпечностью. Его добродушная беззаботность въ отношеніи ко всему окружающему, еще въ Лицеѣ обратившая на себя вниманіе его товарищей и сдѣлавшая его лицомъ анекдотическимъ, развивалась съ каждымъ

¹⁾ Рус. Старина, т. VII, стр. 171.

²⁾ Н. И. Тургеневъ. Отзывъ на книгу: «Графъ Блудовъ и его время», стр. 22.

³⁾ Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Спб., 1874, стр. 111.

⁴⁾ Современникъ, 1853, № 5, стр. 78.

годомъ. Какъ съ именемъ каждаго лица, отдѣлившагося отъ другихъ какою-нибудь своеобразностью, связано понятие о его отличительныхъ свойствахъ, такъ съ именемъ Дельвига нераздѣльно является представленіе лѣни, доведенной до эксцентричности. Дельвигъ чувствовалъ, что, благодаря этому качеству, онъ обращаетъ на себя вниманіе и потому не только не старался ограничить своихъ лѣнивыхъ наклонностей, но даже иногда рисовался своею лѣнью и беззаботностію. Вообще, быть лѣнивымъ и безпечнымъ считалось въ то время какъ бы необходимою принадлежностію поэта...

Беззаботная жизнь, въ которой не безъ основанія упрекали Пушкина—продолжаетъ Гаевскій ¹⁾—еще замѣтнѣе отразилась на Дельвигѣ; произведенія послѣдняго, относящіяся къ этому времени, почти всѣ безъ исключенія отличаются отсутствіемъ содержанія и небрежностью формы. Безъ всякаго сомнѣнія, подобный образъ жизни и неизбѣжное съ нимъ отсутствіе потребности литературнаго проявленія составляетъ главнѣйшую причину малочисленности произведеній обоихъ поэтовъ въ первые годы вступленія ихъ въ свѣтъ; благодаря этой же причинѣ, сохранилось весьма немного воспоминаній объ этомъ времени, веселомъ и беззаботномъ, но бѣдномъ впечатлѣніями. Дельвигъ, по окончаніи курса въ Лицеѣ, поступилъ 6 іюля 1817 г. на службу въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и немедленно уѣхалъ въ отпускъ въ Малороссію. Пробылъ онъ тамъ довольно долго. По крайней мѣрѣ, Е. А. Энгельгардтъ, зорко слѣдившій за дѣятельностью бывшихъ своихъ учениковъ, писалъ 20 декабря 1817 г., что Дельвигъ все еще ищетъ въ южной Россіи какихъ-то каменныхъ угольевъ и ни къ кому ни словъ не пишетъ ²⁾.

¹⁾ Современникъ. 1854, XI, стр. 5.

²⁾ В. П. Гаевскій въ біографіи Дельвига неправильно говоритъ, что онъ возвратился въ Петербургъ въ концѣ лѣта 1817 г. Современникъ, 1853, № 5, стр. 4 и 18; 1854, № 1, стр. 5.

28 февраля 1819 года Дельви́гъ вышелъ въ отставку, а 2-го апрѣля опредѣлился въ канцелярію министра финансовъ.

Неудовлетворенный, повидимому, службою и въ этой канцеляріи, Дельви́гъ въ 1820 году обратился къ директору Публичной Библіотеки А. Н. Оленину, котораго, по его словамъ, уважалъ отъ самаго дѣтства, съ просьбою о предоставленіи ему занятій въ библіотекѣ, и съ 1 сентября 1820 года началъ частнымъ образомъ работать въ ней, исправляя обязанности помощника библіотекаря при И. А. Крыловѣ. Затѣмъ 1 октября 1821 года Дельви́гъ уволился изъ канцеляріи министра финансовъ и 2-го числа окончательно опредѣленъ въ Библіотеку помощникомъ библіотекаря.

Служба въ Публичной Библіотекѣ давала Дельви́гу прекрасный случай—говоритъ его біографъ, В. П. Гаевскій—довершить свое литературное образованіе и вѣрнымъ путемъ труда и науки идти къ достиженію сознательной цѣли. Не можемъ сказать, чтобы Дельви́гъ вполнѣ воспользовался этимъ случаемъ, но занятія въ Библіотекѣ, безъ сомнѣнія, имѣли нѣкоторое вліяніе на его музу: въ произведеніяхъ его стало ясно высказываться опредѣленное направленіе; антологія и романсы были оставлены для идиллій, требовавшихъ уже болѣе основательнаго знакомства съ классическимъ міромъ, и даже въ отношеніи формы замѣтно менѣе снисходительности»¹⁾.

Эти сужденія В. П. Гаевского, быть можетъ, и справедливы въ томъ отношеніи, что поэтическія произведенія Дельвига стали нѣсколько лучше, но это ихъ усовершенствованіе правильнѣе, кажется, приписать общенію его съ Н. И. Гнѣдичемъ, также служившимъ тогда въ Библіотекѣ, чѣмъ вообще его занятіямъ въ этомъ книгохранилищѣ. Если поставить вопросъ, пригоденъ ли былъ Дельви́гъ къ исполненію библіотекарскихъ обязанностей, то

¹⁾ Современникъ, 1853, № 5, стр. 21.

отвѣтъ долженъ быть данъ отрицательный. Хотя Дельвигъ и утверждалъ, что онъ имѣлъ особенную склонность къ занятіямъ библіографическимъ, но «сынъ лѣни вдохновенный», какъ выразился о немъ Пушкинъ, не могъ, конечно, пріучить себя къ труду библіотекаря, требующему непрерывности и аккуратности. Кажется, онъ былъ вполнѣ искрененъ, когда въ посланіи своему товарищу Илличевскому говорилъ:

Я благотворности труда
Еще, мой другъ, не постигаю;
Лѣнится, говорятъ, бѣда,
А я въ бѣдѣ сей утопаю.

О ту пору (10 сентября 1820 г.) Энгельгардтъ о Дельвигѣ писалъ: «Дельвигъ пьетъ и спитъ и, кромѣ очень глупыхъ и опасныхъ для него разговоровъ, ничего не дѣлаетъ».

Третій изъ лицейскихъ поэтовъ В. К. Кюхельбекеръ, поступившій на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, былъ въ описываемое нами время, 1817—1820 г.г., грудолюбивымъ работникомъ и плодовитымъ писателемъ.

Кюхельбекеръ—сообщалъ ¹⁾ Энгельгардтъ 20 декабря 1817 г.—живетъ какъ сыръ въ маслѣ; онъ преподаетъ русскую словесность въ меньшихъ классахъ вновь учрежденнаго ²⁾ благороднаго пансіона при Педагогическомъ институтѣ ³⁾ и читаетъ восьмилѣтнимъ дѣтямъ свои гекзаметры; притомъ исправляетъ онъ должность гувернера; притомъ воспитываетъ онъ двоихъ молодыхъ Тютчевыхъ ⁴⁾; притомъ читаетъ онъ французскую газету «Le Conservateur»; притомъ присутствуетъ очень прилежно въ

¹⁾ Матюшкину.

²⁾ Открытъ онъ былъ 1 сентября 1817 года.

³⁾ Ср. Соловьевъ. Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Первой Гимназіи. 1830—1880. СПбургъ, 1880, стр. 39.

⁴⁾ Третьимъ его воспитанникомъ былъ знаменитый впослѣдствіи М. И. Глинка.

Обществѣ любителей словесности и при всемъ этомъ, еще въ каждый почти номеръ Сына Отечества срабатываетъ цѣлую кучу гекзаметровъ... Кто бы подумалъ, когда онъ у насъ въ прудѣ тонулъ, что его на все это станеть .

Въ благородномъ пансіонѣ, о которомъ упоминаетъ Энгельгардтъ, воспитывался въ то время Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, братъ поэта ¹⁾.

Къ сожалѣнію, Кюхельбекеръ одаренъ былъ нравомъ обидчивымъ. Пушкинъ, очень его любившій, сказалъ ему однажды: тяжелый у тебя характеръ, братъ Кюхля; люблю тебя, какъ брата, но, когда меня не станеть, вспомни мое слово: ни друга, ни подруги не познать тебѣ во вѣкъ. Кюхельбекеръ вызвалъ однажды на дуэль Пушкина, но поединокъ ихъ кончился совершенно благополучно ²⁾.

Кюхельбекеръ, по свидѣтельству О. С. Пушкиной, порой, въ самомъ дѣлѣ былъ невыносимъ, въ обществѣ его прозвали: *le monsieur qui prend la mouche* ³⁾.

Кюхельбекеръ—разсказываетъ баронъ Корфъ—начавшій поздно учиться по русски и отъ того, хотя и изучившій этотъ языкъ въ совершенствѣ, но сохранившій въ выговорѣ явные слѣды нѣмецкаго происхожденія, сверхъ того представлявшій и по фигурѣ, и по всѣмъ пріемамъ живой типъ нѣмца, или того, что мы называемъ кобасникомъ, былъ предметомъ постоянныхъ и неотступныхъ насмѣшекъ пѣлаго Липсея за свои странности, неловкости и часто уморительную оригинальность. Длинный до безконечности, притомъ сухой и какъ-то странно извивавшійся всѣмъ тѣломъ, что и навлекло ему эпитетъ глиста, съ эксцентрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною вспыльчивостью, онъ, почти полу-

¹⁾ Пушкинъ изъ Лицейскаго пансіона переведенъ былъ въ благородный пансіонъ въ Петербургѣ и исключенъ оттуда въ 1820 году.

²⁾ Павлищевъ, стр. 31.

³⁾ Павлищевъ, 32.

помѣшанный, всегда готовъ былъ на самыя курьезныя продѣлки... Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ плодотивыхъ нашихъ стихотворцевъ и, хотя въ стихахъ его было всегда странное направленіе и отчасти странный даже языкъ, но при всемъ томъ, какъ поэтъ, онъ стоялъ едва ли не выше Дельвига и долженъ былъ занять мѣсто непосредственно за Пушкинымъ.

Эти три товарища соединены были тѣсною дружбою, несмотря на разность въ ихъ характерахъ и неодинаковость талантовъ. Эту дружбу засвидѣтельствовалъ Кюхельбекеръ въ посланіи къ обоимъ товарищамъ-стихотворцамъ, явившемся въ 1818 году и составляющемъ одно изъ лучшихъ его стихотвореній ¹⁾.

Баронъ Корфъ и Пушкинъ въ 1817—1820 г.г. жили въ одномъ и томъ же домѣ. Сестра поэта рассказываетъ, что камердинеръ Пушкина, подъ вліяніемъ Бахуса, ворвался въ переднюю Корфа съ цѣлю завести ссору съ камердинеромъ послѣдняго: вѣроятно, у этихъ субъектовъ были свои счеты. На произведенный камердинеромъ Пушкина шумъ въ передней, Корфъ вышелъ узнать, въ чемъ дѣло, и, будучи вспыльчивъ, прописалъ виновнику безпокоинства *argumentum baculum*. Побитый камердинеръ Пушкина пожаловался своему барину. Этотъ вспылить въ свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвалъ Корфа на дуэль. На письменный вызовъ Корфъ отвѣчалъ тоже письменно: *Je n'accepte pas votre défi pour une bagatelle semblable, non par ce que Vous êtes Pouchkine, mais par ce que je ne suis pas Küchelbecker*.

Неизвѣстно, какія причины побудили Кюхельбекера оставить въ 1820 году службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, которая, надобно думать, не могла отнимать у него много времени. Не былъ ли этотъ шагъ вызванъ странностями, присущими его натурѣ? Онъ самъ сознавалъ эти странности, что видно изъ слѣдующей

¹⁾ Сынъ Отечества, 1818 г., ч. 49, № 35, стр. 129, 130.

относящейся къ тому же 1820 году записи ¹⁾ его въ альбомъ С. Д. Пономаревой, о литературномъ салонѣ которой мы будемъ говорить ниже. «I was well» пишетъ Кюхельбекеръ: «would be better, took physik and died». Вотъ, жребій человѣка, который въ вашемъ домѣ, милостивая государыня, былъ минутнымъ явленіемъ: онъ всегда былъ недоволенъ настоящимъ положеніемъ, всегда имъ жертвовалъ будущему и въ будущемъ предвидѣлъ однѣ неприятности; его многіе почитали человѣкомъ необыкновеннымъ и ошибались; другіе... Вѣрьте, что онъ былъ лучше и хуже молвы и сужденій о немъ людей, знавшихъ только его наружность. В. К...

Кромѣ Арзамаса, существовали въ Петербургѣ еще два литературныя собранія: Петербургское общество любителей словесности, наукъ и художествъ и Вольное общество любителей словесности.

Молодые лицейскіе принимали участіе и въ томъ и въ другомъ. Общество любителей словесности, наукъ и художествъ выбрало своимъ органомъ журналъ своего предсѣдателя А. Е. Измайлова «Благонамѣренный» ²⁾.

Въ 1817 году поступили въ его члены баронъ Дельвингъ и Кюхельбекеръ, а 25 іюля 1818 года — Пушкинъ. Два раза былъ онъ въ томъ же 1818 году въ собраніяхъ Общества, но затѣмъ какъ онъ, такъ и Дельвингъ разошлись съ Измайловымъ ³⁾. Общество это прекратилось въ 1826 году ⁴⁾.

И. И. Пущинъ поступилъ на службу въ конную артиллерию. Въ 1823 году, однажды во дворцѣ, на выходѣ великій князь Михаилъ Павловичъ очень рѣзко замѣтилъ

¹⁾ Библиографическія Записки 1858 года, столбецъ 237.

²⁾ На сестрѣ Измайлова женить былъ дядя Л. С. Пушкина, полковникъ Николай Львовичъ Пущинъ, Павлицевъ, стр. 5.

³⁾ Въ «Благонамѣренномъ» помѣщены были въ 1818—1821 г.г. только два стихотворенія Пушкина.

⁴⁾ Ст. Н. А. Кубасова въ Русской Старинѣ. 1899 г., № 5, стр. 471—474.

ему, что у него не по формѣ былъ повязанъ на саблю темлякъ. Пущинъ немедленно подалъ въ отставку и поступилъ сверхштатнымъ членомъ въ Петербургскую палату уголовного суда.

Еще ранѣе, въ 1819 году, Мясоѣдовъ оставилъ военную службу съ чиномъ поручика, а Тырковъ, дослужившись до чина штабъ-ротмистра, также вышелъ въ отставку.

Кн. Горчаковъ началъ свою карьеру въ Москвѣ подъ покровительствомъ и руководствомъ знаменитаго впоследствии президента Греческой республики графа Каподистрія, который въ письмѣ къ тятѣ Горчакова, А. Н. Пешурову, писанномъ 19 октября 1817 года далъ слѣдующій отзывъ о молодомъ князѣ: *Je suis bien aise d'apprendre, mon cher ami, que Vous êtes satisfait des avantages, que j'ai procuré à Votre neveu. Il est auprès de moi et travaille sous l'auspice de monsieur de Stourdza. Il paraît rempli de bonne volonté et des dispositions les plus heureuses d'esprit et de coeur. C'est à présent son affaire, que de devenir un citoyen utile à son pays et un bon serviteur de la Couronne; je ferai tout ce qui peut dépendre de moi pour lui en favoriser les moyens. Pour ma part je Vous remercie de m'avoir procuré cette occasion de payer une de mes dettes envers la Russie et l'Empereur* ¹⁾.

Съ княземъ Горчаковымъ, который, начавъ свою заграничную дипломатическую карьеру, не долго оставался въ Россіи. Пушкинъ сохранялъ близкія свѣтскія отношенія. Свидѣтельствомъ этого осталось его посланіе къ князю, писанное въ 1819 году. Въ слѣдующемъ году Горчаковъ находился при конгрессѣ въ Лайбахѣ. Горчаковъ писалъ Энгельгардтъ—въ Лайбахѣ на конгрессѣ отличался; пожалованъ владимірскимъ кавалеромъ и отправленъ съ посольствомъ въ Англію къ коронаціи короля.

Момоновъ — сообщаетъ Энгельгардтъ въ письмѣ 9 марта 1818 года къ Матюшкину опредѣленъ къ посоль-

¹⁾ Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ, 1906 г., вып. 4, стр. 4—5. Статья Модзалевскаго.

ству къ Соединеннымъ Штатамъ въ Вашингтонѣ и отправляется съ нашимъ посланникомъ д. с. с. Полетикой .

Объ этомъ назначеніи своемъ самъ Ломоносовъ уведомилъ князя П. А. Вяземскаго. Письмо его печатается въ приложеніи къ настоящей главѣ.

Въ январѣ 1819 года онъ былъ уже въ Вашингтонѣ и въ іюлѣ 1820 года писалъ своему товарищу С. Д. Комовскому: «Радуюсь сердечно, что ты доволенъ службою, а что лучше, судьбою. Дай Богъ всѣмъ лицейскимъ счастія: благополучіе одного простирается на всѣхъ». Въ декабрѣ 1821 года Ломоносовъ вернулся изъ Америки въ Петербургъ. «Прекрасный малый — писалъ о немъ 9 декабря К. Я. Булгаковъ. — Онъ уже раза два былъ у меня, любитъ очень Петра Ивановича (Полетику)». Изъ Петербурга Ломоносовъ отправился въ Москву, черезъ годъ вернулся въ Петербургъ, и 24 мая уѣхалъ въ Испанію; гдѣ былъ назначенъ состоять при нашемъ повѣренномъ въ дѣлахъ, графѣ М. Н. Булгаріи ¹⁾.

Не смотря на нѣкоторыя размолвки, товарищи I курса жили очень дружно.

Когда въ 1821 году вернулись въ Петербургъ Вольховскій ²⁾ изъ поѣздки въ Бухару, Кюхельбекеръ изъ заграничнаго путешествія и Баратынскій, весьма близкій къ лицейскому поэтическому кружку, это дало Дельвигу поводъ написать торжественный, но довольно слабый «Діаграммъ», въ которомъ читается между прочимъ:

Пришли три гостя въ обитель поэтову
Съ дальнихъ сторонъ:
Отъ финновъ блѣдныхъ
Ледяноволосыхъ,
Отъ Рейна-старца;
Отъ моря сыпучаго
Азійскихъ песковъ.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1903, кн. 2, стр. 449, 450, 459.

²⁾ Вольховскій въ чинѣ поручика командированъ 24-го іюля 1820 года въ Бухару при миссіи подъ начальствомъ Негри, откуда вернулся 12 мая 1821 года.

Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники,
Братья мои!
За мною ко храму!
Я, плющемъ вѣнчанный,
При гимнахъ священныхъ
Кастору и Поллуксу
Овна заколю.

Наконецъ, баронъ М. А. Корфъ, поступившій на службу въ министерство юстиціи, сразу завоевалъ себѣ прочное положеніе и занялся серьезными работами. Въ 1818 году перевелъ онъ съ латинскаго «Курляндскіе статуты или Права и Узаконенія Курляндскому Семигальскому Дворянству 1617 года». Переводъ этотъ, сохранившійся въ рукописи, посвященъ министру юстиціи князю Д. И. Лобанову-Ростовскому, «мужу, столь иѣкогда мудро правившему Курляндіей».

Наиболѣе интересною частью является предисловіе. Баронъ Корфъ въ немъ объясняетъ, что статуты сохранили свое дѣйствіе въ Курляндской губерніи. «Будучи по происхожденію курляндцемъ» — продолжаетъ онъ — «но русскимъ по воспитанію, по вѣрѣ, по службѣ, рѣшился я посвятить труды и время свое на переводъ курляндскихъ законовъ съ тою цѣлію, чтобы принести по возможности пользу соотчичамъ моихъ предковъ и воздать отечеству малую долю той благодарности, которой священную обязанность возлагаетъ на меня воспитаніе, благоволеніемъ Монаршимъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ миѣ дарованное».

Здѣсь же Корфъ отмѣчаетъ затрудненія, встрѣтившіяся ему при передачѣ юридическихъ терминовъ, для которыхъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ подходящихъ выраженій; онъ заимствуетъ иѣкоторые необходимые термины изъ новѣйшаго законодательства, Наказа Екатерины II и другихъ памятниковъ, потому что прежніе законы, по слогу своему «слишкомъ обветшали въ отношеніи ко младости и быстрому созрѣванію нашего русскаго нынѣшняго языка». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда и въ этихъ памятни-

кахъ онъ не находилъ подходящихъ выраженій, онъ обращался къ славянскому языку или же сохранялъ иностранныя слова. Заканчивается предисловіе краткимъ, но обстоятельнымъ перечнемъ другихъ источниковъ курляндскаго права. Самый переводъ Статутовъ сдѣланъ въ общемъ прекрасно, очень чистымъ и яснымъ языкомъ ¹⁾.

Корфъ однако не ограничился такими спеціальными работами. О желаніи его пополнить свое образованіе, о большой его начитанности и громадномъ трудолюбіи свидѣтельствуеетъ оставшаяся послѣ него рукопись энциклопедическаго, если такъ можно выразиться, словаря ²⁾. Рукопись эта представляетъ собой объемистый томъ, въ который внесены краткія опредѣленія понятій, біографіи разныхъ лицъ, прославившихся въ исторіи или же имѣющихъ научное имя, описанія географическихъ и иныхъ наименованій. Статьи расположены въ ней въ алфавитномъ порядкѣ. Едва ли эта рукопись предполагалась къ печати; вѣроятно, Корфъ заносилъ въ «словарь» заинтересовавшія его при чтеніи свѣдѣнія и дополнялъ его статьями по вопросамъ, ему уже и раньше извѣстнымъ. Преобладаютъ въ немъ статьи историческаго содержанія, причемъ событія, современныя составленію «словаря», отсутствуютъ. Много статей касаются наименованій изъ буддійской міеологіи, біографическихъ данныхъ литераторовъ, но значительное большинство ихъ относится къ русской исторіи. Всѣ статьи очень кратки и сжаты, и работа можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что Корфъ за короткое время успѣлъ прочесть очень много серьезныхъ книгъ.

Этими подготовительными свѣдѣніями баронъ Корфъ воспользовался для своихъ статей, явившихся въ 1820 году

¹⁾ См. мою статью въ Лицейскомъ Журналѣ. 1910—1911, кн. I.

²⁾ Рукопись Императорской Публичной Библіотеки; какъ видно изъ помѣтокъ, М. А. Корфъ работалъ надъ ней въ іюль 1822 г. въ Шварценбергѣ близъ Ревеля.

въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія, органѣ Вольнаго общества любителей россійской словесности: первая—о четырехъ первыхъ божествахъ Индіи (часть IX, стр. 3—18), вторая—Юпитеръ Аммонъ (часть XI, стр. 139—146)—обѣ статьи изъ предполагавшагося имъ опыта полнаго мнѳологическаго словаря всѣхъ народовъ—и третья Краткое историческое обозрѣніе римскаго права (часть X, стр. 229—247).

Въ томъ же 1820 году баронъ Корфъ издалъ книгу: Графодромія, или искусство скорописи. Сочиненіе г. Астье. Передѣланное и примѣненное къ русскому языку барономъ Модестомъ Корфомъ.

На первой страницѣ этой книги напечатано посвященіе: Императорскому Царскосельскому Лицею посвящено признательнымъ воспитанникомъ.

Усилившіяся служебныя занятія Корфа надолго прервали его литературную дѣятельность.

26 сентября 1820 года умеръ Николай Александровичъ Корсаковъ. Еще въ Лицѣ носилъ онъ въ груди зачатки сгубившей его болѣзни. «Буду въ Римъ, почтенный и любезный Егоръ Антоновичъ—записалъ онъ 20 ноября 1819 года въ альбомъ Энгельгардта—Богъ знаетъ, вернусь ли, Богъ знаетъ, увижу ль мѣста, гдѣ провелъ много счастливыхъ и пріятныхъ дней подъ вашимъ начальствомъ. Теперь могу сказать, не боясь, чтобы слова мои были приписаны какимъ-нибудь личнымъ видамъ, что истинныя отеческія попеченія и милости ваши ко мнѣ будутъ записаны по гробъ въ душѣ моей, и что до послѣдней минуты буду помнить васъ. Вамъ сердцемъ преданный Н. К».

Но и пребываніе въ Италіи не спасло юношу: онъ скончался во Флоренціи. Корсаковъ—говорить его товарищъ баронъ М. А. Корфъ—былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестящихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, налитанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ угасъ въ самыхъ молодыхъ

лѣтахъ, находясь при Тосканской миссіи. Это одна изъ самыхъ чувствительныхъ потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Корсакова, если бы Провидѣніе продлило его жизнь, было бы, вѣрно, однимъ изъ лучшихъ нашихъ перловъ*.

Памяти Корсакова Пушкинъ посвятилъ стихотвореніе «Гробъ юноши» и одну изъ задушевныхъ строфъ въ своемъ 19 октября 1825 года.

Другой его товарищъ, несчастный В. К. Кюхельбекеръ, въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10-го ноября 1840 г. говорилъ, что въ ссылкѣ «хранилъ онъ послѣднее письмо и манишную застѣжку, наслѣдіе Пушкина, и померанцевый листокъ, сорванный для него его сестрицей во Флоренціи съ гроба Корсакова¹⁾».

На эти померанцевые цвѣты онъ написалъ отдѣльное стихотвореніе²⁾.

Въ 1835 году князь Горчаковъ, бывшій повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи, поставилъ надъ могилою Корсакова небольшой памятникъ. Вчера получилъ я отъ Горчакова—писалъ Вольховскому Энгельгардтъ 30 августа 1835 года—письмо и рисунокъ съ маленькаго памятника, который поставилъ онъ бѣдному нашему трубадуру Корсакову, подъ густымъ кипарисомъ близъ церковной ограды во Флоренціи. Этотъ печальный подарокъ меня очень обрадовалъ...

Но пока лицейскіе I курса, полные юношескаго пыла, беззаботно пользовались жизнью, надъ двумя изъ нихъ поднималась гроза.

Гроза собиралась и надъ Лицеємъ, къ исторіи котораго мы и возвращаемся.

* Русск. Архивъ, 1871, № 2, стр. 0178.

¹⁾ Филологическія записки, Воронежъ, 1911 г., вып. II, стр. 257.

XIII.

Послѣ величія и славы, которая выпала на долю Императора Александра въ эпоху 1812—1815 г.г., послѣ признанія его освободителемъ и умиротворителемъ Европы, въ образѣ его мыслей совершился рѣзкій, крутой переломъ. Мимолетное мистическое настроеніе, явившееся вслѣдъ за Священнымъ союзомъ, смѣнилось проявленіями деспотизма.

Вѣнскій конгрессъ 1815 года положилъ начало эпохи конгрессовъ. Первый изъ нихъ происходилъ въ 1818 году въ Аахенѣ; второй — въ Троппау (1820 г.),—этотъ, по словамъ кн. Вяземскаго, заговоръ самодержавія противъ представительнаго правительства совпалъ съ происшествіемъ въ Семеновскомъ полку; затѣмъ конгрессы въ Лайбахѣ (1821 г.) и Веронѣ (1822 г.) явно выразили реакціонныя стремленія европейскихъ правителей, во главѣ которыхъ сталъ Александръ.

Въ дѣлахъ управленія внутренняго либеральныя вѣянія первыхъ лѣтъ царствованія угасли съ высылкою изъ Петербурга Сперанскаго.

Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь,—писалъ Сперанскій Императору изъ Перми въ 1815 году—чтобы система ложныхъ страховъ и подозрѣній, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества, чтобы система сія, всегда приводившая государей къ без-

славію, а народы къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго характера Вашего, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составляетъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ».

Къ сожалѣнію, случилось именно то, чего опасался Сперанскій. Система ложныхъ страховъ и подозрѣній превозмогла и примѣнена была едва ли не прежде всего къ Лицею и его питомцамъ. О постигшей Пушкина и Кюхельбекера — перваго въ маѣ 1820, а второго въ 1821 году—карѣ скажемъ ниже; теперь же взглянемъ на положеніе Лицея и его директора Энгельгардта.

Несомнѣнно, что высылка Пушкина въ маѣ 1820 года имѣла вліяніе на положеніе Лицея. Съ этой минуты начался усиленный со стороны князя Голицына надзоръ за Лицеемъ и за направленіемъ, которое давалось его воспитанникамъ. Все это отозвалось и на положеніи Энгельгардта.

Къ нашему несчастью—писалъ Энгельгардтъ 10 сентября 1820 года — Гауеншильдъ успѣлъ совершенно овладѣть княземъ нашимъ, и это имѣетъ много непріятныхъ для меня и для насъ послѣдствій. Князь мною весьма недоволенъ и, находя, что я весьма дурно воспитываю ввѣренную мнѣ молодежь, предписалъ особымъ секретнымъ ордеромъ священнику Кочетову пещись о исправленіи воспитанниковъ, о искорененіи въ нихъ зла и пр. Мнѣ объявлено, что тѣсная дружеская связь между мною и воспитанниками моими никуда не годится; что открыть имъ домъ и кабинетъ мой, какъ дѣтямъ своимъ — не хорошо; что я долженъ знать ихъ только въ массѣ и въ общей залѣ и пр. и пр. Словомъ, другъ мой, я оставляю Лицей и всѣ тѣ прекрасныя мечты, съ которыми переселился я сюда; всѣ мои предположенія о будущемъ малочисленномъ, но надежномъ для отечества и Царя-отца лицейскомъ поколѣніи исчезли! Я оставляю Лицей! Ты знаешь меня, и потому знаешь, что я не тужу о тѣхъ выгодахъ, которыя я здѣсь теряю, но о томъ добрѣ,

которое могъ бы сдѣлать и которое теперь не сдѣлаю. Лицей былъ предметомъ жизни моей; я, кромѣ его, никакихъ болѣе плановъ впередъ не имѣлъ; не стало его для меня, и дѣятельности моей не нахожу болѣе предмета, и, доживая пятый десятокъ годовъ своихъ, поздно уже начать что-либо новое; я теперь буду спать и жить единственно въ кругу прежнихъ лицейскихъ: они знаютъ меня, они понимаютъ меня.

О себѣ—писалъ¹⁾ Энгельгардтъ 9 февраля 1821 года— что я тебѣ скажу? Почти ничего: вообще очень мало, а хорошаго совершенно ничего. Сижу у моря и жду погоды, т. е., возвращенія добраго Царя-батюшки, который такъ добръ, что, вѣрно, не откажетъ мнѣ единственной послѣдней милости, которой у него прошу— отпустить меня, ибо, если мнѣ еще 6 мѣсяцевъ прожить, какъ прожилъ я послѣдніе 10 мѣсяцевъ, то уже меня не станетъ.

Любопытно это хронологическое указаніе Энгельгардта: оно ясно показываетъ, что надзоръ за Лицеємъ усилился съ апрѣля 1820 года, когда возникло дѣло о Пушкинѣ.

Мои волосы посѣдѣли—продолжаетъ Энгельгардтъ въ томъ же письмѣ: и уже веселье мое все къ чорту. Иногда еще, какъ съ нашими сойдуся, проглядываетъ, какъ солнышко въ пасмурный осенній день. Твоя участь, правда, незавидна, но иногда право лучше бы въ юртѣ съ юкарами струганину ѣсть, нежели съ Карцовымъ, Гауеншильдомъ и Калининемъ въ золотыхъ чертогахъ фазановыя штеты.

Для объясненія этихъ послѣднихъ словъ Энгельгардта необходимо оглянуться на первоначальную исторію Лицея. Энгельгардтъ, въ качествѣ директора Лицея, имѣлъ высшее наблюденіе за Лицейскимъ пансіономъ, и постоянно сталкивался съ директоромъ пансіона Гауеншильдомъ.

¹⁾ Матюшкину.

Очевидно, что нѣкоторая двойственность въ управленіи Благороднымъ пансіономъ производила треніе между Энгельгардтомъ и Гауеншильдомъ, и преподаватели пансіона и Лицея примыкали къ тому или другому изъ начальствующихъ лицъ. Повидимому, проф. Карцовъ и Ѳ. П. Калининъ, гувернеръ и учитель чистописанія, были сторонниками Гауеншильда.

Съ вступленіемъ князя Голицына въ должность министра образовано было новое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ утвержденномъ 24 октября 1817 г. по этому случаю учрежденіи сего министерства Лицей съ пансіономъ включенъ былъ въ число заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ онаго, и отнесенъ къ третьему отдѣленію департамента народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ немногими другими, не зависящими отъ учебныхъ округовъ (три Академіи: Наукъ, Російской и Художествъ и Публичною Библіотекою); съ тѣмъ вмѣстѣ Лицей сталъ подчиняться и общимъ правиламъ учрежденія министерства: постановленія, написанныя для сихъ послѣднихъ, служили закономъ и для Лицея; собственныя его распоряженія поступаютъ на разсмотрѣніе и одобреніе ученаго комитета. Сношенія Лицея со своимъ главноначальствующимъ производятся чрезъ посредство департамента. Если принять во вниманіе, что князь Голицынъ, по множеству лежащихъ на немъ обязанностей, могъ удѣлять лишь немного времени дѣламъ Лицея, то станетъ яснымъ, что на Лицей пріобрѣлъ вліяніе департаментъ народнаго просвѣщенія. Какъ ни старался Энгельгардтъ поддержать прежній порядокъ и отстоять исключительное положеніе Лицея, но ему ничего нельзя было сдѣлать, ибо и самыя внѣшнія обстоятельства измѣнились. Въ это же время, съ 1820 года, въ пансіонѣ начинають чаще и чаще обнаруживаться безпорядки, которые и доводятся до свѣдѣнія Государя.

Въ чемъ заключались эти безпорядки и кто былъ ихъ виновникомъ, историкъ Лицея, у котораго мы заим-

ствовали эти свѣдѣнія, не указавъ¹⁾, и только въ протоколѣ конференціи 2 августа 1820 года записано, что министръ предложилъ директору о наблюденіи съ особенною точностью порядка, благонравія и повиновенія между воспитанниками Лицея и пансіона онаго.

Между тѣмъ реакція продолжала дѣлать свое дѣло.

Мы уже упоминали, что профессоръ Куницынъ былъ въ числѣ лицъ, предполагавшихъ по иниціативѣ Н. И. Тургенева, одновременно съ которымъ онъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ, издавать политическій журналъ. Въ 1818 году напечаталъ онъ въ «Сынѣ Отечества» (№ 18. стр. 202—212) статью «О конституціи», а въ 1820 году, въ іюнѣ, согласно прошенію, уволенъ отъ должности при Лицеѣ и пансіонѣ съ назначеніемъ на его мѣсто бывшаго профессора Казанскаго университета барона Врангеля. 5 августа 1819 года уволеннаго Магницкимъ при массовомъ увольненіи профессоровъ. Въ 1821 году состоялось распоряженіе министра отобрать всѣ находящіеся въ Лицеѣ экземпляры «Естественнаго права» Куницына, поступившіе въ обезпеченіе выданныхъ ему заимообразно 1,000 рублевъ, такъ какъ, по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи училищъ этой книги найдено нужнымъ по принятымъ въ ней за основаніе ложнымъ началамъ и выводимому изъ нихъ весьма вредному ученію, противорѣчащему истинамъ христіанства и клонящимся къ испроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ, книгу сію, какъ вредную, запретить повсюду къ преподаванію по ней и притомъ принять мѣры къ прекращенію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія естественнаго права по началамъ столь разрушительнымъ, каковы оказались въ книгѣ Куницына.

Книга Куницына, только что передъ тѣмъ назначенная къ поднесенію Государю, признана недостойною того; начальству Лицея, «имѣющему главнѣйшую обязанность

¹⁾ Селезневъ, стр. 36 и 109.

наблюдать, дабы образованіе воспитанниковъ сего знаменитаго заведенія основано было на истинномъ христіанскомъ благочестіи, и допустившему употребленіе книги, содержащей ученіе, основанное на началахъ столь вредныхъ и способствующее къ поселенію въ сердцахъ неопытныхъ юношей духа неповиновенія, своеволія и вольнодумства», сдѣлано строгое замѣчаніе, а Куницынъ удаленъ отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія¹⁾.

Ты, вѣроятно, уже слышалъ — писалъ Энгельгардтъ 27 іюня 1821 года — что «Естественное Право» Куницына, напечатанное по приказанію министра народнаго просвѣщенія и съ одобренія цензуры, конфисковано и запрещено, какъ книга пагубная, нарушающая вѣру христіанскую и расторгающая всѣ связи семейственныя и государственныя, что Куницынъ отъ всѣхъ должностей по министерству народнаго просвѣщенія отставленъ и запрещено ему что-либо и гдѣ-либо преподавать. Жаль; а Куницынъ умѣлъ учить и добру училъ! А люди презрительные во всякомъ отношеніи — и ума и сердца — напр., Гауеншильды, Карцевы и имъ подобные, остаются и награждаются. Плохо, если это продолжится»²⁾.

Но гоненія на Куницына было только началомъ репрессивныхъ мѣръ. Въ то же время главнымъ правленіемъ училищъ въ руководствѣ къ познанію всеобщей исторіи Кайданова найдено два сомнительныхъ мѣста, а именно: отъ одной пары, Богомъ сотворенной, люди размножились», и: «гоненіе на христіанъ, бывшее въ Траяново время, должно, кажется, приписать болѣе тому, что послѣдователи ученія Христова были тогда смѣшиваемы съ іудеями, производившими возмущенія».

По разсмотрѣніи басней Федра, изданныхъ Кошанскимъ, ученый комитетъ нашелъ, что выборъ басень

¹⁾ Сербинъ, стр. 125—126.

²⁾ Впрочемъ, нѣсколько позже, 5 марта 1823 г. Энгельгардтъ писалъ о Куницынѣ другой, очень жесткій отзывъ. Русская Старина, XIII, стр. 386.

строгъ и чистъ, за исключеніемъ въ третьей книгѣ десятой басни подъ заглавіемъ *de credere et non credere*. Поэтому комитетъ положилъ: ввести книгу Кошанскаго въ употребленіе въ училищахъ, но десятую басню при новомъ изданіи выкинуть ¹⁾.

Руководствомъ къ статистикѣ служило въ Лицеѣ съ 1819 г. сочиненіе Арсеньева «Начертаніе статистики», но въ 1821 году министръ далъ знать, что какъ о книгѣ сей и о преподаваніи Арсеньевымъ сей науки производится дѣло *«всѣмъ довольно извѣстное»*, то и не слѣдовало не токмо покупать вновь экземпляровъ означенной книги, но должно бы вовсе остановить преподаваніе по оной. Вслѣдствіе этого всѣ бывшіе въ Лицеѣ экземпляры книги Арсеньева были представлены въ департаментъ народного просвѣщенія, и оставлено преподаваніе только теоріи статистики. А такъ какъ и ея учебникъ—«Всеобщая георія статистики» академика Германа—также былъ признанъ подлежащимъ изытію, то предметъ вовсе прекратился; это продолжалось цѣлый курсъ, когда въ 1822 году предписано было взять въ руководство «Опытъ начертанія статистики главнѣйшихъ государствъ» проф. Гейма, а георію излагать въ однихъ лишь общихъ понятіяхъ ²⁾.

Что касается ссылки министра на «извѣстность» дѣла Арсеньева, то конференція отозвалась, что о производствѣ этого дѣла она не имѣла никакого свѣдѣнія, хотя правдивость этого объясненія можетъ быть заподозрѣна, такъ какъ дѣло о четырехъ профессорахъ С.-Петербургскаго университета—Арсеньевѣ, Германѣ, Раупахѣ и Галичѣ—производило въ то время большое впечатлѣніе въ педагогическомъ мірѣ. По крайней мѣрѣ, оно хорошо было извѣстно Энгельгардту, который 31-го ноября 1822 года писалъ Вольховскому: «Въ январѣ ожидаю я сюда Илличевскаго, который будетъ служить здѣсь при Сперанскомъ. Онъ, ка-

¹⁾ Сухомлиновъ. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Спб. 1889 г., т. I, стр. 203—204.

²⁾ Соловьевъ, стр. 118.

жется, очень хорошаго объ немъ мнѣнія—такъ, какъ вообще о Лицеѣ и лицейскихъ. Вообще съ нѣкотораго времени, какъ бы въ досаду нашимъ врагамъ, мнѣніе о Лицеѣ и лицейскихъ день ото дня становится лучшимъ.—*Perfer et obdura*¹⁾. Истина и доброе дѣло рано или поздно должны торжествовать. До торжества еще мы не дошли, ибо все еще насъ треплютъ и теребятъ систематически и всѣми способами, какіе только придумаютъ почтеннѣйшіе Руничъ, Магницкіе, Поповы, Гауеншильды, Карцовы, Калининъ и почтенный ихъ покровитель, но, благодаря Бога и Государя, они болѣе ничего не успѣли и, надѣюсь, не успѣютъ.

Между тѣмъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ отрѣшили отъ должности профессоровъ Раупаха, Германа, Арсеньева и Галича; а ректоръ Балугіанскій и два отличные профессора восточныхъ языковъ Charinoy и Demange, будучи лично непростительнымъ образомъ публично обижены Руничемъ, подали въ отставку. — Статистика Арсеньева, превосходная въ своемъ родѣ книга, напечатанная по приказанію министра, съ дозволенія цензуры, запрещена и всюду конфискована. Галичъ одинъ выплылъ изъ сего дѣла, какъ подлець! Когда объ отрѣшеніи сихъ профессоровъ дошло свѣдѣніе до Государя, то онъ приказалъ всѣ сдѣланныя на счетъ ихъ обвиненія внести въ конференцію университета на разсмотрѣніе и предоставить имъ самимъ на оныя отвѣчать и себя защищать, а о послѣдствіи ему представить. Въ конференціи первые три отвѣчали, какъ благородные и преисполненные своей невинности люди—одинъ Галичъ на 3 листа сдѣланныхъ и предложенныхъ ему вопросовъ отвѣчалъ только: «я нахожусь въ невозможности отвѣчать на вопросы начальства; признаю мое ученіе ложнымъ и вреднымъ и прошу не вспоминать грѣховъ юности моей и невѣдѣнія моего». Этого сличить до такой степени восхитилъ Руничъ и Кавелинъ, что они тамъ публично обнимали и цѣловали сего

¹⁾ *Ubi, Ovid, V Trist. Perfer et obdura, multo graviora tulisti.*

возрожденнаго, а на другой день происходила въ церкви церемонія душеспасительная: почтенные начальники повели Галича торжественно туда, надъ нимъ читалъ священникъ молитвы, кропилъ его святой водою, и Галичъ возрожденный опять утвержденъ. *Et tout cela fera un jour l'histoire de nos jours!*

Въ февралѣ 1821 года конференція Лицея образовала особую комиссію для составленія общихъ положительныхъ правилъ въ руководство конференціи при разсужденіяхъ ея объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ.

По этому поводу князь Голицынъ обратилъ вниманіе конференціи на крайне неудобное учрежденіе при Лицеѣ воспитаніи за успѣхами и нравственностію воспитанниковъ, весьма явно обнаруживающееся тѣмъ, что между столь малымъ числомъ воспитанниковъ находится значущее число посредственныхъ и даже двое слабыхъ, что свидѣтельствуется о немалыхъ упущеніяхъ въ присмотрѣ за ними и попеченіи о ихъ воспитаніи: ибо въ такомъ знаменитомъ заведеніи, на которое употребляются столь великія суммы и коему доставлены всѣ возможныя удобства и выгоды, и самымъ даже помѣщеніемъ въ число воспитанниковъ своего рода наилучшихъ и достойнѣйшихъ, по тщательному избранію, не слѣдовало бы вовсе быть посредственнымъ, но всѣмъ хорошимъ и отличнымъ, ибо въ пансіонѣ *) при большемъ числѣ воспитанниковъ посредственныхъ весьма немного, а слабыхъ вовсе нѣтъ. Посему конференція приняла бы всѣ мѣры, чтобы воспитанники Лицея, отстающіе отъ товарищей своихъ по ученію или нравственности, поравнялись съ ними: но, если за всѣми употребленными средствами исправить ихъ не можно будетъ, въ такомъ случаѣ обязанностию конференціи будетъ сдѣлать о томъ представленіе для удаленія нерадивыхъ вовсе изъ заведенія, въ которомъ они недостойны занимать мѣсто.

*) Т. е., въ Лицеевскомъ Благородномъ пансіонѣ.

Въ 1819 году даны были въ руководство изданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія и Высочайше утвержденныя ¹⁾ подробнѣйшія правила касательно испытаній въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ воспитанники при выпускѣ имѣютъ право на полученіе класснаго чина. Правила эти не удовлетворили конференцію, и она выразила противъ нихъ свое мнѣніе, которое потомъ въ теченіе пяти лѣтъ отстаивала.

Прежде всего она нашла неудобнымъ, вмѣсто трехмѣсячныхъ испытаній, производить ежемѣсячныя, какъ предписывалось правилами, и просила удержать за нею прежній порядокъ; но послѣдовалъ отказъ.

Оцѣнка четырьмя баллами оставлена правилами, но только въ обратномъ значеніи: за высшій баллъ принята цифра 4. Къ этому конференція присоединила свое распоряженіе, которое и осталось въ силѣ: она раздѣлила каждую изъ этихъ степеней еще на три, такимъ образомъ для высшей оцѣнки приняла баллы 12, 11 и 10, что равнялось 4; для слѣдующей 9, 8 и 7 = 3; потомъ 6, 5 и 4 = 2 и, наконецъ, 3, 2 и 1, что соответствовало 1.

При слѣдовавшемъ за симъ выпускѣ въ 1820 году Энгельгардтъ, какъ предсѣдатель конференціи, подалъ мнѣніе, гдѣ доказывалъ, что смѣшеніе поведенія класснаго съ поведеніемъ внѣ классовъ ведетъ къ неправильнымъ заключеніямъ, ибо «воспитанникъ, который внѣ класса имѣетъ тысячу случаевъ выказать дурныя качества и пороки свои, сидя въ классѣ, гдѣ онъ отъ того воздерживается по недостатку случая или потому, что занимается предметомъ ученія, получить во внѣклассномъ поведеніи весьма дурныя, а въ классномъ хорошіе нумера»; потому и полагають, что надлежитъ постановить непремѣннымъ правиломъ, чтобы отмѣтки внѣкласснаго поведенія, т. е., нравственности, составляя совершенно отдѣльную отъ класснаго поведенія графу, и принимаемы были незави-

¹⁾ 14 февраля 1818 года.

симо отъ онаго». Но отступленія отъ правила не дозволено было сдѣлать.

Въ другой разъ Энгельгардтъ представлялъ о неудобствахъ строго держаться однихъ цифровыхъ отмѣтокъ: «бездушная цифра одна»—писалъ онъ 1821 года въ особомъ мнѣніи, сообщенномъ имъ конференціи: «никогда не можетъ выразить всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ нравственныхъ отмѣнокъ, которые благоразумный и благонамѣренный воспитатель тщательно въ уваженіе и соображеніе принимать долженъ при удостоеніи юноши; безъ сего—сужденія всегда будутъ болѣе или менѣе несправедливы, что доказано многими уже опытами въ конференціи».

Кромѣ того, считая оцѣнку баллами не какъ окончательное означеніе достоинства воспитанника, но какъ средство дѣйствовать въ отдѣльности на cadaго воспитанника по соображенію характера и свойствъ его, конференція болѣею частію назначала баллы ниже тѣхъ, которые можно бы было дать воспитаннику по успѣхамъ и поведенію его, руководствуясь постоянно мнѣніемъ директора, который ближе всѣхъ зналъ, а потому и вѣрнѣе могъ судить о характерѣ и свойствахъ cadaго изъ воспитанниковъ; такъ поступала она преимущественно со вновь вступившими. «дабы учащіеся, имѣя въ виду достиженіе высшихъ отмѣтокъ, не переставали напрягать силы свои и прилагать стараніе къ усовершенствованію себя».

Она считала, наконецъ, что самое назначеніе воспитанникамъ преимуществъ при выпускѣ ихъ должно основываться сколько на окончательной нумераціи, столько же и преимущественно на нравственномъ соображеніи характера ихъ и надеждъ, которыя могутъ они подавать о себѣ, вступая въ службу. «Ясно»—приводила конференція (іюня 1823)—«что таковыя соображенія не могутъ быть рѣшительно выражаемы одною цифрою: они состоятъ изъ мнѣній и сужденій тѣхъ лицъ, которыя, по возложенной на нихъ обязанности, въ теченіе времени воспи-

танія имѣли божіе или менѣе возможности и средствъ наблюдать за характеромъ вѣренныхъ имъ юношей и которыя, сообщая другъ другу свои замѣчанія, по добросовѣстномъ и тщательномъ оныхъ взвѣшиваніи, наконецъ, изъ нихъ и изъ нумерацій извлекаютъ истинный и справедливый результатъ». Конференція ссылалась на молодыхъ людей двухъ выпусковъ, которые на опытѣ доказали справедливость соображеній и заключеній объ нихъ начальства Лицея, и просила отступленія и дозволить удержатъ ей высказываемыя начала. Но представленіе не было уважено.

Въ то же время конференція еще держалась правила (отъ 1816 г.) черезъ директора объявлять воспитанникамъ сравнительное изложеніе мнѣній объ нихъ начальства, отдѣляя нумерацію, выставляемую въ теченіе года, отъ оцѣнки къ удостоенію чина: первую считая за способъ воспитывать и совершенствовать юношу, вторую какъ награду или наказаніе ему; и отсюда она считала необходимымъ, чтобы воспитанникъ во все время воспитанія своего видѣлъ первую нумерацію о себѣ, какъ мнѣніе начальства объ успѣхахъ и слабостяхъ его, какъ знакъ, за что поощряютъ и за что наказываютъ; иначе: наказывать юношу за вину, которой не объявляли ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, было бы со стороны конференціи весьма несправедливо и противно цѣли воспитанія, состоящей не столько въ томъ, чтобы наказывать за пороки, сколько въ томъ, чтобы употребить все способы для искорененія ихъ ³⁾. Но, не смотря на доводы, послѣдовало предписаніе: «прекратить всякое объявленіе воспитанникамъ отыѣтокъ степени ихъ ученія, ибо сіе не позволено никакимъ учрежденіемъ, и письменныхъ записокъ о прилежаніи и поведеніи для свѣдѣнія посторонняго не дѣлать, ибо на то нѣтъ особаго постановленія» ⁴⁾.

³⁾ Журналъ конференціи 1822 г., № 1.

⁴⁾ Предписаніе министра народнаго просвѣщенія, января 1822 г., № 345. Журналъ конференціи того же года, № 2.

Споръ этотъ съ ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ возбудилъ въ членахъ его (которые и составляли помянутыя правила) нѣкотораго рода оппозицію дѣйствіямъ конференціи Лицея. Министръ передавалъ на ихъ разсмотрѣніе заключенія сей послѣдней, а они не скупились не только на порицанія частныхъ, но обращались къ общему и одинаково рѣзко выводили неблагопріятныя заключенія о цѣломъ. Независимое положеніе Лицея при министерствѣ не гармонировало съ общимъ строемъ послѣдняго и за то вызывало о заведеніи рѣзкіе отзывы со стороны противниковъ. Въ одно время съ спорами о способахъ оцѣнки комитету переданы были на обсужденіе составленныя конференціею Лицея «Правила нравственныхъ обязанностей воспитанниковъ, надзирателей (гувернеровъ), директора и самой конференціи» какъ дополненіе къ Постановленію. Поводомъ къ составленію правилъ было предписаніе министра «наблюденіи съ особенною точностію порядка, благоустройства и дисциплины между воспитанниками, послѣдовавшее вслѣдствіе проступка одного изъ воспитанниковъ пансіона». Конференція, съ одной стороны, чувствовала всю трудность составленія подобнаго руководства и въ теченіе десяти лѣтъ не бралась за него; съ другой—имѣя передъ собой Постановленіе, которое, подробно излагая предметъ учебной дѣятельности, нравственную сторону образованія основывало на однихъ добрыхъ примѣрахъ жизни наставниковъ, члены конференціи далеки были отъ мысли, что наружныя полицейскія мѣры могутъ водворить благоустройство тамъ, гдѣ не будетъ внутренняго побужденія къ порядку; но, такъ какъ требовалось дать правила и безотлагательно, то конференція и утвердила въ одномъ изъ засѣданій своихъ при трехъ членахъ (профессорѣ нѣмецкой словесности, законоучителѣ и секретарѣ) проектъ онымъ. Это были, дѣйствительно, по замѣчанію одного изъ членовъ — рецензентовъ, одни слабыя и холодныя увѣщанія директору и надзирателямъ

и различныя полицейскія ограниченія свободы воспитанниковъ, которымъ (слѣдовало бы прибавить) читался уже курсъ нравственности, обязанностей человѣка и гражданина.

Вмѣсто того, чтобы ограничиться разборомъ содержанія правилъ, какъ то нѣкоторые изъ членовъ комитета и сдѣлали, находя, напр., что правилами сими допускалось слишкомъ великое вліяніе директора на оцѣнку воспитанниковъ, чего не полагали возможнымъ оставить; или, отвергая нужду въ описательномъ способѣ, ограничивали отмѣтку одною лишь цифрою; другіе же, напротивъ, шли далѣе и выводили заключеніе, что правила сии показываютъ только необходимость въ такихъ мѣрахъ, въ которыхъ и предположить ее прискорбно, какъ въ заведеніи благоустроенномъ, что сіе служитъ яснымъ доказательствомъ, что Лицей никогда не имѣлъ прочнаго основанія, и что въ немъ всѣ части, нравственныя и учебныя, зависѣли отъ одной благонадежности лицъ, управляющихъ симъ учрежденіемъ, но никогда систематически соображены не были; ибо что подумать, когда послѣ десятилѣтняго существованія Лицея, представляется надобность въ введеніи въ ономъ такихъ матеріальныхъ мѣръ, безъ которыхъ и приходская школа одной недѣли простоять не можетъ; наконецъ, что правила сии свидѣтельствуютъ лучше всѣхъ доказательствъ упадокъ заведенія, и, бывъ сами-по-себѣ ничтожны, никакъ къ поправленію онаго способствовать не могутъ.

Въ заключеніе рецензентъ приводитъ, что заведеніе не принесетъ добрыхъ плодовъ, коль скоро воспитанники онаго не будутъ проникнуты мыслию, что безусловно должно жертвовать собственною ихъ волею волѣ своихъ наставниковъ, и доколѣ сии не восчувствуютъ, что они призваны на важнѣйшее служеніе Богу и человѣчеству и что всякая погибшая и развратившаяся подъ руководствомъ ихъ душа взыскана будетъ отъ руки ихъ предъ нелицепріятнымъ судомъ Того, Который за одинъ соблазнъ,

поданный единому изъ сихъ малыхъ, угрожаетъ величайшею казнію» (Матѣ. 18, ст. 1—8) ¹⁾!

Заключеніе это передано было въ главное правленіе и дальнѣйшаго хода не имѣло. Вскорѣ пансіонъ получилъ военное начальство, а вслѣдъ за тѣмъ и общее завѣдываніе надъ обоими учрежденіями, причемъ и самое дѣло съ помѣткою «не рѣшенное» перешло изъ министерства въ дежурство главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ и сдано въ архивъ ²⁾.

Не смотря, однако, на ухудшеніе своего положенія, Энгельгардтъ продолжалъ заботиться о бытѣ и развитіи своихъ учениковъ. «Наша бывшая, такъ называемая, ограда— писалъ онъ Матюшкину 27-го іюня 1821 года—лицейскій садъ, очень разросся и отдѣльные въ немъ садики воспитанниковъ одинъ другого лучше. Кромѣ садиковъ для забавы, заведенъ у насъ и садикъ ботаническій по Линнеевой системѣ: заведенъ и разсадникъ для кустарника и деревьевъ, которые мы на прогулкахъ нашихъ набираемъ къ себѣ пересаживаемъ и потомъ украшаемъ свои садики. Будетъ ли это все продолжено послѣ или нѣтъ, я не знаю, но сомнѣваюсь. Я было хотѣлъ подобное завести и въ пансіонѣ, гдѣ болѣе еще удобства по пространству мѣста, но не пошло на ладъ. Никто не содѣйствовалъ, никто изъ начальства участія не принималъ, и заготовленные садовыя мѣстечки заросли крапивою и терніемъ. Жаль; занятіе природою смягчаетъ сердца, возбуждаетъ чувство, привязываетъ къ природѣ; оно есть лучшее основаніе вѣры, ибо нѣтъ священниѣ, величественнѣ книги, какъ книга природы. Надобно только сердце, которое бы умѣло въ сей книгѣ читать. Но это вещи, которыхъ Гауеншильды и имъ подобные не понимаютъ: на это надобно сердце и чувство, а въ нихъ этого и въ заводѣ не было.

Въ 1821 году Энгельгардтъ задумалъ основать въ

¹⁾ Журналъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ, мнѣніе членовъ графа Лавалля, Фусса и Рунича, 9 іюля 1821 года.

²⁾ Селезневъ, стр. 66—72.

Лицеѣ для содѣйствія литературному образованію молодыхъ людей, «Общество лицейскихъ друзей полезнаго». Уставъ этого общества гласилъ, что дѣйствительные его члены избираются исключительно изъ лицейскихъ воспитанниковъ старшаго возраста; кромѣ того, есть члены почетные, избираемые изъ преподавателей и гувернеровъ; со временемъ же предполагалось приглашать въ общество съ этимъ званіемъ и постороннихъ лицъ. Президентъ общества есть директоръ Лицея. Дѣйствительные члены обязаны, каждыи въ свою очередь, прочесть какое-либо свое сочиненіе, а иногда и переводъ, и труды ихъ подвергаются общему обсужденію; при этомъ выражено желаніе, чтобы для общей пользы всѣ сочиненія писались на иностранныхъ языкахъ; кромѣ частныхъ собраній изъ однихъ дѣйствительныхъ членовъ, предположены и публичныя съ участіемъ всѣхъ воспитанниковъ Лицея, а со временемъ и преподавателей и постороннихъ лицъ; каждое публичное собраніе открывается рѣчью. Въ концѣ года, въ день рожденія Благословеннаго основателя Лицея, бываетъ чрезвычайное собраніе, на которое приглашается и публика. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ ежегодно 2 руб. на покупку словарей и другихъ книгъ, изъ которыхъ впоследствии должна образоваться бібліотека общества. Все, происходящее въ частныхъ собраніяхъ, остается между членами и ни подъ какинъ видомъ не должно быть разглашаемо или пересказываемо постороннимъ лицамъ; виновный въ нарушеніи этого правила исключается изъ общества.

На первомъ собраніи 11 ноября 1821 года председатель произнесъ небольшую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой особенно любопытно окончаніе: «Предвижу — сказалъ директоръ — что это соединеніе, чисто литературное, приведетъ къ другому союзу — нравственному, столь же полезному и, почему не сказать этого? — еще болѣе интересному. Эта литературная связь еще болѣе укрѣпитъ узы довѣрія, откровенности и дружбы, которыя

уже соединяють насъ и которыя—скажу съ гордостью—ни въ какомъ другомъ заведеніи не существуютъ въ такой степени между воспитателемъ и воспитанниками. Да, друзья мои, наши литературные вечера еще утвердятъ сердечный союзъ, который путемъ любви и благодарности, а не страха, производитъ прочное повиновеніе и послушаніе, союзъ сердецъ, который вознаграждаетъ меня *за всю испрѣятность, сопряженную съ совѣстливостью исполненіемъ моей должности.* На этихъ вечерахъ мы сблизимся, мы соединимся еще тѣснѣе, и союзъ, образовавшійся въ этомъ убожищѣ мира и дружбы, продлится, надѣюсь, и за предѣлами Лицея. Наше чугунное кольцо будетъ символомъ того. Разстояніе и обстоятельства могутъ иногда удалить насъ другъ отъ друга, но воплѣ они не разлучатъ насъ. Пусть Лицей будетъ намъ вѣчно дорогъ, пусть онъ останется нашимъ сборнымъ мѣстомъ. И когда меня уже въ немъ не будетъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и тогда, друзья мои, любите Лицей, будьте соединены, какъ руки, обвитыя нашимъ кольцомъ.

Въ первомъ же засѣданіи были избраны должностныя лица общества, и мѣсто секретаря досталось воспитаннику III курса Д. Н. Замятнину. Имя это должно быть съ благодарностью поминуту въ исторіи Лицея: Замятнину выпалъ на долю счастливый жребій быть проводникомъ въ жизнь одной изъ величайшихъ реформъ Императора Александра II—преобразованія судебной части въ Имперіи.

Общество собиралось уже нѣсколько разъ, но еще не было утверждено. Чтобы дать ему окончательное освѣщеніе, Энгельгардтъ лично испрашивалъ у князя Голицына разрѣшенія торжественно начать публичныя собранія въ день рожденія Государя 12 декабря. Князь доложилъ объ этомъ Государю, который пожелалъ видѣть правила, на коихъ Энгельгардтъ желалъ устроить общество. Получивъ правила, князь Голицынъ довелъ о нихъ до свѣдѣнія Государя, который призналъ «учрежденіе такого общества между воспитанниками Лицея неприличнымъ и

ненужнымъ, во 1-хъ, потому что занятія, предполагаемыя для сего общества, будутъ слишкомъ ихъ развлекать и отнимать у нихъ время, необходимое на повтореніе уроковъ и на упражненія, гораздо полезнѣйшія и существеннѣйшія, по разнымъ предметамъ ученія; во-2-хъ, самые, такъ называемые, литературные труды учащихся не могутъ еще никакъ составлять предмета чтенія для публичныхъ собраній, и собственныя ихъ сужденія о сочиненіяхъ и переводахъ должны быть еще столь недостаточны, что имъ слѣдуетъ болѣе слушать мнѣнія знающихъ и опытныхъ, нежели проявлять мысли свои о томъ, чему еще обучаются и чего потому основательно знать не могутъ; въ-3-хъ, позволеніе воспитанникамъ засѣдать въ собраніяхъ наряду съ своими наставниками и воспитателями отниметъ у нихъ должное уваженіе къ начальствующимъ надъ ними.

Въ самый день полученія письма объ этомъ князя Голицына, 14 января 1822 года, Энгельгардтъ собралъ членовъ своего неодобреннаго общества и произнесъ слѣдующую рѣчь.

М. М. Г. Г. Сегодняшнее чрезвычайное собраніе наше имѣетъ предметомъ сообщить вамъ объявленную мнѣ чрезъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Высочайшую Его Императорскаго Величества волю относительно существованія нашего сословія. Я получилъ сегодня отъ его сіятельства князя А. Н. Голицына слѣдующее отношеніе. По прочтеніи бумаги, директоръ продолжалъ: Повиновеніе волѣ начальства есть первая обязанность подданнаго, а потому и надлежитъ намъ теперь же прекратить существованіе сего общества. Протоколъ сего засѣданія есть послѣдній нашъ; въ оный внесется письмо г. министра и немедленное исполненіе, по оному сдѣланное. Всѣ нынѣ состоявшіеся протоколы, уставъ нашъ, сочиненія и прочія бумаги я возьму къ себѣ на сохраненіе въ запечатанномъ пакетѣ, и общества лицейскихъ друзей полезнаго болѣе не существуетъ! Мы тѣмъ

исполнили долгъ повиновенія. Но съ тою же откровенностью, которою руководствуюсь я всегда въ обращеніи моемъ съ вами, друзья мои, и не скрою отъ васъ, зная, въ дружескомъ кругу, что я съ чувствомъ сердечнаго прискорбія разрываю связь, отъ которой ожидали мы некогда многихъ полезныхъ послѣдствій для насъ, для любезнаго нашего Лицея и для будущей службы нашей Государю и отечеству. Вы, конечно, все тѣлите со мною эти чувства, и я сего не охуждаю, но я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что вы послѣдуете и совѣту и примѣру моему повиноватися безъ малѣйшаго роптанія волѣ высшаго начальства. Я требую отъ васъ, какъ начальникъ и какъ другъ, чтобы, вышедъ изъ сей комнаты, вы не позволили себѣ въ кругу прочихъ товарищей вашихъ никакихъ разсужденій насчетъ прекращенія нашего общества. «Оно прекращено по волѣ высшаго начальства» — вотъ все, что можемъ, что должны мы дозволить себѣ о семъ сказать. Итакъ, мы, какъ члены общества лицейскихъ друзей полезнаго, сегодня разлучаемся, но мы всегда останемся неразлучными лицейскими друзьями полезнаго, и здѣсь, въ Лицее, пока мы вмѣстѣ, и въ свѣтѣ, гдѣ каждый пойдетъ отдѣльною стезею: да будетъ всегда единственнымъ и непоколебимымъ предметомъ нашихъ стараній, всей нашей жизни — полза, честь и слава нашего Лицея, отечества и Государя, благодѣтеля нашего.

Большая и видная лицейская новость — писалъ Энгельгардтъ Матюшкину 22 декабря 1821 года — пресловутый Фотій, наконецъ, рѣшилъ оставить Лицей, или, лучше сказать, избавить его отъ своей несносной персоны. Онъ переходитъ въ пансіонъ; туда дорога къ другу моему Гауеншильду; а дѣло ему тамъ будетъ, ибо это заведеніе, которое его сіятельство выставляетъ мнѣ неоднократно въ примѣръ, заключаетъ въ себѣ все, что можно назвать развратомъ: карты, въ которыя играютъ съ гувернерами; пьянство съ гувернерами ...

Дѣйствительно, въ январѣ 1822 года Ф. П. Калининъ подалъ прошеніе о представленіи его къ перемѣщенію изъ Лицея въ пансіонъ онаго гувернеромъ.

Но едва это перемѣщеніе состоялось, какъ надъ пансіономъ и Лицеемъ стряслась бѣда. Бѣда эта подготавлилась исподволь. Еще съ октября 1821 года дежурный генералъ главнаго штаба ген.-ад. Закревскій, лицо въ то время весьма вѣрительное и хорошо освѣдомленное, открыто говорилъ въ Москвѣ, что Лицей будетъ изъять изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и передать въ управленіе военно-учебныхъ заведеній ¹⁾. Весьма вѣроятно, что ожидали только удобнаго момента, чтобы привести это рѣшеніе въ исполненіе. Случай къ тому представился весьма скоро.

По извѣщеніи отъ гувернеровъ 6-го и 5-го классовъ пансіона о наклонности нѣкоторыхъ воспитанниковъ сихъ двухъ классовъ ходить прогуливаться вечеромъ по окончаніи ученія и что во время сихъ прогулокъ иные изъ нихъ, нарушая должный порядокъ, отдѣляются отъ прочихъ со товарищей и гуляютъ одни, директоръ пансіона, для прекращенія сего безпорядка, приказалъ всѣмъ гувернерамъ не ходить гулять съ воспитанниками послѣ пяти часовъ по полудни до того времени, доколѣ дни сдѣлаются длиннѣе. Но въ тотъ же самый день 2-го февр. 1822 года часть воспитанниковъ шестого и пятого классовъ, ни мало не уваживъ таковаго приказанія, изъявили намѣреніе идти гулять въ запрещенное время и отнеслись о семъ къ дежурнымъ гувернерамъ своихъ классовъ, которые представили имъ еще разъ, что сіе воспрещено, и что они не поклываютъ надлежащаго послушанія къ начальству и подають весьма худой примѣръ прочимъ воспитанникамъ. Однако, не смотря на все сіе, они воспользовались отсутствіемъ гувернеровъ, кои выходили донести директору о семъ поступкѣ, ушли и гуляли одни

¹⁾ См. ниже главу XX.

безъ гувернера. Виновными въ семь поступкѣ были воспитанники 6-го класса двое Бырдиныхъ, Васьковъ, Ломоносовъ, Сабуровъ, Шигоринъ, Корфъ, Мочульскій и Вагановъ, а изъ нихъ важнѣйшими, а притомъ и по прежнимъ неприличнымъ поступкамъ замѣченными были Сабуровъ и Ломоносовъ. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ 5-го класса также были въ томъ числѣ.

Князь Голицынъ, усмотрѣвъ съ крайнимъ неудовольствіемъ столь явное ослушаніе воспитанниковъ пансіона приказаніямъ своего начальства, свидѣтельствующее возникшій между ними духъ неповиновенія, каковой необходимо должно при самомъ его началѣ прекратить, нашелъ нужнымъ предписать слѣдующее. Во-1-хъ, воспитанниковъ Сабурова и Ломоносова, извѣстныхъ и прежде по дурнымъ своимъ поступкамъ, выслать нынѣ же изъ пансіона. Во-2-хъ, всѣхъ виновныхъ въ упомянутомъ выше проступкѣ воспитанниковъ 6-го и 5-го классовъ поставить на ковшъ во время общаго стола, лишивъ ихъ обѣда. Притомъ, если не всѣ точно извѣстны изъ принадлежащихъ къ 5-му классу, кто именно оказался виновнымъ при семъ случаѣ, то подвергнуть сему наказанію тѣхъ изъ нихъ, кто наиболѣе примѣтенъ по прежнимъ предосудительнымъ своимъ поступкамъ.

При этомъ князь Голицынъ нашелъ нужнымъ замѣтить начальству пансіона, что первымъ поводомъ къ сему происшествію была слабость самого начальства въ управленіи воспитанниками: ибо склонность воспитанниковъ хотѣть прогуливаться вечеромъ не слѣдовала никогда быть попускаема, когда начальство предвидѣло какое-либо непріятное отъ того послѣдствіе; вообщѣ же воспитанники должны, сколько возможно, удерживаемы быть отъ распущенныхъ и произвольныхъ поступковъ по ихъ волѣ, но направляемы во всемъ, наипаче же что касается до употребленія времени, тѣми, кто поставленъ для надзора надъ ними. Вторая погрѣшность начальства пансіона при семъ случаѣ состояла въ томъ, что, когда воспитанники, вопреки слѣ-

ианному имъ уже запрещенію на вечернія прогулки, изъ-явили намѣреніе идти гулять, то не слѣдовало никакъ дежурнымъ гувернерамъ отходить отъ нихъ въ то самое время и оставлять на своей волѣ однихъ, чѣмъ и поданы имъ поводъ и удобность произвести въ дѣйствіе объявленное ими намѣреніе къ послушанію.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, поручено было директору пансіона объявить отъ имени министра всѣмъ воспитанникамъ вообще, что имъ предписывается строжайшее во всемъ повиновеніе и уваженіе своему начальству; если же кто окажется въ томъ виновнымъ, то сіе будетъ имѣть вліяніе на участь его при выпускѣ; а притомъ, смотря по степени проступка, подвергнется исключенію изъ пансіона.

Обо всемъ этомъ князь Голицынъ довелъ до свѣдѣнія Государя, и Его Величество, сверхъ предписанныхъ княземъ мѣръ, повелѣлъ семерыхъ вышепоименованныхъ воспитанниковъ при имѣющемъ быть выпускѣ лишить права поступленія въ гвардію офицерами, когда кто изъ нихъ изъявитъ желаніе поступить въ военную службу; тѣхъ же изъ нихъ, которые поступятъ въ гражданскую службу, не достаивать тѣхъ чиновъ, кои при выпускѣ назначаются въ сравненіе съ чинами гвардіи офицеровъ, то-есть, не назначать имъ чина выше коллежскаго регистратора.

Но на этомъ дѣло не остановилось. 27-го февраля князь Голицынъ получилъ ¹⁾ рескриптъ Государя, коимъ повелѣвалось удалить отъ должности директора пансіона Гауеншильда и гувернеровъ Баріера и Гуэслейна и ввести въ означенныя должности имѣющихъ явиться отъ главнаго директора корпусовъ графа Коновницына офицеровъ: I-го кадетскаго корпуса капитана Алабова, II-го кадетскаго корпуса поручика Жеребцова и дворянскаго полка поручика Шетохина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, инспекторъ пансіона Нумерсъ уволенъ отъ службы, а профессоромъ нѣмецкаго

¹⁾ Изъ тѣхъ Лицейскаго архива.

языка въ Лицеѣ, на мѣсто Гауеншильда, назначенъ былъ Францъ Адамовичъ де-Олива, бывшій адъютантомъ съ 1821 года.

А вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ 18 марта 1822 г. Высочайшій указъ о подчиненіи Лицея и благороднаго пансіона Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Константину Павловичу и о передачѣ вслѣдствіе того сихъ заведеній въ вѣдомство главнаго директора наже-скаго и кадетскихъ корпусовъ генералъ-адъютанта графа Коновницина.

Указъ этотъ, если не ошибаемся, своевременно обнародованъ не былъ ¹⁾ и въ Полное Собраніе Законовъ не вошелъ.

Вскорѣ послѣ передачи Лицея и Благороднаго пансіона въ военное вѣдомство въ Лицеѣ произошло крупное несчастье. 29 мая 1822 года скончался воспитанникъ III курса Эдмундъ Самсонъ. Умеръ онъ страшною смертію: въ припадкѣ внезапнаго умоизступленія онъ перерѣзалъ себѣ горло перочиннымъ ножомъ.

Донося объ этомъ прискорбномъ случаѣ, Энгельгардтъ объяснялъ, что Самсонъ, весело проведя у него вечеръ вмѣстѣ съ своими товарищами, на слѣдующее утро почувствовалъ легкое недомоганіе и поступилъ въ больницу. Навѣстившій его въ тотъ же день Энгельгардтъ нашелъ его сидящимъ у столика, на которомъ лежали принадлежности для письма и перочинный ножикъ, за чтеніемъ извѣстной комической книги *Die Reise nach Braunschweig, von Knigge*. Проведя у него около получаса, Энгельгардтъ пошелъ въ лицейскій садъ, куда по истеченіи не болѣе, какъ 10 минутъ, прибѣжали сказать ему, что Самсонъ себя умертвилъ.

¹⁾ Напечатанъ указъ въ 1875 году въ Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I, стр. 1633, причемъ оговорено, что онъ взятъ изъ дѣлъ II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Цесаревичъ Константинъ, по доведеніи о семъ до его свѣдѣнія, отозвался, что, хотя ему содержаніе книги Путешествіе въ Брауншвейгъ Книгге неизвѣстно, но извѣстно то, что сочинитель оной книги былъ большой иллюминаторъ, и предписалъ, чтобы таковыхъ книгъ иллюминаторовъ, а также Вольтера и Руссо и имъ подобныхъ, не позволено было имѣть и читать воспитывающимся въ учебныхъ заведеніяхъ.

Во исполненіе этого графъ Коновницынъ предписалъ директору Лицея: 1) строго наблюдать, чтобы воспитанники Лицея означенныхъ и имъ подобныхъ книгъ не имѣли и нигде не получали; 2) въ библіотекѣ Лицея отдѣлать сего рода сочиненія немедленно отъ прочихъ и хранить особо за печатью, до новаго о нихъ предписанія; 3) вообще въ выдачѣ книгъ воспитанникамъ для чтенія поступать на основаніи §§ 114 и 115 Постановленія о Лицеѣ, и 4) въ покупкѣ книгъ для библіотеки сообразоваться съ § 113 того же Постановленія ¹⁾.

Но въ общемъ Цесаревичъ Константинъ относился къ Лицею совершенно безучастно.

5 марта 1823 года Энгельгардтъ писалъ ²⁾: «мы все время ожидали посѣщенія нашего главнаго начальника, великаго князя Цесаревича. Однако онъ уѣхалъ обратно въ Варшаву, не удостоивъ насъ своего вниманія».

За смертію графа Коновницына, который посѣдовалъ 29 августа 1822 г., завѣдываніе Лицеємъ перешло къ генераль-адъютанту П. В. Голенищеву-Кутузову.

Въ маѣ съ 3 по 18 число 1823 года состоялись выпускные экзамены воспитанниковъ III курса, а засимъ и самый ихъ выпускъ. Изъ 24-хъ воспитанниковъ 12 поступили въ гражданскую службу, 11 въ военную и одинъ на флотъ.

По окончаніи экзаменовъ для лицейскихъ наступилъ часъ разлуки. Воспитанники обступили Энгельгардта и

¹⁾ Изъ дѣлъ Лицейскаго архива.

²⁾ Русская Старина. XIII, стр. 368.

просили его дозволить имъ провести еще одинъ день въ Лицеѣ. Этотъ день употребленъ былъ директоромъ и воспитанниками на посѣщеніе вмѣстѣ наиболѣе любимыхъ ими мѣстъ Царскаго Села и окрестностей. Возвращаясь съ дальней прогулки, Энгельгардтъ отдыхалъ въ кругу своихъ питомцевъ въ одной изъ аллей царскосельскаго парка; мысль о близкой разлукѣ навела грусть на всю веселую толпу, и воспитанники не могли удержать слезъ. Въ эту минуту явился среди нихъ Государь; слезы также заблестѣли на глазахъ его.

Ты счастливъ, Энгельгардтъ», сказалъ онъ: «ты окруженъ благородными, любящими сердцами». Обращаясь затѣмъ къ воспитанникамъ, Государь продолжалъ:

Я доволенъ вашимъ экзаменомъ по наукамъ; онъ доказалъ, что вы умѣли воспользоваться средствами, вамъ данными для приобрѣтенія нужныхъ познаній. Спасибо вамъ за то. Но сегодня я вижу здѣсь экзаменъ по миѣ. Я вижу, что у васъ сердца съ чувствомъ, любящія, признагельныя. Сохраните всегда эти чувства, дающія главное достоинство чловѣку¹⁾.

Въ августѣ 1823-го года переведены были въ Лицей для пополненія открывшихся вакансій 25 воспитанниковъ Благороднаго пансіона. 25-го того же августа законоучитель священникъ Кочетовъ сказалъ имъ краткое слово, печатаемое въ приложеніи, какъ обращикъ тогдашняго церковно-школьнаго краснорѣчія.

¹⁾ Селезневъ, стр. 150, 151. Рус. Архивъ, 1872, стр. 1478.

XIV.

Расеѣянная и даже, быть можетъ, распущенная жизнь Пушкина, иѣкоторыя проявленія которой навлекали на него выговоры со стороны его начальства ¹⁾, несомнѣнно, затруднила его литературное творчество. Тѣмъ не менѣе въ началѣ 1820 года онъ окончилъ «Руслана и Людмилу», и извѣстность его, какъ писателя, прочно установилась въ петербургскомъ литературномъ мірѣ. Мы привели выше свѣдѣтельство Пушкина о распространенности въ публикѣ мелкихъ его произведеній. Они обратили на себя вниманіе власти-предержавшей, и надъ Пушкинымъ разразилась бѣда.

Дѣло возникло въ началѣ апрѣля 1820 г., по докладу петербургскаго генераль-губернатора, графа Милорадовича, который получилъ конію съ оды «Свобода» и нѣсколькихъ политическихъ эпиграммъ и пѣсень, ходившихъ съ именемъ Пушкина въ городѣ. Приглашенный для объясненій къ Милорадовичу и узнавъ, что въ квартирѣ его предполагается обыскъ, Пушкинъ объявилъ, что тамъ ничего найдено не будетъ, и тутъ же написалъ на память и передалъ Милорадовичу свои запрещенныя стихотворенія.

Энгельгардтъ рассказываетъ, что Государь (это было послѣ того, какъ Пушкина призывали къ Милорадовичу,

¹⁾ Дѣло въ «причинномъ повѣщеніи Пушкина. «Былое», 1906 г. ноябрь, стр. 26.

чего Энгельгардтъ до свиданія съ Царемъ и не зная) встрѣтилъ его въ саду и пригласилъ его съ нимъ пройти. Энгельгардтъ,—сказалъ ему Государь—Пушкина надобно сослать въ Сибирь: онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Миѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ; но это не исправляетъ дѣла.

Директоръ на это отвѣтилъ: «Воля Вашего Величества но Вы миѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшего моего воспитанника; въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже—краса современной нашей литературы; а впереди еще большія на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе Ваше, Государь, лучше вразумитъ его».

Съ своей стороны Карамзинъ, жившій тогда въ Царскомъ Селѣ и издававшійся съ Государемъ, также ходатайствовалъ за Пушкина. Вотъ, что писалъ онъ 19 апрѣля 1820 г. Дмитріеву: «Надъ... Пушкинымъ, если не туча, то по крайней мѣрѣ облако, и громоносное: служба подъ знаменами либералистовъ, онъ написалъ и распустилъ стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. и проч. Это узнала полиція. Опасаются слѣдствій. Хотя я уже давно, истощивъ все способы образумить эту безпутную голову, предалъ несчастнаго Року и Немезидѣ, однако жъ изъ жалости къ таланту замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. Не знаю, что будетъ. Миѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому—иначе я могъ бы похвалиться новымъ удостоюреніемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей всеѣмъ не есть геронство и великодушіе». Въ слѣдующемъ письмѣ Карамзинъ сообщалъ: «Пушкина простили за эпиграммы и за оду на вольность; дозволили ему ѣхать въ Крымъ и дали на дорогу 1000 рублей».

Дмитріевъ эти ходатайства повліяли на уменьшеніе постигшей Пушкина кары. Ему приказано было отправиться

на службу въ Екатеринославъ въ распоряженіе генерала Инзова, попечителя надъ иностранными колонистами южной Россіи. «Пушкинъ—писалъ Тургеневъ князю Вяземскому 21 апрѣля 1820 года—прочиталъ мнѣ письмо къ тебѣ, и я увидѣлъ, что онъ едва намекнулъ о бѣдѣ, въ которую попалъ и изъ которой спасенъ моимъ добрымъ геніемъ и добрыми пріятелями. Но этотъ предметъ не для переписки. А въ письмѣ отъ 28 апрѣля сообщалъ, что Пушкинъ ѣдетъ къ генералу Инзову и что съ нимъ поступлено по царски въ хорошемъ смыслѣ сего слова ¹⁾).

Запретные стихи Пушкина не только распространялись его друзьями, но нѣкоторые писатели указывали на нихъ въ своихъ произведеніяхъ. Такъ, забытый нынѣ стихотворецъ А. Г. Родзянко написалъ сатиру на Пушкина, въ которой помѣстилъ слѣдующее двустишіе:

И всѣ его права: нль два, нль три Ноэля,
Гимнъ Занду на устахъ, въ рукъ портретъ Лувеля.

Въ этомъ двустишіи разумѣется убійство нѣмецкимъ студентомъ Зандомъ русскаго агента Коцебу и убійство герцога Беррійскаго Лувелемъ, портретъ котораго Пушкинъ будто бы носилъ въ карманѣ и показывалъ своимъ знакомымъ даже въ общественныхъ мѣстахъ ²⁾).

Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 5 мая 1820 г. До Царскаго Села проводили его баронъ Дельвигъ и П. Л. Яковлевъ, братъ его лицейскаго товарища.

Высылка Пушкина произвела сильное впечатлѣніе въ петербургскомъ обществѣ и, въ особенности, въ лицейскомъ кружкѣ.

Въ IV № Соревнователя Кюхельбекеръ напечаталъ стихотвореніе «Поэты» съ эпиграфомъ изъ Жуковскаго:

И имъ не разорвать вѣнка,
Который взяло дарованье!

¹⁾ Остафьевскій Архивъ, II, стр. 35, 36.

²⁾ Статья Н. О. Лернера; Пушкинъ и Родзянко, Рус. Архивъ, 1900 г., IX, стр. 145 и сл.

Въ стихотвореніи этомъ, между прочимъ, читается:

О Дельвигъ, Дельвигъ! что награда
И дѣлъ высокихъ и стиховъ?
Таланту что и гдѣ отрада
Среди злодѣевъ и глупцовъ?
Въ рукѣ суровой Ювенала
Злодѣямъ грозный бичъ свиститъ
И краску гонитъ съ ихъ ланитъ,
И власть тирановъ задрожала!
О Дельвигъ, Дельвигъ, что гоненія?
Безсмертіе равно удѣлъ
И смѣлыхъ, вдохновенныхъ дѣлъ,
И сладостнаго пѣснопѣнья!
Такъ не умретъ и нашъ союзъ,
Свободный, радостный и гордый
И въ счастья и въ несчастья твердый.
Союзъ любимцевъ вѣчныхъ музъ.
О вы, мой Дельвигъ, мой Евгений ¹⁾.
Съ разсвѣта вашихъ тихихъ дней
Васъ полюбилъ небесный Геній!
И ты, нашъ юный Корифей,
Пѣвецъ любви, пѣвецъ Руслана!
Что для тебя шипѣнье змѣй.
Что крикъ и Филина и Врана!

«Поелику эта пьеса—пишетъ одинъ изъ литературныхъ донощиковъ того времени, В. Н. Каразинъ,—была читана въ обществѣ непосредственно послѣ того, какъ высылка Пушкина сдѣлалась гласною, то и очевидно, что она *по сему случаю* написана».

Указавъ на явившіяся въ то же время стихотворенія «Прощанье» (Боратынскаго), «Посланіе къ прелестницѣ» (Пушкина), Каразинъ прибавляетъ, «что все это пишутъ и печатаютъ безстыдно не развратники, запечатлѣнные уже общимъ миѣніемъ, но молодые люди, едва вышедшіе изъ

¹⁾ Боратынскій.

царскихъ училищъ, и подумайте о слѣдствіяхъ такого воспитанія!»¹⁾

Намекъ на юношей, вышедшихъ изъ царскихъ училищъ, достаточно ясенъ.

Въ Екатеринославѣ Пушкинъ пробылъ только нѣсколько дней и съ семействомъ генерала Раевского отправился на Кавказъ и затѣмъ, въ томъ же обществѣ, совершилъ поѣздку по южному берегу Крыма. Въ это время попечительство надъ южными колоніями, которымъ начальствовалъ Инзовъ, переведено было въ Кишиневъ, куда Пушкинъ и пріѣхалъ 21 сентября 1820 года.

Здѣсь Пушкинъ, хотя и велъ, какъ и въ Петербургѣ, разсѣянную жизнь, но все таки съ гораздо большимъ вниманіемъ относился къ своимъ литературнымъ произведеніямъ.

Въ Кишиневѣ сдѣлался онъ членомъ мѣстной масонской ложы, хотя она не была еще признана, или, какъ выражались масоны, инсталлирована главною директоріальною ложею въ Петербургѣ и вскорѣ должна была прекратить свое существованіе за силою указа 1 августа 1822 года о закрытіи масонскихъ ложъ въ Россіи.

Можно съ увѣренностью сказать, что Пушкинъ не придавалъ никакого значенія масонскимъ таинствамъ и обрядамъ, и поступилъ въ ложу только изъ любопытства; трое его товарищей—А. П. Бакунинъ, баронъ Дельвигъ и Кюхельбекеръ—были членами петербургской ложы.

Хотя Пушкинъ, говоря формально, и не былъ высланъ изъ Петербурга, а только командированъ въ распоряженіе генерала Инзова, но не былъ оставленъ безъ надзора.

Въ апрѣлѣ 1821 года графъ Каподистрія, находившійся при Императорѣ Александрѣ на конгрессѣ въ Лайбахѣ, спрашивалъ Инзова о поведеніи Пушкина, на что и получилъ одобрительный отвѣтъ. Однако, когда въ январѣ 1823 г. Пушкинъ просилъ отпуска въ Петербургъ, то получилъ въ этой просьбѣ отказъ.

¹⁾ Сочиненія, письма и бумаги В. П. Каразина, X. 1910, стр. 155, 160.

Въ маѣ того же года Пушкинъ перешелъ на службу къ графу Воронцову въ Одессу.

Насколько можно судить по сохранившимся отрывкамъ изъ переписки Пушкина, онъ поддерживалъ интимныя сношенія только съ двумя лицейскими товарищами: Дельвигомъ и Кюхельбекеромъ. Но на югѣ онъ приобрѣлъ друзей въ членахъ семьи генерала Раевского. Оба его сына и оба зятя, М. Ѳ. Орловъ и князь С. Г. Волконскій ¹⁾, сдѣлались близкими ему людьми. Последніе два были членами тайнаго общества, но ни они, ни другіе изъ ихъ единомышленниковъ, пріятелей Пушкина, не рѣшились, какъ и Пушкинъ, привлечь его къ участию въ планахъ общества.

Ко времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, къ 1822 году, можно отнести сочиненіе имъ столь многонащумѣвшей поэмы, еще не явившейся въ печати полностью, такъ какъ именно эту поэму нужно разумѣть въ словахъ князя Вяземскаго въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 10 декабря 1822 года ²⁾: «Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость», причемъ князь Вяземскій привелъ отрывокъ изъ этой поэмы.

Любопытно, что въ этой поэмѣ Пушкинъ вспоминаетъ о своемъ «отечествѣ», какъ онъ называлъ Царское Село, и о товарищескихъ тамъ играхъ, говоря:

Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни весной,
Оставя кнессъ, мы бѣгали на волю
И тѣшились отважною борьбой?

¹⁾ Въ письмѣ къ Пушкину отъ 18 октября 1824 года князь Волконскій извѣщаетъ его, что онъ «помѣститъ по порученію отца величаваго рога носца сына его въ Царскосельскій Линейный полкъ». Для объясненія этихъ словъ см. «Евгеній Онѣгинъ», глава I, строфа 12 и «Записки» И. Д. Якушкина, Москва, 1905, стр. 49, 57.

²⁾ Остафьевскій Архивъ, II, стр. 287.

Черезъ три года послѣ этого Пушкинъ вернулся къ тому же воспоминанію юности, и въ одной изъ откинутыхъ строфъ 19 октября 1825 года почти дословно повторилъ приведенные четыре стиха:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой.

Черезъ годъ послѣ вынужденнаго отъѣзда Пушкина изъ Петербурга бѣда стряслась надъ Кюхельбекеромъ.

Онъ думалъ получить должность профессора русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ и 6-го іюля 1820 года заготовилъ съ вѣдома Жуковского письмо (см. приложенія къ этой главѣ) къ ректору университета о предоставленіи ему этой должности. Но судьба рѣшила иначе.

Онъ оставилъ 9 августа того же года службу, и 8-го сентября отправился за границу съ оберъ-камергеромъ А. Л. Нарышкинымъ, въ качествѣ его секретаря и собесѣдника ¹⁾. «Мы знаемъ» — замѣтилъ Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину — «что онъ ни на то, ни на другое не годится».

Въ началѣ путешествіе шло благополучно. Кюхельбекеръ посѣтилъ главнѣйшіе города Германіи и черезъ Страсбургъ проѣхалъ въ южную Францію.

Дорожныя свои впечатлѣнія сообщалъ онъ въ письмахъ къ Дельвигу. Онъ внимательно изучалъ мѣстныя картинныя галлерей и музеи, подробно описывая ихъ своему другу; въ письмахъ онъ упоминаетъ о нѣсколькихъ встрѣченныяхъ имъ русскихъ семействахъ и рассказываетъ о знакомствѣ съ нѣмецкими писателями. Такъ, онъ видѣлся съ своимъ родственникомъ живописцемъ Резлеромъ, съ докторомъ

¹⁾ Кюхельбекеръ былъ рекомендованъ Нарышкину барономъ Дельвигомъ, который первоначально приглашенъ былъ Нарышкинымъ, но отъ поездки отказался.

де-Витте, извѣстнымъ по письму къ матери Занда, съ семействомъ Шадовыхъ, женою Клодіуса, историкомъ Ганзы Лаппенбергомъ, поэтомъ Тидге, Беттихеромъ, Тикомъ, главою германскихъ романтиковъ, творцомъ «Ураніи», и, наконецъ, съ Гете ¹⁾.

Съ глубокимъ увлеченіемъ отнесся онъ къ иѣменкой культурѣ и литературѣ. Это пребываніе въ Германіи, несомнѣнно, повліяло на измѣненіе его литературныхъ взглядовъ и вкусовъ. Онъ отрѣшился отъ подчиненія французскому классицизму.

Въ мартѣ 1821 года Кюхельбекеръ пріѣхалъ въ Парижъ. Пушкинъ, бывшій въ то время въ Кишиневѣ, писалъ о немъ Дельвигу: «Желаю ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія; объ духѣ любви не беспокоюсь; въ этомъ нуждается не будешь; о празднословіи молчу — далекій другъ не можетъ быть излишне болтливъ» ²⁾.

Не то ожидало Кюхельбекера. Очевидно, что за нимъ слѣдили изъ Петербурга.

Въ запискѣ, представленной Государю вскорѣ послѣ возвращенія его изъ Царское Село 21 мая (съ Лайбахскаго конгресса) г.-ад. Бенкендорфомъ, занимавшимъ тогда мѣсто начальника штаба гвардейскаго корпуса, говорилось, что содѣйствовать Н. И. Тургеневу и Куницыну въ изданіи предполагаемаго ими журнала выразилъ желаніе, между прочимъ, «Кюхельбекеръ — молодой человекъ съ пылкой головой, воспитанный въ Лицеѣ, теперь — за границей съ Нарышкинымъ» ³⁾.

«Пріѣхавъ въ Парижъ», — писалъ Энгельгардтъ ⁴⁾

¹⁾ Большею частью эти знакомства онъ былъ обязанъ баронессѣ фонъ-дербъ-Рекке, рожденной графинѣ Мелемъ, сестрѣ герцогини Курляндской, известной своими сношеніями съ знаменитымъ Каліостро.

²⁾ Письмо 23 марта 1821 года.

³⁾ Шильдеръ, Императоръ Александръ I, IV, стр. 211

⁴⁾ Письмо 27 іюня 1821 года.

Кюхельбекеръ вздумалъ тамъ завести «lectures semi-publiques sur la littérature russe». Не взирая на уродливость его фигуры и отрицательный его органъ, слушали его съ должнымъ участіемъ, но чортъ его дернулъ забраться въ политику и либеральныя идеи, на конхъ онъ рехнулся, запоролъ чепуху, такъ что Нарышкинъ его отъ себя прогналъ, а нашъ посланникъ запретилъ читать и, наконецъ, выслалъ его изъ Парижа. Что изъ него будетъ, Богъ знаетъ, но, если съ нимъ что-нибудь сдѣлаютъ, то будетъ грѣхъ. Онъ свихнулся, и болѣе ничего, но едва ли это такъ принято будетъ. Жаль его, но болѣе жаль еще репутацію бѣднаго Лицея, на который уже и безъ того нынѣшніе святыя жестоко нападаютъ и хотятъ доказывать, что плоды нашего заведенія и воспитанія суть навреднѣйшіе для государства.

Прицѣпились къ Пушкину, теперь прицѣплятся къ Кюхельбекеру; но о всѣхъ тѣхъ изъ воспитанниковъ (и число ихъ не малое), которые въ теченіе четырехъ лѣтъ отличились и отличены крестами и мѣстами, доказывающими высокую степень къ нимъ довѣренности, никто ни слова не говоритъ. Даже изъ второго курса менѣе года въ службѣ находящіеся воспитанники успѣли уже заслужить довѣренность и отличіе отъ своихъ начальствъ, но это все не помогаетъ и не поможетъ, ибо la fable du loup et de l'agneau de Lafontaine, вѣрно, помнишь.

Изъ Парижа Кюхельбекеръ, вмѣстѣ съ поэтомъ В. И. Туманскимъ, вернулся въ Петербургъ черезъ Варшаву, гдѣ видѣлся съ лицейскимъ товарищемъ С. С. Есаковымъ ¹⁾.

Лекціи мои въ Парижѣ — писалъ Кюхельбекеръ своей сестрѣ Ю. К. Глинкѣ — имѣли цѣль самую благонамѣренную. Можетъ быть, былъ неостороженъ; можетъ быть, найдутъ въ нихъ нѣсколько словъ неосторожныхъ, но я не могъ предвидѣть того, что ожидало меня въ Петербургѣ» ²⁾.

¹⁾ Рус. Старина, т. VII, стр. 470.

²⁾ Рус. Старина, 1873, т. VII, стр. 465; 1875, XIX, стр. 339—343.

Я прочелъ сейчасъ лекцію Кюхельбекера въ Парижѣ; *c'est curieux*» — писалъ А. И. Тургеневъ ¹⁾ князю Вяземскому 19 августа 1821 г. — «Между тѣмъ, онъ здѣсь и умираетъ съ голоду. Надѣется пристроиться въ частный пансіонъ».

Начались хлопоты объ устройствѣ его судьбы. Тургеневъ рекомендовалъ его Ермолову, и 19 сентября 1821 г. онъ былъ опредѣленъ на службу въ Грузію. 30 августа 1821 года Тургеневъ писалъ, что Кюхельбекеръ ѣдетъ сегодня или завтра съ Ермоловымъ. «Мы устроили его дѣло. Государь зналъ все о немъ; полагалъ его въ Греціи и согласился опредѣлить къ Ермолову» ²⁾.

Въ Тифлисѣ, гдѣ онъ сблизился съ Грибоѣдовымъ, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ до своей заграничной поѣздки³⁾, Кюхельбекеръ оставался недолго. Нравственное его состояніе обрисовывается въ письмѣ его къ Вольховскому, помѣщенномъ въ приложеніи къ этой главѣ. 20 апрѣля 1822 г. онъ дрался на дуэли съ племянникомъ Ермолова, Николаемъ Николаевичемъ Похвисневымъ, немедленно послѣ чего подалъ въ отставку и былъ уволенъ 29 того же апрѣля. Бывшій въ то время въ Тифлисѣ Н. Н. Муравьевъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о дуэли Кюхельбекера⁴⁾.

16 апрѣля узналъ я происшествіе, недавно случившееся между Кюхельбекеромъ и Похвисневымъ. На дняхъ они поссорились у Алексѣя Петровича [Ермолова], и, какъ Похвисневъ не соглашался выйти съ нимъ на поединокъ, то онъ ему далъ двѣ пощечины. Алексѣй Петровичъ, узнавши о семъ, очень сердился, сказавъ, что Кюхельбекера непременно отправить отсюда въ Россію, а, между тѣмъ,

¹⁾ Остафьевскій Архивъ. II, стр. 201.

²⁾ Ibid., стр. 206 и 209. Онъ былъ рекомендованъ Ермолову и графомъ Нессельроде. Рус. Старина, т. VII, стр. 465.

³⁾ А. В. Безродный. Кюхельбекеръ и Грибоѣдовъ, въ Истор. Вѣстникъ, 1902 г., № 5, стр. 596—600.

⁴⁾ Рус. Архивъ, 1888, кн. II, № 5, стр. 0119—0120.

ветѣть, чтобы они подрались. У Похвиснева былъ назначенъ секундантомъ Павловъ, а Кюхельбекеръ послалъ въ Гомборы по сему предмету за артиллерійскимъ штабсъ-капитаномъ Листомъ, съ которымъ онъ очень друженъ.

19-го Петръ Николаевичъ Ермоловъ пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ мнѣ дѣло Похвиснева съ Кюхельбекеромъ. Грибоѣдовъ причиною всего, и Кюхельбекеръ дѣйствовалъ по его совѣтамъ. Мнѣ сказалъ Ермоловъ, что Алексѣй Петровичъ имѣетъ тайное приказаніе извести Кюхельбекера; не взирая на то, кажется, что слабость его допустить послѣдняго до того же состоянія, въ которомъ онъ прежде былъ принять у него въ домѣ. 20-го Кюхельбекеръ стрѣлялся съ Похвисневымъ: одинъ далъ промахъ, у другого пистолетъ осѣлся, и тѣмъ дѣло кончилось.

Получивъ вторую отставку¹⁾, Кюхельбекеръ жилъ около года въ деревнѣ сестры, въ Смоленской губерніи.

Всѣ попытки друзей устроить какъ-нибудь его судьбу не удавались. Жалуясь въ письмѣ 17 февраля 1823 года своему товарищу С. Д. Комовскому на свою горькую долю, Кюхельбекеръ прибавляетъ, что ему наскучила бурная дикая жизнь, которую велъ доселѣ по необходимости,

¹⁾ Въ 1827 году Ермоловъ говоритъ въ Тифлисѣ г.-а. Дибичу, что онъ самъ Кюхельбекера, по весьма короткомъ здѣсь пребываніи, зналъ, отрекомендовалъ его князю Волконскому, какъ вполне умна и весьма порочнаго молодого человека. Рус. Старина, VII, стр. 465; VIII, стр. 389. Между тѣмъ въ аттестатѣ Кюхельбекеру написано, что «по краткости времени его здѣсь пребыванія мало употреблено, быть въ должности и потому собственно по дѣламъ службы способности его не извѣданы»; въ черновомъ же проектѣ аттестата находились слѣдующія слова: «и исполнялъ дѣлаемыя ему порученія съ усердіемъ при похвальномъ поведеніи». Означенно, Ермоловъ не находилъ возможнымъ дать о Кюхельбекерѣ положительный отзывъ. Не желая, съ другой стороны, повредить молодому человеку, онъ уклонился отъ изложенія своего мнѣнія о служебномъ качествѣ Кюхельбекера. Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ г. Вейсбаумомъ изъ Тифлискаго архива.

гѣмъ болѣе, что, скажу тебѣ искренно, сердце мое не свободно, и я люблю въ первый разъ любить инымъ.

Вскорѣ Кюхельбекеръ перебрался въ Москву. Въ Москвѣ—писалъ князь Вяземскій—дѣлать ему нечего: надобно ѣсть, а здѣсь хлѣба въ ротъ не кладутъ людямъ его наружности и несчастнаго свойства: минтельнаго, пугливаго. Въ немъ нѣтъ ничего любезнаго, но есть многое достойное уваженія и состраданности.

Въ другомъ письмѣ князь сообщаетъ, что теперь (28 августа 1823 г.) Кюхельбекеръ «загѣваетъ издавать журналъ, и, кажется, онъ на это дѣло способенъ. Талантъ его подвинулся».

24 января 1823 года Энгельгардтъ пишетъ Кюхельбекеру: «отъ твоей вины страдаль не ты одинъ, но и мать твоя, и Лицей наше».

Переходимъ къ барону Дельвигу и начнемъ съ извлеченій изъ писемъ Энгельгардта.

10 февраля 1821 года. Былъ въ городѣ и провелъ лицейскій вечерокъ у Пушкина. О бывшихъ тамъ узнаешь ты изъ прилагаемаго у сего сборнаго письма, въ коемъ Дельвигъ спрессованъ сдѣлать начало.

14 сентября 1823 года. Дельвигъ поѣхалъ ли чѣмъ-то въ Финляндію?.

Дельвигъ, дѣйствительно, воспользовался отпускомъ съ 13 августа 1823 г. въ семь дней для поѣздки на свиданіе съ Е. А. Борятинскимъ въ Роченсаломъ, гдѣ расположенъ былъ полкъ, въ которомъ служилъ Борятинскій.

Въ 1825 году, 10 февраля, Дельвигъ уволенъ быть на 28 дней въ Витебскъ. Отпускъ этотъ онъ просрочилъ, и 3 мая получилъ отъ директора Публичной Библіотеки Оленина слѣдующую грозную записку: «Баронъ Дельвигъ, отпущенный по просьбѣ его въ отпускъ на 28 дней съ тѣмъ, что по возвращеніи онъ оставитъ занимаемое

*) Рус. Старина, т. XIII, стр. 362.

*) Изъ письма къ Кюхельбекеру; Рус. Стар. 1876, т. XIII, стр. 374.

имъ мѣсто при Библіотекѣ, какъ несвойственное его занятіямъ и его способностямъ, просрочивъ два мѣсяца сверхъ даннаго срока, нынѣ, наконецъ, возвратился въ Петербургъ, гдѣ, не явившись къ непосредственному начальству, безвѣстно (?) здѣсь проживаетъ. Сіе совершенно неприличное по службѣ поведеніе побуждаетъ директора Библіотеки предварить барона Дельвига (единственно изъ уваженія къ его родителю), что, если онъ чрезъ три дня по полученіи сей официальной записки не подастъ просьбу объ увольненіи его вовсе отъ Библіотеки, то на основаніи закона будетъ уже прямо отставленъ начальствомъ Библіотеки .

Дельвигъ подчинился этому ультиматуму и подалъ требуемое прошеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняя причину просрочки своею болѣзною, обратился о заступничествѣ къ печальнику за всѣхъ литературныхъ дѣятелей, Жуковскому. Но и это не помогло. Оленинъ отвѣтилъ Дельвигу, что, хотя Жуковскій, дѣйствительно, за него ходатайствовалъ и весьма сильно, но, что по весьма уважительнымъ причинамъ оставить его въ Библіотекѣ не можетъ. 25 мая 1825 года выданъ былъ Дельвигу аттестатъ, въ которомъ о его службѣ сказано только, что «онъ велъ себя похвально ¹⁾ .

Въ статьяхъ В. П. Гаевского, указанныхъ выше, приведено много указаній на лѣность и безпечность Дельвига, которыми онъ, кажется, нѣсколько рисовался. Даже очень высоко ставившая Дельвига, который, какъ ей показалось, былъ одинъ изъ лучшихъ, примѣчательнѣйшихъ людей своего времени, А. П. Кернъ признала, что одинъ упрекъ только сознательно ему можно сдѣлать.—это за лѣнь, которая мѣшала ему работать на пользу людей ²⁾.

¹⁾ Другое объясненіе причины его увольненія дано будетъ ниже.

²⁾ Пушкинъ и его современники. Спб. 1907 г., в. V, стр. 142.

XV.

Одновременно съ выпускомъ изъ Лицея III курса, о чемъ говорено было въ главѣ XIII, въ Лицей переведены были изъ пансіона 25 воспитанниковъ, но въ октябрѣ того же 1823 г. объявлено было директору Высочайшее повелѣніе: шуринъ генераль-адъютанта барона Дибича, Николая Торнау, перевести немедленно изъ пансіона въ Лицей, хотя чрезъ то будетъ одинъ лишній воспитанникъ въ означенномъ Лицѣ.

Несомѣнно, что подчиненіе Лицея военному управленію и назначеніе 18 марта 1822 г. директоромъ приготовительнаго пансіона, вмѣсто гражданскаго чина, «добраго штабъ-офицера» капитана Алабова, должно было возбудить въ Энгельгардтѣ сомнѣніе въ прочности и собственнаго положенія.

Въ Историческомъ очеркѣ Лицея читаемъ слѣдующее:

Изъ дѣлъ Лицея усматриваются, между прочимъ, и тѣ непріятныя отношенія, въ которыя былъ поставленъ Энгельгардтъ въ послѣдній годъ директорства своего. Напримѣръ, по случаю бывшаго 12 декабря 1822 г., въ день рожденія Императора Александра, концерта воспитанниковъ возникаетъ въ 1823 году переписка (десять, одно ~~и~~ отношеній) съ управленіемъ главнаго директора кадетскихъ корпусовъ, ставящая Энгельгардта въ необходимость защищать права свои и отъ предмета

незначительнаго переходящая, при всей осторожности и благоразумной сдержанности директора, къ вопросамъ и замѣчаніямъ, которые и не для Энгельгардта были бы крайне непріятны.

Но судьба Энгельгардта въ это время уже была предрѣшена. Главный директоръ кадетскихъ корпусовъ П. В. Кутузовъ уже пріискивалъ кандидата на должность директора Лицея, и 9 августа 1823 года предложилъ ее отставному коллежскому совѣтнику князю Александру Петровичу Оболенскому. Этотъ Оболенскій состоялъ при принцѣ Ольденбургскомъ, супругѣ великой княгини Екагеринны Павловны, устраивалъ въ 1812 году извѣстный батальонъ Ея имени, командовалъ имъ въ походахъ 1812—1815 г.г. и затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился въ деревнѣ. Князь изъявилъ согласіе принять эту должность, но ему не было суждено занять ее. 17 октября 1823 года Кутузовъ сообщилъ князю, что «сегодня получилъ разрѣшеніе на извѣстное Вамъ мое представленіе; мнѣ казалось, что оно такъ хорошо было обдуманно и соображено единственно съ пользою службы, слѣдовательно, и будетъ утверждено. Пожалѣйте, любезнѣйшій другъ, обо мнѣ, о воспитанникахъ и *еще о комъ хотите* ¹⁾. Не говоря никакихъ причинъ, не хотятъ сдѣлать представленія; но я догадываюсь, что все затрудненіе состоитъ только въ томъ, что Вы безъ эполетъ и безъ шпоръ! Я зналъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ это большой порокъ, но никакъ не могъ вообразить, что простирался до такой степени» ²⁾. Свою кандидатуру на должность директора Лицея выставилъ также авторъ извѣстной сатиры «Домъ сумасшедшихъ» А. Θ. Воейковъ, оставившій въ 1820 году профессорство въ Дерптскомъ университетѣ и переѣхавшій въ Петербургъ, гдѣ онъ посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности. Въ дневникѣ его записано:

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

²⁾ Хроника петербургской старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, Спб. 1876, стр. 254—255.

Жуковскій пріѣхалъ изъ Павловска. Онъ не совѣтуетъ мнѣ идти въ царскосельскіе директоры Лицея. Да будетъ воля Божія, а доказательства Жуковского нелѣпы и смѣшны». . . . «Былъ у Кутузова и у Кунинцева за извѣстнымъ дѣломъ. . . Кунинцевъ обнадеживаетъ, а у Кутузова былъ кто-то посторонній и помѣшалъ мнѣ объясниться». . . «Директорство по Лицею не удастся. . .

А. А. [вѣроятно, Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ] отказался дать совѣтъ о лицейскомъ директорствѣ» ¹⁾.

Между тѣмъ, какой-то влиятельный недругъ Энгельгардта успѣшно старался добиться его увольненія. Ниже приводимъ выдержки изъ многолѣтней переписки братьевъ Булгаковыхъ, обвинявшихъ петербургскими и московскими новостями и сплетнями: изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ ими, видно, что отставку Энгельгардта старались провести еще до возвращенія Государя въ Петербургъ ²⁾, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы предупредить встрѣчу или бесѣду Государя съ Энгельгардтомъ, которая могла бы имѣть благоприятный для послѣдняго результатъ. Государь вернулся въ Царское Село 3-го ноября 1823 года, а Энгельгардтъ былъ уволенъ 23 октября: въ это именно время никакого опредѣленнаго кандидата еще не имѣлось въ виду, что явствуетъ уже изъ того, что преемникъ Энгельгардту назначенъ былъ лишь 1 января 1824 года. Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ писалъ своему брату 30 октября 1823 года изъ Петербурга: «Государя всѣ ожидаютъ 4-го въ Царское Село. Сейчасъ я слышалъ, что лицейскій Энгельгардтъ отставленъ: не знаю, кто на его мѣсто. О семъ мнѣ сказывалъ давно Г. Д. Кураковъ» ³⁾.

Въ письмѣ отъ 24 ноября того же года онъ пишетъ:

¹⁾ Кошелевъ. Историческіе дѣтели прежняго времени. Спб. 1859, стр. 278—279.

²⁾ Государь въ это время осматривалъ южныя военныя поселенія.

³⁾ Рус. Архивъ. 1903, кн. 1 стр. 483. Государь пріѣхалъ изъ Варшавы 4. с., 3 ноября.

«Не знаю, завидно ли мѣсто Энгельгардта. Мнѣ кажется, тутъ страшная отвѣтственность; да и отцы учениковъ могутъ кутермить. Балуй дѣтей, такъ будешь дѣйствовать противъ совѣсти; не балуй, такъ найдутся князья Голлицины, подобно князю Федору, которые часто готовы негодовать. Лучше такихъ мѣстъ удаляться. Если Озерову хочется, то зачѣмъ онъ не просится? Великій князь къ нему хорошо расположенъ и, вѣрно, ему будетъ радъ» ¹⁾.
Далѣе въ письмѣ отъ 18 декабря онъ же сообщаетъ: «На мѣсто Энгельгардта все еще никто не назначенъ. Это, вѣроятно, рѣшится въ Варшавѣ, куда поѣхалъ Кутузовъ» ²⁾.

Вѣсть, что ходатайство о назначеніи князя Оболенскаго директоромъ Лицея было отклонено, вскорѣ дошла и до Москвы. И, вотъ, что А. Я. Булгаковъ писалъ 19 ноября 1823 года брату: «Озеровъ увѣряетъ, что Галаховъ не будетъ на мѣсто Энгельгардта, отъ коего читалъ мнѣ письмо. Il a une très mauvaise opinion de Galachoff; en outre, il est persuadé que le Grand-Duc n'en voudra pas, puisqu'il a (entre nous) déjà refusé le p-ce Alexandre Obolensky, qu'on avait présenté pour cette place. Озеровъ очень просилъ меня дать ему знать тотчасъ, кого назначать. Ив. Вас. Тутолминъ, бывши здѣсь, сказалъ ему: я не могу вамъ сказать, но знаю отъ Императрицы, что туда назначается предостойный человѣкъ. П. Ив. исчислилъ мнѣ всѣ выгоды этого мѣста; ежелибы я зналъ все это прежде, можетъ быть, рѣшился бы я домогаться онаго. Озеровъ говоритъ, что онъ бы тотчасъ сенаторство свое променялъ на мѣсто это. Энгельгардтъ много и самъ виноватъ; онъ уже черезчуръ зазнался, а мѣсто не такъ трудно, какъ думаютъ» ³⁾.

¹⁾ Рус. Архивъ. 1903, кн. 4, стр. 486. Петръ Ивановичъ Озеровъ, о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ не задолго (25 апрѣля 1823 г.) былъ назначенъ сенаторомъ.

²⁾ Ibid. стр. 491.

³⁾ Рус. Архивъ. 1901, кн. 4, стр. 597—598.

Однимъ словомъ, вѣроятно, уже лѣтомъ 1823 г. вопросъ объ увольненіи Энгельгардта былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Охотниковъ замѣнить Энгельгардта, втайнѣ возжелѣвшихъ или же явно себя выставившихъ, оказалось не мало: — князь Оболенскій, Галаховъ, Воейковъ, сенаторъ П. И. Озеровъ, А. Я. Булгаковъ. Мѣсто директора Лицея, не смотря на многія трудности, какъ видно, представлялось заманчивымъ.

Между тѣмъ, 1 сентября 1823 г., повидимому, безъ вѣдома Энгельгардта, назначенъ былъ инспекторомъ Лицея статскій совѣтникъ Нумерсъ, уволенный ранѣе отъ должности инспектора пансіона. Тогда поступило отъ Энгельгардта прошеніе объ отставкѣ, вслѣдъ за которымъ послѣдовало 23 октября 1823 г. увольненіе. Энгельгардта уходили святоши, замѣтилъ въ своихъ «Запискахъ» Гречъ. Самъ Энгельгардтъ, постоянно опасавшійся, какъ видно изъ его переписки, перлюстраціи, осторожно выразился о своей отставкѣ въ письмѣ отъ сентября 1823 г. ¹⁾. «Все это время прошло мнѣ, какъ тяжкій сонъ; тысяча происшествій одно другого тягостиѣе; скучныя бездушныя дѣла съ утра до ночи; экзамены, на коихъ никто участія не принимаетъ, но гдѣ долженъ былъ я ежедневно убивать по 6 и по 8 часовъ жизни своей; хлопоты о выпускѣ и, наконецъ, выпускъ и переводъ, и какой выпускъ и какой переводъ! Слава Богу, все кончено, худо ли, хорошо ли, и я, кончивъ свое дѣло, могъ подать просьбу объ увольненіи меня отъ должности, которую я нести болѣе не въ состояніи. Я надѣюсь быть отставленъ въ теченіе мѣсяца; прослуживъ близъ 30 лѣтъ я на 50-мъ году жизни моей, долженъ начинать помышлять о томъ, что буду ѣсть и чѣмъ буду кормить тѣхъ изъ близкихъ сердцу моему, которые не могутъ сами добывать себѣ хлѣбъ и т. д. .

Лицейскій IV курса М. А. Бѣлуха-Кохановскій, провел-

¹⁾ Къ Кюхельбергу. Рус. Старина, XIII, стр. 373.

ний въ Лицеѣ шестилѣтіе 1820-1826 г.г., такъ рисуется въ своихъ воспоминаніяхъ бытъ Лицея ¹⁾).

Неудивительна будетъ эта жизненность воспомина- ній—сообщаетъ онъ—если вникнуть въ тѣ особыя условія, которыми была обставлена лицейская жизнь: учебное заве- деніе въ чудномъ Царскомъ Селѣ, тогда еще не имѣвшемъ вида обширнаго и многолюднаго города, вдали отъ сто- лицы ²⁾ со всѣми ея соблазнами и не доступной лиценстамъ во все ихъ шестилѣтнее пребываніе въ заведеніи, въ со- вершенно замкнутой жизни, въ небольшомъ кругу 25 то- варищей; какой-то отдѣльный мірокъ, не имѣющій ничего общаго съ тревоженіями житейскими. Въ наше время никакихъ никуда отпусковъ не было; въ праздничные и каникулярные дни—лѣтомъ, на Рождество, на Пасху воспитанники отпускались къ пріѣзжавшимъ родителямъ, родственникамъ, но только до вечера, а въ извѣстный часъ должны были возвращаться и ночевать въ Лицеѣ; на другой день опять отпускались съ утра и до вечера. Удивительна ли, при такомъ образѣ жизни въ теченіе шести лѣтъ, въ тѣсномъ, одномъ и томъ же кругу, уди- вительна ли та связь, которая устанавливалась между одно-

¹⁾ Бѣлуха-Кохановскій умеръ 8 января 1891 года въ чинѣ действ. ст. сов. въ званіи камергера, занимая разныя должности по выбору податскаго дворянства. Въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музѣ хранится рукописная тетрадь въ четвертую долю листа; она содержитъ поэмѣ Бѣлухи съ посланіемъ къ . Въ поэмѣ описывается драка между болвиничнымъ служителемъ Никифоромъ и подле- каремъ Юганомъ и разборъ этой драки экономомъ Лицея П. А. Ротостомъ при участіи его жены Екатерины. Произведеніе это весьма слабое, но въ основѣ его лежитъ, несомнѣнно, бывшій въ дѣйствительности случай. Въ томъ же Музѣ хранятся нѣсколько рисунковъ Бѣлухи. Воспоминанія его напечатаны въ Рус. Старинѣ, 1890 г. № 3. О статьѣ Бѣлухи-Кохановскаго, помѣщенной въ Mis- cellanée des papiers, будетъ сказано ниже.

²⁾ 13 апрѣля 1820 года сдѣлано распоряженіе объ ежеднев- номъ отправленіи почты между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ; до того почта отправлялась только два раза въ недѣлю.

курсниками и которая оставалась на всю жизнь. Я сказалъ: въ одномъ и томъ-же гѣсномъ кругу, ибо въ наше время не было, какъ теперь, классовъ, а были два курса, по три года въ каждомъ, которые и назывались младшій и старшій курсъ: при переходѣ изъ одного курса въ другой никакихъ переводныхъ экзаменовъ, а *de jure* въ 25 переходили независимо нисколько отъ успѣховъ изъ младшаго въ старшій курсъ. Большая или меньшая успѣдность выражалась при выпускѣ приобрѣтеніемъ правъ на чинъ. Послѣдствіемъ такой системы было то, что перѣлко воспитанникъ, по гѣности-ли, по неразвитости-ли бывшій въ числѣ самыхъ слабыхъ, въ старшемъ курсѣ преобразовывался и начиналъ заниматься съ особымъ рвеніемъ и энергіею.

Выше я сказалъ о той связи, о той дружбѣ, которая существовали между однокурсниками и которая оставалась на всю ихъ жизнь. Не мало содѣйствовало этой сплоченности и то обстоятельство, что въ наше время (начиная уже съ 1817 года) расадникомъ Лицея былъ. Благородный пансіонъ при Лицеѣ. Пансіонъ этотъ былъ, какъ сказать, самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ съ шестилѣтнимъ курсомъ. Изъ 2 и 3 классовъ пансіона переводились въ Лицей удостоенные на то конференціею. Составленный списокъ первыхъ двадцати пяти удостоенныхъ и къ нимъ 25 кандидатовъ и представляли на утвержденіе Государя. Такимъ образомъ, въ Лицей поступали мальчики отъ 11 до 14 лѣтъ, уже между собою знакомые и даже дружные, привыкшіе къ известной школьной дисциплинѣ и всему школьному порядку.

Матеріальная сторона жизни въ Лицеѣ была обставлена такими условіями, которые имѣли самое благотворное вліяніе на укрѣпленіе физическихъ силъ. Ботъ не жели просторныя помѣщенія въ огромномъ корпусѣ, примыкающемъ къ дворцу; въ первомъ этажѣ, нѣкоторыя хозяйственныя помѣщенія и большіе во второмъ, младшій курсъ, классъ, довольно большой залъ и общія сто-

ловая; третій этажъ для старшаго курса—большой залъ, двѣ арками соединенныя съ нимъ комнаты для занятій виѣ классовъ, обширный классъ съ отдѣльною конторкою для каждаго воспитанника, за нимъ физическій кабинетъ; четвертый этажъ—спальня, для каждаго воспитанника отдѣльная небольшая комнатка, отдѣленная отъ сосѣднихъ невысокою перегородкою, съ умывальницей, шкафами для платья и бѣлья. Пища прекрасная и изобильная: утромъ чай, въ 12 часовъ обѣдъ, въ 5—чай и въ 8—ужинъ. Распредѣленіе учебныхъ часовъ было чрезвычайно удачно соразмѣрено съ условіями, необходимыми для здоровья, пропорціональности занятій и отдыха. Вставали мы въ 6 часовъ; послѣ того отъ 7 до 9 первый урокъ непрерываемый; отъ 9 до 10 отдыхъ; отъ 10 до 12 второй урокъ. Въ 12 обѣдъ и затѣмъ до 2 отдыхъ; отъ 2 до 5 два урока—однѣ часовой и другой двухчасовой. Въ 5—чай и затѣмъ до 8 свободное время, въ теченіе котораго всякій дѣлалъ, что хотѣлъ,—кто занимался, кто путешествовалъ по залѣ; зимою, впрочемъ, между 9 и 10 часами утромъ и послѣ вечерняго чая до 6¼ часовъ было ежедневное катанье на конькахъ, а лѣтомъ не желавшіе заниматься могли оставаться въ своемъ саду, хотъ до ужина. Какъ живо рисуются въ памяти миѣ эти катанья на конькахъ: въ началѣ зимы на великолѣпномъ огромномъ зеркальномъ озерѣ въ большомъ саду, а потомъ, когда оно покрывалось снѣгомъ, на небольшомъ четырехугольномъ прудѣ, противъ дворца, который ежедневно очищался отъ снѣга и который мы вечеромъ освѣщали самодѣльными бумажными фонарями.

Санитарное состояніе въ Лицеѣ было настолько удовлетворительно, что нашъ IV курсъ заканчивалъ первую сотню лиценстовъ и изъ нихъ умеръ одинъ, а именно въ нашемъ курсѣ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Сергѣй Детарю 9.

9 Умеръ 23 февраля 1821 г.

Нравственное состояніе, конечно, не уступало матеріальному, если даже не стояло выше. Живя въ своемъ отдѣльномъ, своеобразномъ міркѣ, никогда никакихъ кутежей, не смотря на то, что мы очень дружились съ лейбъ-гусарами, преображенцами и камеръ-пажами. Допускали себѣ воспитанники старшаго курса одно непростительное въ учебномъ заведеніи удовольствіе: это куреніе. Начальство смотрѣло на это сквозь пальцы, но съ непремѣннымъ условіемъ курить только въ саду, что и соблюдалось свято. Курили трубки и, вотъ, мы хранили табакъ у швейцара, а чубуки, и трубки въ погребку, въ саду, а мѣстомъ куренія былъ центральный въ нашемъ саду садикъ Д. Н. Замятина.

Изъ гувернеровъ помню очень Фотія Петровича Калининча, онъ же и учитель чистописанія, съ его постояннымъ выраженіемъ «пичужки, пичужки». Въ то время хорошій почеркъ считали какъ бы необходимою принадлежностью хорошаго воспитанія; въ продолженіе трехгодичнаго младшаго курса чистописаніе входило въ число уроковъ, на который и полагался одинъ часъ въ недѣлю: помню Чирикова, въ то же время учителя рисованія, стародушнѣйшаго смертнаго, и нелюбимаго Оболенскаго, впоследствии инспектора, преподававшаго въ младшемъ курсѣ логику и психологію самымъ скучнымъ образомъ...

Въ младшемъ курсѣ любимыми нашими преподавателями были профессоръ французской словесности Тилло и адъюнктъ математики П. М. Архангельскій. У Архангельскаго на опытѣ выразилась истина той педагогической аксіомы, что успѣхи учениковъ въ значительной степени зависятъ отъ умѣнья преподавателей передавать свой предметъ, отъ умѣнья внушить къ себѣ любовь, возбудить вниманіе. Что, кажется, суше для молодыхъ, пылкихъ, жадныхъ къ ощущеніямъ юношей, чего скучнѣе алгебры и разныхъ ньютоновыхъ бинномовъ, а между тѣмъ предметъ Архангельскаго выражался наибольшими успѣхами. При 12-ти балльной системѣ самое незначитель-

ное изъ 25 меньшинство имѣло не менѣе 9 балловъ. Въ старшемъ курсѣ мы особенно любили того же Тилло, И. П. Шульгина, который увлекательно читалъ статистику, всегда безъ помощи какихъ-либо аписокъ, а живымъ словомъ,—мы на лету записывали его лекціи; очень сочувственно относились къ профессору Врангелю, не смотря на его невозможный русскій языкъ,—вѣроятно, эти отношенія зависѣли болѣе отъ его предмета, политическая экономія, которая была у насъ въ большомъ почетѣ, и мы зачитывались Шторхомъ.

Очень почтительно относились мы къ профессору исторіи Кайданову, почтенному лѣтami, читавшему намъ по своему печатному переводу Герена. Скучныя свѣдѣнія, сообщаемыя своеобразнымъ малороссійскимъ выговоромъ, дополнялись чтеніемъ историческихъ книгъ. Исторія была у насъ въ большомъ почетѣ.

Профессоромъ русской словесности и латинскаго языка былъ Н. Ѳ. Кошанскій. По части латыни мы были крайне слабы; въ большинствѣ случаевъ уроки его (два въ недѣлю) заключались въ вызовъ поочередно всѣхъ 25-ти и отвѣтъ: «г. профессоръ, ничего не знаю», и затѣмъ—единица.

Но Николай Ѳеодоровичъ удивительно хорошо читалъ и былъ страстнымъ поклонникомъ Пушкина, съ особеннымъ мастерствомъ читалъ его произведенія. Вотъ и мы, еще большіе поклонники Пушкина, узнавъ о какомъ-нибудь новомъ его произведеніи, дружно приготавлились къ латинскому уроку. Кошанскій приходилъ въ восторгъ; тогда, по окончаніи урока, мы гурьбою обступали его съ изобильною просьбою: Николай Ѳеодоровичъ, будьте такъ добры, привезите будущій разъ такое-то новое произведеніе Пушкина и прочтите намъ. Такая просьба никогда не встрѣчалъ отказа, и слѣдующій урокъ руссійской словесности проходилъ въ приятномъ чтеніи Кошанскаго.

Самымъ, конечно, любимымъ развлеченіемъ нашимъ было посѣщеніе семействъ нѣкоторыхъ изъ товарищей; тутъ на первомъ планѣ стоитъ семейство моего одно-

курсника Н. Д. Мертваго. Матушка его прѣзжала съ гремя молодыми дочерьми почти на всю зиму въ Царское Село. Почтенная Варвара Дмитриевна, добрая, привѣтливая, была для всѣхъ насъ какъ бы матерью; мы любили ее и слушались ея совѣтовъ, какъ родной матери, выслушивали выговоры ея, замѣчанія съ сыновнею покорностью. Дѣвнцы Мертваго были живыя, образованныя, привѣтливыя и обращались съ нами, какъ съ братьями; всѣ были очень хорошенькія и всѣ онѣ, за исключеніемъ меньшей, 15-лѣтней, имѣли, конечно, по нѣскольку обожателей. Всякое воскресенье, всякій праздникъ, всѣ мы старшаго курса, за исключеніемъ ушедшихъ къ прѣхавшимъ къ нимъ роднымъ, собирались послѣ обѣда у Варвары Дмитриевны, бывало, по 15 человѣкъ. Время проводили въ веселыхъ разговорахъ, пѣніи, чтеніи, декламаціяхъ, иногда танцахъ, въ очень небольшой комнатѣ, подъ звуки фортепьяно, на которомъ играла одна изъ дѣвицъ; на продолжительныхъ же праздникахъ любимую забавою были *charades en actions*; раздѣлялись на двѣ группы, подъ главенствомъ одной изъ сестеръ; партіи соперничали въ изобрѣтательности и замысловатости шарадъ и ихъ исполненіи. Для чего приготавливались костюмы и аксесуары; нѣкоторыя шарады были очень удачны.

Незамысловатыми и рѣдкими развлеченіями были лицейскіе балы въ годовщину открытія Лицея, 19 октября. Ихъ при мнѣ,—говоритъ Бѣлуха,—было три. два въ бытность въ младшемъ курсѣ и одинъ въ старшемъ. Балы устраивались Энгельгардтомъ съ особою его умѣlostью; два первые раза балу предшествовали спектакли, которые приготавливались тоже подъ его руководствомъ¹⁾. Балъ давался въ большой верхней залѣ. Приглашались, впер-

¹⁾ Въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ хранятся четыре театральныя пьесы на французскомъ языкѣ и четыре же на нѣмецкомъ, разыгранныя воспитанниками II и III курсовъ съ показаніемъ формальнаго участіи учащихся въ представленіи. Эти тщательно перепечатанные пьесы хранятся въ Музеѣ вкупѣмъ. Энгельгардта, барономъ О. Р. Остенъ-Сакеномъ.

выхъ, весь персоналъ профессоровъ, гувернеровъ съ чадами и домочадцами, родные и родственники воспитанниковъ и царскосельскіе почетные жители. Мы приготовлялись къ этимъ баламъ точь-въ-точь, какъ институтки, за цѣлую недѣлю хлопоты о башмакахъ, перчаткахъ, помадѣ, духахъ; доставали щипцы для завивки волосъ и проч. Это были балы, конечно, веселые, оживленные и продолжались далеко за полночь, оставляя впечатлѣніе и воспоминаніе на цѣлый мѣсяцъ.

Несомнѣнно,—продолжаетъ Бѣлуха,—на нашъ нравственный бытъ имѣла неотразимое вліяніе личность незабвеннаго директора Энгельгардта.

Вѣчная, вѣчная, благодарная ему память!—скажетъ, конечно, каждый лиценстъ послѣдовательныхъ курсовъ.

Энгельгардтъ имѣлъ глубоко обдуманые педагогическіе приемы для вліянія на юношество и совершенно соотвѣтственные и возрасту и развитію. Онъ никогда не посѣщалъ классовъ, предоставляя полную самостоятельность профессорамъ-преподавателямъ.

Такое отношеніе къ преподавателямъ возвышало ихъ значеніе въ глазахъ воспитанниковъ, а для самихъ преподавателей служило стимуломъ для сознанія важности и отвѣтственности своего призванія. Самъ же Энгельгардтъ дѣйствовалъ на воспитанниковъ своимъ ежедневнымъ съ ними общеніемъ, въ свободные отъ уроковъ часы. Онъ имѣлъ обыкновеніе въ младшемъ курсѣ приходить почти ежедневно послѣ вечерняго чая въ залъ, гдѣ мы толпою окружали его, и тутъ занималъ онъ насъ чтеніемъ, бесѣдою, иногда шутливою (онъ превосходно читалъ); бесѣды эти не имѣли никогда характера педагогическаго наставительства, а всегда были приурочены къ возрасту, служили къ развитію воспитанниковъ и внушенію имъ правилъ нравственности; особенно настаивалъ онъ на важности усвоенія принципа правдивости. Мы до такой степени привыкли ко вседневнымъ почти его посѣщеніямъ, что неоявленіе его въ теченіе двухъ или трехъ

дней производило общее смятеніе и безпокойство; тотчасъ начинались разговоры, не сдѣлалъ ли кто какого-либо проступка или шалости, которая огорчила директора; виновный сейчасъ сознавался, отправляли къ нему съ повинною—и миръ возстановлялся, и директоръ опять появлялся въ обычный часъ, съ своимъ привѣтливымъ, ласковымъ, ободрительнымъ выраженіемъ.

Въ старшемъ курсѣ отношенія его къ воспитанникамъ принимали характеръ болѣе серьезный. Съ большимъ тактомъ и умѣньемъ, какъ истинный педагогъ, онъ давалъ уразумѣвать, что мы уже не дѣти, и потому бесѣды его клонились преимущественно къ развитію понятія о долгѣ, о томъ значеніи въ жизни, которое имѣетъ исполненіе своего долга вездѣ, всегда, на всѣхъ поприщахъ: «въ исполненіи своего долга, въ правдивости, прямотѣ совмѣщается,—внушалъ онъ,—и широкое понятіе о честности человѣка». Чтенія были серьезныя, задавалъ темы для сочиненій, которыя представлялись директору и отъ него возвращались съ его замѣчаніями.

Далѣе Бѣлуха-Кохановскій говоритъ, что Энгельгардтъ въ продолженіе многихъ лѣтъ своего директорства пользовался особою милостію и благосклонностію Императора Александра. Не рѣдко имѣлъ онъ счастье прогуливаться съ нимъ въ саду и имѣть продолжительныя бесѣды, клонившіяся къ благоустройству и будущности его питомцевъ. Въ послѣдніе годы царствованія Энгельгардтъ утратилъ благоволеніе къ нему Государя, составилось мнѣніе о развитомъ будто бы въ Лицеѣ либерализмѣ, и 14 октября 1823 г. Энгельгардтъ вышелъ въ отставку.

Боже мой — говоритъ Бѣлуха, — сколько было слезъ при разставаньи съ любимымъ директоромъ! Никогда не забуду я этихъ минутъ и тѣхъ увѣщаній, которыя онъ дѣлалъ: хранить свято завѣтъ Лицея, исполнять свой долгъ, подчиняться безропотно и безпрекословно всѣмъ требованіямъ начальства, которыя послѣдовать могутъ. При этомъ требовалъ, чтобы мы писали къ нему всякую недѣлю и сообщали

со всею правдивостью о всѣхъ подробностяхъ новой жизни. Всякую недѣлю посылали мы ему длинный отчетъ, редактировали его сообщая и получали длинные отвѣты. Не знаю—прибавляетъ Бѣлуха—у кого изъ моихъ товарищей хранятся эти драгоценныя письма; черновыя нашихъ должны быть гдѣ-нибудь въ моемъ архивѣ, такъ какъ я былъ постояннымъ переписчикомъ набѣло.

По увольненіи Энгельгардта исправленіе должности директора возложено было на профессора Кошанскаго; но въ ноябрѣ того же года Кошанскій заболѣлъ, и должность поручена была за два мѣсяца передъ симъ опредѣленному инспекторомъ въ Лицей статскому совѣтнику Нумерсу. Затѣмъ 1 января 1824 года директоромъ Лицея былъ назначенъ генералъ-маіоръ Θεодоръ Григорьевичъ Гольтгоеръ, бывший директоромъ существовавшаго въ то время кадетскаго корпуса, называвшагося дворянскимъ полкомъ.

Мы -- продолжаемъ разсказъ Бѣлухи—имѣли основаніе опасаться обращенія съ нами нѣсколько рѣзкаго, по военному, и потому всячески старались довести какимъ-нибудь образомъ до его свѣдѣнія, что мы просимъ объ одномъ, объ обращеніи съ нами, какъ угодно строго, лишь бы не грубо, а мы давали, съ своей стороны, слово, что будемъ вести себя съ строгимъ наблюденіемъ одинъ за другимъ, такъ что не дадимъ повода къ какому-либо неудовольствію.

Памятенъ мнѣ очень инспекторъ Нумерсъ, почтеннѣйшій, безобиднѣйшій старичекъ. И теперь не понимаю, въ чемъ заключалась его инспекторская должность, потому что мы никогда его не видали. Крѣпко жалокъ намъ быть этотъ добрейшій старичекъ, когда стряслась надъ нимъ гущая бѣда: въ междоуарствіе между Энгельгардтомъ и Гольтгоеромъ ему пришлось директорствовать почти съ мѣсяцъ. Никогда не забуду, какъ онъ растрогать насъ, пришедши къ намъ и со слезами на глазахъ обратившись къ намъ съ этими кроткими словами: «Господа! поберегите меня!» и мы поберегли, устроивъ между собою строжайшій надзоръ, чтобы не было, такъ сказать, ни сору

ни засоринки. И, когда пріѣхалъ новый директоръ, какъ опять растрогалъ насъ почтенный старикъ, выражая, со слезами на глазахъ, благодарность за то, что мы оберегли его.

Гольтгоеръ,—продолжаетъ Бѣлуха—былъ очень почтенный, добрый старикъ, и все обладилось прекрасно.

Все время у насъ была тишь да гладь. Директоръ посѣщалъ иногда классы, и, какъ только, бывало, послышится его шагъ, первое дѣло—застегивались стуртки на все пуговицы, что, видимо, доставляло ему удовольствіе, какъ видимый признакъ порядка и должнаго почитанія. Было одно забавное происшествіе, надѣлавшее не мало переполоху, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказавшее директору, до какой степени была развита правдивость у лиценстовъ. Такъ мы мирно прожили годы съ новымъ директоромъ.

Увольненіе Энгельгардта, на первое, по крайней мѣрѣ, время, глубоко опечалило его. «О перемѣнахъ въ нашемъ Лицеѣ—писалъ онъ 5 февраля 1824 г.—не говорю тебѣ ничего; проѣзжай мимо, братъ, тебѣ уже тамъ дѣла нѣтъ. А здѣсь будешь, то на словахъ панихиду отпоемъ».

Въ теченіе своего почти осьмилѣтняго управленія Лицеомъ Энгельгардтъ отдалъ на службу родниѣ I, II и III курсы и оставилъ Лицей, когда на старшемъ его возрастѣ находился IV курсъ.

Всѣмъ сердцемъ преданный Лицею и любовно относившійся къ своимъ питомцамъ, за которыми онъ внимательно слѣдилъ и по оставленіи ими Лицея, Энгельгардтъ завелъ особый альбомъ, въ надеждѣ, что каждый изъ лицейскихъ впишетъ ему въ эту книгу что-либо на память¹⁾.

Надежда почтеннаго директора далеко не оправдалась. Общее число воспитанниковъ первыхъ четырехъ курсовъ было 103: въ альбомѣ же нашли себѣ мѣсто записи только 69 лицъ. При этомъ имена двухъ лицъ, Сергѣя Деларю (19) и Дмитрія Козлова (35), не встрѣчаются въ спискахъ выпущенныхъ изъ Лицея; первый умеръ незадолго до

¹⁾ Альбомъ этотъ подаренъ Императорской Публичной Библиотека барономъ Э. Р. Остенъ-Сакеномъ.

выпуска, а второй, вѣроятно, покинулъ Лицей до окончанія курса.

Первый, третій и четвертый курсы представлены въ альбомѣ довольно полно; напротивъ того, изъ 25 воспитанниковъ второго курса записались только шестеро ¹⁾. Одинъ изъ нихъ, Лангеръ, подписался своимъ школьнымъ прозвищемъ «старикъ» (38), другой, Пётръ Яхонтовъ, скрылся подъ прозвищемъ «Pierrot» (67), третій (68) подписался пятью буквами, объяснить которыя я не умѣю.

Записи альбома вообще выражаютъ чувства признательности директору; въ немногихъ только можно подмѣтить кое-какія біографическія черты. Всѣ эти записи печатаются въ приложеніи къ этой главѣ.

Мы уже упомянули выше, что Пушкинъ, какъ выразился Родзянко, написалъ «гимнъ Занду». Здѣсь разумѣть нужно слѣдующія строки изъ стихотворенія «Кинжалъ»:

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

О жертвѣ Занда, Коцебу, Пушкинъ упомянулъ въ эпиграммѣ на Аракчеева, когда, обращаясь къ временщику, говорилъ:

Ты стоишь лавровъ Герострата
Иль смерти нѣмца Коцебу.

Августъ Коцебу былъ извѣстный нѣмецкій драматургъ и журналистъ реакціоннаго направленія. Уроженецъ г. Веймара, онъ прибылъ въ Россію въ 1778 году, состоялъ первое время секретаремъ при генералѣ Баурѣ, завѣдывалъ одно время нѣмецкимъ театромъ въ Петербургѣ, а затѣмъ по

¹⁾ Вслѣдствіе происшедшаго въ 1820 году пожара Лицея выпускъ II курса произведенъ былъ весьма поспѣшно, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется, что многие изъ членовъ этого курса не успѣли внести своихъ именъ въ альбомъ.

смерти Баура переѣхалъ въ Ревель, гдѣ устроился при судебныхъ учрежденіяхъ. Въ Ревелѣ онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Фредерикою фонъ-Эссенъ (1784 г.) и былъ назначенъ предсѣдателемъ губернскаго магистрата въ Эстляндію—съ этимъ назначеніемъ было связано и пріобрѣтеніе дворянства. Въ 1790 году скончалась его первая жена, и, потрясенный ея кончиною, Коцебу долгое время путешествовалъ по Европѣ, вернувшись въ Эстляндію только въ 1795 г. Здѣсь онъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицею Христиною фонъ-Крузенштернъ. Женившись, онъ снова выѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ до 1799 года, когда пожелалъ вернуться въ Ревель, дабы повидаться съ дѣтьми. Однако на границѣ—не смотря на паспортъ—Коцебу былъ арестованъ и по повелѣнію Императора Павла доставленъ въ г. Курганъ, Тобольской губерніи; Императоръ заподозрилъ въ немъ шпиона или иностраннаго эmissара. Въ ссылкѣ онъ пробылъ не долго, Государь разрѣшилъ ему пріѣхать въ Петербургъ и даже осыпалъ его милостями. Послѣ кончины Императора Павла Коцебу снова уѣхалъ за границу, снова овдовѣлъ и вернулся въ Эстляндію только въ 1804 году, гдѣ и вступилъ въ третій бракъ съ другою дѣвицею фонъ-Крузенштернъ. Въ послѣдующее время Коцебу также не прерывалъ связи съ Россіей и русскимъ Дворомъ, хотя проживалъ по большей части за границей и занимался журналистикою. Отъ Императора Александра I онъ получилъ даже порученіе посылать ему особые бюллетени о различныхъ событіяхъ въ Германіи; это обстоятельство стало извѣстнымъ въ 1816 году, и за Коцебу укоренилась репутація русскаго шпиона. Въ своей публицистической дѣятельности онъ пытался бороться съ нарождавшимися въ Германіи политическими теченіями, издѣвался надъ движеніемъ среди молодежи и, въ частности, среди студентовъ. Одинъ изъ іенскихъ студентовъ, Карлъ Зандъ, рѣшилъ убить Коцебу, дабы избавить Германію отъ этого, столь зловреднаго, по его мнѣнію, реакціонера, и привелъ

свое рѣшеніе въ исполненіе 23 марта 1819 года въ Маннгеймѣ¹⁾. Послѣ Коцебу осталась вдова и тринадцать дѣтей. Русское правительство не оставило его сыновей на произволъ судьбы; объ этомъ можно судить по сохранившейся перепискѣ Энгельгардта съ нимъ и его вдовою. Переписка касается вопроса объ опредѣленіи сыновей Коцебу въ Лицей, и Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 18 мая 1818 года сообщаетъ ему, что они будутъ зачислены кандидатами. Въ письмѣ упоминается общій ихъ знакомый Крузенштернъ, проживавшій въ Ревелѣ. Въ болѣе позднемъ письмѣ Энгельгардта 1820 года (10 февраля), адресованномъ г-жѣ Коцебу, идетъ рѣчь объ опредѣленіи мальчиковъ на казенный счетъ, и Энгельгардтъ объясняетъ сѣ, въ какомъ порядкѣ эта просьба должна быть направлена²⁾.

Въ Лицеѣ воспитывались два сына Коцебу, Карлъ и Василій Евстафіевичи; первый съ 1820—1826 г., второй съ 1826 по 1832 г. Василій Евстафіевичъ впослѣдствіи служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и въ 1844 году, будучи секретаремъ русской миссіи въ Баденѣ, перевелъ на нѣмецкій языкъ написанное Гречемъ опроверженіе извѣстной книги маркиза де Кюстина о Россіи. Вышло оно подъ заглавіемъ: *Ueber das Werk: «La Russie en 1839 par le marquis de Custine, aus dem russischen übersetzt von W. v. Kotzebue*. За свой трудъ Коцебу просилъ о пожалованіи его камеръ-юнкеромъ. Но Императоръ Николай приказалъ выдать ему годовой окладъ жалованья³⁾.

Впослѣдствіи В. Е. Коцебу былъ нашимъ посланникомъ въ Берли.

¹⁾ Aug. v. Kotzebue's Leben, von Heinrich Döhning. Weimar, 1830.

²⁾ Въ судьбѣ сыновей Коцебу принимала участіе герцогиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна. Копія съ переписки Энгельгардта и Коцебу полагана Лицею бывшимъ, директоромъ Лицея барономъ Л. Э. Волковымъ.

³⁾ Дашев. Николаевскіе жандармы. Спб. 1908, стр. 152.

XVI.

Уволенный отъ службы съ пенсіею въ 3.000 руб. ассигнаціями. Энгельгардтъ долгое время оставался со-вѣтъ не у нѣтъ. Только въ 1830 году онъ былъ опре-дѣленъ свѣтскимъ засѣдателемъ реформатскаго засѣданія С.-Петербургской лютеранской консисторіи, а еще позже, въ 1834 (2 марта), въ службу директоромъ для общаго управленія по изданію «Земледѣльческой Газеты».

Къ этому періоду его жизни относится возобновленіе его литературныхъ занятій, прерванныхъ педагогической дѣятельностью.

Въ концѣ 1823 года Энгельгардтъ имѣлъ намѣреніе предпринять изданіе журнала, къ участію въ которомъ приглашалъ Кюхельбекера ¹⁾. Но мысль эта не осуществи-лась, и только въ 1828 году онъ приступилъ къ самостоя-тельному изданію своеобразнаго сборника.

Сборникъ этотъ, отчасти подходящій подъ типъ рас-пространенныхъ въ то время альманаховъ, носилъ названіе: *Russische Miscellen zur genaueren Kenntniss Russland und seiner Bewohner* herausgegeben von Georg Engelhardt.

Въ концѣ 1828 года вышли первые два тома *Miscel- len*, третій появился въ 1830 г., а четвертый въ 1832. Каждый томъ содержалъ около 200 страницъ.

¹⁾ Рус. Старина. XIII, стр. 376.

Этотъ сборникъ представляется наиболѣе интереснымъ изъ всѣхъ изданій, въ которыхъ участвовалъ Энгельгардтъ, какъ потому, что въ немъ имѣется много статей, имъ самимъ написанныхъ, такъ и потому, что въ немъ помѣщены работы нѣкоторыхъ лицейскихъ первыхъ курсовъ. Въ виду этого слѣдуетъ внимательнѣе остановиться на немъ.

Какъ видно изъ заглавія, а еще болѣе ясно изъ предисловія, этотъ сборникъ преслѣдовалъ цѣль ознакомленія читателя съ Россіей. Энгельгардтъ льстилъ себя надеждой, что ему удалось подмѣтить различныя оригинальныя черты «національнаго характера его русскихъ соотечественниковъ, на которыхъ русскій человѣкъ не останавливается, потому что онѣ представляются ему слишкомъ обыденными, и которыхъ иностранцы не замѣчаютъ, потому что недостаточно знакомы съ языкомъ и нравами народа» (Miscellen, I томъ, предисловіе). Это намѣреніе издателя сказывается почти во всѣхъ статьяхъ. Даже беллетристическія статьи—онѣ имѣются въ первыхъ трехъ томахъ сборника—подобраны съ этой цѣлью. Въ первомъ томѣ пересказана подъ заглавіемъ Andrej und Marfa историческая повѣсть Дарагана, напечатанная въ приложеніяхъ къ Сыну Отечества за 1824 г.; во второмъ томѣ имѣется историческая новелла Wassilij und Olga, взятая изъ Полярной Звѣзды за 1823 годъ. Наконецъ, въ третьемъ помѣщенъ рассказъ подъ заглавіемъ: «die Gevatterschaft», принадлежащій несомнѣнно перу самого Энгельгардта, хотя имъ и не подписанный. Въ этомъ весьма чувствительномъ рассказѣ описана любовь Алексѣя, сына богатаго крестьянина, старосты, къ бѣдной сиротѣ, красавицѣ Аннѣ. Любовь ихъ встрѣчаетъ весьма серьезныя препятствія со стороны отца Алексѣя, и все же романъ ихъ заканчивается благополучнымъ бракомъ влюбленныхъ, потому что юный помѣщикъ, только что достигшій совершеннолѣтія, по совѣту своего воспитателя, пріѣхалъ къ себѣ въ деревню инкогнито, узналъ про всѣ

козни и ихъ разстроилъ. Въ разсказѣ любопытна не фабула, а стремленіе автора придать ему *couleur locale*: дѣйствующія лица все время говорятъ пословицами и поговорками, всѣ народные обряды продѣлываются ими очень тщательно и описаны очень подробно, въ народныхъ выраженіяхъ, а, такъ какъ эти слова и обычаи могли бы остаться непонятными для иноземца, то они пояснены въ обширныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

И въ другихъ болѣе короткихъ разсказахъ, также написанныхъ самимъ Энгельгардтомъ, повторяется та же сентиментальность и то же стремленіе отмѣтить симпатичныя и характерныя черты русскаго простолюдина. Таковъ разсказъ о беззавѣтной храбрости матросовъ судна, на которомъ въ 1812 году Энгельгардтъ ѣхалъ по рѣкѣ Свири, матросовъ, бросившихся ночью спасать конецъ каната, оторвавшагося на порогахъ; та же тенденція проводится и въ разсказѣ о нѣкоемъ царскосельскомъ купцѣ, имѣвшемъ крупную торговлю и ведшемъ всю свою бухгалтерію путемъ какихъ то значковъ на дверяхъ; съ тѣми же цѣлями помѣщено повѣствованіе о кузнечномъ мастерѣ Добрецовѣ, который взялся безвозмездно исполнить на 30.000 рублей всякихъ работъ въ сгорѣвшемъ Царскосельскомъ дворцѣ, мотивируя свое безкорыстіе благодарностью къ Государю, подъ охраной котораго онъ разбогатѣлъ,—что де онъ, Добрецовъ, богаче Царя, ибо у него три каменныхъ дома въ Петербургѣ, а у Царя любимый сгорѣлъ, и т. д.

Болѣе интересны статьи, имѣющія прямое отношеніе къ географіи; онѣ примѣчательны, между прочимъ, и потому, что нѣкоторыя изъ нихъ написаны бывшими питомцами Энгельгардта. Такъ, первый же томъ сборника открывается статьею подъ громкимъ названіемъ «Russland», представляющей краткую (всего 25 стр.) характеристику Имперіи съ точки зрѣнія ея географическаго расположенія и статистическаго состава. Статья эта является по просту рѣчью, произнесенною на выпускномъ актѣ 1823 г.

воспитанникомъ Лицея, Бѣлухой-Кохановскимъ. Въ этомъ смыслѣ гораздо любопытнѣе письма Матюшкина, участника экспедиціи барона Врангеля, долгое время пробывшаго въ сѣверныхъ краяхъ. Первое изъ писемъ содержитъ описаніе быта чукчей и своеобразной чукотской ярмарки въ Островномъ; во второмъ (II т.) имѣются очень любопытныя и по тѣмъ временамъ совершенно новыя данныя относительно «шамановъ», среди чукчей игравшихъ роль не то жрецовъ, не то пророковъ. Наблюдая надъ этими шаманами, обладавшими какимъ то особымъ даромъ ясновидѣнія, отмѣчая то странное состояніе, въ которое они впадаютъ до экстаза и послѣ него, Матюшкинъ высказываетъ предположеніе: «шаманизмъ» есть не что иное, какъ «магнетизмъ», а шаманъ—само-магнетизеръ¹⁾.

Самъ Энгельгардтъ принималъ дѣятельное участіе въ своемъ сборникѣ. Имъ написана, кромѣ уже указанныхъ выше, статья, содержащая описаніе сѣверныхъ рѣчныхъ системъ, по которымъ онъ путешествовалъ (II т.); имъ же составленъ и обзоръ путешествій русскихъ мореплавателей за послѣдніе 25 лѣтъ; этотъ обзоръ по своему времени не лишенъ былъ интереса, ибо давалъ краткую сводку довольно значительныхъ результатовъ, добытыхъ русскими путешественниками, которыхъ въ это время было не мало (Крузенштернъ, Головинъ, Гагемейстеръ, Коцебу, Врангель и др.). Кромѣ того, въ сборникѣ помѣщены дневникъ его и замѣтки, которѣ онъ велъ во время своихъ путешествій по Россіи. Таковы воспоминанія автора о Петрозаводскѣ, гдѣ онъ прожилъ зиму 1812—13 гг. Въ нихъ имѣется описаніе водонапа Кивача (т. III); Энгельгардту, впрочемъ, не повезло, такъ какъ въ послѣдствіе очень холодной зимы (морозъ доходилъ до 30°) Кивачъ былъ покрытъ толстымъ слоемъ льда.

¹⁾ Эти письма Матюшкина въ нѣсколько сокращенномъ видѣ вошли въ описаніе путешествія барона Врангеля, о которомъ см. ниже.

скрывавшимъ его величіе, и Энгельгардтъ остался разочарованнымъ, не найдя красотъ, воспѣтыхъ Державинымъ; помѣщено тамъ же описаніе чугунолитейнаго завода, находившагося подъ управленіемъ Армстронга; имѣется, наконецъ, описаніе вечеринки у богатыхъ олонецкихъ купцовъ, дающее картинку добродѣтельныхъ нравовъ эпохи и поэтому для нынѣшняго читателя, можетъ быть, даже и болѣе интересное, чѣмъ для современнаго ея написанію. Еще болѣе обширенъ дневникъ о путешествіи на макарьевскую ярмарку въ 1825 году, напечатанный въ I, II и III тт. сборника, а о путешествіи на Уралъ въ 1830—въ IV т. Характеръ всѣхъ этихъ дневниковъ одинаковый; Энгельгардтъ отмѣчалъ все, что онъ видѣлъ достойнаго упоминанія, и все, что онъ могъ вспомнить изъ исторіи при проѣздѣ черезъ различныя мѣста. Нельзя отказать ему въ великой внимательности и въ нѣкоторой наблюдательности. Онъ интересовался и отмѣчалъ какъ историческія достопримѣчательности, такъ и состояніе дорогъ, не жалѣлъ времени и трудовъ, чтобы ознакомиться съ какимъ-нибудь своеобразнымъ явленіемъ, напр., способомъ изготавленія барокъ въ Ярославской губерніи; пытался даже дать характеристику разныхъ наслоеній московскаго общества и московской жизни, которая ему лично во многомъ представлялась болѣе симпатичной, чѣмъ петербургская. Патріотизму и здравому духу москвичей онъ рѣшительно болѣе похвалы, и съ удовольствіемъ отмѣчаетъ меньшее, по сравненію съ Петербургомъ, количество ресторановъ. Изъ этого онъ дѣлаетъ, между прочимъ, тотъ выводъ, что московскіе молодые люди болѣе петербургскихъ иѣнили домашнюю и семейную жизнь.

Особенно много мѣста отведено описанію различныхъ народностей, съ которыми онъ встрѣчался по пути,—тагарамъ, финскимъ племенамъ и друг.

Будучи начитаннымъ въ описаніяхъ путешествій, Энгельгардтъ, очевидно, старался подчеркивать въ своихъ замѣткахъ такія явленія, которыя интересовали его при

чтеніи трудовъ другихъ путешественниковъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что замѣчанія его почти всегда доброжелательны, что останавливался онъ преимущественно на явленіяхъ достойныхъ похвалы и старался охарактеризовать видѣнное и слышанное съ хорошей стороны. Изъ замѣтокъ этихъ во всей полнотѣ выступаетъ личность автора, его добродушіе и сердечность.

Въ IV томѣ помѣщенъ написанный Энгельгардтомъ очеркъ благотворительной дѣятельности Государыни Маріи Ѳеодоровны (стр. 81), въ которомъ на основаніи документальныхъ данныхъ, предоставленныхъ ему однимъ изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ учреждений Ея имени, изложено постепенное развитіе этихъ благотворительныхъ учреждений. Панегирикъ этотъ проникнутъ истиннымъ поклоненіемъ памяти Императрицы, передъ которою Энгельгардтъ благоговѣлъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить, что бывшіе ученики Энгельгардта помогали ему не только статьями. Всѣ томики украшены на заглавномъ листкѣ маленькой литографіей, исполненной по рисункамъ Лангера. Подобные же рисунки приложены и къ статьямъ Матюшкина — наброски Матюшкина были разработаны Лангеромъ; таковъ, напр., сѣверный пейзажъ, фигурирующий на заглавномъ листѣ тома, видъ ярмарки въ Островномъ и друг.

Личный интересъ Энгельгардта къ литературѣ путешествій и связи его съ другими знатоками этой области имѣли слѣдствіемъ то, что именно ему былъ порученъ переводъ съ англійскаго на русскій языкъ обширнаго «Путешествія по сѣверной части Тихаго океана и вокругъ свѣта, совершеннаго въ 1790-1795 г.г. капитаномъ Георгіемъ Ванкуверомъ». Этотъ переводъ былъ изданъ «отъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента» въ С.-Петербургѣ, въ 6 частяхъ, изъ которыхъ первая вышла въ 1824 году ¹⁾.

¹⁾ На печатныхъ экземплярахъ фамиліи Энгельгардта не значится, но изъ переписки его видно, что этотъ переводъ выполненъ имъ.

Приблизительно въ то же время Энгельгардтомъ была выполнена подобная же работа, именно, переводъ на нѣмецкій языкъ описанія путешествія барона Врангеля. Рукопись этого труда была отдана Врангелемъ Головнину, который вскорѣ скончался, а Врангель уѣхалъ въ Америку управлять русскими владѣніями; въ силу этого появленіе въ свѣтъ русскаго текста описанія затянулось, и оно вышло только въ 1841 году, подъ заглавіемъ «Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедиціей, состоявшей подъ начальствомъ флота лейтенанта Фердинанда фонъ Врангеля», 2 тома (изданіе Смирдина). Въ прибавленіи изданномъ Академіей Наукъ, помѣщены рисунки Матюшкина, дополненные академикомъ Парротомъ. Нѣмецкій же переводъ, сдѣланный Энгельгардтомъ, появился въ Берлинѣ уже въ 1829 году подъ заглавіемъ: *Baron Ferdinand v. Wrangell. Reise längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere in den Jahren 1820 bis 1824. Nach den handschriftlichen Journalen bearbeitet von G. Engelhardt. Herausgegeben nebst einem Vorwort von C. Ritter. 2 Bde, Berlin 1829. 8°.*

Обработка Энгельгардта заключалась въ томъ, что отдѣлы, специально посвященные геогнозін, онъ ввелъ въ текстъ и описаніе рѣки Колымы дополнилъ свѣдѣніями, разбросанными въ разныхъ частяхъ текста. При этой работѣ ему пришлось имѣть дѣло съ отчетами Матюшкина, изъ коихъ нѣкоторые, въ болѣе пространномъ видѣ, вошли и въ *Russiche Miscellen*.

Наконецъ, въ 1834 году, какъ уже отмѣчено выше, Энгельгардтъ былъ призванъ къ редактированію «Земледѣльческой Газеты», издававшейся первоначально при министерствѣ финансовъ. Какъ изъ самаго наименованія этого явствуется, газета предназначалась для сельскихъ хозяевъ и должна была содержать полезныя для нихъ свѣдѣнія. Выходила она въ значительномъ количествѣ экземпляровъ—до 5000 и даже временами свыше этого. Содержаніе ея было довольно разнообразно: встрѣчаются въ

ней статьи чисто агрономическія, напр., о пользѣ плодосмѣнной системы, есть статьи по ветеринаріи, имѣются сообщенія помѣщиковъ о различныхъ опытахъ въ той или другой области. Есть замѣтки о событіяхъ просто любопытныхъ, напр., о луковницѣ, найденной въ египетской гробницѣ и т. п. Встрѣчаются перепечатки изъ разныхъ иностранныхъ изданій этого рода. Трудно однако установить, какія статьи принадлежатъ лично Энгельгардту, такъ какъ онѣ въ большинствѣ не подписаны. Энгельгардтъ усердно призывалъ своихъ питомцевъ къ сотрудничеству въ Газетѣ, но, повидимому, тщетно. Въ списокѣ лицъ, приславшихъ статьи (эти списки имѣются въ концѣ каждого года), фамиліи ихъ почти не встрѣчаются, и въ текстѣ нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ статей, принадлежащихъ ихъ перу.

Повидимому, одновременно съ работами по Земледѣльской Газетѣ Энгельгардтъ принималъ участіе и въ редактированіи какой то газеты на латышскомъ языкѣ. На это имѣются указанія въ перепискѣ Грота съ Плетневымъ, но нельзя установить, въ какомъ именно журналѣ онъ принималъ участіе и насколько оно было велико ¹⁾).

Редакція Земледѣльской Газеты оставалась за Энгельгардтомъ до 1853 года, когда было произведено нѣкоторое преобразование редакторской части, и Энгельгардтъ былъ освобожденъ отъ званія «директора редакціи» — ему въ то время было 78 лѣтъ — съ причисленіемъ (съ 1853 года) къ министерству государственныхъ имуществъ, причемъ, по Монаршей милости, за нимъ было сохранено получаемое имъ содержаніе, всего 2142 р. 85 к. въ годъ ²⁾).

¹⁾ Плетневъ пишетъ Гроту 20 сентября 1843 года (Переписка, т. II, стр. 117): Энгельгардтъ объявилъ мнѣ, что онъ знатокъ латышскаго языка и состоитъ въ числѣ редакторовъ журнала на этомъ языкѣ.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., дѣло департамента экономіи 1852 года. № 81, о сохраненіи за Энгельгардтомъ содержанія «Земледѣльская Газета». Въ 1853 г. (с. 14 к.) Энгельгардту было пожаловано 3000 рублей.

Послѣдніе годы жизни Энгельгардтъ проживалъ въ домѣ зятя своего, барона Остенъ-Сакена, женатаго на его дочери Елизаветѣ Егоровнѣ, и скончался у него 15 января 1862 года. Похороненъ Энгельгардтъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ ¹⁾.

Два сына Энгельгардта воспитывались и окончили курсъ въ Лицеѣ: Максимъ (III курса) и Владиміръ (V курса).

Все, что извѣстно и приведено было выше о дѣятельности Энгельгардта, должно бы было, кажется, дать читателю весьма благопріятное мнѣніе объ его личности. Диссонансомъ въ этомъ общемъ признаніи заслугъ Егора Антоновича являются отзывы о немъ Греча. Разсказавъ о роли, которую Энгельгардтъ якобы игралъ въ дѣлѣ увольненія графа Разумовскаго, что приведено уже выше, Гречъ продолжаетъ, что, Энгельгардтъ, оставивъ Лицей, «вкрался въ милость къ Канкрину и сдѣланъ былъ директоромъ редакціи «Земледѣльской Газеты». Работу всю отправлялъ редакторъ С. М. Усовъ ²⁾, а Энгельгардтъ, подъ предлогомъ изученія земледѣлія, выписывалъ себѣ на казенный счетъ журналы о садоводствѣ. Когда интриганъ Заблоцкій ³⁾ прибралъ въ руки «Земледѣльскую Газету», Усова, создавашаго этотъ органъ печати, уволили безъ всего, безъ награды, безъ привѣта, за двадцатилѣтній слишкомъ трудъ.

Энгельгардту дали полный пенсіонъ. Энгельгардтъ хвалился своимъ постоянствомъ. Оно состояло въ томъ, что онъ всю жизнь ходилъ въ темно-голубомъ фракѣ съ чернымъ стоячимъ воротникомъ и въ черныхъ чулкахъ и

¹⁾ Подробнѣе подписи писателя напечатаны въ издѣніи XXXIV курса Н. А. Гасфрейдонъ въ Разск. Архивѣ. 1907, кн. I, стр. 664 и 1909, кн. II, стр. 706.

²⁾ Степанъ Михайловичъ Усовъ, профессоръ сельскаго хозяйства въ Петербургскомъ университетѣ и Александровскомъ Лицеѣ.

³⁾ Андрей Парисовичъ Заблоцкій (Десницкій), дѣятельный сотрудникъ графа Киселева, министра государственныхъ имуществъ.

башмакахъ. Онъ умѣлъ обморочить не одного умнаго и образованнаго человѣка» ¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ Записокъ ²⁾ Гречъ повторяетъ, что «типомъ старинныхъ франтовъ до своей кончины (лѣтъ въ девяносто) оставался Энгельгардтъ. Я помнилъ его лѣтъ сорока пяти: онъ ходилъ всегда въ свѣтло-синемъ двубортномъ фракѣ съ золотыми пуговицами и съ стоячимъ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Осенью и зимою надѣвалъ онъ, сверхъ этой обуви, штиблеты. Жилетъ, галстухъ—все какъ въ XVIII столѣтіи: онъ хвалился этимъ постоянствомъ какъ бы спартанскою добродѣтелью. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ постояненъ: все тотъ же іезунтъ и шукарь. Говорилъ безпрестанно о чести и праводушіи, бралъ по нѣмецки, т. е., понемногу, и преимущественно профитировалъ подъ благовидными предлогами, ссылаясь на лиценстовъ его времени».

Только величайшаго презрѣнія заслуживаетъ этотъ отзывъ Греча, друга и сотрудника знаменитаго Булгарина. Очевидно, какія-нибудь личныя столкновенія съ Энгельгардтомъ побудили Греча чернить свѣтлую память Егора Антоновича. Его злыхъ строкъ мы не замолчали только для того, чтобы показать, насколько клевета безгранична.

Иначе сложилась жизнь другого дѣятеля первой эпохи Царскосельскаго Лицея, недоброжелателя Энгельгардта—Гауеншильда. Если Энгельгардту за его 8-лѣтнее правленіе Лицеємъ удалось заложить прочныя основы для образцоваго учебнаго заведенія и создать нерукотворный памятникъ въ сердцахъ питомцевъ, то съ Гауеншильдомъ дѣло обстояло иначе. Воспитанники не помянули его добрымъ словомъ, да и административныя дѣла пансіона онъ запуталъ окончательно. Отъ управленія его осталось около

¹⁾ Записки о моей жизни. Спб. 1886, стр. 292 и 293.

²⁾ Стр. 172 и 173.

100.000 рублей долгу, такъ что ревизіонная комиссія наложила запрещеніе на имущество директора Лицея, членовъ хозяйственнаго правленія и секретаря, снятое только въ 1827 году ¹⁾).

Но личныя обстоятельства Гауеншильда оказались не въ такомъ печальномъ состояніи. Еще 8 іюня 1820 Высочайшимъ указомъ ему была пожалована пенсія въ 2000 рублей, получаемая имъ сверхъ жалованья, а послѣ увольненія отъ должности ему удалось довольно выгодно продать свою библіотеку, приобрѣтенную для главнаго педагогическаго института ²⁾).

Покинувъ Россію послѣ отставки, Гауеншильдъ немедленно же прекратилъ работы по переводу «Исторіи» Карамзина. Печатаніе перевода III-го тома (вышедшаго въ 1823) онъ еще довелъ до конца ³⁾, но отъ дальнѣйшихъ трудовъ уклонился, ссылаясь на то, что онъ обязался переводить подъ наблюденіемъ самого автора, а съ отъѣздомъ изъ Россіи этого условія выполнить не можетъ ⁴⁾).

Первое время послѣ выѣзда изъ Россіи Гауеншильдъ провелъ въ Дрезденѣ, гдѣ печатался переводъ III тома «Исторіи» ⁵⁾, а затѣмъ возвратился къ себѣ домой въ Австрію и на сей разъ, дѣйствительно—въ лоно Меттерниха.

¹⁾ См. кн. Н. С. Голицына «Благородный пансіонъ», стр. 71—74.

²⁾ Покупка эта состоялась въ 1831 г.; первоначально Гауеншильдъ предлагалъ Лицею купить его библіотеку, оцѣненную въ 18.000 р., но представленіе Энгельгардта объ этомъ было отклонено въ 1824 г.

³⁾ См. предисловіе къ III тому *Geschichte des russischen Reiches*.

⁴⁾ См. предисловіе къ IV тому, написанное продолжателемъ перевода Ольдекопомъ, тѣмъ самымъ, который перевелъ на нѣмецкій языкъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина.

⁵⁾ Объ этомъ Гауеншильдъ рассказываетъ въ предисловіи, написанномъ 28 августа 1822 г. Изъ Россіи онъ выѣхалъ 4 мая 1822 года. См. Русская Старина, 1902 г., т. 110, стр. 261.

Дипломатическія дарованія Гауеншильда были по заслугамъ оцѣнены австрійскимъ правительствомъ: 7 мая 1824 г. онъ получилъ назначеніе на должность австрійскаго консула въ Корфу.

Однако эту должность Гауеншильдѣ пришлось отправлять недолго, такъ какъ вскорѣ, 29 октября 1824 г., ему было поручено временное завѣдываніе генеральнымъ консульствомъ въ Корфу же. Предшественникъ Гауеншильда по генеральному консульству, нѣкто Zen, долго хворалъ и дѣла запустилъ; консулъ въ Корфу, von Weiss, на вакансію котораго и былъ назначенъ Гауеншильдъ, былъ уволенъ, такъ какъ заслужилъ немилость Меттерниха. Въ своемъ донесеніи онъ непочтительно отозвался о дѣятельности Цена. «хотя и зналъ, что князь читалъ донесенія Цена не безъ интереса и удовольствія», и, кромѣ того, осуждалъ оффиціальную газету Oesterreichischer Beobachter, хотя опять фонъ Вейсъ такъ зналъ, «кто» руководитъ этой газетой¹⁾. Уже изъ этого видно, что австрійскія власти считали возможнымъ довѣрить Гауеншильдѣ отвѣтственную должность. Къ тому же надо имѣть въ виду, что въ 1824 г. Греціи пришлось переживать наиболѣе трудныя минуты. Первоначальное побѣдоносное движеніе возставшихъ грековъ было остановлено Ибрагимъ-пашей, высадившимся въ Греціи со своими египетскими войсками и ставшимъ во главѣ турецкихъ войскъ. Другой военнопачальникъ Рашидъ-паша также одержалъ значительные успѣхи. Но, съ другой стороны, на политикѣ державъ, особенно Англіи, уже сказывалось вліяніе общественнаго мнѣнія Европы, явно симпатизировавшаго грекамъ. Къ тому же вскорѣ, со вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича, въ политикѣ Россіи произошелъ поворотъ

¹⁾ Вѣд. для свѣдѣній императорскія изъ письма Генца къ барону Штрингеру 25 юни 1824 г.; оно напечатано въ книгѣ Kluckhohnström. Aus der alten Registratur der Staatskanzlei (1870 г.) стр. 92.

въ пользу грековъ. Такимъ образомъ тогдашней дипломатіи вообще приходилось удѣлять сугубое вниманіе греческому вопросу и неослабно слѣдить за ходомъ событій въ Греціи. Особенное же вниманіе требовалось отъ австрійскихъ агентовъ, такъ какъ Австрія относилась весьма недружелюбно къ движенію грековъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгала открытыхъ выступленій.

Дипломатическія сношенія съ Турціей происходили черезъ посланниковъ, аккредитованныхъ при высокой Портѣ, а консулы являлись единственными дипломатическими агентами европейскихъ державъ на греческой территоріи. Они были наиболѣе близкими свидѣтелями всего происходившаго, и черезъ нихъ, очевидно, шли сношенія гласныя и негласныя—съ инсургентами. Полную картину дѣятельности Гауеншильда могутъ дать донесенія его, но къ исторіи Лицея эти документы не имѣютъ отношенія. Ограничимся только тѣми указаніями, которыя встрѣчаются въ печатныхъ изданіяхъ.

Есть свѣдѣнія о томъ, что Гауеншильдъ приходилось имѣть дѣло съ вождями движенія. Такъ, напримѣръ, послѣ бесѣды съ нимъ видный политическій дѣятель Александръ Маврокордато счелъ возможнымъ обратиться съ письмомъ (5 декабря 1824) къ наперснику Меттерниха, одному изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, Генцу, въ рукахъ котораго была сосредоточена австрійская политика по греческимъ дѣламъ; въ письмѣ этомъ онъ стремился добиться содѣйствія Австріи. Но Генцъ не счелъ удобнымъ вступать съ Маврокордато въ какія-либо подробныя объясненія и свой уклончивый отвѣтъ послалъ Маврокордато черезъ Гауеншильда (8 марта 1824 г.)¹⁾.

¹⁾ Эта переписка напечатана въ трудѣ Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reich im Jahre 1821, т. IV, стр. 132; см. также т. I, стр. 316. Едва ли такой случай былъ единственнымъ.

Видно далѣе, что Гауеншильдъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ другимъ негласнымъ агентомъ Меттерниха, морскимъ офицеромъ Прокешомъ, сыгравшимъ скрытую, но не маловажную роль въ борьбѣ Австріи противъ грековъ ¹⁾).

Въ должности генеральнаго консула Гауеншильдъ былъ утвержденъ окончательно 6 декабря 1826 года. Работой его на дипломатическомъ поприщѣ австрійское правительство осталось довольно. Это видно изъ того, что 7 сентября 1826 года Императоръ изъяснилъ предварительное согласіе на просьбу Гауеншильда о возведеніи его въ дворянское достоинство, и 8 марта 1827 года послѣдовало окончательное утвержденіе его. Гауеншильдъ просилъ о прибавкѣ къ его фамиліи предиката «von Revvar», и эта просьба получила самую горячую поддержку со стороны государственной канцеляріи (Staatskanzlei). Послѣднее донесеніе поступило отъ Гауеншильда изъ Корфу 31 января 1829 года. Въ это время Гауеншильдъ попросился въ отпускъ или отставку для приведенія въ порядокъ своихъ сильно запутанныхъ имущественныхъ дѣлъ.

Изъ роднаго города своего Nagyszeben (Германштадта) онъ снова обратился съ ходатайствомъ объ опредѣленіи его въ службу (1829 г.), но заболѣлъ и послѣ продолжительной болѣзни скончался тамъ же 18 ноября 1830 г.

Съ денежными дѣлами Гауеншильдъ всегда плохо управлялся. Выше уже отмѣчены плачевные результаты его хозяйничанія въ Лицейскомъ пансіонѣ, но и его личныя средства послѣ его смерти оказались не въ лучшемъ состояніи; семья же послѣ него осталась не малая. Гауеншильдъ былъ женатъ дважды; отъ перваго брака съ

¹⁾ См. Aus dem Nachlasse des Grafen Prokesch-Osten. Briefwechsel mit H. v. Gentz und Fürsten Metternich. Wien. 1881, т. I, стр. 222. Письмо Генца къ Прокешу въ Смирну, гдѣ Прокешъ состоялъ въ штатѣ эскадры, отъ 18 ноября 1828 года.

урожденной баронессой Эльснеръ (Юлией) осталось пять несовершеннолѣтнихъ дѣтей, да отъ второго, также съ урожденной Эльснеръ (Юлией)—младенецъ полутора лѣтъ. Вдова его, находясь въ крайности, въ 1833 году, съ разрѣшенія австрійскихъ властей, пріѣхала въ Петербургъ (сохраняя при этомъ австрійскую пенсію) для исхлопотанія себѣ пособія ¹⁾. Въ Россіи ей не посчастливилось, такъ что въ 1838 году она ходатайствовала въ Австрію о пособіи, которое и было назначено ей Императоромъ Фердинандомъ I въ размѣръ 4.000 гульденовъ. Размѣръ этой суммы также можетъ служить доказательствомъ того, что австрійское правительство высоко ставило заслуги Гауеншильда.

Для австрійскаго правительства была цѣнна не только служба Гауеншильда, для него представляли интересъ и тѣ воспоминанія, которыя онъ вывезъ изъ Россіи. Подтвержденіемъ сему можетъ служить записка, представленная Гауеншильдомъ Меттерниху о Сперанскомъ; объ этой запискѣ уже была рѣчь выше ²⁾.

¹⁾ Соотвѣтственное прошеніе ея имѣется въ дѣлѣ о службѣ Гауеншильда. Прошеніе это подано 18 декабря 1833 года отъ «вдовы австрійскаго генеральнаго консула». Эта помѣтка, равно какъ и свѣдѣніе, помѣщенное въ Спискѣ членовъ Императорской Академіи Наукъ (1725—1907), составленномъ Б. Л. Модзалевскимъ, гдѣ указано на стр. 174, что Гауеншильдъ въ 1828 г. значится въ Корфу, побудило меня обратиться къ вѣнскимъ архивамъ, и, благодаря любезному содѣйствію Н. Н. Гирса, какъ видитъ читатель, удалось найти въ нихъ не мало интересныхъ данныхъ.

²⁾ См. выше, стр. 34.

XVII.

Е. А. Энгельгардтъ, зорко слѣдившій за своими пигомцами I курса, сообщалъ 14 сентября 1823 года ¹⁾ слѣдующія о нѣкоторыхъ изъ нихъ свѣдѣнія.

Нынѣшнее лѣто жилъ у меня Стевень; чѣмъ болѣе узнаю этого человѣка, тѣмъ болѣе люблю. Пущинъ сидитъ и судитъ въ уголовной палатѣ. Вольховскій очень занятъ управленіемъ цѣлаго отдѣленія главнаго штаба. Саврасовъ катится, какъ шарикъ, und lebt ganz still die Kleinigkeit seines Lebens hin.

Масловъ занимаетъ важное мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ ²⁾. Корфъ—камеръ-юнкеръ и начальникъ отдѣленія у министра финансовъ. Гревеницъ и Юдинъ дипломатизируютъ. Дельвигъ поѣхалъ за чѣмъ-то въ Финляндію. Отставной штабсъ-ротмистръ Тырковъ живетъ домкомъ на Васильевскомъ острову; у него и куры и гуси и утки и весь домашній обиходъ заведенъ. Костенскій, не взирая на маститую старость свою, служитъ и дѣлаетъ ассигнаціи. Малиновскій—капитанъ. Горчаковъ въ Лондонѣ. Ломоносовъ въ Парижѣ. Матюшкинъ прозябаетъ въ Ледовитомъ океанѣ: я его ожидаю сюда нынѣшнею зимою.

¹⁾ Въ письмѣ къ Кюхельбекеру Рус. Старина, 1875, т. XIII, стр. 376.

²⁾ Онъ былъ инспекторомъ Государственной Канцеляріи.

Есаковъ довольно скучно служить въ Варшавѣ. Вотъ гебѣ почти всѣ наши .

За отъѣздомъ Пушкина на югъ центромъ петербургскаго лицейскаго кружка сдѣлался Дельвигъ.

Мы говорили выше о двухъ оффиціально существовавшихъ литературныхъ обществахъ, членомъ которыхъ былъ Дельвигъ. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о совершенно частномъ литературномъ кружкѣ, имѣвшемъ большое вліяніе на Дельвига. То было дружеское литературное общество Софьи Дмитріевны Пономаревой, рожденной Познякъ.

Будучи еще дѣвушкой, она, какъ сказано выше, навѣщала въ Лицеѣ своего брата и познакомилась со многими изъ его товарищей. Несомнѣнно, была она женщина, счастливо одаренная природою. Издатель «Благонамѣреннаго», баснописецъ Измаѣловъ, характеризуетъ ее слѣдующими словами: «Она, дѣйствительно, имѣетъ необыкновенные таланты и получила отличное воспитаніе: знаетъ прекрасно нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, даже отчасти латинскій; переводитъ на русскій прозою лучше многихъ записныхъ литераторовъ; пишетъ весьма недурно стихи; рисуетъ, танцуетъ, поетъ и играетъ на фортепіано превосходно. Жаль только, что очень мало занимается и ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь» ¹⁾.

Вскорѣ по вступленіи ея въ бракъ въ ея домѣ образовалось литературное общество. Тотъ же Измаѣловъ рассказываетъ объ его учрежденіи слѣдующее.

Въ одномъ домѣ, гдѣ хозяйинъ и хозяйка очень гостепріимны и любятъ отечественную словесность, собралось человѣкъ шесть литераторовъ, давно уже соединенныхъ между собою узами дружбы. Говорили о разныхъ родахъ стихотвореній и прозы, и, наконецъ, зашла рѣчь о сочиненіяхъ на заданныя слова. Одинъ изъ присутствовавшихъ

¹⁾ Письмо къ И. И. Дмитріеву отъ 26 декабря 1821 года
Рус. Архивъ, 1871, стр. 969.

предложилъ собранію, чтобы каждый написалъ что-нибудь на заданное слово. Предложеніе принято единогласно: тотчасъ задали слова, и добрые хозяева потребовали, чтобы сіи сочиненія прочтены были у нихъ черезъ недѣлю и чтобы впредь въ извѣстные дни собирались къ нимъ для подобныхъ занятій. Любезная и остроумная хозяйка избрана попечительницею сего дружескаго общества, а почтенный хозяинъ Акимъ Ивановичъ Пономаревъ ¹⁾ секретаремъ. Первое засѣданіе было 22 іюня 1821 года.

Въ гостинной Пономаревой собирались Боровковъ, Востоковъ, тогда еще писавшій стихи, Гречъ, Измайловъ, Княжевичъ, Кованько, А. Крыловъ, Остолоповъ, Панаевъ, Сомовъ. Туда же являлись ея родственникъ Гнѣдичъ, Куницынъ, Плетневъ, Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Яковлевъ и примкнувшій къ лицейскимъ поэтамъ Боратынскій.

Всѣ они внесли свою лепту въ альбомъ Софьи Дмитриевны, украшенный также рисунками Кипренскаго, Кольмана и Батюшкова ²⁾.

Литературное общество С. Д. Пономаревой обрисовано въ воспоминаніяхъ В. И. Панаева ³⁾ и въ статьяхъ Гаевского, Мазаева и Дризена.

Въ дополненіе къ нимъ приведемъ извлеченіе изъ «Записокъ» Д. Н. Свербеева ⁴⁾, который служилъ въ канцеляріи комиссіи у принятія прошеній, гдѣ и познакомился «съ одной изъ современныхъ передовыхъ, эмансипированныхъ и тогда уже женщинъ, Софьей Дмитриевной Пономаревой».

¹⁾ Двоюродный внукъ его Константинъ Ивановичъ Пономаревъ былъ лиценстъ XXI-го курса.

²⁾ Баронъ Н. К. Дризенъ. Литературный салонъ 20-хъ годовъ. Ежемѣсячныя литературныя приложенія при журналѣ „Нива“. СПБ. 1894. № 5, стр. 1—26.

³⁾ Вѣстникъ Европы, 1867, III, стр. 265.

⁴⁾ Москва. 1899, I, стр. 225 и слѣд.

«Она была дочь Дмитрія Прокофьевича Позняка, умнаго, хитраго сенатскаго оберъ-секретаря одного изъ петербургскихъ департаментовъ, слывшаго въ свое время великимъ и даже просвѣщеннымъ дѣльцомъ по судебной части.

Эта молоденькая, плотненькая дама небольшого роста обладала необыкновеннымъ искусствомъ правиться и не отличалась скромностью. Гдѣ получила она свое образование, не знаю, но воспитаніе ея было самое блистательное: бойко говорила она на четырехъ европейскихъ языкахъ и владѣла превосходно русскимъ, что тогда было рѣдкостью; легкая иностранная литература и наша домашняя были ей вполнѣ знакомы. Она умѣла завлечь въ свою гостинную всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ, декламировала передъ ними ихъ стихотворенія и восхищала своей игрой на фортепіано и пріятнымъ пѣніемъ. Замужемъ она была за сыномъ богатаго откупщика Пономарева, который его отдѣлилъ и далъ ему средства къ широкой петербургской жизни ¹⁾. Софья Дмитріевна, убѣдившись скоро по своемъ замужествѣ, что мужъ ея не стоитъ, предалась вполнѣ легкомысленному поведенію и, чтобы ей въ этомъ не мѣшали, спонла своего мужа.

¹⁾ А. И. Пономаревъ, изъ малороссійскихъ дворянъ; родился около 1779 года, воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1797 году прапорщикомъ; участвовалъ въ разныхъ походахъ; въ 1808 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана, въ 1815 г. опредѣленъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній съ переименованіемъ въ титулярные совѣтники. Въ 1824 году, находясь въ отпуску въ Кашинскомъ уѣздѣ, онъ заболѣлъ, какъ свидѣтельствовалъ 1 октября мѣстный врачъ, «обструкціею во внутренней части живота, то-есть, въ печенкѣ, селезенкѣ и прочемъ; слѣдствіемъ чего имѣетъ ипохондрію въ большой степени и сухой кашель съ кровію, а потому къ выздоровленію его скорой надежды не предвидится». Свѣдѣній объ увольненіи его отъ службы и о смерти не имѣется въ архивномъ о немъ дѣлѣ, любезно сообщенномъ мнѣ лиценстомъ XLV курса А. Е. Пфаффиусомъ.

Обычными посѣтителеми были люди извѣстные по литературѣ или по искусству, даровитые и любезные въ откровенной, ничѣмъ не сдержанной бесѣдѣ. Такими собесѣдниками бывали зрѣлыхъ лѣтъ люди, какъ-то: изрѣдка баснописецъ Крыловъ, переводчикъ Гомера Гнѣдичъ, неразборчивый въ своей литературной дѣятельности журналистъ Гречъ, издатель журнала «Благонамѣренный» циникъ Измайловъ, трагики: Катенинъ и Жандръ, закадычный другъ Пушкина Дельвигъ, Лобановъ, Боратынскій и другіе; женщинъ не бывало ни одной. Дикой козочкой прыгала во всей этой толпѣ или, пожалуй, порхала бабочкой между нами Софія Дмитриевна, возбуждая своимъ утонченнымъ участіемъ и нескромными тѣлодвиженіями чувственность каждаго. Пожилые изъ собесѣдниковъ, упитанные холоднымъ ужиномъ и нагруженные виномъ, въ полусонѣ отправлялись по домамъ; кто помоложе оставались гораздо за полночь. Чего тутъ ни выдумывали на общую забаву.

Изрѣдка читалъ тамъ Крыловъ новыя свои басни еще до печати; Гнѣдичъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ чтецовъ того времени, хотя и черезчуръ напыщенный, какъ и вся его фигура, прочелъ однажды въ собраніи всего кружка свою классическую идиллію «Рыбаки», превосходное подражаніе Феокриту, въ которой онъ съ неподражаемымъ поэтическимъ талантомъ въ этомъ родѣ описалъ свѣтлую, какъ день, петербургскую ночь и плоскіе берега величественной Невы, окаймленные великолѣпными зданіями. Въ другой разъ, по просьбѣ всѣхъ, прочелъ онъ намъ остроумную комедію Крылова, которая тогда только что появилась въ рукописи и, какъ переполненная злою пронию надъ правительствомъ и высшимъ обществомъ, никогда не могла быть напечатана. Имъ же читались иногда и отрывки изъ его Иліады; онъ, какъ извѣстно, былъ первымъ изъ нашихъ эллинистовъ и одинъ изъ всѣхъ поэтовъ усвоилъ вполнѣ русской поэзіи древній греческій гекзаметръ. Гекзаметры и пентаметры Жуков-

скаго явились послѣ и едва-ли были такъ строго въ метрику своей правильны. Изъ-за нихъ бывали между нашими литераторами споры. Кромѣ Гнѣдича, читывалъ, бывало, благонамѣренный Измайловъ свои простонародныя циническія басни, отличавшіяся русскимъ юморомъ. Дельвигъ приносилъ свои пѣсни, которыя тутъ же распѣвала хозяйка. Гречъ острилъ надъ Булгариннымъ, своимъ другомъ.

Въ этой гостинной, кромѣ хозяйки, была только одна женщина, ея подставка, итальянка Тереза, участница во всѣхъ продѣлкахъ, и чего-чего обѣ тутъ ни дѣлали!

Петербургское литературное общество Пономаревыхъ не возбудило во мнѣ симпатій. Кромѣ двухъ замѣчательныхъ личностей, Крылова и Гнѣдича, которые являлись къ нимъ рѣдко, привлекательны были особенно Боратынскій и Дельвигъ. Физиономія послѣдняго носила характеръ его заунывныхъ русскихъ пѣсенъ, Боратынскій же былъ и тогда уже истиннымъ поэтомъ, увлекательно говорилъ и отличался благороднымъ тономъ и изящными манерами. Теперь въ этомъ напоминаетъ мнѣ его И. С. Тургеневъ.

Дельвигъ, несомнѣнно, увлеченъ былъ Пономаревой. Она,—говоритъ его біографъ В. П. Гаевскій — имѣла значительное вліяніе на жизнь и музу нашего поэта, что даже доказывается нѣкоторыми изъ его произведеній. По собственному признанію автора, она пробудила звуки любви въ его лирѣ, на которой онъ воспѣвалъ до тѣхъ поръ только вино и дружбу. Около трехъ лѣтъ продолжались литературные вечера С. Д. Пономаревой. Она скончалась 4-го мая 1824 года.

Черезъ годъ послѣ этого, какъ мы говорили, Дельвигъ оставилъ службу въ Публичной Библіотекѣ и всецѣло отдался литературѣ. Въ началѣ 1826 года вышла первая книжка изданныхъ имъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», альманаха, пользовавшагося въ свое время большою и вполне заслуженною извѣстностью.

Большая часть лицейскихъ первыхъ трехъ выпусковъ (1817—1823 г. г.) оставалась въ Петербургѣ. Скажемъ

теперь нѣсколько словъ о тѣхъ изъ нихъ, которые промѣняли его на Москву. М. Л. Яковлевъ (I курса) опредѣлился въ Москву въ 6-ой департаментъ сената. Въ 1818 году онъ былъ командированъ къ сенатору Мертваго, производившему слѣдствіе о злоупотребленіяхъ во Владимірской губ., а въ концѣ того же года исправлялъ должность секретаря при сенаторахъ Гермесѣ и Мертваго, ревизовавшихъ Кавказскую и Астраханскую губерніи. Въ сентябрѣ 1824 г. онъ возвратился въ Петербургъ, бывъ перемѣщенъ 1 сентября въ департаментъ министерства юстиціи.

Вслѣдъ за нимъ перебрался въ Москву его товарищъ А. П. Бакунинъ. Поступивъ первоначально въ Семеновскій полкъ, онъ, по раскассированіи въ 1820 г. этого полка, перешелъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ. Здѣсь числился онъ и въ концѣ 1822 года въ чинѣ поручика и состоялъ до начала 1823 года адъютантомъ генерала Н. Н. Раевского, корпусъ котораго расположенъ былъ въ Кіевѣ. Затѣмъ онъ перешелъ въ гражданскую службу и съ 1824 года до 1828 г., въ званіи камеръ-юнкера, состоялъ при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ, съ которымъ, около этого времени, породнился, женившись 23 іюля 1824 года на его племянницѣ Аннѣ Борисовнѣ Зеленской, воспитанницѣ его холостого брата Бориса Владиміровича Голицына ¹⁾).

Начавшій по выпускѣ изъ Лицея свою службу въ государственной канцеляріи въ должности экспедитора, Масловъ перешелъ въ Москву, гдѣ 7 мая 1824 года занялъ должность совѣтника въ комиссіи по сооруженію храма во имя Христа Спасителя.

28 февраля 1824 года писалъ Энгельгардтъ Матюшкину въ Москву, куда этотъ пріѣзжалъ для свиданія съ матерью: «О нашихъ лицейскихъ тебѣ ничего не пишу; объ

¹⁾ „Щукинскій Сборникъ“, т. I, стр. 387. М. 1902. Диринъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка; прилож., стр. 35. Архивъ Раевскихъ. Спб. 1908, стр. I, 533—534.

нихъ писать невесело, да и Фаминцынъ¹⁾ и прочіе лицейскіе тебѣ, что нужно, расскажутъ. Сегодня у меня на прощаньи обѣдаютъ Пущинъ и Данзасъ, которые дня въ два отправляются и съ которыми и письмо мое поѣдетъ. Будетъ лицейскій обѣдъ на Васильевскомъ островѣ, ибо настоящій Лицей теперь внѣ Лицея: онъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и пр., гдѣ есть нѣсколько чугунниковъ.

Прибывъ въ Москву, И. И. Пущинъ занялъ тамъ должность судьи уголовного департамента надворнаго суда. «Князь Н. Б. Юсуповъ (во главѣ тѣхъ, про которыхъ Грибоѣдовъ въ «Горе отъ ума» сказалъ: «Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!»), видя на балѣ у князя Голицына неизвѣстное ему лицо, танцующее съ его дочерью (онъ зналъ «хотя по фамиліи всю московскую публику), спросилъ: «Кто этотъ молодой человѣкъ»? Ему назвали Пущина и сказали, что онъ—надворный судья.

Какъ! надворный судья танцуетъ съ дочерью генералъ-губернатора! Это вещь небывалая; тутъ кроется что-нибудь необыкновенное.

Юсуповъ—прибавляетъ въ своихъ Запискахъ Пущинъ—«не пророкъ, а угадчикъ». И точно, на другой годъ ни Пущинъ, ни многіе другіе уже не танцовали въ Москвѣ. Положеніе И. И. Пущина въ Москвѣ обрисовано имъ самимъ въ слѣдующемъ письмѣ его къ Вольховскому отъ 8 апрѣля 1824 года. Послѣдній въ январѣ 1824 года командированъ былъ по особымъ порученіямъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ, гдѣ съ 24 февраля по 29 марта состоялъ при военной экспедиціи, отправленной въ Киргизъ-Кайсацкую степь, и былъ при разбитіи и преслѣдованіи кочевыхъ мятежниковъ.

На другой день пріѣзда моего въ Москву (14 марта) комедіантъ Яковлевъ вручилъ мнѣ твою записку изъ Оренбурга. Не стану тебѣ рассказывать, какъ мнѣ пріятно было получить о тебѣ вѣсточку; ты довольно меня знаешь,

¹⁾ С. А. Фаминцынъ—лицейскій III курса.

чтобы судить о радости моей безъ всякихъ изъясненій. Оставилъ я Петербургъ не такъ, какъ хотѣлъ: вмѣсто пяти тысячъ досталъ только двѣ и то послѣ долгихъ и несносныхъ хлопотъ. Заплатилъ тѣмъ, кто болѣе нуждался, и отправился на первый случай съ маленькимъ запасомъ. Приѣхалъ сюда совершенно въ новый міръ—до сихъ поръ не могу еще хорошенько опомниться.—Жить мнѣ у Павла ¹⁾ прелестно, семья вся необыкновенно мила—онъ такъ счастливъ, что, кажется, совсѣмъ забылъ о ²⁾; надобно надѣяться, однако, на время, которое возвратитъ его друзьямъ такимъ, какимъ онъ былъ прежде. Онъ оставилъ службу по непріятностямъ, но, вѣроятно, устроивши дѣла свои въ деревнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, опять начнетъ трудиться для пользы общественной. Не вѣрь его отчаянію, можно служить, довольствуясь тѣмъ, что удастся сдѣлать хорошаго. Мой надворный судъ не такъ дуренъ, какъ я ожидалъ. Вотъ, двѣ недѣли, что я вступилъ въ должность; трудовъ бездна, средствъ почти нѣтъ. На канцелярію и на жалованье чиновниковъ отпускается двѣ тысячи съ небольшимъ. Ты можешь по этому судить, что за народъ служить, и, слѣдовательно, надо благодарить судьбу, если они что-нибудь дѣлаютъ. Я имъ толкую о святости нашей обязанности и стараюсь собственнымъ примѣромъ возбудить въ нихъ охоту и усердіе. Кашкинъ ³⁾ опредѣляется ко мнѣ засѣдателемъ; я его просилъ хорошо обдумать свое намѣреніе; онъ рѣшился на сей подвигъ—я ему чрезвычайно благодаренъ, авось вмѣстѣ дѣло пойдетъ дружиѣ. Въ Москвѣ пустыня, никого почти или, лучше сказать, нѣтъ тѣхъ, которыхъ я привыкъ видѣть въ Петербургѣ—это сдѣлалось мнѣ необходимою. Чере-

¹⁾ Колосина.

²⁾ Намекъ на тайное общество, къ которому принадлежали Пуцинъ и Волховскій.

³⁾ Сергій Николаевичъ Кашкинъ родился въ 1799 году, привлеченъ былъ по дѣлу 14 декабря 1825 года и скончался въ 1868 году.

винъ все еще не хорошъ—ждетъ денегъ отъ Семенова ¹⁾, а тотъ до сихъ поръ ни слова къ нему не пишетъ. —скіе ²⁾ очень милы въ своемъ родѣ, мы иногда собираемся и вспоминаемъ старину при звукахъ гитары съ волшебнымъ пѣніемъ Яковлева, который все-таки не умѣетъ себя представить. Здѣсь Алексѣй Тучковъ ³⁾. Я иногда съ нимъ выдаюсь въ свободные часы отъ занятій. Въ Москвѣ я почти ни съ кѣмъ не знакомъ, да врядъ ли много и познакомлюсь. Пріятно было по службѣ встрѣтить нѣкоторыхъ людей благородныхъ—вообще приемомъ начальства не могу довольно нахвалиться.

А прогос, старшинство отказано, и я остаюсь на зло всѣмъ *благороднымъ* человѣкомъ. Весьма равнодушно принялъ сію вѣсть, присланную къ Свѣтлому Празднику; всѣ прочія представленія князя Высочайше утверждены. Вотъ, тебѣ, любезный Володя, все, что можно сказать въ тѣсныхъ предѣлахъ письма. Молю Бога, чтобы ты, кончивши благополучно порученіе свое, порадовалъ скорѣе меня своимъ пріѣздомъ. Сколько намъ нужно будетъ потолковать! Бесѣда твоя усладитъ меня. Не знаю, что ты думаешь. Не знаю, что ты предпримешь.

Если тебѣ будетъ время, пусти грамотку ко мнѣ прежде твоего выѣзда изъ Оренбурга; по моему расчету это письмо тебя должно непременно тамъ найти. Прощай! Будь здоровъ и счастливъ» ⁴⁾.

Въ 1823 году къ этимъ товарищамъ присоединился Кюхельбекеръ, искавшій случая вновь пристроиться на

¹⁾ Степанъ Михайловичъ Семеновъ родился въ 1789 году, привлекался по дѣлу 14 декабря 1825 года, посланъ былъ на службу въ Сибирь, гдѣ и скончался въ 1852 году.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

³⁾ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ родился въ 1800 году, привлекался по дѣлу 14 декабря 1825 года, послѣ чего уволенъ былъ въ отставку, и умеръ около 1879 года.

⁴⁾ Это письмо Пушкина, до сихъ поръ не появлявшееся еще въ печати, хранится въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ.

службу. Ему удалось только занять, и то на короткое время, должность учителя въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Здѣсь сблизился онъ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ ¹⁾. Около 1821 года нѣсколько студентовъ Московскаго университета, подъ вліяніемъ проф. М. Г. Павлова, углубились въ изученіе нѣмецкой философіи и особенно сочиненій Шеллинга. Вдохновителемъ этого кружка былъ молодой поэтъ Веневитиновъ. Наиболѣе близкое къ нему отношеніе имѣли князь В. Ѳ. Одоевскій, двое будущихъ славянофиловъ И. В. Кирѣевскій и А. И. Кошелевъ и Н. М. Рожалинъ. Они въ пятеромъ образовали въ 1821 году «Общество любомудрія».

Къ этому кружку юношей примкнулъ Кюхельбекеръ. Онъ не особенно интересовался философіей, но въ литературѣ проводилъ взгляды, родственные философіи своихъ пріятелей. Онъ отстаивалъ новую нѣмецкую эстетику и писалъ въ новомъ родѣ народнаго романтизма. Въ прежнее время онъ, по его словамъ, «руководствовался въ словесности и эстетикѣ правилами французской школы Лагарпа, Батте и прочихъ»; въ это же время живо интересовался политикой и «повторялъ и говорилъ, что тогда повторяла и говорила сплошь вся почти молодежь и не только молодежь». Къ этому времени онъ вовсе оставилъ эстетическія правила французской школы и «держался преимущественно нѣмцевъ, особенно же Шеллинга, Шлегеля и Лессинга ²⁾».

Кюхельбекеръ—писалъ князь П. А. Вяземскій 27 августа 1823 года Жуковскому—жалуется на твое невниманіе къ нему, и жалуется справедливо. Онъ несчастливъ, и, слѣдовательно, ты неправъ. Брошенный ото всѣхъ, искалъ онъ въ тебѣ заступника. Заглядывалъ ли ты въ его тра-

¹⁾ Съ семействомъ Одоевскихъ Кюхельбекеръ видѣлся еще въ Германіи, во время своего заграничнаго путешествія.

²⁾ Н. Колюпановъ. Біографія А. И. Кошелева. Москва, 1889 г., т. I, кн. II, стр. 65. 80—93. Срав. Сильванскій. Матеріалисты 20-хъ годовъ. Журналъ «Былое», 1907 г. Іюль, стр. 91.

гедію, и есть ли надежда напечатать ее, хотя безъ имени его? Онъ жилъ у меня два дня въ деревнѣ, читалъ ее и много другихъ стихотвореній. Въ трагедіи, право, много хорошаго, а въ особенности лирическая часть. Въ Коранѣ, занимающемъ въ ней важное мѣсто; встрѣчаются даже и красоты возвышенныя. По крайней мѣрѣ, вотъ впечатлѣніе, оставшееся во мнѣ по выслушаніи трагедіи. Можетъ быть, при внимательномъ чтеніи, родится во мнѣ сужденіе не столь благосклонное, но вообще твореніе это недюжинное и заслуживаетъ одобренія. Кажется, что съ нѣкоторыми поправками и предисловіемъ осторожнымъ можно будетъ умилосердить цензуру.

Вообще талантъ его, кажется, развернулся. Онъ собирается издавать журналъ; но и тутъ бѣда: имя его, вѣроятно, подъ запрещеніемъ у цензуры. Совѣтую ему прійскать книгопродавца, который взялъ бы на себя отвѣтственность издателя. Надобно будетъ помочь ему, и, если начнетъ издавать, то возьмемся поднять его журналъ. Планъ его журнала хорошъ и европейскій; матеріаловъ у него своихъ довольно; онъ имѣетъ познанія. Кажется, можетъ быть прокъ въ его предпріятіи. Пришлю тебѣ на дняхъ нѣкоторыя изъ стихотвореній его, когда получу ихъ¹⁾.

Вмѣстѣ съ Одоевскимъ Кюхельбекеръ издавалъ въ 1824 году «Мнемозину», собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ (4 части, 8°). Хорошая половина сборника наполнена стихами и прозою самого Вильгельма Карловича.

Сборникъ этотъ не имѣлъ, кажется, успѣха. Помѣщенные въ немъ философскія статьи Павлова и князя В. Θ. Одоевскаго были не по плечу тогдашней публикѣ.

Лицейскіе товарищи Кюхельбекера были вкладчиками въ «Мнемозину». Пушкинъ далъ три стихотворенія, Матюшкинъ, пріѣзжавшій въ Москву для свиданія со старушкой матерью, отрывокъ изъ письма къ Энгельгардту

¹⁾ Русский Архивъ, 1900 г., № 2, стр. 190.

о своемъ пребываніи на сѣверо-востокѣ Сибири и М. Л. Яковлевъ музыку къ романсу Пушкина «Слеза».

Состояніе духа Кюхельбекера въ это время было какое-то подавленное, удрученное. Въ стихотвореніяхъ «Къ Богу» (I, стр. 51) и «Упованіе на Бога» (III, стр. 64) видно, что единственно на Бога возлагалъ онъ свои надежды.

Кюхельбекеръ—писалъ Боратынскій,—человѣкъ занимательный по многимъ отношеніямъ... Онъ съ большими дарованіями, и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ женеваго чудака ¹⁾. Та же чувствительность и недовѣрчивость; то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей, и порою та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву; человѣкъ, вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть, и для славы) и для несчастія.

Въ то время, когда Боратынскій писалъ ²⁾ эти слова (февраль 1825 года), несчастье стояло уже за плечами Кюхельбекера.

Наконецъ, изъ первокурсниковъ въ 1825 году посѣтили Москву князь Горчаковъ и Ломоносовъ. А. Я. Булгаковъ писалъ 18 августа этого года: «Я не знаю молодого Горчакова, но его всѣ отмѣнно хвалятъ. Это лицейская птичка». А 2 сентября: «Горчакова очень хвалятъ. Я знаю сестру его, что за Хвошинскимъ; мила, умна и прекрасна. Это—одна изъ нашихъ московскихъ красавицъ, а про брата нажужжалъ мнѣ Ломоносовъ» ³⁾.

Вскорѣ послѣ этого скончался Императоръ Александръ,

¹⁾ Руссо.

²⁾ Рус. Архивъ. 1867 г., стр. 266. Прилагаемъ къ этой главѣ письмо Кюхельбекера къ князю В. Ѳ. Одоевскому, какъ дополненіе къ тѣмъ, которыя были напечатаны въ Рус. Старинѣ, 1904, т. CXVII.

³⁾ Рус. Архивъ. 1901 г., № 6, стр. 204 и 208.

и въ Петербургѣ 14 декабря вспыхнуло возмущеніе. По этому поводу въ Москвѣ начались розыски.

Первымъ, какъ писалъ 22 декабря 1825 года А. Я. Булгаковъ своему брату, «попался къ негодяямъ петербургскимъ молодой Пущинъ, служащій при князѣ, коего увѣрили, что отецъ его боленъ при смерти, а потому князь и не могъ ему отказать ѣхать въ Петербургъ... У этого Пущина есть здѣсь пріятелі. Они составили, такъ называемое, братское общество Семнугольной Звѣзды, глупости, кои теперь всѣхъ ихъ могутъ компрометировать. Тутъ Данзасъ, Колошинъ, князь Черкасскій, Кашкинъ, Зубковъ, Пущинъ, не помню седьмого. Эти молодцы всѣ занимаютъ здѣсь мѣста при князѣ, коего могутъ компрометировать»¹⁾.

Данзасъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, былъ лицейскій II курса Борисъ Карловичъ, братъ товарища и будущаго секунданта Пушкина Константина Данзаса.

Причислившись первоначально къ комиссіи погашенія долговъ, Борисъ Карловичъ перешелъ 26 апрѣля чиновникомъ особыхъ порученій къ князю Голицыну, а 27 ноября 1822 года опредѣленъ былъ совѣтникомъ московскаго губернскаго правленія.

Данзасъ былъ при князѣ, по словамъ А. Я. Булгакова²⁾, какъ сынъ, и княгиня Т[атьяна] В[асильевна]—жена князя Голицына говорила: *jugez qu'on veut impliquer même le pauvre Dansace dans tout cela, tandis que je répons de lui comme de moi-même. Qu'est ce que les bavards n'imaginent pas?* Князя и княгиню это очень тронуло. Странно, что княгиня Н[аталья] П[етровна]—мать князя никогда не терпѣла этого Данзаса, такъ что лишь недавно позво-

¹⁾ Рус. Архивъ, 1901 г., № 6, стр. 23.

²⁾ Рус. Архивъ, 1901 г., № 7, стр. 342—343. См. также Рус. Архивъ, 1901 г., № 6, стр. 214.

лила, чтобы онъ ей показывался на глаза. Говорятъ, что онъ сынъ покойнаго князя Бориса Владиміровича; не знаю, правда ли и за это ли старуха его и не любитъ».

Одновременно съ Данзасомъ пріѣхалъ въ Москву Владиміръ Петровичъ Пальчиковъ, назначенный 5 декабря 1822 г. также въ число чиновниковъ особыхъ порученій при князѣ, а съ 7 января 1825 года бывший засѣдателемъ во 2-мъ департаментѣ московскаго надворнаго суда, въ 1-мъ департаментѣ котораго, какъ сказано, былъ судьей Пущинъ.

Возвратимся къ Пушкину, который, какъ Евгенийъ Онѣгинъ, скучалъ въ деревнѣ, но гдѣ не забывали его товарищи. Первымъ навѣстилъ его, въ январѣ 1825 года, И. И. Пущинъ. День, проведенный въ Михайловскомъ, Пущинъ художественно описалъ въ своихъ Запискахъ. Приводить здѣсь это описаніе было бы излишне. Въ апрѣлѣ того же года явился въ Михайловское Дельвигъ.

«Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду; онъ — очень милъ» — писалъ Пушкинъ 23 апрѣля: «наши барышни всѣ въ него влюбились, а онъ равнодушенъ, какъ колода, любить лежать на постели..».

Выше упомянуто было, что немедленно по возвращеніи изъ Михайловскаго, Дельвигъ уволенъ былъ отъ службы въ Публичной Библіотекѣ. Не стоятъ ли эти два факта между собою въ связи?

Наконецъ, въ сентябрѣ Пушкинъ видѣлся съ княземъ Горчаковымъ, возвращавшимся изъ-за границы въ Петербургъ. «Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ Лицей» — писалъ Пушкинъ 15 сентября князю Вяземскому — «кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и, слѣдственно, подсохъ».

19 октября 1825 года Пушкинъ вспомнилъ родной Лицей, товарищей и наставниковъ, и изъ-подъ его пера вылилась чудная поэтическая исповѣдь, которая извѣстна каждому, кто носитъ имя лицениста.

Увѣренный, что въ этотъ лицейскій день его друзья на берегахъ Невы вспоминаютъ о немъ, онъ задался вопросомъ, многіе ли изъ нихъ тамъ пируютъ. Отвѣтомъ на это служить современная записъ, свидѣтельствующая, что на праздникъ собрались только шесть товарищей: баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Комовскій, баронъ Корфъ, Саврасовъ и Яковлевъ.

XVIII.

Царствованіе Императора Александра приходило къ концу. Надежды и ликованія, встрѣтившія вступленія его на престолъ, смѣнились глухимъ недовольствомъ.

Императоръ скончался 19 ноября въ Таганрогѣ. «Наступилъ ноябрь 1825 года»—разсказываетъ Бѣлуха-Кохановскій—«и вдругъ пронеслась у насъ вѣсть о кончинѣ Государя. Сколько было слезъ и рыданій! Узнавъ, что образована траурная коммиссія для устройства церемоніала перевезенія тѣла въ Петербургъ и что процессія остановится въ Царскомъ Селѣ, и гробъ будетъ въ теченіи нѣсколькихъ дней оставаться въ дворцовой церкви, выбрали мы депутацію и отправили къ директору просить его ходатайства передъ коммиссіей о дозволеніи лиценстамъ принять участіе въ процессіи при вступленіи ея въ Царское Село. Просьба наша была принята съ милостивымъ выраженіемъ Высочайшей благодарности. О, какъ я помню эти горестныя, торжественныя минуты, когда мы, оба курса, занявъ указанныя мѣста, увидѣли приближающуюся колесницу! Былъ мартъ мѣсяцъ 1826 года; холодно въ однихъ мундирахъ; заливаясь слезами, бодро мы шли бо-
го-трехъ верстъ отъ границы города до дворца.

Дожде казаки внесли гробъ въ церковь, обитую всю чернымъ сукномъ съ серебряными позументами и бахромой, и установили гробъ на высокомъ катафалкѣ, тоже

чернымъ, съ серебрянымъ убранствомъ. Старшій панъ-куртъ удостоенъ былъ чести дежурства: въ раздѣленіи были въ три очереди: каждый имѣлъ два дежурства по 4 часа подрядъ. Мы стояли съ правой стороны у стѣнки храма; камеръ-пэжи впереди кавалера; особенно какое-то торжественно-возвышенное впечатлѣніе производило дежурство монаховъ, въ черномъ, катыфаломъ черномъ, освѣщенные множествомъ свѣчей въ завернутыхъ креномъ огромныхъ канделябрахъ; тишина, негромкое, плавное чтение Евангелія...

Мое личное дежурство приходилось какъ разъ во время обѣды: на которой присутствовала царица императоръ: тутъ въ первый разъ увидѣли мы вновь возвращающаго Императора Николая I. Какъ, теперь вижу: худой, худой, блѣдный. После обѣды совершалась пантима, и какъ-то торжественно-важнѣе, трогательнѣе, за хуму берущее пантима, немалые чуждымъ придворнымъ хоромъ. Въ вѣлахъ кунныхъ храма, пантима дежурными, царскою синтою, синоиниками статскими и военными, въ вѣлахъ юншихъ ридуются риданія, а позади гриба, подъ вѣрами, стоять въ вѣлахъ. Арамеить. Въ назначенный, по установленному траурному поминскому церемоніалу день, процессія тронулась изъ Царскаго Села. Лиценствъ знали свои вѣста, и мы провозили дорогой право, черной-пары, до вѣста изъ вѣста и здѣсь съ нами вѣстались.

Пушкинъ въ своемъ вѣмъ пантима стикотвореніи «19 октября 1825 года» такъ поминуетъ Императора Александра:

Отецъ—целитель, нашъ пантима вѣтвеніе,
Отецъ—раба миланъ, сохранивъ и вѣтвеніе;
Но такъ и бѣжалъ преставилъ ему вѣтвеніе;
Отецъ, вѣстѣ, Падикъ и солдатъ нашъ Лицей.

Тяжелые поминанія, въ которые поставлена была Россія въ послѣднее десятилітіе царствованія Александра I.

ливное предпочтеніе поляковъ, которымъ дана была конституція, отрезаніе, если можно такъ выразиться, отъ царской власти въ пользу вѣ�мъ ненавистнаго Аракчеева, наконецъ, неопредѣленное будущее, за неизвѣстностью, кто будетъ преемникомъ Государя,—все это поддерживало образившіеся тогда тайныя общества и привело къ бунту, разразившемуся 14 декабря 1825 года.

Двое лицейскихъ, Пушкинъ и Кюхельбекеръ, приняли непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ.

Пушкинъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ общества. Узнавъ въ Москвѣ о кончинѣ Императора, онъ поспѣшилъ въ Петербургъ, куда и пріѣхалъ 8 декабря ¹⁾.

На слѣдующій послѣ бунта день рано утромъ, 15 декабря, къ нему пріѣхалъ князь А. М. Горчаковъ; онъ привезъ заграничный паспортъ и умолялъ ѣхать немедленно за границу, обѣщаясь доставить Пушкина на иностранный корабль, готовый къ отплытію. Пушкинъ не согласился ѣхать и въ тотъ же день былъ арестованъ.

Кюхельбекеръ въ январѣ 1825 года уѣхалъ изъ Москвы ²⁾ къ деревеннымъ сестрамъ, а въ апрѣлѣ того года явился въ Петербургъ, гдѣ, какъ показалъ онъ на допросѣ, имѣлъ знакомство съ бывшими лицейскими товарищами, Яковлевыми и Степаномъ, жившими вмѣстѣ съ баринимъ Корфаемъ, служившимъ при предсѣдателѣ Государственнаго Совѣта князѣ Долухинѣ, и съ княземъ Одоевскимъ, т. е. коншею полка, съ коимъ жилъ на одной квартирѣ (подлѣдніе два вѣснца). Здѣсь въ сентябрѣ того же (1824) года вынулъ онъ изъ свѣтъ свою драматическую пьесу въ 2 дѣйствіяхъ «Шекспировы духи», самое произведеніе, «наброшенное, по его словамъ, для домашняго только театра».

¹⁾ Мемуары 14 декабря 1825 года Пушкинъ описалъ въ отдельной статьѣ, напечатанной въ книжкѣ «Тайное Общество и 14 декабря 1825 года» изд. Румера, изданной въ Лейпцигѣ.

²⁾ Эта публикація взята изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1825 г., № 4, напечатанную въ Трехъ Архивѣ за 1889 г., I, стр. 490.

Принявъ дѣятельное участіе въ возмущеніи 14 декабря, онъ вечеромъ того же дня, переодѣвшись въ крестьянское платье, вышелъ изъ Петербурга. Остановясь въ Великолуцкомъ уѣздѣ, Псковской губ., въ помѣстьѣ своей родственницы Софьи Андреевны Лавровой (рожд. Глинка, сестры Григорія Андреевича Глинка, женатаго на сестрѣ Кюхельбекера), затѣмъ, проведя нѣсколько часовъ въ Закупѣ; у своей сестры Ю. К. Глинка, онъ отправился въ Варшаву, гдѣ 19 января 1826 года былъ задержанъ унтеръ-офицеромъ Григорьевымъ, узнавшимъ его по разосланнымъ всюду примѣтамъ, въ то время, когда онъ спрашивалъ его о мѣстѣ жительства служившаго въ Варшавѣ своего лицейскаго товарища Есакова ¹⁾).

Во время производства надъ нимъ слѣдствія онъ вспомнилъ о своемъ бывшемъ директорѣ и въ показаніи, данномъ 2 іюня 1826 года, писалъ: «Почтенный воспитатель мой Е. А. Энгельгардтъ, вѣрно, не откажется представить письма мои къ нему; особенно я бы желалъ, чтобы Высочайше учрежденный комитетъ прочелъ два: одно, которое я написалъ къ нему, когда прислалъ ему мою трагедію ²⁾ (я хотѣлъ ее посвятить въ Божѣ почившему Государю Императору); другое, сопровождавшее первую лекцію о русской словесности, читанную въ королевскомъ Атеней въ Парижѣ. Эти оба письма отъ 1823 года.

¹⁾ О блужданіяхъ Кюхельбекера и его поимкѣ см. статью Н. А. Гастфрейда: «Поимка и поимка В. Кюхельбекера». Всенародный Вѣстникъ. 1903, № 10, стр. 73. Приводимъ здѣсь описаніе его примѣтъ: «Кюхельбекера разсудившаго, сухощавъ, глаза на выпуклѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорѣ кривится, бакенбарды не растутъ, борода мало зарастаетъ, сутуловатъ и ходитъ немного искривившись, говоритъ протяжно; ему около 30 лѣтъ». Рус. Старина. 1873 г., т. VIII, стр. 462 и сл. Это описаніе примѣтъ составлено Ф. В. Пуляринымъ.

²⁾ Заблудившись въ трагедіи «Аргина», отрывки которой помѣщены были въ «Минувшій». Объ этой трагедіи говоритъ Энгельгардтъ въ письмахъ къ Кюхельбекеру отъ 24 января 1824 г. Рус. Старина. т. XIII, стр. 363, и 12 ноября того же года тамъ же стр. 370—371.

и надѣюсь, докажутъ, что я точно желалъ и хотѣлъ нелицемѣрно заслужить милость правительства» ¹⁾).

На слѣдствіи же Кюхельбекеръ, уличаемый въ томъ, что онъ намѣревался стрѣлять въ великаго князя Михаила Павловича, показалъ, что къ этому онъ былъ подговариваемъ Пушцинымъ. Послѣдній отвергъ это показаніе, вслѣдствіе чего имъ была дана очная ставка, на которой они остались при прежнихъ своихъ утвержденіяхъ ²⁾).

Приговоромъ верховнаго уголовного суда постановлено было Кюхельбекера и Пущина отнести къ I разряду преступниковъ и подвергнуть смертной казни, которая замѣнена была ссылкой вѣчно въ каторжную работу.

Нашъ сумасшедшій Кюхля» — писалъ Дельвигъ Пушкину въ началѣ февраля 1826 года — «попался, какъ ты знаешь по газетамъ въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились о немъ такъ, какъ должно было ожидать всѣмъ, знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ «славянъ», а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета. Зная его доброе сердце и при томъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыхъ жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы, вѣрно, кому-нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобы это была правда. Говорятъ, великій князь Михаилъ Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ. Какъ отъ сумасшедшаго, отъ него можно всего ожидать, какъ отъ злодѣя ничего».

Кромѣ Пущина и Кюхельбекера, къ слѣдствію привлечены были еще шесть воспитанниковъ Лицея и одинъ воспитанникъ Благороднаго пансіона. Степень участія ихъ въ дѣлѣ въ «Алфавитѣ» членамъ бывшихъ злоумышленническихъ тайныхъ обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ

¹⁾ Дѣло о немъ архив. Кюхельбекеръ въ Госуд. Архивѣ, I. № 5516.

²⁾ Н. А. Гастфрейндъ. Кюхельбекеръ и Пущинъ. Спб. 1901 г.

дѣлу, произведенному Высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года слѣдственною коммиссіею», хранящемся въ Государственномъ Archivѣ. Представляемъ извлеченіе изъ этого алфавитнаго списка.

Вольховскій, Вл. Дм. [I к.], капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба. Въ показаніи своемъ, представленномъ по начальству, онъ изложилъ, что въ 1818 году было ему предложено вступить въ общество «Союзъ благоденствія», имѣвшее цѣлію благотвореніе и нравственное образованіе членовъ. Не видя въ цѣли и дѣйствіяхъ общества ничего противозаконнаго, вступилъ въ оное. Но вскорѣ усмотрѣлъ, что оно не соотвѣтствовало пышно возвѣщавшему названію своему, сталъ мало-по-малу удаляться, а въ 1820 году участіе свое въ немъ совершенно прекратилъ. Въ 1821 году, по возвращеніи изъ Бухары, узналъ, что союзъ разрушился; съ тѣхъ поръ ни о какомъ тайномъ обществѣ не слыхалъ. Напротивъ того, изъ показаній многихъ членовъ видно, что Вольховскій состоялъ въ сношеніяхъ съ обществомъ и послѣ 1821 года и участвовалъ въ совѣщаніяхъ, бывшихъ въ 1823 году у Пущина и другихъ членовъ. Совѣщанія сіи заключались въ учрежденіи Думы, выборъ членами оной Трубецкого, Никиту Муравьева и Оболенскаго и въ положеніи стараться изыскивать средства ко введенію конституціи.

По отзыву г. начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества оставлено сіе безъ дальнѣйшаго дѣйствія.

Корниловъ, А. А. [I к.], капитанъ л.-г. Московскаго полка.

Михайло Бестужевъ и Щепинъ-Ростовскій показали, что 12 декабря Корниловъ, будучи у послѣдняго, рѣшился участвовать въ намѣреніяхъ противиться новой присягѣ; но 14 числа, прочтя манифестъ, сказалъ, что теперь присяги не присягать и что онъ присягаетъ. Изъ свѣдѣній же, доставленныхъ отъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ, видно, что Корниловъ во время привода полка къ при-

сягѣ находился при своей ротѣ и не возбуждалъ солдатъ къ неповиновенію; но при смятеніи старался возстановить порядокъ, вырывалъ покорныхъ и недоумѣвавшихъ солдатъ изъ среды бунтовавшихъ и ставилъ ихъ во фронтъ; а потому изъ роты его было на площади только 10 человекъ. О существованіи общества не зналъ. Онъ былъ арестованъ.

По докладу о немъ комиссіи Высочайше повелѣно было оставить его въ полку.

Малиновскій, А. [III к.], прапорщикъ л.-г. конной артиллеріи.

По словамъ Оболенскаго, Малиновскій, хотя не принадлежалъ къ обществу, но принималъ участіе, и черезъ Коновницына (Ивана) ему извѣстно было о согласіи Малиновскаго прибыть на площадь съ нижними чинами, если они не примутъ присягу. Коновницынъ на вопросъ комиссіи отвергъ сіе показаніе. Нѣкоторые члены, спрошенные о Малиновскомъ, отозвались незнаніемъ его. Изъ свѣдѣній же, доставленныхъ отъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ, видно, что Малиновскій былъ въ числѣ отказавшихся отъ присяги, и, когда всѣ они отдѣлены были въ особую комнату, то, растворя дверь насильственнымъ образомъ, вышли оттоль и кричали, въ томъ числѣ и Малиновскій: «Ребята, измѣна! Васъ обманываютъ! Константинъ Павловичъ не отказывается; ура, Константинъ!» Когда же хотѣли ихъ схватить, то Малиновскій, обнаживъ саблю, ударилъ одного часового въ лицо и уѣхалъ. По возвращеніи чрезъ нѣкоторое время, былъ арестованъ. Содержался при гвардейской пѣшей артиллеріи.

По докладу комиссіи 13 іюля Высочайше прощено, но повелѣно имѣть за нимъ бдительный тайный надзоръ и ежемѣсячно доносить о поведеніи. О исполненіи сего донести Его Императорскому Высочеству.

Давыдовъ, Б. К. [III к.], надворный совѣтникъ.

По связи его съ членами и по частнымъ сношеніямъ съ ними былъ нѣкоторыми названъ также членомъ. Но

по изслѣдованію комиссіи оказалось, что онъ только слышалъ о существованіи общества, стрелявшіеся изъ инспроверженію правительства, и о томъ не донесъ. Содержался въ крѣпости съ 12 января.

По докладу комиссіи 23 января, Высочайше повелѣно посадить на гауптвахту и, продержавъ оный мѣсяцъ, выпустить.

Молчановъ, Н. Н. [III к.], подпоручикъ 17-го Егерскаго полка.

По увѣдомленію главнокомандующаго I арміею Молчановъ обвинялся только въ томъ, что зналъ объ фзлѣ Вадковскаго къ мятежникамъ и не только не удерживалъ его, но и не донесъ начальству. На допросъ комиссіи члены отвѣчали, что онъ къ обществу не принадлежалъ. Между тѣмъ Матвѣй и Сергѣй Муравьевъ покаялись, что въ 1824 году, когда дошло до Молчанова, что генералъ Ротъ называлъ его трусомъ, то говорили, что онъ убьетъ его. Но, по совѣту Муравьева, остался покойнымъ отъ перваго взрыва огорченія. О семъ увѣдомленъ главнокомандующій.

Жеребцовъ, С. Н. [III к.], прапорщикъ л.-гв. Гренадерскаго полка.

Требовался къ отвѣту по подозрѣнію въ участіи въ мятежѣ 14 декабря. При допросѣ сознался, что Сутковъ открылъ ему все намѣреніе: но онъ не являлся въ его виды, отвѣчалъ ему, что по нѣмъ полкахъ приказали и что пустое затѣваете. Въ мятежѣ не участвовалъ. При производствѣ слѣдствія никто не сдѣлалъ изъ него никакого показанія.

Послѣ предварительнаго допроса по Высочайшему повелѣнію освобожденъ.

Нумерсъ, А. Ф. [изъ Благороднаго пансіона] прапорщикъ л.-г. Финанскаго полка.

По показанію барона Розена и князя Оболенскаго. Нумерсъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами своими, 11 декабря былъ у Рѣпина, гдѣ Оболенскій, предшаривъ

ихъ о предстоящей имъ присягѣ, будто бы неправильной, увѣрять, что Цесаревичъ не отрывается отъ престола и что покойника Государемъ сдѣлано завыщаніе, въ коемъ убавляется срокъ солдатамъ и прибавляется жалованье. Заклятіемъ сихъ разсказовъ было условіе не присягать, а, въ случаѣ принужденія, обратиться на Сенатскую площадь и остаться эфронированными Государю Цесаревичу. Всѣ главные члены Слѣбнаго Общества, спрошенные о Нумерсѣ, отказывались, что совершенно его не знаютъ.

По докладу о семъ комиссіи 22 мая Высочайше повелѣно оставить его въ покое.

Послѣ двенадцатилѣтней разлуки Пушкинъ и Кюхельбекеръ встрѣтились въ Ялоторовкѣ, гдѣ бывъ поселены, Пушкинъ. Разсказывая объ этомъ свиданіи въ письмѣ къ Энгельсарту ¹⁾, Пушкинъ прибавляетъ: «Напрасно покойникъ Рылѣевъ принять Кюхельбекера въ общество безъ моего вѣдома, когда я бывъ въ Москвѣ. Это было не долго до 14 декабря. Еслибъ Вамъ разсказать все предѣки Вышекамы въ день происшествія и въ день объявленія сентенціи, то Вы просто погибли бы отъ смѣху: не смотря на то, что онъ тогда бывъ на сценѣ довольно трагической и довольно важной. Можетъ быть, нѣкоторые анекдоты до Васъ дошли стороною...»

Осужденіе двухъ лицейскихъ за участіе въ дѣлѣ 14 декабря дало поводъ нѣкоторой части петербургской публики утверждать, что большинство лицъ, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ, были лицейскіе ²⁾. Слухи эти приняты и въ иностранную печать.

Энгельсартъ не только опровергъ эту клевету въ статьѣ, явившейся за это подписанной двухъ оsterreichцевъ

¹⁾ Гротъ, стр. 181.

²⁾ Объ этомъ слухѣ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Гротъ; СПб. 1855, стр. 366.

и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ ¹⁾. но и въ писемѣ къ шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу, отъ 5 мая 1826 года, обратилъ его вниманіе на то, что c'est à Vous, Mr. le Comte, qu'il appartient de détruire les inculpations fausses et ignominieuses et à en garantir un grand nombre d'individus innocents et dignes de l'estime générale.

Письмо это, что разумеется само собою, оставлено безъ послѣдствій.

Изъ того, что изложено было выше, видно, что Липей считать себя репутацію учебнаго заведенія либеральнаго. Это было вполне естественно. Его породило «дневъ Александровыхъ прекрасное начало», и, по мѣрѣ того, какъ возрѣла Императора и его совѣтниковъ измѣняясь въ сторону реакціи, Липей долженъ былъ представлять имъ учрежденіемъ опаснымъ и призывать на себя всѣхъ строгости. Въ той части общества, которая по тѣмъ или инымъ причинамъ находила нужнымъ укрѣплять идею абсолютнаго, въ кружкахъ Араповъ, Магницкаго, Рунича, архимандрита Фотія и иныхъ подобныхъ, дѣятельность воспитанниковъ Липей подвергалась порицанію.

Историкъ Липейскаго пансіона князь Голицынъ сдѣлалъ попытку выяснить причины, имѣвшія вліяніе на поведеніе Липей ²⁾. По его мнѣнію, враждебно относились къ Липею прежде всѣхъ іезуиты, имѣвшіе большое вліяніе на учебное дѣло въ Россіи; затѣмъ министерство духовнаго просвѣщенія во главѣ съ княземъ Голицынымъ. Недовольные тѣмъ, что Липей не подходилъ къ общему

¹⁾ Русскія газеты, по словамъ Энгельгардта, отказались помѣстить эту статью. Изъ письма Энгельгардта, напечатаннаго въ *Stettiner Provinzial Blatt* (Рига) 1826, 14 апрѣля, № 73, видно, что въ *Hamburgisches Correspondenz-Contrepoint*, 16 марта 1826 г., № 50, появилось извѣстіе изъ Ліона, гдѣ указывалось, что большинство декабристовъ изъ Липей, но что среди виновныхъ въ возстаніи не было ни одного іезуитскаго монаха.

²⁾ Благородный сансіонъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, стр. 122—127.

типу тогдашнихъ учебныхъ заведеній и, наконецъ, все-
сильный тогда Аракчеевъ.

Злобное отношеніе къ Лицею нашло себѣ выраженіе
въ безыменной запискѣ, составленной, кажется, во второй
половинѣ 1826 года. Озаглавлена она: «Нѣчто о Царско-
сельскомъ Лицеѣ и о духѣ онаго». Записка эта настолько
любопытна, что приводимъ ее полностью.

1) Что значить лицейскій духъ? Въ свѣтѣ назы-
вается лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ не
уважаетъ старшихъ, обходится фамиліарно съ начальни-
ками, высокомерно съ равными, презрительно съ низ-
шими, исключая тѣхъ случаевъ, когда, для фанфаронады,
надо показаться любителемъ равенства. Молодой верто-
прахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ по-
ступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ
мѣры правительства, знать наизусть или самому быть со-
чинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосуди-
тельныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ—знать
всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя силь-
ныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того, онъ
долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ,
парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ дог-
матамъ и, болѣе всего, представляться филантропомъ и
русскимъ патріотомъ. Къ тому принадлежитъ также обя-
занность насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ,
и въ сей цѣли выдуманно ими слово шагистика. Проро-
чество перемѣнъ, хула всѣхъ мѣръ или презрительное
молчаніе, когда хвалятъ что-нибудь, суть отличительныя
черты сихъ господъ въ обществахъ.

Вѣрноподанный — значить укоризну на ихъ языкѣ;
европеецъ и либераль — почетныя названія. Какая-то на-
смѣшливая угрюмость (*morgue*) вѣчно затемняетъ чело
сихъ юношей, и оно проясняется только въ часы буйной
веселости.

Вотъ образчикъ молодыхъ и даже многихъ немоло-
дыхъ людей, которыхъ у насъ довольно число. У лицей-

скихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ этотъ характеръ называется въ свѣтѣ лицейскій духъ. Для возмужалыхъ людей прибрано другое названіе: *Mépris souverain pour le genre humain*; для третьяго разряда, г. е., сильныхъ крикуновъ,—просто либераль.

2) Откуда и какъ онъ произошелъ? Первое начало либерализма и всѣхъ вольныхъ идей имѣетъ зародышъ въ религіозномъ мистицизмѣ секты мартинистовъ, которая въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II существовала въ Москвѣ, подъ начальствомъ Новикова, и даже имѣла свои логи и тайныя засѣданія. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Тургеневъ (отецъ осужденнаго въ Сибирь), Муравьевъ (отецъ Никиты, осужденнаго) и многія лица, которыя здѣсь не упоминаются, сильно содѣйствовали Новикову къ распространенію либеральныхъ идей, посредствомъ произвольнаго толкованія священнаго писанія, масонства, мистицизма, размноженія книгъ иностранныхъ вреднаго содержанія и изданія книгъ, и чрезвычайно либеральныхъ, на русскомъ языкѣ.

Когда Новиковъ былъ сосланъ въ Сибирь и секта его рушилась, разсѣянные адепты стали по разнымъ мѣстамъ отдѣльно преподавать его ученіе. Тургеневъ былъ попечителемъ Московскаго университета, находился въ дружбѣ съ Мих. Ник. Муравьевымъ и рекомендовалъ ему многихъ молодыхъ людей своего образованія, которыхъ сей послѣдній пускалъ въ ходъ, по своимъ связямъ. Другіе дѣлали то же, и вскорѣ люди, приготовленные непримѣтно, большая часть сами не зная того, взяли перевѣсъ въ свѣтѣ и, по службѣ и по отличному своему положенію стоя, такъ сказать, на первыхъ мѣстахъ картины, сдѣлались образцами для подражанія. Новикова и мартинистовъ забыли, но духъ ихъ пережилъ и, глубоко укоренившись, производилъ безпрестанно горькіе плоды. Должно замѣтить, что планъ Новиковскаго общества былъ почти тотъ же, какъ «Союза благоденствія», съ тою разницею, что Новиковцы думали

основать малую республику въ Сибири, на границѣ Китая, и по ней преобразовать всю Россію.

Французская революція была благотворною росой для сихъ горькихъ растеній. Ужасъ, произведенный ею, исчезъ, правила остались и распространились множествомъ выходцевъ, коимъ повѣрили воспитаніе и съ коими дружились безъ всякаго разбора. Кратковременное царствованіе Императора Павла Петровича не погасило пламени, но прикрыло только пепломъ. Настало царствованіе Императора Александра, и новыя обстоятельства дали новое направленіе сему духу и образу мыслей.

До 1807 года продолжались различныя благія начинанія въ отношеніи къ воспитанію, просвѣщенію и государственному управленію. Но, какъ по несчастному стеченію обстоятельствъ не было довольнаго числа способныхъ людей для управленія всѣми частями нововведеній, то они, при всемъ благомъ намѣреніи Государя Императора, съ сего времени начали разрушаться или приняли совсѣмъ другое направленіе. Завели вездѣ народныя школы, не имѣя достаточнаго числа порядочныхъ учителей и смотрителей, и отъ того онѣ не достигли своей цѣли. Университеты, образованные не въ нравахъ русскихъ, но на нѣмецкую ногу, не принесли ожидаемой пользы. Въ Германіи юношество пріѣзжаетъ охотно учиться, и молодые люди живутъ безъ надзора, на вольныхъ квартирахъ, посѣщая по произволу лекціи. У насъ этотъ порядокъ имѣлъ самое вредное вліяніе на нравы и образъ мыслей. Молодые люди утопали въ развратѣ и вовсе не учились, и, если изъ сего времени вышло нѣсколько образованныхъ людей, то это изъ Московскаго университетскаго пансіона, гдѣ воспитанники жили подъ присмотромъ; изъ университета же вышло нѣсколько изъ остзейскихъ дворянъ и нѣсколько бѣдняковъ, пристрастныхъ къ ученію, но весьма мало. Управленіе университетовъ на германскій образецъ также не принялось въ Россіи: законпочитаніе исчезло, а наука мало подвинулась впередъ. Словесность

и науки представляют едва нѣсколько ученыхъ изъ всего этого огромнаго заведенія и ни одного литератора.

Во время самой сильной ферментаціи умовъ, въ 1811 году, новозаведенный Лицей наполнился юношествомъ изъ хорошихъ фамилій. Молодымъ людямъ преподавали науки хорошіе профессора, ихъ одѣвали чисто, помѣщали въ великолѣпныхъ комнатахъ, кормили прекрасно, но никто не позаботился, даже не подумалъ, что этому новому разсаднику должно было дать свѣтъ и влажность въ одинаковой пропорціи и не оставлять одни произрастенія въ тѣни, а другія на солнцѣ, одни на тучной, другія на бесплодной землѣ. Все это предоставлено было случаю. Никто не взялъ на себя труда испытать нравственность каждаго ученика, узнать, въ чемъ онъ имѣетъ недостатокъ, какую главную страсть, какой образъ мыслей, какія понятія о вещахъ, чтобы, истребляя вредное въ самомъ началѣ, развитъ понятія въ пользу настоящаго образа правленія и къ сей цѣли направлять все воспитаніе юношества, назначеннаго занимать важныя мѣста и, по своему образованію, давать тонъ между молодыми людьми. Это именно ускользнуло отъ наставниковъ—впрочемъ, людей добрыхъ и благонамѣренныхъ.

Въ Царскомъ Селѣ стоялъ гусарскій полкъ; тамъ жилось лѣтомъ множество семействъ, пріѣзжало множество гостей изъ столицы, и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральныя, которыя кружили въ свѣтѣ. Должно замѣтить, что тогда было въ тонѣ помѣщать молодыхъ людей въ Лицеѣ; они даже потихоньку (т. е., безъ дозволенія, но явно) ходили на вечеринки въ дома, уѣзжали въ Петербургъ, куликали съ офицерами и посѣщали многихъ людей въ Петербургѣ, игравшихъ значительныя роли, которыхъ мы не хотимъ называть. Въ Лицеѣ начали читать всѣ запрещенныя книги, тамъ находился архивъ всѣхъ рукописей, ходившихъ тайно по рукамъ, и, наконецъ, пришло къ тому, что, если надлежало отыскать что либо запрещенное, то прямо относились въ Лицеѣ.

Послѣ войны съ французами (въ 1816 и 1817 годахъ) образовалось общество подъ названіемъ «Арзамасскаго». Оно было ни литературное, ни политическое, въ полномъ значеніи сихъ словъ, но въ настоящемъ существованіи клонилось само собою и къ той, и къ другой цѣли. Оно сперва имѣло въ намѣреніи пресѣчь интриги въ словесности и въ драматургіи, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцевъ-словесниковъ. Члены общества были неизвѣстны, или, хотя извѣстны всѣмъ, но не объявляли о себѣ публикѣ; но общество было явное. Оно было шуточное, забавное, и во всякомъ случаѣ принесло бы болѣе пользы, нежели вреда, еслибъ было направляемо кѣмъ-нибудь къ своей настоящей цѣли. Но, какъ никто о семъ не заботился, то Арзамасское общество принесло вредъ особенно Лицею. Сіе общество составляли люди, изъ коихъ почти всѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были отличнаго образованія, шли въ свѣтъ по блестящему пути и почти всѣ были или дѣти членовъ новиковской мартинистской секты или воспитанники сихъ воспитанниковъ. Духъ времени истребилъ мистику, но либерализмъ цвѣлъ во всей красѣ! Вскорѣ это общество сообщило свой духъ бѣльшей части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло, безъ умысла, искры и превратило ихъ въ пламень.

Итакъ, не наука и не образъ преподаванія оныхъ виновны въ укорененіи либеральнаго духа между лицейскими воспитанниками. Во-первыхъ, политическія науки преподавались въ Лицеѣ весьма поверхностно и легко; во-вторыхъ—едва нѣсколько слушали прилежно курсъ сихъ наукъ, и тѣ именно вышли не либералы, какъ, напримеръ, М. Корфъ и другіе; либеральничали тѣ, которые весьма дурно учились и, будучи школьниками, уже хотѣли быть сочинителями, судьями всего; однимъ словомъ—созрѣвшими. Профессоры: Кайдановъ, Кошанскій, Куницынъ — всѣ люди добрые, образованные и благона-

мѣренныя; они почли бы себѣ за грѣхъ и за преступленіе голковать своимъ ученикамъ то, чего не должно. Но направление политическое было уже дано извнѣ, и профессора, бесѣдуя съ учениками только въ классахъ, не только не могли передѣлать ихъ нравственности, но даже затруднялись съ юношами, которые дѣлали имъ безпрестанно вопросы свои, почерпнутые изъ политическихъ брошюръ и запрещенныхъ книгъ. Весьма вѣроятно, что составившееся въ 1816 году тайное общество, распространивъ вскорѣ кругъ своего дѣйствія на Петербургъ, имѣло умышенное и сильное вліяніе на Лицей. Начальники Лицея, подъ предлогомъ благороднаго обхожденія, позволили юношеству безнаказанно своевольничать, а на нравственность и образъ мыслей не обращали ни малѣйшаго вниманія. И какъ, съ одной стороны, правительство не заботилось, а съ другой стороны—частные люди заботились о дѣланіи либераловъ, то духъ времени превозмогъ, и либерализмъ укоренился въ Лицеѣ, въ самомъ мерзкомъ видѣ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ подражали Лицею, и молодые люди, воспитанные дома, за честь поставляли дружить съ лицейскими и подражать имъ.

3) Какія послѣдствія и вліяніе его на общество? Молодые люди, будучи не въ состояніи писать о важныхъ политическихъ предметахъ по недостатку учености и жели дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эниграммы противу правительства, которые вскорѣ распространялись, приносили громкую славу молодымъ шалунамъ и доставляли имъ предпочтеніе въ кругу зараженнаго общества. Они водились съ офицерами гвардіи, съ знатными молодыми людьми, были покровительствованы Арзамасцами и членами тайнаго общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурныя дѣла пользуясь въ свѣтѣ наградами и уваженіемъ, давали тѣмъ самое пагубное направленіе обществу молодыхъ людей, которые уже въ домахъ своихъ не слушали родителей, въ насмѣшку называли ихъ вѣрноподданными и почитали

себя преобразователями, дѣтьми новаго вѣка, новымъ поколѣніемъ, рожденнымъ наслаждаться благодѣяніями своего вѣка. Всѣ совѣты были тщетными. Они почитали себя выше всѣхъ. «Духъ журналовъ» былъ отголоскомъ ихъ мнѣнія — можетъ быть, и неумышленно¹⁾.

Такимъ образомъ, анонимный составитель записки изъ 78 лицейскихъ первыхъ трехъ курсовъ удостоился одобрения только одного — барона М. А. Корфа, который въ это время (1826 года) былъ начальникомъ отдѣленія департамента разныхъ податей и сборовъ и старшимъ чиновникомъ учрежденнаго въ томъ же году II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Быть можетъ, упоминаніе въ этой запискѣ имени барона Корфа осталось въ памяти Императора Николая и повлияло на будущую его карьеру; для Лицея же записка эта не имѣла никакихъ вредныхъ послѣдствій. По крайней мѣрѣ такъ можно судить по слѣдующему обстоятельству. Графиня Растопчина, вдова главноначальствующаго надъ Москвою въ 1812 году, предполагала отдать своего сына въ Лицей, но потомъ раздумала и обратилась съ ходатайствомъ о зачисленіи ея сына въ пансіонскій корпусъ. На это ея прошеніе князь А. И. Голицынъ отвѣтилъ графинѣ (въ ноябрѣ 1826 года), что Государь принимало не раздѣляетъ мнѣнія ея, что изъ Лицея выходить все повѣсы; однако же, не желая ей противорѣчить, сына ея велитъ отдать въ пансіонскій корпусъ²⁾.

Въ 1826 году въ июлѣ произведенъ былъ выпускъ

¹⁾ Эта записка напечатана въ Русской Старинѣ, 1877 г., т. XVIII, стр. 657. Оригиналь ея, какъ можно убѣдиться по копии, нахоющейся въ бумагахъ Н. К. Шильдеръ (описаннымъ Б. В. Майковымъ въ приложеніи къ отчету Императорской Публичной Библиотеки за 1903 годъ, стр. 60, гл. II, лит. 2), хранится въ Военно-ученомъ Архивѣ, Отд. Слѣд., № 47, 1826 г. На запискѣ пишется подлинной рукой ген.-ад. Дибича: «Единолично для Высочайшаго свѣдѣнія».

²⁾ Письмо А. Я. Булакова къ брату отъ 2 декабря 1826 г. Рус. Архивъ, 1901 г., № 7, стр. 426.

24 воспитанниковъ IV курса Лицея, изъ коихъ 15 поступило въ гражданскую, а 9 въ военную службу.

Это были послѣдніе поступившіе въ Лицей еще при Энгельгардтѣ молодые люди. Послѣ этого связь его съ Лицеємъ порвалась окончательно.

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя заботливость Императора Николая немедленно по вступленіи его на престолъ, было печальное положеніе нашего правосудія. Непроницаемый хаосъ представляли въ то время наши законы, и трудны и даже совсѣмъ невозможны были пути къ ихъ изученію безъ долговременной ежедневной практики. Труды коммисіи составленія законовъ шли чрезвычайно медленно и не давали никакихъ результатовъ.

Указомъ 31 января 1826 года Императоръ упразднилъ эту коммисію, и все дѣло по составленію свода законовъ возложилъ на учрежденное тогда же второе отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, поставивъ во главѣ его М. М. Сперанскаго.

При избраніи сотрудниковъ для Высочайше порученнаго ему великаго дѣла Сперанскій вспомнилъ о Лицеѣ, въ учрежденіи котораго принималъ участіе и о которомъ, какъ мы видѣли выше, составилъ себѣ хорошее мнѣніе. Имъ приглашены были на службу въ отдѣленіе лицейскіе I курса баронъ Корфъ и Яковлевъ, II-го — Замятнинъ и князь Эристовъ, III-го — Капгеръ и IV-го — баронъ Иксуль и бывшій профессоръ Лицея Куницынъ.

Вѣсть о высокомъ назначеніи Сперанскаго, знаменующемъ какъ бы возвратъ его вліянія, дошла до Вѣны, и руководитель австрійской реакціонной политики, князь Меттернихъ, увидѣлъ опасность въ новомъ возвышеніи дѣятельнаго сотрудника либеральныхъ реформъ Императора Александра.

Посылая австрійскому послу въ Петербургъ графу Лебцельтерну, уже извѣстную читателямъ записку Гауен-

шилда «Историческій взглядъ на Сперанскаго»¹⁾), князь Меттернихъ сопровождалъ ее слѣдующею крайне интересною депешою.

Au C-te de Lebzelterн à Petersbourg. Vienne, le 17 Avril 1826.

Ce qui sert à éclaircir des faits est dans tous les temps particulièrement digne d'attention. Combien cette vérité n'acquiert-elle pas de force, dans une époque où l'intérêt évident de factions malheureusement infatigables veut plus que jamais qu'elles se couvrent de masques, et qu'elles donnent à la fois le change à la vigilance des gardiens du repos public sur leurs coupables menées et à la grande masse du public sur les dangers de leurs doctrines.

L'histoire toujours impartiale jugera le règne de l'Empereur Alexandre, tout comme elle a déjà jugé celui de l'Empereur Joseph, et quelle qu'ait été la différence entre les deux Monarques, leur sort les a conduits à un résultat semblable à la fin la plus triste et la plus compromettante de leurs règnes.

Joseph II a précédé la révolution; il ne connaissait ainsi pas les fruits nécessaires et immédiats de tant de vastes projets de réforme; son esprit ne l'avait point conduit à pressentir de telles suites et ce qu'elles devaient renfermer de dangers pour cette même chose publique, à laquelle son seul but a été de se dévouer. La même excuse n'ira pas au règne d'Alexandre. A son avènement au trône, bien des années de révolutions avaient déjà anéanti l'ordre social dans un vaste Empire et couvert de décombres une grande partie de l'Europe. Les résultats des vaines théories étaient là comme une grande leçon pour les rois et pour les peuples; le

¹⁾ Записка эта напечатана В. А. Бильбасовымъ въ Рус. Старинѣ 1901 г., т. 110; см. выше, стр. 53. Текстъ депеши Меттерниха мною полученъ изъ Вѣнскаго Государственнаго Архива черезъ посредство Н. Н. Гирса. Депеша здѣсь впервые появляется въ печати.

Monarque Russe ne s'[en] est pas moins laissé entraîner à toutes les erreurs qui avaient été le mobile et les moyens directs de tant de terribles bouleversements. La postérité devra donc le juger avec plus de sévérité.

Il ne sera pas hors de propos de vous communiquer ci-joint, M-r le Comte, un mémoire qui offre un véritable intérêt (in margine: „Geschichtliche Ansicht des H. v. Hauenschild über H. v. Speransky“), par le jour qu'il jette non seulement sur plusieurs circonstances de l'une des époques intermédiaires du règne de feu l'Empereur., mais également sur les antécédents d'un personnage qui semble appelé de nouveau à faire partie des conseils du Monarque actuel. L'auteur du mémoire a été appelé par sa situation et par la confiance que lui avaient value ses talents à voir bien de choses que le public ignore. V. E. est depuis si longtemps sur les lieux mêmes que bien des faits Lui seront connus; Vous ne trouverez pas moins digne d'intérêt un travail, qui a l'avantage d'offrir dans un cadre très resserré un tableau plein de vérités constatées.

Il vient de paraître à Breslau un ouvrage fort curieux. Il porte le titre de Fessler's «Rückblicke in seine 70-jährige Pilgerschaft» J'ignore si l'auteur est le chef du consistoire protestant en Russie; mais on a peine à comprendre comment il a pu être toléré aussi longtemps sous un Gouvernement, qui, depuis quelque temps déjà, avait fait retour vers des idées plus saines.

L'ouvrage porte la date de l'année 1824. Il n'[en] est pas moins de l'année 25. Il présente une confession assez complète des pensées et des faits qui ont encombré la vie de ce fanatique. Et c'est à un homme de cette trempe que toute une église s'est trouvée confiée, ou que peut-être elle se trouve confiée encore! Je Vous prie de bien vouloir me donner quelques notions sur l'existence présente de Fessler. J'ai quelques traces assez positives, que naguère il était occupé de rentrer dans le giron de l'église catholique.

Parmi les amis russes, desquels il se vante, se trouve Alex-

andre Tourguéniew, le frère de celui que le Gouvernement russe poursuit dans l'étranger et qui s'est soustrait à ses recherches, en se réfugiant de Paris en Angleterre. Le frère de cet Alexandre Tourguéniew, Nicolas, faisait partie du club révolutionnaire connu sous le nom du *Comité d'administration pour les pays conquis en Allemagne*, que l'Empereur Alexandre avait formé en 1813 sous la présidence du baron de Stein, formation que j'avais combattue personnellement avec autant de chaleur que de manque de succès lors de notre entrée à Leipzig. Mes soins ont été vains et cette même administration a jeté en Allemagne un levain révolutionnaire, duquel cette partie, si importante pour la tranquillité de l'Europe, ne pourra plus se délivrer en entier!

En jetant en général, M-r le Comte, un coup d'oeil sur mes relations directes avec l'Empereur Alexandre, en me retraçant les diverses phases de ces relations, tant de causes d'une divergence absolue et l'impossibilité, prouvée matériellement, d'une brouillerie véritable et durable entre deux hommes ne se ressemblant en rien, ni par leur position sociale, ni par la marche de leur esprit, ni enfin par leurs goûts, il me serait impossible de me refuser à la douce consolation, que la pauvre humanité a trouvé en moi dans des temps bien difficiles, un défenseur infatigable, et que rien n'a pu abattre! L'expression de ce sentiment doit m'être permise; il me sert comme une grande et véritable consolation et même la seule que j'ambitionnerai jamais!

Je viens de réclamer de M-r Hauenschild une histoire détaillée de l'établissement du Lycée de Zarskoïe-Selo. Elle devra offrir beaucoup d'intérêt et fournir la clef du phénomène, que ce sont, pour ainsi dire, les propres enfants de l'infortuné Alexandre, qui avaient juré sa ruine et jusqu'à son assassinat.

Для исторіи Лицея наиболѣе интересны заключительныя слова депеши. Своеобразный взглядъ Меттерниха на Лицей, очевидно, былъ только отраженіемъ тѣхъ слуховъ, которые до него доходили. Записка Гауеншильда

о Лицеѣ, упоминаемая въ депешѣ, несомнѣнно, документъ первостепенной важности для исторіи Лицея; наблюдательный и озлобленный на Лицей Гауеншильдъ, очевидно сообщилъ множество свѣдѣній о немъ—и вѣрныхъ, и невѣрныхъ, конечно,—но къ сожалѣнію въ архивныхъ дѣлахъ, не смотря на всѣ старанія дирекціи вѣнскаго архива эта записка не найдена.

XIX.

Въ день объявленія рѣшенія по дѣлу о лицахъ, участвовавшихъ въ тайныхъ обществахъ, 13 іюля 1826 года, былъ изданъ манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, читается:

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей: не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полузнанія, сей порывъ къ мечтательной крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель.

Естественно, что сообразно съ этими мыслями приняты были мѣры къ прекращенію въ молодыхъ людяхъ своевольства мыслей, источника буйныхъ страстей.

Въ Лицеѣ, причисленномъ къ вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, мѣры эти усердно принимались ихъ главнымъ начальникомъ г.-а. Николаемъ Ивановичемъ Демидовымъ, назначеннымъ 14 декабря 1826 года на мѣсто г.-а. Голенищева-Кутузова, призваннаго на постъ петербургскаго военнаго генераль-губернатора ¹⁾.

¹⁾ Въ 1827 году на мѣсто подполковника Алабова директоромъ пансіона былъ назначенъ подполковникъ Ваксмуть.

Историкъ Лицейскаго пансіона, князь Голицынъ, кончившій курсъ въ 1825 году, говоритъ, что «всѣмъ современникамъ его Демидовъ былъ весьма хорошо извѣстенъ за человѣка, говоря самымъ приличнымъ и вѣжливымъ образомъ, въ высшей степени страннаго. У Демидова странность происходила прежде всего и болѣе всего отъ крайняго суевѣрія. Поэтому современное общество и знало и понимало его, какъ суевѣра и изувѣра, не просвѣщеннаго ни христіанскимъ, ни свѣтскимъ ученіемъ и ни сердечно, ни душевно не расположеннаго особенно къ добру, но какъ человѣка хитраго, тонкаго, ловкаго и не безъ примѣси лукавства и немилосердія или, какъ теперь говорятъ, негуманнаго. Разскажамъ объ его странностяхъ и особенно суевѣріяхъ не было числа; они ходили по городу и возбуждали смѣхъ и горе, потому что странности его носили на себѣ характеръ грубой неразвитости, свойственной только невѣжественнымъ людямъ изъ низшаго, необразованнаго класса народа. Такъ, напр., онъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не переступить черезъ порогъ лѣвой ногой, лазилъ подъ стульями и столами вокругъ комнаты, вѣрилъ во всѣ суевѣрныя примѣты; встрѣтивъ священника, возвращался назадъ или, взявъ его съ собою, возилъ по городу. А что касается истинно-отеческой любви его къ ввѣренному ему юношеству, то она имѣла очень странныя формы, не свидѣтельствующая въ пользу его добросердечія, и строгость его, даже за малѣйшее несоблюденіе формы, приличія, вниманія къ старшимъ и т. п., иногда переходила въ немилосердіе и даже жестокость, и немножко напоминала Аракчеева»¹⁾).

¹⁾ Благородный Пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея. 1814—1829. Спб. 1869, стр. 155 и 156. Еще рѣзче отзывается о немъ Гречъ, говоря въ своихъ Запискахъ, стр. 337, что «порядочная скотина былъ Демидовъ: разграбленіемъ города Вазы, въ Шведскую войну, онъ осрамилъ себя навѣки, но, не смотря на это, былъ потомъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній»!

Какія же указанія и наставленія давалъ Демидовъ начальству Лицея?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ мы въ книгѣ Селезнева ¹⁾.

Вступивъ въ управленіе Лицеемъ, Н. И. Демидовъ писалъ директору его (Θ. Г. Гольтгоеру): «что поставляетъ себѣ долгомъ обратить особенное вниманіе на часть нравственнаго воспитанія юношества». Дѣйстви-тельно, предписанія его по Лицею почти всѣ содержатъ преимущественно напоминаніе о ней. Въ одномъ изъ приказовъ по корпусамъ, выражая благодарность свою начальникамъ и воспитанникамъ за исправность на бывшемъ Высочайшемъ смотрѣ, Демидовъ изъясняетъ: «но при семъ я долгомъ поставлю изложить предъ воспитывающимися, что возможнѣйшее совершенство по фронтовой части есть только третьестепенное достоинство; главнѣйшее же состоитъ въ чистѣйшей нравственности; а за симъ въ надлежащемъ познаніи въ наукахъ, и потому, какъ искренно желающій видѣть ихъ благополучными, я усерднѣйше прошу ихъ обратить единодушное стараніе къ достиженіюжелаемаго въ семъ отношеніи совершенства». Онъ требуетъ доносить ему «о всѣхъ самонамалѣйшихъ приключеніяхъ, могущихъ по временамъ случаться въ Лицеѣ и состоящемъ при ономъ пансіонѣ», также «и о томъ, еслибы кто изъ служащихъ или воспитывающихся, будучи остановленъ на улицѣ или приглашенъ въ домъ постороннимъ лицомъ, былъ разспрашиваемъ о чемъ-либо, касающемся до воспитанія въ заведеніи, или тому подобномъ». Обращая вниманіе на занятія воспитанниковъ чтеніемъ, какъ «на похвальное и полезное упражненіе», онъ требуетъ, чтобы «начальство старалось пріохотить воспитанниковъ, въ свободное отъ учебныхъ занятій и повтореній уроковъ время, а наипаче въ рекреационные дни, читать нравственныя и историческія книги, сообразныя съ возрастомъ и познаніями воспитываю-

¹⁾ Стр. 233 и сл.

щихся». «Трагедіи, различные романы и вообще всѣ тѣ книги, которыя могутъ воспалить воображеніе юныхъ воспитанниковъ», строго запрещены. Встрѣтивъ воспитанника за чтеніемъ исторіи Петра Великаго на французскомъ языкѣ, замѣчаетъ, что «гораздо бы приличнѣе было предметы, до отечественной исторіи относящіеся, читать въ книгахъ російскихъ, дабы въ воспитанникахъ съ малолѣтства укоренялись вкусъ къ російской словесности и любовь ко всему отечественному». Вообще желательно было бы, чтобы юношество воспитывалось въ правилахъ вѣры, въ духѣ отечественномъ и природномъ. Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія «отдавать преимущество тѣмъ воспитанникамъ, кои нравственностію своею заслужили довѣренность и вниманіе начальства, предъ тѣми, которые въ наукахъ предпочтительнѣе, но по поведенію не столь отличны», Демидовъ предписываетъ директору Лицея: «каждый изъ воспитанниковъ долженъ быть тщательно наблюдаемъ во всѣхъ правилахъ его нравственности; а какъ главнѣйше-составляющія оное (sic!) суть покорность, послушаніе и учтивость, то сіи добродѣтели имѣть во всегдашнемъ предметѣ и на таковыхъ основались всѣ правила воспитанія каждаго изъ благородныхъ юношей». Однимъ изъ условій учтивости полагалось «имѣть навыкъ изъясняться». Воспитанниковъ предписывалось держать «во всегдашнемъ близкомъ надзорѣ, не позволяя имъ отлучаться въ такія мѣста, гдѣ они могутъ быть свободны отъ онаго, и почаще напоминать имъ, какъ они должны ходить, стоять, сидѣть, кланяться, говорить, словомъ, обо всемъ, что служитъ къ наружному образованію; объяснять имъ, что весьма неприлично становится на окна, высовываться въ форточки на улицу, быть въ каморахъ въ фуражкахъ, съ разстегнутыми мундирами, ибо на основаніи Высочайшей воли, имъ позволено только разстегивать воротники и то во время стола и въ классахъ». Во время классовъ предписано было, чтобы «воспитанники отпускали подтяжки и

брюки снизу слабѣе были застегнуты, чтобы, сидя на скамейкахъ, воспитанники имѣли за правило держать ноги свободно, ни мало не перекашивая колѣни, отъ каковой привычки при долгомъ сидѣніи можетъ воспослѣдовать неправильность и кривизна ногъ». Наставникамъ поставлялось въ обязанность «чаще заставлятъ своихъ воспитанниковъ съ собою разговаривать, дѣлать имъ вопросы и заставлятъ излагать ихъ мысли и сужденія о разныхъ предметахъ, приличныхъ ихъ возрасту, воспитанію и пользѣ. Таковымъ средствомъ они могли бы направлять ихъ мысли, сужденія и, приучая къ ловкости въ разговорахъ, искореняли бы въ нихъ застѣнчивость и содѣлывали бы ловкими, развязывая ихъ умъ и понятія.

Въ одномъ изъ писемъ Демидова къ директору Лицея встрѣчаются такія сужденія его: «Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ общественнаго воспитанія, сколько я могъ замѣтить, состоитъ въ томъ, что долгое временное пребываніе воспитывающихся въ разлукѣ и безъ всякаго сношенія съ родителями или родственниками невольно охлаждаетъ въ нихъ тотъ кровный союзъ, который, служа христіанской морали, упрочиваетъ благосостояніе семействъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общества». Въ отвращеніе сего недостатка, онъ, «въ полной увѣренности, что такое повременное сношеніе будетъ поддерживать въ воспитывающихся чувство сыновней и родственной привязанности», предписываетъ наблюдать, чтобы воспитанники чаще писали отъ себя къ родителямъ «подъ руководствомъ наставниковъ, кои, въ случаѣ надобности, могли бы дополнять слогъ письма родственно-почтительными выраженіями». Требовалось писать, по крайней мѣрѣ, три раза въ годъ, въ большіе праздники.

Въ другомъ отношеніи его къ директору Лицея излагается самое содержаніе писемъ: «поздравительныя съ высокаторжественными или семейными праздниками; а также извѣщали бы о счастливѣйшихъ событіяхъ, по без-

предѣльной милости Государя, къ нимъ или къ товарищамъ ихъ оказываемыхъ. Отъ сего поддерживается необходимая связь родства, и дѣти, находясь въ отсутствіи, не перестаютъ оказывать должнаго, основаннаго на законахъ божескихъ и гражданскихъ, уваженія и почитанія родителямъ, кои права надъ дѣтьми своими совершенно предоставили начальству; и, кромѣ того, они приобрѣтаютъ навыкъ сочинять письма, которыя, по заведенному порядку, при пересматриваніи начальствомъ, могутъ быть исправляемы какъ въ самомъ стилѣ, такъ и въ изложеніи чувствъ.

Иногда письма воспитанниковъ, предъ отправкою, представляемы были на просмотръ самого Демидова. Въ приказахъ объ отпускѣ воспитанниковъ къ родителямъ на праздничные дни главный директоръ предписываетъ увольнять ихъ или наканунѣ праздника (передъ всенощной) или рано утромъ, поставляя въ обязанность, чтобы воспитанники, находясь въ семействѣ или оставаясь въ заведеніи, непременно посѣщали богослуженіе, «ибо сія обязанность, налагаемая святою вѣрою, не можетъ и не должна быть нарушаема ни въ какомъ случаѣ, и напротивъ, когда они, будучи свободны отъ всѣхъ занятій, имѣютъ нарочитое время принести молитвы свои во храмъ Божіемъ. «Исполненіе обязанностей святыхъ вѣры есть главнѣйшее совершенство каждаго христіанина и исполненное направленіе его ко всѣмъ добродѣтелямъ (sic!), почему и должно быть основаніемъ воспитанія юношества».

Въ заботахъ по этому предмету главный директоръ обращаетъ вниманіе на самое преподаваніе закона Божія. Найдя въ 1828 г., «что преподаваніе догматической части закона Божія въ довольно исправности, но практическая часть, заключающая въ себѣ правила христіанскаго ученія, не введена въ надлежащую систему», озабочивается избраніемъ учебника для сей послѣдней и препровождаетъ молитвы для чтенія воспитанниками утромъ, передъ обѣдомъ и ужиномъ, послѣ обѣда и ужина, отходя ко

сну, и общія, но долженствующія быть читаны въ слѣдъ за утреннею и вечернею молитвою» ¹⁾. Чтеніе Ветхаго завѣта запрещено: «Воспитанникамъ преподается священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта, и, сверхъ того, оныя для повторенія имѣютъ уже на сей предметъ книги, потому я полагаю (пишетъ Демидовъ) чтеніе Библии для нихъ излишнимъ, хотя, по существу своему, священной книги, но по содержанію нѣкоторыхъ мѣстъ превосходящей юношескія понятія». Вмѣстѣ съ симъ не дозволялось читать «и другія богословскія и высокой нравственности книги, изъ коихъ они (воспитанники), по незрѣлости разсудка, могутъ почерпать неправильныя сужденія». Къ чтенію Евангелія предписано законоучителямъ, «сколь можно болѣе поселять въ воспитанникахъ усердіе».

Въ самомъ направленіи вообще преподаванія главный директоръ остается вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Онъ присутствуетъ на экзаменахъ, собираетъ у себя преподающихъ, требуетъ отъ нихъ изложенія методъ и предлагаетъ свои заключенія. Въ 1828 году онъ замѣчаетъ, что «успѣхи въ военно-математическихъ наукахъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ имѣютъ болѣе превосходства противу нравственныхъ и словесныхъ. Признавая въ полной мѣрѣ пользу первыхъ, не менѣе сердечно желаю я (пишетъ Демидовъ директору Лицея), чтобы воспитывающемуся юношеству вразумлена была необходимость наукъ нравственныхъ и словесныхъ; ибо, ежели первыя раскрываютъ способности ума въ соображеніяхъ по дѣйствіямъ военнымъ, то послѣднія, образуя сердце человѣка, приготавливаютъ его къ точному исполненію всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ законами Божескими и государственными. Назидая такимъ образомъ совѣсть, они дѣлаютъ человѣка полезнымъ себѣ самому и обществу». Въ такихъ убѣжденіяхъ Демидовъ предписывалъ, «дабы воспитывающіеся тѣмъ болѣе приложили стараніе къ изученію нравствен-

¹⁾ Эти молитвы перечислены у Селезнева, стр. 37 и 38.

ныхъ и словесныхъ наукъ». Нѣсколько спустя, метода преподаванія нравственныхъ и политическихъ наукъ подвергнута особому обсужденію.

Въ 1829 году, главный директоръ, избравъ изъ составленнаго въ главномъ комитетѣ объ образованіи кадетскихъ корпусовъ наставленія для воспитателей, самыя нужнѣйшія статьи и нѣсколько примѣнивъ оныя къ настоящему предмету (дѣлу воспитанія въ Лицеѣ), «напечатавъ ихъ подъ названіемъ «инструкція воспитателей» и препроводилъ оную въ Лицей «къ непремѣнному гг. гувернерамъ по оной исполненію». Всѣ приказы главнаго директора, согласно данному отъ него распоряженію, непремѣнно должны были читаться воспитанникамъ «каждо-недѣльно, не менѣе одного раза». Въ отношеніи его по сему предмету къ директору Лицея читаемъ: «Поставляя себѣ первую и непремѣнною обязанностію непрестанно обращать бдительнѣйшее вниманіе на нравственное поведеніе воспитывающихся и желая искренно видѣть ихъ впослѣдствіи благополучными, я имѣлъ честь въ нѣсколькихъ отношеніяхъ моихъ и приказахъ излагать чувства мои, наставленія и желанія для воспитывающихся по сему предмету, то я покорнѣйше прошу ваше превосходительство таковыя дѣлать имъ извѣстными. Желательно мнѣ, чтобы сіи отношенія и приказы мои были переписаны въ особыхъ тетрадкахъ и розданы по отдѣленіямъ Лицея и пансіона для всегдашняго чтенія въ назиданіе воспитанникамъ».

Чтеніе оныхъ среди воспитанниковъ производилось гувернерами, «которые (сказано въ отношеніи) должны читать сіи наставленія воспитанникамъ внятно».

14-го ноября 1826 года Энгельгардтъ писалъ Вольховскому: «На сихъ дняхъ я былъ занятъ лицейской работой; новый главный директоръ корпусовъ генералъ Демидовъ желалъ имѣть списокъ всѣмъ выпущеннымъ по сіе время изъ Лицея воспитанникамъ—я послалъ ему таковой съ обозначеніемъ, гдѣ кто служить и чѣмъ кто

отличенъ или отличился. Его превосходительство нашель очень страннымъ и любопытнымъ, что всѣ сѣи свѣдѣнія собраны и имѣются у меня, особливо теперь, когда я отставленъ отъ службы и отъ должности. Его превосходительство не понимаетъ, что я все это зналъ и знаю не по должности и не по службѣ, а по сердцу, котораго имѣть нигдѣ по штату не положено.

Селезневъ въ своемъ «Очеркѣ исторіи Лицея» не счелъ нужнымъ произнести оцѣнку этихъ распоряженій генераль-адъютанта Демидова. Мы также воздержимся отъ этого: распоряженія его сами говорятъ за себя.

Объ одномъ только изъ этихъ распоряженій, о воспрещеніи ученикамъ чтенія Библии, приведемъ отзывъ архіепископа Филарета (впослѣдствіи знаменитаго митрополита московскаго).

Сегодня вновь и достовѣрнѣе получилъ извѣстіе, что г. Демидовъ предписалъ директорамъ подчиненныхъ ему заведеній строго запретить воспитанникамъ чтеніе Библии. Причина та, что два кадета лишились ума. Но достовѣрно извѣстно, что они не были охотники читать Библію, что одинъ лишился ума отъ отчаянія, а другой отъ раздраженнаго честолюбія. Но, вотъ, что не менѣе печально: старшіе законоучители, въ томъ числѣ и пресловутый, уважаемый г. Демидовымъ Кочетовъ, при личномъ отъ г. Демидова объявленіи сего распоряженія не отверзали устъ своихъ для представленія истины. Но прекратимъ рѣчи, за которыя и меня, можетъ быть, лишили бы Библии, если бы на то власть была» ¹⁾.

Въ числѣ лапидарныхъ памятниковъ, украшающихъ стѣны лицейскаго актовaго зала, первое мѣсто занимаетъ мраморная доска съ высѣченною на ней золотыми буквами надписью слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Письмо Филарета къ преосвященному Иннокентію отъ 26 марта 1829 года.

1829 года января 15 дня
Его Императорское Величество
Государь Императоръ Николай I

II

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
Александра Ѳеодоровна
Всемилоствѣйше соизволили
осчастливить первымъ посѣщеніемъ
Императорскій Лицей.

На слѣдующій послѣ этого посѣщенія день Императоръ въ письмѣ къ главному Начальнику Лицея Цесаревичу Константину далъ такой отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Лицеѣ и пансіонѣ ¹⁾).

Насколько я былъ очарованъ цвѣтущимъ и приличнымъ видомъ воспитанниковъ Лицея, равно какъ и содержаніемъ помѣщенія, настолько же былъ мало удовлетворенъ учениками пансіона, которые ниже всякой критики: выправка, наружность, манера отвѣчать,—все это жалости достойно, тогда какъ помѣщеніе до смѣшного роскошно и великолѣпно. Мнѣ кажется, что цѣль этихъ двухъ учрежденій начинаютъ терять изъ виду. Первоначально они были предназначены—первое для подготовленія учениковъ ко второму, а это послѣднее—для приготовленія молодыхъ людей въ гражданскую службу, что весьма существенно и въ чемъ мы терпимъ недостатокъ; съ тѣхъ поръ то, что только было терпимо, сдѣлалось любимой карьерою, и большинство молодежи предпочитаетъ военную службу, что и естественно. Пансіонъ, вмѣсто того, чтобы исключительно готовить воспитанниковъ Лицею, содержитъ ихъ въ шесть разъ больше и сдѣлался жалкимъ дубликатомъ Лицея, имѣя его недостатки и никакихъ достоинствъ.

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. 131, стр. 301.

Далѣе, указывая на недостатокъ помѣщенія въ кадетскихъ корпусахъ, Императоръ высказалъ предположеніе сократить комплектъ пансіона до того размѣра, который онъ долженъ бы имѣть, т. е., до 50 учениковъ, подготовляющихся въ Лицей, оставивъ въ немъ преимущественно тѣхъ, которые избираютъ себѣ по ихъ наклонностямъ гражданское поприще, а остальныхъ или возвратить родителямъ или предоставить имъ перейти въ корпусъ, а въ великолѣпномъ и огромномъ домѣ пансіона размѣстить малолѣтнихъ кадетъ, числомъ около 500. Гольтгоеръ, по словамъ Государя,—превосходный директоръ Лицея; превращеніе, которое онъ съ нимъ сдѣлалъ, удивительно.

Отвѣчая на это письмо, Цесаревичъ не рѣшился высказать свое ¹⁾ мнѣніе, ссылаясь на то, что уже 16 лѣтъ онъ стоялъ вдали отъ военно-учебныхъ заведеній и Лицея; въ послѣднемъ, по его словамъ, онъ былъ только разъ—въ день его открытія,—въ пансіонѣ же ни разу. Предоставляя Императору самому рѣшить этотъ вопросъ, Цесаревичъ ограничился выраженіемъ горячихъ пожеланій, чтобы намъ не довелось со временемъ оплакивать лицейскаго воспитанія, которое мы видимъ въ Пушкинѣ, Кюхельбекерѣ, Гурьевѣ ²⁾ и проч.

«Надѣюсь»—отвѣчалъ на это Государь:—«что, съ Божьей помощью и при прекрасномъ надзорѣ Демидова и Гольтгоера, ученики, подобные выпущеннымъ во вкусѣ Энгельгардта, не будутъ болѣе выходить изъ Лицея; я ничего не слыхалъ и не видалъ ничего такого, что давало бы поводъ это предполагать»³⁾).

¹⁾ Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. 131, стр. 306.

²⁾ Такой же отзывъ великій князь повторилъ въ письмѣ къ Опочинину 16 февраля 1826 года, придавъ Пушкину и Кюхельбекеру эпитетъ „des fameux écrivailleurs“. Рус. Старина, 1873, т. VIII, стр. 394.

³⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. 131, стр. 313.

Вслѣдъ за посѣщеніемъ пансіона Государемъ былъ туда и Демидовъ и нашелъ, «что гувернеры не исполняютъ своей обязанности, чему служить доказательствомъ наружный необразованный видъ воспитанниковъ, ибо почти ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ ни стоять, ни ходить, ни отвѣчать .

Такой дикій и невѣроятный отзывъ генерала Демидова объясняется, по словамъ воспитанника пансіона Харитонова ¹⁾, бывшаго свидѣтелемъ Государева посѣщенія, тѣмъ, что самъ Демидовъ былъ пренесомненъ странностей и суевѣрныхъ предразсудковъ. А послѣ того, какъ Государь, при посѣщеніи Лицейскаго пансіона, остался доволенъ, Демидовъ счелъ, конечно, своею обязанностью найти разные недостатки; но, какъ видно, не нашелъ другихъ, кромѣ относящихся къ наружному виду воспитанниковъ, да и тутъ поусердствовалъ: не мужики же мы были въ самомъ дѣлѣ—замѣчаетъ Харитоновъ. Впрочемъ, наружная часть воспитанія была вообще слабостью Демидова, и на нее онъ обращалъ главное вниманіе.

Послѣдствія этихъ посѣщеній обнаружились весьма скоро. 23 февраля объявлено было Высочайшее повелѣніе состоящій при Императорскомъ Лицеѣ Благородный пансіонъ упразднить; съ тѣмъ вмѣстѣ, Лицей, долженствующій отнынѣ имѣть предметомъ образованіе воспитанниковъ только для статской службы, комплектовать при открывшихся вакансіяхъ отличнѣйшими воспитанниками С.-Петербургскаго университетскаго благороднаго пансіона ²⁾.

Вотъ, что писалъ объ этомъ Энгельгардтъ 25 февраля 1829 года. «О Лицеѣ вообще имѣю честь донести, что Царь, наконецъ, удостоилъ оный своимъ посѣщеніемъ и былъ всѣмъ весьма доволенъ; выходилъ вездѣ; похвалилъ все; разговаривалъ со всѣми воспитанниками и

¹⁾ Изъ воспоминаній А. А. Харитонова. Спб. 1894, стр. 8.

²⁾ Селезневъ, стр. 184.

каждому сказалъ доброе слово. Между прочимъ, два раза замѣтилъ, что напрасно выходятъ въ военную службу изъ заведенія, для гражданской учрежденнаго. Слава Богу, что онъ былъ въ Лицеѣ, и что Лицей ему нравится. Пансіонъ не такъ счастливъ: очень не показался, такъ что, кажется, онъ рушится; уже въ газетахъ опубликовано ¹⁾, чтобы родители, записавшіе дѣтей въ число кандидатовъ, въ теченіе сего полугода изъявили желаніе, въ какое другое учебное заведеніе они желаютъ ихъ отдать. Хотя жаль пансіона, который былъ еще лучше многихъ другихъ, но пусть такъ, лишь бы Лицей устоялъ и процвѣталъ, и, если сдѣлаютъ его совсѣмъ гражданскимъ, то это славное, умное и полезное дѣло.

Въ томъ же 1829 году инспекторъ Лицея Нумерсъ уволенъ былъ отъ службы, а на его мѣсто назначенъ былъ профессоръ Оболенскій. Для Гольтгоера посѣщеніе Лицея Государемъ выразилось тѣмъ, что въ апрѣлѣ 1830 года Высочайше ему пожаловано было единовременное пособіе на уплату долговъ 4.000 рублей.

13 іюня 1829 года произведенъ былъ выпускъ 25 воспитанниковъ V курса. Изъ нихъ поступили въ гражданскую службу 16 и въ военную 9 человѣкъ. Изъ числа воспитанниковъ этого курса было два стихотворца: М. Д. Деларю, рѣчь о которомъ будетъ впереди, и князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, писавшій, впрочемъ, преимущественно по французски. Оба они начали печататься еще въ Лицеѣ.

Вышеуказанными измѣненіями Императоръ Николай вернулъ Лицей къ первоначальному о немъ Постановленію 1810 года, въ силу котораго Лицей предназначался для приготовленія молодыхъ людей къ службѣ гражданской. Всего въ военную службу первые пять выпусковъ изъ общаго числа 127 воспитанниковъ дали 50 лиценстовъ. ²⁾ Что же касается закрытія лицейскаго Благороднаго пан-

¹⁾ См. приложение къ этой главѣ.

сіона, то фактъ этотъ, самъ по себѣ прискорбный, такъ какъ уменьшеніе числа учебныхъ заведеній вообще нежелательно, собственно для Лицея не имѣлъ никакого значенія, ибо онъ комплектовался и до того безъ всякихъ затрудненій, а въ будущемъ могъ комплектоваться питомцами Благороднаго университетскаго пансіона.

За время существованія пансіона изъ него произведено было одиннадцать выпусковъ. Изъ общаго числа 144 окончившихъ курсъ поступило въ гражданскую службу 66 и въ военную 78. На служебномъ поприщѣ изъ питомцевъ этого заведенія наиболѣе замѣтными были генералъ-адъютанты: Безакъ, Галаховъ, графъ Ламбертъ и Фроловъ; статсъ-секретари: Корниловъ, Лаубе и Суковкинъ; сенаторы графъ Голенищевъ-Кутузовъ, баронъ Гревеницъ, Колюбакинъ и Черноглазовъ; ген.-лейтенанты Ганъ, Глуховъ, грое князей Голицыныхъ, Самсоновъ и Чевати; тайные совѣтники Безакъ, Бергъ, баронъ Гревеницъ, Павлищевъ, шуринъ Пушкина, Рашетъ и Фанъ-деръ-Флитъ.

XX.

Мы указали выше, что исторія Благороднаго при Лицеѣ пансіона изложена бывшимъ его питомцемъ княземъ Н. С. Голицынымъ въ его сочиненіи, изданномъ въ Петербургѣ въ 1869 году. Съ тѣхъ поръ явились въ печати дополнительныя о пансіонѣ свѣдѣнія, которыя мы стараемся свести въ настоящей главѣ.

16 января 1823 года поступилъ въ пансіонъ Яковъ Карловичъ Гротъ, черезъ три года переведенный въ Лицей.

Вотъ, что рассказываетъ онъ въ своихъ запискахъ ¹⁾.

• Меня помѣстили въ 1-ый, самый низшій классъ [пансіона], и сосѣдъ мой въ первый же день отрекомендовалъ себя тѣмъ, что присвоилъ себѣ новенькій мой пеналь со всѣмъ, что въ немъ было. Въ тамошнемъ школьномъ быту, какъ я скоро могъ замѣтить, сильно господствовало кулачное право, и фискалить, т. е., жаловаться, было очень опасно. Скромностью и прилежаніемъ я скоро сталъ на хорошемъ счету, и, разъ пріобрѣтя репутацію отличнаго ученика, уже не терялъ ее до самаго выпуска изъ Лицея. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я перешелъ во 2-ой классъ, а, спустя годъ, въ 3-й, въ которомъ пробылъ два года.

¹⁾ Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1895 г., стр. 4—6.

Изъ тогдашнихъ моихъ учителей мнѣ особенно пріятно вспоминать П. Е. Бѣликова, который преподавалъ русскій языкъ и математику, Троицкаго, позднѣе соединившаго въ своихъ рукахъ русскую литературу и латынь, также французовъ: Менюэ и Трико. Директоромъ пансіона въ то время былъ полковникъ Алабовъ, который назначенъ былъ послѣ Гауеншильда, чтобы подтянуть распущенное заведеніе.

Міръ, окружавшій меня въ дѣтствѣ моемъ, былъ чрезвычайно тѣсенъ и однообразенъ. Въ отцѣ я лишился опытнаго руководителя и совѣтника, котораго мать при всѣхъ своихъ достоинствахъ не могла замѣнить. На учителей я въ этомъ возрастѣ не былъ счастливъ, и потому при поступленіи моемъ въ пансіонъ я былъ вообще очень мало развитъ. Я былъ тогда застѣнчивымъ ребенкомъ, очень далекимъ отъ зрѣлости и бойкости большей части нынѣшнихъ мальчиковъ, и эту относительную медленность моего развитія приписываю я главнымъ образомъ тому, что до того находился въ женскихъ рукахъ. Зналъ я тогда еще очень мало, хотя и учили меня арифметикѣ, географіи и даже математической; домашній учитель мой читалъ такія высокопарныя лекціи, что я въ его классѣ частехонько засыпалъ. Только въ языкахъ положено было хорошее основаніе моимъ знаніямъ, чему я отчасти обязанъ былъ, кромѣ матери, старушкѣ теткѣ (сестрѣ ея)¹⁾, которая нѣжно любила насъ и учила меня французскому языку. У нея было множество толстыхъ лексиконовъ, и я, забравшись въ ея комнату, находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы рыться въ этихъ фоліантахъ, отыскивая слова и проводя такимъ образомъ цѣлые часы.

Когда въ пансіонѣ я сталъ учиться латинскому языку, учитель Троицкій однимъ случайнымъ средствомъ чрезвычайно способствовалъ моимъ успѣхамъ въ этомъ но-

¹⁾ Елисаветъ Ивановнѣ Цизмеръ, содержательницѣ пансіона въ Петербургѣ.

вомъ предметѣ. На праздники, передъ отъѣздомъ воспитанниковъ въ Петербургъ, онъ задалъ всему классу прискаты изъ лексиконѣ по триста неизвѣстныхъ словъ, выписать ихъ и выучить наизусть. При возобновленіи уроковъ оказалось, что одинъ я буквально исполнилъ эту задачу. Я купилъ себѣ лексиконъ Кронеберга и на длинномъ, склеенномъ въ видѣ ленты лоскуткѣ бумаги выписалъ изъ словаря три сотни словъ; при спрашиваніи этого урока я просто отличился. Какъ учитель ни вертѣлъ бумагу, русское ли слово называлъ или латинское, я ни разу не ошибся къ великому его удовольствію и къ удивленію товарищей, которые всѣ выполнили задачу кое-какъ. Съ тѣхъ поръ я прослылъ между ними большимъ латинистомъ. Вмѣстѣ съ лексиконѣ Кронеберга, купилъ я себѣ басни Крылова и географію Пѣтунина, которыя послѣ были для меня обильнымъ источникомъ наслажденій.

Лицейскій пансіонъ служилъ тогда единственнымъ разсадникомъ для Лицея. Туда переходили черезъ каждые три года 25 лучшихъ пансіонеровъ извѣстнаго возраста. На этомъ основаніи я и поступилъ 26 августа 1826 года въ Лицей.

Въ 1824 году поступилъ въ пансіонъ Алексѣй Александровичъ Харитоновъ, впоследствии также перешедшій въ Лицей.

Онъ повѣствуетъ слѣдующее:

«1 августа 1824 года матушка отвезла меня въ г. Софію (Царское Село) и сдала на руки подполковнику Алабову, директору Лицейскаго пансіона.

Мнѣ было тогда 8½ лѣтъ, и такимъ-то ребенкомъ я покинулъ навсегда родительскій домъ.

Въ пансіонѣ я пробылъ 5 лѣтъ и за все это время не пользовался отпусками, по неимѣнію ни родныхъ, ни знакомыхъ, а всѣ праздники и каникулы проводилъ въ стѣнахъ казеннаго зданія, которое мы называли «шкатулкою»... Общимъ для насъ, воспитанниковъ, развлеченіемъ были товарищескія игры въ лапту, бары и зимой

въ снѣжки, да еще прогулки лѣтомъ съ гувернеромъ въ Павловскѣ или въ Баболово и въ большой Царскосельскій садъ купаться. Обращеніе съ воспитанниками въ пансіонѣ было, хотя и не столь сурово, какъ въ кадетскихъ корпусахъ, однакожъ практиковались разныя мѣры взысканія: оставленіе безъ чаю, безъ обѣда или безъ ужина, постановка на колѣни въ продолженіе двухъ и грехъ часовъ во время класса или рекреаціи и даже розги. Я самъ за совершенно дѣтскія шалости подвергся три раза послѣднему наказанію...

Въ 1826 году пріѣзжала матушка въ Петербургъ и застала меня въ больницѣ, гдѣ я пробылъ три мѣсяца, медленно поправляясь послѣ страшной болѣзни—водянки въ головѣ, отъ которой рѣдко кто выздоравливаетъ...

Послѣ опасной болѣзни, которую такъ счастливо перенесъ, я уже во все остальное время пребыванія моего въ пансіонѣ и Лицеѣ, въ продолженіе 9 лѣтъ, постоянно былъ здоровъ и только одинъ разъ поступилъ въ лазаретъ, когда открылась у меня корь, уже въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ.

Въ 1827 году (значитъ, когда мнѣ было 11 лѣтъ) я поступилъ въ число пѣвчихъ пансіонскаго хора и былъ солистомъ, какъ *soprano primo*.

Въ хорѣ лицейскаго пансіона было много хорошихъ голосовъ. Особенно отличались Константинъ Булгаковъ, извѣстный повѣса, служившій потомъ въ л.-гв. Московскомъ полку (о Булгаковѣ рѣчь будетъ ниже), Н. И. Лаубе ¹⁾, И. Н. Андреевъ (теноръ), Варламъ ²⁾ и Брянчанinovъ (басы).

¹⁾ Кончилъ курсъ въ пансіонѣ въ 1827 году, умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника и статсъ-секретаря.

²⁾ Константинъ Константиновичъ Варламъ, сынъ валашскаго боярина, шуринъ петербургскаго почтъ-директора К. Я. Булгакова, уволенный изъ пансіона за его закрытіемъ, поступилъ въ военную службу, былъ адъютантомъ Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова и убитъ въ Тирасполѣ Н. В. Сушковымъ. См. Вигель. Записки, VII, стр., 188.

Мы не только пѣли простую обѣдню, но исполняли также самые трудные концерты Бортнянскаго, какъ на примѣръ, «Тебѣ Бога хвалимъ», «Слава въ вышнихъ Богу» и проч. Пѣли мы у себя въ пансіонской церкви, а иногда, особенно въ великомъ посту, вмѣстѣ съ лиценстами, приходили пѣть въ большую дворцовую церковь, въ которой тогда была служба круглый годъ. Тріо «Да исправится молитва моя» я пѣлъ съ Бекманомъ и Комовскимъ ¹⁾. Мы же трое приглашены были въ лицейскій хоръ (въ которомъ, по возрасту, не доставало дискантовъ и альтовъ) для исполненія прощальной пѣсни на выпускъ лиценстовъ V-го курса въ 1829 году.

Памятно мнѣ въ томъ же 1829 году роковое для пансіона посѣщеніе Государя 15 января. Вслѣдъ за симъ прибылъ къ намъ въ пансіонъ главный директоръ паже-скаго и кадетскаго корпусовъ Демидовъ, о чемъ говорилось уже выше.

Въ февралѣ 1829 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи пансіона; въ іюнѣ оно было приведено въ исполненіе, и въ стѣнахъ опустѣвшаго зданія (шкатулки) остались только 25 воспитанниковъ, которые предназначены были къ переводу въ Лицей. Въ ихъ числѣ былъ и я, имѣя отъ роду 13 лѣтъ. Послѣ упраздненія пансіона порядокъ поступленія въ Лицей измѣнился, комплектъ увеличенъ былъ на 50 своекоштныхъ воспитанниковъ и, вмѣсто двухъ курсовъ, образовано четыре класса, по полтора года въ каждомъ.

Вотъ почему нашъ курсъ, по счету VII-й, считается послѣднимъ курсомъ стараго или первобытнаго Царско-сельскаго Лицея.

Кромѣ насъ, 25-ти. перешедшихъ въ Лицей въ 1829 году, и 12 окончившихъ курсъ ученія въ томъ же году въ Лицейскомъ пансіонѣ, остальнымъ воспитанникамъ его

¹⁾ Оба перешли изъ пансіона въ Лицей.

предоставлено было, по желанію, поступать въ разныя учебныя заведенія» ¹⁾).

Приведемъ теперь выдержки изъ переписки того времени, любопытныя для характеристики какъ внутренней жизни Благороднаго пансіона, такъ и отношенія тогдашняго общества къ этому учрежденію. Переписка эта велась между родными братьями и, очевидно, совершенно откровенно; изъ нея видно, какими соображеніями руководствовались родители, отдавая дѣтей въ пансіонъ, чего ожидали они отъ пребыванія ихъ въ этомъ учрежденіи, чѣмъ они были довольны и что ихъ огорчало, и какъ протекала жизнь питомцевъ пансіона. Она проливаетъ косвенно нѣкоторый свѣтъ и на жизнь Лицея. Костя Булгаковъ, о которомъ въ ней идетъ рѣчь, разумѣется, не представлялъ никакого особеннаго исключенія, и едва ли жизнь лицейскихъ во многомъ отличалась отъ его приключеній. Не смотря на существовавшія различія, въ общемъ оба учебныхъ заведенія были близки другъ къ другу. Для сохраненія, такъ сказать, колорита, приводимъ подлинныя выдержки изъ писемъ.

14 іюня 1821 года уже извѣстный читателямъ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, малолѣтній сынъ котораго, Костя, только что передъ тѣмъ былъ зачисленъ въ пажі, писалъ своему брату Константину Яковлевичу, петербургскому почтъ-директору, слѣдующее ²⁾).

Къ пажескому корпусу по всему, что мнѣ говорили объ немъ, и именно Брокеръ ³⁾), отъ котораго я слышалъ, что не было недѣли, чтобы пажі не попадались на съѣзжія, не былъ я никогда расположенъ ⁴⁾). У насъ у обоихъ была, стало, одна мысль, т. е., Царскосельскій Лицей.

¹⁾ Изъ воспоминаній А. А. Харитонova. Спб. 1894.

²⁾ Русск. Архивъ, 1901 г., № 2, стр. 265—266.

³⁾ Адамъ Ѳомичъ Брокеръ, московскій полицеймейстеръ.

⁴⁾ Ф. Ф. Вигель свидѣтельствуетъ, что въ 1812 году пажескій корпусъ смѣло можно было назвать школою разврата. Записки, V, стр. 156.

Узнавши отъ тебя, что Вася ¹⁾ туда рѣшился отдать братьевъ своихъ, я еще болѣе держаться сталъ этой мысли; твое мнѣніе, будучи то же, меня совершенно въ ней утверждаетъ. Костя преисполненъ и способностей и похвальнаго самолюбія. Онъ захочетъ тѣмъ болѣе отличиться, что будетъ знать, что учится почти подъ глазами своего Государя, коему можетъ имѣть счастье сдѣлаться извѣстнымъ лично и съ хорошей стороны, а впечатлѣніе сіе остается долго и полезнѣе намъ всѣхъ просьбъ, протекцій и старательствъ родныхъ. Лицей—твореніе Государя, и онъ, какъ человѣкъ, не можетъ не жаловать тѣхъ, кои будутъ ему приносить честь. Я не знаю, учать ли въ Лицеѣ музыкѣ и танцованью, а мнѣ это хочется очень; у него же большія способности къ тому и другому. Танцы покидаютъ насъ съ лѣтами, но нѣтъ причины бросать музыку: это отрада большая.

Далѣе въ письмѣ отъ 23 августа 1821 года онъ пишетъ брату: Спасибо тебѣ очень, что дѣло моего Кости улажено, и при семъ случаѣ князь [А. Н. Голицынъ] показалъ свое благорасположеніе къ намъ ²⁾.

А затѣмъ въ письмѣ 31 августа того же года сообщаетъ: «Черезъ директора Лицейскаго пансіона имѣемъ мы новый опытъ князева благорасположенія, а польза вся обратится на Костю. Не повѣришь, какъ онъ милъ въ мундирѣ!» ³⁾.

Наконецъ, въ письмѣ отъ 21 октября того же года онъ пишетъ: «Закревскій мнѣ сказывалъ, что Лицей отходитъ отъ князя [А. Н. Голицына] прочь, что Конов-

¹⁾ Князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ. Три его брата Сергѣй, Александръ и Николай окончили курсъ въ пансіонѣ—первый въ 1824 году, а послѣдніе два въ 1825 году. О князѣ Ѳ. С. Голицынѣ, жившемъ въ Царскомъ Селѣ и принимавшемъ въ своемъ домѣ воспитанниковъ пансіона, см. въ книгѣ князя Н. С. Голицына, стр. 258.

²⁾ Ibid., стр. 275.

³⁾ Рус. Архивъ, 1901, № 2, стр. 276.

ницынъ будетъ или есть уже начальникомъ; это меня не очень радуетъ, а я было такъ былъ покоенъ насчетъ Кости»¹⁾).

Письмо 8 декабря 1821 года.

«Вчера сидѣлъ у меня долго П. И. Озеровъ²⁾, прощался: ѣдетъ на время во Владимиръ, по дѣламъ службы. Долго мы говорили съ нимъ о Лицеѣ. Онъ мнѣ далъ очень хорошее мнѣніе объ этомъ заведеніи. Профессоры хороши; онъ особенно рекомендовалъ мнѣ какого-то Жаксона и Гиппиуса или Нумерса (кажется, такъ). Хорошо ежели бы Костя былъ у нихъ въ пансіонѣ; а тотъ, о коемъ ты мнѣ писалъ, говорятъ, дѣлается придворнымъ человекомъ, и у него дѣти князя Ѳедора Голицына. Не знаю, какъ теперь, а они были большіе повѣсы, и я бы не радъ былъ такому товариществу для Кости»³⁾).

15 декабря 1821 года «Везу сына въ Лицей»⁴⁾.

Письмо 5 мая 1822 года. «Въ Царскомъ я насилу отыскалъ Костю въ саду, былъ съ нимъ у Алабова, коимъ очень былъ обласканъ; но онъ говоритъ, что на вакацію внѣ Петербурга отпускать нельзя. Tant mieux! Костя, какъ розанъ; поплакалъ; оборвался бѣгая, вели ему сшить какіе-нибудь панталончики»⁵⁾).

Самъ маленькій Костя сообщалъ о своемъ житіѣ, между прочимъ, слѣдующее. «У меня—23 августа 1825 г.—былъ очень счастливый день. Поутру послѣ обѣда я пошелъ къ графинѣ Мамоновой; она была не очень здорова, и потому послала меня съ своимъ управляющимъ въ Павловскъ. Мы пошли на то мѣсто, гдѣ Александръ Николаевичъ съ маленькими мальчиками, а именно тутъ были три брата Баранова, двое изъ нихъ у насъ въ пансіонѣ.

¹⁾ Рус. Архивъ, 1901 г., № 2, стр. 289.

²⁾ Сынъ его С. П. Озеровъ былъ лицейскимъ IV курса (1820—1826 г.г.).

³⁾ Рус. Архивъ, 1901, № 2, стр. 301.

⁴⁾ Ibid., стр. 309. Разумѣй пансіонъ.

⁵⁾ Ibid. № 6, стр. 207—208.

потомъ двое Трубецкихъ, одинъ сынъ гувернера маленькаго князя, Фридеричи. Только-что мы пришли туда, увидѣли: Михаилъ Павловичъ тамъ командовалъ, а они представляли артиллерію и везли пушку. Тутъ былъ П. И. Полетика; вотъ, онъ меня и представилъ великому князю Михаилу Павловичу, а тотъ меня заставилъ возить пороховой ящикъ отъ пушки. Потомъ раздѣлились на три партіи и поѣхали на лодкахъ. Михаилъ Павловичъ выбралъ меня къ себѣ на лодку, и мы палили изъ пушекъ, одинъ вѣлботъ въ другой. Меня оба великіе князья очень полюбили, и я думаю, что они пришлютъ за мной въ воскресенье. Великій князь за то меня любилъ, что я не робокъ, а маленькій Александръ Николаевичъ со мной игралъ и очень радъ, что нашелъ такого, который любитъ порѣзвиться... Великій князь меня представилъ Еленѣ Павловнѣ» ¹⁾).

Но Костѣ Булгакову не довелось окончить курсъ въ пансіонѣ. «Меня увѣряли—писалъ 7 марта 1829 г. А. Я. Булгаковъ—что пансіонъ Лицейскій уничтожается. Каково же будетъ тому отцу, который, привезши дѣтей изъ Сибири и отдавши туда, рассчитывалъ, что онъ шесть лѣтъ можетъ объ нихъ забыть, былъ покоенъ на ихъ счетъ; а тутъ вдругъ поѣзжай, возьми ихъ да найди, куда дѣвать? И захочетъ ли Государь безъ всякой причины уничтожить созданіе покойнаго Государя?».

«Участь пансіона Лицейскаго рѣшена—писалъ онъ 8 того же марта,—это заведеніе съ 1-го іюля уничтожается. Что будетъ съ Костею, не знаю. Передаю судьбу его Богу и тебѣ. Говорятъ, заведеніе не имѣло счастья понравиться Государю; но, когда большіе рекруты, даже преступники исправляются, неужели нельзя было то же сдѣлать съ дѣтьми? Все, что могло быть дурного, не отъ дѣтей же, а отъ тѣхъ, кому они были ввѣрены. Это-то и цѣль всякаго учебнаго заведенія: исправлять юношество.

¹⁾ Рус. Архивъ, 1901 г., № 6, стр. 207—208.

Прощай надежда этой молодежи, надежда и спокойствіе ихъ родителей! Не одна мать здѣсь зарыдаеть. Можно было хоть довершить воспитаніе и образовать каріеру тѣхъ, кои тутъ, и постепенно уничтожить заведеніе. Но что мнѣ тутъ умствовать? Видно, все это было нужно. Такой Государь, какъ нашъ, знаетъ, что дѣлаетъ. Дома довершить воспитаніе Костино не имѣю я средствъ, ибо самъ Богъ одинъ знаетъ, какъ живу: быюсь, какъ рыба объ ледъ. Послѣднее бы отдалъ для его счастья, но гдѣ здѣсь заведенія, нужныя для молодежи? Нѣтъ ихъ. Вспомнилъ я милостивыя предложенія великаго князя Михаила Павловича. Но тогда надобно Костю посвятить военной службѣ. Право, не знаю самъ, что дѣлать .

5-го іюня 1829 года Костя Булгаковъ вернулся къ родителямъ въ Москву ²⁾, причемъ, какъ вынужденъ былъ замѣтить его отецъ, онъ весьма малому научился въ хваленomъ Лицейскомъ пансіонѣ ³⁾.

¹⁾ Рус. Архивъ, 1901 г., кн. № 11, стр. 294—5.

²⁾ Ibid., № 11, стр. 320.

³⁾ Ibid, стр. 322.

XXI.

Въ іюлѣ 1826 года изъ приготовительнаго пансіона переведены были въ Лицей и образовали VI курсъ слѣдующіе 25 воспитанниковъ.

Яковъ Гротъ.	Федоръ Анненскій.
Константинъ Гольтгоеръ.	Семень Лихонинъ.
Иванъ Дмитревскій.	Доримедонтъ Повало-
Николай Харламовъ.	Швейковскій.
Александръ Вестингаузенъ.	Иванъ Бревернъ.
Павелъ Миллеръ.	Петръ Макаровъ.
Графъ Левъ Соллогубъ.	Константинъ Шторхъ.
Димитрій Брилевичъ.	Платонъ Крузенштернъ.
Павелъ Рейнботъ.	Александръ Штофрегенъ.
Степанъ Стрекаловъ.	Егоръ Гардеръ.
Графъ Адамъ Ожаровскій.	Александръ Филосовъ.
Александръ Волковъ.	Николай Горчаковъ.
Василій Эйхенъ.	Константинъ Пашенко.

Изъ числа этихъ учениковъ, въ бытность ихъ на младшемъ возрастѣ, покинули Лицей слѣдующіе пять: Брилевичъ, Гардеръ, Горчаковъ, графъ Ожаровскій (по Высочайшему повелѣнію въ іюнѣ 1830 года опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ) и графъ Соллогубъ. На мѣсто ихъ приняты были Комовскій (въ іюнѣ 1830 года переведенъ на мѣсто графа Ожаровскаго изъ петербург-

скаго университетскаго пансіона, куда онъ поступилъ изъ упраздненнаго Лицейскаго пансіона), графъ Коновинцынъ, Коцебу, Похвисневъ и Стессель.

Незадолго до выпуска, 14 января 1831 года, находясь въ отпускъ въ Петербургѣ у своей матери, начальницы Патріотическаго института, умеръ Александръ Вестингаузенъ.

Лучшимъ воспитанникомъ VI курса Лицея (1826-1832 г.) былъ Я. К. Гротъ¹⁾. Посвятивъ себя, по окончаніи курса, педагогической и научной дѣятельности, Яковъ Карловичъ въ послѣдствіи много сдѣлалъ для Лицея, какъ профессоръ и какъ собиратель и изслѣдователь лицейской старины. Почтенное его имя всегда помянетъ, съ чувствомъ благодарности, каждый лицеистъ, имѣвшій случай входить съ нимъ въ общеніе. О лицейской жизни того времени лучше Грота никто не можетъ разсказать.

Приводимъ подробное извлеченіе изъ его Записокъ.

Лицей имѣлъ тогда назначеніемъ готовить молодыхъ людей для поступленія какъ въ высшія гражданскія вѣдомства, такъ и въ военную службу. Воспитанники не были обязаны, при самомъ поступленіи, избрать то или другое поприще, и потому всѣ проходили одинъ общій курсъ, соединявшій по возможности науки философскія (humaniora) съ юридическими. Еще въ послѣднее время царствованія Александра I на Лицеѣ отразилась общая перемѣна во внутренней политикѣ: Энгельгардтъ, при которомъ воспитанники, дѣйствительно, пользовались слишкомъ большою свободой, навлекъ на себя неудовольствіе Государя и замѣненъ генераломъ Гольтгоеромъ, который пріобрѣлъ репутацію начальника, умѣвшаго поддерживать строгую дисциплину. Дѣйствительно, онъ завелъ въ Лицеѣ порядокъ, и нарушенія не проходили безнаказанно. Онъ былъ добрый, хотя и неученый, нѣмецъ, впрочемъ, знавшій порядочно математику и потому ставившій ее

¹⁾ Умеръ 24 мая 1893 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности вице-президента Академіи Наукъ.

выше всѣхъ наукъ. Содержали насъ не дурно, если взять въ расчетъ, что на каждого воспитанника отпускалось въ сутки не болѣе 10 коп.

Изъ стѣнъ Лицея къ роднымъ и знакомымъ отпускали насъ по праздникамъ только на день, и мы не могли отлучаться никуда за предѣлы Царскаго Села и Павловска. Тотъ же порядокъ соблюдался даже и во время вакацій. Это въ сильной степени развивало между тогдашними лиценстами духъ товарищества и было благопріятно для занятій. Но слишкомъ большое разнообразіе предметовъ, которые намъ преподавались, и какое-то смѣшеніе гимназическаго курса съ университетскимъ вредили основательности ученія: въ составъ нашего курса входили историческія и политическія науки, и право, и высшая математика съ физикой. Изъ древнихъ языковъ насъ учили только латинскому, изъ новыхъ иностранныхъ— французскому и нѣмецкому.

Недостатокъ основательнаго обученія вознаграждали мы въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ: конечно, многіе ограничивались одними романами, но другіе читали также историческія сочиненія, классическихъ писателей и поэтовъ. Не надо забывать, что мы поступили въ Лицей только черезъ 9 лѣтъ послѣ выпуска Пушкина и Дельвига: преданіе о нихъ и ихъ товарищахъ было такъ еще свѣжо и не могло не имѣть большого вліянія на все наше умственное развитіе: любовь къ поэзій и попытки въ стихотворствѣ сдѣлались между нами тѣмъ болѣе общими, что первый нашъ профессоръ по русской литературѣ—Кошанскій—поощрялъ это направленіе. Между профессорами было нѣсколько очень хорошихъ: Кошанскій—по русской и римской литературѣ, Тилло—по французской, Шульгинъ—по географіи и статистикѣ, Врангель по правамъ и политической экономіи, Архангельскій—по математикѣ. Послѣдній, къ сожалѣнію, скоро умеръ. Кошанскій училъ насъ года два, Тилло года четыре ¹⁾. Преем-

¹⁾ Тилло умеръ 28 сентября 1830 г.

ники ихъ Георгіевскій, Карцовъ и Жилле были совсѣмъ не то, но между тѣмъ первые уже успѣли возбудить въ нѣкоторыхъ изъ насъ любовь къ литературѣ и самостоятельному труду. По крайней мѣрѣ я въ этомъ отношеніи считаю себя много обязаннымъ Кошанскому и Тилло.

Способъ преподаванія Кошанскаго и собственное приго-
момъ одушевленіе не могли не возбуждать въ молодыхъ людяхъ любви къ поэзіи и литературѣ вообще. На первыхъ порахъ онъ познакомилъ насъ съ сельскими стихотвореніями Жуковского, съ Пушкинымъ, съ содержаніемъ поэмъ Гомера, съ Корнелиемъ Непотомъ и съ Федромъ. Не знаю только, хорошо ли, что онъ задавалъ намъ сочиненія не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и поданные ему труды разбиралъ съ эстетической точки зрѣнія передъ цѣлымъ классомъ. Разъ онъ прислалъ намъ изъ Петербурга свой отзывъ на взятые у насъ тетради, и какъ сильно подѣйствовала на насъ эта записка, въ которой, между прочимъ, была фраза: «Кто молодъ и чувствителенъ, тому стыдно не быть поэтомъ!». Мы всѣ и тянулись за Пушкинымъ, и хотъ ни одинъ изъ насъ даже не приблизился къ нему, но мы рано выработали себѣ правильный языкъ и еще на школьной скамьѣ дѣлались литераторами. Въ числѣ лицейскихъ поэтовъ былъ и я; впрочемъ, я выбралъ на свою долю скромное поприще баснописца и выступалъ на немъ довольно рѣдко. Уроками Кошанскаго мы пользовались не долго ¹⁾, и я горько сожалѣлъ о томъ, кто называлъ меня «золотымъ воспитанникомъ».

Тилло въ объясненіяхъ законовъ французской рѣчи требовалъ отъ насъ строгой отчетливости, а чтеніемъ писателей вѣка Людовика XIV и исторіей тогдашней литературы сильно развилъ въ насъ интересъ къ этой блестящей эпохѣ. Благодаря ему, узналъ я теорію французскаго языка въ совершенствѣ и рано прочиталъ большую

¹⁾ Кошанскій уволенъ былъ изъ Лицея 15 марта 1828 г. Селезневъ, стр. 101.

часть французскихъ классиковъ. Онъ самъ по моимъ порученіямъ покупалъ мнѣ въ Петербургѣ книги, на которыя я истрачивалъ всѣ свои маленькія средства.

Изъ наукъ я первое время съ особеннымъ увлеченіемъ занимался географіей и математикой, въ которой, по отзыву уважаемаго профессора Архангельскаго, имѣлъ «весьма основательныя познанія». Любовь къ географіи умѣлъ возбудить во мнѣ своимъ оживленнымъ преподаваніемъ извѣстный профессоръ И. П. Шульгинъ; карты, которыя заставлялъ онъ насъ рисовать, занимали меня самымъ пріятнымъ образомъ. Исторію любилъ я также, но, къ сожалѣнію, преподаваніе ея мало соотвѣтствовало условіямъ пріобрѣтенія въ ней обширныхъ свѣдѣній.

На нравственное и религіозное мое развитіе, которому хорошее основаніе положено было въ родительскомъ домѣ, дѣйствовалъ много пасторъ Авенариусъ, частью своимъ преподаваніемъ, частью церковными проповѣдями, иногда очень удачными по исполненію и всегда прекрасными по духу. Изъ гувернеровъ самый почтенный былъ Чириковъ, лицейскій ветеранъ, поступившій еще при первомъ выпускѣ. Онъ училъ рисованію, которому я съ дѣтства предавался страстно, самоучкою. Чириковъ высоко цѣнилъ мои успѣхи въ этомъ искусствѣ; но скоро умственные занятія совершенно отвлекли меня отъ него. По роду своихъ способностей и впечатлительности я пристрастился къ литературѣ, много читалъ, сочинялъ стихи, особенно юмористическіе, издавалъ рукописные журналы, которые самъ переписывалъ. Не будучи особенно прилеженъ и даже подтрунивая надъ болѣе усидчивыми изъ товарищей, я успѣлъ однакожь и въ Лицеѣ удержать пальму первенства по всѣмъ предметамъ; всего же болѣе отличался я въ языкахъ.

Подъ руководствомъ этихъ и другихъ наставниковъ духовное развитіе мое приняло совершенно созерцательное направленіе, къ чему много способствовала затворническая жизнь Лицея посреди живописной мѣстности, украшенной

еще болѣе историческими воспоминаніями, а, съ другой стороны, посреди самыхъ преданій заведенія, пріобрѣтавшихъ особенный блескъ отъ поэтической славы Пушкина и извѣстности многихъ другихъ лицъ, которыя тамъ же получили свое образованіе въ первыя времена Лицея. Къ этому надобно прибавить, что, такъ какъ мы во всѣ 6 лѣтъ узаконеннаго лицейскаго курса не смѣли выѣзжать изъ предѣловъ Царскаго Села, то самый Петербургъ былъ для насъ какимъ-то отдаленнымъ и чуждымъ міромъ, куда мы могли переноситься только воображеніемъ, и ничто не выводило меня изъ моей чистой созерцательной жизни.

Міръ дѣйствительности ограничивался для меня стѣнами Лицея, окружавшими его садами и домомъ матери, которая, отдавъ сына своего въ Благородный пансіонъ, сама переселилась въ Царское Село. Я жилъ въ своихъ урокахъ и книгахъ, впрочемъ, любилъ и порѣзвиться съ товарищами. Всѣ они считали дни, оставшіеся до выпуска, думали о будущей своей карьерѣ, о чинѣ, который каждаго ожидалъ; но меня это вовсе не занимало; я безопасно предавался своей склонности къ ученію, не думая о будущемъ, но, впрочемъ, и не отличаясь особеннымъ усердіемъ въ приготовленіи уроковъ. Я больше любилъ чтеніе, имѣвшее какую-нибудь связь съ преподаваніемъ.

Лицейское шестилѣтіе раздѣлялось тогда на 2 курса, изъ которыхъ каждый обнималъ три года. Всѣ воспитанники, независимо отъ неравенства успѣховъ, вмѣстѣ переходили изъ младшаго курса въ старшій. Отношеніе между обоими курсами (такъ назывались оба класса) было чисто патріархальное. Младшіе съ уваженіемъ, иногда даже съ подобострастіемъ смотрѣли на старшихъ, во всемъ брали съ нихъ примѣръ и готовы были слушаться ихъ даже болѣе своихъ наставниковъ. И у меня было между старшими нѣсколько друзей, изъ которыхъ одинъ казался мнѣ настоящимъ идеаломъ совершенства. Въ привязанностяхъ моихъ была съ самаго дѣтства какая-то мечта-

тельная восторженность, придававшая имъ нерѣдко характеръ неограниченной приверженности. Таковы были и мои отношенія къ князю Мещерскому. Онъ былъ также поэтъ, имѣлъ большую начитанность и вписывалъ въ особыя тетради извлеченія изъ книгъ, особенно ему нравившихся: я сталъ дѣлать то же, переписавъ сперва почти все изъ его готовыхъ тетрадей.

Уже въ младшемъ курсѣ я постоянно велъ подробныя записки на лекціяхъ русской географіи, читанныхъ профессоромъ Шульгинымъ. Въ старшемъ курсѣ я продолжалъ составлять такія записки по статистикѣ и нравственной философіи. Такъ какъ я ихъ тщательно обрабатывалъ и переписывалъ въ неклассное время, то онѣ много способствовали къ облегченію мнѣ искусства владѣть русской прозой. Это напоминаетъ мнѣ одно обстоятельство еще во время моей пансіонской жизни.

На 12-мъ году сталъ я переписывать тетрадь, заключающую въ себѣ географію Россіи. Я до сихъ поръ очень хорошо помню, какъ меня поражала въ ней нѣкоторая неловкость слога и какъ я, переписывая ее, безпрестанно поправлялъ въ ней выраженія, укорачивалъ или упрощалъ фразы и иногда исключалъ «сей» и «оный», которыхъ и въ дружеской перепискѣ терпѣть не могъ.

Ту же пользу, какъ записки, имѣли для меня литературныя журналы, которые я началъ издавать въ старшемъ курсѣ; кромѣ моихъ собственныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ, въ нихъ помѣщались труды моихъ товарищей. Эти журналы, подъ заглавіемъ: Лицейскій Вѣстникъ и Муравей, не имѣли, впрочемъ, никакого дѣльнаго направленія и были только тѣмъ хороши, что доставляли намъ упражненіе въ изложеніи мыслей и могли служить путемъ къ раскрытію рода и степени нашихъ способностей. Этимъ не ограничивались мои литературныя опыты: я написалъ русскими стихами траги-комедію Медасъ, въ представленіи которой самъ участвовалъ, вмѣстѣ съ товарищами, въ костюмахъ, нами же изготовленныхъ.

Это былъ не первый дебютъ мой въ искусствѣ актера: въ младшемъ курсѣ на первомъ году сыграли мы однажды передъ приглашенной публикой Расинову трагедію *Esther* (на французскомъ языкѣ), въ которой я исполнилъ роль главной героини; а въ другой разъ игралъ я въ Расиновой же комедіи: *Les Plaideurs*.

Между новыми для меня науками, которыми я занимался съ особенною охотою въ старшемъ курсѣ, была физика. Въ этотъ же періодъ ученія полюбилъ я нѣмецкую литературу и читалъ съ особеннымъ наслажденіемъ драматическія произведенія Шиллера и Гете; французская классическая литература стояла для меня уже на второмъ планѣ. Толки о классицизмѣ и романтизмѣ, о субъективной и объективной поэзіи находили отголосокъ и въ нашихъ залахъ. Правда, я не доходилъ до односторонности, которая рѣшительно отвергаетъ достоинство въ произведеніяхъ писателей вѣка Людовика XIV, но мои досуги уже принадлежали предпочтительно Шатобріану, Бюффону, Бернардену, Вальтеръ-Скотту и первымъ представителямъ германской литературы, почему и лекціи нѣмецкаго профессора Оливы пріобрѣли для меня особенную занимательность.

Въ первые годы моего пребыванія въ Лицеѣ я, хотя по религіи и протестантъ, по духу и языку былъ болѣе русскій, нежели нѣмецъ; въ старшемъ курсѣ я, не переставая признавать Россію своимъ отечествомъ, научился однакожъ цѣнить свое германское происхожденіе въ отношеніи къ языку и наукѣ. Но, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, живо уже сочувствовалъ современной русской литературѣ. Не говоря о лучшихъ произведеніяхъ, которыя тогда въ ней появились и которыя мы съ жадностью читали немедленно по выходѣ ихъ, какъ, напри- мѣръ, позднѣйшія главы Евгенія Онѣгина, Полтаву,—мы слѣдили и за періодическою литературою: прилежно читали Сѣверную Пчелу, Телеграфъ, Сынъ Отечества, Телескопъ и, кажется, Московскій Вѣстникъ. Особенно

интересовала насъ Литературная Газета предка нашего по Лицею, барона Дельвига, съ которымъ я былъ лично знакомъ; послѣдовавшая вскорѣ неожиданная кончина его произвела на меня сильное впечатлѣніе. Въ его газетѣ въ первый разъ напечатаны были написанныя мною строки: профессоръ Тилло, желая обличить петербургскаго учителя Ферри де Пиньи, который подъ своимъ именемъ издалъ записки его о французской литературѣ, написалъ объ этомъ статью и просилъ меня перевести ее на русскій языкъ,—этотъ-то переводъ мой и былъ помѣщенъ въ Литературной Газетѣ ¹⁾; кажется, въ этой же газетѣ читалъ я съ большимъ сочувствіемъ статью Плетнева о смерти Дельвига. Имя Плетнева было также мнѣ извѣстно изъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, которые мы постоянно читали, какъ и всѣ выходившіе въ то время альманахи. Трудно описать свѣжесть и пріятность впечатлѣній, которыя доставляла мнѣ всякая литературная новость, отвѣчавшая потребности молодой души въ эстетическихъ наслажденіяхъ.

Жадность къ расширенію этихъ наслажденій въ области литературы, а, можетъ быть, и неясная мечта о будущихъ путешествіяхъ, возбудила во мнѣ желаніе узнать еще нѣкоторые изъ европейскихъ языковъ, и я началъ съ итальянскаго. Безъ всякаго живого руководителя я изучалъ этотъ языкъ по однѣмъ книгамъ, но черезъ два или три мѣсяца могъ уже говорить и писать на немъ, какъ оказалось при случайномъ знакомствѣ съ однимъ жившимъ въ Царскомъ Селѣ итальянцемъ. Я читалъ Тасса, Метастазіо, Боккачіо, Манзони и особенно трагедіи Альфіери, о которыхъ къ публичному экзамену написалъ на нѣмецкомъ языкѣ длинное разсужденіе. При изученіи итальянской грамматики мнѣ показалось, что теорія глаголовъ нигдѣ не изложена удовлетворительно, а потому

¹⁾ Замѣтка профессора Тилло о «курсѣ французской литературы Ферри де Пиньи». Литерат. Газета барона Дельвига, 1830 г., № 29, критика, стр. 283.

я тогда написалъ на итальянскомъ языкѣ особенное сочиненіе объ этомъ предметѣ, которое до сихъ поръ у меня цѣло. Оно посвящено одному изъ товарищей моихъ (курляндцу Бреверну), который также занимался этимъ языкомъ. Не одинъ онъ увлекался моимъ предметомъ: было три или четыре воспитанника, которымъ я давалъ уроки въ итальянскомъ языкѣ; однакожъ ихъ охота скоро прошла, и ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ замѣтныхъ успѣховъ. Была ли то вина учителя, или учениковъ—не знаю. Но я еще и послѣ Лицея усердно продолжалъ свое знакомство съ итальянской литературою и даже подбилъ къ тому же брата своего ¹⁾, который оставался послѣ меня въ Лицеѣ и далъ уговорить себя переписываться со мной по итальянски. Изъ біографіи дѣда моего узналъ я послѣ, что и онъ въ молодости своей, по собственной охотѣ, выучился итальянскому языку.

Я вышелъ изъ Лицея на 20-мъ году, въ іюнѣ 1832 г. Изъ Лицея вынесъ я общую привязанность къ заведенію, къ тамошней жизни, ко всѣмъ наставникамъ, а особливо къ тѣмъ, которые отличались чѣмъ-либо пріятно—оригинальнымъ или, какъ ветераны Лицея, служили проводниками его преданій. Хочу воспользоваться случаемъ, чтобъ уяснить себѣ и другимъ, чѣмъ могъ бы я быть по элементамъ, полученнымъ отъ природы, и чѣмъ сдѣлался по вліянію воспитанія и обстоятельствъ. Я уже сказалъ, что до вступленія въ пансіонъ я имѣлъ очень мало знаній; при всемъ томъ хорошимъ началомъ въ языкахъ (въ грамматикѣ) положено было твердое основаніе будущимъ успѣхамъ въ наукахъ. И въ годы моего пребыванія въ пансіонѣ ученіе мое шло, какъ нельзя лучше: при переходѣ въ Лицей я для 13-тилѣтняго возраста зналъ уже довольно изъ исторіи и географіи, изъ геометріи и алгебры, изъ латинскаго языка, и особенно могъ хорошо выражаться не только словесно, но и письменно на трехъ

¹⁾ Константина Карловича, воспитанника VII курса.

живыхъ языкахъ. Чего не могли бы сдѣлать изъ меня въ Лицеѣ съ такими началами при моей любознательности и стремленіи впередъ! Но надобно отдать справедливость тамошнимъ моимъ наставникамъ: всѣ они, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень плохо понимали и цѣль свою и средства, которыя надобно было употреблять при обученіи. Правда, впрочемъ, что и неравенство воспитанниковъ составляло немалое къ тому затрудненіе.

Вмѣсто того, чтобы развивать въ насъ охоту распространять чтеніемъ свѣдѣнія по предметамъ преподаванія, они строго держались своихъ краткихъ учебниковъ, большею частью очень плохихъ, какова была особенно Исторія Кайданова. Чтеніемъ же нашимъ никто не руководилъ, кромѣ воспитанниковъ старшаго курса, которые также были слишкомъ предоставлены самимъ себѣ. Мы читали произведенія изящной словесности, но связи между преподаваніемъ и чтеніемъ не искали или, по крайней мѣрѣ, не довольно о ней заботились. Кошанскаго скоро смѣнилъ Георгіевскій, человѣкъ очень хорошій, но преподаватель бездарный, и успѣхи мои въ латинскомъ языкѣ тогда же почти остановились на все продолженіе лицейскаго курса.

Самое назначеніе Лицея благопріятствовало поверхностно-энциклопедическому ученію. Въ воспитанникахъ господствовало всегда предубѣжденіе противъ латинскаго языка, и, къ несчастію—говоря о массѣ—даже противъ прилежанія.

Надъ тѣмъ, кто много сидѣлъ надъ своими занятіями, лѣнивые ученики подтрунивали, а кто хорошо училъ уроки, того называли долбней. Я, не имѣя по живости характера склонности безпрестанно заниматься уроками и еще менѣе слишкомъ буквально держаться тетрадей, не навлекалъ на себя нареканія товарищей. Пользуясь хорошей памятью и понятливостью, я легко схватывалъ уроки, но за то легко и забывалъ ихъ. Еще недоставало мнѣ привычки сосредоточивать вниманіе,

такъ что, если лекція не была особенно интересна, я слушалъ ее невнимательно, да и во время уроковъ легко развлекался другими предметами. Но легкость пониманія и толковость, которой я отличался, а также знаніе языковъ и умѣніе выражаться, вмѣстѣ съ почтительностью къ наставникамъ и совѣстливостью въ поступкахъ, доставили мнѣ у всѣхъ преподавателей самое блестящее мнѣніе.

Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что, замѣтивъ такую выгоду, я сталъ ею пользоваться и часто не училъ уроковъ, по крайней мѣрѣ, сухихъ и скучныхъ. Такъ, И. П. Шульгинъ въ послѣдніе годы совсѣмъ пересталъ меня спрашивать изъ географіи, за то и зналъ я довольно плохо Африку и Австралію. Во время скучныхъ лекцій я читалъ постороннія книги — дѣло очень обыкновенное въ Лицеѣ. Такимъ образомъ, вышелъ я оттуда съ меньшими познаніями, нежели могло бы быть, еслибъ могли дать лучшее и болѣе серьезное направленіе моей любознательности и еслибъ самое преподаваніе по нѣкоторымъ предметамъ сообщало болѣе точныя, ясныя, полныя и основательныя свѣдѣнія.

Не говорю уже о томъ, что моей любви къ рисованію дали совершенно охладѣть и таланту въ этомъ искусствѣ заглухнуть въ ложномъ убѣжденіи, будто это ни къ чему пригодиться не можетъ.

Изъ профессоровъ послѣдняго времени выше всѣхъ по преподаванію стоялъ И. П. Шульгинъ, который питалъ ко мнѣ особенное расположеніе и безъ всякаго съ моей стороны ходатайства, даже безъ моего вѣдома, отрекомендовалъ меня князю Кочубею, предсѣдателю комитета министровъ, вслѣдствіе чего и поступилъ я въ канцелярію этого комитета. Такъ не осуществилась мечта моя по выпускѣ изъ Лицея поступить на дипломатическое поприще, которое нѣкогда проходилъ довольно успѣшно мой дядя Цизмеръ. Съ Шульгинымъ продолжались мои сношенія долгое время послѣ выпуска; я посѣщалъ его на дому и

ходилъ иногда слушать его университетскія лекціи по исторіи (когда университетъ былъ еще въ Семеновскомъ полку).

Поступивъ подъ начальство управляющаго дѣлами комитета министровъ, барона М. А. Корфа, я вскорѣ былъ приближенъ къ нему и получилъ приглашеніе жить у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и, такимъ образомъ, помогать ему въ его служебныхъ занятіяхъ.»

Нѣкоторыя дополненія къ этимъ воспоминаніямъ Я. К. Грота встрѣчаются въ его статьѣ «Царскосельскій Лицей», включенной имъ въ его извѣстный сборникъ:

Пушкинъ, его лицейскіе товарищи, и наставники .

Около 1830 года, когда я воспитывался въ Лицеѣ, лицейскія преданія были еще довольно свѣжи, но какая разница въ духѣ времени и обстоятельствахъ! Правда, что и при тогдашнемъ директорѣ, генералѣ Гольтгоерѣ, человѣкѣ добромъ и честномъ, управленіе Лицея, вообще говоря, было довольно мягкое, но все-таки руководящимъ началомъ этого управленія былъ страхъ, а не любовь. Не видя въ представителяхъ администраціи Лицея высшаго образованія, мы не могли смотрѣть на нихъ съ полнымъ довѣріемъ: мы жалѣли о прошломъ и не совсѣмъ были довольны настоящимъ. Кое-что изъ прежнихъ порядковъ еще сохранялось: такъ, у cadaго воспитанника была своя особая небольшая спальня, но намъ уже не позволялось днемъ заниматься въ этихъ комнатахъ. По старому выписывались еще для насъ газеты и журналы, которые прикрѣплялись къ нарочно устроенной для этого высокой конторкѣ, и мы могли брать изъ лицейской библіотеки книги по собственному выбору, но на нѣкоторыхъ авторовъ было наложено безусловное запрещеніе. Такъ какъ однакожъ надзоръ былъ почти исключительно внѣшній, то намъ было очень легко обходить это запрещеніе: мы не только читали Вольтера, но и дѣлали изъ него выписки, означая ихъ какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ. Изданіе рукописныхъ литератур-

ныхъ журналовъ считалось также запрещеннымъ, но это не мѣшало намъ, подражая предшествовавшимъ курсамъ, составлять тайкомъ подобные сборники, гдѣ иногда являлись сатирическіе стихи и статьи, на примѣръ, рассказы о лицейскихъ событіяхъ языкомъ Нестора, въ духѣ и тонѣ древней лѣтописи. Послѣдній родъ авторства достигъ особеннаго развитія у нашихъ старшихъ, такъ что одинъ изъ воспитанниковъ этого курса ¹⁾ мало-по-малу написалъ обширное повѣствованіе этого рода на столбцахъ, которые, наконецъ, однакожъ попали въ руки тогдашняго инспектора, профессора Оболенскаго, и исчезли, что, какъ говорили, отразилось даже на чинѣ, съ которымъ авторъ былъ выпущенъ изъ Лицея. Надобно отдать справедливость тогдашнему начальству въ томъ, что внѣшняя сторона управленія была вполнѣ удовлетворительна: насъ хорошо кормили, чисто одѣвали и вообще содержали, какъ слѣдуетъ, но въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ многое могло бы быть гораздо лучше при большей способности и образованности начальства.

Въ каждомъ изъ двухъ курсовъ было въ наше время по 25-ти человѣкъ. Меньшіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на старшихъ, имѣли высокое понятіе о ихъ учебной и нравственной жизни, которой вблизи не видѣли, потому что доступъ въ старшій курсъ былъ имъ закрытъ, и, считая себя обязанными охранять честь и преданія Лицея, старались быть достойными своихъ предшественниковъ. Оттого товарищескій бытъ этого заведенія былъ выше пансіонскаго и отличался благородствомъ отношеній.

При переходѣ изъ пансіона мы застали въ Лицеѣ еще трехъ профессоровъ и двухъ гувернеровъ, бывшихъ при немъ съ основанія. Это много значило при той непрочности, какою во всемъ ознаменовалось первое время

¹⁾ Покойный Иванъ Романовичъ Ховенъ, усердный хранитель лицейскихъ традицій.

существованія Царскосельскаго Лицея. Въ самомъ дѣлѣ, въ шестилѣтіе перваго курса, однихъ директоровъ было три, не считая промелькнувшихъ въ этой должности профессоровъ, а сколько смѣнилось между тѣмъ гувернеровъ! Имъ не было счета, какъ видно изъ составленнаго г. Селезневымъ списка. Такова уже была судьба Лицея: перемѣны съ самаго начала быстро слѣдовали одна за другою, какъ въ самомъ заведеніи, такъ и въ верховной надъ нимъ администраціи: уже при первомъ курсѣ смѣнилось два министра просвѣщенія, а потомъ по переходѣ Лицея въ военное вѣдомство, до нашего курса, т. е., въ теченіе какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ, онъ прошелъ черезъ руки четырехъ главныхъ начальниковъ: графа П. П. Коновницына, Гогеля, П. В. Кутузова и Н. И. Демидова, назначеннаго уже при насъ. Послѣдовавшія позднѣе перемѣны извѣстны. Нельзя сказать, чтобъ Лицей началъ свое существованіе подъ счастливою звѣздою, развѣ такую считать звѣзду Пушкинской поэзіи.

Изъ старыхъ профессоровъ, дошедшихъ до насъ отъ перваго курса, поговорю только объ одномъ, потому что о немъ есть два совершенно противоположныя между собою свидѣтельства, и надобно, наконецъ, выяснить истину. Это Кошанскій. Въ русской журналистикѣ, съ 1830-хъ годовъ, насмѣшки надъ его риторикой составляли долго одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ нашей критики, которыя въ ней всегда имѣются въ запасѣ, потому что ничего нѣтъ удобнѣе, какъ при случаѣ щегольнуть готовымъ и, повидимому, непогрѣшимымъ приговоромъ. Между тѣмъ объ этомъ учебникѣ говорили большею частию только по наслышкѣ, не зная его и даже не имѣя точнаго понятія о его содержаніи. Обыкновенно воображали, что риторика Кошанскаго занимается только тропами и фигурами. На самомъ же дѣлѣ эти, такъ называемыя, украшенія рѣчи составляютъ только небольшую часть его «Общей риторики», рассматривающей источники, виды и общія правила прозаическихъ сочиненій;

другой его курсъ, «Частная реторика», есть то, что нынче прохордится подъ именемъ теоріи словесности и трактуеть подробно о каждомъ отдѣльномъ родѣ и видѣ прозы. Нѣтъ спору, что съ нынѣшней точки зрѣнія въ каждой изъ этихъ книжекъ можно отыскать много несовременнаго и, пожалуй, страннаго; но при этомъ не должно гурять изъ виду, во-первыхъ, что обѣ онѣ имѣють одно рѣдкое для того времени достоинство — историческую основу, знакомятъ въ правильной системѣ съ исторіею древнихъ и новыхъ литературъ, въ особенности русской, и, во-вторыхъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ только нить или канву, по которой дальнѣйшее развитіе и оживленіе предмета предоставляется знанію и искусству хорошаго преподавателя. Такимъ можно было по справедливости назвать самого Кошанскаго. При первомъ курсѣ онъ не успѣлъ заявить себя, можетъ-быть, вслѣдствіе своей продолжительной болѣзни, а также и оттого, что по разнымъ обстоятельствамъ пришелъ въ столкновеніе съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Такъ надо заключать по отзывамъ графа Корфа, по извѣстному посланію Пушкина «Къ моему аристарху» и по пародіи Дельвига ¹⁾. Но въ послѣдующее время Кошанскій пріобрѣлъ совсѣмъ другое значеніе. Начать съ того, что учебники его еще не были изданы и слово реторика даже не произносилось на его лекціяхъ, хотя въ нихъ и входило многое изъ того, что впослѣдствіи явилось въ названныхъ книжкахъ. Преподавая латинскій языкъ и русскую литературу, онъ занималъ насъ почти только практически и умѣлъ въ высшей степени возбудить наше вниманіе, расшевелить нашу самодѣятельность. Этому достигъ онъ, можетъ быть, именно потому, что былъ наученъ опытомъ и собственными своими ошибками. Прежніе его труды, издан-

¹⁾ Стихотвореніе Дельвига «На смерть кучера Агаѳона» представляетъ очень удачную пародію на стихотвореніе Кошанскаго «На смерть графини Ожаровской».

ные еще въ Москвѣ, по греко-римской археологін и латинскому языку, далѣе особенное сочувствіе, какое ему оказывалъ знаменитый кураторъ М. Н. Муравьевъ, не оставляють никакого сомнѣнія, что Кошанскій былъ вполне подготовленъ къ своей кѣдрѣ въ Лицеѣ.

Желая ознакомить насъ не съ одною латинскою словесностью, но со всѣмъ классическимъ міромъ, онъ рассказывалъ намъ содержаніе Гомеровыхъ поэмъ, объяснялъ мифологію и бытъ древнихъ народовъ, читалъ Иліаду въ тѣхъ отрывкахъ изъ перевода Гнѣдича, которые были уже напечатаны. Мы заслушивались его рассказовъ и чтеній. Русскихъ поэтовъ читалъ онъ съ нами въ собраніи образцовыхъ сочиненій и останавливался особенно на Жуковскомъ, сопровождая чтеніе умнымъ, оживленнымъ комментариемъ. Читать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято, и въ Лицеѣ его мы читали сами, иногда во время классовъ, украдкою. Тѣмъ не менѣе однакожь Кошанскій разъ привезъ намъ на лекцію только что полученную отъ товарищей Пушкина рукопись 19-го октября 1825 года и прочелъ намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавляя къ каждой строфѣ свои поясненія. Только тамъ, гдѣ рѣчь шла о заблужденіяхъ поэта, онъ довольствовался многозначительной мимикой, которая вообще входила въ его приемы. Особенно при стихахъ:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ»,

онъ далъ намъ почувствовать, что и Пушкинъ не во всемъ заслуживаетъ подражанія. Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ профессоръ этимъ чтеніемъ. Послѣ урока мы принялись переписывать драгоцѣнные стихи о родномъ Лицеѣ и тотчасъ выучили ихъ наизусть.

Другую сторону вліянія на насъ Кошанскаго составляли собственныя наши упражненія, къ которымъ онъ насъ постоянно побуждалъ, то задавая не мудренныя, но

умно выбранныя темы, то предоставляя намъ самимъ придумывать ихъ, требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. По временамъ онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ и потомъ читалъ наши опыты вслухъ передъ всѣмъ классомъ. Правило, которому онъ слѣдовалъ при ихъ обсужденіи, самимъ имъ выражено въ его учебникѣ: попытки учащихся, по его словамъ, «не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ прежде, что хорошо и почему, а послѣ показываетъ, что должно быть иначе и какимъ образомъ».

Мы полюбили Кошанскаго, съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій и довѣрчиво показывали ему свои, даже и вѣ-классные, поэтическіе грѣхи. Такъ же точно относились къ нему и наши старшіе, между которыми, двое, подъ его руководствомъ, въ замѣчательной степени успѣли развить свой талантъ: это были князь А. В. Мещерскій и особенно Деларю ¹⁾. Пушкинъ, при насъ посѣтившій Лицей, читалъ ихъ стихотворенія и ободрилъ молодыхъ поэтовъ, посовѣтовавъ однако-жъ первому изъ нихъ не писать французскихъ стиховъ.

Въ доказательство, что не на насъ однихъ и не случайно Кошанскій такъ дѣйствовалъ, приведу отзывъ воспитанника Лицейскаго пансіона, напечатанный въ исторіи этого заведенія. «И Георгіевскій и Троицкій преподавали въ низшихъ классахъ», замѣчаетъ авторъ, «преподавали, вообще говоря, очень хорошо; но всѣхъ ихъ превосходилъ Кошанскій, бывший въ свое время въ Лицеѣ и пансіонѣ едва ли не тѣмъ же, чѣмъ профессоръ Мерзляковъ былъ въ свое же время въ Московскомъ университетѣ. Съ многостороннею классическою образованностью и большою опытностью въ преподаваніи онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое

¹⁾ Стихи обоихъ, написанные отчасти еще во время пребыванія ихъ въ Лицеѣ, можно найти, между прочимъ, въ альманахѣ Царское Село (1830 г.).

настроение и одушевление и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполне можно было назвать эстетическими и поэтическими, исполненными занимательности, завлекательности и изящнаго вкуса. Онъ старался поддерживать и развивать въ слушателяхъ своихъ установившуюся еще со временъ Пушкина и Дельвига любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особенное вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способности и склонность къ нимъ. Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, вполне соотвѣтствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ. Будучи старшимъ изъ профессоровъ Лицея и пансіона, со времени ихъ открытія, онъ былъ однако еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ (въ 1811 году ему было 29 лѣтъ). Два раза онъ былъ назначаемъ исправляющимъ должность директора Лицея, а въ 1828 г. по собственной просьбѣ былъ уволенъ отъ должности профессора въ Лицеѣ и пансіонѣ, и умеръ въ 1831 году въ должности директора института слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ ¹⁾).

Въ такомъ же духѣ отзывается о Кошанскомъ, въ подробномъ извѣстіи о его жизни, г. Селезневъ, основывавшійся въ этомъ случаѣ на показанія бывшихъ лиценстовъ. Изложивъ содержаніе курса Кошанскаго, онъ замѣчаетъ: «Вообще говоря, лекціи его походили на бесѣды. На нихъ профессоръ не скупился на объясненія, сравненія и примѣры, заимствуя ихъ изъ ближайшей среды общественной. Изустное изложеніе это перешло впослѣдствіи въ печать, въ его Реторику. Тамъ сохранились слѣды заботливости профессора сдѣлать предметъ

¹⁾ Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея, Спб. 1869, стр. 183.

занимательнымъ ¹⁾. Въ частныхъ примѣчаніяхъ книги разсѣяно множество сужденій, которыя на кафедрѣ развиваемы были имъ въ полныя лекціи. Занимательности бесѣды много содѣйствовала начитанность профессора. Не станемъ обвинять Кошанскаго въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Курсъ его отсталъ отъ современнаго преподаванія, учебники его перестали быть руководствами, но для этого нужно было пережить болѣе четверти столѣтія и притомъ XIX-го ²⁾.

У насъ Кошанскій собственно не проходилъ никакого систематическаго курса, вѣроятно, потому, что уже собирався покинуть Лицей: скоро онъ, заболѣвъ, пересталъ къ намъ ѣздить, и мы перешли подъ руководство бывшаго его адъюнкта Н. Е. Георгіевскаго, человека почтеннаго, весьма исправнаго, но, къ сожалѣнію, не даровитаго и менѣе ученаго. Тутъ-то мы поняли, что значить личность профессора, и перестали заниматься латынью и уроками русской литературы съ прежнимъ увлеченіемъ. О Кошанскомъ мы горько сожалѣли, и у всѣхъ насъ осталось благодарное о немъ воспоминаніе.

Во время моего пребыванія въ Лицеѣ Пушкинъ два раза посѣтилъ его: въ первый разъ въ 1828 году; тогда я былъ еще въ младшемъ курсѣ и не видѣлъ его, такъ какъ онъ ходилъ только къ старшимъ; второе его посѣ-

¹⁾ Такъ, на стр. 57 «Частной Реторики» разсказанъ случай изъ жизни Императора Александра I: «Государь, прогуливаясь въ Царскомъ Селѣ вокругъ большого пруда, замѣтилъ, что лебеди играютъ, плещутся въ водѣ и копытъ летѣтъ, но не могутъ. Онъ позвалъ садовника и спросилъ: «Что это значить, Ляминъ? Лебеди летать не могутъ?»—Государь! отвѣчалъ садовникъ: у нихъ обрѣзано по одному крылу, чтобы не разлетѣлись... Этого не дѣлать, сказалъ Александръ: когда имъ хорошо, они сами здѣсь жить будутъ; а дурно—пусть летятъ, куда хотятъ!» Послѣ сего большая часть лебедей разлетѣлась въ Павловскъ, въ Гатчину и на въморъ; но къ осени, дѣйствительно, почти всѣ возвратились.

²⁾ Памятная книжка Лицея на 1850—1857 г. С.-Петербургъ, стр. 155.

щеніе было въ 1831 г., когда онъ, женившись, проводилъ дѣто въ Царскомъ Селѣ. Никогда не забуду-восторга, съ какимъ мы его приняли. Какъ всегда водилось, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ «дѣдовъ», мы его окружали всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему Лицею. Обращеніе его съ нами было совершенно, простое, какъ съ старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ спрашивалъ о нашемъ бытѣ, показывалъ намъ свою бывшую комнатку и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ.

Товарищъ Я. К. Грота Пав. Ив. Миллеръ оказался весьма храбрымъ и рѣшился познакомиться съ Пушкинымъ. Онъ рассказываетъ, что, встрѣтивъ въ іюлѣ 1831 г. Пушкина, гулявшаго въ паркѣ, онъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— «Извините, что я Васъ останавливаю, Александръ Сергѣевичъ; но я внукъ Вамъ по Лицею и желаю Вамъ представиться». Пушкинъ предложилъ ему продолжать прогулку вмѣстѣ съ нимъ, подробно спрашивалъ о Лицеѣ, просилъ прислать ему изъ лицейской бібліотеки журналы «Телескопъ» и «Телеграфъ» и въ заключеніе пригласилъ его къ себѣ. Миллеръ воспользовался этимъ приглашеніемъ, раза четыре побывалъ у него на дачѣ. Между нимъ и Пушкинымъ, его «дѣдомъ» или «пращуромъ», началась переписка, и четыре письма Пушкина показываютъ, какъ любовно относился великій поэтъ къ снѣвшему еще на школьной скамьѣ юному лиценсту, обращаясь къ нему чисто по товарищески ¹⁾.

Въ числѣ товарищей Грота былъ Павелъ Антоновичъ Рейнботъ ²⁾. Онъ завелъ небольшой альбомъ, въ которомъ, кромѣ записей нѣкоторыхъ его родственниковъ, находятся записи многихъ его товарищей, относящіяся

¹⁾ Рус. Архивъ, 1902, № 10, стр. 232 слѣд. Ср. письмо Я. К. Грота въ Сборникъ бумагъ Щукина.

²⁾ Умеръ въ 1880 году въ чинѣ статскаго совѣтника.

ко времени ихъ выпуска изъ Лицея ¹⁾). Приводимъ нѣкоторыя изъ написанныхъ стихами:

1.

Скоро, скоро, милый другъ,
Нашъ пробьетъ желанный часъ,
И судьба разрознитъ насъ,
И разсѣется нашъ кругъ!
Что-то, Богъ вѣсть, съ нами будетъ?
Счастье въ свѣтѣ иль бѣда?
Но, клянуся, никогда
Павла Яковъ не забудеть.
Какъ разсѣется нашъ кругъ,
Какъ судьба разрознитъ насъ,
Вспоминай и ты подъ часъ,
Что я былъ твой старый другъ.

И. Грошевъ.

2.

Un souvenir adoucit la souffrance,
Un souvenir ranime nos regrets,
Il nous transporte aux jours de l'espérance
Et quand tout fuit, il nous reste à jamais.

Lichonin.

3.

Еще семь мѣсяцевъ — не болѣ —
Осталось намъ прожить въ неволѣ;
Но разлученья часъ пробьетъ,
И кони борзые, лихіе,
Грызя бразды стальные,
Заржать и стануть у воротъ;

¹⁾ Альбомъ этотъ въ 8", въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, на задней доскѣ котораго имѣется мѣдный щитокъ съ выгравированными буквами Р. Р.; хранится онъ въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ.

Тогда Лицей родной съ уныньемъ покидая
И въ матушку-Москву свой направляя путь,
Скажу, въ объятіяхъ тебя сжимая:
Меня, мой милый, не забудь!

Миллеръ.

4.

Какъ поздней осенью послѣдніе цвѣты
Задумчивой душѣ весну напоминаютъ;
Какъ пурпурной зари живыя красоты
Еще блестящій день глазамъ изображаютъ;
Какъ древней надписи нестертыя черты
Утраченную жизнь изъ гроба вызываютъ:
Такъ книги памятной священные листы
Разрозненныхъ друзей вездѣ соединяютъ,
И блага лучшія и лучшія мечты
Въ бывалыхъ признакахъ отрадно воскрешаютъ.

С. Смирновъ.

Отношеніе Государя Николая Павловича къ Лицею въ началѣ тридцатыхъ годовъ характеризуется слѣдующимъ событіемъ, хотя и не затрагивающимъ лицейской жизни, но въ общемъ показательнымъ.

Въ 1832 году обозрѣвалъ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія въ Москвѣ товарищъ министра С. С. Уваровъ. На представленномъ имъ отчетѣ Императоръ Николай, между прочимъ, написалъ: «Можно бы было приготовить проектъ Лицея въ Москвѣ на подобіе и по уставу Царскосельскаго и представить мнѣ».

Это предположеніе разсматривалось 5 января 1833 г. въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ предположеніемъ о возобновленіи съ нѣкоторыми отгѣнками благороднаго при Московскомъ университетѣ пансіона, преобразованнаго въ I-ю Московскую гимназію. Комитетъ, по разсмотрѣніи отчета С. С. Уварова, нашелъ, что ему предлежало къ исполненію, кромѣ разсужденія о

возобновленіи бывшаго при Московскомъ университетѣ благороднаго пансіона, другое—о приготовленіи проекта учрежденія въ Москвѣ Лицея на подобіе и по уставу Царскосельскаго. Его Величеству угодно было, чтобы комитетъ занялся симъ дѣломъ и придумалъ, какъ сіе возможно будетъ исполнить. Вслѣдствіе того, по неоднократно и тщательно разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ онаго, комитетъ не могъ удалить отъ себя убѣжденія, что учрежденіе въ Москвѣ Лицея на томъ же основаніи и съ тѣми же правами, какъ Царскосельскій, нарушило бы принятую имъ учебную систему и постепенность учебныхъ заведеній, опредѣленную Высочайше утвержденными уставами оныхъ; сверхъ того, таковой Лицей, пользуясь въ нѣкоторомъ отношеніи даже преимущественными противъ университета правами и притомъ, гребуя гораздо менѣе времени для окончательнаго образованія своихъ воспитанниковъ, послужилъ бы къ упадку Московскаго университета и, слѣдовательно, ко вреду подробнаго и основательнаго по всѣмъ частямъ обученія. Имѣя, съ одной стороны, въ виду сіи уваженія, а, съ другой,—желаніе Московскаго дворянскаго сословія, комитетъ остановилъ вниманіе на проектѣ «предварительнаго образованія Московскаго дворянскаго института», который, не представляя вышеупомянутыхъ неудобствъ, соединяетъ въ себѣ выгоды прочнаго учебнаго образованія съ нравственнымъ воспитаніемъ юношества. Одобривъ единогласно сей проектъ, комитетъ опредѣлилъ: просить предсѣдателя о доведеніи онаго до Высочайшаго свѣдѣнія, съ изъясненіемъ вышензложенныхъ причинъ, которыя привели комитетъ исключительно къ сему проекту ¹⁾.

Такимъ образомъ мысль Государя объ учрежденіи Лицея въ Москвѣ не осуществилась.

¹⁾ Дѣло департамента народнаго просвѣщенія, по архиву № 1600 за 1832 г.; выписка изъ журнала 125 собранія комитета устройства учебныхъ заведеній, 5 января 1833 года.

XXII.

Любезный Пушкину острякъ Илличевскій издалъ въ 1827 году собраніе своихъ стихотвореній подъ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: «Опыты въ антологическомъ родѣ, или собраніе краткихъ басенъ и сказокъ, нравственныхъ мыслей, надписей, мадригаловъ, эпиграммъ, эпитафій и другихъ мелкихъ стихотвореній». Эта изящно по тому времени изданная книжка, съ виньеткою на заглавномъ листѣ, гравированною Галактіоновымъ по рисунку Лангера, содержитъ въ себѣ на 118 страницахъ 260 мелкихъ пьесъ, весьма слабыхъ по замыслу и въ большинствѣ случаевъ подражательныхъ, доказывающихъ, что талантъ Илличевскаго не развился и не укрѣпился послѣ выхода изъ Лицея. Стихотворенія, вошедшія въ эту книжку, не содержатъ даже никакихъ біографическихъ чертъ.

Товарищъ его М. Л. Яковлевъ издалъ въ 1828 году дружку къ книгѣ Илличевскаго подъ заглавіемъ: «Опытъ русской анекдотической, или избранныя эпиграммы, мадригалы, эпитафій, надписи, апологи и нѣкоторыя другія мелкія стихотворенія. Собрано М. Яковлевымъ». Въ предисловіи къ этой книжкѣ Яковлевъ говоритъ, что «желаніе издать въ одной книжкѣ лучшія русскія эпиграммы, мадригалы, эпитафій, надписи, апологи и нѣкоторыя другія мелкія стихотворенія, разсѣянныя по книгамъ и журналамъ, побудило меня сдѣлать опытъ русской анекдотической. Въ обязан-

ность себѣ вмѣняю принести мою благодарность А. С. Пушкину, барону А. А. Дельвигу, А. Д. Илличевскому, О. М. Сомову, Б. М. Ѳедорову, П. Г. Ободовскому, г. г. Вердеревскому, Филимонову и Карлгофу за доставленіе для сей книжки новыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ піесъ.

Замѣчательно, что въ этой книжкѣ нѣтъ ни одного стихотворенія самого Яковлева, кажется, окончательно уже покинувшаго къ этому времени стихотворство.

Яковлевъ, какъ сказано было выше, начавъ служебное поприще въ Москвѣ, возвратился въ сентябрѣ 1824 года въ Петербургъ, бывъ перемѣщенъ въ департаментъ министерства юстиціи. Затѣмъ онъ опредѣлился во вновь учрежденное, подъ главнымъ начальствомъ М. М. Сперанскаго, II-е отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Въ Петербургѣ онъ сдѣлался центромъ кружка лицейскихъ первокурсниковъ, носилъ прозваніе лицейскаго старосты, а квартира его называлась лицейскимъ подворьемъ.

Начатые еще въ Лицеѣ стихотворные опыты онъ прекратилъ, но развилъ свой музыкальный талантъ, сдѣлался салоннымъ пѣвцомъ и композиторомъ. Такъ отзывается о немъ знаменитый М. И. Глинка; въ своихъ Запискахъ ¹⁾, онъ рассказываетъ что въ 1828 году М. Л. Яковлевъ, композиторъ извѣстныхъ русскихъ романсовъ и хорошо пѣвшій баритономъ, познакомилъ его съ барономъ Дельвигомъ. «Я нерѣдко навѣщалъ его—говоритъ Глинка,—баронъ Дельвигъ передѣлалъ для моей музыки пѣсню:

Ахъ ты, ночь-ли, ноченька», и тогда же я написалъ музыку на его слова: «Дѣдушка! дѣвицы разъ мнѣ говорили». Эту пѣсню весьма ловко пѣвалъ М. Л. Яковлевъ.

Мнѣ извѣстно только 21 музыкальное произведеніе Яковлева, явившіяся въ печати, но число ихъ, безъ сомнѣнія, значительно ²⁾.

Пушкинъ, получивъ въ 1826 году свободу отъ за-

¹⁾ 2-ое изд. Суворина. СПб., 1887, стр. 18.

²⁾ См. приложение къ этой главѣ.

творничества въ Михайловскомъ, проживалъ въ Москвѣ. 21 октября Энгельгардтъ писалъ Вольховскому, что Пушкинъ получилъ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ и вскорѣ сюда будетъ; дай Богъ въ добрый часъ и въ прокъ.

Въ 1827 году предпринявъ новую поѣздку въ Петербургъ, Пушкинъ случайно встрѣтился съ Кюхельбекеромъ, съ которымъ не видался съ 1820 года. Вотъ, что говоритъ онъ объ этой встрѣчѣ: «15 октября 1827 г. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ проѣзжаго въ погтели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1.600 рублей. Я расплатился довольно сердито, взялъ займы 200 рублей и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова Духовидца; но едва успѣлъ я прочесть первыя страницы, какъ вдругъ подѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, поляки, сказалъ я хозяйкѣ. Да, отвѣчала она: ихъ нынче отвозятъ назадъ. Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородою, во фризовой шинели и съ виду настоящій жида, и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпиона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я повернулся имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ: я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и усадили.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же? ¹⁾.

Самъ Кюхельбекеръ вспомнилъ объ этой встрѣчѣ, говоря въ письмѣ къ Пушкину изъ Динабурга ²⁾: «Помнишь ли наше свиданіе въ родѣ чрезвычайно романтическомъ: мою бороду? фризую юннель? медвѣжьё шапку? Какъ ты черезъ семь съ половиною лѣтъ могъ узнать меня въ такомъ костюмѣ, вотъ чего не постигаю».

Въ слѣдующемъ 1828 году Пушкинъ обрадовалъ своимъ привѣтомъ ссыльнаго И. И. Пущина. «5-го января — рассказываетъ Пущинъ — привезли меня изъ Петербурга въ Читу, гдѣ я соединился, наконецъ, съ товарищами моего изгнанія и заточенія, прежде меня прибывшими въ тамошній острогъ. Что дѣлалось съ Пушкинымъ въ эти годы моего странствованія по разнымъ мытарствамъ, я рѣшительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири задушевнымъ словомъ. Въ самый день моего пріѣзда въ Читу призываетъ меня къ частоколу А. Г. Муравьева и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукою написано было:

Мои первый другъ, мой другъ безцѣнный...

Стихотвореніе это столь извѣстно, что приводить его здѣсь излишне.

Въ 1829 году Пушкинъ предпринялъ путешествіе въ Закавказье, гдѣ встрѣтилъ В. Д. Вольховскаго.

Мы оставили Вольховскаго въ концѣ 1825 года 1-го сентября 1826 года онъ назначенъ былъ состоять при г.-а. Паскевичѣ, подъ начальствомъ котораго и находился во все время войны съ Персіею, а со 2 декабря 1827 года

¹⁾ Кюхельбекера перевозили изъ Шлиссельбургской крѣпости въ Динабургскую.

²⁾ Письмо отъ 20 октября 1830 года. Академич. изд., переписки Пушкина, т. II, № 479.

³⁾ Записки, стр. 65.

по 3 февраля 1828 года командированъ былъ къ шаху персидскому въ Тегеранъ, для сопровожденія оттуда 10 милліоновъ рублей контрибуціи. Въ награду за исполненіе этого порученія произведенъ въ полковники и 13 мая того же года назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Въ этой должности онъ принялъ участіе въ войнѣ съ Турціею и 23 іюня отличился при штурмѣ Карса. Въ лагерь подъ Карсомъ его и нашелъ Пушкинъ.

Здѣсь увидѣлъ я—пишетъ Пушкинъ—нашего Вольховскаго, запыленного съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ». По поводу этого свиданія Энгельгардтъ писалъ 17 ноября 1829 года Вольховскому: «Пушкина я никогда не вижу; онъ даже на улицѣ избѣгаетъ встрѣчи со мною, и такъ подробностей о моемъ житіѣ-бытѣ не получалъ».

18 февраля 1831 года Пушкинъ, послѣ долгихъ и непріятныхъ предбрачныхъ переговоровъ вступилъ въ Москвѣ въ бракъ съ Н. Н. Гончаровой.

Знаешь ли — писалъ ¹⁾ Энгельгардтъ 18 марта 1831 года—что Пушкинъ женился? Жена его москвичка, какъ говорятъ, очень любезная, образованная и съ деньгами. Жаль ее; она, вѣрно, будетъ несчастлива.

Миѣніе Энгельгардта не оправдалось. Въ этомъ супружескомъ союзѣ наиболѣе несчастливою стороною былъ, бесспорно, Пушкинъ, а не его жена.

Въ концѣ 1830 года скончался лицейскій перваго курса К. Д. Костенскій. «Старика Костенскаго мы нынѣшнею осенью похоронили — писалъ Е. А. Энгельгардтъ 22 января 1831 года—это былъ человѣкъ не блистательный, но добрый и въ своемъ родѣ почтенный».

Что тебѣ сказать о нашихъ?—писалъ Энгельгардтъ ²⁾

¹⁾ Митюшину.

²⁾ Вольховскому.

28 марта 1831 года.—Матюшкину я послалъ эполеты *съ* *висячими*; онъ, наконецъ, произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Это, какъ говорятъ, по флоту самый трудный и важнѣйшій шагъ. Понинъ онъ командовалъ судномъ по благосклонности начальниковъ, а впредь будетъ командовать по законному праву.

Корфъ идетъ быстро въ гору; онъ кончилъ скоро и хорошо порученный ему разборъ дѣлъ Комитета министровъ, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ были совершенно запущены и въ безпорядкѣ; за то ему была *собственноручная* благодарность въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ. Кажется, ему не миновать мѣста правителя дѣлъ Комитета. Ура! цвѣти Лицей!

Пушкинъ женился и на другой день свадьбы сочинилъ эпиграмму, въ которой, между прочимъ, въ заключеніи сказано: если хочешь попасть въ рай—молись, а хочешь въ адъ—женись.

Анненскій ¹⁾ поѣхалъ въ отпускъ въ Казань и прибылъ туда за нѣсколько дней передъ появленіемъ холеры; онъ тотчасъ предложилъ свои услуги, устроилъ больницы, принималъ больныхъ и пр. и пр., и такъ усердно и умно дѣйствовалъ, что тамошній врачъ, докторъ Тиль, писалъ ко мнѣ: *der liebe Gott hat uns in der Noth einen wahren Helfer. einen Schutzengel geschickt: ein Herr von Annenskii etc. etc.* Закревскій ²⁾, пріѣхавъ туда, узналъ тотчасъ объ немъ, взялъ его къ себѣ въ адъютанты, употреблялъ на всѣхъ своихъ объѣздахъ и, по пріѣздѣ сюда, повѣсилъ на него Анненскій крестъ. Ура Лицей!

Стевенъ самъ собирается къ тебѣ написать.

Бѣдный Андрей Малиновскій очень плохъ; онъ былъ у меня на прошлой недѣлѣ и подалъ письменный рапортъ о томъ, что онъ опять не можетъ говорить, а. когда я шутилъ, думалъ вовлечь его въ разговоръ, то онъ, не го-

¹⁾ Анненскій—лицейскій III курса.

²⁾ Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ.

вора все ни слова, топнулъ ногой, надѣлъ свою шапку и вышелъ вонъ бѣгомъ. Положеніе его самое жалостное.

Для поясненія словъ Энгельгардта о служебныхъ успѣхахъ барона Корфа скажемъ, что 9 января 1831 года онъ командированъ былъ временно въ Комитетъ министровъ для окончанія дѣлъ, оставшихся недоложенными и неисполненными послѣ управлявшаго тогда дѣлами Комитета *Θ.Θ.* Гежелинскаго, а 24 февраля на всеподданиѣйшей докладной запискѣ его объ окончаніи имъ порученія по Комитету министровъ послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: «Объявляю вамъ совершенное мое удовольствіе за успѣшное исполненіе даннаго Мною вамъ порученія». Затѣмъ 6 мая того же года онъ назначенъ былъ управляющимъ дѣлами Комитета министровъ.

Баронъ Дельвигъ, оставивъ службу въ Публичной Библіотекѣ, вскорѣ вновь опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но и здѣсь его служба была номинальною, за исключеніемъ командировки его въ 1828 г., о которой Энгельгардтъ писалъ ¹⁾ 22 марта того года, что Дельвигъ посланъ на какое-то слѣдствіе, главная забота его была о томъ, довольно ли длинна его коляска, чтобы спокойно въ ней лежать.

Дельвигъ отдалъ все свое время литературѣ.

Съ 1825 года началъ онъ ежегодно издавать альманахъ «Сѣверные Цвѣты». Въ восьми книжкахъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» лицейскіе товарищи Дельвига были усердными вкладчиками: Пушкинъ далъ ему по нѣскольку стихотвореній для каждой книжки; Илличевскій помѣстилъ нѣсколько мелкихъ пьесъ въ стихахъ и двѣ статьи въ прозѣ, одна изъ которыхъ содержитъ въ себѣ отрывокъ описанія его заграничнаго въ 1824 году путешествія, и, наконецъ, Яковлевъ напечаталъ два или три стихотворенія. Деларю началъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» свои стихотвор-

¹⁾ Восточному.

ные опыты: здѣсь же напечатавъ одно стихотвореніе и князь А. В. Мецкерскій. В. П. Лангеръ украсилъ «Сѣверные Цвѣты» нѣсколькими рисунками.

«Сѣверные Цвѣты» представляютъ сборникъ лучшихъ произведеній русской музы за время съ 1825—1832 годъ. Полные ихъ экземпляры въ настоящее время весьма рѣдки.

Дельвигъ,—писалъ Энгельгардтъ 25 февраля 1829 г. издаетъ нынѣ уже по два альманаха въ годъ ¹⁾, а между тѣмъ, все толстѣетъ.

18 ноября 1829 года. «Я было хотѣлъ, при сходкѣ 19 октября, чтобы написали къ тебѣ всѣ собранные скотобратцы посланіе, но эта сходка по какому-то недоразумѣнію не сошлась: у Тыркова было три человѣка и у Дельвига четыре: я же, не зная—куда?—не былъ нигдѣ.

3 января 1830 года. «Дельвигъ, кромѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», издаетъ «Литературную Газету», которая, начиная съ 1 января, должна выходить каждые пять дней. Что будетъ, не знаю; а между тѣмъ, самъ Антонъ Антоновичъ уѣхалъ въ Москву.

7 апрѣля 1830 г. «Дельвигъ жирѣетъ и издаетъ Литературную Газету» довольно хорошую.

22 января 1831 года. «Дельвигу, наконецъ, удалось нажить себѣ дочку; онъ въ восхищеніи, и послѣ того сдѣлался еще лѣнивѣе прежняго.

Эти изданія «Сѣверные Цвѣты» и «Литературная Газета» поставили Дельвига во главѣ литературнаго кружка, независимаго и порядочнаго, бывшаго въ постоянной

1) Второй альманахъ «Подсѣжникъ» вышелъ въ двухъ книжкахъ на 1829 и 1830 годы. Въ книжкѣ на 1829 годъ, съ рисункомъ Лангера, встрѣчаемъ одно стихотвореніе Пушкина, два альбомныхъ стихотворенія Илличевского баронессамъ С. М. Дельвигъ и О. Ф. Корфъ, стихотвореніе неизвѣстнаго автора 19 октября 1828 года, а также безъ подписи отрывокъ изъ драматической поэмы «Ижорскій» Кюхельбекера. Нѣсколько ранѣе другой отрывокъ изъ той же поэмы помѣщенъ былъ въ первой книжкѣ «Сынъ Отечества», за 1827.

враждѣ съ знаменитымъ Булгаринымъ. Изданіе газеты и погубило Антона Антоновича.

Въ № 45 этой газеты за 1830 годъ явилась анонимная статья Пушкина въ защиту, такъ называемой, нашей литературной аристократіи. Бенкендорфа освѣдомили, что статья принадлежитъ перу Пушкина, которому не дозволялось что-либо печатать безъ цензуры III отдѣленія. 23 августа Бенкендорфъ уже обращалъ вниманіе министра народнаго просвѣщенія князя Ливена «на неприличность статьи и просилъ увѣдомить его объ именахъ автора и цензора». Князь Ливенъ ограничился сообщеніемъ начальнику III отдѣленія объясненій барона Дельвига и цензора Щеглова (профессора Лицея).

Въ первомъ говорилось лаконически, что издатель не знаетъ имени автора, а во второмъ, что статья пропущена потому, что не имѣетъ ничего противнаго ни религіи, ни духу правительства ¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ въ «Литературной Газетѣ» (№ 61) напечатано было слѣдующее четверостишіе Деламина, которое, якобы, предполагалось помѣстить на парижскомъ памятникѣ жертвамъ 27, 28 и 29 іюля 1830 г.:

France, dis-moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funèbre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître.

Кромѣ того, Дельвигъ заподозрилъ правдивость официальныхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ Сѣверной Пчелѣ Булгарина.

Бенкендорфъ, въ письмѣ отъ 30 октября 1830 года, сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что въ «Газетѣ» помѣщены «ни съ какой стати» четыре стиха Деламина на памятникъ, который предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27—29 іюля. Въ томъ же письмѣ Бенкендорфъ

просить поставить на видъ цензору Семенову, которому должно быть извѣстно, что «по приказанію моему сообщаются издателямъ «Сѣверной Пчелы», для помѣщенія въ ихъ газетѣ, разныя оффиціальныя свѣдѣнія и статьи. Между тѣмъ, г. Семеновъ, къ крайнему моему удивленію, позволилъ напечатать въ «Литературной Газетѣ» замѣчаніе о мнимой будто бы ложности сихъ извѣстій. Сіе кажется мнѣ неприличнымъ, ибо ослабляетъ довѣріе публики къ извѣстіямъ, кои правительство находитъ нужнымъ сообщать къ ея успокоенію.

Личное объясненіе издателя «Литературной Газеты» съ Бенкендорфомъ не послужило въ пользу перваго. Вотъ, что писалъ Бенкендорфъ 8 ноября 1830 года: «Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ моемъ заключеніи» ¹⁾.

Къ этому случаю, кажется, относится рассказъ, включенный А. И. Кошелевымъ въ его Записки ²⁾.

Баронъ Дельвигъ былъ умный и очень милый человекъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ, бывало, рассказывалъ одинъ случай, бывший съ нимъ, какъ съ издателемъ газеты. Призываетъ его начальникъ III отдѣленія графъ Бенкендорфъ и сильно, даже грубо, выговариваетъ ему за помѣщеніе въ газетѣ одной либеральной статьи. Дельвигъ, съ свойственной ему невозмутимостью, спокойно замѣчаетъ ему, что *на основаніи закона* издатель не отвѣчаетъ, когда статья пропущена цензурою, и упреки его сіятельства должны быть обращены не къ нему, издателю, а къ цензору. Тогда начальникъ III-го отдѣленія приходитъ въ ярость и говоритъ Дельвигу: законы пишутся для подчиненныхъ, а не для начальствъ, и вы не имѣете права въ объясненіяхъ со мною на нихъ ссылаться.

¹⁾ Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, III, стр. 245.

²⁾ Berlin. 1884, стр. 31—32.

и ими оправдываться». «Прелестный анекдотъ — замѣчаетъ Кошелевъ — и вполнѣ характеризовавшій Николаевскія времена».

«Литературная Газета» была запрещена.

Дельвигъ первоначально принялъ вѣсть о запрещеніи газеты довольно хладнокровно. Вотъ что онъ писалъ Пушкину: «Литературная Газета» выгоды не принесла и притомъ запрещена за то, что въ ней напечатаны новые стихи Делявиня. Люди, истинно привязанные къ своему Государю и чистые совѣстію, ничего не ищутъ и никому не кланяются, думая, что чувства вѣрноподданническія ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Не правда: подлецы въ это время хлопочутъ изъ корыстолюбія марать честныхъ и выѣзжаютъ на мерзостяхъ. Булгаринъ вѣрнымъ подданнымъ является. Ему выпрашиваютъ награды за пасквили, достойные примѣрнаго наказанія, а я слышу карбонаріемъ»¹⁾.

Это — послѣднее письмо Дельвига.

Весьма естественно, что запрещеніе газеты опечалило лучшихъ людей того времени. «Итакъ — писалъ Пушкинъ Плетневу, — русская словесность главою выдана Булгарину и Гречу. Жаль; но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать конфетный билетецъ этого несноснаго Лавиня. Но все же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ Государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его „Газетѣ“ не было и тѣни не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ, а то шпіоны-литераторы заѣдятъ его, какъ барана, а не какъ барона»²⁾.

А князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: «Каково кажется Вамъ запрещеніе «Литературной Газеты»? По журнальному достоинству она подлежала выговору, но въ политическомъ отношеніи была совершенно невинна. И

¹⁾ Письма къ Пушкину. Акад. изд., т. II, № 487.

²⁾ Тамъ же т. II, № 484.

какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, а не какой-нибудь Фотій, когда ни тотъ, ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Государь уважилъ бы истину, еслибы кто раскрылъ ее передъ нимъ, но все молчатъ»¹⁾.

Вскорѣ послѣ закрытія газеты Дельвигъ захворалъ. Простуда привела къ «нервической горячкѣ», и 14 января 1831 года онъ скончался.

Бывшій въ то время цензоромъ и вращавшійся въ литературномъ мірѣ проф. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ, что «публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа»²⁾.

Вчера—писалъ Энгельгардтъ—мы схоронили бѣднаго пѣвца линейскаго Дельвига. Онъ былъ боленъ только семь дней желчною, гнилою горячкою, наведенною ему разными непріятными происшествіями, слѣдствіями журнальной войны между нимъ и Булгаринымъ, коего «Внѣзгига» и «Самозванца» Дельвигъ весьма справедливо критиковалъ въ издаваемой имъ «Литературной Газетѣ», которая осмѣлилась доказывать, что эти два сочиненія не такъ-то совершенны и превосходны, какъ завѣряетъ «Сѣверная Пчела». По разнымъ своимъ связямъ, Булгаринъ умѣлъ довести до того, что за небольшой довольно плохой, впрочемъ, французскій quatrain, въ «Литературной Газетѣ» (весьма некстати, правда) отпечатанный, Дельвигу запретили издавать сію газету. Это и множество другихъ непріятностей, вѣрно, много содѣйствовали его болѣзни. Какъ бы то ни было, а нашего Дельвига не стало; не стало пѣвца «Шести лѣтъ» и русскихъ пѣсенъ. Бѣдная жена осталась съ восьмимѣсячною маленькою дочкою.

1) Русскій Архивъ, 1868 г., ст. 614—615.

2) «Записки и дневникъ», 1904, I, стр. 207.

которую отецъ обожалъ. Жаль Дельвига! При всей своей лѣности, при всѣхъ своихъ странностяхъ, онъ былъ любезный, благородный человѣкъ. Жаль Дельвига! Между тѣмъ мой списокъ первыхъ трехъ курсовъ уже изрядно похожъ на могильное кладбище; уже 15 человѣкъ подъ крестомъ, а со включеніемъ двухъ, хотя не умершихъ, но тоже схороненныхъ, Пущина и Кюхельбекера, уже 17 нѣтъ изъ 78 лицейскихъ. Это много. И большею частию отличные парни: Корсаковъ, Загряжскій, Чарнышъ, Бѣлуха, Подлиневъ, Молчановъ, Дельвигъ и пр., а по свѣту множество бродитъ такихъ, изъ коихъ дюжину и двѣ можно отдать въ обмѣнъ за одного изъ нихъ. Видно, что уже такъ сужено и ряжено». Возвращаясь къ этому событію въ письмѣ 28 мая 1832 года, Энгельгардтъ продолжаетъ: «Дельвига нашего мы опустили въ мать сыру землю; жаль! Онъ былъ человѣкъ благородный, съ умнымъ чувствомъ и любящимъ сердцемъ, и, какъ нарочно, въ послѣдній годъ жизни его, мы очень съ нимъ сблизились. Замолкъ нашъ пѣвецъ».

Вѣсть о смерти друга Пушкинъ получилъ въ Москвѣ. «Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье—писалъ онъ П. А. Плетневу 21 января;—на другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ къ Салтыкову ¹⁾ объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ, первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду;—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ ²⁾, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дель-

¹⁾ Тестъ барона Дельвига.

²⁾ Павелъ Воиновичъ Нащокинъ—одинъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина.

вигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ.

Въ другомъ письмѣ къ Плетневу отъ 31 же января, Пушкинъ говоритъ: «Боратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда-ли? Я зналъ его въ Лицеѣ—былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковского, съ нимъ толковалъ обо всемъ, «что душу волнуетъ, что сердце томить». Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость, но ты и Боратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣлями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами».

Не суждено было осуществиться этому благому намѣренію. Гораздо позднѣе біографія Дельвига написана была лиценстомъ XIV курса В. П. Гаевскимъ въ рядѣ прекрасныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ «Современникъ» за 1853—1854 г.г.

«Дельвигъ—говоритъ баронъ Корфъ—въ Лицеѣ милый, добрый и всѣми любимый лѣнтяй, послѣ Лицея пріятный поэтъ, стоявшій въ свое время въ первой шеренгѣ нашихъ литераторовъ. Дельвигъ никогда не служилъ, никогда ничего не дѣлалъ и жилъ всегда припѣвая съ любящей душой и добрымъ истинно благороднымъ характеромъ. Онъ умеръ оплаканный многочисленнымъ пріятельскимъ кругомъ».

1831 годъ принесъ I-му лицейскому курсу еще два тяжкихъ удара. Въ апрѣлѣ кончилъ жизнь самоубійствомъ Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Біографическая о немъ замѣтка Б. Л. Модзалевскаго помѣщена въ изданіи «Пушкинъ и его современники»¹⁾. Къ ней приложены два

¹⁾ Спб. 1904, в. II, стр. 27—31.

портрета Есакова, изъ которыхъ одинъ изображаетъ его въ лицейской формѣ ¹⁾).

Съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостію, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною наружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ—какъ говоритъ баронъ Корфъ—еще въ Лицеѣ подавалъ надежду на блистательную карьеру, но, по неразгаданнымъ донинѣ вполне причинамъ, самъ добровольно разстался съ жизнію, которая, повидимому, столь многое ему сулила. Служивъ съ самаго начала въ конной артиллеріи, бывъ уже гвардіи полковникомъ, увѣшанный орденами, командиръ артиллерійской роты, онъ въ польскую кампанію (1831), послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастіе потерять нѣсколько пушекъ, застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка».

Наконецъ, въ томъ же году умеръ шестой товарищъ Пушкина, Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ, прекрасный, по словамъ барона Корфа, съ чистѣйшею душою, благороднѣйшій человѣкъ. Служивъ съ отличіемъ въ гвардейской артиллеріи и достигнувъ полковничьяго чина, онъ, который въ Лицеѣ и послѣ пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, вдругъ впалъ въ жестокую чахотку и скончался за границею, куда поѣхалъ на воды. Онъ погребенъ въ Гамбургѣ.

При поминѣ 19 октября 1831 г. шести вѣчнымъ сномъ почившихъ товарищей не обмануло Пушкина предчувствіе. Очередь, дѣйствительно, была за нимъ...

Зато въ 1835 году улыбнулась судьба несчастливцу Кюхельбекеру, а именно напечатана была безъ имени автора его трагедія «Ижорскій». Вотъ, что писалъ онъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ подъ 12 мая того года:

«Большую радость Богъ послалъ миѣ: мой «Ижорскій»

¹⁾ Работы какого-то барона Корфа, какъ сказано въ этой статьѣ; вѣроятно, его лицейскаго товарища барона М. А. Корфа.

мнѣ присланъ напечатанный. Жаль только, что въ немъ ошибокъ типографическихъ—бездна. Худой же корректоръ Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій. Но все же я н ему благодаренъ за трудъ. Считаю не нужнымъ упомянуть здѣсь, кому по этому случаю я считаю себя обязаннымъ быть признательнымъ: упомянуть о немъ было бы здѣсь какъ-то не кстати; только—Богъ мнѣ свидѣтель, что чувствую его благодаренія» ¹⁾).

¹⁾ Русская Старина, 1884 г., томъ 41, стр. 360—361.

XXIII.

Переходимъ къ очерку литературной дѣятельности лиценстовъ Деларю (V курса) и Я. К. Грота (VI курса).

Михаилъ Даніиловичъ Деларю родился въ 1811 году въ Казани. Опреѣленъ былъ сперва въ Лицейскій пансіонъ, откуда переведенъ въ Лицей, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1829 году и немедленно завязалъ литературныя знакомства, сталъ вхожъ въ литературныя кружки и ближе всего сошелся съ Дельвигомъ. Близкое знакомство съ Дельвигомъ имѣло значительное вліяніе на литературныя взгляды Деларю. И личность Дельвига и его литературныя произведенія отвѣчали индивидуальнымъ и литературнымъ настроеніямъ Деларю. Дельвигъ очень сочувственно относился къ своему младшему товарищу, а Деларю, съ своей стороны, платилъ самой живой признательностью, выражавшейся и въ личныхъ его сношеніяхъ и въ произведеніяхъ. Многія изъ его стихотвореній такъ или иначе связаны съ именемъ Дельвига: или посвящены ему или касаются его и членовъ его семьи. Оригинальнымъ въ его поэзіи было благоговѣніе передъ классическимъ міромъ. Деларю чувствовалъ красоты классической литературы и съ любовью, не ослабѣвавшей до конца жизни, занимался переводами классиковъ. На періодъ 1829—1834 г.г. падаетъ лучшая пора литературной дѣятельности Деларю. Въ 1835 г. онъ издалъ въ Петербургѣ свои «Опыты въ стихахъ». Но и для него эта дѣятельность оказалась не безъ

шиповъ. Въ 1834 году въ «Библіотекѣ для чтенія» Деларю помѣстилъ переводъ слѣдующаго стихотворенія В. Гюго
«Красавицѣ :

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница, тогда-бъ повергъ я предъ тобою
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взоръ, за взглядъ единый твой.
И если-бъ Богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй.

Эти стихи попались на глаза Петербургскому митрополиту Серафиму, который довелъ о нихъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Военному министру, графу Чернышеву, въ канцеляріи котораго Деларю служилъ въ то время секретаремъ, Высочайше было 19 декабря 1834 г. повелѣно принять относительно Деларю мѣры. Въ тотъ же день Чернышевъ сдѣлалъ выговоръ Деларю и отдалъ приказъ объ его увольненіи. Только въ 1837 г., благодаря ходатайствамъ попечителя Одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевича и Я. И. Ростовцева, Деларю удалось получить мѣсто инспектора въ Ришельевскомъ Лицеѣ. Здѣсь въ Одессѣ въ 1839 г. напечаталъ онъ «Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова». Но инспекторская должность была не по силамъ болѣзненному Деларю, и въ 1841 году онъ оставилъ службу и поселился сначала въ своемъ имѣніи въ Харьковской губерніи, а потомъ переѣхалъ въ Харьковъ. Въ это время Деларю въ литературѣ выступалъ рѣдко, а въ 1845 году совершенно оставилъ литературное поприще. Скончался Михаилъ Даниловичъ въ 1868 году ¹⁾.

¹⁾ Е. А. Бобровъ. М. Д. Деларю и его переводъ изъ Гюго. Русск. Филологич. Вѣстникъ за 1905 г., X, 2.

Недавно лицейскій журналъ украсилъ свои страницы ¹⁾ пятью письмами Энгельгардта къ Деларю съ предисловіемъ Н. К. Кульмана. Особую благосклонность Энгельгардта Деларю заслужилъ тѣмъ, что, когда по настояніямъ перваго лиценсты II-V курсовъ стали собираться въ день 19 октября у А. Е. Жадовскаго, то Деларю предложилъ производить какъ между присутствующими на обѣдѣ, такъ и отсутствующими лиценстами денежный сборъ на какое-либо общепольное дѣло. Этотъ сборъ составилъ, такъ называемый, лицейскій сиротскій капиталъ, существующій понынѣ и находящійся въ распоряженіи Совѣта реформатской церкви въ Петербургѣ.

Яковъ Карловичъ Гротъ поступилъ на службу въ канцелярію Комитета министровъ, управляющимъ дѣлами котораго былъ баронъ М. А. Корфъ. По назначеніи своемъ Государственнымъ секретаремъ баронъ Корфъ перевелъ Грота въ Государственную Канцелярію.

Въ 1837 году Гротъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Комовскимъ, совершилъ поѣздку чрезъ Выборгъ въ Гельсингфорсъ и обратно моремъ въ Петербургъ. Это обратило его вниманіе на Финляндію и на скандинавскій сѣверъ, и онъ началъ изученіе шведскаго языка, успѣвъ уже по выходѣ изъ Лицея самоучкою усвоить себѣ языкъ англійскій настолько, что онъ могъ перевести стихами поэму Байрона «Мазени».

Однажды въ 1837 году онъ встрѣтился въ театрѣ съ М. Д. Деларю, который, узнавъ объ этомъ переводѣ, пожелалъ его прочесть и передалъ рукопись Плетневу, который собирался тогда издавать «Современникъ». Плетневъ пожелалъ познакомиться съ Гротомъ, пригласилъ его къ себѣ и выразилъ готовность напечатать переводъ

¹⁾ «Лицейскій журналъ» 1910—1911 г. I, стр. 25-38. См. также сборникъ, составленный С. О. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, гдѣ перепечатаны эти письма, со введеніемъ Н. К. Кульмана (стр. 465—500).

въ «Современникѣ», гдѣ онъ и появился въ началѣ 1838 года. Въ 1839 году появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» большая статья Грота «Поэзія и мифологія скандинавовъ. Исландскія поэмы». Служба канцелярская начала рѣшительно тяготить Грота, что замѣтилъ и баронъ Корфъ, который въ разговорѣ съ Плетневымъ сказалъ о немъ, махнувъ рукою: «Пропалъ для службы!». Самъ Гротъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ такъ пишетъ объ этомъ времени своей жизни: «Я сталъ серьезно стремиться къ такому положенію, которое давало бы мнѣ возможность совершенно посвятить себя любимымъ занятіямъ и удалиться отъ сферы, гдѣ, какъ я давно замѣчалъ, успѣхи часто зависятъ болѣе отъ извѣстной ловкости и нѣкоторой хитрости, чѣмъ отъ истинныхъ заслугъ и добросовѣстнаго исполненія обязанностей. Жить и дѣйствовать въ такой средѣ было мнѣ тяжело, и не разъ припоминался мнѣ стихъ:

Служить-бы радъ, прислуживаться тошно .

Въ началѣ 1838 года Гротъ познакомился съ Жуковскимъ, который побудилъ его предпринять лѣченіе, приведшее его по совѣту врачей въ интересовавшую его Финляндію. Въ этомъ мѣстѣ будущей своей службы Гротъ былъ и въ слѣдующемъ 1839 году, посѣтилъ Рунеберга, съ которымъ онъ познакомился еще предыдущимъ лѣтомъ. впервые читалъ еще въ рукописи эпопею Калевалы и вообще такъ ознакомился съ скандинавскимъ міромъ, что въ слѣдующіе годы выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей о финляндской и шведской литературахъ, давая одновременно въ переводахъ и образцы ихъ. Затѣмъ, получивши по рекомендаціи Жуковского у статсъ-секретаря Финляндіи графа Ребиндера мѣсто чиновника особыхъ порученій, Гротъ переѣхалъ на жительство въ Гельсингфорсъ, участвовалъ въ скоро наступившихъ торжествахъ по случаю двухсотлѣтія Александровскаго университета и былъ редакторомъ и самымъ виднымъ сотрудникомъ юбилейнаго университетскаго сборника. Вскорѣ послѣ этого онъ вступилъ

въ бракъ съ Наталіей Петровной Семеновой, сестрой лиценста XII курса Николая Петровича Семенова, рѣчь о которомъ будетъ у насъ впереди. Засимъ, 3-го апрѣля 1841 года Гротъ былъ назначенъ профессоромъ на вновь открытую въ Александровскомъ университетѣ кафедру русскаго языка, словесности и исторіи, которую занималъ до начала 1853 года, когда былъ вызванъ въ Петербургъ на должность профессора Лицея.

Однокурсникъ Я. К. Грота, Александръ Дмитріевичъ Комовскій ¹⁾, прослужившій много лѣтъ до назначенія сенаторомъ въ морскомъ министерствѣ, оставилъ послѣ себя обширный дневникъ, части котораго появились въ печати въ разныхъ русскихъ журналахъ.

¹⁾ Онъ скончался 19 февраля 1863 г.

XXIV.

15 іюня 1831 года скончался Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Жившій постоянно виѣ Петербурга и, по собственнымъ его словамъ, видѣвшій Лицей только однажды—въ день его открытія,—великій князь относился къ нему совершенно безучастно, утверждая только доклады, которые присылались ему изъ Петербурга, такъ что десятилѣтнее его начальствованіе надъ Лицеємъ прошло безъ всякаго слѣда.

Казалось бы, что, съ отмѣною права лиценстовъ поступать въ военную службу и съ прекращеніемъ преподаванія въ Лицеѣ военныхъ знаній, слѣдовало бы его возвратить въ министерство народнаго просвѣщенія, что и могло бы быть сдѣлано по кончинѣ Цесаревича, но рѣшено было оставить его въ военномъ вѣдомствѣ.

На мѣсто Цесаревича главнымъ начальникомъ паже-скаго и кадетскихъ корпусовъ назначенъ былъ 25 іюня великій князь Михаилъ Павловичъ, а 22 августа послѣдовало Высочайшее соизволеніе, дабы и Лицей находился въ завѣдываніи Его Высочества, впредь до особаго повелѣнія.

Новый начальникъ относился къ Лицею съ симпатичнымъ чувствомъ. Бѣлуха-Кохановскій упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что Михаилъ Павловичъ неоднократно

выражался такъ: «удивительные эти лиценсты: либералы, а между тѣмъ такъ скоро усваиваютъ всѣ требованія военной службы и отличные служаки».

Въ январѣ слѣдующаго 1832 года великій князь сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ежесубботно приглашались къ его столу по два воспитанника Лицея, вмѣстѣ съ пажами и кадетами.

Съ упраздненіемъ лицейскаго Благороднаго пансіона обращено было вниманіе и на положеніе Лицея, и первоначальный обликъ его подвергся весьма значительнымъ измѣненіямъ. Какъ сказано выше, первоначально комплектъ Лицея опредѣленъ былъ въ 50 воспитанниковъ; дѣлился онъ на два возраста (класса) съ пребываніемъ по три года въ каждомъ.

Всѣ воспитанники содержались на счетъ государственнаго казначейства, а по учрежденіи при Лицеѣ Благороднаго пансіона комплектовались исключительно изъ питомцевъ послѣдняго. Лицей представлялъ изъ себя строго закрытое учебное заведеніе.

Положеніемъ 28 іюня 1832 г. къ 50 казеннокоштнымъ воспитанникамъ прибавлено 50 своекоштныхъ, съ платою по 2.000 р. въ годъ за cadaго ¹⁾).

Всѣ они для ученія раздѣляются на четыре постепенные класса, изъ коихъ низшій именуется первымъ, старшій (выпускной) четвертымъ ²⁾); высшіе два класса составляютъ старшій возрастъ, а прочіе два—младшій.

Для удобнѣйшаго достиженія цѣли воспитанія, каждый классъ имѣетъ совершенно отдѣльное помѣщеніе и состоитъ подъ надзоромъ особыхъ гувернеровъ.

Въ каждомъ классѣ ученіе продолжается полтора года, послѣ чего дѣлается экзаменъ.

¹⁾ Второе Полное Собр. Зак. №№ 5470 и 5471.

²⁾ По переводѣ Лицея въ Петербургъ принято было обратное наименованіе классовъ: младшій сталъ называться четвертымъ, а старшій (выпускной) первымъ.

Такимъ образомъ, на каждый изъ четырехъ классовъ приходилось по 25 воспитанниковъ, которые и поступали въ младшій классъ изъ воспитанниковъ первой Петербургской гимназiи (замѣнившей собою Благородный пансіонъ при университетѣ). Въ 1834 году послѣдовало повелѣніе на открывающіяся 25 вакансiи, вмѣсто полного числа, помѣщать только 20 воспитанниковъ гимназiи, а 5 вакансiи предоставить на опредѣленіе сыновей гражданскихъ чиновниковъ, обратившихъ на себя вниманіе Его Величества.

Далѣе этотъ порядокъ измѣненъ былъ въ томъ, что 15 вакансiи были раздѣлены между первой и второй петербургскими гимназіями и московскимъ дворянскимъ институтомъ поровну, а пять назначены для сыновей заслуженныхъ чиновниковъ, что и составило, съ прежнимъ числомъ (5) сихъ вакансiи, новое—10.

Всѣ эти и другія постановленія, касающіяся плана преподаванія, при изданіи въ 1838 году свода военныхъ постановленій вошли въ III книгу оного, въ которой постановленія о Лицѣ нашли себѣ не совсѣмъ, кажется, подобающее имъ мѣсто между правилами Неплюевского кадетскаго корпуса и Школы гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.

По смерти г.-а. Демидова, 4 іюля 1833 г., главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ назначенъ былъ г.-а. Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ; но его прямое, непосредственное вліяніе на дѣла Лицея ограничилось однимъ только годомъ, когда за главнымъ директоромъ оставлено было только «наблюденіе», а самыя распоряженія перешли къ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній и его управленію.

Въ 1831 году образованъ былъ штабъ управленія главнаго начальника кадетскихъ корпусовъ, завѣдываніе которымъ поручено въ 1834 году полковнику Я. И. Ростовцеву.

Мы вскорѣ увидимъ, какъ отнеслись къ перемѣнамъ,

вызваннымъ положеніемъ 1832 года, тѣ воспитанники Лицея, которые поступили въ него при самомъ началѣ дѣйствія этого положенія; здѣсь же ограничимся извлеченіемъ изъ письма Энгельгардта отъ 28 мая 1832 г.

Въ нашемъ Лицеѣ большія перемѣны: шпаги, трехугольныя шляпы, домовые отпуска въ городъ, и, вмѣсто 50 воспитанниковъ, 100 человѣкъ, изъ коихъ 50 казенныхъ и 50 платящихъ по 2.000 р. въ годъ.

Спальни въ верхнемъ корридорѣ уничтожаются; тамъ будетъ большая общая казарма, въ коей кровати будутъ стоять открыто, одна возлѣ другой; наши древніе лакированные рукомошники—вонъ; вмѣсто нихъ, два огромные мѣдные самовары съ кранами для общаго омовенія: комоды—прочъ, а платье—въ общемъ арсеналѣ и пр. и пр. Можетъ быть, это все гораздо лучше прежняго, но прежнее было, право, хорошо. Жаль, что бѣдный Лицей долженъ такъ измѣнить всю свою физіономію; за оною неизбѣжно послѣдуетъ и перемѣна нравственная. Уже отъ домовыхъ отпусковъ уничтожится эта прекрасная связь нашихъ лицейскихъ, для коихъ въ продолженіе шести лѣтъ весь міръ заключался въ стѣнахъ Лицея и которые въ продолженіи шести лѣтъ были неразлучными товарищами: отъ того между ними неразрушимая связь, дружба, отъ того привязанность къ Лицею. Кадеты, оставаясь радостью корпусъ, не знаютъ уже болѣе ни его, ни тамошнихъ товарищей.

19 октября 1833 года праздновано было, какъ сообщалъ Энгельгардтъ ¹⁾, «смирненно и тихо у Яковлева. Кромѣ хозяина, были Корфъ, Комовскій, Стевень, Корниловъ, Илличевскій, Данзасъ и—о чудо!—Юдинъ! Въ отсутствіи Пушкина Илличевскій сплелъ стишки:

Опять мы на лицейскій праздникъ
Соединились въ кругъ родной;

¹⁾ Вольножкоцу.

Спасибо Яковлевъ проказникъ!
Ты староста у насъ лихой.
Средь пѣсенъ и стакановъ звуку
Лицей мы обновимъ опять.
Смотрите же, братцы, дайте руку
День этотъ вѣчно поминать.
Но время непримѣтно льется,
Нашъ кругъ все меньше и тѣснѣй;
Когда-то одному придется
Всѣхъ пережить своихъ друзей?!
Но пусть и тотъ сей день помянетъ
За полной чашею вина.
Ура! еще Лицею грянетъ
И чашу осушить до дна.

Спасибо и за эти стихи и спасибо, что 19 октября
все постоянно честять .

XXV

Какъ VI курсъ Лицея имѣлъ своего бытописателя въ лицѣ Я. К. Грота, такъ и VII курсъ обрисованъ въ запискахъ Алексѣя Александровича Харитонова.

Онъ, какъ сказано было выше, первоначально поступилъ въ Лицейскій пансіонъ.

Первые два года въ Лицеѣ я---разсказываетъ Харитоновъ—такъ же, какъ и въ пансіонѣ, оставался безъ отпусковъ и за время каникулъ ¹⁾ 1830 года выучился, съ помощью лексикона Татищева, свободно читать по-французски. Я прочелъ всѣ бывшіе въ ходу романы Вальтера Скотта, Виктора Гюго, Бальзака и другихъ, не отставая при этомъ и отъ русской литературы, которая тогда вся почти заключалась въ беллетристику. Первые романы Василія Нарѣжнаго, Булгарина, Загоскина читались съ наслажденіемъ и производили сильное впечатлѣніе на мое юное воображеніе, тѣмъ болѣе, что они составляли запрещенный плодъ.

Въ концѣ 1831 года сестра Юлія вышла замужъ за командира Люблинскаго пѣхотнаго полка барона Александра Васильевича Врангеля, котораго братъ Егоръ Васильевичъ былъ у насъ профессоромъ юридическихъ наукъ и жилъ

¹⁾ Замѣчу здѣсь кстати, что каникулы въ то время продолжались только пять недѣль, съ 25 іюня (день рожденія Николая Павловича) по 1 августа. Примѣчаніе Харитонова.

постоянно въ Царскомъ Селѣ съ семействомъ. Съ тѣхъ поръ я уже пересталъ быть сиротой и каждую субботу отправлялся въ отпускъ въ это почтенное семейство со старшимъ сыномъ профессора, Василиемъ Егоровичемъ ¹⁾, который былъ мнѣ товарищемъ по Лицею и замѣнилъ родного брата.

Въ домѣ Е. В. Врангеля меня обыкновенно звали сватомъ—Schwager—и обходились со мною, какъ съ самымъ близкимъ родственникомъ. У профессора было три сына... Въ семействѣ Врангеля я научился порядочно говорить по-нѣмецки и сталъ заниматься камерной музыкой, распѣвая съ дѣвцами и съ приходившими лиценстами *morceaux d'ensemble* изъ нѣмецкихъ оперъ: Фрейшица, Оберона, Волшебной флейты, Фиделіо и др. Тутъ я, поневолѣ, познакомился съ главными основаніями нотнаго пѣнія, которое потомъ играло такую важную роль въ моей жизни ²⁾.

Въ 1832 году мы, всѣ 25 человѣкъ, поступившихъ изъ упраздненнаго Лицейскаго пансіона, перешли въ старшій курсъ и пользовались удобствами просторнаго и роскошнаго помѣщенія во флигелѣ большого царскосельскаго дворца, который и до сихъ поръ сохранилъ названіе Лицея.

Тогда же даны были воспитанникамъ Лицея трехугольные шляпы, и начали назначать изъ нихъ дежурныхъ ко Двору, во время присутствія Ихъ Величествъ въ Царскомъ Селѣ, по воскреснымъ и торжественнымъ днямъ. Воспитанники старшаго курса сравнены были въ этомъ случаѣ съ камеръ-пажами, а младшаго—съ пажами. А такъ какъ Государь Николай Павловичъ любилъ Царское Село

¹⁾ Умеръ въ 1860 году въ чинѣ д. с. с. и должности юрис-консульта морского министерства.

²⁾ Отмѣтимъ, что Государь Императоръ, признавъ излишнимъ обученіе воспитанниковъ Лицея пѣнію, 9 марта 1830 г. Высочайше повелѣлъ упразднить учителя сего искусства отъ учебныхъ занятій въ Лицеѣ. Д. К.

и постоянно проводилъ въ немъ часть лѣта, а иногда весну или осень, то намъ приходилось довольно часто дежурить: наряжали обыкновенно трехъ или четырехъ, по одному къ Императрицѣ и къ великимъ княжнамъ: Маріи. Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ. Кромѣ того, мы были приглашаемы въ Александровскій дворецъ на танцевальныя вечера и спектакли. Выбирали для этого преимущественно тѣхъ, которые были покрасивѣе и лучше танцевали. Впрочемъ, и, кромѣ Двора, въ обыкновенномъ дамскомъ обществѣ лиценсты отличались любезностью, ловкостью, и на царскосельскихъ балахъ были желанные кавалеры. Съ 1832 же года были разрѣшены отпуска въ Петербургъ на большіе, т. е., длинные праздники: въ Рождество, на Пасху и на время лѣтнихъ каникулъ, чего прежде не было... Для этихъ отпусковъ изданы были особыя правила, по которымъ въ театрѣ дозволялось быть только въ ложѣ, но отнюдь не въ креслахъ или въ партерѣ, а посѣщать балы Дворянскаго собранія и маскарады строго воспрещалось».

Отмѣтимъ, къ слову, что курсъ, къ которому принадлежалъ Харитоновъ, отличался, повидимому, прекраснымъ поведеніемъ. По крайней мѣрѣ, въ журналѣ конференціи Лицея 29 декабря 1834 года записано, что, «усмотрѣвъ изъ свѣдѣній, имѣющихся въ штабѣ Его Высочества, что ни одинъ изъ воспитанниковъ 4-го класса Лицея въ теченіе минувшаго ноября не подвергся ни за какой проступокъ взысканію, Его Императорское Высочество истиннымъ для себя поставляетъ удовольствіемъ объявить сему классу Свою благодарность».

Его Императорскому Высочеству чрезвычайно пріятно, что воспитанники сии, служащіе младшимъ товарищамъ своимъ образцами, умѣютъ цѣнить благодѣянія къ нимъ и къ заведенію вообще Его Императорскаго Величества и постигаютъ цѣль, коей они всемілостивѣйше предназначаются.

Вспоминая нашъ Лицей, я долженъ сказать—продол-

жаетъ Харитоновъ, — что духъ заведенія былъ превосходный: старинныя преданія поддерживались прежними выпускными, которые прїѣзжали не только изъ Петербурга, но и изъ болѣе дальнихъ мѣстъ, чтобы навѣстить насъ.

Я помню, напримѣръ, какъ Вольховскій, который былъ начальникомъ штаба на Кавказѣ, по прїѣздѣ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ счелъ заглянуть въ родной Лицей ¹⁾. Мы работали, учились и читали много: изъ 25-ти воспитанниковъ нашего курса больше половины въ послѣдніе два года вставали въ 3 часа утра и занимались каждый за своей конторкой тѣмъ, въ чемъ чувствовалъ себя слабѣе. Обыкновенно же мы читали въ эти часы извѣстныхъ авторовъ по любимымъ предметамъ, а также занимались составленіемъ записокъ или сочиненій на заданныя темы. Я, напримѣръ, предпочиталъ книги по части политической экономіи, финансовъ, статистики и философіи. Любимыми авторами моими были: Адамъ Смитъ, Ж. Б. Сей, Шторхъ и Сисмонди, а изъ философовъ читалъ я Теннемана, Энгеля и Гарве. Кромѣ того, я занимаясь, по лекціямъ И. П. Шульгина, составленіемъ записокъ изъ статистики общей и русскаго государства. Начальство не запрещало этихъ раннихъ занятій и отпускало для нихъ зимой казенныя свѣчи.

У насъ была также своя литература: альманахи и журналы. Такъ, я съ Ханыковымъ издавалъ журналъ подъ названіемъ «Сынъ Лицея». Это тотъ Яковъ Владиміро-

¹⁾ Въ книжкѣ О жизни г.-м. Вольховскаго разсказано, что, когда онъ посѣтилъ Лицей, то воспитанники окружили его, провожали по всему Лицею и непримѣтно подвели его къ мраморной доскѣ, на которой его имя стояло первымъ. Понявъ намѣреніе лиценстовъ, онъ началъ громко читать рядъ именъ снизу и, дошедши до своего, остановился. Мраморныя доски съ именами воспитанниковъ, удостоенныхъ золотой медали, устроены были въ Лицеѣ только въ 1833 году (Селезневъ, стр. 389), и вѣроятно, что Вольховскій впервые увидѣлъ свою фамилію на мраморной доскѣ въ это посѣщеніе Лицея.

вичъ Ханыковъ ¹⁾), который потомъ сдѣлался извѣстнымъ, какъ правитель канцеляріи рижскаго генералъ-губернатора Головина и первый секретарь Русскаго географическаго общества...

Наконецъ, наступилъ день нашего выпуска изъ Лицея— 13-го іюня 1835 года. Когда окончился послѣдній выпускной экзаменъ изъ статистики, при профессорѣ И. П. Шульгинѣ (до того времени послѣдній экзаменъ назначался обыкновенно изъ опытной физики, какъ болѣе интересный для публики), мы пропѣли, можетъ быть, въ послѣдній разъ, умилительную прощальную пѣснь первыхъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея 1817 года... Въ наше время каждый лицеистъ зналъ ее и пѣлъ, какъ каждый студентъ знаетъ и поетъ «Gaudeamus igitur»...

Раздались громко пропѣтыя и сквозь слезы прослушанныя заключительныя слова кантаты: «Прощайте, прощайте, обнимемся въ послѣдній разъ». Исполнивъ это приглашеніе по завѣту праотцевъ Лицея и по собственному чувству, наполнявшему наши юныя сердца, мы поднялись въ дортуары, гдѣ ожидали насъ петербургскіе портные, и, нарядившись во фраки, отправились in согрее къ почтенному нашему директору Ѳ. Г. Гольтгоеру благодарить, въ его лицѣ, все лицейское начальство и наставниковъ за полученное воспитаніе, какъ училъ насъ великій поэтъ-лицеистъ:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу»,
Не помня зла, за благо воздадимъ».

Затѣмъ сошлись мы къ обѣду въ ресторанъ Друмеля и разстались навсегда, такъ какъ потомъ уже не могли собраться въ полномъ комплектѣ...

Передъ выпускомъ спрошены мы были отъ конференціи Лицея, кто куда желаетъ поступить на службу, и

¹⁾ Умеръ въ 1862 году въ чинѣ дѣйст. ст. сов. и въ званіи камергера.

я въ этомъ случаѣ послѣдовать совѣту Деларю, который, служа самъ въ канцеляріи военного министерства, приглашалъ насъ туда же...

Здѣсь я долженъ замѣтить, что прежде считалось предосудительнымъ (*mauvais genre*) для порядочнаго и благовоспитаннаго молодого человѣка служить въ военномъ и морскомъ министерствахъ или сенатѣ и синодѣ. Но ко времени нашего выпуска обстоятельства, а съ ними и личный составъ канцеляріи военного министерства измѣнились къ лучшему, и я рѣшился поступить въ нее, какъ ни отговаривали меня отъ этого товарищи.

Выше упомянуто было, что для празднованія 19 октября лицейсты собирались по курсамъ. Но, когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія ряды старыхъ лицейстовъ замѣтно порѣдѣли, оставшіеся въ живыхъ воспитанники первыхъ VII курсовъ стали праздновать завѣтный день Лицея совместно. Къ нимъ присоединились и нѣкоторые воспитанники Благороднаго пансіона. Собранія эти происходили въ ресторанѣ Донона. Душою ихъ былъ Я. К. Гротъ.

Остановимся на сообщеніи Харитонова о томъ, что въ бытность его въ Лицейскомъ пансіонѣ онъ подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ.

По первоначальному Постановленію о Лицеѣ высшею мѣрою наказанія служило уединенное заключеніе, въ теченіе котораго директоръ посѣщаетъ провинившагося и дѣлаетъ ему приличныя увѣщанія. Наказаніе это не продолжается болѣе 3 дней. Сверхъ того, допущено было исключеніе изъ Лицея до окончанія курса ¹⁾.

Равнымъ образомъ и въ положеніи о Лицейскомъ пансіонѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ не упомянуто.

Между тѣмъ, г. Селезневъ ²⁾, описывая правила воспитанія въ періодъ военного управленія Лицеємъ, говорить: «встрѣчается довольно часто и тѣлесное наказаніе».

¹⁾ § 110 Положенія 12 августа 1810.

²⁾ Стр. 290.

Очевидно, что генераль Гольтгоеръ перенесъ въ Лицей обычаи Дворянскаго полка.

Въ Постановленіи о Лицеѣ не было надобности упоминать о непримѣненіи къ его воспитанникамъ тѣлеснаго наказанія, такъ какъ училищными постановленіями того времени всякія тѣлесныя наказанія учениковъ запрещены были. Въ виду несоблюденія этого закона, графъ Разумовскій циркуляромъ отъ 18 марта 1811 года подтвердилъ о точномъ его исполненіи подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должностей, а 14 февраля 1814 года вновь подтвердилъ это распоряженіе ¹⁾.

Однако, съ переходомъ Лицея въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній это гуманное и педагогическое правило было отложено въ сторону, и въ Лицей введены были мѣры взысканія, практиковавшіяся въ кадетскихъ корпусахъ.

Съ выпускомъ VII курса въ 1835 году оканчивается первый періодъ исторіи Царскосельскаго Лицея. вмѣсто дѣленія шестилѣтняго пребыванія воспитанниковъ въ Лицеѣ на два возраста, вводится дѣленіе ихъ на четыре класса, число воспитанниковъ увеличивается съ 50 до 100, и строго замкнутая жизнь лиценстовъ ослабляется разрѣшеніемъ домовыхъ отпусковъ.

Въ томъ же 1835 году Энгельгардтъ вторично издалъ ²⁾ прощальную пѣснь барона Дельвига и, вотъ, что писалъ ³⁾ о ней 30 августа.

«Посылаю тебѣ при семъ лицейскій поминокъ — «Шесть лѣтъ». Хотя ты и не изъ числа отличнѣйшихъ пѣвцовъ, но не менѣе того тебѣ пріятно будетъ имѣть у себя этотъ остатокъ прежняго добраго времени, а, можетъ быть, еще и есть у васъ какой-нибудь хоръ кантонистовъ,

¹⁾ Журн. минист. народ. просв., 1863 г., т. 119, августъ, стр. 97.

²⁾ Издано вмѣстѣ съ нотами, in 4°. На заглавномъ листѣ помѣщенъ литографированный видъ залы Лицея.

³⁾ Вольховскому.

которые могли бы даже и спѣть. Пусть бы чувства и звуки, наполнявшіе въ 1817 году залу Лицея, раздались въ 1835 году въ Тифлисѣ.

По секрету скажу тебѣ, что одинъ изъ здѣшнихъ цензоровъ никакъ не рѣшался позволить напечатаніе этихъ стиховъ, и что я принужденъ былъ прибѣгнуть къ бывшему лицейскому, Семенову ¹⁾, который уже не могъ отказаться дать свое разрѣшеніе. Конечно, при томъ духѣ, или, точнѣе сказать, бездушіи, которое нынѣ царитъ въ Лицеѣ, эти чувства прежнихъ временъ, которыми восхищался неоднократно нашъ добрый Царь - Отецъ Александръ, уже не у мѣста. Начальство уже давно запретило воспитанникамъ пѣть и знать «Шесть лѣтъ». Жаль!

¹⁾ Лицейскій II курса.

XXVI.

Въ 1834 году явилась первая историческая работа Пушкина «Исторія Пугачевского бунта». Печаталась она въ типографіи II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, начальникомъ которой былъ М. Л. Яковлевъ. По просьбѣ Пушкина ¹⁾, онъ принялъ на себя какъ выборъ бумаги и шрифта, такъ и чтеніе корректуръ, которое должно было производиться особенно тщательно.

Экземпляръ этой книги Пушкинъ послалъ В. Д. Вольховскому ²⁾, говоря, что «мнѣніе твое касательно моей книги во всѣхъ отношеніяхъ было бы мнѣ драгоцѣнно».

Одновременно съ составленіемъ исторіи Пугачева Пушкинъ рѣшился заняться исторіею Петра Великаго, для которой и началъ собирать матеріалы, о чемъ и упомянулъ однажды въ разговорѣ съ барономъ М. А. Корфомъ. Послѣдній вспомнилъ, что лѣтъ 15-ть тому назадъ, когда служба не поглощала еще всего его времени, онъ хотѣлъ ближе изучить русскую исторію, и это навело его на мысль составить полный библіографическій каталогъ всѣхъ книгъ, когда-либо изданныхъ о Россіи не въ одномъ уже историческомъ, но во всѣхъ вообще отношеніяхъ и на всѣхъ языкахъ. Изъ этого каталога онъ собралъ все то, что было у него въ виду о Петрѣ Великомъ, и передалъ Пушкину ³⁾.

¹⁾ Письмо 3 іюля 1834 г. Акад. изд., III, № 843; см. также № 862.

²⁾ Письмо 22 іюля 1835 г. тамъ же, № 919 и № 927.

³⁾ 13 октября 1836 г., тамъ же № 1078.

Изъ этихъ словъ видно, что еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда, какъ отмѣчено уже нами было выше, баронъ Корфъ старательно дополнялъ запасъ вынесенныхъ имъ изъ Лицея научныхъ свѣдѣній, у него возникла мысль образовать собраніе иноязычныхъ сочиненій о Россіи (Rossica). Мысль эту удалось осуществить гораздо позже, когда, съ назначеніемъ его въ 1849 году директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, онъ съ юношескимъ увлеченіемъ сталъ собирать отовсюду все, что было печатано о Россіи, и составилъ такую коллекцію, которая служить неистощимымъ источникомъ для изученія бывшихъ судебъ нашего отечества. Собраніе это занимаетъ специально отведенную для него особую залу Библіотеки, по справедливости названную залой барона Корфа.

Пушкинъ съ благодарностью принялъ подарокъ товарища и по прочтеніи присланной ему номенклатуры испугался и устыдился, такъ какъ большая часть книгъ оставалась ему неизвѣстною ¹⁾.

Къ сожалѣнію, судьба не дала Пушкину возможности использовать указанные Корфомъ источники.

Въ началѣ нашего труда, говоря объ устройствѣ управленія Лицеемъ, мы упомянули, что секретаремъ хозяйственного его правленія былъ съ 1811 по 1813 годъ Ефимъ Петровичъ Люценко. Съ того времени онъ продолжалъ работать на литературномъ поприщѣ, печатая какъ оригинальныя свои произведенія, такъ и переводы. Въ 1835 году онъ приготовилъ свой переводъ Виландовой повѣсти «Вастола», но, какъ видно изъ письма къ нему Пушкина отъ 19 августа, не могъ найти издателя. Любопытно, что Пушкинъ въ письмѣ этомъ называетъ Люценко «лицеистомъ», и какъ о такомъ ходатайствуетъ у барона М. А. Корфа. Увѣнчалось ли это ходатайство успѣхомъ, неизвѣстно, но Пушкинъ рѣшилъ пособить Люценкѣ другимъ способомъ. Онъ дозволилъ Люценкѣ

¹⁾ Письмо 14 октября 1836 г. Акад. изд. № 1079.

на заглавномъ листѣ его перевода, выпущеннаго безъ обозначенія имени переводчика, напечатать слова: «Изд. А. С. Пушкина». Появленіе этой книжки вызвало въ 1836 году насмѣшливый и желчный отзывъ извѣстнаго Сенковского въ его «Библіотекѣ для чтенія», который крайіне раздражилъ Пушкина, вынудивъ его дать объясненіе этому дѣлу въ первой же книжкѣ только что начатаго имъ журнала «Современникъ». Сверхъ того, толки, возникшіе по этому дѣлу въ тогдашнемъ обществѣ, привели его къ ссорѣ съ однимъ изъ старыхъ его знакомыхъ, С. С. Хлюстинымъ, вызвали непріятную между ними переписку, едва не окончившуюся дуэлью.

Намъ, лиценстамъ, пріятно думать, что Пушкинъ пришелъ на помощь Люценкѣ не только какъ къ «заслуженному» литератору, какъ онъ о немъ выразился, но и какъ къ лицу, которое въ первые два года существованія Лицея принесло на его пользу свое усердіе и свой трудъ.

Въ томъ же 1836 году Пушкинъ получилъ радостную вѣсть отъ Кюхельбекера. Послѣдній писалъ ему 12 февраля ¹⁾, что срокъ каторжнаго его заключенія окончился и что онъ перешелъ на положеніе ссыльно-поселенца и живетъ въ Баргузинѣ. Затѣмъ въ письмѣ отъ 3 августа ²⁾ онъ подробно описываетъ Пушкину свое состояніе, упоминаетъ о своихъ литературныхъ трудахъ и о надеждахъ на будущее. Наконецъ, въ письмѣ отъ 18 октября ³⁾ Кюхельбекеръ, посылая Пушкину свои стихи на предстоящій день 19 октября, сообщаетъ о рѣшенной своей женитьбѣ, говоря, что невѣста его «въ своемъ родѣ очень хороша: черные глаза ея жгутъ душу; въ лицѣ что-то младенческое и вмѣстѣ что-то страстное, о чемъ вы, европейцы, едва ли имѣете понятіе .

Составителю настоящей книги, бывшему съ 1885 до 1888 г. членомъ комитета Литературнаго Фонда, довелось

¹⁾ Акад. изд., № 974.

²⁾ Тамъ же, № 1057.

³⁾ Тамъ же, № 1082.

познакомиться съ вдовою Кюхельбекера, Дросидою Ивановною, дочерью баргузинскаго почтмейстера. Старческія черты ея выражали доброту и кротость, и вѣрилось, что она успокаивала несчастнаго Вильгельма Карловича послѣдніе 10 лѣтъ его жизни.

Письмомъ отъ 19 ноября 1836 года ¹⁾ Пушкинъ просилъ М. Л. Яковлева прислать ему записку о святыхъ.

Ѣсь разумѣется «Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ», напечатанный въ Петербургѣ въ 1836 году въ типографіи II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Книга эта издана анонимно, но составлена она М. Л. Яковлевымъ и кн. Д. А. Эристовымъ ²⁾. «Словарь» этотъ былъ одобренъ цензоромъ, священникомъ Ивановымъ, послѣ двукратнаго просмотра. «Тщательно составленнымъ призналъ словарь и другой членъ цензурнаго комитета, Макарій, которому оберъ-прокуроръ Нечаевъ передалъ на разсмотрѣніе эту книгу уже предъ выпускомъ ея изъ типографіи. Впрочемъ, онъ уже отмѣтилъ и «немаловажную ошибку: наряду съ угодниками, всею церковью признанными святыми, поставлены мѣстночтимые и тѣ, о которыхъ, какъ о святыхъ угодникахъ, упоминають лѣтописи». Въ качествѣ компромисса Макарій, а потомъ и присутствовавшій въ Синодѣ В. Кутневичъ предлагали ограничиться, впредь до втораго изданія, перепечаткой заглавія и перемѣной нѣкоторыхъ терминовъ (напр., вм. «достойными поклоненія» предлагали поставить «достойными почитанія»). Но митрополитъ Филаретъ взглянулъ на дѣло серьезнѣе. По-

¹⁾ Акад. изд., № 1102

²⁾ В. П. Гаевскій, печатая впервые вышеуказанное письмо Пушкина, утверждалъ, что «Словарь» этотъ изданъ Яковлевымъ и кн. Эристовымъ при содѣйствіи Пушкина. „Библиограф. записки“ 1861 годъ, столбецъ 288. Кромѣ изданія словаря, кн. Эристовъ извѣстенъ только нѣсколькими статьями въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара.

яснивъ на примѣрѣ Іуліаніи Новоторжской ненадежность причтенія словаремъ къ лику святыхъ такихъ лицъ, къ возвышенію памяти которыхъ не нашлось твердыхъ основаній, Филаретъ поставилъ предъ Синодомъ вопросъ: если св. Синодъ утвердитъ ихъ въ словарѣ, то какъ можно будетъ отказать имъ въ полной чести, принадлежащей святымъ? Если св. Синодъ заботится, чтобы иконъ неосновательно не называли чудотворными, то ко-
ликократно болѣе заботиться должно, чтобы безъ основанія не называли людей святыми и не воздавали свято-
лѣпной чести тѣмъ, кому она вовсе не принадлежитъ.

Синодъ, разсмотрѣвъ въ трехъ засѣданіяхъ, съ точки зрѣнія этого отзыва, «Историческій словарь», обусловилъ выпускъ въ свѣтъ этого сочиненія тщательною его передѣлкою. Цензурному же комитету, виновному въ поспѣшномъ одобреніи книги, притомъ безъ вѣдома св. Синода, «за такую невнимательность, показывающую небреженіе о своихъ обязанностяхъ», Синодъ постановилъ сдѣлать черезъ конференцію духовной академіи строгое замѣчаніе, предоставивъ издателямъ право взыскать съ комитета понесенные ими убытки ¹⁾.

Пушкинъ помѣстилъ въ своемъ «Современникѣ» (1836, стр. III, 310) сочувственный объ этомъ словарѣ отзывъ.

¹⁾ Ал. Котовичъ. Духовная цензура въ Россіи. Спб. 1909 г., стр. 229 и сл.

XXVII.

VIII курсъ Лицея, первый прошедшій четыре класса по положенію 1831 года, выпущенъ былъ въ декабрѣ 1836 года. При этомъ курсѣ впервые введено было, въ 1834 году, преподаваніе англійскаго языка; обученіе было поручено гувернеру Ивану Егоровичу Броуну ¹⁾. Лицей измѣнилъ первоначальный свой обликъ, что очень печалило Энгельгардта. Ты спрашиваешь, что думаю я о *нынешнемъ* Лицеѣ?—писалъ ²⁾ онъ 26 августа 1836 года.

Онъ, кажется, изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ заведеній *le moins mauvais*. Вотъ, все, что можно допустить. Впрочемъ, прежняго Лицея тамъ и тѣни нѣтъ. Гольтгоеръ добрый человѣкъ, но о воспитаніи имѣетъ столько же понятія, какъ о кавалерійскомъ маневрѣ. Онъ воспитанъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, всю жизнь свою провелъ тамъ и педагогичъ научался въ Дворянскомъ полку. Вступая въ Лицей, онъ объявилъ воспитанникамъ: «думайте, что хотите, только будьте исправны передъ начальствомъ!!! Имъ управляетъ Оболенскій, низкій фарисей, основывающій все воспитаніе на постыдной системѣ подслушиванія за дверьми, на изловленіи и кражѣ записочекъ по ящикамъ и даже доходилъ до того, что приучивалъ воспитанниковъ дѣлать тайные доносы на товарищей. Слѣдствіемъ того—что воспитанники ненавидятъ и презираютъ начальство. Больно слышать этихъ бѣдныхъ молодыхъ

¹⁾ Селезневъ, стр. 373.

²⁾ Вольховскому

людей, когда говорятъ о начальствѣ своемъ и о Лицеѣ—сердца ихъ остыли, они не любятъ, потому что ихъ не любятъ, и съ нетерпѣніемъ разсчитываютъ, сколько дней еще имъ тамъ оставаться. Это, впрочемъ, во всѣхъ нашихъ заведеніяхъ, вездѣ ненависть къ заведенію и презрѣніе къ воспитателямъ. Но Царскосельское заведеніе (я не люблю называть его Лицеємъ), не смотря на все это, все еще можетъ похвастаться лучшимъ; по крайней мѣрѣ, на ученіе—конечно, также форменное—обращаютъ болѣе вниманія и болѣе времени, потому что тамъ нѣтъ учебныхъ шаговъ, ружей и пр. Въ числѣ выпускаемыхъ встрѣчаются образованные молодые люди, которые, не смотря на все или, можетъ быть, *par dépit*, сохранили какое-то собственное благородство и сами вслухъ говорятъ, что это чувство сохранилось еще по старымъ преданіямъ прежняго Лицея и вопреки всѣхъ стараній г-на Оболенскаго.

Во время пребыванія VIII-го курса въ Лицеѣ истекло 19 октября 1836 г. двадцатипятилѣтіе жизни Лицея.

Директоръ Гольтгоеръ предполагалъ торжественно отпраздновать этотъ день въ самомъ Лицеѣ, но Государь не согласился на празднованіе 25-лѣтняго юбилея, находя, что можно праздновать столѣтіе и пятидесятилѣтіе существованія заведенія, но не двадцатипятилѣтіе, которое для сего слишкомъ незначительно ¹⁾.

По поводу этого юбилея Энгельгардтъ горячо желалъ соединить, за общимъ столомъ, воспитанниковъ первыхъ трехъ курсовъ, покинувшихъ Лицеѣ во время его директорства. Но предложеніе это не встрѣтило сочувствія въ 1-мъ курсѣ. «Сегодня—писалъ Яковлевъ Пушкину 9-го октября—было у насъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ совѣщаніе, и рѣшительно положено: праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску. Пусть Егоръ Антоновичъ, какъ бывший директоръ Лицея, соединяетъ подѣ

¹⁾ Соловьевъ, стр. 255

свои знамена 2-й, 3-й и прочіе выпуски и воздасть честь и хвалу существованію Лицея, но пусть насъ стариковъ оставитъ въ покоѣ.

Согласно этому рѣшенію на праздникъ собрались всѣ 11 бывшихъ въ Петербургѣ лицейскихъ 1 курса, — Гревеницъ, Данзасъ, Илличевскій, Комовскій, Корфъ, Мартыновъ, Мясоѣдовъ, Пушкинъ, Стевенъ, Юдинъ и Яковлевъ.

Это была послѣдняя годовщина, на которой присутствовалъ Пушкинъ. На ней прочелъ онъ еще не законченное свое стихотвореніе:

Была пора: нашъ праздникъ молодой....

Отказъ 1-го курса отъ предложенія Энгельгардта огорчилъ его. Это огорченіе вылилось въ слѣдующемъ письмѣ его къ Матюшкину.

Подробно донеси, гдѣ и какъ провелъ ты 19 октября? Здѣсь оно прошло очень плохо, не смотря на то, что нынѣшнее 19 октября составляетъ важную лицейскую эпоху—двадцатипятилѣтіе. Я было затѣвалъ сходку первыхъ трехъ курсовъ, думалъ еще разъ полицействовать стариной. Заговаривалъ нѣкоторымъ ветеранамъ первокурснымъ. Они выслушали очень равнодушно: надо подумать, посоветоваться, и да и нѣтъ; остылъ, обдержался первый курсъ питерской въ здѣшнемъ большомъ свѣтѣ.

Лицей и лицейское стало имъ чуждо. Жаль, больно!! Лицейское начальство затѣяло было праздновать 25-лѣтіе въ самомъ Лицеѣ, приглашеніемъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ наставниковъ на общую дружескую трапезу. Мысль прекрасная, очень была бы кстати, но тутъ пошла казенщина, рапорты, смѣты, суммы, вопросы, доклады, и кончилось тѣмъ, что не было ничего. Первый курсъ, какъ слышалъ я, собирался у Яковлева. Я провелъ этотъ день дома; бурей и высокою водою сломило нашъ мостъ, такъ что никто изъ 3-хъ курсныхъ ко мнѣ не попалъ.

Я былъ одинъ, убрался въ свою келью, двери на замокъ; сѣлъ передъ залой лицейской, окруженный мно-

гимн изъ тѣхъ, кто тамъ со мной жили, чувствовали, любили, и праздновалъ двадцатипятилѣтіе одинъ. Предъ памятными глазами моими явились тысячи воспоминаній прекраснѣйшаго времени моей жизни. Назадъ тому 25 лѣтъ въ этотъ день я былъ при открытіи Лицея въ толпѣ постороннихъ зрителей; видѣлъ, какъ добрый нашъ Александръ самъ ввелъ васъ въ это «святое уединеніе», гдѣ онъ васъ любилъ, лелѣялъ, какъ дѣтей своихъ. По прошествіи шести лѣтъ онъ самъ опять благословилъ васъ также на вступленіе въ дѣйствительную жизнь. Тогда уже я былъ тамъ не чужой, не гость. Лицейъ былъ мой; вы были мои. Помнишь ли еще 17 іюня. Онъ составлялъ всю нашу публику; онъ былъ тамъ не царемъ, а добрымъ отцомъ посреди семейства любимаго и любящаго. Тутъ не было ничего посторонняго, холоднаго, чужого; ничего не развлекало, не стѣсняло ни его, ни насъ въ изліяніи чувствъ сердца. Онъ былъ тамъ только для насъ; мы видѣли только его, нашего отца—благодѣтеля; онъ видѣлъ только васъ, осчастливленныхъ его любовью; въ глазахъ его блистали слезы сердечнаго умиленія, радости при видѣ добраго дѣла своего; въ вашихъ—слезы сердечной благодарности.

Это празднество было скромнѣе перваго, но оно было величественнѣе, сердечнѣе. Я никогда не забуду этотъ день, счастливѣйшій, прекраснѣйшій въ жизни моей. А послѣ пѣли «Шесть лѣтъ», голосомъ и сердцемъ, прощались, поплакали и обѣщались «разлуку провести, какъ разлучья часъ». Все это и тысячи воспоминаній изъ счастливѣйшаго времени моей жизни проходили предъ глазами памяти моей. Рыцарство, вечеринки, маскарады, яйцо на твоёмъ носу, похищеніе Ляминскихъ яблоковъ, горы, прогулки, *Le jûge bienfaisant* ¹⁾,—все это погрузилось въ бездну невозвратной прошлости.

¹⁾ Названіе одной изъ театральныхъ пьесъ, разыгрывавшихся въ Лицеѣ.

Сколько изъ бывшихъ тогда съ нами теперь уже въ могилѣ. Ржевской, Дельвингъ, Корсаковъ, Саврасовъ, Есаковъ, Костенскій, Jeannot, Wilhelm ¹⁾), Будри, Кошанскій, Карцевъ, Фроловъ и Genius loci—нашъ Александръ. Нѣтъ ихъ; только въ сердцѣ хранится священная память обо всемъ этомъ; о всѣхъ тѣхъ, кто тогда жилъ, чувствовалъ, благодарствовалъ и благоденствовалъ. Да то бѣда, что въ свѣтѣ сердце стынетъ. Многіе изъ тѣхъ, кто тогда пѣли: «и поклянемся мы разлуку провести, какъ разлучень часъ», все это забыли. Лицеѣи и лицейство имъ опостыло и le souvenir leur en est gênant. Еслибъ были здѣсь Матюшкинъ, Малиновскій, Вольховскій, Корниловъ, то они подмогли бы Стевену и Комовскому устроить сходку лицейскаго 25-тилѣтія. Прочіе разлицелись въ большемъ свѣтскомъ быту, остыли; въ старину чувствовали, а нынѣ разсчитываютъ; прежде было у нихъ сердце, а теперь голова. Кликнемъ прежнимъ кликомъ—не откликаются: чуждо, забыто. Жаль ихъ! Я живу весь въ прошломъ; нынѣшнее не по мнѣ, и меня съ моей стариной не понимаютъ; она, какъ фракъ и шляпа моя, вышли изъ моды, и чувство—ребячество. Отъ того и холодно на свѣтѣ, что нѣтъ сердца. А все достоинство чловѣка въ сердцѣ, въ этомъ святилищѣ добродѣтелей, о коихъ холодная голова и понятія не имѣетъ. Жаль, что не удалось собрать сходку; можетъ быть бы, удалось у иного еще отогрѣть сердце воспоминаніемъ, разжечь какую-нибудь оставшуюся прежнюю искру. Жаль! это испортило мое 19 октября. Посидѣлъ, погрустилъ—и легъ. Не спится; всталъ и написалъ длинное письмо къ Jeannot: стало легче, уснулъ и во снѣ всю ночь былъ въ Лицеѣ.

Энгельгардтъ не присутствовалъ на юбилейномъ обѣдѣ первокурсниковъ. Обѣдъ этотъ такъ описанъ М. Л. Яковлевымъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 24 ноября 1836 года.

¹⁾ Пущинъ и Кюхельбекеръ

Здравствуй любезный другъ, Владиміръ Дмитріевичъ! Спасибо за письмо твое отъ 8 октября и за увѣдомленіе о полученіи Словаря о святыхъ.

Порадовался я, читая письмо твое, что всѣ вы, слава Богу, здоровы, что семейный бытъ твой увеличился рожденіемъ дочери Анны, что вы вспоминаете о ревельскомъ шаферѣ и желаете ему всю жизнь провести, смѣючись и припѣваячи.

19-е число октября предполагалось праздновать въ самомъ Лицеѣ, по случаю минувшаго двадцатипятилѣтія, но не состоялось. Энгельгардтъ предлагалъ, чтобы первый выпускъ праздновалъ вмѣстѣ со вторымъ и третьимъ выпускомъ, но и это не склеилось. Итакъ, 19 число праздновалось по обыкновенію между нами. Прежде всего надо сказать тебѣ, что къ этому времени пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ деревни Мясоѣдовъ и натворилъ много чудесъ. Онъ вытащилъ изъ норы Гревеница, который никогда не являлся къ намъ на праздникъ, и отыскалъ Мартынова; словомъ, дѣйствовалъ мастерски. Всѣхъ насъ въ сборѣ было одиннадцать человѣкъ. Уже съ прошедшаго года положено собираться въ этотъ день къ обѣду, а потому и прибыли всѣ ко мнѣ на квартиру къ 4 часамъ. Комовскій сдѣлалъ намъ сюрпризъ. Онъ явился къ намъ въ собственномъ лицейскомъ мундирѣ, который у него до сихъ поръ хранится. Кромѣ того, потѣшилъ онъ за обѣдомъ, показавъ письма, писанныя Кюхлемъ въ Лицеѣ къ Комовскому. Письма таинственныя, страстныя!... преуморительныя. Читалъ и я письмо твое отъ 8 октября, въ которомъ ты просилъ меня поклониться всѣмъ скотобратцамъ. Порученіе нельзя было лучше выполнить. Всѣ наши, въ Петербургѣ находящіеся, были въ сборѣ, и за одинъ разъ всѣмъ отвѣсилъ поклонъ. Примѣтно старѣемъ мы! Никто лишняго уже не пьетъ, никто съ избыткомъ сердца не веселится. Впрочемъ, время провели весьма приятно. Въ воскресенье, 20-го, въ 10 часу. Пушкинъ было начиналъ читать стихи на 25-го лѣтіе, но не вспомнилъ.

Обѣщаль ихъ докончить и доставить. Проходитъ мѣсяць, а обѣщаніе еще не исполнено. Боюсь—обманетъ.

Федору, (или Федернелке ¹⁾), писалъ я подробную реляцію о праздникѣ. Онъ меня, какъ коммиссіонера, не забываетъ. Тырковъ, по словамъ его любезнаго братца, совсѣмъ рехнулся. Онъ сидитъ запершись въ комнатѣ, вырѣзываетъ бумажки и пускаетъ ихъ на произволъ вѣтра.

Съ Ломоносовымъ переписку ведетъ Юдинъ.

Масловъ поживаетъ въ Москвѣ хорошо. Но худо то, что честолобіе начинаетъ его мучить. Видно, эта болѣзнь перешла къ нему отъ Илличевского, который нынѣ поправляется, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ получилъ крестъ Владиміра 4-ой степени.

Корфъ, по словамъ нѣкоторыхъ, перемѣнился, т. е., сталъ представлять изъ себя государственнаго человѣка; по словамъ другихъ, въ отношеніи къ товарищамъ онъ все тотъ же. Споръ остался нерѣшеннымъ....

¹⁾ Т. е., Матюшкину.

XXVIII.

Двое изъ воспитанниковъ IX курса (1832—1838) А. Н. Яхонтовъ и К. С. Веселовскій оставили записки о времени пребыванія ихъ въ Лицеѣ¹⁾. Впервые они упоминаютъ о профессорѣ французской словесности Жилле, премникѣ Тилло съ 1829 года, о Н. Т. Щегловѣ, замѣнившемъ умершаго въ 1836 году Карцова, и о поступившемъ въ 1833 году адъюнктомъ къ проф. Георгіевскому Флегонтѣ Васильевичѣ Гроздовѣ, который пробылъ на службѣ въ Лицеѣ до 1852 года. Онъ памятенъ многимъ остающимся въ живыхъ лиценстамъ и какъ не только строгій, но и антипатичный преподаватель, и какъ содержатель приготовительнаго къ Лицею пансіона. Кромѣ нихъ, на послѣдующихъ страницахъ встрѣтятся имена гувернеровъ Броуна, Гельмерсена, Коха, Мартини, Пецольда и Цетреуса. Высшіе начальники Лицея въ эпоху военного имъ управленія мало сближались съ воспитанниками, почему значеніе гувернеровъ въ ученическомъ быту выступило гораздо ярче, чѣмъ то было при Энгельгардтѣ, и имена ихъ встрѣчаются въ запискахъ Яхонтова и Веселовскаго часто, хотя они, подобно ихъ предшественникамъ, оставались на своей трудной службѣ большею частью недолго, не смотря на то, что нѣкоторымъ изъ нихъ и удавалось улучшить свое матеріальное положеніе гонораромъ за преподаваніе иностранныхъ языковъ; такъ,

¹⁾ Записки Яхонтова напечатаны въ Русск. Старинѣ, 1888 г., октябрь, а Веселовскаго въ томъ же журналѣ въ 1900 г., октябрь.

гувернеру Броуну поручено было преподаваніе англійскаго языка, Цетреусу и Мартини—нѣмецкаго языка.

Въ 1837 году приглашены были профессоръ И. А. Ивановскій на вновь учрежденную кафедру политической экономіи и статистики и проф. Я. И. Баршевъ на мѣсто вышедшаго въ этомъ году въ отставку проф. барона Врангеля. Какъ Ивановскій, такъ и Баршевъ принадлежали къ числу молодыхъ преподавателей, вернувшихся незадолго передъ тѣмъ изъ-за границы, куда они были командированы для усовершенствованія въ избранныхъ ими специальностяхъ.

Во многомъ воспоминанія Яхонтова и Веселовскаго сходятся между собою. Поэтому представляемъ воспоминанія Яхонтова *in extenso*, дополняя ихъ затѣмъ сообщеніями Веселовскаго.

Вотъ, что пишетъ первый изъ нихъ.

Въ началѣ августа 1832 г. двадцать пять воспитанниковъ 1-й С.-Петербургской гимназій (бывшаго Благороднаго пансіона), въ наемныхъ каретахъ и въ сопровожденіи гувернера француза Менюе, были привезены въ Царское Село, для поступленія въ Императорскій Лицей казеннокоштными. Въ числѣ ихъ былъ и я. Мнѣ было 12 лѣтъ, и меня приняли, по экзамену, въ первый, младшій классъ младшаго курса.

1832 годъ былъ для Лицея эпохою преобразованій, едва ли послужившихъ къ его улучшенію: общій голосъ лицейскихъ того времени называлъ годъ нашего поступленія началомъ желѣзнаго вѣка Лицея....

Въ жизни воспитательнаго заведенія благородное прошлое, внушающее позднѣйшимъ поколѣніямъ любовь и подражаніе—великое дѣло. Оно составляетъ его внутреннюю силу, служитъ залогомъ будущихъ его успѣховъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ усилія и измышленія нашихъ патентованныхъ педагоговъ.

Первыя времена Лицея были окружены блистательнымъ ореоломъ. Здѣсь жилъ и учился А. С. Пушкинъ—этого уже было довольно....Память о директорѣ Лицея,

Энгельгардтѣ, чтилась въ Лицеѣ съ какимъ-то благоговѣніемъ; преданія о немъ были живы во все время, пока Лицей оставался въ Царскомъ Селѣ. Вообще преданія имѣютъ свойство оставаться крѣпкими землѣ, на которой они возникли, и, что тамъ ни говори, а я остаюсь при убѣжденіи, что съ перемѣщеніемъ Лицея въ С.-Петербургъ онъ утратилъ для питомцевъ своихъ часть того обаянія, которое составляло его нравственную силу, такъ сказать, нервъ его дѣятельности.....

При поступленіи моемъ въ Лицей, въ 1832 году, многое въ немъ измѣнилось. Еще гораздо ранѣе, именно съ 1823 года—времени подчиненія его военному начальству, онъ отчасти утратилъ свой первоначальный семейный характеръ (съ репутаціей либерализма, которая оставалась за нимъ еще очень долго). Теперь же со стороны высшаго начальства проявилась склонность къ нивелированію его съ прочими учебными заведеніями. Комплектъ воспитанниковъ былъ удвоенъ; вмѣсто двухъ курсовъ, организованы 4 класса, изъ которыхъ два составили младшій и два—старшій курсъ. Отдѣльныя комнатки старшаго курса были уничтожены («Зачѣмъ эти стойла?»—выразилось о нихъ высшее начальство), спальни для всѣхъ устроены одинаково, по казенному образцу всѣхъ прочихъ заведеній. Затѣмъ два класса младшаго курса были помѣщены въ нижнемъ этажѣ, въ тѣсныхъ и невысокихъ комнатахъ, съ мебелью на подобіе гимназической и съ гораздо меньшими противъ прежняго удобствами.....

О всѣхъ этихъ перемѣнахъ скорбѣли и старшіе, и мы, вновь поступившіе товарищи-гимназисты. Въ нашу среду вторгнулась цѣлая масса новичковъ своекоштныхъ, съ которыми мы сошлись не сразу, потому что они, поступившіе прямо изъ своихъ семействъ, принесли съ собою самыя разнохарактерныя понятія и привычки.

Тѣмъ не менѣе первыя впечатлѣнія наши въ Лицеѣ были самыя свѣтлыя. Новая жизнь казалась намъ привольною; мы съ жадностью слушали рассказы о бывшихъ

лицейскихъ временахъ, о прежнихъ порядкахъ и обычаяхъ, которымъ мы, въ свою очередь, хотѣли слѣдовать неуклонно.

Послѣ пріемныхъ экзаменовъ до начала классныхъ занятій прошло около двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ мы, предводимые гувернеромъ, осматривали великолѣпные парки и дворцы Царскаго Села, предпринимали дальнія прогулки въ Павловскъ, Баболово и прочія окрестности. Все это было для насъ ново, назидательно и поддерживало въ насъ какое-то праздничное настроеніе духа. Собственный лицейскій садъ (его называли оградой) былъ довольно обширенъ и отѣненъ старыми, широколѣвными деревьями. Въ немъ было намъ довольно дѣла. У каждаго класса былъ въ оградѣ свой садикъ-особнякъ, а старшій курсъ имѣлъ ихъ нѣсколько. Въ своемъ садикѣ мы сажали деревья, а весною—цвѣты; устраивали бесѣдки и дорожки, однимъ словомъ, были полными хозяевами, и начальство въ наши распоряженія не вмѣшивалось. Въ передней части сада, подъ тѣнью старыхъ липъ, устроена была деревянная бесѣдка въ формѣ гриба, подъ навѣсомъ которой обыкновенно засѣдали дежурные гувернеры. Между этимъ грибкомъ и длиннымъ 4-хъ-этажнымъ зданіемъ Лицея была расположена широкая и во всю длину дома площадка, усыпанная пескомъ, на которой мы играли въ ланту, чехарду и бары. Сбоку, около досчатого забора, отдѣлявшаго нашъ садъ отъ двора приходской церкви, подъ густою тѣнью черемухи, лежала почернѣвшая отъ времени гранитная плита, съ вырѣзанною на ней надписью: *genio loci...*

Отношенія между старшими и младшими курсами были установлены искони, на основаніи преданій. Младшіе должны были оказывать нѣжные знаки уваженія къ старшимъ: при встрѣчѣ въ оградѣ снимать передъ ними фуражку, говорить съ ними не иначе, какъ стоя, и проч. Несоблюденіе этихъ формъ могло имѣть и имѣло не разъ слѣдствіемъ серьезная непріятность. Далеко младшіе не

имѣли права входить въ помѣщеніе старшихъ; не могли курить въ оградѣ, такъ какъ куреніе было вообще строго воспрещено, и старшій курсъ присвоилъ себѣ монополію тайнаго куренія, въ виду собственныхъ интересовъ. Почти каждый изъ старшихъ имѣлъ между младшими своего кліента, котораго навѣщалъ въ свободное время и которому поручалъ переписывать записки и лекціи профессоръ, взамѣнъ чего передавалъ ему, по окончаніи курса, всѣ свои тетради. Такимъ образомъ рукописныя лекціи переходили изъ курса въ курсъ, пока не дѣлались окончательно ветхими и негодными къ употребленію.

Нерѣдко случалось, что посѣщали Лицей бывшіе воспитанники прежнихъ курсовъ. Такое посѣщеніе составляло маленькое событіе въ нашей жизни. Обыкновенно старшіе дѣлали съ гостемъ обходъ всего Лицея, чтобы показать ему новое размѣщеніе классовъ и новые порядки. Весь старшій курсъ слѣдовалъ за нимъ толпою, всегда шумною и веселою, придавая этому шествію какую-то особую торжественность, какъ бы доказывавшую независимость свою отъ нашихъ дисциплинарныхъ порядковъ, такъ какъ обходъ этотъ случался иногда во время нашихъ вечернихъ занятій. Мы съ любопытствомъ разсматривали пріѣзжаго, всегда имѣвшаго въ нашихъ глазахъ особое обаяніе, какъ представителя лучшихъ временъ Лицея, которыя мы называли золотымъ вѣкомъ.

Между старшимъ и младшимъ курсами, при упомянутыхъ выше обоюдныхъ отношеніяхъ, ссоры были немислимы. Но не разъ случались частныя пререканія и общія ссоры между двумя классами того или другого курса. Всякая обида, нанесенная товарищу воспитанникомъ другого класса, считалась общею и близко принималась къ сердцу одноклассниками. Въ такихъ случаяхъ на сходкѣ постановлялось: прекратить всякія сношенія съ классомъ, въ которомъ состоялъ обидчикъ, если послѣдній не принесетъ извиненій. Исключеніе допускалось только для родныхъ братьевъ. Такія ссоры продолжались иногда по

нѣсколько мѣсяцевъ, особенно если предметомъ ихъ было нарушеніе принятыхъ обычаевъ или обоюдныхъ правъ цѣлымъ классомъ. Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то чрезъ нѣкоторое время начинались переговоры о мирѣ. Съ каждой стороны отряжались три депутата-парламентера, которые сходились на нейтральной почвѣ—въ столовой или въ оградѣ—и произносили рѣчи. Почва для соглашенія подготавливалась предварительно, и потому миръ заключался безъ особыхъ затрудненій, но иногда при этомъ ставились тѣ или другія обоюдныя условія, для предупрежденія недоразумѣній на будущее время. Если дѣло происходило въ субботу, то на другой день примирившіеся сходились въ кондитерской Друммея и взаимно угощались, распивая бутылку хереса.

Если кто-либо заслуживалъ негодованіе своего класса какимъ-нибудь неблаговиднымъ поступкомъ, роняющимъ достоинство и репутацію товарищей, его наказывали прекращеніемъ всякаго общенія, не говорили съ нимъ до гѣхъ поръ, пока онъ не раскается, не испроситъ прощенія. Вообще поддержаніе во всѣхъ случаяхъ достоинства и чести Лицея считалось непремѣнною обязанностью каждаго.

Нашъ классъ въ началѣ учебнаго курса былъ довольно многочисленъ; большинство училось хорошо, но двѣнадцать нашихъ товарищей, отчасти по малоспособности, отчасти по лѣности, были слабы по всѣмъ почти предметамъ. Они держались особою кучкой, попадавшей въ разныхъ шалостяхъ, а потому начальство, чтобы разъединить ихъ, подчинило каждаго особому надзору одного изъ добропорядочныхъ учениковъ. Такъ какъ я считался однимъ изъ таковыхъ, то и на мою долю досталось наблюдение за ученіемъ и поведеніемъ, во время классныхъ занятій, за однимъ изъ 12 апостоловъ, какъ мы въ шутку называли ихъ. Его посадили на классной скамѣ рядомъ со мною; я былъ его репетиторомъ и менторомъ и, хотя заботы мои о немъ были не совсѣмъ безуспѣшны, но

полюбить его я не могъ. Это былъ Михаилъ Петрашевскій, стяжавшій себѣ въ послѣдствіи печальную извѣстность, какъ глава революціоннаго общества его имени, сосланный и умершій въ ссылкѣ. Впрочемъ, мое менторство продолжалось недолго: Петрашевскій, какъ и прочіе одиннадцатъ, не былъ переведенъ въ слѣдующій классъ... Онъ не былъ симпатиченъ: не увлекаясь добрыми, веселыми порывами товарищей, онъ выкидывалъ иногда неожиданныя, эксцентрическія штуки, не вызывавшія ни въ комъ изъ насъ даже смѣха, не выказывалъ ни особенныхъ способностей, ни оригинальности ума. Въ головѣ его уже въ ту пору начинался какой-то сумбуръ, и онъ часто поражалъ меня непоследовательностью, нелогичностью своихъ словъ и поступковъ. Держалъ онъ себя неряшливо и неопрятно, ни съ кѣмъ не дружился и вообще не былъ любимъ товарищами, находившими въ немъ мало порядочности....

По переходѣ во 2-й классъ число наше уменьшилось: 12 неуспѣшныхъ отпали, и мы сплотились дружнѣе, стали работать усерднѣе. Тутъ начали обозначаться наши наклонности: для нѣкоторыхъ это была эпоха первыхъ ребяческихъ кутежей, не всегда сходившихъ съ рукъ благополучно, но большинство увлекалось уже чтеніемъ, поэзіею, литературою. Въ первые полтора года нашей жизни въ лицѣ чтеніе всякихъ постороннихъ ученію книгъ было запрещено. Излишняя строгость въ этомъ отношеніи доходила до того, что мы, даже въ свободное время, при появленіи гувернера, прятали подъ столъ романы В.-Скотта съ переводѣ Де-Шаплета. Помню, какъ однажды воспитанникъ старшаго курса Александръ Озеровъ одолжилъ мнѣ для прочтенія «Руслана и Людмилу» Пушкина и какъ гувернеръ конфисковалъ у меня эту книгу, почитая ее вредною, чѣмъ поставилъ меня, въ отношеніи къ Озерову, въ неловкое положеніе. Насилу удалось мнѣ выручить злополучную поэму чрезъ полгода.

Теперь, во 2-мъ классѣ, допущено было чтеніе, но каждая

книга должна была проходить чрезъ цензуру инспектора. Это было время появленія драмъ и драматическихъ фантазій Нестора Кукольника: мы восхищались его Торквато Тассо, Роксоланой, Джакомо-Санназаромъ и проч.; въ нашихъ глазахъ онъ былъ поэтомъ первой величины, мало чѣмъ уступавшимъ Пушкину. Затѣмъ появились стихотворенія Николая Языкова, которыя мы знали наизусть отъ доски до доски; зачитывались мы также сказками казака Луганскаго, повѣстями англійскаго юмориста Маріета и проч. Въ это же время въ русской литературѣ произошло замѣчательное событіе: появилась первая толстая книжка журнала «Библіотека для Чтенія». Намъ разрѣшили абонироваться, но каждая книжка доходила до насъ не иначе, какъ чрезъ руки учителя русскаго языка, Ф. В. Гроздова. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы каждый мѣсяцъ этихъ зеленыхъ книжекъ, съ какою жадностью накидывались на нихъ и поглощали ихъ всецѣло! Въ первомъ же № былъ помѣщенъ «Гусаръ» Пушкина, и затѣмъ печатались другія его стихотворенія; на первомъ планѣ выступилъ также самъ издатель Сенковскій, подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса, съ своею повѣстью: «Жизни женщины въ нѣсколькихъ часахъ» и другими. Мы съ вниманіемъ читали и ученныя его статьи, напримѣръ, Эймуновы саги. Баддей Булгаринъ также участвовалъ въ журналѣ, но и тогда уже читался нами неохотно.

По примѣру прежнихъ курсовъ, мы задумали издавать свои литературныя журналы, для домашняго обихода. Первый ученикъ нашего класса К. С. Веселовскій взялся быть его редакторомъ и переписчикомъ, а я былъ его сотрудникомъ. Журналъ нашъ «Денница» выходилъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ видѣ толстыхъ тетрадей, пишанныхъ мелко и красиво, на отличной бѣлой бумагѣ, съ виньетками, исполненными перомъ, очень изящно, самимъ редакторомъ. Помѣщались въ немъ наши стихи, повѣсти оригинальныя и переводныя, критическія статьи, наша динейская хроника и смѣшные анекдоты, для разнообразія.

Однимъ изъ ревностныхъ участниковъ въ журналъ былъ А. И. Трофимовъ.... Содержаніе журнала было, конечно, дѣтское, иногда наивное, но кое-гдѣ проглядывалъ и талантъ. Изданіе это, на которомъ мы пробовали наши крылья и въ которомъ не было ничего предосудительнаго или неприличнаго, не могло быть, однако, гласнымъ: начальство строго преслѣдовало всякія литературныя упражненія въ младшемъ курсѣ. Уже подъ конецъ года, когда всѣ 12 номеровъ «Денницы» были подшиты вмѣстѣ и составили довольно толстый томъ, инспекторъ Андрей Филипповичъ Оболенскій провѣдалъ о его существованіи, накрылъ кого-то изъ насъ во время чтенія и безжалостно конфисковалъ нашъ журналъ. Это событіе произвело между нами страшный переполохъ; рѣшено было, во что-бы ни стало — правдами или неправдами — добыть обратно нашу «Денницу». Оболенскій имѣлъ неосторожность не спрятать ее подъ замокъ. Воспользовавшись минутою отсутствія его изъ инспекторской комнаты, мы сочли себя въ правѣ взять съ его стола нашу собственность и съ торжествомъ принесли ее въ классъ. Съ тѣхъ поръ наша «Денница» хранилась въ надежномъ мѣстѣ, и всѣ попытки инспектора отыскать ее остались напрасными. Она и до сихъ поръ хранится у меня.

Каникулы наши были гораздо короче нынѣшнихъ: съ половины іюня до начала августа. Августъ былъ для насъ самымъ веселымъ мѣсяцемъ въ году: возвращаясь въ Лицей изъ отпуска, товарищи встрѣчались другъ съ другомъ, какъ братья, рассказывая о своихъ каникулярныхъ впечатлѣніяхъ. Классныя занятія начинались не вдругъ, и мы пока были цѣлые дни на воздухѣ, а конецъ лѣта въ 1834 году былъ особенно тепелъ и пріятенъ. Царское Село оживлялось присутствіемъ Двора и маневрами гвардейскаго корпуса, производившимися въ окрестностяхъ. Къ намъ въ ограду часто приходили, для свиданія съ воспитанниками старшаго курса, молодые лейбъ-гусарскіе офицеры и вносили разнообразіе въ нашу замкнутую

жизнь. Между ними былъ и пожилой ротмистръ Ф. В. Ильинъ, приходившій почти каждый день,—некрасивый и простой добрый малый стараго закала, про котораго, можетъ быть, для рѣшмы говорили, что онъ—мизогинъ.

Государь Императоръ Николай Павловичъ никогда къ намъ не заглядывалъ. Онъ не долюблялъ Лицея, подозревая въ немъ вольнодумство и помня, можетъ быть, одного изъ прежнихъ питомцевъ его—Кюхельбекера.

Однажды только, въ прекрасный лѣтній вечеръ, по окончаніи маневровъ, проѣзжая верхомъ мимо нашей ограды, шагомъ и во главѣ многочисленной свиты, усталый и запыленный Государь, не останавливаясь, спросилъ, шутя, у толпившихся около желѣзной рѣшетки старшихъ воспитанниковъ: *Quomodo valetis?* Ему хоромъ отвѣчали: *Valeo bene!* Затѣмъ еще спросилъ: *Quid editis?* 'nem и опять хоромъ ему отвѣчали: *Supum et carnem!*

Великій князь Михаилъ Павловичъ, подъ главнымъ начальствомъ котораго мы состояли, навѣщалъ насъ изрѣдка, и мы страшно боялись этого, въ сущности, добраго человѣка—такъ умѣлъ онъ принимать на себя грозный видъ.

Но пора же сказать что-нибудь о нашихъ непосредственныхъ начальникахъ.... я чуть не прибавилъ слова: педагогахъ. но это слово рѣшительно къ нимъ не подходило, развѣ за немногими исключеніями. Директоръ Гольтгоеръ былъ назначенъ на это мѣсто, кажется, съ главною цѣлью—возстановленія строгой военной дисциплины. Онъ далеко не отвѣчалъ нашему представленію объ идеальномъ начальникѣ, какимъ былъ, по преданію, незабвенный Энгельгардтъ. Мы мало знали его: всегда холодный и строгій, онъ нисколько не сближался съ воспитанниками, даже старшаго курса, которые, какъ и мы, не питали къ нему особаго расположенія, а только боялись его и, подъ часъ, подсмѣивались надъ его не совсѣмъ чистымъ русскимъ выговоромъ и незнакомствомъ съ проходимымъ въ Лицеѣ курсомъ наукъ. Генералъ былъ

силень только въ ариѳметикѣ, но этого намъ казалось мало....

Инспекторъ А. Ф. Оболенскій былъ рѣшительно нелюбъ всему составу воспитанниковъ. Это былъ безспорно умный и знающій человѣкъ, но въ характерѣ его не было ни прямоты, которая такъ приковываетъ къ себѣ молодежь, ни добродушія, ни благороднаго образа дѣйствій. Постоянно подозрѣвали его въ какихъ-то гайныхъ козняхъ, въ безсердечіи. Я и теперь убѣжденъ, что здравыхъ педагогическихъ пріемовъ, умѣнья вести дѣло нашего воспитанія въ немъ не было.

Изъ гувернеровъ младшаго курса также не было выдающихся педагоговъ; иностранцы и молодые люди, не получившіе никакой подготовки къ важной должности воспитателя, они не могли помогать намъ и въ классныхъ нашихъ занятіяхъ. Почтенный Цетреусъ, человѣкъ уже пожилой, былъ глубоко уважаемъ и любимъ всѣми, но онъ пробылъ съ нами недолго: его нашли слабымъ и удалили. Но самою крупной личностью былъ гувернеръ 1-го младшаго класса, старикъ Фотій Петровичъ Калининъ, поступившій въ эту должность съ самаго основанія Лицея. Мы имѣли съ нимъ дѣло только какъ съ учителемъ чистописанія, и ему обязано большинство изъ насъ хорошимъ почеркомъ, но значеніе его въ общемъ строѣ Лицея было велико. Это былъ человѣкъ стараго закала, съ весьма недостаточнымъ образованіемъ, простой и добродушный; но вслѣдствіе долготѣняго общенія съ молодежью у него выработалась своеобразная педагогическая рутина; въ немъ, казалось, хранился складъ гувернерскихъ принциповъ всего прошлаго времени. Въ хорошія минуты онъ былъ патріархально ласковъ и шутливъ, особенно съ своими любимцами—лучшими учениками—которые назывались буянами и пичужками. Прежде, когда онъ дежурилъ въ старшемъ курсѣ, съ нимъ бывали исторіи, но въ этихъ случаяхъ онъ не терялъ ни присутствія духа, ни своего достоинства: становился въ рѣши-

тельную величественную позу и энергически усмирять недовольныхъ.

Съ переходомъ нашимъ, въ августъ 1835 года, въ 3-й, т. е., въ младшій классъ старшаго курса, насъ перемѣстили во второй этажъ, въ свѣтлыя и просторныя комнаты, но тутъ мы попали въ ежовыя лапы Алексѣя Ивановича Коха. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ холодно-злою, отталкивающею физіономіею, съ лысиною во всю голову, капризный и взбалмошный. Мы наслѣдовали отъ прежнихъ курсовъ нелюбовь къ нему, граничившую съ ненавистью. Много рассказывали о его эксцентрическихъ выходкахъ, какъ, напримѣръ, однажды, когда выведенные имъ изъ терпѣнія воспитанники хотѣли уйти отъ него въ ограду, а онъ легъ поперекъ двери и закричалъ: «идите чрезъ меня!»

Не долго думая, всѣ, одинъ за другимъ, стали прыгать чрезъ него, и эффектный маневръ не удался.

Впрочемъ, у насъ не было съ нимъ крупныхъ исторій, но мы постоянно чувствовали себя подъ гнетомъ этой несимпатичной личности и держали себя съ нимъ на непріязненной ногѣ. Онъ не разъ жаловался на насъ инспектору, который своимъ флегматическимъ голосомъ обращался къ намъ съ увѣщательно-угрожающими рѣчами, но пользы отъ нихъ было мало.

Въ 3-мъ классѣ мы начали изучать законовѣдѣніе: исторію римскаго и затѣмъ исторію русскаго права. Профессоръ этого предмета, баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель, былъ типомъ пожилого, сухопараго нѣмца, къ которому можно было примѣнить поговорку: мягко стелеть, да жестко спать. Онъ чуть не наизусть зналъ пандекты Юстиніана, но плохо говорилъ по русскіи, преподавалъ вяло и сухо. Казалось иногда, будто его одолеваетъ дремота на срединѣ фразы—такъ затруднялся онъ передачей своихъ знаній по русскіи. Мы едва удерживались отъ смѣха, слыша, какъ, напримѣръ, говоря о какомъ-то полудикомъ народѣ, онъ ломанымъ языкомъ

произносилъ: «Они одѣвались кожей и питались мясомъ» и проч.

Чтенія наши стали теперь серьезнѣе; намъ уже выдавали книги изъ казенной лицейской библіотеки, преимущественно историческія; но нельзя умолчать, что библіотека эта пополнялась очень недостаточно, и выборъ чтенія былъ въ ней не великъ. Помимо нея, по части беллетристики мы доставали почти все, что было въ то время выдающагося въ русской литературѣ. Меня особенно занимало чтеніе въ подлинникъ молодыхъ нѣмецкихъ поэтовъ: Кернера, Уланда, Маттисона, Рюккерта, не говоря уже о Шиллерѣ и Гете. Съ любовью принялся я переводить стихами послѣднюю сцену, въ тюрьмѣ, изъ 1-й части Фауста, но изданіемъ журнала мы уже не занимались: у насъ было слишкомъ много дѣла.

Въ концѣ 1836 года осуществились, наконецъ, наши давнишнія мечты: мы водворились въ широкомъ и роскошномъ помѣщеніи 3-го этажа, сдѣлались старшими! Переходъ въ 4-й выпускной классъ былъ эпохой въ нашей лицейской жизни. Въ глазахъ остальныхъ классовъ мы были уже студентами и вступили во всѣ права, принадлежавшія намъ въ силу преданій, а чрезъ полгода произошло новое важное для насъ событіе: намъ дали шпаги! ¹⁾ Живо помню, съ какимъ ребяческимъ восторгомъ мы въ первый разъ прицѣпили эти, почти игрушечныя, шпаженки. Мы воображали себя не только студентами, но чуть не рыцарями. По этому случаю меня повезли въ Петербургъ на показъ великому князю Михаилу Павловичу. Великій князь, поглядѣвъ на меня и на мое оружіе, улыбнулся тѣмъ представленіе и кончилось.

Научныя занятія наши имѣли вообще характеръ энциклопедическій: насъ хотѣли научить всему, но, такъ какъ времени на это было мало, то, къ сожалѣнію, при-

¹⁾ Высочайшее повелѣніе воспитанникамъ старшаго 4 класса Лицея носить шпаги послѣдовало 8 февраля 1838 года.

ходилось хватать вершки, въ ущербъ основательности знанія. Естественныя науки (кромѣ физики и химіи) вполнѣ игнорировались въ Лицеѣ, но и безъ нихъ было 18 предметовъ преподаванія. Исторія всеобщая преподавалась крайне неудовлетворительно. Профессоръ Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ въ ту пору былъ уже старикомъ и жилъ своею старой репутаціей. Ученикъ Герена, онъ издалъ свой учебникъ, теперь давно забытый, при составленіи котораго широко пользовался исторіею Ансильона, и ограничивался чтеніемъ своей книжки, вставляя иногда свои краткія объясненія. Все это выходило сухо и скучно, вслѣдствіе чего мы занимались этимъ предметомъ вяло и неохотно. Весь курсъ всеобщей исторіи оканчивался у насъ воцареніемъ Людовика XVI; о первой французской революціи мы отъ Кайданова не слышали ни единого слова!

Зато профессоръ русской исторіи Иванъ Петровичъ Шульгинъ заставлялъ насъ работать съ особеннымъ рвеніемъ. Его вѣсское, дѣльное изложеніе событій, умѣніе картинно группировать ихъ были уже знакомы намъ съ того времени, когда онъ, преподавая намъ еще въ 2-мъ классѣ географію Россіи, увлекательно излагалъ исторію каждой губерніи отдѣльно. Теперь мы сами составляли лекціи, записывая ихъ съ его словъ и ловя слова его на лету, такъ какъ онъ говорилъ скоро, не останавливаясь. Любимымъ нашимъ предметомъ была политическая экономія, благодаря таланту и увлекательной рѣчи преподававшего ее молодого профессора Игнатія Аксифіевича Ивановскаго. Онъ приходилъ къ намъ съ пустыми руками, но съ богатымъ запасомъ знанія и энергіи: начиналъ обыкновенно тихимъ тономъ, но съ каждымъ словомъ воодушевлялся все болѣе и болѣе, вскакивалъ съ кафедры, расхаживалъ по аудиторіи или подходилъ въ упоръ къ нашимъ парткамъ и какъ будто неспохотливо обращался то къ одному, то къ другому изъ насъ. Все въ немъ увлекало насъ, возбуждало наше вниманіе:

и живая пылкая рѣчь, и интересъ содержанія лекцій, и даже оригинальныя модуляціи его голоса. Намъ нравились даже ошибки противъ русскаго языка — полонизмы, иногда портившіе его изложеніе. Онъ былъ изъ числа тѣхъ профессоровъ, которые пріѣзжали къ намъ каждую недѣлю изъ Петербурга, на два или на три дня, и останавливались въ одномъ изъ флигелей Лицея. Нерѣдко послѣ обѣда мы толпой врывались въ его помѣщеніе, чему онъ бывалъ всегда очень доволенъ, и тутъ начинались у насъ оживленныя бесѣды, отчасти научныя, а иногда и касавшіяся тревоженій моря житейскаго, но во всякомъ случаѣ поучительныя.

Профессоръ русской словесности, Петръ Егоровичъ Георгіевскій, былъ оригиналъ, какихъ мало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, превосходный, правдивый и благородный человѣкъ, за что мы искренно любили и уважали его, и, однако, уважать его, какъ профессора... не могли! Пропитанный до мозга костей семинарскою схоластикою, классикъ старыхъ временъ, онъ могъ понимать только Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Державина; далѣе онъ не шелъ. Пушкинъ былъ въ его глазахъ шалуномъ-романтикомъ; о Гоголѣ онъ не имѣлъ никакого понятія, хотя первыя повѣсти творца «Мертвыхъ душъ» появились уже въ печати. Его напечатанный уже тогда «Курсъ російской словесности» не могъ, конечно, удовлетворять насъ и возбуждать то улыбку, то досаду. Задавая намъ сочиненіе, онъ требовалъ, чтобы мы излагали его не иначе, какъ въ формѣ хрип: если большая или малая посылка были недостаточно ясно отгѣнены и раздѣльны, работа считалась неудачною.

Петръ Егоровичъ носилъ странную прическу: какой-то квадратный пирикъ — и имѣлъ привычку прищипывать себя анштами, приговаривая при этомъ: ну-тесъ. По росписи на лекціи, на его утреннею лекцію слѣдовала лекція французской литературы, которую преподавалъ профессоръ Жюль. Мы подмѣтили, что каждый годъ позднюю

осенью, когда выпадалъ первый снѣгъ, Георгіевскій, выходя изъ класса, встрѣчался въ большой актовой залѣ съ Жилле, который, подавая ему при встрѣчѣ руку и торопясь въ аудиторію, говорилъ: «*Bonjour, M-r Georgievsky-Zima!*» На это добрыйшій Пётръ Егоровичъ, улыбаясь и прищипывая себя локтями, неизмѣнно отвѣчалъ: Иверь! Иверь!, и затѣмъ они расходились.

Жилле былъ старикъ немного сгорбленный, съ тонкими чертами лица, въ родѣ Вольтера, строгій классикъ изъ эмигрантовъ, говорившій безукоризненно академическимъ языкомъ, игнорировавшій В. Гюго и вообще всѣхъ писателей романтической школы. Нельзя сказать, чтобы онъ сумѣлъ внушить намъ любовь къ псевдо-классической французской литературѣ. Мы, помимо его, усердно знакомились съ новѣйшими французскими писателями, какъ-то: Бальзакомъ, Е. Сю, Альфредомъ де-Виньи, В. Гюго и проч. Онъ въ насъ не оставилъ по себѣ особенно яркихъ воспоминаній. Зато профессоръ нѣмецкой литературы Оливъ никогда не изгладится изъ благодарной моей памяти. Это былъ тоже старикъ, но юный сердцемъ энтузиастъ-идеалистъ, съ горячей душой и недюжиннымъ умомъ. Своимъ пламеннымъ, воодушевленнымъ словомъ онъ приводилъ насъ въ поэтическое настроеніе. Благодаря ему, я ближе познакомился съ Шиллеромъ, Гете и Лессингомъ и по его совету началъ свой переводъ Эмиліи Галотти Лессинга (оконченный, изданный и поставленный на сцену дѣтъ-сиротъ, послѣ выпуска моего изъ Лицея). Простое Оливъ—одинокаго и обезображеннаго болѣзнію—было таинственно и загадочно. Ходили о немъ и неблагоприятные слухи, но намъ до нихъ не было никакого дѣла: онъ увлекалъ насъ поэтическою стремительностію своей натуры и самъ увлекался вместе съ нами, весь свой вѣкъ оставаясь младенцемъ въ практической жизни.

Жизнь наша въ старшемъ курсѣ оставила въ насъ неизгладимое слѣдѣе: мы приобретали нѣкую самостоятельности и характера, определялись направленіе нашихъ помысловъ.

идеалы и тѣ принципы, которымъ слѣдовать мы считали своимъ долгомъ, чтобъ поддержать честь Лицея... И опять-таки скажу: основаніемъ всему хорошему въ насъ служили лицейскія преданія. При этомъ я долженъ, однако, оговориться: много было темныхъ сторонъ и въ насъ самихъ и въ нашей обстановкѣ, но, какъ сказалъ Пушкинъ, что прошло, то будетъ мило! все дурное болѣе или менѣе изгладилось изъ моей памяти; осталось одно только свѣтлое, поэтическое воспоминаніе о годахъ моей лицейской затворнической жизни...

Мы жили вообще дружно; корпоративный духъ развился въ насъ особенно въ послѣдніе года пребыванія нашего въ Лицеѣ. Жить намъ было удобно: большая актовая зала съ колоннами была нашей рекреационною залю; окнами она выходила въ садъ съ одной стороны и на улицу съ другой. Изъ нея прямо былъ входъ въ двѣ отдѣльныя большія камеры для занятій, въ которыхъ у каждого изъ насъ была отдѣльная конторка. Черезъ лѣвую камеру входили въ аудиторію—также очень большую свѣтлую комнату, съ окнами на обѣ стороны, какъ и зала. Далѣе слѣдовали физическій кабинетъ и химическая лабораторія. Изъ большой актовой залы вела дверь въ бібліотеку—длинную, теплую галлерею, перекинутую черезъ улицу и служившую сообщеніемъ между зданіемъ Лицея и старымъ Царскосельскимъ дворцомъ. Черезъ эту бібліотеку мы по воскресеньямъ проходили въ дворцовую церковь, въ которой, въ августъ и сентябрѣ, присутствовала при литургіи вся царская фамилія и пѣли придворные пѣвчіе....

Въ старшемъ курсѣ мы сблизились съ непосредственными нашими руководителями-гувернерами. Старѣйшій и почтеннѣйшій изъ нихъ былъ Сергѣй Гавриловичъ Чириковъ, состоявшій въ этомъ званіи съ самаго основанія Лицея и воспитывавшій Пушкина. Это былъ благороднѣйшій и добрѣйшій человекъ, обладавшій замѣчательнымъ тактомъ. Вслѣдствіе чего, не смотря на его стой-

кость, въ отношеніяхъ между нами не проскользало ни одно недоразумѣніе, не спускалось ни одно темное облачко. Онъ былъ живою хроникою мінуваго Лицея, и мы осаждали его любопытными разспросами про старину. Прежніе курсы называли его почему-то «героемъ сѣвера» и писали къ нему посланія въ стихахъ и прозѣ. Онъ съ добродушною снисходительностью отзывался о шаловливыхъ выходкахъ Пушкина, о его сарказмахъ и эпиграммахъ....

Два другіе наши гувернера представляли собою противоположные типы. Павелъ Петровичъ Гельмерсенъ — высокій, красивый остзеецъ, съ совершенно лысой головою, краснѣвшій, какъ и лицо его, при каждомъ нескромномъ словѣ, отличался сдержанностью и важнымъ видомъ. Такъ какъ онъ постоянно носилъ новый синій вицъ-мундиръ, то мы дали ему кличку: синій домъ съ красной крышей, но, впрочемъ, всегда уважали и цѣнили его за постоянно ровное, благородное къ намъ отношеніе. Намъ нравился въ немъ типъ вполнѣ порядочнаго человѣка.

Австрійскій подданный Иванъ Егоровичъ Мартини былъ человѣкъ совершенно иного закала. Чрезвычайно начитанный, много видѣвшій въ жизни, серьезный и образованный, онъ приносилъ намъ большую пользу своею поучительною и разнообразною бесѣдой. На лицѣ его южно-германскаго пѣвца, всегда неизмѣнно-спокойномъ, сквозила неуловимая тѣнь постоянной грусти, о причинахъ которой мы фантазировали, каждый на свой ладъ, объясняя ее разными романтическими исторіями. Нѣкоторые подозрѣвали его въ хитрости, двуличіи, даже въ шпіонствѣ, подъ маскою безукоризненно-любезнаго съ нами обращенія. Я знаю только, что зла онъ намъ никакого не сдѣлалъ.

Гигіеническія условія Царскосельскаго Лицея были такъ благопріятны, благодаря здоровой мѣстности, что врачу не было у насъ особенно много дѣла. О заразныхъ эпидемическихъ болѣзняхъ (кромѣ кори) не было и помину; тяжелыя формы горячки (названіе тифъ еще не существовало) встрѣчались очень рѣдко; о болѣзняхъ сердца

мы никогда не слышали. Большею частью все ограничивалось легкими простудными недугами да простымъ разстройствомъ желудка.

Нашъ докторъ—Францъ Осиповичъ Пешель,—высокій, полный, среднихъ лѣтъ мужчина—былъ большой весельчакъ, говорунъ и притомъ—философъ. Любимая поговорка его была: *nil admirari!* Опредѣляя у больного *febris gastrica*, онъ обыкновенно совѣтовалъ быть умѣреннымъ въ пищѣ, приговаривая: *non qualitas, sed quantitas!*

Не знаю, искусству его или удачѣ, или, скорѣе, здоровому воздуху Царскаго Села, которымъ мы дышали въ окружающихъ насъ садахъ, слѣдуетъ приписать то, что въ продолженіе 6-ти лѣтънаго моего пребываніе въ Лицеѣ изъ всего состава его воспитанниковъ выбылъ за смертію только одинъ...

Въ свободное отъ занятій время мы все ближе сходились въ дружескихъ бесѣдахъ, мечтали о предстоящей свободѣ.... Жизнь вдали представлялась намъ такою радужною и безконечною!

У насъ были свои курсовыя пѣсни, и хоръ нашъ шелъ довольно согласно; подъ конецъ только достали мы положенную на голоса прощальную лицейскую пѣснь Дельвига и стали пѣть предъ выпускомъ.

Заключительный куплетъ пѣсни:

Простимся, братья, руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ....

вызывалъ тяжелое чувство: мы покидали тихое, безмятежное счастье, какого, конечно, не встрѣчали болѣе въ жизни....

Весной 1838 года, передъ нашимъ выпускнымъ экзаменомъ, назначены были испытанія для вновь поступавшихъ. Конкурсъ въ то время былъ не особенно великъ, однако ежедневно собиралось у насъ много мальчуга-

новъ въ курточкахъ и гимназическихъ мундирахъ, съ ихъ родителями, родственниками и гувернерами. Вся эта публика наполняла, по утрамъ, нашу актовую залу и мѣшала намъ заниматься. Мы уходили кто въ садъ, кто въ спальни, кто въ аудиторію. Такъ продолжалось уже нѣсколько дней, какъ вдругъ—точно громъ изъ яснаго неба—неожиданно стряслась надъ нами бѣда....

Намъ, какъ стоявшимъ подъ высшимъ военнымъ начальствомъ, строго-на-строго было запрещено носить длинные волосы. Одинъ изъ моихъ товарищей, де-Бриньи, красивый юноша, живой и юркій, отращивалъ себѣ волосы къ выпуску, думая, что на такую мелочь не будетъ обращено вниманія. Вышло не такъ: инспекторъ замѣтилъ, распекъ его и засадилъ въ карцеръ.

Въ курсѣ поднялась буря. Какъ! Наканунѣ выпуска! Въ карцеръ, какъ школьника! Нѣтъ, это слишкомъ! Броженіе, негодованіе перешли въ шумъ, въ гвалтъ. Мы не помнили себя: наша зала полна постороннихъ, а мы бѣшущимъ въ сѣбѣднихъ комнатахъ, требуемъ, чтобы товарищи вывели насъ изъ-подъ ареста.

Инспекторъ, оставаясь въ сторонѣ, выпустилъ, для усмиренія насъ, самого генерала. Мы стояли предъ нимъ, на площадкѣ, предъ лѣстницей, плотной кучкой, и громко, хоромъ, повторяли свое требованіе, не обращая вниманія на его угрозы и приказаніе замолчать и разойтись. Какъ обыкновенно бываетъ, нѣкоторые выступили впередъ и кричали болѣе дружно, обвиняя инспектора и не шадя самого генерала, который, видя, что съ нами не сладить, принужденъ былъ уступить.

Это отступленіе еще болѣе подняло нашу энергію, и сцена вышла очень серьезная. Вслѣдъ за тѣмъ мы бросились къ карцеру, ключъ отъ него отняли у служителя и выпустили де-Бриньи на свободу.

Въ то же утро директоръ отправился въ Петербургъ, чтобы донести великому князю Михаилу Павловичу о происшествіи. Отрезвившись отъ первой вспышки, мы

ясно увидѣли все значеніе и предвидѣли послѣдствія того, что надѣлали; но упадка духа между нами не было: мы были убѣждены, что не могли поступить иначе, и готовились на все худшее. Многіе написали роднымъ въ Петербургъ; между прочими товарищъ нашъ Юлій Константиновичъ Арсеньевъ написалъ отцу, бывшему тогда преподавателемъ исторіи Наслѣдника Цесаревича.

Такъ прошло два дня въ мучительномъ ожиданіи. На третій день бывшіе въ саду прибѣжали съ извѣстіемъ: Ростовцевъ пріѣхалъ!

Насъ собрали, подъ вечеръ, въ актовую залу и поставили въ шеренгу. Начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, полковникъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, и нашъ генералъ вошли вмѣстѣ. Мрачное выраженіе лицъ обоихъ не предвѣщало ничего добраго.

Высказавъ намъ нашу тяжкую вину, «Господа!—Ростовцевъ, продолжалъ—съ болящимъ сердцемъ я долженъ вамъ объявить рѣшеніе Его Высочества: не допуская васъ къ экзамену, троихъ изъ васъ: Леонида Воейкова, Бориса Иксуля и Александра Трофимова—опредѣлить въ военную службу рядовыми; остальныхъ выпустить въ гражданскую службу безъ чина, съ званіемъ канцелярскихъ служителей, кромѣ г. де-Брины, котораго, какъ не участвовавшаго въ смутѣ, допустить къ выпускному экзамену и затѣмъ предоставить ему право на тотъ чинъ, котораго онъ заслуживаетъ по своимъ успѣхамъ и поведенію».

Сентенцію эту мы выслушали въ мрачномъ молчаніи. Минуту спустя, де-Брины выступилъ впередъ и сказалъ:

— «Господинъ полковникъ, позвольте мнѣ раздѣлить участь моихъ товарищей!»

Я не имѣю права,—отвѣчалъ Ростовцевъ,—измѣнить рѣшеніе великаго князя, но доведу до свѣдѣнія Его Высочества о вашемъ благородномъ поступкѣ.

Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, онъ сказалъ:

— «Вотъ, господа, до чего довели васъ неуваженіе

къ закону, непокорность начальству, необузданность воли! Почтенный вашъ директоръ, убѣленный сѣдинами, отецъ семейства, безпорочно и съ честію прослужившій 40 лѣтъ, долженъ будетъ, благодаря вамъ, лишиться мѣста!

Эти слова произвели на насъ потрясающее впечатлѣніе: въ насъ произошелъ мгновенный взрывъ состраданія, раскаянія. Не знаю, какъ это случилось, но всѣ мы внезапно, какъ одинъ человѣкъ, бросились къ генералу, окружили его, со слезами просили его прощенія, нѣкоторые даже упали предъ нимъ на колѣни, другіе цѣловали его въ грудь и плакали.

Ростовцевъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, смотрѣлъ на эту сцену.

— Господа! — вдругъ закричалъ онъ — «подите ко мнѣ!» — а самъ такъ и плачетъ — «дайте васъ обнять!» — и съ этими словами сталъ горячо обнимать и цѣловать каждого изъ насъ порознь. «Вы благородные люди!» — продолжалъ онъ — «я обо всемъ расскажу Его Высочеству, я буду вашимъ ходатаемъ!»

Мы со слезами благодарили этого превосходнаго человѣка, проводили его до коляски и окончили тотъ день утѣшенные, примиренные съ своею совѣстью.

Еще прошелъ мучительный день ожиданія. Мы плохо надѣялись на смягченіе суроваго приговора великаго князя Михаила Павловича, зная о его неумолимой строгости и не зная еще его добраго сердца. Съ судорожнымъ нетерпѣніемъ глядѣли мы на улицу, по которой долженъ былъ проѣхать Ростовцевъ. Наконецъ, раздались крики: ѣдетъ! ѣдетъ! и мы опять выстроились въ актовую залу.

Яковъ Ивановичъ вошелъ къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ намъ, охотно заикаясь:

— Господа, я доложилъ великому князю о вашихъ благородныхъ чувствахъ и раскаяніи. Его Высочество, тронутый ими, приказалъ мнѣ объявить полное прощеніе всѣмъ вамъ, безъ различія и допустить васъ къ выпускному экзамену. Желаю вамъ выдержать его блестящею

Можно себѣ представить, какой восторгъ овладѣлъ всѣми нами и какъ горячо мы снова благодарили нашего дорогого ходатая!

Это прискорбное событіе въ Лицеѣ сдѣлалось немедленно извѣстнымъ въ Петербургѣ и возбудило много толковъ среди учащейся молодежи и въ ихъ воображеніи приняло громадныя размѣры. Объ этомъ можно судить по выдержкамъ изъ дневника, веденнаго въ училищѣ правовѣдѣнія воспитанникомъ В. Д. Филосовымъ.

27 мая (1838 года).

Вечеромъ, во время экзамена русскаго языка въ V классѣ, директора вдругъ вызвали. Потомъ онъ возвратился съ безпокойствомъ и началъ перешептываться съ инспекторомъ и барономъ Врангелемъ и Георгіевскимъ. Нужно бы узнать эту тайну.

28 мая.

Наконецъ, нѣсколько успѣлъ узнать ее. Что-то случилось въ Лицеѣ. Многіе воспитанники будутъ солдатами, или писцами. Непремѣнно постараюсь вывѣдать это подробно. Узналъ: Въ Лицеѣ въ старшемъ курсѣ сдѣлали бунтъ. Побили инспектора Оболенскаго, за что 3 человѣка въ солдаты, въ томъ числѣ Воейковъ, а остальные въ писцы.

29 мая.

Про лицейскихъ слухи, что, вѣроятно, Михаилъ Павловичъ облегчитъ наказаніе.

1 іюня.

Говорятъ, лицейскихъ простили» ¹⁾.

Возвратимся къ разсказу Яхонтова.

До публичнаго экзамена оставалось всего нѣсколько дней; въ продолженіе всей нашей смуты мы не могли, конечно, ничѣмъ заняться, и нужно было наверстать по-

¹⁾ Авторъ дневника В. Д. Филосовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь и членъ Государственнаго Совѣта, умеръ въ 1894 г. Выписка изъ его дневника любезно сообщена мнѣ сыномъ покойнаго Д. В. Филосовымъ.

терянное время. Но тутъ возникъ важный для насъ вопросъ: какъ быть съ сочиненіями? Обыкновенно, къ выпускному экзамену каждый представлялъ сочиненіе изъ любимаго своего предмета, и мы придавали этому дѣлу особенную важность, воображая, что присутствующіе на экзаменѣ непременно будутъ читать наши научно-литературные опыты, а потому трудились надъ ними съ любовію и тщательно переписывали ихъ на веленовой бумагѣ. Понятно, что въ пережитые нами тревожные дни намъ было не до сочиненій, а потому многія изъ нихъ такъ и остались не перебѣленными, такъ что пришлось оставить ихъ подъ спудомъ. Со мною же произошла, сверхъ того, неожиданная неудача: вмѣсто сочиненія, я задумалъ представить написанный гекзаметрами переводъ большого отрывка изъ «Превращеній» Овидія, подъ заглавіемъ: Нимфа Каилистона. Переводъ мой былъ предварительно исправленъ и одобренъ профессоромъ Георгіевскимъ, но представить его онъ мнѣ не разрѣшилъ, говоря: «слишкомъ соблазнительно, ну-тесъ, и для чтенія высокопоставленныхъ лицъ, во время экзамена, неприлично». Почтенный Петръ Егоровичъ былъ, можетъ быть, и правъ, но я-то остался не при чемъ!

На нашихъ выпускныхъ экзаменахъ присутствовать, въ качествѣ экзаменатора, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ и, помнится, остался нами очень доволенъ. Мы удивлялись его многостороннимъ знаніямъ и обширной памяти; замѣчательно было и то, что, сильно заикаясь въ обыкновенномъ разговорѣ, онъ почти освобождался отъ этого недостатка, когда дѣлалъ намъ научные вопросы.

Въ свободные между экзаменами дни начались у насъ новыя хлопоты—на этотъ разъ самыя пріятныя: къ намъ наѣхали изъ Петербурга французы-продавцы разныхъ туалетныхъ мелочей и благовонныхъ товаровъ, сапожники, портные съ предварительно изготовленными уже по нашимъ мѣркамъ платьями. Тутъ были лучшіе мастера: Оливье, Ручъ, Петерсъ и проч. Урывками примѣряли мы

синіе и коричневыя фраки, съ большими золотыми пуговицами и широчайшими фалдами, и другія принадлежности статскаго костюма. Все было сшито въ обтяжку, сидѣло на насъ отлично, стоило очень дорого и казалось намъ очень красивымъ. Но, главное, какъ при этомъ было намъ весело!!

По окончаніи послѣдняго экзамена (23-го іюня 1838 года), прежде чѣмъ облачиться въ новое статское платье, мы всѣ, 18 товарищей, собрались въ послѣдній разъ въ аудиторію, заперли за собою двери и простились по-братски....

Потомъ, одѣвшись въ новыя костюмы, простившись со всѣми, какъ начальниками, такъ и служащими въ Лицеѣ, мы переступили чрезъ порогъ его и, ногъ подъ собою не слыша, направились къ станціи Царскосельской желѣзной дороги, только что открытой для правильнаго движенія.

Въ прелестный лѣтній вечеръ понеслись мы къ Петербургу: это было первое наше путешествіе по рельсамъ. Мы вступали въ жизнь на парахъ, стремились въ даль, не оглядываясь; мы были, какъ въ чаду....

Чрезъ три дня всѣ мы собрались въ квартирѣ Якова Ивановича Ростовцева, чтобы еще разъ отъ всего сердца поблагодарить его за спасеніе отъ угрожавшей намъ бѣды».

По окончаніи курса Яхонтовъ, прослуживъ недолго въ Петербургѣ, вернулся въ родную свою Псковскую губернію, гдѣ въ теченіе 10 лѣтъ былъ директоромъ Псковской гимназіи, а затѣмъ занималъ разныя должности по дворянскимъ и земскимъ выборамъ. До конца жизни онъ не покидалъ литературныхъ занятій. Труды его перечислены въ приложеніи къ его краткой автобіографіи ¹⁾. Изъ нихъ наиболѣе цѣнны переводы какъ прозаическіе, такъ и стихотворные Гете и Лессинга. Значительно слабѣе его оригинальныя стихотворенія, собранныя имъ въ из-

¹⁾ Русская Старина, 1890 г., т. 68, стр. 693.

данной въ 1884 году книжкѣ. Лицеемъ навѣяны два стихотворенія: «Senio Iosi» и «Памяти Пушкина» (по случаю открытія памятника ему въ Москвѣ).

Съ своей стороны К. С. Веселовскій рассказываетъ о пребываніи въ Лицеѣ слѣдующее:

Однажды, въ исходѣ 1832 года, въ одну изъ субботъ, по окончаніи классовъ, передъ роспускомъ учениковъ къ родителямъ, добрыйшій Петръ Ивановичъ Бернадъ, директоръ первой гимназіи, призвавъ меня къ себѣ, спросилъ, не желаю ли я перейти на казенный счетъ въ Царскосельскій Лицей. При такомъ вопросѣ я свалился съ неба. До того времени я никогда и не слыхивалъ даже о существованіи какого-то Лицея. Я отвѣчалъ, что самъ я его вопроса рѣшить не могу, а долженъ спросить своего отца. Когда я ему передалъ вопросъ Бернарда, то и онъ пришелъ въ недоумѣніе, не имѣя также никакого понятія о томъ, что за заведеніе былъ этотъ Лицей—доказательство, какъ мало была до того времени распространена извѣстность его. И это было понятно, и легко объяснимо малымъ числомъ воспитывавшихся въ немъ, выпусками изъ него лишь разъ въ три года и отдаленностью Царскаго Села отъ столицы, которая еще не соединялась съ нимъ желѣзною дорогой. Чтобы разяснить себѣ, что за заведеніе былъ Лицей, отецъ отправился къ считавшейся съ нами въ родствѣ или точнѣе—своимъ, Авдотѣ Васильевнѣ Волковой, сынъ которой—Александръ Павловичъ Волковъ—лиценстъ VI-го курса, именно въ этомъ году былъ выпущенъ изъ заведенія. Волковъ съ такимъ восторгомъ отзывался о Лицеѣ, что нечего было колебаться: выборъ былъ незатруднителенъ между немедленнымъ поступленіемъ на казенный счетъ въ первоклассное учебное заведеніе и пребываніемъ неопредѣленнымъ можетъ быть, долгое время на спискѣ кандидатовъ въ царскій корпусъ, съ очень невѣрной надеждою—дождаться своей очереди поступленія туда до истеченія положеннаго предѣльнаго возраста. Итакъ, я

принесъ директору Бернарду отвѣтъ мой и моего отца о желаніи перевода въ Лицей.

Вслѣдъ за тѣмъ всѣхъ учениковъ, признанныхъ достойными поступленія въ Лицей, отдѣлили отъ прочихъ гимназистовъ въ ожиданіи отправления въ Царское Село, и, наконецъ, 6-го октября 1832 года въ нѣсколькихъ каретахъ доставили въ Лицей. Этотъ день, составившій собою рѣшительный переломъ во всей моей судьбѣ, остался крѣпко въ моей памяти на всю жизнь.

Не вдаваясь въ хронологическій разсказъ о шестилѣтнѣмъ пребываніи IX курса въ Лицеѣ, ограничусь сообщеніемъ только тѣхъ фактовъ, которыми болѣе или менѣе характеризуется съ разныхъ сторонъ внутренній бытъ тогдашняго Лицея.

Въ мое время, не смотря на то, что съ 1817 года—года Пушкинскаго выпуска—въ стѣнахъ Лицея смѣнилось семь курсовъ воспитанниковъ, и что многое въ немъ измѣнилось съ той поры, какъ, по выраженію Я. К. Грота, желѣзная рука Аракчеева исторгла Лицей въ 1822 г. изъ министерства просвѣщенія и отдала его подъ военную опеку, еще сохранялись воспоминанія и преданія о первыхъ годахъ жизни заведенія, о порядкахъ, тогда существовавшихъ, о лицахъ, которымъ довелось играть тогда наиболѣе выдающіяся роли. Проводниками и хранителями тѣхъ воспоминаній служили доживавшіе при насъ свой тѣкъ живые свидѣтели того времени: гувернеръ и учитель исторіи Фотій Петровичъ Калининъ, гувернеръ и учитель рисованія Сергій Гавриловичъ Чириковъ, врачъ при больницѣ Францъ Осиповичъ Пешель, преподаватели математики Яковъ Ивановичъ Карцовъ и исторіи—Иванъ Кузьмичъ Каѣдановъ. всѣ они вступили въ Лицей при самомъ его открытіи. Они охотно вспоминали при случаѣ о старомъ бытѣ Лицея, такъ какъ это были для нихъ столь дорогія для всякаго человѣка воспоминанія о времени своей собственной молодости, а мы всегда съ жадностью слушали ихъ разсказы о Пушкинѣ и его товари-

шахъ. Теперь приходится только пожалѣть, что я тогда не вздумалъ записывать ихъ рассказы. Помню только, что ихъ воспоминанія всего болѣе оживлялись, когда рѣчь заходила о Пушкинѣ, а затѣмъ о Вольховскомъ и князѣ Горчаковѣ; эти имена, видимо, заслоняли въ ихъ памяти личность прочихъ ихъ товарищей.

Въ лицейскомъ саду еще сохранялись деревянная бесѣдка, подъ названіемъ грибокъ, и дерновый памятникъ, съ мраморною доскою и надписью *genio loci*... У всѣхъ у насъ были списки «Прощальной лицейской пѣсни» барона Дельвига и рукописные списки (тогда печатныхъ еще не было) всѣхъ воспитанниковъ первыхъ лицейскихъ выпусковъ. Наконецъ, продолжая традицію, сохранявшуюся въ бывшихъ до насъ курсахъ, мы считали своимъ долгомъ въ память о Пушкинѣ заниматься литературнымъ писательствомъ...

Нашъ IX-й курсъ былъ связанъ съ первобытнымъ Лицеемъ не одними преданіями и воспоминаніями о немъ; болѣе существеннымъ связующимъ звеномъ служили уцѣлѣвшіе еще до насъ остатки учебного персонала, столь своеобразно набраннаго въ 1811—1815 годахъ для Лицея. Такими остатками были: Карповъ, Кайдановъ, Георгіевскій, Оболенскій и Шульгинъ. Всѣ они происходили изъ духовнаго званія, учились въ разныхъ семинаріяхъ, изъ которыхъ были переведены въ Петербургскій педагогическій институтъ, а изъ него еще студентами взяты въ Лицей, и, такимъ образомъ, были наставниками и учителями юношей, приготавливаемыхъ въ «важныя частныя службы государственной». Все это были люди очень молодые, отъ 20 до 29 лѣтъ ¹⁾, нигдѣ до того времени не преподававшіе, не имѣвшіе поэтому ни опытности, ни навики въ дѣлѣ преподаванія, изъ тому же не имѣвшіе никакой спе-

¹⁾ Изъ нихъ приняты въ 1811 г. Кайдановъ былъ 29 лѣтъ, Карповъ — 28 лѣтъ, приняты въ 1813 и 1816 году Шульгинъ былъ 19 лѣтъ, Георгіевскій — 23 лѣтъ, Оболенскій — 25 лѣтъ. [Какъ это примѣчаніе такъ и не объяснено на стр. 383—402 примѣчаніемъ К. С. Веселовскому Д. К.]

цѣлности и потому легко переходившіе, въ качествѣ учителей, съ одного предмета на другой, смотря по тому, по какому предмету открывалась вакансія. Они постепенно носили званіе сперва адъюнктовъ, а потомъ профессоровъ, но это были званія собственной лицейской интронизации, которыя не состояли ни въ какой связи съ учеными степенями магистра и доктора. Профессорами назывались занимавшіе штатныя профессорскія каѳедры; адъюнктъ, получая въ случаѣ вакансіи одну изъ такихъ каѳедръ, становился черезъ то самое профессоромъ.

Такъ, А. Ф. Оболенскій, поступившій въ 1816 году изъ студентовъ Педагогическаго института гувернеромъ въ Лицейскій пансіонъ, обучалъ тамъ сперва латинскому языку и арифметикѣ, а въ Лицее преподавалъ въ младшемъ возрастѣ, между прочимъ, и въ нашемъ IX-мъ курсѣ, психологію по учебнику Фриса, логику и нравственную философію по учебнику Герлаха; потомъ, подвигаясь постепенно по лѣстницѣ учебной іерархіи, кончилъ тѣмъ, что—уже въ званіи профессора—читалъ гражданскіе законы, финансовое право и законы благоустройства и благочинія.

Такъ, И. П. Шульгинъ 19-ти лѣтнимъ юношей былъ назначенъ изъ студентовъ Педагогическаго института гувернеромъ и учителемъ исторіи и географіи въ младшемъ возрастѣ Лицея, затѣмъ постепенно въ званіи адъюнкта и, наконецъ, профессора преподавалъ въ старшемъ возрастѣ исторію, географію и статистику.

Точно также П. Е. Георгіевскій, поступивъ въ Лицей въ 1815 году изъ студентовъ Педагогическаго института, куда былъ переведенъ изъ Калужской семинаріи, началъ съ того, что былъ гувернеромъ и репетиторомъ, прошелъ затѣмъ черезъ степени адъюнкта и профессора, занимаясь преподаваніемъ латинскаго языка и словесности, русской грамматикѣ, риторики, теоріи слога, прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, теоріи изящныхъ искусствъ, пѣнны и теоріи прононціи. Долговременное преподаваніе

этихъ мудреныхъ наукъ доставило ему, наконецъ, званіе заслуженнаго профессора.

Два остальные—Я. И. Карцовъ и И. К. Кайдановъ—были по окончаніи Педагогическаго института посылаемы для усовершенствованія своего—первый въ математическихъ наукахъ, а второй по наукамъ историческимъ—въ германскіе университеты. Карцовъ, кромѣ того, слушалъ еще лекціи въ Парижѣ въ Collège de France. Въ Лицеѣ они преподавали: Карцовъ разныя части математики и физики, а Кайдановъ, кромѣ русской и всеобщей исторіи, въ первое время своего пребыванія въ Лицеѣ преподавалъ географію и статистику.

Таковы были въ учебномъ персоналѣ участвовавшіе до насъ остатки отъ Пушкинскаго времени, съ тою разницею, что въ то время они сами были еще новички въ дѣлѣ преподаванія, а теперь въ теченіе прошедшихъ съ той поры 20 или 25 лѣтъ сами къ дѣлу попривыкли, понаучились, по правилу docendo discimus. Всѣ они старательно исполняли порученное имъ дѣло, добросовѣстно трудились надъ нашимъ образованіемъ, но, конечно, могли дѣйствовать только въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ ихъ собственнымъ образованіемъ и талантомъ, поэтому и дѣйствіе ихъ на воспитанниковъ было очень различно.

Карцовъ, страдая болѣзненною тучностью, былъ въ то время уже, что называется, человѣкомъ отжившимъ; малѣйшее движеніе было ему въ тягость; прошла и его разговорчивость, уже не было проявленій его остраго и язвительнаго ума, о которомъ говоритъ М. А. Корфъ. Читанный имъ у насъ, въ III-мъ классѣ, курсъ математики былъ уже его лебединою пѣснью; онъ умеръ въ 1836 году. Кажется, онъ былъ болѣе физикъ, чѣмъ математикъ, которую онъ преподавалъ какъ бы нехотя. Предметомъ его, слѣдуя отчасти лицейскому преданію, мы мало интересовались, такъ какъ въ III-мъ классѣ уже начинались наши занятія по историко-политическимъ наукамъ, болѣе для насъ нужнымъ, и на которыхъ поэтому и сосредото-

гочивалось наше вниманіе. Продолжателемъ Карцова по кафедрѣ математики и физики былъ Николай Тихоновичъ Щегловъ—у него желавшіе могли достаточно ознакомиться съ этими предметами, но, къ сожалѣнію, лишь въ томъ очень небольшомъ объемѣ, какой имъ былъ отведенъ въ общемъ учебномъ лицейскомъ планѣ.

Георгіевскій читалъ предметы, которые могли бы быть интересны и намъ полезны, но только подъ однимъ условіемъ: чтобы они были трактованы съ большимъ талантомъ. Лекціямъ его, страдавшимъ сухостью и даже какою-то схоластичностью изложенія, недоставало того, что можетъ быть плодомъ только работы собственной мысли, оплодотворенной непосредственнымъ знакомствомъ съ подлинными произведеніями европейскихъ литературъ, и не можетъ быть получено компилятивной работой надъ готовыми учебниками. Поэтому лекціи его для насъ могли быть только упражненіемъ одной памяти, изъ которой, къ счастью нашему, ненужныя намъ вещи легко испаряются. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляли занятія наши у Георгіевского по предмету римской литературы, которыя были для насъ интересны, и мы усердно читали и разбирали подъ его руководствомъ латинскихъ авторовъ, начиная съ Федра и Корнелія Непота, продолжая Юліемъ Цезаремъ и Саллюстіемъ и кончая Virgiliemъ и Горациемъ.

Почти то же должно сказать и о лекціяхъ Кайданова. Казалось бы, что для юношей, приготавливаемыхъ «для важныхъ частей службы государственной», т. е., говоря проще—для государственной дѣятельности, исторія—эта наставница царей—должна была бы составлять краеугольный камень образованія. А она-то, по ироніи судьбы, и составляла самую слабую сторону лицейскаго обученія. Кайдановъ извѣстенъ по всей Россіи безчисленнымъ множествомъ изданныхъ имъ учебниковъ по всеобщей и русской исторіи, которые онъ разнообразилъ до безконечности, выпуская въ свѣтъ то небольшія книжицы, то болѣе

объемистыя, издавая одни и тѣ же учебники въ постепенно измѣняемыхъ новыхъ изданіяхъ, которые и въ этихъ новыхъ изданіяхъ были столь же бѣдны содержаніемъ, какъ и въ предшествовавшихъ. Не знаю, какъ читалъ онъ въ прежде насъ бывшихъ курсахъ; по свидѣтельству М. А. Корфа и Я. К. Грота, устные лекціи его были удовлетворительнѣе его учебниковъ; но никакъ нельзя того же сказать о преподаваніи его въ нашемъ IX-мъ курсѣ. Было ли то дѣйствіемъ старости ¹⁾, утомленія ли отъ пройденнаго жизненнаго пути, или слѣдствіемъ житейской мудрости малоросса, который, какъ умный человѣкъ, долженъ былъ сознавать, что у насъ въ то время могла существовать только исторія *in usum delphini*, но только, и устное преподаваніе Кайданова служило столь же мало, какъ и его учебники, къ разъясненію смысла событій, изъ которыхъ слагается всякая исторія. Къ тому же иногда Кайдановъ приносилъ съ собою на кафедру листы приготавлиаемаго имъ новаго изданія его учебника и читалъ лекцію по книгѣ, которая у насъ всѣхъ была въ рукахъ, лишь кое-гдѣ вставляя изустно кое-какія замѣчанія и размышленія, не особенно полновѣсныя по содержанію. Это походило на того нѣмецкаго профессора, у котораго въ конспектѣ, служившемъ ему при чтеніи лекцій, было на поляхъ отмѣчено: *hier pflege ich ein Witz zu machen*. Вотъ для примѣра, какими изустными вставками пополнялъ Кайдановъ свои чтенія изъ учебника: говоря о реформаціи, онъ замѣчалъ: «долго заряжалась въ Германіи пушка, пришелъ Лютеръ и выпалилъ, пафъ! вотъ, это и есть реформація».

Лекціи Оболенскаго были хорошо припоровлены къ степени познаній и развитія его слушателей. Рѣчь его была строго обдуманною, павною и ровною, она всегда была полна содержанія. Его лекціи психологін и нравственной философіи слушались нами внимательно и охотно.

¹⁾ Кайдановъ, послѣ 30-лѣтней службы въ Лицеѣ, вышелъ въ отставку въ 1841 и умеръ въ 1843 году.

Самъ Оболенскій не внушалъ къ себѣ особенной симпатіи нашей, онъ всегда смотрѣлъ нѣсколько исподлобья, никогда не улыбался, но былъ добрый человѣкъ и, будучи, въ качествѣ инспектора, главнымъ наблюдателемъ за нравственностью воспитанниковъ, исполнялъ эту обязанность старательно, но съ употребленіемъ мало симпатичныхъ средствъ: тайнаго осмотра нашихъ книгъ и тетрадей и шпионства черезъ воспитанниковъ.

И. П. Шульгинъ былъ наиболѣе любимымъ нашимъ профессоромъ. Человѣкъ съ прямымъ, открытымъ характеромъ, онъ невольно располагалъ къ себѣ; въ своихъ сношеніяхъ съ воспитанниками проявлялъ душевную привѣтливость и сердечное радушіе. Онъ былъ замѣчательно уменъ, талантливъ и, любя свой предметъ и хорошо владея имъ, всегда умѣлъ оживлять свое изложеніе не риторическими фразами, а талантливой группировкой фактовъ. Его лекціи были въ числѣ тѣхъ, которыя наиболѣе врѣзывались въ память и обогащали понятія слушателей. Онъ у насъ читалъ въ 3-мъ классѣ физическую географію и историческую топографію Россіи. Эта послѣдняя была, кажется, и его любимымъ предметомъ, и была имъ обработана, какъ самостоятельный его трудъ. Въ ней, между прочимъ, нашли себѣ мѣсто живо начертанныя картины изъ исторіи нашихъ удѣльныхъ княжествъ, столь важной для объясненія топографіи Россіи. Не знаю, готовился ли онъ къ каждой лекціи, но читалъ ее всегда свободнымъ словомъ (*als freier Vortrag*), не имѣя передъ собою никакихъ записокъ, и я, увлекаясь столько же предметомъ, сколько и изяществомъ изложенія его, усердно записывалъ за нимъ, а, такъ какъ Шульгинъ говорилъ очень внятно, не торопясь, мѣрною и плавною рѣчью, то я вскорѣ достигъ такой быстроты письма, что безъ помощи какой-либо стенографіи заносилъ на бумагу, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, почти словами его всю лекцію; но я и самъ могъ разбирать свои каракули лишь при помощи памяти, только вскорѣ послѣ лекціи, и поэтому безотла-

гательно переписывалъ ихъ потомъ четкимъ почеркомъ. Мои записки по означеннымъ двумъ предметамъ, составленныя очень старательно, по окончаніи нами 3-го класса, выпросилъ у меня самъ Шульгинъ и благодарилъ за нихъ слѣдующею запискою:

Благодаря васъ за вашъ трудъ усердный и добросовѣстно-заботливый, я прошу васъ быть истолкователемъ и моихъ чувствъ и надеждъ моихъ передъ вашими любезными товарищами. Не скрою, что мнѣ прискорбно было бы, еслибы наша лебединая пѣснь ¹⁾ пропѣта была не такъ хорошо, какъ я этого желаю и—ожидаю. Пусть я возьму съ собою самыя пріятныя объ васъ воспоминанія и радушно сохраняю ихъ; пусть и вы, мои добрые друзья, иногда помянете, что бесѣды наши были для васъ не безъ пользы, такъ какъ онѣ для меня были не безъ утѣшенія. Передайте это все г.г. воспитанникамъ 4-го класса и увѣрьте ихъ такъ, какъ я васъ увѣряю, въ моемъ душевномъ ко всѣмъ вамъ расположеніи. Весь вашъ И. Шульгинъ. 28 ноября 1836 г.

Шульгинъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ; всякій, кто прослушалъ его курсъ, не можетъ не сохранить о немъ благодарнаго воспоминанія.

Лекціи о французской словесности читалъ намъ, на французскомъ языкѣ, старикъ Реми Жилле, одинъ изъ тѣхъ французовъ, которыхъ въ такомъ множествѣ выкинули тогда на русскій берегъ волны французской революціи, и которые у насъ такъ легко получали мѣста воспитателей русскаго юношества. Получивъ какъ-то отъ Харьковскаго университета, въ 1810 г., когда ему было 45 л. отъ роду, докторскій дипломъ, онъ съ нимъ вступилъ въ русскую службу по лѣсному департаменту, а во время Отечественной войны продолжалъ службу по военному вѣдомству въ 3-мъ округѣ внутренняго ополченія по квартирмейстерской части. По окончаніи войны 1812 г.

¹⁾ Окончивъ 3-й классъ, мы расставались съ Шульгинымъ, такъ какъ въ 4-мъ классѣ онъ уже не читалъ.

Жилле занялся воспитаніемъ русскаго юношества, былъ гувернеромъ въ знатныхъ домахъ (тамбовскаго помѣщика Загряжскаго, графа Бутурлина и др.) и попалъ въ профессора французской словесности по личному знакомству съ своимъ землякомъ, первымъ директоромъ Ришельевского Лицея, французскимъ аббатомъ Николемъ. Старикъ Жилле было поручено въ 1818 или 1819 г. отвезти молодыхъ князей Дмитрія и Григорія Петровичей Волконскихъ изъ Петербурга въ Одессу для опредѣленія ихъ въ открытый тамъ въ 1817 году Лицей. Тутъ Николь взялъ его сперва себѣ въ помощники, а потомъ добровольно отказался отъ мѣста директора Лицея и сдалъ его сполна г-ну Жилле, который, однако, во время своего директорства такъ запутался въ дѣлахъ по хозяйственной части Лицея, по которымъ оказалось на него начета до 40.000 р., что дѣло кончилось бы для него плохо, еслибы не нашелся благодѣтель, внесшій за него эту сумму ¹⁾. Пробывъ затѣмъ 7 лѣтъ въ отставкѣ, онъ, наконецъ, въ 1829 г., на 64 году своей жизни, получилъ впервые мѣсто по ученой части: именно профессорскую каѳедру въ Главномъ педагогическомъ институтѣ. Такое запоздалое обращеніе къ наукѣ облегчалось для него тѣмъ, что во французской литературѣ въ то время не было недостатка въ хорошихъ учебникахъ и литературныхъ пособіяхъ, и онъ не дурно справлялся со своимъ предметомъ при помощи всѣмъ извѣстныхъ трудовъ Лагарпа, Вильмена, Баранта, Гизо и др. Конечно, мы съ большею пользою могли бы и безъ него читать эти книги въ подлинникѣ, вмѣсто затверживанія его выборокъ изъ нихъ; но хорошо было, по крайней мѣрѣ, то, что его курсъ, мало насъ интересовавшій, былъ не объемистъ и, слѣдовательно, не отнималъ у насъ много времени, нужнаго для болѣе важныхъ для насъ предметовъ.

¹⁾ О немъ въ запискахъ графа М. Д. Бутурлина въ Русск. Архивѣ, 1897, № 2, стр. 243; № 3, стр. 409 и 440, № 5, стр. 13.

Почти то же можно сказать о лекціяхъ, читанныхъ намъ на нѣмецкомъ языкѣ Францемъ Адамовичемъ де-Олива по нѣмецкой словесности. Этотъ лекторъ, австрійскій уроженецъ, выписанный въ 1821 году для Лицея княземъ Голицынымъ, былъ настоящимъ типомъ нѣмецкаго ученаго и профессора, и лекціи его могли бы, вѣроятно, быть полезны тѣмъ, кто былъ бы уже хоть нѣсколько знакомъ, изъ собственнаго чтенія, съ лучшими и главными произведеніями нѣмецкой литературы. При отсутствіи у насъ такого знакомства и при томъ обстоятельствѣ, что часть изъ его слушателей даже плохо понимала по нѣмецки, лекціи его были для насъ, скажу откровенно, простою тратою времени. Къ счастью, курсъ его былъ еще короче, чѣмъ курсъ его французскаго коллеги.

Изученіе юридическихъ наукъ въ Лицеѣ начиналось съ III класса подъ руководствомъ профессора барона Е. В. Врангеля. Это былъ вполне ученый юристъ и опытный профессоръ; учился въ заграничныхъ университетахъ (ленскомъ и Вюрцбургскомъ)... Поступивъ въ Лицей въ 1820 году, на мѣсто уволеннаго отъ службы по министерству просвѣщенія даровитаго Куницына, онъ вышелъ въ отставку въ 1837 году, такъ что читанный имъ намъ курсъ римскаго права и исторіи російскаго законодательства былъ его лебединою пѣснью въ Лицеѣ. Преподаваніе его происходило по запискамъ, очень дѣльно имъ составленнымъ, которыя онъ на лекціи пополнялъ изустными объясненіями, а изложеніе римскаго права дополнялось еще чтеніемъ *Sopra iuris*. При всей сухости этихъ предметовъ, Врангель умѣлъ дѣловитостью изложенія возбуждать въ насъ интересъ къ нимъ, и его лекціи, конечно, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя принесли намъ наибольше пользы. Но нельзя того же сказать о лекціяхъ его продолжателя, профессора Петербургскаго университета Я. И. Баршева, занявшаго въ Лицеѣ съ 11-го марта 1837 года кафедру юридическихъ наукъ. Онъ только-что вернулся тогда изъ-за границы, гдѣ слушалъ въ нѣмец-

внѣхъ университетахъ знаменитѣйшихъ криминалистовъ и цивилистовъ, и курсъ, который онъ читалъ намъ во второй половинѣ III и въ теченіе IV классовъ, былъ первенцемъ его педагогической дѣятельности въ Лицеѣ. Началъ онъ свои лекціи теоріею уголовного права. Будучи по натурѣ своей человѣкомъ сдержаннымъ, строго уравновѣшеннымъ, неспособнымъ увлекаться, отчасти то, что называется сухимъ, онъ своимъ безжизненнымъ изложениемъ еще болѣе усиливалъ сухость такого предмета, какъ юриспруденція. Его лекція, вся читанная однимъ и тѣмъ же ровнымъ, тихимъ, не очень звучнымъ, нѣсколько шепелявымъ голосомъ, состоявшая изъ строго обдуманыхъ, но однообразно построенныхъ, фразъ, въ которыхъ даже произношеніемъ не подчеркивались болѣе важныя слова, походила скорѣе на гладкій пересказъ урока, только на канунѣ заученнаго, но еще не обратившагося въ кровь и плоть говорившаго. Въ ней не слышалось того, что всего болѣе дѣйствуетъ на слушателей—силы убѣжденія, этого плода самостоятельной работы мысли.

Совершенную противоположность Баршеву составлялъ одновременно съ нимъ вступившій въ Лицей даровитый профессоръ того же Петербургскаго университета И. А. Ивановскій, точно также только-что вернувшійся изъ-за границы, гдѣ слушалъ въ разныхъ университетахъ Германіи лучшихъ въ то время представителей политическихъ наукъ, и выступившій въ Лицеѣ въ первый разъ лекторомъ въ нашемъ курсѣ. У него мы слушали политическую экономію, сравнительную статистику европейскихъ государствъ и государственное право Англіи. Ивановскій влагалъ въ свое преподаваніе поразительное и заразительное воодушевленіе, которое сильно электризовало его слушателей. Входя на кафедру, онъ всегда начиналъ лекцію тихимъ, мѣрнымъ голосомъ, но, по мѣрѣ того, какъ онъ входилъ въ свой предметъ, голосъ его становился постепенно все громче и громче, рѣчь лилась все быстрѣе и быстрѣе, онъ вскакивалъ съ кафедры и продолжалъ лек-

цію, ходя взадъ и впередъ по аудиторіи, все въ ускорявшемся темпѣ, и достигалъ къ концу лекціи такого возбужденнаго состоянія, что въ совершенномъ изнеможеніи опускался на стулъ и долженъ былъ отдыхать минутъ 15—20 прежде, чѣмъ выйти на улицу. Любя свою науку, онъ находилъ видимое удовольствіе, когда замѣчалъ, что успѣлъ заинтересовать насъ ею; старался облегчать желавшимъ изъ насъ средства для лучшаго, болѣе близкаго ознакомленія съ нею, указаніемъ на болѣе обширныя спеціальныя сочиненія, чтеніе которыхъ было для этого особенно полезно, а иногда и приносилъ намъ такія книги для прочтенія. Онъ самъ говаривалъ, что радъ передавать свои познанія молодому поколѣнію, которое должно ихъ далѣе развивать и обогащать. За то какая разница въ полученныхъ результатахъ: изъ воспитанниковъ, вышедшихъ изъ Лицея въ теченіе сороковыхъ и слѣдующихъ годовъ, не малое число составили себѣ имя въ области политико-экономическихъ наукъ, тогда какъ не вышло, кажется, ни одного юриста.

Въ числѣ учебныхъ пособій, въ Лицеѣ была очень хорошая бібліотека, обязанная своимъ устройствомъ попеченію Энгельгардта и обогащавшаяся съ того времени разными приношеніями и передачею книгъ изъ департамента народнаго просвѣщенія. Она помѣщалась въ томъ перекинутомъ черезъ Садовую улицу переходѣ, который изъ 3-го этажа Лицея велъ въ дворцовую церковь. Но въ мое время чтеніе воспитанниками книгъ иныхъ, кромѣ принятыхъ учебниковъ, хотя допускалось, но не очень поощрялось. При лицейской бібліотекѣ особаго бібліотекаря не было, а завѣдывалъ ею инспекторъ А. Ф. Оболенскій, который очень неохотно выдавалъ изъ нея книги для чтенія. Воспитанникамъ первыхъ трехъ классовъ онъ совсѣмъ ихъ не выдавалъ, а воспитанникамъ 4-го класса стоило не мало труда, чтобы получить какую-нибудь книгу изъ бібліотеки. Такъ, напримѣръ, онъ выдавалъ книги только тогда, когда онъ самъ бывалъ въ бібліотекѣ, а

бывалъ онъ тамъ очень рѣдко и въ неопредѣленное время; нужно было подкараулить его тамъ, чтобы выпросить у него какую-нибудь книгу. Помню, что во все время пребыванія моего въ Лицеѣ мнѣ удалось прочесть изъ лицейской библіотеки не болѣе трехъ или четырехъ книгъ. Но за то мы сами, воспитанники, употребляли, какія могли, средства на покупку книгъ по предметамъ, какіе насъ наиболѣе интересовали. Въ товарищескую складчину мы были абонированы на жадно читаемую въ то время «Библиотеку для чтенія» Сенковского и на получение книгъ изъ одной читальной библіотеки въ Петербургѣ. Въ этомъ случаѣ особенно помогалъ намъ гувернеръ и преподаватель нѣмецкаго языка добрѣйшій Пецольдъ, который привозилъ намъ изъ Петербурга нѣмецкія книги для легкаго чтенія, въ видахъ усвоенія нами нѣмецкаго языка. Благодаря ему я тогда уже одолѣлъ всѣ трудности этого языка и могъ свободно говорить и писать на немъ. Французскій же языкъ я порядочно зналъ еще до поступленія въ Лицей.

Когда судятъ о тогдашнемъ Лицеѣ, какъ только объ учебномъ заведеніи, то часто впадаютъ въ ту ошибку, что къ учрежденію, возникшему за 80 лѣтъ передъ симъ, въ совершенно иныхъ условіяхъ времени, прилагаютъ мѣрку современныхъ требованій. Конечно, если забыть, что рѣчь идетъ о заведеніи 30-хъ годовъ, то нельзя не признать, что объемъ и качество учебнаго дѣла въ тогдашнемъ Лицеѣ представляли собою многіе недостатки. Заведеніе, принимавшее учениковъ 10-ти—12-ти лѣтняго возраста, не могло доводить ихъ въ 6-ти лѣтній срокъ ученія до того умственнаго развитія и той научной зрѣлости, какихъ достигаютъ теперь въ теченіе не менѣе 10 лѣтъ прошедшіе гимназію и затѣмъ университетскій курсъ. Но, даже будучи разсматриваема въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ ставилась учебная часть самою организаціею и уставомъ заведенія, она представляла многія слабыя стороны. Главнымъ же ея недостаткомъ была неопредѣлен-

ность, ея «энциклопедичность», безцѣльное соединеніе весьма разнородныхъ наукъ, изъ которыхъ ни по одной не давалось преподаванію того объема и той основательности, безъ которыхъ научныя знанія не имѣютъ цѣны и не приносятъ никакой пользы. Все это справедливо; и однако же, если вспомнить, каковы были за 70 лѣтъ передъ симъ наши высшія учебныя заведенія, то, можетъ быть, придется сказать, что Лицей былъ лучшій изъ нихъ. Въ доказательство этого довольно привести то большое число лицъ, отличившихся въ высшихъ родахъ государственной службы, которыя своимъ образованіемъ обязаны были Лицею. Штатъ профессоровъ и преподавателей Лицея моего времени былъ составленъ изъ лучшихъ по тогдашнему времени представителей педагогич., особенно же при тогдашней отдаленности Царскаго Села отъ столицы, такъ какъ эта отдаленность не могла не затруднять выборъ преподавателей. Тѣ воспитанники, которые хотѣли учиться, находили въ Лицеѣ всѣ средства для своего образованія, а такіе профессора, какъ баронъ Врангель, Шульгинъ, Ивановскій и даже Баршевъ, могли бы быть надежными руководителями для посвященія желающихъ во всѣ тайны преподаваемыхъ ими предметовъ. Конечно, Лицей не имѣлъ задачей готовить специальныхъ ученыхъ, но для даваемого имъ общаго образованія не бесполезна была и та энциклопедичность, въ которой такъ укоряютъ его учебный планъ, такъ какъ и она способствовала общему умственному развитію питомцевъ и расширенію ихъ понятій.

Но главное—чего не слѣдуетъ забывать—Лицей былъ заведеніемъ не только учебнымъ, но и воспитательнымъ, и съ этой стороны дѣятельность его была въ высшей степени благотворна.

Говоря о Царскосельскомъ Лицеѣ, какъ о воспитательномъ заведеніи, нельзя упускать изъ виду то вліяніе, какое онъ имѣлъ на своихъ питомцевъ въ гигиеническомъ отношеніи именно въ тѣ годы, которые такъ важны для

физическаго развитія. Необыкновенно благопріятнымъ для этого условіемъ было нахожденіе заведенія въ такомъ мѣстѣ, какъ Царское Село. Извѣстно, что изъ всѣхъ ближайшихъ окрестностей столицы этотъ городъ съ огромными, великолѣпными дворцовыми садами и парками признанъ всѣми авторитетами медицины и гігіены самою здоровою мѣстностью, соединяющею въ себѣ самыя благопріятныя санитарныя условія: возвышенность мѣста, отсутствіе болотъ, хорошую воду, наконецъ—роскошную древесную растительность на большомъ пространствѣ царскаго парка. Если присоединить къ этому самое помѣщеніе Лицея въ отдѣльно стоящемъ обширномъ зданіи, съ просторными, свѣтлыми залами, въ которыхъ всегда соблюдалась чистота воздуха, и упомянуть о постоянной заботливости лицейскаго начальства о благосостояніи воспитанниковъ, доставленіемъ имъ всегда достаточной, здоровой пищи, соблюденіемъ величайшей опрятности въ одеждѣ, смѣною классныхъ занятій движеніемъ на воздухѣ въ лицейскомъ саду въ часы рекреаціи,—то нужно сказать, что мы были въ отношеніи физическаго развитія и здоровья въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ, а удаленность Царскаго Села отъ столицы, особенно же въ то время, когда еще не было желѣзной дороги, защищала Лицей отъ заноса тѣхъ эпидемій тифа, дифтерита, скарлатины *et tutti quanti*, которымъ подвергается въ такой степени учащаяся молодежь въ столицѣ. Во все шестилѣтнее пребываніе мое въ Лицеѣ между воспитанниками не было собственно болѣзней, если не считать неизбѣжной кори или легкихъ простудъ и тѣхъ случаевъ, которые лицейскій врачъ, добрякъ Пешель, называлъ *febris pritvoralis*. При заведеніи была больница или, точнѣе говоря,—двѣ комнаты, назначенныя для пріема больныхъ, но онѣ почти постоянно оставались пустыми.

Столь же благотворно было вліяніе тогдашняго Лицея и въ нравственномъ отношеніи. Воспитанники изъ хорошихъ дворянскихъ фамилій приносили съ собою тѣ на-

чала доброй нравственности, которыя зарождаются и крѣпнута подь семейнымъ кровомъ, а заведеніе, не только какъ закрытое, но и удаленное отъ столицы, защищало ихъ отъ слишкомъ близкихъ и продолжительныхъ прикосновеній къ виѣшнему міру, а, слѣдовательно, отъ какихъ бы то ни было нежелательныхъ вліяній. Самъ городъ Царское Село былъ въ то время не тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ съ тѣхъ поръ, какъ желѣзная дорога, открытая торжественно лишь 30-го октября 1837 года, приблизила его къ столицѣ. Это былъ городъ только по оффиціальной терминологіи; но въ немъ не было ничего такого, что характеризуетъ торговые и промышленные города; не было кабаковъ, не было никакихъ, такъ называемыхъ, увеселительныхъ заведеній, столь процвѣтающихъ нынѣ въ столицѣ; не было и сродныхъ съ ними иныхъ, не называемыхъ въ печати, заведеній. Можно сказать, что это былъ въ ту пору, не смотря на близость Софіи, самый добродѣтельный городъ во всемъ Русскомъ царствѣ. Но и съ этимъ столь добродѣтельнымъ городомъ Лицей не имѣлъ почти никакой связи, никакихъ сношеній. По воскресеньямъ и праздникамъ воспитанники отпускались изъ заведенія только къ родителямъ и близкимъ родственникамъ, къ постороннимъ же лицамъ и къ знакомымъ не отпускались. О томъ, чтобы уходить изъ Лицея тайкомъ, безъ позволенія, о чемъ говорить въ своей запискѣ баронъ М. А. Корфъ, у насъ и въ поминѣ не было. Родныхъ въ Царскомъ Селѣ, къ которымъ позволялось ходить, имѣли въ нашемъ курсѣ всего лишь двое воспитанниковъ (Стессель, сынъ мѣстнаго коменданта, и Захаржевскій, племянникъ генерала Захаржевскаго, управлявшаго дворцами и садами царскими). Отпуски же въ столицу были только недѣли на полторы на Рождествѣ и лѣтомъ на одинъ вакаціонный мѣсяцъ; но и этими отпусками весьма немногіе изъ насъ пользовались. При такой отчужденности лишенстовъ отъ виѣшнихъ вліяній никто не можетъ чувствовать такъ сильно, какъ царско-

сельскіе лиценсты, всю глубину смысла Пушкинскихъ стиховъ:

Намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Никакъ не могу согласиться съ Я. К. Гротомъ, будто руководящимъ началомъ управленія Лицея при директорѣ генералѣ Гольтгоерѣ «былъ страхъ, а не любовь» ¹⁾; по крайней мѣрѣ, въ нашемъ IX курсѣ не было слѣдовъ чего-либо похожаго на страхъ. Гольтгоеръ былъ замѣчательно добродушный старикъ, хорошій семьянинъ, съ патріархальнымъ характеромъ въ своемъ домашнемъ кругу. При его почтенной старости онъ обращался съ нами почти какъ съ дѣтьми. Хотя по своему положенію онъ считался главнымъ начальникомъ заведенія, но по отношенію къ воспитанникамъ его власть облекалась въ доброжелательную и участливую заботливость объ насъ, и потому не давала намъ никакого повода бояться его.

Наши отношенія къ нему были свободны и откровенны. Обращикомъ этихъ взаимныхъ благодушныхъ отношеній можетъ служить слѣдующее. Въ лѣтнее время, если хорошая была погода, по воскресеньямъ, Гольтгоеръ призывалъ къ себѣ въ домъ двухъ, трехъ воспитанниковъ, которымъ въ награду за хорошее поведеніе хотѣлъ доставить маленькое развлеченіе, и они, вмѣстѣ съ нимъ и его семействомъ (состоявшимъ изъ двухъ дочерей и дѣвушки-племянницы), отправлялись позабавиться уженіемъ рыбы въ пруду дворцоваго парка. Компанія располагалась на берегу пруда, каждый изъ участниковъ получалъ по удочкѣ, и въ такомъ идиллическомъ занятіи, не мѣшавшемъ разнымъ шуткамъ и забавному разговору, проходило часа два, послѣ чего все общество возвращалось въ домъ директора, уловъ отправлялся на кухню и затѣмъ, съ прибавленіемъ бутербродовъ и другихъ

¹⁾ Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е, стр. 40.

скромныхъ закусокъ, составлялъ незатѣйливый ужинъ, лучшею приправою котораго служило радушіе хозяина.

Точно такія благодушныя отношенія существовали у насъ и съ наставниками и воспитателями. Точно такъ, какъ при отчужденности Лицея отъ внѣшнихъ вліяній совмѣстная шестилѣтняя жизнь съ одними и тѣми же товарищами скрѣпляла между ними узы тѣсной дружбы, попадали и съ своей стороны вліянію той же отчужденности и совмѣстной жизни наши наставники и гувернеры, жившіе въ Царскомъ Селѣ, такъ что подъ конецъ шестилѣтія воспитанники и гувернеры составляли какъ бы одну семью, сплоченную чувствами взаимной пріязни, и въ которой все различіе состояло лишь въ томъ, что одни были старшіе, а другіе—младшіе члены. Къ тому же въ числѣ нашихъ гувернеровъ были очень образованные люди, бесѣды съ которыми были намъ всегда пріятны и полезны. Таковыми были: Павелъ Петровичъ Гельмерсенъ, Александръ Семеновичъ Пецольдъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ нѣмецкой словесности, Иванъ Егоровичъ Броунъ, имѣвшій потомъ пансіонъ для приготовленія воспитанниковъ къ поступленію въ Лицей; Алексѣй Ивановичъ Кохъ, бывшій морякъ, воспитанникъ морского корпуса. Къ устраненію изъ нашихъ отношеній къ начальству всякаго страха служило и то, что въ существовавшей у насъ системѣ воспитанія не было, во все прохожденіе шестилѣтняго курса, никакихъ наградъ, но и не употреблялось никакихъ наказаній (за исключеніемъ единственнаго бывшаго случая—заключенія воспитанника въ карцеръ,¹⁾ и «наставникамъ, хранившимъ юность нашу», не приходилось ни разу прибѣгать къ какимъ-либо мѣрамъ строгости, которыя могли бы нарушить добрыя взаимныя наши отношенія.

Благотворному вліянію лицейской среды на воспитанниковъ должно приписать общее замѣченное явленіе—сохраненіе ими во всю жизнь нѣжныхъ чувствъ къ нему,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ см. выше, стр. 374—378. (Д. К.).

даже и тогда, когда уже они сознавали всѣ его недостатки, какъ высшаго учебнаго заведенія. Конечно, тутъ нельзя отказать нѣкоторой доли участія и поэзіи Пушкина—этой дивной таинственной силѣ, которая такъ неотразимо дѣйствуетъ и на самыя прозаическія натуры. Я самъ, восьмидесятилѣтній старикъ, и теперь еще не могу безъ душевнаго волненія читать его «лицейскія годовщины» (19-го октября), въ которыхъ вложено столько горячій, трогательной любви къ Лицею, и которыя должны были, конечно, дѣйствовать заразительно на царскосельскихъ лицейстовъ.

Говоря объ этихъ «годовщинахъ», Я. К. Гротъ замѣчаетъ: «Эти чудныя пѣсни скрѣпляли узы дружбы не только между его (Пушкина) товарищами, но и между воспитанниками послѣдующихъ курсовъ, и, такимъ образомъ, Пушкина надо считать главнымъ творцомъ и хранителемъ идеи товарищескаго братства, перешедшей во всей своей теплотѣ къ послѣдующимъ поколѣніямъ лицейстовъ» ¹⁾.

Въ 60-хъ годахъ, въ эпоху великихъ преобразованій, обезсмертившихъ царствованіе Александра II, лицействъ X-го курса А. В. Головинъ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, энергично занимался реформою всей системы у насъ учебнаго дѣла; имѣя случай не разъ говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ, я однажды указалъ ему на ненормальность положенія Лицея, стоящаго особнякомъ внѣ всякой связи съ этою системою, и представляющаго собою какой-то незаконный бракъ гимназій съ университетомъ. «Это вѣрно»,—сказалъ Головинъ,—

Лицей требуетъ преобразованія; но мнѣ, какъ лицейству, не хочется накладывать руку на нашу дорогую alma mater; пусть сдѣлаютъ это послѣ меня другіе». Въ этихъ словахъ, можетъ быть, высказалось несознательно субъективное чувство, благодарная память о счастливыхъ годахъ, протекшихъ подъ лицейскимъ кровомъ. Головинъ, будучи

¹⁾ Я. Гротъ, стр. 24.

уже министромъ и членомъ Государственнаго Совѣта, любилъ въ день лицейской годовщины (19-го октября) собирать у себя, за дружескимъ обѣдомъ, своихъ лицейскихъ товарищей, и мое сближеніе съ нимъ основывалось главнѣйше на томъ, что и я былъ царскоесельскимъ лиценстомъ.

Баронъ М. А. Корфъ, который, любя иногда макать свое острое перо въ очень черныя чернила, далъ въ своей превосходной запискѣ 1854 года ¹⁾ далеко не въ розовомъ свѣтѣ изображеніе нравственнаго и учебнаго быта Лyceя своего воспитаній, въ старости не иначе говорить о немъ, какъ называя его — нашею дорогою Лицею. Въ 1865 году, когда я послать ему экземпляръ рѣчи (Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ на пользу Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ), читанной 29 декабря 1864 года, въ торжественномъ собраніи Академіи, въ которомъ онъ присутствовалъ въ числѣ почетныхъ посѣтителей, я получилъ отъ него въ отвѣтъ слѣдующую очень любезную записку, которую да позволено мнѣ будетъ привести здѣсь, въ подтвержденіе вышесказаннаго. Послѣднюю привести вамъ выраженіе всей моей благодарности за доставленіе мнѣ экземпляра прекрасной вашей рѣчи. Она останется для меня пріятнымъ воспоминаніемъ часа, проведеннаго въ высшемъ у насъ святилищѣ наукъ, тѣхъ славныхъ именъ, въ сообщество которыхъ вы насъ ввели, наконецъ, почтеннаго автора, съ такою честью являющагося въ Академіи представителемъ нашего родного Лицея. Примите и проч. Баронъ М. Корфъ. 10-го марта 1865 года.

Съ тѣхъ поръ какъ Лицейъ былъ включенъ въ семью военно-учебныхъ заведеній, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, многія циркуляры и распоряженія по учебной, воспитательной и хозяйственной частямъ корпусовъ были распространяемы и на Лицей; они

¹⁾ Я. Гротъ, стр. 222—231.

сообщались къ исполненію директору и не доходили до нашего свѣдѣнія ¹⁾. Но два распоряженія послужили и для насъ осязательнымъ знакомъ принадлежности Лицея къ группѣ кадетскихъ корпусовъ. Великій князь, вскорѣ по назначеніи его въ 1831 году главнымъ ихъ начальникомъ, желая ближе ознакомиться съ юношествомъ, воспитаніе котораго было ввѣрено его попеченіямъ, дѣлалъ время отъ времени въ своемъ дворцѣ обѣды, на которые приглашались изъ каждаго корпуса по нѣскольکو кадетовъ, съ директоромъ во главѣ. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и наградой, такъ какъ для этого избирались лишь ученики, заслужившіе своимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ такого отличія.

Въ книгѣ Селезнева приведено изъ приказовъ главнаго директора корпусовъ объявленіе, что «Его Высочество, удостоивая воспитанниковъ къ своему столу и осчастлививая ихъ милостивыми и отеческими привѣтствіями, съ особеннымъ удовольствіемъ изволить замѣтить откровенность каждаго изъ нихъ въ отвѣтахъ и разговорахъ, и что Его Императорскому Высочеству всегда пріятно слышать разсужденія дѣтей, ихъ вопросы, рассказы и тому подобное» ²⁾.

Къ такому общему съ кадетами столу Его Высочества были приглашаемы и лиценсты. Живо помню, какъ и я, будучи еще въ младшемъ классѣ, удостоился такой высокой чести, вмѣстѣ съ тремя другими (по одному изъ каждаго класса): помню, какъ всѣхъ насъ для этого отвезли въ Петербургъ, въ каретѣ, въ сопровожденіи дядьки, который долженъ былъ доставить туда всю нужную для насъ для этого случая аммуницію. Въ городѣ была нанята на этотъ день особая квартира, въ которой мы помѣстились, облеклись въ новые мундирчики, и въ самой парадной

¹⁾ Подробное изложеніе такихъ распоряженій въ богатой содержаніемъ книгѣ Селезнева „Историческій очеркъ Лицея“ составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи этого заведенія.

²⁾ Селезневъ, стр. 383.

формѣ явились къ назначенному часу во дворецъ, вмѣстѣ съ своимъ директоромъ. Великолѣпіе дворца, праздничная пышность громаднаго обѣденнаго стола, за которымъ размѣстились избранные представители всѣхъ кадетскихъ корпусовъ,—все это производило чарующее, неизгладимое впечатлѣніе; но еще бѣльшимъ для насъ очарованіемъ было, когда послѣ обѣда великій князь собралъ насъ всѣхъ въ особомъ большомъ залѣ, гдѣ находились разныя устройства для гимнастики, катальная горка и пр.; онъ былъ очень веселъ и забавлялся, посылая того или другого кадета лазить на мачту или скатываться съ горки, много смѣясь, глядя на эти забавы; ставъ во весь ростъ и широко раздвинувъ ноги, онъ пропускалъ подъ собой самыхъ маленькихъ. Сидя на креслѣ, онъ подозвалъ къ себѣ лиценстовъ, сказавъ: «а вотъ, это ученые», шутилъ съ нами и разговаривалъ особенно съ младшими изъ насъ. Во всемъ его обращеніи съ дѣтьми ярко выступала его безконечная душевная доброта, составившая такую симпатичную черту его характера.

Другимъ знакомъ нашей принадлежности къ семьѣ военно-учебныхъ заведеній было въ 1832 году повелѣніе лиценстамъ исполнять по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ дежурство при Высочайшемъ Дворѣ во время присутствія ихъ Императорскихъ Величествъ въ Царскомъ Селѣ — старшему возрасту наравнѣ съ камеръ-пажами, младшему — съ пажами. До сихъ поръ у меня свѣжо въ памяти, какъ въ лѣто слѣдующаго года, будучи еще въ младшемъ классѣ, я удостоился однажды быть такимъ дежурнымъ, вмѣстѣ со старшими лиценстами, во время обѣдни, и держать накидку, которую великая княжна Марія Николаевна сняла съ себя передъ входомъ въ церковь. Какъ теперь вижу величественный образъ Государя, и какъ онъ, разъ оборотясь, внимательно остановилъ на насъ на минуту свои взоръ. Вѣроятно, онъ нашелъ у насъ все въ порядкѣ, такъ какъ намъ потомъ не было сдѣлано никакого замѣчанія.

Въ числѣ обычаевъ, сохранившихся въ Лицеѣ традиціонно съ перваго времени его существованія, нельзя не отмѣтить публичныхъ выпускныхъ экзаменовъ и того приѣма, какимъ ставилась на сцену эта комедія. О томъ, чѣмъ они были въ знаменитомъ первомъ курсѣ, повѣдалъ міру, кажется, въ первый разъ, не кто иной, какъ самъ баронъ М. А. Корфъ, съ откровенностью настоящей исповѣди...

Не знаю, сохранился ли такой порядокъ непрерывно во всѣхъ бывшихъ послѣ того выпускахъ, но въ нашемъ IX курсѣ онъ былъ исполненъ въ точности, какъ необходимое послѣдствіе самой публичности экзамена, бывшаго не столько испытаніемъ учениковъ, сколько ревизіей самаго заведенія въ учебномъ отношеніи, такъ какъ всю публику у насъ въ этомъ случаѣ составляли только генералы и другіе депутаты, присланные изъ штаба военно-учебныхъ заведеній, а на одномъ экзаменѣ присутствовалъ даже самъ начальникъ штаба Я. И. Ростовцовъ. Весь механизмъ экзамена состоялъ въ слѣдующемъ: профессоръ давалъ намъ краткій составленный имъ конспектъ всего имъ пройденнаго предмета для того, чтобы мы по немъ заготовили билеты: для этого конспектъ разбивался на столько частей, сколько было насъ, учениковъ, т. е., на 20 частей, такъ что содержаніе каждаго билета состояло не изъ одного какого-либо опредѣленнаго вопроса, а изъ 1-ой части всего пройденнаго. При такомъ объемѣ билета отвѣчающій всегда могъ выбрать изъ него что-нибудь для наполненія тѣхъ 20 или 30 минутъ, которыя давались для отвѣта. Но упрощеніе шло еще далѣе: билеты приготавлились въ двойномъ числѣ, одинъ экземпляръ ихъ раскладывался на столѣ передъ экзаменаторами, а другой распродѣлялся между учениками, изъ которыхъ каждый приготавливался отвѣчать только на одинъ билетъ, который онъ и держалъ спрятаннымъ въ рукавѣ мундира. Будучи вызванъ, онъ самъ бралъ со стола передъ экзаменаторами билетъ и объявлялъ нумеръ только не этого билета, а

того, который у него былъ спрятанъ, и по которому онъ и отвѣчалъ. Помню, какъ на экзаменѣ по исторіи нѣмецкой литературы одинъ изъ постороннихъ экзаменаторовъ взялъ самъ со стола билетъ и, прочитавъ нумеръ и содержаніе его, подалъ вызванному ученику — это, конечно, разстроило всю механику, нельзя было далѣе употреблять поддѣльные билеты, и половина класса чисто срѣзалась, то-есть, отказалась отвѣчать. Никакъ не позволю себѣ сказать, чтобы это дѣлалось съ вѣдома и согласія профессоровъ, котораго, впрочемъ, у нихъ и не спрашивали; а они, если догадывались, то только закрывали глаза. Къ тому же подобнымъ фокусомъ достигалось только одно: публичные экзамены сходились съ рукъ гладко и безъ проваловъ; что же касается нашихъ профессоровъ, то они и безъ экзамена очень хорошо знали своихъ учениковъ, ихъ степень познаній и успѣховъ; а ихъ отмѣтки или баллы и имѣли наиболѣе вѣса и вліянія на насъ. Что подобный подлогъ дѣлался съ общаго согласія нѣлаго класса, не покажется страннымъ никому, кто знаетъ, что значить духъ товарищества въ школѣ. Хотя большая половина класса, чтобъ выдержать экзаменъ, и не нуждалась въ описанномъ фокусѣ, но по долгу добраго товарищества должна была, въ угоду слабѣйшимъ изъ насъ, согласиться на него, какъ какъ для удачнаго проведенія его необходимо было участіе всѣхъ.

Впрочемъ, постановка на сцену этихъ фиктивныхъ экзаменовъ, единственно въ угоду нѣкоторыхъ слабыхъ товарищей, была дѣломъ нѣсколькихъ дней передъ ними. Собственно къ настоящему выпускному экзамену мы напряженно готовились въ теченіе трехъ или болѣе недѣль, по крайней мѣрѣ, готовились тѣ, которые не были неисправимыми лѣнтями. Скажу о себѣ, что къ послѣднему, выпускному экзамену я готовился серіозно и не только перечитывалъ повторительно всѣ записки о пройденныхъ въ послѣдніе полтора года предметахъ, но и изготавилъ четыре письменныхъ сочиненія или диссертациі, по одной

на русскомъ языкѣ (о причинахъ французской революціи), на латинскомъ (по римскому праву), на французскомъ и нѣмецкомъ, которыя и были выложены на столѣ во время публичнаго экзамена, какъ *specimina* оказанныхъ успѣховъ. Все это стоило такого напряженія умственныхъ силъ и нервной системы, что еще гораздо позже, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда отъ какой-нибудь неправильности кровообращенія случались во время сна, такъ называемые, кошмары, всего чаще сновидѣніемъ былъ ужасъ отъ неизбѣжности предстать на экзаменъ неготовымъ къ нему.

Изъ всѣхъ курсовъ, выпущенныхъ изъ Царскосельскаго Лицея съ 1817 по 1845 годъ, нашъ—IX-й—былъ самый слабый по результатамъ, полученнымъ при выпускѣ. Медалей удостоено у насъ только двое (2 золотыя и ни одной серебряной), тогда какъ въ прочихъ выпускахъ награжденныхъ медалями было въ среднемъ выводѣ отъ 5 до 6 на каждый выпускъ (точнѣе 5,6); число удостоенныхъ чина 9-го класса было у насъ только 8; такого малаго числа не было ни прежде, ни послѣ нашего курса, если не считать III курсъ, такъ какъ изъ него выпущено 11 человѣкъ въ военную службу, и въ томъ числѣ 8 человѣкъ офицерами въ гвардію.

Слабость IX-го курса выказалась еще ярче въ незначительности числа тѣхъ воспитанниковъ, которые заявили себя чѣмъ-нибудь на служебномъ или иномъ житейскомъ поприщѣ, и въ не маломъ, наоборотъ, такихъ, о которыхъ единственнымъ памятникомъ ихъ земного существованія остались одни нѣмыя имена, занесенныя въ списки лиценстовъ.

Объясненіе причины этого явленія, можетъ быть, не безынтересно для того, кто когда-нибудь займется исторіей Лицея. Уже первые устроители этого своеобразнаго учебнаго заведенія чувствовали необходимость въ особомъ приготовительномъ для него училищѣ, изъ котораго можно было бы пополнять комплектъ учениковъ въ Лицеѣ юношами хорошихъ способностей съ достаточными подгото-

вительными познаніями. Это и повело къ учрежденію 27-го января 1814 г. при Лицеѣ Благороднаго пансіона, поставленнаго въ тѣсную, органическую съ нимъ связь; ученіе въ обоихъ заведеніяхъ производилось одними и тѣми же наставниками, по однообразному, взаимно соглашенному плану.

Изъ этого пансіона и избирались лучшіе ученики для перевода въ Лицей. Но этотъ источникъ исчезъ, когда пансіонъ былъ, безъ достаточныхъ причинъ, закрытъ 23-го февраля 1829 г., а когда вскорѣ затѣмъ, въ 1832 году, комплектъ учащихся въ Лицеѣ былъ удвоенъ, то для набора новыхъ для него учениковъ, признали за лучшее предоставить начальству 1-ой петербургской гимназіи избрать самому изъ лучшихъ случившихся въ ней, въ среднемъ возрастѣ, питомцевъ 20 учениковъ и представить ихъ въ Лицей. Такимъ образомъ, выборъ былъ сдѣланъ людьми, не вполне знакомыми съ требованіями Лицея, притомъ выборъ зависѣлъ отъ случайности: выбирались лучшіе изъ бывшихъ въ ту пору въ гимназіи учениковъ, но, каковы они были безотносительно, объ этомъ не спросили. Когда удостоенные начальствомъ гимназіи къ переводу въ лицейсты были доставлены въ Лицей, то при самомъ снисходительномъ испытаніи ихъ обнаружилась недостаточность ихъ подготовки, такъ что въ приѣмъ одного изъ доставленныхъ гимназистовъ пришлось даже отказать. Неудача этого перваго опыта пополненія Лицея учениками 1-ой гимназіи повела къ тому, что вслѣдъ за тѣмъ, 9-го декабря 1834 года, право комплектовать Лицей учениками было предоставлено петербургскимъ гимназіямъ 1-й и 2-й, и Московскому дворянскому институту, т. е., по 5 изъ cadaго изъ этихъ заведеній; а вскорѣ затѣмъ, 29-го февраля 1836 г., учрежденъ пригготовительный пансіонъ А. Ф. Оболенскаго, какъ замѣна прежняго Благороднаго лицейскаго пансіона. Такъ, всѣ послѣдовавшіе послѣ нашего курсы уже могли комплектоваться болѣе правильно и болѣе удовлетворительно, а нашъ—IX-й—

остался одинокимъ свидѣтелемъ сдѣланной въ 1832 году ошибки.

Остановимся на различіи взглядовъ К. С. Веселовскаго и Я. К. Грота на дѣятельность генерала Гольтгоера, какъ директора Лицея. Намъ представляется возможнымъ примирить эти взгляды. Я. К. Гротъ поступилъ въ Лицейскій пансіонъ въ 1823 г. и перешелъ въ Лицей въ 1826 году. Лишь незадолго передъ этимъ назначенъ былъ директоромъ Гольтгоеръ, несомнѣнно, съ порученіемъ ему «подтянуть» распущенное будто бы учебное заведеніе. Творя волю пославшаго, онъ долженъ былъ принимать мѣры строгія, и именно при немъ примѣнялись въ пансіонѣ и въ Лицеѣ тѣлесныя наказанія. Съ теченіемъ времени Гольтгоеръ, однако, долженъ былъ убѣдиться, что Лицей и по составу воспитанниковъ, и по духу, и по преданіямъ, представлялъ изъ себя нѣчто иное, чѣмъ Дворянскій полкъ. Усердіе его должно было охладѣть. Въ 1832 году, когда въ Лицей поступилъ Веселовскій, онъ засталъ Гольтгоера не такимъ, какимъ онъ былъ въ 1823 году и первыхъ годахъ его директорства. Время и опытъ сдѣлали свое дѣло.

Кажется, что К. С. Веселовскій основательно объяснилъ неважные успѣхи IX курса тѣмъ, что составъ его былъ неоднороденъ ¹⁾ и слабо подготовленъ для поступленія въ Лицей. Необходимость имѣть контингентъ молодыхъ людей, подготовленныхъ къ прохожденію лицейскихъ наукъ, вызвала учрежденіе въ 1814 г. Благороднаго пансіона. Съ упраздненіемъ этого пансіона въ 1829 году Лицей остался вновь безъ возможности принимать юношей достаточно пригодныхъ для продолженія ученія въ Лицеѣ.

Поэтому ²⁾, еще въ 1834 году инспекторъ А. Ф. Оболенскій шлеть у себя приготовительный пансіонъ изъ

¹⁾ Изъ 100 воспитанниковъ этого курса поступили Веселовскій, Габерзангъ, Галицкій, Гирсъ, Кайдановъ, Стессель, Трофимовъ и Яковлевъ.

²⁾ Селовицкаго, стр. 209 и сл.

кандидатовъ Лицея и къ 1836 году имѣлъ такихъ учениковъ до 25 человѣкъ. Въ этомъ году Оболенскій обратился въ штабъ военно-учебныхъ заведеній утвердить за нимъ право содержать пансіонъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ «полагалъ и выгоднымъ для Лицея и полезнымъ для просвѣщенія вообще дать заведенію Оболенскаго прочное основаніе, не вводя правительство ни въ какія новыя пожертвованія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчинить сіе заведеніе непосредственному надзору главнаго начальства военно-учебныхъ заведеній и наблюденію конференціи Лицея на основаніи отношеній частныхъ пансіоновъ къ ихъ университетамъ». Представленіе Его Высочества, вмѣстѣ съ проектомъ положенія «заведенія», въ 29 день февраля 1836 года было высочайше утверждено.

Положеніемъ этимъ, между прочимъ, постановлено:

§ 7. Курсъ ученія дѣлится на два класса: въ одномъ преподаются науки для поступленія въ 1 классъ, въ другомъ—во 2-й классъ Лицея.

§ 8. Если кто-либо изъ воспитанниковъ сего заведенія, въ ожиданіи вакансій, выйдетъ изъ лѣтъ, требуемыхъ при приѣмѣ въ Лицей, то онъ, по общему согласію родителей его съ учредителемъ заведенія, можетъ продолжать науки наравнѣ съ воспитанниками высшихъ классовъ Лицея, дабы въ случаѣ открытія экстренныхъ вакансій въ сихъ классахъ, могъ держать экзаменъ прямо на оныя, каковое право не распространяется на прочихъ кандидатовъ, въ семъ заведеніи не приготавливавшихся; ибо нравственныя качества ихъ не могутъ быть Лицею извѣстны, а потому и поступленіе ихъ прямо въ высшіе классы не соотвѣтствовало бы цѣли лицейскаго воспитанія.

§ 9. Таковой кандидатъ, съ дозволенія конференціи, можетъ являться въ Лицей на общій экзаменъ, бывающій передъ переводомъ изъ класса въ классъ.

§ 10. Результатъ сего экзамена съ означеніемъ удостоенія къ первому изъ высшихъ классовъ, вносится въ общій списокъ воспитанниковъ Лицея, съ которыми онъ экза-

меновался, и, при открытіи экстренныхъ вакансій въ старшихъ классахъ Лицея, принимается въ соображеніе.

§ 11. Конференція Лицея можетъ даже дозволить ему держать и окончательный экзаменъ, вмѣстѣ съ воспитанниками Лицея, если онъ только по недостатку вакансій не былъ принятъ прежде въ дѣйствительные воспитанники Лицея. Въ случаѣ успѣшности такового экзамена конференція Лицея выдаетъ ему аттестатъ, который, по равенству Лицея съ російскими университетами, даетъ ему право считаться по гражданской службѣ наравнѣ съ воспитывавшимся въ учебныхъ заведеніяхъ 1-го разряда.

Оболенскій — писалъ Энгельгардтъ 26 августа 1836 года ¹⁾—умѣлъ до того ослѣпить высшее начальство, что ему недавно дали привилегіи болѣе тѣхъ, какія имѣлъ Благородный нашъ пансіонъ.

Ты помнишь, что пансіонъ сочли за нужное разрушить; вскорѣ увидѣли неудобство принимать въ Лицей совершенно неприготовленныхъ молодыхъ людей. Посему въ Лицеѣ учредили два нижніе классы, гдѣ и грамотѣ учать—опять неладно. Вотъ, Оболенскій выхлопоталъ себѣ позволеніе завести частный пансіонъ для такого пригготовленія; онъ—инспекторъ Лицея, выборъ вступающихъ зависитъ отъ него. Его пансіонъ сдѣлался исключительнымъ способомъ туда попасть. Мало-по-малу, какъ винтъ въ деревѣ, онъ добрался до того, что его частному заведенію дали не только всѣ права уничтоженнаго прежняго пансіона, но прибавили еще и то, что онъ представляетъ своихъ воспитанниковъ къ окончательному экзамену для выпуска изъ Лицея и что они по сему экзамену выпускаются съ лицейскими преимуществами. Г. Оболенскій уже выстроилъ себѣ огромный каменный домъ и собираетъ въ годъ по 150,000 рублей дохода, а воспитываемые презираютъ его и ненавидятъ—каково же можетъ быть его дѣйствіе на нравственное ихъ воспитаніе!

¹⁾ Вольховскому.

XXIX.

27 января 1837 г. Пушкинъ раненъ былъ на дуэли кавалергардскимъ офицеромъ Геккереномъ-Дантесомъ, сыномъ голландскаго посланника въ С.-Петербургъ барона Геккерена, и, послѣ тяжкихъ страданій, умеръ 29 января.

Я не буду излагать поводовъ этой дуэли и ограничусь указаніемъ на участіе въ ней лицейскихъ.

Въ ноябрѣ 1836 г. Пушкинъ, вмѣстѣ съ Матюшкинымъ, былъ у Яковлева, въ день его рожденія: еще тутъ былъ князь Д. А. Эристовъ и больше никого. Пушкинъ явился послѣднимъ и былъ въ большомъ волненіи. Послѣ обѣда они пили шампанское. Вдругъ Пушкинъ вынимаетъ изъ кармана полученное имъ анонимное письмо и говоритъ: «Посмотрите, какую мерзость я получилъ!».

Яковлевъ, директоръ типографіи II-го отдѣленія, тотчасъ обратилъ вниманіе на бумагу этого письма и рѣшилъ, что она — иностранная и, по высокой пошлинѣ, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому-нибудь посольству.

Пушкинъ понялъ всю важность этого указанія, сталъ дѣлать розыски и убѣдился, что эта бумага посольства голландскаго ¹⁾.

Когда рѣшена была дуэль Пушкина съ Дантесомъ, Пушкинъ озабочился приглашеніемъ себя секунданта.

¹⁾ Гротъ, стр. 282

27 января его лицейскій товарищъ К. К. Данзасъ, проходя по Пантелеймонской ул., встрѣтилъ Пушкина въ санихъ. Пушкинъ остановилъ его и сказалъ: «Данзасъ! я ѣхалъ къ тебѣ, садись со мною въ сани и поѣдемъ во французское посольство, гдѣ ты будешь свидѣтелемъ одного разговора». Данзасъ, не говоря ни слова, сѣлъ съ нимъ въ сани, и они поѣхали въ Большую Милліонную, въ домъ французскаго посольства, гдѣ жилъ секретарь онаго виконтъ д'Аршіакъ, выбранный въ секунданты Дангесомъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія съ хозяиномъ, Пушкинъ сказалъ громко, обращаясь къ Данзасу: *Je vais vous mettre maintenant au fait de tout*», и началъ рассказывать ему все, что происходило между нимъ, Дантесомъ и Геккереномъ—отцомъ, закончивъ свое объясненіе слѣдующими словами: «*Maintenant la seule chose, que j'ai à vous dire c'est que si l'affaire ne se termine pas aujourd'hui même, la première fois que je rencontre Heckeren, père ou fils, je leur cracherai à la figure*». Тутъ онъ указалъ на Данзаса и прибавивъ:

Voilà mon témoin» Потомъ обратился къ Данзасу съ вопросомъ:

Consentez vous?» Послѣ утвердительнаго отвѣта Данзаса Пушкинъ уѣхалъ, предоставивъ ему, какъ своему секунданту, условиться съ д'Аршіакомъ о подробностяхъ дуэли.

Мѣстомъ дуэли избрана была комендантская дача на Черной рѣчкѣ; оружіемъ—пистолеты, а время встрѣчи около 5 часовъ того же дня.

Заключительная сцена дуэли изображена на картинѣ художника А. А. Наумова, помѣщенной въ Пушкинскомъ залѣ Лицея. Пушкинъ получилъ рану, которую навѣстившій его въ тотъ же день докторъ Арендтъ признать смертельною.

Это несчастье произвело въ городѣ сильнѣйшее впечатлѣніе.

По словамъ Данзаса, не покидавшаго Пушкина до

самой его смерти, квартира Пушкина осаждалась множеством лицъ, прїѣзжавшихъ узнавать о его положеніи.

Но Пушкинъ впускалъ къ себѣ только самыхъ короткихъ знакомыхъ, хотя всѣмъ интересовался: безпрестанно спрашивалъ, кто былъ у него въ домѣ, и говорилъ: «Мнѣ было бы прїятно видѣть ихъ всѣхъ, но у меня нѣтъ силы говорить съ ними». По этой причинѣ, вѣроятно, онъ не простился и съ нѣкоторыми изъ своихъ лицейскихъ товарищей.

Предчувствуя приближеніе смерти, Пушкинъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ: «Какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни Пушкина, ни Машинского, мнѣ бы легче было умирать».

Скончался Пушкинъ 29 января, а отпѣваніе происходило въ Конюшенной церкви 31 января.

На этомъ печальномъ обрядѣ присутствовали старшій его директоръ Энгельгардтъ и всѣ товарищи поэта по Лицею. Энгельгардтъ сказалъ ¹⁾ А. И. Тургеневу: «18-ый изъ моихъ умираетъ», очевидно, разумѣя убыль воспитанниковъ первыхъ трехъ курсовъ, бывшихъ при немъ въ Лицеѣ; изъ первокурсниковъ же Пушкинъ былъ седьмымъ.

Вечеромъ 1-го февраля тѣло Пушкина отправлено было въ Святогорскій монастырь. Сопровождалъ его А. И. Тургеневъ.

Бывшій тогда еще въ Лицеѣ Яхонтовъ такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на лицейство извѣстіемъ о смерти Пушкина.

«Зима 1837 года была горестно-памятною для Царскосельскаго Лицея, какъ и для всей Россіи: 29 января не стало Пушкина!

Для меня, помнишаго этотъ роковой день, впечатлѣніе великой утраты и теперь такъ же сильно и живо, какъ и въ первую минуту».

¹⁾ Пушкинъ и его современники, в. VI, Спб., 1908, стр. 68.

Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было; вѣсти изъ Петербурга, особенно къ намъ, въ замкнутое заведеніе, доходили медленно. Мы ничего еще не знали о дуэли Пушкина, какъ вдругъ—30 января—пришла къ намъ громовая вѣсть о его кончинѣ!

Живо помню то пылкое, сильное горе, тотъ взрывъ негодованія противъ Дантеса, которые овладѣли нами, восторженными почитателями поэта, родного намъ по Лицею; мы считали его своимъ; намъ казалось, что лучи его славы отражаются и на насъ, отдаленныхъ потомкахъ его.

Всѣ будничные интересы нашей мирной жизни были забыты, обычныя занятія и игры прерваны, неизмѣнный порядокъ дня нарушенъ... и не одинъ, а нѣсколько дней сряду профессора не могли съ нами справиться.

Мы не могли освоиться съ мыслию, что Пушкина нѣтъ въ живыхъ...

Мы просились въ Петербургъ на похороны—намъ отказали наотрѣзъ. Начальство боялось даже ходатайствовать за насъ предъ великимъ княземъ—и не даромъ: стихи Лермонтова на смерть поэта мы уже знали наизусть; при нашемъ возбужденномъ состояніи мы способны были, пожалуй, на уличную манифестацію.

Черезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе, что тѣло Пушкина, въ сопровожденіи А. И. Тургенева и другихъ, промчалось на почтовыхъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, по старой, ухабистой большой дорогѣ, по направленію къ селу Михайловскому, Псковской губ., какъ будто при малѣйшей остановкѣ могла произойти какая-то опасность для государственнаго спокойствія».

Разумѣется само собою, что извѣстіе о кончинѣ Пушкина болѣзненно отозвалось на его товарищахъ.

Баронъ М. А. Корфъ сообщилъ 17 февраля 1837 года Вольховскому слѣдующее.

При изученіи этого письма ты будешь уже, конечно, знать объ нашей общей потерѣ: мы лишились Пушкина,

и какимъ еще образомъ! Во время всего этого происшествія, во время его смерти и похоронъ, я самъ томился еще въ мучительной болѣзни. и. кто видѣлъ его за нѣсколько дней передъ тѣмъ у моей постели, конечно, не подумалъ бы, что онъ, въ цвѣтѣ силъ и здоровья, ляжетъ въ могилу прежде меня.

Послѣ него осталось, кромѣ вдовы, четверо сиротъ, почти безо всего; но общій нашъ геній-хранитель призрѣлъ и ихъ щедрою своею рукою; по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ состоянію и къ средствамъ воспитанія, они имѣютъ теперь болѣе, чѣмъ при немъ.

Въ списокъ же своихъ товарищей, внесенномъ въ его дневникъ, баронъ Корфъ о Пушкинѣ записалъ слѣдующее:

Это историческое лицо довольно означить просто въ моемъ списокѣ. Пушкинъ прославилъ нашъ выпускъ. и. если изъ 29 человѣкъ одинъ достигъ безсмертія, то это, конечно, ужъ очень, очень много.

Матюшкинъ тогда былъ въ Севастополѣ. Роковая вѣсть повергла его въ глубокую скорбь, и онъ могъ написать Яковлеву только слѣдующія строки: «Пушкинъ убитъ! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого подлеса поднялась на него рука? Яковлевъ. Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣдѣетъ; пора и намъ убираться!»¹⁾

Приведемъ извлеченіе изъ «Записокъ» его перваго безпѣннаго друга И. И. Пущина.

Въ 1837 году «возвратившійся изъ отпуска нашъ плацъ-адъютантъ Розенбергъ зашелъ въ мой 14-ый номеръ. Я искренно обрадовался и забросалъ его разспросами о родныхъ и близкихъ, которыхъ ему случилось видѣть въ Петербургѣ. Отдавъ мнѣ отчетъ на мои вопросы, онъ съ какою-то нерѣшительностью упомянулъ о Пушкинѣ. Я

¹⁾ Письмо 14 февраля 1837 года. Гротъ, стр. 74.

тотчасъ ухватился за это дорогое мнѣ имя: гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился? какъ онъ поживаетъ? и пр. — Розенбергъ выслушалъ меня въ раздумьи и, наконецъ, сказалъ: Нечего отъ васъ скрывать. Друга вашего нѣтъ! онъ раненъ на дуэли Дантесомъ и черезъ двое сутокъ умеръ; я былъ при отпѣваньи его тѣла въ Конюшенной церкви, наканунѣ моего выѣзда изъ Петербурга.

Слушая этотъ горькій разсказъ, я сначала рѣшительно какъ будто не понималъ слова разскащика: такъ далека отъ меня была мысль, что Пушкинъ долженъ умереть во цвѣтѣ лѣтъ. среди живыхъ на него надеждъ. Это было для меня громовый ударъ изъ безоблачнаго неба—ошеломило меня, а вся скорбь не вдругъ сказалась на сердцѣ. Въсть эта электрической искрой сообщилась въ тюрьмѣ—во всѣхъ кружкахъ только и рѣчи было, что о смерти Пушкина—объ общей нашей потерѣ; но въ итогъ выходило одно, что его не стало, и что не воротить его, Провидѣніе такъ рѣшило; намъ остается смиренно благодарить предъ его опредѣленіемъ.

Не стану бесѣдовать съ вами объ этомъ народномъ горѣ, тогда несказанно меня поразившемъ: оно слишкомъ тѣсно связано съ жгучими оскорбленіями, которыя невыразимо должны были отравлять послѣдніе мѣсяцы жизни Пушкина. Другимъ лучше меня—далекаго—извѣстны гнусныя обстоятельства, породившія дуэль; съ своей стороны скажу только, что я не могъ безъ особеннаго отвращенія объ нихъ слышать; меня возмущали лица, дѣйствовавшія и подозрѣваемыя въ участіи по этому гадкому дѣлу, подсѣкшему существованіе величайшаго изъ поэтовъ.

Пушину, видимо, долго не давала покоя мысль о роковой катастрофѣ, и, даже спустя три года, онъ возвращался къ этой темѣ, и въ одномъ письмѣ къ роднымъ 1840 г. (14 іюня) писалъ: «Кажется, еслибы при мнѣ должно было случиться несчастная его (Пушкина) исторія и еслибы я былъ на мѣстѣ Константина Данзаса, то роко-

вая пуля встрѣтила бы мою грудь: я бы нашелъ средство сохранить поэта-товарища, достояніе Россіи» ¹⁾).

Когда вѣсть о кончинѣ Пушкина дошла до другого его товарища, его «родного брата по музѣ и по судьбамъ», Кюхельбекера, я сказать не умѣю. Но въ слѣдующемъ 1838 году въ день 19 октября онъ вспомнилъ о Пушкинѣ и Дельвингѣ и съ гордымъ сознаніемъ того, что 13 лѣтъ тюрьмы и ссылки не угасили въ немъ Богомъ даннаго ему таланта, могъ сказать:

Такъ! перенесъ я годы заточенья,
Изгнаніе и срамъ и сиротство,
Но подъ щитомъ святого вдохновенья
Но здѣсь во мнѣ пылало божество. ²⁾

Уже неоднократно въ настоящемъ трудѣ говорилось о горячей любви Пушкина къ его «отечеству» — Царскому Селу. Естественно, что у поэта, не издавшаго Царскаго Села въ теченіе 9 лѣтъ (1820—1829), при посѣщеніи его нахлынули воспоминанія о счастливыхъ годахъ, проведенныхъ имъ въ тѣсномъ кружкѣ лицейскихъ товарищей, и онъ выразилъ это въ чудномъ стихотвореніи «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», начинающемся задушевыми стихами:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библии — безумный расточитель, —
До капли истощивъ раскаянья фіаль,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ.

Въ томъ садикѣ, въ той лицейской «оградѣ», въ которой Пушкинъ провелъ свои отроческіе и юношескіе

¹⁾ К. Я. Гротъ. Ист. Вѣстникъ, 1905, № 8, стр. 443.

²⁾ Рус. Старина, 1870 г., т. I, стр. 294.

годы, 26 мая 1899 года былъ заложенъ, а 19 октября 1900 года открытъ помятникъ великому поэту. На торжествѣ открытія присутствовала депутація Александровскаго Лицея и многіе члены Пушкинскаго Лицейскаго Общества, въ числѣ коихъ находился бывшій тогда предсѣдателемъ Общества составитель настоящей книги. Когда упала скрывавшая помятникъ завѣса, и умолкли звуки народнаго гимна, предсѣдатель Общества произнесъ нѣсколько приличныхъ случаю словъ, заключивъ ихъ вышеприведенными стихами Пушкина. Въ рядахъ присутствовавшей на открытіи памятника публики находился К. П. Побѣдоносцевъ, одинъ изъ глубокихъ цѣнителей таланта Пушкина. Въ тотъ же день онъ прислалъ пишущему эти строки письмо, которое приводимъ здѣсь дословно:

Многоуважаемый Димитрій Ѳомичъ! Какъ хорошо вы сдѣлали, что пріѣхали сюда въ воскресенье. Я боялся этого дня, боялся наплыва журналистовъ и нелѣпыхъ рѣчей, коими оскверняется у насъ всякое торжество. Но, видно, всякій день имѣетъ судьбу свою. Къ счастью, никто изъ этихъ господъ не пріѣхалъ, а пріѣхали вы, и какъ хорошо заключили вы торжество словами:

Поникъ головой и зарыдалъ .

Здравствуйте. К. Побѣдоносцевъ.

Ц. Село. 19 октября 1900 года.

XXX.

Вслѣдъ за Пушкинымъ сошелъ въ могилу третій лицейскій поэтъ I курса Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій. Умеръ онъ въ Петербургѣ 6 окт. 1837 года. Илличевскій— по словамъ барона Корфа— «еще въ Лицеѣ показывалъ явно жестокій и завистливый характеръ, который послѣ отразился во всей его жизни и отравлялъ ее для него самого. Съ острымъ умомъ, съ большимъ дарованіемъ къ эпиграммѣ, онъ писывалъ прежде много стиховъ; но, хотя при смерти его въ журналахъ называли его «извѣстнымъ нашимъ литераторомъ», однако извѣстность эта умерла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ служилъ сперва въ министерствѣ финансовъ, потомъ долго жилъ въ отставкѣ, путешествовалъ за границею и, наконецъ, вступилъ опять въ министерство финансовъ, въ которомъ и умеръ начальникомъ отдѣленія. Какъ собесѣдникъ, онъ былъ чрезвычайно пріятенъ, но друзей не имѣлъ: подозрительный и себялюбивый характеръ удалялъ его отъ всякаго сердечнаго сближенія».

Мы уже упоминали, что, когда въ 1836 году Энгельгардтъ предложилъ воспитанникамъ всѣхъ 4-хъ первыхъ курсовъ соединиться для празднованія 25-лѣтняго юбилея Лицея, то первокурсники рѣшительно отказались отъ этого. Напротивъ того, воспитанники II, III и IV курсовъ приняли приглашеніе А. Е. Жадовскаго ¹⁾ (III курса) собраться

¹⁾ Анастасій Евстафьевичъ умеръ въ 1871 году въ чинѣ тайнаго совѣтника въ отставкѣ.

тотъ день у него, что и продолжалось и нѣсколько лѣтъ послѣ того. Считаясь гостями Жадовскаго, они, разумѣется, не вносили никакой платы. Какъ видно изъ письма Энгельгардта къ Пущину, въ 1837 году одинъ изъ товарищей — Мих. Дан. Деларю (V курса)—предложилъ ознаменовать лицейскій день какимъ-либо остающимся добрымъ дѣломъ.

Предложеніе принято единодушно, охотно и положено: возобновить прекратившуюся прежнюю складчину, но, вмѣсто угощенія, употреблять ее въ пользу сиротскаго заведенія, учреждаемаго нынѣ при здѣшней реформатской церкви. Въ семъ истинно добромъ дѣлѣ принимали участіе и нѣкоторые отсутствующіе товарищи, и въ два года составилось 1.500 рублей, которые хранятся отдѣльно съ тѣмъ, что, когда накопится 12.000 рублей, то изъ процентовъ сего лицейскаго капитала содержать навсегда въ томъ заведеніи одного сироту лицейскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что это доброе дѣло сбудется и составитъ навсегда скромный памятникъ благороднаго духа и чувства прежнихъ «Лицейскихъ». Итакъ, съ Богомъ!

Въ полчаса подписано и внесено 1.750 рублей. На другой день получаю отъ Льва Нарышкина ¹⁾, подписавшаго 50 р., слѣдующую записочку:

En rentrant chez moi hier soir, encore tout plein des sentiments lycéens rechauffés à notre bonne réunion, j'ai trouvé quelqu'un qui n'a pas le bonheur d'être connu de Vous..., mais qui prétend avoir aussi, par filiation le droit de se joindre à nous et réunir son offrande à la notre pour la fondation lycéenne. C'est mon fils ²⁾, un garçon très entêté, et qui n'a tenu compte d'aucune de mes objec-

¹⁾ Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, лицейскій IV курса, умеръ въ 1855 году въ чинѣ дѣйст. стат. сов. и въ должности члена совѣта министра финансовъ.

²⁾ Этому сыну отъ роду 1½ года. (Е. Э.).

tions il a insisté et m'a force de joindre ici les 500 r., qu'il destine à cela.

Connaissant Votre indulgence, cher et respecté E. A., j'espère que Vous voudrez bien agréer les prétentions de M-r Cyrille et que d'après l'amitié dont vous avez toujours honoré son père, vous lui permettrez de coopérer du moins à une des bonnes oeuvres écloses sous votre direction. Leon Narychkine.

Каковъ? Не хотѣлъ высказаться при общей подпискѣ болѣею противъ прочихъ данью и избралъ этотъ путь. Я ему отвѣчалъ, что за значительное его приношеніе спасибо; но въ сто разъ болѣе спасибо за благородный лицейскій пріемъ.

Далѣе въ томъ же письмѣ Энгельгардта читается:

«У насъ имѣе проживать Горчаковъ съ женою и дѣтьми, которыхъ получилъ съ нею въ приданое. Одинъ сынъ—студентъ, другой—ученикъ, а дочь—почти уже невѣста. При всемъ томъ жена его, вдова Мусина-Пушкина, совсемъ не стара, а напротивъ очень мила, только очень grande dame.

Съ нею онъ также прижилъ сына. Когда я вижу сыновей нашихъ лицейскихъ, то невольно вздыхаю и догадую, что я уже не тамъ; весело бы было воспитывать дѣтей своихъ воспитанниковъ.

Въ письмѣ ¹⁾ отъ 6 іюня сдѣлающаго 1838 года Энгельгардтъ пишетъ: «Горчаковъ, Богъ вѣсть какъ, но лишился своего мѣста при вѣнскомъ посольствѣ; вмѣсто него назначенъ другой, а онъ говоритъ, ѣдетъ сюда. Что будетъ съ его женитбою на Мусиной-Пушкиной, не вѣдаю».

Далѣе въ 1839 году 24 января Энгельгардтъ сообщаетъ: «Горчаковъ сдѣлалъ превеликую глупость подачею въ отставку и получить ее. Теперь онъ, не знаю, гдѣ съ женою, у которой только имѣніе дѣтей, мало по малу въ совершеннѣйше вступавшихъ; у нея останется ничего, а у него

¹⁾ Къ Матюшкину.

и подавно. Не знаю, что съ нимъ будетъ, но Горчакова жаль: онъ былъ на хорошей стезѣ.

Объ одномъ эпизодѣ во время пребыванія въ Вѣнѣ князь Горчаковъ рассказывалъ слѣдующее.

Какъ-то однажды въ небольшой свитѣ Императора Николая Павловича пріѣхалъ въ Вѣну графъ А. Х. Бенкендорфъ. За отсутствіемъ посланника, я, исполнявшій его должность въ качествѣ старшаго совѣтника посольства, поспѣшилъ явиться, между прочимъ, и къ графу Бенкендорфу. Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ фразъ онъ, не приглашая меня сѣсть, сказалъ:—«Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшній день мнѣ обѣдъ». Я совершенно спокойно подошелъ къ колокольчику и вызвалъ *maître d'hôtel* гостиницы. «Что это значитъ?»—сердито спросилъ графъ Бенкендорфъ. «Ничего болѣе, графъ, какъ то, что съ заказомъ объ обѣдѣ вы можете сами обратиться къ *maître d'hôtel*ю гостиницы». Этотъ отвѣтъ составилъ для меня въ глазахъ всесильнаго тогда графа Бенкендорфа репутацію либерала» ¹⁾.

Какъ извѣстно, Царскосельскій Лицей учрежденъ былъ съ цѣлю «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной».

Если смотрѣть на дѣятельность бывшихъ воспитанниковъ Лицея съ этой именно точки зрѣнія, то должно будетъ признать, что X курсъ (1833—1839) лучше всѣхъ прочихъ удовлетворилъ постановленной выше цѣли. Въ подтвержденіе этого укажемъ, что изъ 20 воспитанниковъ этого курса 7 достигли «степеней извѣстныхъ», а именно:

Князь Н. М. Голицынъ—оберъ-гофмейстеръ и сенаторъ; А. В. Головинъ—министръ народнаго просвѣщенія; Клингенбергъ—членъ комиссіи прошеній; баронъ А. П. Николан—министръ народнаго просвѣщенія; графъ М. Х. Рейтернъ—министръ финансовъ и предсѣдатель комитета

¹⁾ Русская Старина, 1883. № 10, стр. 168.

министровъ; П. И. Саломонъ—членъ Государственного Совѣта и В. А. Цеэ—сенаторъ.

Вмѣстѣ съ ними окончили курсъ М. В. Петрашевскій, о которомъ говорено выше. Выпущенъ онъ былъ XIV классомъ, случай, не бывавшій дотолѣ въ лѣтописяхъ Лицея.

Хотя начальство такъ низко оцѣнило Петрашевскаго, но онъ, напротивъ того, весьма высоко ставилъ своего директора генерала Гольтгоера. Этотъ послѣдній праздновалъ 4 октября 1839 г. пятидесятилѣтній юбилей своей службы. Такой довольно обыкновенный въ исторіи русскаго служилаго сословія случай далъ Петрашевскому возможность описать его «какъ замѣчательное торжество» въ письмѣ къ другу, напечатанномъ въ тогдашнихъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (1840, № 26 и 27).

Какъ образецъ его литературнаго таланта, приведемъ небольшую выдержку изъ этого письма.

... гретій тостъ былъ въ честь Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника. «Ура» не умолкало, и только тостъ, предложенный за здравіе Его Императорскаго Высочества великаго князя Михаила Павловича прервалъ на одно мгновеніе громкое изліяніе восторженныхъ чувствъ. Новое «ура» огласило Лицей, и всѣ съ умилениемъ повторяли высокое имя попечительнаго начальника Лицея, достойнаго Брата Царя и Его ревностнаго сподвижника въ дѣлѣ утвержденія благоденствія нашего любимаго отечества.

Личность Петрашевскаго зло очерчена въ статьѣ о немъ К. С. Веселовскаго, бывшего нѣкоторое время его однокурсникомъ ¹⁾. Печальна была судьба Петрашевскаго. Онъ собиралъ у себя кружокъ молодыхъ людей, почитывавшихъ запрещенныя книжки и оцѣнивавшихъ ихъ въ общемъ разговорѣ. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей были

¹⁾ Рус. Старина, 1900, т. 103, стр. 119.

лиценсты Европеусъ и Кашкинъ—оба XV курса. Арестованные въ 1848 году всѣ они подверглись очень тяжелымъ наказаніямъ. Кромѣ этихъ трехъ лиценстовъ, къ слѣдствію привлечены были Е. С. Есаковъ (XIII курса) ¹⁾ и товарищъ Петрашевскаго по X-му курсу Н. И. Кайдановъ.

¹⁾ Сынъ лицейскаго, I курса, С. С. Есакова.

XXXI.

Отпраздновавъ пятидесятилѣтній юбилей, генераль Гольтгоеръ недолго оставался директоромъ Лицея. 23 апрѣля 1840 года онъ назначенъ былъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній ¹⁾, а на его мѣсто опредѣленъ начальникъ штаба перваго резервнаго кавалерійскаго корпуса генераль-маіоръ Дмитрій Богдановичъ Броневскій.

По воспитанію онъ принадлежалъ морскому кадетскому корпусу и началъ службу въ 1811 году мичманомъ въ черноморскомъ флотѣ, гдѣ оставался только два года, послѣ которыхъ перешелъ въ военно-сухопутную службу.

При своемъ вступленіи въ должность директора Лицея, онъ засталъ въ старшемъ классѣ XI курсъ (1835—1841), первымъ ученикомъ котораго былъ сынъ бывшаго директора, М. Ѳ. Гольтгоеръ.

Едва генераль Броневскій вступилъ въ управленіе Лицеємъ, въ немъ произошло несчастье: 3 іюля утонулъ, купаясь въ Царскосельскомъ прудѣ, воспитанникъ князь

¹⁾ Въ 1875 году два сына генерала Гольтгоера подарили Лицею бюстъ покойнаго ихъ отца, и 5 апрѣля того же года Высочайше разрѣшено было поставить этотъ бюстъ въ залѣ Лицея для упроченія памяти о семнадцатилѣтнихъ попеченіяхъ генерала Гольтгоера касательно научнаго и нравственнаго развитія воспитанниковъ Лицея. Бюстъ этотъ и донинѣ украшаетъ одну изъ залъ Лицея.

Николай Ширинскій-Шихматовъ на глазахъ гулявшихъ съ нимъ товарищей Беклемишева и Мея. Смерть эта вызвала стихотворное «Послѣднее прощаніе доброму товарищу» и эпитафію ему, написанныя В. Р. Зотовымъ.

Чувства любви къ почившему другу, выраженные его товарищами, глубоко тронули отца покойнаго, князя Платона Александровича, и онъ въ письмѣ къ директору считъ священною обязанностью засвидѣтельствовать искренній и шую душевную признательность воспитанникамъ 4-го класса и просилъ сдѣлать имъ извѣстными эти небезотрадныя чувства злосчастнаго отца ¹⁾.

Выше мы уже упоминали, что воспитанники XI курса возобновили сооруженный еще первымъ курсомъ «памятникъ *genio loci*».

Въ единственномъ, извѣстномъ мнѣ номерѣ (№ 2) тинейскаго «Литературнаго и Каррикатурнаго Листка» отъ 16 сентября 1840 года ²⁾, помѣщено слѣдующее стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Genio loci :

Была пора! Хранителю Лицей
Курсъ первый памятникъ смиренный воздвигалъ.
И добрый духъ, Лицей родной лелѣя,
Его любилъ, хранилъ, благословлялъ.
Съ тѣхъ поръ прошии года. Подъ мирнымъ
кровомъ
Стоялъ въ глуши прошедшаго залогъ,
Завѣтный даръ всѣмъ поколѣньямя новымъ,
Онъ устарѣлъ въ забвеньи, онъ заглохъ!

4) Стихотвореніє Зотова и письмо князя въ Пушкинскомъ
Лит. обществ. Музей.

4) Листочки жести, выфиги в странички — въ 4-ой листъ листа изъ концы жести выфиги съестными и три — рисунками. Онъ прикле- тить въ концы а лавками, итывающего «Писатель каррикатуры» и хранянагося въ Пушкинскомъ Императорскомъ Музеи.

Пришла пора — чрезъ десять курсовъ снова
Тотъ памятникъ мнѣ вновь получить.
Свитой залогъ прекраснаго былого
Ошнадцатый курсъ возобновить.
Возвѣсился опять въ саду Лицея
Персъ скромной пирамидою простой,
Украшена цвѣтами зелены,
Съ рѣшеткою и мраморной доской.

Кто бы ни былъ ты, нашъ добрый покровитель,
Тебѣ сердца и мысли наши чтутъ!
Храни покой Лицейскую обитель
Отъ зла, отъ бурь, несчастій, бѣдъ и смутъ.
Души порывъ, стремленье дарованья
Благослови, лелей и возбуждай!
И въ главный путь высокаго познанья
Ты молодыхъ питомцевъ направляй!

Зажги въ груди огонь неугасимый,
Платье молчости буйный укроти,
И кровь родной, и нашъ Лицей любимый
Ты чистый духъ, покрой и освяти!
Хоть ты недринь для суетнаго свѣта,
Но внимай мы, любовью горя,
Тебя въ чертахъ великаго Поэта
Нашъ въ образъ великаго Царя!

В.

Стихотвореніе это подписано буквою В, почему я и рѣшился приписать его В. Р. Зотову.

Самый злободневный «Лицейскій каррикатура» заключаетъ въ себѣ портреты Гольцгоера, Оболенскаго, законоучителя Кочетова, преподавателей Олива, Георгіевскаго (школьное презвище Пена), Жюлье и д-ра Пенселя (поговорка его nihil nisi администраті) и воспитанника Н. Н. Николаева.

Въ Пушкинскомъ Лицейскомъ Музеѣ хранится также роскошный на цвѣтной бумагѣ альбомъ съ золотымъ обрѣзомъ въ кожаномъ тисненомъ переплетѣ, принадлежавшій лиценсту XI курса Александру Лукичу Жемчужникову ¹⁾.

Въ немъ имѣются стихотворенія Зотова (два), Л. Мея—лучшее изъ всѣхъ стихотвореній альбома,—А. Θ. Немани, П. Д. Дунина-Барковского, Ст. Як. Голубцова, записи въ прозѣ на французскомъ языкѣ Maximilien Kniagévitch и Condoidy, записи прозою по русски П. Θ. Гедеонова, Г. Г. Принтца, воспитанника XII курса графа Д. А. Толстого и Алексѣя Хвостова отъ 5 марта 1846 года, гдѣ онъ именуется себя «братомъ» Жемчужникова.

Въ альбомѣ находятся рисунки съ надписью «Г», вѣроятно, Голубцова, карандашный портретъ молодого офицера съ надписью Et. Goloubzov, акварельный портретъ владѣльца альбома съ тою же надписью Et. Goloubzov и, рисунокъ съ надписью «С. Ч.», вѣроятно, преподавателя рисованія Чирикова.

Наконецъ, тамъ находится слѣдующее стихотвореніе, помѣченное 23 августа 1840 года:

Когда пройдутъ лѣта соединенья
И новый жизни путь
Назначить для тебя судьбы предназначенье,
Тогда, чтобъ отдохнуть
Отъ жизни суетной и суетныхъ желаній,
Посмотришь ты опять
Въ ту книгу, гдѣ своихъ и мыслей и мечтаній
Твои товарищи оставили печать.
И вспомнишь ты, о юности жалѣя,
О дняхъ, *когда въ садахъ Лицея*
Ты безмятежно расцвѣталъ
И въ жизни горестей еще не зналъ.

¹⁾ Альбомъ этотъ подаренъ Лицею племянникомъ Жемчужникова, лиценстомъ XXXVI курса А. А. Хвостовымъ. А. Л. Жемчужниковъ скончался 26 марта 1868 года въ отставку въ чинѣ надворнаго совѣтника.

И, ежели въ часы завѣтнаго мечтанья
Ты удѣлишь въ сердечной глубинѣ
И мнѣ частицу воспоминанья,
Она за всѣ мои сердечныя желанья
Наградой лучшей будетъ мнѣ.

Подъ этимъ стихотвореніемъ красуется подпись Мих. Лонгиновъ.

Мы привели это стихотвореніе, какъ образецъ стихотворной манеры Лонгинова, который въ послѣдствіи, по собственному его признанію, сдѣлался писателемъ «не для дамъ».

19 октября 1840 года—праздникъ Лицея—описанъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 248, 1 ноября) слѣдующимъ образомъ.

Въ субботу, 19 октября, воспитанники Императорскаго Царскосельскаго Лицея праздновали наступленіе тридцатаго года существованія сего истинно Императорскаго заведенія, памятника благодати и любви къ наукамъ и просвѣщенію Александра Благословеннаго. Въ большой залѣ Лицея устроенъ былъ театръ, на которомъ воспитанники представили двѣ комедіи, русскую и французскую. Предъ начатіемъ представленія воспитанникъ В. Р. Зотовъ произнесъ слѣдующій прологъ своего сочиненія:

Была пора: еще не прославляла
Въ Европѣ насъ ни битва, ни молва;
Еще тогда пожаромъ не пылала
Передъ врагомъ родимая Москва.
Не защищалъ нашъ Царь чужого трона,
Насъ бичъ войны кровавой не постигъ,
И не каралъ еще Наполеона
Ни Русскій Царь, ни Русскій штыкъ.
Въ тѣ дни, когда гроза въ тиши собиралась,
И гибель намъ готовилъ славы сынъ,
Мысль у Царя Россіи развивалась,
И думалъ думу мощный властелинъ.

Наукъ, искусствъ высокій Покровитель,
Лишь повелѣлъ, и для Его дѣтей
Возвысилась священная обитель —
И нашъ родной воздвигнулся Лицей.
Съ тѣхъ поръ прошли года; день основанья,
Прекрасный день, живъ въ памяти у насъ,
И дорого объ немъ воспоминанье,
Какъ дорогъ Тотъ, Кто рано такъ угасъ!
Объ этомъ днѣ, въ заботахъ мелкихъ свѣта,
Никто изъ насъ во вѣкъ не забывалъ,
Объ этомъ днѣ лицейскаго поэта
Гремучій стихъ не разъ напоминалъ,
И каждый годъ, день основанья славный,
Холодный день сѣдого октября,
Мы празднуемъ въ знакъ милости державной
Великаго, почившаго Царя.
И каждый разъ мы весело, привольно
На праздникъ собираемся толпой,
И каждый разъ туманятся невольно
У насъ глаза горячею слезой,
Слезой чистой, данью умиленной
Великому въ прекрасный этотъ часъ;
И вѣримъ мы: тогда Благословенный
Съ высотъ небесъ благословляетъ насъ.
И въ этотъ разъ, весельемъ молодѣя,
Мы смѣло въ новый путь хотимъ итти,
И собрались, чтобъ въ скромный залъ Лицея
Здѣсь Талию веселую ввести.
Благослови жъ, незримый Покровитель,
Селенія небесъ на мигъ оставь,
Какъ былъ всегда занятій нашихъ зритель,
Такъ будь теперь Ты зрителемъ забавъ.
Все тѣ же мы: въ сердцахъ горитъ святая
Любовь у насъ къ престолу, къ алтарю;
Все тѣ же мы, усердіемъ пылая
И къ новому, Великому Царю!

Опъ нашъ Монархъ! Твоей прекрасной славы
 Настѣлннхъ Снхъ достойная, муарный статъ;
 Опъ нашъ отецъ, — въ дѣлахъ о Державѣ
 Опъ никогда объ насъ не забывайтъ!
 Мы горести слезу Тебѣ приносимъ,
 Въ записъ памяти, печальнойю толпою,
 Но все обо Номъ Творца мы молимъ, просимъ,
 И съ радостною, и съ истинною слезой.
 У насъ въ сердцахъ одно желанье — слава
 И слава отчизны и Царей!
 Цвѣти нѣжны, Росистая Держава!
 Цвѣти воцѣли, родимый нашъ Лицей! *)

При провозглашеніи имени Александра открылся на сценѣ божество покойнаго Императора, увѣнчанный лаврами. По окончаніи прѣлога, сопровождавшимся громкими и единодушными рукоплесканіями зрителей, раздались звуки избраннаго гимна въ прилегающей залѣ библиотекн. Хоръ воспитанниковъ, заручившись божествомъ пѣлъ благополучно царствующаго Государя, съ искреннимъ выраженіемъ чистыхъ дѣтскихъ сентиментовъ, пропѣвъ: Боже, Царя храни!

По окончаніи спектакля началась танца.

На этомъ, прѣдлиннхъ, оставившись самыя пріятныя впечатлѣнія во всѣхъ присутствовавшихъ, добонятно было видѣть и дѣйствующихъ на сценѣ, и зрителей въ партерѣ, бѣлнхъ чистѣйшю бѣловнхъ воспитанниковъ Лицея, за нѣскольکو лѣтъ предѣ увидѣвъ въ этой самой залѣ участвовавшихъ въ играхъ и забавахъ отроческаго возраста, а нѣмѣ почтенныхъ сановниковъ и слугъ Государя, облеченныхъ знаками Его милости и пріобрѣтшихъ прочныя права на общее уваженіе и любовь. И посреди ихъ, съ выраженіемъ умѣреннаго чувства пріятнѣйшихъ воспоминаній и справедливо замуженной въ души награды,

*) Печатный экземпляръ этого стихотворенія хранится въ Пушкинскомъ Литературномъ Музеѣ.

находился бывший директор Лицея, Е. А. Энгельгардтъ, пожинающій нынѣ самые драгоцѣнные плоды прежнихъ своихъ трудовъ и стараній.

Всѣ бывшіе на семъ праздникѣ, особенно же родители юныхъ воспитанниковъ и прежніе воспитанники, выразили за пріятный вечеръ искреннюю свою признательность нынѣшнему почтенному директору Лицея, генераль-маіору Дмитрію Богдановичу Броневскому».

Письма П. А. Плетнева къ Я. К. Гроту разъясняютъ нѣсколько закулисную сторону праздника. Говорятъ, писалъ онъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ велѣлъ ученикамъ сыграть въ этотъ день двѣ пьесы: русскую и французскую. Но вотъ что вышло. Мальчики, сдѣлавшись распорядителями и хозяевами лицейскаго праздника, назвали гостей такихъ, какіе имъ нравились. Служащихъ же при Лицеѣ пригласили какъ бы изъ сожалѣнія наканунѣ только на репетицію, опредѣливъ между собою позвать въ самый праздникъ однихъ выслужившихъ при Лицеѣ всѣ годы съ основанія Лицея. Разумѣется, это многихъ обидѣло; да они и неправы, сами принадлежа Лицею съ недѣлю безъ году. Это могли бы сдѣлать ученики 1-го выпуска. Вотъ такъ-то единство Лицея разрушается отъ недостатка уваженія другъ къ другу членовъ его!»¹⁾

Въ слѣдующемъ письмѣ, ссылаясь на приведенную выше статью «Сѣверной Пчелы», Плетневъ указываетъ, что въ ней «выведенъ на сцену Энгельгардтъ, а о Гольтгоерѣ ни слова, какая оскорбительная неблагодарность! Можно ли такъ глупо и мучительно оскорблять человѣка заживо и почти невинно? Онъ дѣлалъ, чего требовали. Говорятъ, что новая система тамошнихъ преобразованій состоитъ въ оборотѣ къ методѣ Энгельгардта. 20 октября въ залѣ Дворянскаго собранія данъ былъ еще обѣдъ лицейскими, куда приглашены были и нѣкоторые профессора, напр.,

¹⁾ Письмо отъ 1 ноября 1840 г., см. переписку Я. К. Грота съ Плетневымъ, Спб. 1896 I, стр. 107.

Георгиевскій, Шульгинъ. Но Оболенскаго не приглашали! Еще несообразность. Они и профессоръ, и инспекторъ. Можно критиковать это, но безъ осужденія сказывать публично — этого не должно допускать въ благоустроенномъ обществѣ. Вотъ, законы у насъ награды за службу! А давно ли на юбилей Гольтшера и директоръ и инспекторъ были чествуемы, чести доминаторству и вассальства какого юнкосства? Вѣтра подуло съ другой стороны, и все переменялось. Признаюсь, это пахнетъ на меня грустью. Я не протестую ни того изъ нихъ, ни другого; но очень понимаю, почему переносятъ столь явные и публичные оскорбленія эти люди, кто судить, не размышляя! Вѣрно, между ними удерживалась связь, правдивости, ни одной не было головы, споконно и даромъ мысленной! (1).

М. К. Гротъ посмотрѣлъ на эти инциденты хладнокровнѣе: «что инцидентъ поступилъ очень неполитически, я согласенъ съ нами, пишетъ онъ 5 ноября. — но, впрочемъ, если на юбилей въ Дворянское собрание были приглашены только немногіе избранные, то на этотъ разъ бѣда не такъ велика. Божіе то невниманіе, которое оказали Гольтшеру, не пригласивъ его въ Диней на спектакль²⁾».

Изъ числа воспитанниковъ XI курса, выпущенныхъ 15 іюня 1844 года, поминались на литературномъ попиріи двое: В. Р. Зотовъ, стихотворецъ, котораго приведены выше, и Л. А. Мей³⁾. Первый изъ нихъ въ своей статьѣ «Л. А. Мей и его значеніе въ русской литературѣ» сообщилъ вѣдомства, въ сѣвѣ, юности, зрѣлости и зрѣлостныхъ свѣдѣній о пребываніи Мей въ Диней.

Приводимъ эти свѣдѣнія:

¹⁾ Переписка М. К. Грота съ Пастернакомъ, письмо Грота, стр. 113—119.

²⁾ Тамъ же, стр. 120.

³⁾ Кроме того, имѣетъ французскія стихотворенія изъ альманаха И. Барнаумова. Въ альманахѣ мужъ хранится рукописное изъ бумагъ Павла Николаевича «Quelques vers» съ послѣдствіемъ Л. М.

А. А. Мей родился въ 1822 году въ Москвѣ, гдѣ и получилъ образованіе въ московскомъ дворянскомъ институтѣ. Въ этомъ заведеніи онъ выказалъ такія блестящія способности, учился съ такимъ успѣхомъ, что 14-ти лѣтняго талантливаго ученика перевели въ Лицей, для окончанія воспитанія на казенный счетъ. Въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ, дарованіе Мей окончательно окрѣпло, и изъ лиценста сформировалась та поэтическая, симпатичная натура, съ выдающимися качествами и увлеченіями, какою она оставалась, не измѣняясь до конца своего поприща. Стихи онъ началъ писать еще въ Москвѣ, но въ Лицеѣ выработались всѣ особенности его галанта и характера. Учился онъ прекрасно, имѣя полныя баллы почти по всѣмъ предметамъ обширнаго курса, но вышелъ десятымъ классомъ, какъ Пушкинъ, потому что для полученія высшаго, 9-го класса, при выходѣ изъ заведенія, требовалась опредѣленная сумма балловъ не только по ученію, но и по поведенію за все время пребыванія въ Лицеѣ, а поведеніемъ, въ смыслѣ смиренія и послушанія, Мей никогда не отличался. Это была въ высшей степени живая, подвижная натура, всегда готовая нарушить всякія предписанія относительно тишины, спокойствія, порядка, дисциплины. Въ каждой шалости въ заведеніи или внѣ его Мей былъ непремѣнно, если не зачинщикомъ, то однимъ изъ главныхъ участниковъ. Все, что запрещалось лицейскими уставами, нарушалось имъ съ особеннымъ увлеченіемъ. Такъ, еще на школьной скамьѣ онъ былъ отчаяннымъ курильщикомъ и остался имъ всю свою жизнь. Первый портретъ, снятый съ него товарищемъ Голубцовымъ, представляетъ его съ длинной трубкой, длинными волосами и въ разстегнутой курткѣ—два послѣднихъ признака представляли также протестъ противъ принятыхъ постановленій. Когда настала для восемнадцатилѣтняго юноши пора другихъ, болѣе серьезныхъ увлеченій, онъ и здѣсь явился однимъ изъ первыхъ устроителей разнаго рода кутежей и походовъ. По праздни-

камъ лиценстовъ отпускали только въ Царское Село, къ жившимъ тамъ родителямъ. Не многіе изъ нихъ, для того, чтобы видѣть рѣть въ недѣлю своихъ сыновей, обрекали себя на зимнюю жизнь въ городѣ, лишенная всякихъ развлеченій. Такими семенами въ 1838—1840 гг. въ Царскомъ Селѣ было двое: Марья Александровна Пильникова, у которой было два сына въ XI и XII курсахъ, и Софья Николаевна Кондоиди, окруженная красавицами дочерьми, радушно, въ кругу материнской заботы, принимавшая товарищей ихъ сыновей ⁴⁾. Но для такой молодежи мало было удовольствій тихаго семейнаго круга. Отпрещеніемъ на воскресенье въ Царское Село, сорвавши перѣлаи уларамъ контрабандой, на тропкахъ, въ Петербургъ. Въ этихъ поѣздкахъ почти всегда участвовали Мей, воспѣвшіи ихъ пѣснь съ привѣтами, гдѣ обыкновенно останавливались путники, и съ ямщикомъ Колчинымъ, ихъ неизбѣжными спутниками.

Браты, помните ль, бывало,
Какъ перѣлаи уларамъ
Человѣкъ пить, шесть пѣль насъ
Прямо въ Питеръ, но сиротскіе.
Бьемъ... хохотомъ... ни слова.
Но гонимъ у Пономовой.
Вотъ пѣсня. Гдѣ будетъ?
Удалось!... и правдѣмъ пѣть!

Такъ писалъ Мей, приводя въ своихъ стихахъ даже подробности ихъ жизни и то обязательство, что въ Петербургъ въ то время нельзя было попасть иначе, какъ прохаживая у шлагбаума билетъ о знаніи прѣзжающихъ — разумѣется, фактивныхъ... Таки стихотворенія были первыми пробами лирической мукъ поэта. Воспѣвать онъ въ нихъ все, что ждалъ въ 18 лѣтъ: любовь, женщинъ, вино.

⁴⁾ Григорій Владимировичъ Кондоиди былъ товарищемъ Зотина и Мей (XI курсъ).

попошки. Но если и говоритъ онъ въ одной изъ своихъ пѣсень, что

Пробки взлетѣвшей
Влаги вскипѣвшей
Сладостень звукъ:
Сокъ золотистый
Для лиценста
Лучше наукъ.

то все это было только обычнымъ увлеченіемъ молодости ¹⁾. Но никогда въ своихъ лицейскихъ стихахъ скромный поэтъ не доходилъ до цинизма лермонтовскихъ поэмъ, писанныхъ также въ учебномъ заведеніи, или до похвальной брани всѣхъ профессоровъ, учителей и гувернеровъ, какою осыпалъ ихъ одинъ изъ его товарищей въ прощальныхъ пѣсняхъ при разставаніи съ Лицеемъ....».

Мей началъ печатать свои стихотворенія еще въ бытность въ Лицеѣ. Въ журналѣ «Маякъ» 1840 г. помѣщены, съ подписью *Зелитскій*, двѣ его пьесы: «Гванагани» (отрывки изъ поэмы Колумбъ) и «Лунатикъ».

Его же перу принадлежитъ «Прощаніе лиценстовъ съ директоромъ Гольтгоеромъ» ²⁾.

Въ томъ же «Маякѣ» помѣщалъ свои стихотворенія и В. Р. Зотовъ, котораго редакторъ г. Бурачокъ не въ шутку провозгласилъ вторымъ Пушкинымъ.

¹⁾ Стихотвореніе Мей «Пѣсня лиценста», откуда заимствованы эти строки, сохранилось въ бумагахъ Н. П. Семенова въ Пушкинскомъ Лицейскомъ музеѣ.

²⁾ Въ Пушкинскомъ Лицейскомъ музеѣ въ числѣ бумагъ Н. П. Семенова сохранились стихотворенія Мей:

а) «Прощаніе лиценста со шпагой».
б) «Екатерина II».

XXXII.

1841 годъ принесъ нѣкоторыя перемѣны въ организаціи Лицея, коснувшіяся не только воспитанниковъ, но и служащихъ въ немъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1835 году (27 іюля) былъ утвержденъ уставъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, которымъ дарованы были попечителю училища права, а служащимъ преимущества, уставомъ Лицея не предоставленныя. Въ виду этого возникъ вопросъ о распространеніи этихъ новыхъ правъ на Лицей. Однако, когда великій князь Михаилъ Павловичъ вошелъ къ Государю съ докладомъ объ этомъ, то Государь замѣтить, что Ему совершенно неизвѣстны причины, по которымъ училищу правовѣдѣнія присвоены преимущества, Царско-сельскому Лицею не предоставленныя, тогда какъ Его Величествомъ повѣстно было зведеніе это сравнять съ Лицеємъ¹⁾. По поводу этой резолюціи Государя возникла перепалка въломство, и изъ объясненій министра юстиціи оказалось, что отступленія, сдѣланныя въ уставѣ училища Правовѣдѣнія, произошли не случайно, а объясняются соображеніями практическими, которыя были приняты во

¹⁾ См. Дѣло министерства юстиціи 1839 г. № 79 (въ сенатскомъ архивѣ) объясненіе названнаго министра гр. Чернышова къ министру юстиціи Давыдову, отъ 24 ноября 1839 г. Оно напечатано полностью въ приложеніи къ этой главѣ.

визнаніе и Государственнымъ Совѣтомъ, разсматривавшимъ уставъ училища. Согласно съ этимъ были разработаны необходимыя измѣненія въ уставѣ Липецка, и дѣло было представлено въ Комитетъ министровъ, гдѣ оно не встрѣтило возраженій.

Высочайше утвержденнымъ 2 апрѣля 1841 года постановленіемъ сего Комитета, между прочимъ, постановлено ¹⁾:

1) Какъ по существующему нынѣ порядку, воспитанники Липецка, окончивъ въ ономъ курсъ наукъ и поступивъ въ гражданскую службу, могутъ оставить оную во всякое время, чѣмъ и прекращается вознагражденіе за тѣ попеченія, коими они пользовались въ заведеніи во время ихъ воспитанія, то воспитанникамъ слѣдуетъ поставить въ непремѣнную обязанность продолжать гражданскую службу: казеннокоштнымъ не менѣе шести, а своекоштнымъ — четырехъ лѣтъ.

2) Въ измѣненіе правила, заключающагося въ 1219 статьѣ свода военныхъ постановленій части I книги III, по коему воспитанники Липецка выпускаются изъ оного съчинами по успеваемости отъ 14 до 9 класса включительно, удостовѣрять ихъ при выпускѣ чинами 12, 10 и 9-го классовъ.

3) Изъ числа состоящихъ нынѣ при Липецкѣ 12 гувернеровъ перемановать въ воспитатели шесть, безъ раздѣленія на старшихъ и младшихъ; прочихъ же 6-ть оставить въ Липецкѣ впродолженіе того времени, когда по окончаніи предположенной въ Липецкѣ перестройки не будетъ пастырей въ нихъ надобности, и тогда уволить ихъ отъ службы.

Вслѣдствіе сего въ апрѣлѣ же 1841 г. Высочайше повелѣно было для болыпей торжественности во время публичныхъ лекцій, совершающихся при выпускѣ изъ Липецка, и для пріисутствіа гдѣ-либо изъ воспитанниковъ этого заведенія объявленіе чинами, жадуемыхъ выпускае-

¹⁾ II-е Извѣст. Собр. Зак., № 14421.

мымъ изъ него, и приведеніе къ приему производить впредь не въ Правительствующему Сенату, какъ это до-тогда бывало, а на самыхъ актахъ въ Лицѣ, по примѣру учивша правовѣдѣнія.

Въ 1841 году минуло тридцать лѣтъ съ того времени, когда первокурсники вступили въ стѣны Лицея, гдѣ и начались ихъ дѣла гонимой государственной стѣны. Много воды утекло съ того времени. Много перемѣнилось въ ихъ судьбахъ. Всѣмъ изъ нихъ кончили въ воину. Двое поми-лись на свадьбѣ. Четверо — оставили службу и поселились въ своихъ помѣстьяхъ. Трое продолжали службу въ про-винціи двое — въ границахъ, и только девять остались въ Петербургѣ.

Смерть Пушкина, изъ пѣни и знаменосца, разстроила ихъ раны. Года и жизненные усталости дѣлали свое дѣло. Въ 1841 году 7 марта скончался первый ученикъ перваго лицейскаго курса В. П. Вольховскій. Въ послѣдній разъ свидѣній мы о немъ имѣли въ 1829 году, когда въ лагерѣ графа Ниссенена подъ Карсомъ, онъ встрѣтилъ Пушкина. Въ 1830 году, находясь въ Воронежѣ для свиданій съ пре-старѣлыми отцами, Волховскій 16 февраля получилъ пред-писаніе командовать тѣмъ новымъ подразделеніемъ, по полученіи кога прибылъ въ Петербургъ 22 ноября того же 1830 года и назначенъ генеральнымъ командиромъ въ Глинь, по вре-мени командированъ былъ въ Глиньскую противъ польскихъ мятежниковъ армію и за отличіе въ бояхъ про-изведенъ 3-го июня 1831 года въ генераль-майора и на-гражденъ орденомъ св. Станислава 1 степени.

По окончаніи польской войны онъ назначенъ былъ въ разрядъ премьер-генералъ-аудиторъ кавказскаго корпуса. Участвуя въ многихъ военныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ Вольховскій 17 ноября 1831 года назначенъ н. д. начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса и 27 июня 1833 года награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. Въ 1834 году онъ

изъ Иорданска, Малиновскаго, Мисколовъ и Тарновъ.

вступило въ бракъ съ Маріею Васильевною Малиновскою, жившею въ Ревелѣ по приглашенію ея на воспитаніе старшаго сына ея сестры, баронессы Розенъ, у тетки А. А. Самборской.

Въ 1837 году, 9 ноября, онъ назначенъ командиромъ 1 бригады 3-ей пѣхотной дивизіи, а 16 февраля 1839 года уволенъ отъ службы. Тогда Вольховскій переехалъ въ имѣніе своей жены Каменку, Изюмскаго у., Харьковской губ., рядомъ съ усадьбою И. В. Малиновскаго. Своякъ Вольховскаго, баронъ А. Е. Розенъ такъ отзывался о немъ: «чел., которые знали его хорошо, видѣли въ немъ мужа съ истинными достоинствами и съ правомъ стоять въ ряду мужей, описанныхъ Плутархомъ»¹⁾.

Причина оставленія имъ службы на Кавказѣ въ 1837 году заключалась въ томъ, что посѣтившій въ этомъ году Закавказье Императоръ Николай остался недоволенъ командующимъ кавказскою арміею барономъ Розеномъ, что отразилось и на назначеніи штаба. Переведенный бригаднымъ генераломъ въ Западнѣйшій край, Вольховскій очутился вновь подъ начальствомъ Паскевича, весьма его не любившаго, что и заставило Вольховскаго окончательно покинуть службу. «Непостижимо — говоритъ баронъ А. Е. Розенъ²⁾ — откуда и отчего возрѣзались ненависть къ нему Паскевичу? Николаю Вольховскій не открывалъ этой причины, даже не намекнулъ о ней; однажды спросилъ онъ преземника своего по должности, только что прибывшаго прямо изъ Варшавы: «Вспоминать ли мнѣ фельдмаршала?» — «Онъ отъому не спрашиваетъ, что онъ самъ ненавидитъ», — былъ отвѣтъ. Думая лишь о томъ и мня въ себѣ объясненіе, что «такъ же время крестовой войны, когда генералъ Л. Е. Сакенъ назначенъ былъ принять тамъ участіе и сразиться главнымъ резервомъ, то фельдмаршалъ Паскевичъ въ часъ переговоровъ сказалъ: «одну я считалъ глупость въ жизни, что на Кавказѣ не вѣдать повѣсить Сакена и

¹⁾ *Известія о военномъ*. СПб. 1907, стр. 231.

²⁾ *Тамъ же*, стр. 231.

Вольховскаго». Сакенъ, достойный и храбрый генералъ, былъ у него начальникомъ штаба, когда Вольховскій былъ оберъ-квартирмейстеромъ; они оба имѣли безпрестанныя съ нимъ сношенія, получали и исполняли его приказанія... Всегда бѣда подчиненному, который бываетъ свидѣтелемъ промаховъ тщеславнаго начальника.

Вотъ что 14 апрѣля 1841 года писалъ о смерти Вольховскаго Энгельгардтъ:

«Въ нашемъ нинейскомъ мѣрѣ большая прорѣха: вчера я получилъ извѣстіе о смерти Вольховскаго, послѣ восьмидневной болѣзни. Послѣ выхода въ отставку онъ жилъ въ деревнѣ жены своей, пытался заниматься хозяйствомъ, да не по сердцу занятіе это мелочное единообразное. Онъ скучалъ, и писать тому около мѣсяца еще писалъ онъ, что хочетъ пуститься служить по дворянскимъ выборамъ, и тамъ, если Богъ благословитъ, то и вступить опять въ государственную службу, подъ пару губернатору Кориниону, о коемъ слава отличная. Въмѣсто того гробъ! Жаль Суверчика, онъ былъ бы полезный членъ государству. Вѣдая жена съ двумя дѣтками» ¹⁾.

Я. К. Гротъ писалъ объ этой утратѣ Плетневу: «Вольховскій былъ знаменитъ при мѣѣ уже въ Лицеѣ: мы часто говорили о немъ съ особеннымъ уваженіемъ, и анекдоты про него переходили изъ рода въ родъ» ²⁾.

Первая наша золотая медаль — Вольховскій — пишеть баронъ Корфъ — человекъ разсудительный, дѣльный, съ твердою жѣлѣзною волей надъ собою, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушный, скромный и кроткій. По всемъ качествамъ души и ума, мы звали его въ Лицеѣ «sapientia». И этотъ человекъ.

¹⁾ Дочь Вольховскаго Нина Владиміровна вступила впослѣдствіи въ бракъ съ горнымъ инженеромъ Песовымъ, изслѣдователемъ каменноугольныхъ богатствъ Донецкаго бассейна. (Она названа «Нинкой» въ мѣстныхъ разсказахъ, въ другихъ извѣстіяхъ она упоминается подъ именемъ «Анны»).

²⁾ Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, II, стр. 362—363.

пошедшій такъ быстро, такъ достойно отстаивавшій имя
перваго нашего воспитанника, вдругъ упалъ такъ неожн-
данно. Онъ вышелъ изъ Лицея прямо въ квартирмей-
стерскую часть (называвшуюся тогда свитою), былъ съ
Мейендорфомъ въ Бухаріи и вообще служилъ съ боль-
шимъ отличіемъ. Исторія 14-го декабря, въ которой онъ,
впрочемъ, былъ прикосновененъ только слышанными раз-
говорами, остановила было его ходъ; но послѣ краткаго
заключенія все опять пошло по прежнему. Онъ былъ
посланъ съ подарками къ персидскому шаху, участвовалъ
въ кампаніяхъ персидской и турецкой и въ послѣдней
игралъ даже значительную роль при Паскевичѣ, пока сей
послѣдній не возненавидѣлъ его именно за то, что часть
его славы и успѣховъ относили къ Вольховскому. Нако-
нецъ, онъ получилъ важное мѣсто начальника штаба кав-
казскаго корпуса, но, когда Государь былъ лично на
Кавказѣ и открылись злоупотребленія и упущенія барона
Розена, монаршій гнѣвъ палъ и на Вольховскаго. Подроб-
ности и степень справедливости обвиненій мы не знаемъ.
Но кончилось тѣмъ, что Вольховскаго перевели
бригаднымъ командиромъ куда-то въ западныя губер-
ніи, а какъ съ этимъ вмѣстѣ попалъ онъ къ ненавядя-
щему его Паскевичу, то принужденъ былъ съ стѣснен-
нымъ сердцемъ совсѣмъ оставить службу» ¹⁾.

Вышеприведенная выписка изъ письма Энгельгардта
ставитъ Вольховскаго на ряду съ его товарищемъ А. А.
Корниловымъ. Этотъ послѣдній, также напрасно привле-
кавшійся по дѣлу 14 декабря 1825 года, вскорѣ послѣ
того—22 августа 1827 года—произведенъ былъ въ пол-
ковники съ переводомъ въ л.-г. Измайловскій полкъ, а
въ 1832 году уволенъ за болѣзнию отъ военной службы
съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣт-

¹⁾ Свѣдѣнія о Вольховскомъ можно прочесть въ книжкѣ
«О жизни г.-м. Вольховскаго». Харьковъ. 1844. 23 стр., 8°. Она
представляетъ оттискъ изъ Харьковскихъ губернскихъ вѣдомо-
стей и составлена его товарищемъ И. В. Малиновскимъ.

ники и занимать послѣдовательно должности губернатора въ Кіевѣ, Вяткѣ и Тамбовѣ.

Въ письмѣ Энгельгардта къ Пущину отъ 2 ноября 1841 года читаемъ:

— Наше родное 19 октября мы опять праздновали громаднымъ полкомъ, потому что нѣнѣшній директоръ Лицея Броневскій празднуетъ этотъ день въ самомъ Лицѣ и приглашаетъ туда и насъ, безсрочно отсутствующихъ ветерановъ. 22 октября мы собрались на скромную дружескую трапезу: не много насъ было: 4 курса только М. Корфъ, Мясной, Бакунинъ, Комовскій и Яковлевъ (Гревеншъ, Дензасъ, Юдинъ и Мартыновъ — невидимки); прочихъ моихъ 4-хъ курсовъ было также человекъ по 6, всего 31 человекъ. Прочіе разсыпаны по бѣлу свѣту и къ тому дню прислали письменные оканки: изъ Бразиліи — Домоносовъ, изъ Славянополя — Розенъ, изъ Выборга — Стененъ, изъ Полтавы — Мадановскій, изъ Дрездена — Рихтеръ, изъ Килуги — Фамининъ, изъ Лондона — Бергъ и др. и др. Изъ ветерановъ наставниковъ были Кайдаковъ, Кочетковъ, Георгиевскій, Шульгинъ, герой сѣвера Чирикантусъ и жюмористичный Пешель, а такъ какъ долгъ платежомъ красенъ, то мы пригласили также и Броневскаго. По старому лицейскому обычаю бюстъ учредителя Лицея, доброго нашего Александра, былъ украшенъ зеленью и цвѣтами...

Броневскій удивился снисходительному черезъ столько лѣтъ сохранившемуся у насъ чувству привязанности... Броневскій приметъ гостя мнѣ, и я ему, съ пожеланіемъ, чтобы онъ и всѣмъ принадлежалъ тѣмъ же счастьемъ отъ своихъ воспитанниковъ, какое доставляютъ мнѣ мои...

Митюшкинъ обѣщавъ нѣнѣшней зимой къ намъ привезти изъ свѣдѣній, я это жаю съ нетерпѣніемъ. Какимъ-то будетъ онъ яву, а по письму такъ все тотъ же прежній лицейскій. Я съ особеннымъ удовольствіемъ обрабатывать его записки въ Путешествіи Врангеля, которое издать на нѣмецкомъ языкѣ въ 30 году и которое постѣ.

въ началѣ нынѣшняго, вышло и на русскомъ — почти буквальнымъ переводомъ съ моего нѣмецкаго. Моя книжка уже переведена на англійскій и французскій языки, и всѣ нѣмцы, англичане и французы отдають полную справедливость нашимъ путешественникамъ... Горчаковъ сидитъ у моря и ждетъ погоды, т. е., ожидаетъ приличнаго назначенія на какое-нибудь посольство. Жена его преѣзжая и часто у насъ бываетъ... У Бакунина прелюбезная жена, гораздо милѣй его. Онъ все по прежнему глазами моргаетъ и споритъ, однако дѣло свое вице-директорское отправляетъ хорошо и честно... Лицейская галерея первыхъ четырехъ курсовъ очень любопытна: государственный секретарь Корфъ, статсъ-секретарь Масловъ ¹⁾, два губернатора: Стевенъ и Корниловъ, два оберъ-прокурора сената Безакъ и Капгеръ, герольдмейстеръ — Замятинъ, директоръ департамента юстиціи Данзасъ; тамъ же вице-директоръ Пальчиковъ, вице-директоръ Бакунинъ; вице-губернаторъ Васьковъ; три председателя палатъ — Жадовскій, Анненскій, Нумерсъ, старшій директоръ банка — Энгельгардтъ, капитанъ I ранга Матюшкинъ, управляющій канцеляріей комиссіи прошеній Рашетъ и въ той же канцеляріи 7 человѣкъ лучшихъ работниковъ; управляющій палатою государственныхъ имуществъ Розенъ; посланникъ Ломоносовъ, первые секретари посольствъ Рихтеръ, Бергъ, а тамъ начальниками отдѣленій и пр., сколько угодно, и всѣ уважаемы и пользуются довѣренностью начальствъ и любовью низшихъ».

Въ числѣ первокурсниковъ, Лицея, помѣщенныхъ Энгельгардтомъ въ его галерею, находился на первомъ мѣстѣ баронъ М. А. Корфъ. Въ 1841 году ему довелось

¹⁾ Д. Н. Масловъ, по окончательномъ закрытіи комиссіи о построеніи храма Христа Спасителя въ Москвѣ, въ 1831 году назначенъ чиновникомъ при московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ, въ 1833 г. — товарищемъ председателя коммерческаго суда, а 2 августа 1839 года назначенъ статсъ-секретаремъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта.

вспомнить о переведенной имъ за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ и изданной книгопродавцемъ Запкинымъ: «Графодроміи». Суть этого дѣла изложена въ письмѣ барона Корфа къ издателямъ «Сѣверной Пчелы», напечатанномъ ими въ номерѣ этой газеты отъ 22 октября 1841 года. Приводимъ его полностью.

Къ крайнему удивленію и вмѣстѣ неудовольствію моему, я увидѣлъ въ 234-мъ номерѣ Сѣверной Пчелы (20 октября), между библиографическими извѣстіями, объявленіе книгопродавца Матвѣя Запкина, что у него поступила въ продажу «*новая*» книга: Графодромія, или искусство скорописи, сочиненіе Астье, передѣланное и примѣненное къ русскому языку барономъ М. Корфомъ. С.-Петербургъ. 1841 .

Дѣйствительно, эта книга, плодъ досуговъ первой молодости, издана была мною *въ 1820 году*; но никогда съ тѣхъ поръ не уполномочивалъ я никого къ изданію ея вновь и никогда, среди служебныхъ моихъ обязанностей, не имѣлъ болѣе возможности обращаться къ занятіямъ литературнымъ. Слѣдственно, г. Запкинъ или выдаетъ книгу 1820 года за напечатанную въ 1841, или сдѣлалъ второе изданіе ея безъ вѣдома и согласія автора. Во всякомъ же случаѣ, въ поступкѣ семъ есть недозволенное прикосновеніе къ моему имени, ибо то, что я написалъ и напечаталъ въ 1820 году, повторяю, въ первой молодости, можетъ быть совершенно противоположно теперешнему моему взгляду на вещи и не соотвѣтствовать перемѣнившимся моимъ отношеніямъ.

Потому первое мое движеніе было справиться. чѣмъ и кѣмъ данъ поводъ къ такой странной мистификаціи публики? Оказалось, что въ лавкахъ г. Запкина, по этому объявленію, продаются оставшіеся у него экземпляры *прежняго* изданія 1820 года. Передъ посланнымъ мною прикащикомъ оправдывались въ ложномъ объявленіи одною *ошибкою*.

Но какъ книга названа предъ публикою и *новою* и изданною *въ 1841 году*, то, не входя въ разборъ побужденій или причинъ, которыя могли произвести такую

важкраткую ошибку, я нужнымъ считаю, для предупрежденія недоразумѣнія, огласить все вышензложенное, и потому покорно прошу редакцію Сѣверной Пчелы опровергнуть помѣщенное въ ней объявленіе немедленнымъ напечатаніемъ моего настоящаго письма.

Примите, милостивые государи, свидѣтельство искренняго моего почитанія. Баронъ М. Корфъ.

21 октября 1841 года.

По поводу этого письма Плетневъ писалъ Я. К. Гроту: «Куда смѣшонъ М. А., выводя на чистую воду книгопродавца; коли быть рыцаремъ чести, такъ онъ бы напалъ на кого посильнѣе» ¹⁾.

Кажется, что письмо барона Корфа вызвано было лишь непріятнымъ чувствомъ отъ сознанія, что книга его оказалась нераспроданной въ теченіе 20 лѣтъ, что, конечно, не могло быть пріятнымъ его самолюбію.

Въ своей галлерей Энгельгардтъ пропустилъ имя Лангера, котораго первымъ художественнымъ шагомъ онъ заботливо покровительствовалъ. Кромѣ мелкихъ художественныхъ работъ, которыя указывались выше, и другихъ имъ подобныхъ, Лангеръ въ 1832 году издалъ превосходно исполненный альбомъ подъ заглавіемъ «Six vues de Finlande» въ литографіи Тюлева. Въ 1827 году Общество поощренія художниковъ издало его переводъ съ итальянскаго сочиненія Милліція «Объ искусствѣ смотрѣть на искусства по правиламъ Зульцера и Менгса», а въ 1883 г. Лангеръ издалъ брошюру: «Собраніе описаній картины К. Брюлова — Послѣдній день Помпей». Наконецъ, въ 1841 онъ выпустилъ самостоятельный трудъ «Краткое руководство къ познанію изящныхъ искусствъ, основанныхъ на рисункѣ», со многими иллюстраціями.

26 сентября 1841 года Лангеръ, «по извѣстной Академіи Художествъ любви къ изящнымъ искусствамъ и упражненію въ оныхъ», возведенъ въ званіе почетнаго вольнаго общника Академіи.

¹⁾ Чернышска, т. I, стр. 126.

XXXIII.

XII курсъ, выпущенный въ декабрь 1842 года, былъ послѣднимъ курсомъ Царскосельскаго Лицея. Актъ выпуска происходить 31 января 1843 года.

Какъ въ прежнемъ, такъ и въ этомъ курсѣ были свои поэты: какъ въ прежнихъ, такъ и въ этомъ давались театральныя представленія.

Такъ праздники 19 октября 1841 г., воснѣлъ воспитанникъ Н. П. Семеновъ, въ довольно длинномъ стихотвореніи¹⁾. Лицейскій день 1842 г. былъ празднованъ устройствомъ спектакля. Онъ описанъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 238) самимъ ея издателемъ, извѣстнымъ О. В. Булгаринымъ.

Вотъ его статья:

«Отъ основанія Императорскаго Царскосельскаго Лицея, т. е., отъ 19-го октября 1811 года, до 19-го октября 1842 года включительно, я не бывалъ въ немъ, и въ первый разъ переступилъ чрезъ порогъ Лицея 19-го октября сего года, въ торжество основанія Лицея, празднуемаго ежегодно, въ память того, кому Россія обязана всею массою своего нынѣшняго просвѣщенія (т. е., просвѣщенія нашего поколѣнія), въ память основателя всѣхъ русскихъ университетовъ (кроме Московскаго) и столькохъ учеб-

¹⁾ Селезневъ, стр. 383. Отдѣльный оттискъ этого стихотворенія хранится въ Лицейскомъ Пушкинскомъ Музее.

ныхъ заведеній, которыя не уписались бы на этомъ листѣ, — въ память Александра Благословеннаго! По моему мнѣнію, благодарность есть корень всѣхъ добродѣтелей, и нѣтъ сомнѣнія, что ежегодное торжество благодарности дѣйствуетъ благодѣтельно на питомцевъ Лицея. — При первомъ шагѣ на меня подѣйствовалъ пріятнымъ образомъ внутренній видъ Лицея, т. е., его помѣщеніе; это можно назвать великолѣпною простотою; основаніе всего: чистота и удобство. Классы прекрасны, а дортуары или спальни совершенство въ своемъ родѣ. Библіотека и физическій кабинетъ — великолѣпны, въ настоящемъ значеніи слова. Въ рекреационныхъ комнатахъ были собраны посѣтители, и былъ устроенъ театръ. Мнѣ чрезвычайно понравилась, такъ сказать, *манера* воспитанниковъ; я заговаривалъ со многими изъ нихъ на разныхъ языкахъ; всѣ отвѣчали непринужденно, объяснялись щегольски, и притомъ всѣ эти юноши ловки и развязны въ обращеніи. Они именно то, что французы называютъ: *des jeunes gens comme il faut*, т. е., молодые люди хорошаго тона. Посѣтителей было множество, особенно дамъ: маменекъ, тетушекъ, сестрицъ, кузинъ воспитанниковъ, и притомъ семейства лицъ, принадлежащихъ къ Лицею...

Передъ спектаклемъ былъ прологъ. Поднялась завѣса, и мы увидѣли въ зелени бюстъ основателя Лицея, Александра Благословеннаго. Воспитанникъ П. Форостовскій (назначенный къ выпуску) продекламировалъ очень милые стихи своего сочиненія, въ которыхъ выразилъ чувствованія свои и своихъ товарищей къ Царю и Отечеству и благодарность за отеческія попеченія къ воспитанникамъ Лицея. Послѣ этого начался спектакль. Сперва играли маленькую комедію князя А. А. Шаховскаго: *Ссора*, или *Два сосѣда*, потомъ двѣ сцены изъ поэмы *Мертвыя Души*, соч. г. Гоголя, неизвѣстно кѣмъ аранжированныя (впрочемъ, очень хорошо) для этого случая. Всѣ актеры (т. е., воспитанники) играли прекрасно, но господя П. Форостовскій, И. Есиповъ, Н. Данилевскій и А. Бегеръ, занимав-

шіе главныя роли, играли отлично. Особенно хороши А. Бегеръ въ роли стараго скупца Плюшкина и Н. Данилевскій въ роли Собакевича (въ Мертвыхъ Душахъ). Я даже не имѣю понятія, чтобъ можно было лучше сыграть роль скупца, какъ сыгралъ А. Бегеръ! Я, по крайней мѣрѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ не видаю лучшаго Гариллона, Прелесты! Хорошъ и Собакевичъ! Типъ Гоголевскихъ героев! Удивительно, какъ могли такъ хорошо играть молодые, неопытные люди! Спектакль устраивалъ Н. Н. Соснинскій, и мы низко кланяемся ему за это! Французской пьесы: *Le comédien d'Elmpra*, мы не видали и на сатѣ не присутствовали, потому что торжались въ Петербургѣ, но слышали, что французская пьеса шла прекрасно, и была была великолѣпный и оумывно веселый. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что ничто не прививается столько юности къ учебному заведенію, и ничто такъ сильно не запечатлѣвается въ памяти, до поздней старости, какъ забавы дѣтскаго и юношескаго возраста. Спросите о старинѣ у воспитанниковъ бывшаго сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, времени Ангальтовскихъ и вообще царствованій Екатерины Великой, они тотчасъ станутъ вамъ рассказывать о корпусномъ театрѣ, о балахъ, въ *собраніи* залѣ, о поѣздкахъ въ Эрмитажъ, словомъ, о наслажденіяхъ, которыя доставляли кадетамъ добрыя ихъ начальники. А каково шли науки? Посчитайте, сколько воспитанниковъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса отличились на поприщѣ положительныхъ наукъ и литературы! Въ текущемъ XIX вѣкѣ Липей также украсилъ нашу литературу почетными именами, и, какъ на кадетъ дѣйствовали имена ихъ предшественниковъ, Сумарокова, Княжнина, Озерова, Крюковского и другихъ, такъ на воспитанниковъ Липей дѣйствуетъ магическое имя Пушкина

По поводу этой статьи Плетневъ писалъ Гроту 28 октября ¹⁾: «Читать изъ 218 № «Северной Пчелы», какъ хва-

¹⁾ Переписка Грота съ Плетневымъ, СПб., 1886 г., т. I стр. 623.

лой своей Булгаринъ оплевалъ Вашъ Лицей. Броневскій долженъ быть безъ такту, что приглашаетъ на праздникъ такихъ свиней».

Приводимъ списокъ театральныхъ представлений, бывшихъ въ Лицеѣ за время 1841—43 годовъ: 19 октября 1841 года представлены двѣ пьесы: «Официальный обѣдъ» М. Н. Загоскина и «Les étourdis» comédie en vers par Andrieux. Въ первой пьесѣ участвовали воспитанники П. Набоковъ XII, Н. Данилевскій XII, П. Стремоуховъ XII, князь П. Урусовъ, М. Рожновъ XII, А. Корсаковъ XII, Я. Спѣшневъ XII, П. Форостовскій XII, И. Есиповъ XII, Н. Семеновъ XII, Н. Гагаринъ, К. Витте XII ¹⁾).

Во второй пьесѣ дѣйствующими лицами были графъ Д. Толстой XII, князь П. Урусовъ, Ю. Толстой XII, П. Набоковъ XII, А. Осокинъ XII, К. Витте XII, А. Корсаковъ XII, М. Баженовъ.

19 октября 1842 года поставлены были три пьесы: 1) «Ссора или два сосѣда», комедія кн. А. Шаховскаго 2) двѣ сцены изъ поэмы «Мертвые души» Н. Гоголя 3) «Le comédien d'Etampes» par М. М. Moreau et Sewrin.

Участвующими лицами были: И. Есиповъ XII, А. Бегеръ XII, П. Форостовскій XII, князь А. Лобановъ-Ростовскій XIII, А. Кирининъ, К. Витте XII, Н. Данилевскій XII, Вердеревскій XIV, А. Эрдели, А. Корсаковъ XII, Н. Семеновъ XII, Ю. Толстой XII, Н. Зубковъ XII.

Наконецъ, въ 1843 году также поставлены были двѣ пьесы: «Иванъ Ивановичъ Недотрога»; комедія Н. Полевого и «Le secrétaire et le cuisinier» comédie vaudeville par М. Scribe. Въ нихъ участвовали М. Салтыковъ XIII, Н. Миллеръ XIV, А. Бибиновъ XIII, А. Штевенъ XIII, В. Каташкинъ XIII, Е. Вердеревскій XIV, В. Перфильевъ XIV, Н. Барышниковъ XIV, Е. Есаковъ XIII, князь А. Лобановъ XIII, П. Набоковъ XIII.

¹⁾ Курсивою отмечены фамилии лицъ, не помѣщенныхъ въ Памятной книжкѣ Лицейскихъ.

«Мертвые души» Гоголя вышли въ свѣтъ впервые въ началѣ 1842 года. Двѣ сцены изъ этого романа—пріѣздъ Чичикова къ Собакевичу и къ Плюшкину—поставленные на лицейскомъ театрѣ въ томъ же году выбраны и инсценированы были самими лиценстами.

Эти театральныя представленія обходились лиценстамъ весьма недешево. Изъ сохранившейся современной записи видно, что театръ въ 1841 году стоилъ 5.561 руб. асс. 73 коп., а въ 1842 году 4.785 р. асс. 53³/₄ коп.,

Далѣе изъ подлиннаго листа на театръ и балъ 1841 г. видно, что I (младшій) классъ, т. е., XV курсъ, состоявшій изъ 29 воспитанниковъ, внесъ 425 р. асс. Второй классъ (XIV курсъ), изъ 21 воспитанника, уплатилъ 355 р. асс. Третій классъ (XIII курсъ), изъ 29 воспитанниковъ, доставилъ 835 руб. асс. и, наконецъ, четвертый (старшій) классъ, т. е., XII курсъ, изъ 22 лицъ, уплатилъ 1946 руб. асс. Всего подписано было 3,561 руб. асс. ¹⁾

Если принять во вниманіе, что стоимость денегъ съ того времени значительно возросла и что тогдашній рубль даже ассигнаціями по цѣнѣ былъ едва ли не выше современнаго, должно признать, что эти расходы свидѣтельствуютъ о значительной роскоши лицейскихъ театральныя представленій.

Лиценстъ XV курса Н. С. Кашкинъ, поступившій въ Лицей въ декабрѣ 1842 года, сообщаетъ ²⁾ о спектаклѣ этого года слѣдующее.

— Готовясь дома подъ руководствомъ гувернеровъ, я въ сентябрѣ 1842 года былъ привезенъ въ Царское Село и для усовершенствованія моихъ познаній въ англійскомъ языкѣ, передъ декабрьскимъ экзаменомъ, былъ помѣщенъ

¹⁾ Эти свѣдѣнія о театральныя представленіяхъ въ Лицѣ 1841—1842 гг. заимствованы изъ хранящихся въ Пункинской Лицейской Музѣ бумагъ лиценстовъ XI и XII курсовъ братьевъ А. В. и Н. В. Паскиныхъ.

²⁾ Въ письмѣ къ директору Лицея отъ 28 сентября 1911 года изъ Калуги.

въ семью уважаемаго воспитателя Лицея Ивана Егоровича Броуна. У него въ то время не было еще никакого пансіона; и я занялъ одну изъ свободныхъ комнатъ у него, гдѣ и прожилъ до экзамена. Нѣсколько позднѣе былъ привезенъ къ нему изъ Тверской губерніи А. М. Унковскій и еще позднѣе изъ пансіона Энеса О. Ѳ. Оттъ. Съ ними вмѣстѣ я держалъ экзаменъ и мы поступили въ Лицей — Оттъ и я во второй классъ, а Унковскій въ первый.

19 октября я получилъ отъ Броуна билетъ на лицейскій спектакль, который былъ осчастливленъ присутствіемъ Царской Семьи, проводившей осень въ Царскомъ Селѣ. Имена нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ приобрѣли впослѣдствіи громкую извѣстность....

Къ XII курсу Лицея принадлежатъ нѣсколько лицъ, оставившихъ по себѣ память объ ихъ заслугахъ по государственной службѣ и научнымъ трудамъ. Таковы: Н. Я. Данилевскій, естествоиспытатель и публицистъ, авторъ замѣчательныхъ трудовъ «Россія и Европа» и «Дарвинизмъ»; графъ Д. А. Толстой, бывшій долгое время оберъ-прокуроромъ Синода и министромъ первоначально народнаго просвѣщенія, а затѣмъ внутреннихъ дѣлъ, авторъ извѣстной книги *Le catholicisme romain en Russie*; Ю. В. Толстой, авторъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій, въ особенности по исторіи сношеній московской Руси съ Англіей, и Н. П. Семеновъ. Этотъ послѣдній принималъ самое дѣятельное участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, какъ членъ редакціонныхъ комиссій, и издалъ классическое сочиненіе «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Алексѣя II»; какъ ученый онъ извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями по ботаникѣ, а какъ литераторъ, изящными переводами въ стихахъ изъ Мицкевича и нѣкоторыми другими поэтическими опытами. Стихотворствомъ же онъ началъ заниматься еще въ Лицее. Въ связкѣ его бумагъ, переданныхъ въ Пушкинскій Лицейскій музей его сыномъ, находятся стихотворенія Сал-

тыкова, Мея, Зотова, Павлова ¹⁾ и самого Семенова. Нѣкоторыя изъ стихотвореній послѣдняго были напечатаны тогда же въ «Лирѣ» и «Маякѣ». Отзвуки лицейской жизни можно найти въ посланіи къ его товарищу Н. М. Гартингу, гдѣ упоминается о гувернерѣ Калининѣ, докторѣ Пешелѣ и какомъ-то адъюнктѣ - преподавателѣ, фамилію котораго теперь трудно отгадать.

¹⁾ Не окончилъ курса.

XXXIV.

Мы подходимъ къ послѣднему году жизни Царско-сельскаго Лицея. То былъ 1843-й годъ.

Постановленіемъ о Лицеѣ 1837 года инспекторъ избирался изъ профессоровъ или другихъ лицъ, имѣющихъ общее университетское образованіе. Должность эту съ 1829 г. занималъ А. Ф. Оболенскій. Но въ 1843 году, какъ сообщается въ Историческомъ очеркѣ г. Селезнева ¹⁾, принимая въ соображеніе, что профессоръ, занимаясь преподаваніемъ, не имѣетъ возможности исполнять обязанностей инспектора съ должною строгостью какъ по наблюденію за ходомъ общаго преподаванія въ классахъ, такъ и за самымъ порядкомъ въ заведеніи, главный начальникъ корпусовъ находилъ, что «назначеніе въ это званіе лицъ не собственно ученыхъ, но получившихъ отличное общее образованіе, привыкшихъ, по прежней службѣ своей, къ всегдашней отчетливости и чтеніемъ собственныхъ лекцій не обремененныхъ, было бы для Лицея гораздо полезнѣе. Вслѣдствіе чего, зная лично прикомандированнаго къ пажескому корпусу капитана л.-г. Измайловскаго полка Миллера за человѣка отлично образованнаго и любознательнаго, бывшаго, по своему отличію, первымъ ученикомъ главнаго инженернаго училища, Его Высочество испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе на опредѣленіе его въ означенную должность, каковое и послѣдовало въ началѣ 1843 года.

¹⁾ Стр. 391.

Капитанъ Миллеръ былъ извѣстенъ въ военныхъ кругахъ Петербурга случаемъ, происшедшимъ во время командованія имъ дворцовымъ карауломъ, когда одинъ изъ солдатъ его роты, стоявшій на часахъ подлѣ Зимняго дворца на набережной, оставилъ свой постъ для спасенія утопавшаго въ Невѣ человѣка ¹⁾. Случай этотъ описанъ Лѣсковымъ въ его разсказѣ «Человѣкъ на часахъ».

Николай Ивановичъ Миллеръ былъ нѣсколько знакомъ съ Лицеемъ еще до назначенія его инспекторомъ. Его сестра Екатерина Ивановна была замужемъ за Сергѣемъ Ивановичемъ Канкинымъ, сынъ котораго Николай Сергѣевичъ былъ, какъ уже упоминалось выше, лицеистомъ XV курса, а самъ Николай Ивановичъ Миллеръ женатъ былъ на Маріи Ивановнѣ Барышниковой, сестрѣ Н. И. Барышникова (XVI курса).

Въ журналѣ конференціи Лицея 6-го апрѣля 1843 года № 6 записано, что директоръ Лицея донесъ великому князю Михаилу Павловичу о дерзкихъ выраженіяхъ, которыя воспитанники IV (старшаго) класса дозволили себѣ противу адъюнкта-профессора Гроздора, и о взысканіяхъ, которыя онъ, директоръ, за сіе ихъ подвергнулъ. Объ этихъ — илихъ безпорядкахъ въ IV классѣ великій князь узналъ съ прайшимъ неудовольствіемъ и, такъ какъ они были какъ бы повтореніе прежнихъ, то Его Высочество, къ сожалѣнію своему, убѣждается, что воспитаніе въ Лицеѣ далеко не достигаетъ своей цѣли и что весьма малое число его воспитанниковъ умѣетъ цѣнить Высочайшія и ничѣмъ еще не заслуженныя ими благодѣянія. Его Императорское Высочество требуетъ, чтобы онъ, директоръ, восстановить, наконецъ, въ Лицеѣ должный порядокъ и положить предѣлы надлости воспитанниковъ. Въ отвѣтъ на донесеніе его, директора, Его Императорское Высочество предписываетъ: 1. Воспитанника IV кл. Брадси, какъ главнаго зачинщика безпорядковъ, исключить, согласно мнѣнію

¹⁾ Лей Миллера это происшествіе не имѣло послѣдствій, такъ какъ оно не дошло до свѣдѣній Государя.

директора, изъ Лицея съ дурнымъ аттестатомъ, и имя его выставить на черной доскѣ Лицея на неопредѣленное время. II. При малѣйшемъ неповиновеніи и даже неохотномъ исполненіи впредь приказаній начальства воспитанниковъ IV класса, не понимающихъ и потому не заслуживающихъ обращенія съ ними благороднаго, наказывать немедленно по предоставленной ему, директору, власти, и вслѣдъ за тѣмъ представлять къ исключенію изъ Лицея прямо на службу безъ правъ перваго разряда—канцеляристами, съ выслугою въ семь званіи отъ одного года и до пяти лѣтъ, сообразно степени вины и дурного поведенія. III.—О всякой шалости и о всякомъ проступкѣ ихъ немедленно доносить Его Императорскому Высочеству. Обвиняя воспитанниковъ, Его Высочество не можетъ не обвинить и ихъ воспитателей, которымъ довѣрено нравственное ихъ образованіе. Инспектору Лицея д. с. с. Оболенскому и воспитателямъ Броуну и Петрашевскому, допустившимъ означенные безпорядки, Его Императорское Высочество объявляетъ строжайшій выговоръ, съ непредставленіемъ всѣхъ ихъ къ наградамъ въ продолженіе 3 лѣтъ. При семъ Его Высочество присовокупляетъ, что, еслибы онъ, директоръ, воспользовался наставленіями, которыя неоднократно лично отъ Его Высочества слышалъ, и велъ ввѣренное ему заведеніе со строгостію, для всякаго добронамѣреннаго воспитанія необходимою и законами предписанною, то и случая настоящаго произойти бы не могло, и онъ, директоръ Лицея, не поставилъ бы Его Высочество въ непріятную необходимость прибѣгать къ мѣрамъ сильнымъ для водворенія порядка въ заведеніи ему, директору, Высочайше ввѣренномъ. Дѣлая ему, г. директору, за сіе строгое замѣчаніе, Его Императорское Высочество объявляетъ совершенное свое неудовольствіе.

Эти строгія мѣры, однако, были вскорѣ смягчены. Такъ, по ходатайству матери и дяди воспитанника Эрдели разрѣшено было замѣнить выданный ему дурной аттестатъ другимъ безукоризненнымъ. А затѣмъ въ ноябрѣ того-же

года приказано было имя Эрдели снять съ черной доски и приказаніе о непредставленіи въ теченіи трехъ лѣтъ Оболенскаго, Броуна и Петрашевскаго къ наградамъ считать отмѣненными.

Отголосокъ этого несчастнаго дѣла находимъ въ перепискѣ Плетнева съ его другомъ Я. К. Гротомъ.

Былъ у меня Ф. В. Гроздовъ,—писалъ Плетневъ 12-го мая 1843 г.,—мужъ прежней нашей гувернантки. Онъ разсказалъ, что буйство въ Лицеѣ дошло до нелзя. Противъ Гроздова открылось возмущеніе. Составленъ былъ судъ. Директору и инспектору выговоры. Послѣдняго,—А. Ф. Оболенскаго,—не представляютъ къ наградамъ три года. Онъ вышелъ изъ инспекторовъ. Его мѣсто отдалъ измайловскому капитану Н. И. Миллеру. Но Гроздова наградили ¹⁾.

Послѣ того, какъ я отправилъ письмо,—сообщаетъ 15 мая тотъ же Плетневъ,—пришелъ ко мнѣ профессоръ Ивановскій. Онъ подтвердилъ исторію съ Гроздовымъ, разсказавъ сцену на святой недѣлѣ у великаго князя Миханла Павловича, который при ста человѣкахъ бранилъ Оболенскаго и Броневскаго за послабленіе. Такимъ образомъ, метода Энгельгардта, когда не онъ ее выполняетъ, можетъ болѣе вреда принести, нежели пользы, какъ начальству, такъ и подчиненнымъ. Я всегда былъ увѣренъ, что всякая метода хороша только у ея изобрѣтателя, который дѣйствуетъ съ сознаниемъ, а не у подражателей, всегда безсмысленныхъ и безчувственныхъ» ²⁾.

Не въ связи ли съ этими обстоятельствами произведенъ Лицею—какъ какой-нибудь воинской командѣ—инспекторскій смотръ генераломъ Клингенбергомъ. Актъ этого смотра, 25 марта 1843 года, весьма любопытенъ ³⁾.

¹⁾ Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, II, стр. 79—80.

²⁾ Тамъ же, стр. 81. Ср. стр. 85.

³⁾ Селезневъ, прилож. 59.

Приведемъ здѣсь выписку ст. 11 и 12 акта смотра.

Ст. 11) Присутствуя при лекціяхъ, съ удовольствіемъ замѣчено, что всѣ г. г. профессора, адъюнкты и учителя объясняютъ предметы съ надлежащею ясностію, отчетливостію и искусствомъ.

Ст. 12) Въ I-мъ классѣ у преподавателя географіи, адъюнктъ-профессора Смарагова, вызванный воспитанникъ Бороздинъ (XVI курса) начертилъ карту Америки безъ погрѣшностей.

Во II классѣ, у преподавателя русской словесности, адъюнктъ-профессора Гроздова, вызванные воспитанники Рербергъ, Струве и Веліо 2-й (XV курса) отвѣчали удовлетворительно.

Въ III классѣ, у преподавателя исторіи римскаго права, адъюнктъ-профессора Кестнера, вызванные воспитанники Гальскій 1-й, Миллеръ и князь Любомирскій 2-й (XIV курса) отвѣчали о государственномъ устройствѣ и судеустройствѣ римлянъ, послѣ перенесенія столицы императоровъ въ Византію, удовлетворительно.

Въ IV-мъ классѣ, у преподавателя юридической практики профессора Баршева, воспитанники занимались составленіемъ бумагъ по дѣлу о штатѣ полиціи въ Севастополѣ. Читанныя бумаги воспитанниковъ Набокова и Андреевскаго (XIII курса) были составлены весьма основательно.

23 октября 1843 года была — писалъ Энгельгардтъ ¹⁾ — наша обыкновенная лицейская годовая сходка.

Первокурсныхъ явилось: Корфъ, Масловъ, Корниловъ, Комовскій, бразиліанецъ Ломоносовъ и Константинъ Данзасъ, итого шесть человѣкъ; прочіе разсѣяны по бѣлу свѣту за горами, за морями, по службѣ царской; а нѣкоторые, хотя и здѣсь, но не явились. Жаль ихъ! Всѣхъ насъ на годовщинѣ нынѣшней было 36 человѣкъ; въ томъ числѣ нынѣшній директоръ Лицея Броневскій; герой сѣвера Чирикандусъ, отставленный съ пен-

¹⁾ Пушкину

сіономъ; Фотій Калиничъ, выжидающій чинъ 5 класса, чтобы жениться; Георгіевскій, покашливающій по прежнему, и Кочетовъ. Сходка происходила, какъ обыкновенно: за скромной трапезой бесѣдовали о доброй старинѣ лицейской, о всемъ быломъ прошломъ, поминали выбывшихъ, отсутствующихъ, умершихъ. Выпили бокалъ на признательную память основателя и благодѣтеля Лицея, Александра Благословеннаго, и пропѣли прежнее «Боже, Царя Храни!». Пили здоровье Императора Николая при пѣніи новаго «Боже, Царя храни». Наконецъ, пили въ память прежняго Лицея и за благоденствіе нынѣшняго и пѣли наше заветное «Шесть лѣтъ», вънокъ всего праздника.... Послѣ обѣда мы провели время въ дружескихъ разговорахъ и воспоминаніяхъ о счастливомъ времени лицейскомъ и къ 9 часамъ разошлись, все очень довольные этимъ днемъ. Въ заключеніе состоялась обыкновенная складчина по составленію лицейскаго спротскаго капитала. Отъ наличныхъ и нѣкоторыхъ отсутствующихъ поступило всего 595 рублей асс., такъ что капиталъ нашъ нынѣ составляетъ 7355 рублей. Авось Богъ поможетъ дополнить недостающее 5945 рублей и устроить навсегда этотъ благородный памятникъ духа лицейскаго. Аминь.

Дяде. 16 декабря, Энгельгардтъ прибавляетъ: Вчера распростился я съ Ломоносовымъ, который сегодня отправляется черезъ Москву, Смоленскъ, Варшаву, Стутгардтъ (для свиданія съ Горчаковымъ), въ Парижъ, въ Лондонъ, а оттуда опять въ Бразилію. Ему бы очень хотѣлось перемѣнить свое американское назначеніе на какое-нибудь европейское, но не удалось. Ему самъ Царь объявилъ, что такъ доволенъ благоразуміемъ его тамъ поведеніемъ, что никакъ не можетъ замѣнить его кѣмъ-либо другимъ, и потому вновь туда отправляетъ съ добавочнымъ титуломъ *envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire*, а что еще лучше того, съ добавленіемъ къ жалованью еще, кажется, 12 тыс. рублей.

Пользуясь упоминаніемъ Энгельгардта о Ломоносовѣ, возвратимся къ его біографіи. Мы оставили Ломоносова при нашей миссіи въ Мадридѣ.

Пробывъ нѣкоторое время въ Мадридѣ, Ломоносовъ переведенъ былъ секретаремъ посольства въ Парижъ, гдѣ и оставался до 1829 года ¹⁾.

«Его заставила нужда оставить Парижъ, иначе онъ никогда свои дѣла не поправитъ. Правда, что онъ игралъ, но не въ азартныя игры, а въ вистъ съ Талейраномъ, англицкимъ посломъ и такими тузами, кои, натурально, играли по 25 и лучше его; вотъ тутъ онъ проигралъ» ²⁾.

Потомъ, въ началѣ 1831 года, Ломоносовъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ, а въ концѣ того же года первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, и присутствовалъ 17 августа 1832 года при дуэли князя Трубецкого ³⁾ съ Толстымъ. Ломоносовъ былъ секундантомъ князя Трубецкого, секундантомъ же Толстого былъ молодой князь Ливень, сынъ нашего посла въ Лондонѣ. Дуэль окончилась благополучно: противники обмѣнялись безрезультатными выстрѣлами ⁴⁾.

Посланникомъ въ Бразиліи Ломоносовъ былъ назначенъ въ 1841 году.

Мы не можемъ входить въ оцѣнку дипломатической дѣятельности Ломоносова въ Бразиліи. Считаемъ лишь нужнымъ упомянуть, что онъ едва-ли не первый познакомилъ русскихъ съ Южной Америкой, какъ объѣхавшій побережье ея отъ Рио-Жанейро до устья рѣки Амазонской. Въ «Современникѣ» 1841 годъ (стр. 11—34) помѣщена его статья «Событія въ области Пара» съ подписью С. Л. 6 (18) января 1841 года, въ горахъ Оргу.

Проведя почти сорокъ лѣтъ, съ 1818 до самой своей смерти въ 1857 г., за границею, Ломоносовъ, что, впрочемъ,

¹⁾ Рус. Архивъ, 1903, X, стр. 331.

²⁾ Письмо К. Я. Булгакова, Рус. Архивъ, 1903, X, стр. 333.

³⁾ Тестъ князя Н. А. Орлова.

⁴⁾ Рус. Архивъ, 1904, кн. I, стр. 81—82, см. письмо Ломоносова.

вполнѣ естественно, порвалъ связи съ внутреннею жизнью родины и съ большинствомъ прежнихъ своихъ знакомыхъ.

Приведемъ по этому поводу хронологически далеко выступающій за рамки нашего труда случай.

Въ іюнѣ 1856 года отправился за границу лицеистъ XXII-го курса А. А. Серно-Соловьевичъ, только что перешедшій изъ второго класса въ старшій. На рейнскомъ пароходѣ—писалъ онъ 28 августа своему товарищу И. И. Шамину¹⁾—познакомился я съ Ломоносовымъ, лицеистомъ I-го курса, нынѣ посланникомъ въ Гаагѣ. Съ трепетомъ въ душѣ подошелъ къ нему, надѣясь поговорить съ нимъ о Пушкинѣ, о дорогомъ нашемъ Лицеѣ, но не нашелъ я въ немъ того, чего искалъ. Забылъ онъ уже товарищей своихъ, а о Пушкинѣ не могъ ничего сказать. Просилъ онъ меня, однако, смотрѣть за племянникомъ, Алексѣемъ Ломоносовымъ²⁾, поступившимъ въ Лицей³⁾.

16 сентября 1842 года Лицей посѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ и объявилъ директору Лицея:

«Я думаю перевести насъ въ Петербургъ; семья моя годъ отъ году увеличивается...»⁴⁾.

Черезъ годъ предположеніе это было приведено въ исполненіе.

6-го ноября 1843 года на имя великаго князя Михаила Павловича данъ былъ Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія.

«Желая упрочить благоустройство дворянскихъ военно-учебныхъ заведеній, Я подвинулъ ихъ въ 1831-мъ году главному Вашему начальству. Неусыпная дѣятельность и при-

¹⁾ Нынѣ д. т. с. членъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ Алексѣй Михайловичъ Ломоносовъ, лицеистъ XXVI курса, † 14 июля 1907 года.

³⁾ М. Ломо. Очерки освободительнаго движенія шестидесятихъ годовъ. СПб. 2-е изд., стр. 242.

⁴⁾ Селезневъ, стр. 16.

мѣрная попечительность, съ коими Вы посвятили себя воспитанію благороднаго русскаго юношества, тогда же побудили Меня временно поручить заботливости Вашей и Царскосельскій Лицей.

Признавъ нынѣ за благо ввести это заведеніе, по прежнему, въ общее устройство гражданскихъ учебныхъ заведеній, Я вмѣняю себѣ въ самый пріятный долгъ изъяснить Вамъ искреннюю и совершенную Мою признательность за то отличное состояніе Царскосельскаго Лицея, до коего онъ доведенъ Вашими неусыпными и постоянными попеченіями.

Согласно изложенной цѣли Я повелѣлъ: переименовать это высшее училище въ Императорскій Александровскій Лицей и, помѣстивъ его съ 1 генваря наступающаго года въ зданія, которыя доселѣ были занимаемы Александринскимъ Сиротскимъ домомъ, причислить этотъ Лицей къ заведеніямъ, подъ личнымъ Моимъ надзоромъ находящимся, по IV отдѣленію Собственной Моей канцеляріи, и главное завѣдываніе онымъ поручить Принцу Петру Ольденбургскому.

Съ своей стороны великій князь Михаилъ Павловичъ объявилъ Лицею, что, имѣвъ его подъ начальствомъ своимъ въ продолженіе 12 лѣтъ, онъ считаетъ пріятною для себя обязанностию свидѣтельствовать, что заведеніе сіе никогда не теряло изъ виду той высокой цѣли, которая указана ему была Державнымъ его основателемъ и благодѣтелемъ; Его Высочество объявляетъ директору, инспектору, профессорамъ и наставникамъ Лицея, равно какъ и всѣмъ воспитанникамъ, отличавшимся прилежаніемъ и благороднымъ поведеніемъ, искреннюю благодарность и остается вполне увѣреннымъ, что, поступая подъ личный надзоръ Государя Императора и въ непосредственное попеченіе Его Свѣтлости, Принца Петра Ольденбургскаго, Лицей будетъ стараться и впредь, какъ старался донинѣ, заслуживать неисчислимые и постоянные къ нему милости Его Императорскаго Величества.

«Скажу тебѣ — писалъ Энгельгардтъ ¹⁾ 16 декабря 1843 года—лицейскую новость: *Царскосельскаго* Лицея не стало; Лицей переведенъ сюда на Петербургскую сторону въ зданіе Александровскаго сиротскаго дома и называется *Александровскимъ* Лицеємъ подъ главнымъ начальствомъ Принца Ольденбургскаго. За послѣднее спасибо; онъ человѣкъ благонамѣренный, доброжелательный и любитъ дѣло образованія юношества, какъ видно по учрежденной имъ школѣ правовѣдѣнія, которая очень хороша. И Лицей у него, вѣрно, будетъ хорошъ, да все-таки *нашего Царскосельскаго* Лицея не стало. Жаль! Онъ, право, былъ хорошъ, полезенъ .

Въ моментъ перевода Лицея въ Петербургъ въ старшемъ его классѣ находился М. Е. Салтыковъ, окончившій курсъ въ Маѣ 1844 года. Уже въ бытность въ Лицеѣ онъ писалъ и печаталъ въ «Библіотекѣ для чтенія» и «Современникѣ» свои стихотворенія.

Выше приведено было выраженіе Я. К. Грота, что желѣзная рука Аракчеева исторгла Лицей въ 1822 году изъ министерства народнаго просвѣщенія и отдала его подъ военную опеку. Но если Аракчеевъ желалъ нанести Лицею ударъ и измѣнить то живое направленіе, которое дано было ему первыми его наставниками, то осуществилось ли это намѣреніе? Едва-ли. Военно-учебное начальство смотрѣло на Лицей, какъ на лишнюю обузу, и ограничилось тѣмъ, что предъявляло къ нему требованія только о соблюденіи виѣшней дисциплины, оставивъ всѣхъ преподавателей Лицея на мѣстѣ, а ходъ преподаванія на попеченіи конференціи Лицея, которая продолжала дѣйствовать по установившимся уже въ средѣ ея правиламъ и преданію.

Напротивъ того къ типу учебныхъ заведеній, носившему названіе лицеевъ, такъ одобрявшемуся лучшими сотрудниками Александра I—В. П. Кочубеемъ и М. М. Спе-

¹⁾ Пушину.

ранскимъ,—министерство народнаго просвѣщенія еще при жизни Императора относилось отрицательно.

Въ 1818 году главное правленіе училищъ, обсуждая просьбу графа Кушелева-Безбородко о наименованіи открываемаго въ городѣ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія «лицеемъ», высказало мнѣніе, что «учрежденіе вновь лицеевъ, гдѣ бы то ни было, не согласуется съ общепринятою главнымъ правленіемъ училищъ системою народнаго просвѣщенія въ государствѣ». Въ 1821 году, по другому поводу ученый комитетъ заявилъ, что учрежденіе лицеевъ или гимназій высшихъ наукъ порождаетъ затрудненія и неудобства, «поелику права, предоставленныя послѣднимъ, подавляя истинное просвѣщеніе, ни къ чему другому не служатъ, какъ только къ размноженію чиновниковъ въ государствѣ и къ злоупотребленіямъ всякаго рода» ¹⁾.

Но если допустить, что Царскосельскій Лицей, оставаясь подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія, и сохранилъ бы свой вышній строй, то преподаваніе въ немъ и надзоръ за воспитаніемъ были бы подчинены тому шаблонному единообразію и сухому формализму, которые утвердились въ министерствѣ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. Реакціонное движеніе, начавшееся при князѣ Голицынѣ, достигло крайнихъ предѣловъ при адмиралѣ Шишковѣ. Затѣмъ, послѣ кратковременнаго управленія князя Ливена, въ 1833 году вступилъ въ управленіе министерствомъ С. С. Уваровъ. Въ отчетѣ за 10-лѣтіе (1833—1843), представленномъ имъ Государю, онъ въ заключеніе писалъ:

Изгладить противоборство, такъ-называемаго, европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпото необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя

¹⁾ Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности мин. народ. просвѣщенія, стр. 141 и 143.

въ юныхъ умахъ радушное уваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только приноровленіе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обнять вѣрнымъ взглядомъ огромное поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ Имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искать этого знаменателя въ тройственномъ понятіи *православія, самодержавія и народности*, — такова была цѣль, къ коей министерство народнаго просвѣщенія приближалось десять лѣтъ; таковъ планъ, коему я слѣдовалъ во всѣхъ моихъ распоряженіяхъ.

Естественно, что направленіе, данное Вашимъ Величествомъ министерству, и его тройственная формула должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ *либеральныхъ* и *мистическихъ* идей; *либеральныхъ* — ибо министерство, провозглашая *самодержавіе*, заявило твердое намѣреніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу во всемъ его объемѣ; *мистическихъ* — потому что *выраженіе православія* довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣроученія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ, и слово *народность* возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что министерство считало Россію возмужалою и достойною идти не *позади*, а, по крайней мѣрѣ, *рядомъ* съ прочими европейскими національностями. Еслибъ нужно было еще ближе увѣриться въ справедливости избранныхъ началъ, то это удостовѣреніе можно было бы найти и въ пори-

цаніи ихъ противниками величія Россіи и въ общемъ радостномъ сочувствіи, съ коимъ эти завѣтныя слова были приняты въ отечествѣ всѣми приверженцами существующаго порядка.

Эти основы русскаго просвѣщенія, провозглашенныя графомъ Уваровымъ, не распространились на Лицей, какъ на школу, стоящую внѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Это дало Лицею возможность продолжать свое развитіе на началахъ, указанныхъ Державнымъ его основателемъ, тѣмъ болѣе, что не представлялось никакой потребности производить въ Лицеѣ реформы въ томъ направленіи, которое было намѣчено графомъ Уваровымъ.

XXXV.

Теперь 23-й годъ, что я вышелъ изъ Лицея—писалъ въ своемъ дневникѣ баронъ М. А. Корфъ—и, слѣдственно, 23-й годъ первому выпуску изъ этого заведенія, которое въ настоящемъ времени измѣнило и наружную свою фizioномію, и многое во внутреннемъ своемъ назначеніи. Но любопытно, между тѣмъ, было обозрѣть, что въ эти 22 года съ каждымъ изъ насъ случилось. Всѣхъ насъ было 29, а какое разнообразіе въ житейскихъ нашихъ судьбахъ! Вотъ списокъ всѣхъ ¹⁾ съ означеніемъ коротко исторіи cadaго въ той степени, въ какой она мнѣ извѣстна. Располагаю этотъ списокъ по порядку спальныхъ комнатъ, которыя мы занимали въ Лицеѣ.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій, вспыльчивый, вообще совершенно эксцентрическій, но самый благородный и добрый малый. Началъ и продолжалъ службу въ гвардейскомъ Финляндскомъ полку и, дослужившись до капитана, вышелъ въ отставку полковникомъ еще въ прошлое царствованіе, въ 1825 году. Онъ переселился въ деревню, въ Харьковскую губернію, гдѣ былъ два трехлѣтія уѣзднымъ предводителемъ дворянства, женился на дочери сенатора Пущина и теперь постоянно живетъ въ своей деревнѣ.

¹⁾ По забывчивости баронъ Корфъ не упомянулъ о двухъ своихъ товарищахъ Костенскомъ и Мартыновѣ.

Павелъ Николаевичъ Мясоѣдовъ, служилъ въ армейскихъ гусарахъ, кажется, до поручиковъ или штабсъ-ротмистровъ, и вышелъ въ отставку тому назадъ лѣтъ пятнадцать и болѣе. Женатъ на побочной дочери богатаго помѣщика Мансурова и съ пропастью дѣтей живетъ въ деревнѣ верстахъ 20 отъ Тулы.

Графъ Сильвестръ Францовичъ Брогліо (или Брогли). Благодаря своему звучному эмигрантскому имени, онъ тотчасъ послѣ реставраціи получилъ отъ Бурбоновъ орденъ Лиліи, съ которымъ и щеголялъ еще въ лицейскомъ мундирѣ. Выпущенъ былъ въ какой-то армейскій полкъ, но никогда въ русской службѣ не служилъ; скоро послѣ выпуска уѣхалъ во Францію и болѣе оттуда не возвращался, прекративъ и всѣ сношенія съ прежними товарищами.

Федоръ Христіановичъ Стевень, финляндскій уроженецъ, съ основательнымъ умомъ, скромный, добрый и благородный, одинъ изъ лучшихъ моихъ пріятелей въ Лицеѣ. Съ самаго выпуска до сихъ поръ онъ служилъ при Финляндскомъ Статсъ-Секретаріатѣ, а на дняхъ опредѣленъ губернаторомъ въ Выборгъ, съ пожалованіемъ въ 4 классъ. Женатъ на кузинѣ своей, дочери покойнаго начальника 2-го кадетскаго корпуса генерала Маркевича.

Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. Способности обыкновенныя. Недостатокъ ихъ выкупается большимъ трудолюбіемъ. Человѣкъ, которому всегда и во время благопріятствовало необычайное счастье... Теперь онъ тайный совѣтникъ и государственный секретарь. Женатъ на кузинѣ, дочери умершаго подполковника Корфа.

Александръ Павловичъ Бакунинъ, человѣкъ съ порядочными формами, съ благороднымъ честолюбіемъ и съ охотою къ дѣлу. Выпущенъ былъ въ прежній Семеновскій полкъ и состоялъ адъютантомъ при генералѣ Раевскомъ, а по раскассированіи полка перешелъ въ статскую службу и занималъ разныя должности въ Московскихъ губернскихъ мѣстахъ; послѣ же жилъ въ отставкѣ въ своихъ

деревняхъ. Теперь онъ статскій совѣтникъ и Новгородскій вице-губернаторъ. Былъ женатъ сперва на дѣвицѣ Зеленской, а послѣ ея смерти женился на дѣвицѣ Шулепниковой.

Александръ Дмитриевичъ Тырковъ былъ выпущенъ въ какой-то армейскій полкъ, но недолго пробылъ на службѣ и поселился въ Новгородской своей деревнѣ, кажется, отставнымъ поручикомъ. Тамъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ которыя мы видывали его наѣздомъ въ Петербургъ, ему вздумалось еще сойти съ ума, и скоро послѣ того онъ умеръ.

Константинъ Карловичъ Данзасъ. Будучи выпущенъ въ инженеры, онъ съ отличіемъ и необыкновенною храбростію участвовалъ въ кампаніяхъ персидской, турецкой и польской, и былъ раненъ такъ, что и теперь носить руку въ бинтѣ. Въ послѣднее время онъ приобрѣлъ особенную извѣстность, былъ секундантомъ въ несчастной дуэли Пушкина (1837 г.); за это его перевели, послѣ заключенія въ крѣпости, въ армейскій полкъ на Кавказъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Самыя блестящія дарованія, самое отличное окончаніе школьнаго курса, острый и тонкій умъ—словомъ, все, что нужно для блестящей карьеры, служебной и свѣтской. Онъ прямо изъ Лицея пошелъ въ дипломатію и всю почти жизнь свою провелъ внѣ Россіи, при разныхъ миссіяхъ. Послѣднее мѣсто его, въ чинѣ статскаго совѣтника, было совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ; но отсюда, по волѣ Государя, онъ въ прошломъ году причисленъ къ министерству. При выпускѣ изъ Лицея онъ получилъ вторую золотую медаль, но во всѣхъ отношеніяхъ заслуживалъ первую.

Сергѣй Дмитриевичъ Комовскій. Добрый малый, отличный сынъ и братъ и вѣрный надежный пріятель. Числясь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, онъ служилъ сперва въ разныхъ временныхъ комитетахъ, комиссіяхъ

и проч., а теперь правителем канцеляріи въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, или, попросту, секретаремъ въ Смольномъ монастырѣ.

Миханлъ Лукьяновичъ Яковлевъ. Хорошій товарищъ, надежный въ пріязненныхъ своихъ сношеніяхъ, не безъ способности къ дѣлу, хорошій музыкантъ и пріятный композиторъ. По службѣ, которую онъ началъ въ Московскомъ сенатѣ, ему сперва очень не везло; но потомъ, съ переходомъ во II отдѣленіе Собственной Государевой канцеляріи (къ Сперанскому), все поправилось. Теперь онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и занимаетъ мѣсто директора типографіи II отдѣленія.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе любимы были товарищами, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душой; онъ имѣлъ почти тѣ же качества, какъ Есаковъ, и кончилъ еще несчастливѣе. Сперва онъ служилъ тоже въ гвардейской конной артиллеріи, но для пылкой души его, требовавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время казалась слишкомъ мертвою, и, бросивъ ее, кажется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, именно чтобы облагородить и возвысить этотъ родъ службы, гдѣ съ благими намѣреніями можно сдѣлать столько частнаго и общественнаго добра. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастію Россіи сгубили его. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшего 14 декабря 1825 года, и съ этимъ погибла вся его будущность. Пущинъ причисленъ ко второму разряду преступниковъ, лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ каторгу, которая, кажется, для него еще не кончилась. Къ счастію, онъ холостой.

Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ. Чуть ли не оригинальнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ карьеръ, потому что изъ заведенія, предназначеннаго преимущественно для гражданской службы и выпускавшаго воспитанниковъ своихъ

въ военную только въ видѣ изъятія, Матюшкинъ вышелъ въ морскую и сдѣлалъ себѣ въ ней имя и до сихъ поръ продолжаетъ ее съ отличіемъ. Онъ человѣкъ пылкій и вмѣстѣ разсудительный. Ходилъ съ Головиннымъ вокругъ свѣта, участвовалъ въ извѣстной экспедиціи Врангеля въ Сибирь; имѣвъ и разныя другія важныя порученія, онъ все еще только капитанъ I ранга. Тенерь онъ командуетъ кораблемъ въ Черноморскомъ флотѣ. Холостъ.

Баронъ Павелъ Ѳедоровичъ Гревеницъ. Человѣкъ съ дарованіями, образованіемъ и свѣдѣніями, но большой чудакъ, оригиналь и нелюдимъ. Онъ съ самага выпуска изъ Лицея служитъ въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Дмитрій Николаевичъ Масловъ, статскій совѣтникъ, со 2 нынѣшняго августа исправляющій должность статс-секретаря въ департаментѣ законовъ. Одинъ мой выборъ его въ эту должность доказываетъ уже высокое мое о немъ мнѣніе. Въ Лицеѣ мы его называли по перу и по дару слова нашимъ «Карамзинымъ». Потомъ, служа долго въ Москвѣ товарищемъ предсѣдателя коммерческаго суда, онъ умѣлъ приобрѣсти общую любовь и уваженіе купечества. При всемъ томъ онъ имѣетъ разныя странности, дѣлающія изъ него порядочнаго оригинала. Онъ женатъ на дочери сенатора Мертваго и имѣетъ двухъ дѣтей.

Александръ Алексѣевичъ Корниловъ. Свѣтлая голова и хорошія дарованія. Въ Лицеѣ онъ лѣнился и притомъ вышелъ оттуда чрезвычайно молодъ; но послѣ самъ окончилъ свое образованіе и сдѣлался человѣкомъ очень путнымъ и полезнымъ. Онъ служилъ прежде въ гвардіи и дошелъ до полковника, а потомъ вышелъ въ статскую службу, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и назначенъ Кіевскимъ губернаторомъ; но по непріятностямъ съ тогдашнимъ генераль-губернаторомъ графомъ Левашовымъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Въ прошломъ году онъ, однако, снова вступилъ

въ службу и теперь Тамбовскимъ губернаторомъ. Женатъ на графинѣ Толстой.

Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ. Человѣкъ способный и умный, но еще болѣе хитрый и пронырливый: въ Лицеѣ по этимъ свойствамъ мы называли его «кротомъ». Посвятивъ себя съ самаго начала дипломатіи и проведя, какъ Горчаковъ, почти всю жизнь за границею при разныхъ миссіяхъ, онъ теперь повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Бразиліи.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Какъ Данзасъ, но въ другомъ отношеніи, онъ былъ предметомъ неистощимыхъ нашихъ насмѣшекъ въ Лицеѣ за свои странности, неловкости и смѣшную оригинальность. Съ эцентрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною ничѣмъ вспыльчивостью, онъ всегда былъ готовъ на всякія курьезныя продѣлки и еще въ Лицеѣ пробовалъ было утопиться. Послѣ выпуска онъ метался изъ того въ другое, выбралъ, наконецъ, педагогическую карьеру и былъ преподавателемъ русской словесности въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И въ Лицеѣ, и послѣ онъ писалъ много стиховъ съ страннымъ направленіемъ, страннымъ языкомъ, но не безъ достоинствъ и издавалъ вмѣстѣ съ княземъ Одоевскимъ, журналъ «Мнемозину». Все это кончилось исторіей 14-го декабря, въ которую онъ былъ сильно замѣшанъ, съ осужденіемъ въ каторжную работу.

Павелъ Михайловичъ Юдинъ. Человѣкъ оригинальный съ острымъ языкомъ и колкій насмѣшникъ. Карьера его совершенно одинакова съ карьерой Гревеница. Вмѣстѣ они вступили въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ получали всѣ чины и ордена и вмѣстѣ и теперь тамъ служатъ въ совершенно равныхъ степеняхъ. Графъ Нессельроде иронически называетъ ихъ: «Les piliers du ministère» — хотя, кажется, на нихъ ничего не лежитъ.

Николай Александровичъ Ржевскій. Въ Лицеѣ былъ

мальчикомъ не глупымъ, но примѣрнымъ лѣнтяемъ и совершенно ничему не учился. Карьера его была очень коротка. Бывъ выпущенъ изъ Лицея прапорщикомъ въ армію, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и первый изъ насъ перешелъ къ вѣчному покою» ¹⁾).

Выше, въ другой связи, изъ записокъ Корфа нами приведены характеристики барона А. А. Дельвига (см. стр. 323), С. С. Есакова (стр. 324), Н. А. Корсакова, (стр. 151), В. А. Вольховскаго (стр. 441), А. С. Пушкина (стр. 415), П. Θ. Саврасова (стр. 324) и А. Д. Илличевского (стр. 419).

Мы уже говорили выше, что Царскосельскій Лицей, первоначально данное ему въ 1811 году устройство сохранилъ до 1835 года. За этотъ періодъ времени въ немъ окончили свое образованіе семь курсовъ. Послѣ нихъ Лицей, оставаясь еще въ Царскомъ Селѣ, измѣнился въ своемъ устройствѣ. Наконецъ, съ 1 января 1844 года Лицей переведенъ былъ въ Петербургъ, и первенцы Царскосельскаго Лицея не очень благосклонно смотрѣли на питомцевъ Лицея Александровскаго. Въ подтвержденіе этого приведемъ выдержку изъ дневника лицеиста VI курса А. Д. Комовскаго ²⁾).

• 25 октября, воскресенье, 1859 года.

Еще свято сохраняется между лицейскими всѣхъ курсовъ обычай праздновать товарищескими сходками 19 октября, воспомѣтое Пушкинымъ, какъ день рожденія Лицея въ 1811 году. Нашъ шестой курсъ, покинувшій стѣны Лицея въ 1832 году, первое время весьма усердно собирался въ этотъ какъ бы священный для памяти всѣхъ насъ день. Потомъ рѣдѣли ряды товарищей; рѣже стали собираться. Нынѣшній годъ по вызову младшихъ нашихъ

¹⁾ Русская Старина, 1904 г., т. 118 (кн. 6-я), стр. 550—556.

²⁾ Журналь «Колосья», 1884 г., № 4, стр. 54—55.

Константина Грота (самарскаго гражданскаго губернатора и Димитрія Мертваго (оберъ-прокурора въ сенатѣ) явились и нѣкоторые изъ нашего курса на сходку. Это было въ прошлый понедѣльникъ. Праздновали обѣдомъ. Немного собралось изъ насъ въ составѣ двухъ курсовъ. Но и собравшіеся не всѣ узнавали другъ друга. Костливцева, напр., нашего младшаго, съ которымъ я съ самаго выхода его изъ Лицея въ 1835 году не видался, я бы и не узналъ въ другомъ мѣстѣ. И здѣсь, только по увѣренности, что между собравшимися онъ долженъ быть, я догадался, что это—онъ. Обѣдъ былъ дружный, не очень шумный, но веселый. Были и спичи. На свою долю, я произнесъ ихъ пять—и все въ честь, въ воспоминаніе дорогого намъ Лицея и всѣхъ, ему принадлежащихъ.—Послѣ обѣда къ намъ присоединился еще и 5-й курсъ, въ той же гостинницѣ собравшійся къ обѣду. Немного и ихъ было. Удвоился кругъ друзей—удвоилось и веселье. Вдова Клико развязала всѣмъ—увы! уже не молодые языки! Снова пошли разные спичи. Явились различныя мнѣнія относительно того, можно ли считать лицейскихъ не царскосельскихъ такими же лицейскими, какими считаются всѣ, кончившіе свое воспитаніе въ Царскомъ Селѣ. Одинъ, много два голоса были за, остальные всѣ противъ. И, дѣйствительно, Лицей уже былъ не тотъ и по составу и по уставу своему, когда его перевели въ Петербургъ. Пѣснь, сочиненная для выпуска 1-го курса въ 1817 году—

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье!...

потеряла свое значеніе для лицейскихъ петербургскихъ, которые совершаютъ свой курсъ ученія и въ кратчайшій срокъ. Стихи Пушкина

Намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село...

также не могутъ шевелить сердца, не воспитывавшагося въ Царскомъ Селѣ. Слѣдовательно, нельзя, кажется, не при-

знать, что истыми лицейскими могут назваться только лицейскіе—царскосельскіе. Это нисколько не должно отнимать и отъ петербургскихъ лицейскихъ права любить свое заведеніе и чествовать его столько же, сколько и мы. Союзъ ихъ съ нами заключается въ любви къ тому же основному заведенію и въ преданіяхъ дѣдовъ, сохраняющихся свято во всѣхъ донинѣ курсахъ .

XXXVI.

Цѣлю Царскосельскаго Лицея было образованіе юношества, особо предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной.

Изложивъ историческій ходъ развитія этого учебнаго заведенія, постараемся освѣтить вопросъ, насколько Лицеємъ достигнута была предназначенная ему цѣль.

Въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ (съ 19 октября 1811 до 1 января 1844 года) изъ Лицея выпущено было всего 286 человѣкъ, изъ которыхъ поступили въ гражданскую службу 234, въ военную 50 и во флотъ 2 лица.

Изъ этихъ питомцевъ Царскосельскаго Лицея донинѣ здравствуетъ только одинъ воспитанникъ XI курса (выпуска 1841 года) Густавъ Густавовичъ Принцъ.

Изъ числа этихъ лицъ достигли званія членовъ Государственнаго Совѣта или министровъ слѣдующіе двѣнадцать: Гирсъ, Головинъ, Гольтгоеръ, князь Горчаковъ, Гротъ, Замятинъ, графъ Корфъ, баронъ Николан, графъ Рейтернъ, Соломонъ, графъ Толстой и баронъ Торнау.

Кресла сенаторовъ занимали Бревернъ, Ганъ, Гартингъ, Гирсъ, князь Голицынъ, Данзасъ, Капгеръ, Комовскій, Корниловъ, Крузенштернъ, Матюшкинъ, князь Оболенскій, Похвисневъ, Семеновъ, Ю. Толстой, Харитоновъ, Цес. Яковлевъ, князь Эристовъ.

Почетными опекунами были Озеровъ, Ханыковъ и Шоръ.

На дипломатической службѣ мы видѣли въ числѣ посланниковъ Бегера, барона Иксуля, Коцебу, Ломоносова и Рихтера.

Въ спискѣ губернаторовъ встрѣчаются имена Арсеньева, Бакунина, Корнилова, Бухарина, Волкова и Дунинъ-Барковского.

Должности директоровъ департаментовъ или равныя съ ними должности исполняли Безакъ, баронъ Гревеницъ, Лихонинъ, Масловъ, Мертваго, Стремоуховъ и Юдинъ.

Наконецъ, службѣ по дворянскимъ выборамъ, въ должности губернскихъ или уѣздныхъ предводителей дворянства, посвятили себя Александровъ, Бѣлуха-Кохановскій, Галицкій, Дунинъ-Барковскій, Кальмъ-Подосскій, Карамышевъ, Кіовъ, Кондонди, графъ Коновницынъ, Рейнботъ, Хвостовъ, Чертковъ и Яхонтовъ.

Но не въ рядахъ только служилаго сословія можно встрѣтить имена царскосельскихъ лиценстовъ.

Нѣкоторые изъ нихъ отдались всецѣло наукѣ; къ числу ихъ принадлежатъ Веселовскій, Гротъ, Данилевскій и Ханыковъ. Другіе, какъ-то: баронъ Корфъ, графъ Толстой, Ю. Толстой и баронъ Торнау посвящали ей оставшіеся у нихъ отъ государственныхъ и служебныхъ занятій досуги.

Можемъ упомянуть о художникѣ Лангерѣ и композиторѣ Яковлевѣ.

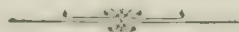
Имя лиценста Пушкина ознаменовало собою особый періодъ исторіи русской литературы. Съ нимъ связаны имена трехъ его однокурсниковъ-товарищей: барона Дельвига, Илличевского и Кюхельбекера. За ними слѣдуютъ Деларю, Я. К. Гротъ, Зотовъ, Мей, Семеновъ, Трофимовъ и Яхонтовъ.

Достоинъ упоминанія не только какъ боевой офицеръ флота и администраторъ, но и какъ мореплаватель и отважный изслѣдователь сѣверовосточныхъ береговъ Сибири адмиралъ Матюшкинъ.

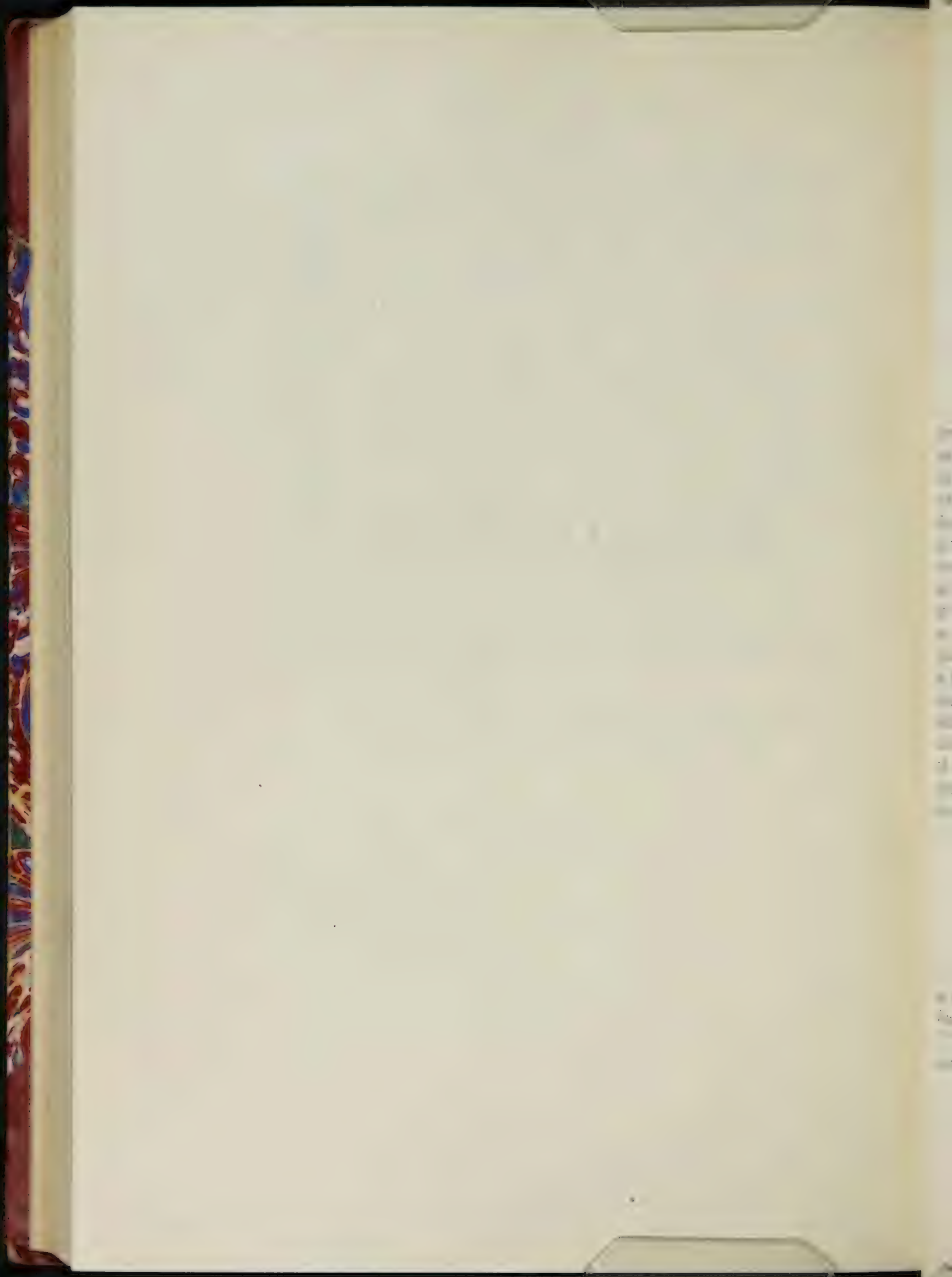
Съ благодарностью нужно вспомнить и о тѣхъ лицахъ, которые отдали свое время преподавательскимъ или воспитательскимъ занятіямъ въ родномъ ихъ учебномъ заведеніи. Къ ихъ числу принадлежатъ Гротъ, Кузнецовъ, Крейсти, Немани, Спѣшневъ и Ханыковъ.

Но, кромѣ этихъ лицъ, имена которыхъ найдутъ себѣ мѣсто не только въ справочныхъ и біографическихъ словаряхъ, Царскосельскій Лицей далъ всѣмъ своимъ питомцамъ глубокое убѣжденіе, что они воспитаны были «для общей пользы». Даже тѣ изъ нихъ, которые, какъ Кюхельбекеръ, Пущинъ и Петрашевскій, долгими годами заточенія и ссылки заплатили за свои увлеченія, могутъ быть обвиняемы лишь въ идеальномъ стремленіи къ неосуществимой цѣли. Они только болѣе горячо чѣмъ ихъ товарищи преслѣдовали тѣ либеральныя идеи, въ которыхъ обвиняли всѣхъ вообще царскосельскихъ лицейстовъ. Созданный во время прекраснаго начала Александровыхъ дней, Лицей всегда остался вѣренъ гуманнымъ идеямъ, характеризовавшимъ первое десятилѣтіе царствованія его великаго основателя. Царскосельскіе лицеисты вѣрили, что, осуществляются слова Пушкина:

И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ же, наконецъ, прекрасная заря.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Изъ Царскаго Села отъ 12 декабря.

«Всерадостнѣйшій день рожденія Его Величества, Государя Императора, злѣйшій Императорскій Лицей ознаменованъ особеннымъ празднествомъ, желая внушить воспитанникамъ своимъ чувства благоговѣнія и достоюлжной признательности къ Августѣйшему Монарху и содѣлать день сей для нихъ торжественнымъ. Поутру г. Директоръ Лицея, вмѣстѣ съ воспитанниками оного, также г.г. профессора и прочіе чиновники слушали божественную литургію и благодарственное молебствіе. По окончаніи божественной службы, воспитанники собраны были въ залу Лицея, гдѣ для пріученія ихъ къ справедливости и беспристрастному сужденію другъ о другѣ предложено имъ было, чтобъ они сами избрали между собою отличившихъ въ ученіи и поведеніи. Когда же выборъ ихъ олобренъ былъ, по соображенію г. Директора, профессоровъ и инспектора нравственной части, то имена отличившихся, въ силу Постановленія о Лицеѣ, въ первый еще разъ написаны золотыми буквами на бѣлой доскѣ и поставлены въ той же залѣ Лицея. Въ оный день г. Директоръ угощалъ г.г. профессоровъ обѣденнымъ столомъ; а ввечеру данъ былъ дѣтскій балъ и весь домъ Лицея illumинированъ.»¹⁾

Письмо С. Г. Ломоносова князю П. А. Вяземскому.

Данъ въ С.-Петербургѣ 11 О. 1817 г.

Je profite du départ de Mr Ponomareff, brave négociant Russe qui compte s'établir à Varsovie et qui désirait ardemment faire Votre connaissance, pour Vous écrire quelques lignes et me rappeler

¹⁾ «Списокъ Лицеи» — Новая С.-Петербургская Газета № 101 отъ 20 декабря 1817 года, стр. 1.

²⁾ О старѣйшихъ провѣдъ князя Вяземскаго.

à Votre souvenir. Vous rappelez Vous de la charmante soirée que j'ai passée chez Vous avec Блудовъ, Жуковскій et Полетика. Eh bien elle a décidé de mon sort. Полетика ma pris en affection je ne sais trop pourquoi et ma fait la proposition de le suivre en Amérique. Après plusieurs jours d'un mûr examen, j'ai accepté et me suis livré entièrement à cet homme respectable que j'aime et que j'estime sincèrement sans toutefois avoir l'occasion de la connaître particulièrement.

Si le Ministère ne met aucune opposition, cette affaire est dans le sac. Ainsi donc Votre ami Serge part pour *l'autre monde*. C'est un *grand voyage*, Vous conviendrez, mais j'espère en revenir.

Passer plusieurs années loin de sa patrie—c'est cruel. Adieu parents, amis, toutes les douces affections du cours, toutes les habitudes qu'on a contractées. Que de regrets, que de peines je me prépare en quittant Добрую Русь. Je m'en repose sur la Providence—il faut toujours la laisser faire—sur Polética et sur le désir ardent que j'ai de m'instruire et d'acquérir des connaissances. J'ai cru cher Prince qu'il Vous serait agréable d'avoir des nouvelles d'un Lycéen que Vous avez toujours aimé et d'être au fait de sa situation. Vous voyez que même sur mon départ pour l'autre monde je songe aux amis que je laisse dans celui-ci. Adieu—je Vous embrasse bien tendrement, amicalement, fraternellement—et tout cela poétiquement puisque ce n'est qu'en imagination.

Saluez la Princesse et embrassez de ma part la petite Машинька.

Recevez les assurances de l'estime et du sincère attachement de Votre dévoué et obéissant serviteur.

Serge Lomonossoff.

Si Vous avez le bon esprit de me répondre—Votre lettre me trouvera encore à Petersburg.

Adressez la à Tourgeneff ou à Karamsine ils pourront me la faire tenir—je compte les voir souvent à Petersburg.

№ 3. Къ главоу XIII, стр. 177.

Проповѣдь протоіерея Кочетова ¹⁾.

Дѣти!

Благостию Всевышняго вы нынѣ удостоены счастія—быть переведены въ сіе высшее святилище наукъ—въ сей вертоградъ, въ дому самого Царя процвѣтающій. Это счастіе, безъ сомнѣнія,

¹⁾ Оригиналъ хранится въ Лицейскомъ Пушкинскомъ Музеѣ.

восхищающее васъ, не можетъ не утѣшать и вашихъ родителей; тѣмъ паче что, хотя первоначальное удостоеніе васъ къ сему переводу зависѣло отъ воли вашего начальства, но рѣшительное избраніе васъ было непосредственнымъ назначеніемъ Государя Императора. Державный нашъ Вертоградарь переносилъ младыя лѣторосли въ свой вертоградъ, конечно, основываясь на своихъ понятіяхъ о достоинствѣ деревъ, отъ коихъ оныя произрасли. Милость утѣшительная для вашихъ родителей, но несравненно утѣшительнѣйшая для васъ самихъ! Ибо воспитываться въ дому Государя, готовить себя на службу Престолу и Отечеству въ глазахъ Самого Государя - Государя, представленіями начальства и особенно понятіемъ о достоинствахъ и заслугахъ вашихъ родителей, уже благоволительно къ вамъ расположеннаго,—какое счастье можетъ быть болѣе сего для вашего возраста и состоянія? Но можетъ ли быть и несчастье тягостиѣ того, какъ ежели... но нѣтъ, нѣтъ! мы желаемъ, мы молимъ Бога, мы надѣемся, что вы въ полной мѣрѣ оправдаете Монаршее избраніе и покажете себя достойными вашего счастья. Извѣстная намъ доселѣ ревность ваша къ ученію поставляетъ насъ въ пріятной увѣренности, что вы, при вступленіи въ сіе святилище наукъ, воспламенитесь еще большимъ рвеніемъ просвѣтитъ свои умы и образовать сердца, а черезъ то приготовить себя быть истинными сынами отечества и вѣрными престолу подданными; тѣмъ паче, что теперь будете имѣть для негод болѣе времени и болѣе удобностей и болѣе побужденій. Шестилѣтнее ваше здѣсь пребываніе представитъ вамъ возможность—основательно познать и какъ бы усвоить себѣ истины, вамъ преподаваемыя. Безотлучность ваша отсюда предохранитъ ваши мысли отъ разсѣянности, поддержитъ неослабность вашего вниманія къ предметамъ вашихъ занятій; и, что всего дороже, утвердитъ васъ въ единствѣ духа благочестія и благонравія, въ которомъ будете воспитываемы. А великость Монаршихъ милостей и важность правъ, усвоенныхъ сему заведенію, не можетъ не быть для васъ сильнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ поощреніемъ къ ревностному усовершенствованію себя.

Итакъ, съ благословеніемъ Божиимъ вступайте на сіе новое для васъ поприще просвѣщенія и образованія: но, вступая, помните, что въ злохудожну душу не внидетъ премудрость; что свѣтъ истины озаряетъ только чистыя сердца; что просвѣщеніе безъ благочестія есть пустой цвѣтъ, который не обѣщаетъ никакого плода, и что учебность безъ чистоты сердца есть острый мечъ въ рукахъ разбойника: посему страхъ Господень да будетъ единственнымъ основаніемъ вашего образованія. Идите благопоспѣшно

по пути, на который вступаете: но знайте, что путь сей дологъ и многотруденъ, такъ что безъ вѣрнаго руководства вы не можете достигнуть предположенной цѣли. Итакъ, со всею искреннею довѣренностью передайте себя водительство вашихъ наставниковъ и воспитателей: идите тѣмъ путемъ истинной мудрости, по которому они будутъ васъ вести; не совращайтесь, даже не озирайтесь ни на какія распутія ложныхъ мудрованій, на которыя и одинъ шагъ можетъ подвергнуть васъ гибели. Старайтесь такъ расположить свой духъ, чтобы ваши умы были чистымъ зеркаломъ, въ которомъ бы каждый изъ благопросвѣщенныхъ вашихъ наставниковъ могъ видѣть себя—свой образъ мыслей и чувствованій. Старайтесь сердца ваши, теперь еще мягкія, какъ воскъ, предать своимъ воспитателямъ такъ, чтобы въ нихъ не было никакихъ впечатлѣній, кромѣ тѣхъ, которыя они на нихъ сдѣлаютъ.

Тогда вы можете быть совершенно увѣрены, что трудъ вашего воспитанія принесетъ обильные плоды и для отечества, и для престола. Тогда и ваши наставники и воспитатели, совершивъ свое дѣло, могутъ безбоязненно предстать съ вами не только предъ царя земного, но даже предъ Царя Небеснаго и съ святымъ дерзновеніемъ сказать: Господи! се мы и дѣти, ихже намъ далъ еси!

25 Августа 1823 года.

№ 4. Къ главѣ XIV, стр. 184.

Письмо В. К. Кюхельбекера къ ректору Дерптскаго университета ¹⁾.

Hochwohlgeborner, hochzuverehrender Herr.

Ew. Magnificenz habe ich die Ehre zufolge einer mit Herrn Schukofsky getroffenen Uebereinkunft zu benachrichtigen, dass der Herr Professor Perewoschtschikoff die Profiessur der russischen Sprache vermuthlich ablehnen wird. Dem zufolge hat Herr Schukofsky mit dem Herrn Grafen v. Liven meinewegen gesprochen und mir die Erlaubniss ausgewirkt mich um diese Stelle zu bewerben, die mir zu bekleiden deswegen noch doppelt angenehm und erfreulich wäre, da die Liebe zu meiner vaterländischen russischen Litteratur mit dem Hange mich an den herrlichen Erzeugnissen deutscher grosser Geister zu ergötzen gleichen Schütt hält, und ich in jenen Verhältnissen die glücklichste Gelegenheit hätte beiden genug zu thun. Meine ergebenste Bitte an Ew. Magnificenz, gienge demnach dahin, mich gütigst

¹⁾ Оригиналъ принадлежалъ академику А. Θ. Бычкову, въ настоящее время хранится у И. А. Быčkova.

zu benachrichtigen welchen Weg ich einzuschlagen hätte, um mich der Form gemäss um die erwähnte Stelle zu bewerben.

In dem schmeichelhaften Vertrauen auf die gütige Mitwirkung Ew. Magnificenz und mit dem Gefühl der aufrichtigsten Hochachtung habe ich die Ehre zu sein

Ew. Magnificenz
gehorsamster Diener
Wilhelm von Küchelbecker.

St. Petersburg
d.: 6-ten Juli 1820.

№ 5. Къ главѣ XIV, стр. 187.

Письмо В. К. Кюхельбекера къ В. Д. Вольховскому.

10 марта (1822 года).

Любезный другъ, Владиміръ Дмитріевичъ! Благодарю тебя отъ всей души, что ты не забываешь меня. Ты первый писалъ ко мнѣ въ Грузію и не можешь вообразить, какъ меня тамъ обрадовало письмо твое. Я тутъ же отвѣчалъ тебѣ и надписалъ письмо мое въ Могилевъ: надѣюсь, что ты, если и не получилъ онаго, не сомнѣвался въ моей искренности поддерживать переписку съ товарищемъ, котораго не только люблю, но почитаю; коего преимущество надъ собою всегда признавалъ и чувствовалъ, хотя и не имѣлъ довольно энергій, чтобы соревновать ему. Мы пошли, мой другъ, разными путями: твой вѣренъ, надеженъ и пріобрѣтаетъ тебѣ всеобщее уваженіе; мой... Но почему растравлять раны растерзаннаго сердца, растерзаннаго упреками собственными и постороннихъ, отжившаго для надежды и честолюбія. Ты, добрый мой Вольховскій, ты въ полномъ сознаніи своего достоинства, однако же не захотѣлъ меня еще болѣе подавить укоризнами за мое несчастіе. Ты бережешь меня и стараешься вселить въ меня упованіе на свои силы и радостную смѣлость, которая, конечно, одна можетъ спасти меня, но для которой я едва ли уже не состарѣлъ. Если твои дружескіе совѣты и останутся бесполезными, потому что для меня заграждены всѣ пути трудолюбія,—если, говорю, твои совѣты и не послужатъ къ пользѣ моей: вѣрь по крайней мѣрѣ, что вѣчно буду помнить твое нѣжное участіе и гордиться имъ. Вольховскій еще во мнѣ не отчаевается: эта мысль утѣшила, подкрѣпила меня и благодарность моя къ тебѣ погаснетъ только съ жизнію.—Прости! и, если можешь, пиши ко мнѣ.

Кюхельбекеръ.

№ 6. Къ главѣ XIV, стр. 189.

Письма барона А. А. Дельвига къ А. Н. Оленину ¹⁾.

27 сентября 1821 года.

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Служа въ Канцеляріи Министра Финансовъ, я осмѣлился просить, Ваше Превосходительство, доставить мнѣ мѣсто и при Императорской Публичной Библіотекѣ. Особенная склонность къ занятіямъ библіографическимъ, желаніе быть вдвойнѣ полезнымъ и, скажу признательно, недостаточное состояніе, принуждающее меня ожидать помощь только отъ трудовъ своихъ, однимъ словомъ, необходимое для жизни заставляло меня стараться удержать оба мѣста. Но видя себя принужденнымъ тѣмъ или другимъ пожертвовать, я рѣшился, по крайней мѣрѣ, удовлетворить моей склонности и желанію служить подъ лестнымъ для меня начальствомъ вашимъ. Смѣю ласкаться надеждою, что ревностною службой обращу на себя со временемъ благосклонное вниманіе моего начальства и заслужу милостивое его покровительство.

Вашему Превосходительству угодно было, чтобы до опредѣленія моего въ Императорскую Публичную Библіотеку я нѣкоторое время занимался въ оной, дабы можно было судить имѣю ли я надлежащія способности къ отправленію обязанностей, возложенныхъ на чиновниковъ сей Библіотеки. Вслѣдствіе чего съ 1 Сентября прошлаго 1820 года, я ходилъ въ оную каждый день, и по мѣрѣ силъ и способностей моихъ, старался сколько могъ лучше исправлять порученное мнѣ дѣло. Если я былъ столько счастливъ, что время сего испытанія моего—по мнѣнію начальства Библіотеки, проведено мною не совсѣмъ для оной бесполезно, то Ваше Превосходительство не откажите мнѣ въ милостивомъ помѣщеніи меня въ число подчиненныхъ вашихъ по вѣдомству Императорской Публичной Библіотеки, и тѣмъ доставьте присоединить чувство душевной признательности къ тому глубочайшему почтенію съ которымъ имѣю честь быть

Вашего Превосходительства Милостиваго Государя Всепокорнѣйшимъ слугою *Баронъ Антонъ Дельвигъ.*

С.-Петербургъ.

27 Сентября 1821.

¹⁾ Изъ дѣла Императорской Публичной Библіотеки.

Его Превосходительству, Директору Императорской Публичной Библіотеки, Г. Тайному Совѣтнику и Кавалеру Алексѣю Николаевичу Оленину.

Будучи уволенъ Вашимъ Превосходительствомъ съ 10 числа прошедшаго Февраля мѣсяца въ отпускъ на 28 дней, я просрочилъ оной около двухъ мѣсяцевъ единственно по причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, которая и понынѣ съ 28 Апрѣля, т. е. со дня прибытія моего въ С.-Петербургъ преняствуетъ мнѣ, какъ явиться къ занимаемой мною по Императорской Публичной Библіотекѣ должности Помощника Библіотекаря, такъ равно и къ Вашему Превосходительству съ принесеніемъ по сему случаю моего извиненія; почему я долгомъ себѣ поставляю о таковомъ моемъ положеніи симъ вамъ донести, надѣясь съ своей стороны на Ваше Начальническое къ болѣзни моей снисхожденіе. Титулярный Совѣтникъ *Баронъ Антонъ Дельвицъ.*

1825 годъ
Мая 8-го дня

Милостивый Государь
Алексѣй Николаевичъ.

Василій Андреевичъ Жуковской увѣдомилъ меня, что онъ, по дружбѣ своей ко мнѣ, просилъ ваше Превосходительство возвратить мнѣ мою просьбу въ отставку безъ исполненія. Не зная вѣроятно побудительныхъ подробностей этой просьбы, онъ увѣряетъ, что я еще не долженъ терять надежды остаться подъ начальствомъ вашего Превосходительства.

Съ моей стороны я всегда почиталъ за особенное счастье служить съ начальникомъ, уважаемымъ мною отъ самаго дѣтства и оставшись при Императорской Публичной Библіотекѣ, положу себѣ обязанностію показать себя вашему Превосходительству съ выгоднѣйшей точки зрѣнія.

Во всѣхъ случаяхъ я не перестану питать къ вамъ глубокаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть вашего Превосходительства Милостиваго Государя покорнѣйшимъ слугою

Баронъ Дельвицъ.

1825 годъ
26-го Маія.

Милостивый Государь
Алексѣй Николаевичъ.

Оба почтеннѣйшія отношенія Вашего Превосходительства я получилъ, но не отвѣчалъ доселѣ потому, что живя трудами

моими. до сихъ поръ не нахожуся въ возможности исполнить мою обязанность, вами мнѣ объявленную.

Никогда въ мысли мои не приходило, чтобы сдѣлать что нибудь не угодное вашему Превосходительству, всегда мною истинно уважаемому! Надѣюсь въ концѣ нынѣшняго мѣсяца или много, въ началѣ будущаго Января доставить вамъ должную мною сумму. Я не отказываюсь, но нужда заставляеть меня медлить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностію честь имѣю быть вашего Превосходительства Милостиваго Государя покорнѣйшимъ слугой

Баронъ Дельвицъ.

24 Декабря
1830 года.

№ 7. Къ главѣ XVII, стр. 236.

Письмо В. К. Кюхельбекера къ князю В. Д. Одоевскому.

(Закупъ, 30-ое марта 1825-го года).

Благодарю тебя, любезный другъ, за твое послѣднее письмо и за присланные 200 рублей, которые пришли мнѣ очень къ стати. Насчетъ твоихъ прочихъ писемъ, скажу, что, кромѣ страхового, получилъ еще только одно, въ коемъ увѣдомляешь меня о выходѣ въ свѣтъ Мнемозины 4-й и при коемъ обрѣтается приписка Эристова. О болѣзни твоей я не зналъ ни слова. На посланія мои къ Бѣгичевымъ прошу не сердиться: ты знаешь мои къ нимъ отношенія; что я къ нимъ писалъ, конечно бы не написалъ ни къ кому другому. Ты требуешь, чтобъ я увѣдомилъ тебя, долженъ ли ты мнѣ еще или нѣтъ?—По нашимъ послѣднимъ счетамъ, за вычетомъ издержекъ за послѣднюю часть, уплаты Бѣгичеву (Степану Никитичу—100 руб.) и Нечаеву 50-ти, мнѣ слѣдовало получить 483. Но, можетъ быть, ты за 4-ую нашу книжку издержалъ болѣе, чѣмъ полагалъ: въ такомъ случаѣ прошу тебя, мой другъ, быть со мною откровеннымъ и не обижать меня умолчаніемъ сихъ издержекъ. Впрочемъ мнѣ деньги на первый случай не нужны: остальные 280 ты перешлешь мнѣ, когда тебѣ можно будетъ безъ обремененія для самого себя. Очень благодарю тебя за помѣщеніе стиховъ Баратынскаго. О моемъ междудѣйствіи ты мнѣ ничего не пишешь; пропустили-ли его ваши остроготы, или нѣтъ? Какую помѣстилъ ты музыку? Въ концѣ недѣли, если Богъ дастъ, отправляюсь въ Питеръ. Нынче у васъ въ Москвѣ пиръ горою: всѣ гуляютъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; сколько синихъ плащей, подбитыхъ краснымъ атласомъ! сколько шляпъ à la Soboleffsky! сколько галстуховъ à la Odoeffsky! воображаю! Не сер-

дись на меня; выздоравливай! Пиши ко мнѣ въ казармы Гвардейскаго экипажа. Поклонъ мой Телеграфу, Телеграфкѣ и Телеграфской родикѣ; . . . ¹⁾ Прошу еще отъ меня похристо(со)ваться съ Бѣгичевыми и съ Грибоѣдовыми: ради Бога не забудь! Прости, душа! Христосъ съ тобою. Не будь боленъ; будь веселъ и не сердись.

Твой Вильгельмъ.

№ 8. Къ главѣ XXII, стр. 311.

Романсы М. Л. Яковлева.

I. Слова барона Дельвига:

Воспламенять васъ трудъ напрасный.
Вчера вакхическихъ друзей.
Элегія. (Когда душа просилась ты).
Кудри. (На яву и въ сладкомъ снѣ).
Прекрасный день, счастливый день.
Пѣла, пѣла пташечка.
Роза. (Роза ль ты, розочка).
Сиротинушка-дѣвушка.
Куплеты къ Діону. (Сядемъ, любезный Діонъ).

II. Слова Державина:

Русскія дѣвушки. (Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тинскій).

III. Слова Жуковского:

Голосъ съ того свѣта. (Не узнавай, куда я путь
склонила).

IV. Слова Р. А. К.:

Il faut aimer.

V. Слова Пушкина:

Зимний вечеръ. (Буря мглою небо кроетъ).
Слеза. (Вчера за чашей пуншевой).
Признаніе. (Я васъ люблю, хоть я бѣшусь).

VI. Безъ указанія автора словъ:

Ахъ, какъ нынѣшняя зима.
Ахъ, не все тучамъ небо покрывать.
Кого то нѣтъ.
Пѣснь лѣности. (Лѣность, лѣность, въ честь твою).
Прости, прости, мой другъ прелестный.
Ты дитя ль мое, дитятко.

Многіе изъ этихъ романсовъ были переизданы по нѣскольку разъ на протяженіи всего XIX ст.

¹⁾ Нижний край письма (5 строкъ) оборванъ.

№ 9. Къ главѣ XV, стр. 206.

Альбомъ директора Лицея Е. А. Энгельгардта.

1.

Николай Анненскій. 25 Августа 1823.

2.

Вспомните хоть по этой строкѣ Сильверія Броглио. 1817.
8 Іюня. Лицей.

3.

Вступилъ, узналъ и полюбилъ. Александръ Бакунинъ. 1817.
8 Іюня. Воспитанникъ Лицея.

4.

Прощайте, Егоръ Антоновичъ, не забывайте гражданина
Гороховца.—Брусилова. 1820. Дек.

5.

Вы покидаете Лицей, Егоръ Антоновичъ, оставляя во мнѣ
горестное чувство разлуки; слезы льются изъ глазъ моихъ;
пусть же онѣ будутъ слезами любви и вѣчной благодарности.
Любящій Васъ всѣмъ сердцемъ В. Бухало.

6.

Судьба разлучаетъ насъ, Егоръ Антоновичъ, но въ сердцѣ
моемъ я никогда съ Вами не разстанусь, вѣчно буду помнить
Васъ, любить и почитать, и Вы всегда найдете отъ всего сердца
и души привязаннаго къ Вамъ М. Бѣлуху. 1823. 27 Ноября.

7.

Николай Баумгартенъ. 1823 года 27 Ноября.

8.

Андрей Бѣлуха. 25 Августа 1823.

9.

Иванъ Баженовъ. 27 Ноября 1823 года.

10.

Егоръ Антоновичъ! Пробѣгая листки эти вспомните и объ
Вольховскомъ. Повѣрьте ему, что онъ всей душою преданъ Вамъ
и семейству Вашему, что онъ чувствуетъ, сколько Вамъ обязанъ,

и потому сердечно любить и почитаетъ Васъ и всегда будетъ почитать и любить. (18⁸/_{VI} 17).

11.

Николай Васьковъ. 1823. Августа 25.

12.

Ежели въ продолженіи моей службы я буду имѣть какіе-нибудь успѣхи, они мнѣ напоминать будутъ, чѣмъ я Вамъ обязанъ за участіе, которое Вы оказывали при моемъ вступленіи. Я надѣюсь, что Вы не будете имѣть случай назвать Александра Воронихина неблагодарнымъ. 1823. Іюня 27-го.

13.

Ce n'est plus bonsoir ou bonne nuit, c'est adieu qu'il faut Vous dire. Eropъ Антоновичъ! Vous savez s'il m'en coûte. Je Vous ai connu et Vous ai aimé. Puissiez Vous Vous rappeler de moi avec autant de satisfaction que j'éprouverai de jouissance à me retrouver dans le temps que j'ai passé avec Vous et les Vôtres. Gortchakof. 1817.

14.

Si toute separation quelconque est déjà triste par elle-même, que ne l'est-elle davantage avec des personnes auxquelles on est lié tant par attachement inviolable, que par les sentiments du respect le plus profond et de la plus vive gratitude. Oui, Eropъ Антоновичъ, j'ose Vous assurer que ces paroles sont dictées par un coeur reconnaissant et quand même un dehors froid ne saurait les justifier, veuillez l'attribuer plutôt à un caractère malheureux, qui ne m'a privé que trop souvent de ces aimables soirées où tout le monde venait puiser la joie au sein d'une famille chérie, heureuse et bienfaisante. P. Graevenitz. Le 9 de Juin 1817.

15.

Несчастье породило насъ; роковое: прощайте уже близко! Всевышній положилъ, чтобы юныя сердца наши были въ разлукѣ съ отцемъ наставникомъ. Предсказаніе сбудется: Лицей потеряетъ свою славу и золотые дни его исчезнутъ вмѣстѣ съ потерей Отца его. Полное сердце Ваше родилось и чувствовало, Вы успѣли (позвольте сказать рѣшительно), успѣли перелить сіе священное чувство въ наши юныя, трепещущія сердца: негодованіе за неправду отзовется въ душѣ каждого друга-лицейскаго. Прощайте, директоръ мой: ибо другого у меня уже не будетъ,

простите мои ошибки, которыя столь часто Васъ огорчали и память о моемъ отцѣ-наставникѣ нигдѣ, нигдѣ не оставитъ меня. Геслингъ. 27 Ноября 1823.

16.

Николай Гиѣдичъ. 25 Августа. 1823.

17.

Сергѣй Галаховъ. 25 Августа. 1823 года.

18.

Le jour fatal où Vous nous quittez arrive. Quoique le temps que j'ai eu le bonheur de passer sous Votre conduite, était bien court, mais il a suffi pour vous faire connaître, aimer et chérir. Je me flatte que nous ne nous séparons pas pour toujours et que j'aurai un jour l'occasion de Vous donner des marques de ma reconnaissance; mais en attendant daignez de promettre de ne pas oublier celui qui Vous estimera toute sa vie. Hahn. Le 27 de Novembre. 1823.

19.

Сергѣй Деларю.

20.

Александръ Деволантъ. 27 Ноября. 1823 года.

21.

Какимъ словомъ выразить мнѣ то, что я нашелъ въ начальникѣ?—вотъ главное затрудненіе: начальникъ, благодѣтель и вмѣстѣ другъ! какъ я счастливъ, все это вижу я въ одномъ почтенномъ человѣкѣ, къ которому привязанность продлится безъ всякаго сомнѣнія до конца существованія моего.—Онъ знаетъ меня, я открылъ ему мое сердце, его слабости, пусть скажетъ онъ теперь: перемѣнюсь ли я къ нему или нѣтъ?—Ужасная мысль!—Нѣтъ! или я буду всегда достоинъ имени, которое ношу послѣднія уже минуты, или никогда взоръ его не увидитъ недостойнаго прежней любви.

Милое—родное семейство—не забудьте того, который Васъ нелицемѣрно, искренно любитъ; онъ будетъ далеко отъ Васъ, но отдаленность не помѣшаетъ ему часто вспоминать о прежнемъ времени, проведенномъ въ вашемъ кругѣ. Сохраните между вами имя мое, которымъ любезнѣйшая женщина въ свѣтѣ такъ близко соединила меня съ дѣтьми своими, повторяйте его изъ года въ годъ—и буду доволенъ.

Обращаюсь опять къ вамъ, другъ юности моей! Забудьте мои слабости, мои минутныя заблужденія; нѣтъ! лучше пожалѣйте меня, дайте мнѣ новыя наставленія и положитесь на время, оно исполнитъ повелѣнія мудраго разсудка.

Ils viendront ces paisibles jours,
Ces moments du réveil où la raison sévère
Dans la nuit des erreurs fait briller sa lumière,
Et dissipe à nos yeux le songe des Amours.
Le temps qui d'une aile légère
Emporte en se jouant nos goûts et nos penchants,
Mettra bientôt le terme à mes égarements.
O mon ami! alors échappé de ses chaînes,
Et guéri de ses longues peines
Ce cœur qui Vous trahit volera vers Vous.
Sur votre expérience appuyant ma faiblesse
Peut-être je pourrai d'une folle tendresse
Prévenir les retours jaloux
Sur les plaisirs de mon aurore.
Vous me verrez tourner les yeux mouillés de pleurs,
Soupirer malgré moi, rougir de mes erreurs,
Et même en rougissant les regretter encore.

Семень Есаковъ. Царское село. 1817 года. 7 Іюня.

22.

В. Энгельгардтъ. 25 Августа 1823 года.

23.

Семень Жеребцовъ. 25 Августа 1823 года.

24. •

На всю жизнь вѣрный лицейскій Дмитрій Замятинъ. Августа 25-аго дня 1823 года.

25.

Честъ, благородное въ любви соревнованье
Невольню чтить велятъ наставниковъ своихъ.
Но наше право гдѣ на ихъ воспоминанье?
Щастливъ кто памятникъ оставилъ въ сердцахъ ихъ!
Алексѣй Илличевскій. 8-го Іюня 1817.

26.

Mit schwerem Herzen ergreife ich die Feder, guter Egorъ Антоновичъ, um ihnen ein ewiges Leb'wohl zu sagen. Wir scheiden jetzt

auf fernen Wegen, ich werde vielleicht nicht mehr das Glück haben ihre warnende Stimme zu vernehmen, ihre guten Lehren sind aber tief in mein dankbares Herz geschrieben. Gott gebe, dass ich beim Wiedersehen ihnen froh ins Auge blicken, und mit reinem Gewissen sagen könnte: mein Wohlthäter, ich bin ein guter Mensch geworden. Zarskoe-Selo den 27-ten Nowember 1823. Alexander Üxküll.

27.

Перебирая въ Альбомѣ листки, могу надѣяться, что не пропустите и того, въ которомъ есть Васъ любящій по смерти. Константинъ Костенскій.

28.

Бду въ Римъ, почтенный и любезный Егоръ Антоновичъ, Богъ знаетъ, вернусь ли,—Богъ знаетъ, увижу ли опять мѣста, гдѣ провелъ много счастливыхъ и пріятныхъ дней, подъ вашимъ начальствомъ. Теперь могу сказать, не боясь, чтобы слова мои приписаны были какимъ-нибудь личнымъ видамъ, что истинныя отеческія попеченія Ваши и милости ко мнѣ будутъ записаны по гробъ въ душевной книгѣ моей, и что до послѣдней минуты будетъ помнить Васъ Вамъ сердцемъ преданный Н. Корсаковъ. 20 Ноября. 1819.

29.

Sie, geliebter Egorъ Антоновичъ, Ihre mir erwiesenen Wohlthaten, und die schönen Tage, die ich mit Ihnen verlebte, sind unauslöschlich in meinem Herzen eingegraben. Erinnern Sie Sich auch zuweilen an Ihren Sie von ganzem Herzen liebenden L. Kotzebue. Zarskoe-Selo den 27-ten November, 1823.

30.

Баронъ Модестъ Корфъ. 10 Іюня. 1817 г. Царское Село.

31.

Баронъ Юлій Корфъ. 1823-го года. 27-го Ноября.

32.

Не имѣю надобности описывать вамъ моей благодарности — довольно и того, что она хранится въ моемъ сердцѣ и сія самая благодарность будетъ служить вѣрнымъ залогомъ моей къ вамъ любви и привязанности. Козельскій. 1823-го года 27-го Ноября.

33.

Модестъ Карамышевъ. 25 Августа 1823 года.

34.

Александръ Крузенштернъ. 27 Ноября. 1823-го года.

35.

Zwar kurze Zeit habe ich das Glück gehabt von Ihnen geleitet und, was mir noch mehr ist, von Ihnen väterlich geliebt zu werden. Wie ein süsßer Traum sind auch sie nun dahin geflossen, die Paar goldnen Jahre und es schlägt bald die traurige Stunde, welche das unerforschliche Schicksal zu unserer Trennung bestimmte..... «Aber nicht auf immer sollen wir uns trennen», so sagten Sie mir selbst in den Zeilen, die Sie mir, theuerster und liebster Егоръ Антоновичъ, zum Andenken nachgelassen haben. Mögten Sie sich bei der Erinnerung an Ihre dankbaren und von Ihnen beglückten Zöglinge, auch meiner erinnern und mögte ich mich einst Ihrer Liebe würdig erweisen: dieses ist mein Wunsch bei unserer Trennung. Sie bleiben immer in meinem Herzen, theuerster und bester Егоръ Антоновичъ. Dmitri Köhler. Zarskoe Selo, den 27 November 1823.

36.

Иванъ Капгеръ. 1823. 25 Августа. Царское Село.

37.

Le poids des bienfaits est pénible à supporter—mais il est doux de devoir à l'amitié. Tu m'as procuré plus d'un an de bonheur et de plus l'espérance de l'être toute ma vie, car tu m'as tracé le chemin qui mène à la félicité. J'étois content, j'étois tranquille, quand tes conseils dirigeoient mes pas, quand ta sagesse suppléoit à mon insuffisance, quand ton oeil calme maîtrisoit les mouvements impétueux d'un coeur prompt à s'enflammer. Temps que j'ai passé sous le toit de l'amitié! Courts moments de félicité, qui m'avaient consolé de l'absence de mes parents les plus chers, pouvois-je croire que vous deviez vous envoler avec une telle rapidité? Soirées charmantes, entretiens instructifs, épanchements délicieux vous n'existez donc plus que dans mon coeur! Terrible réalité tu détruis mon bonheur. Que vais-je devenir tu ne m'abandonneras pas; tes conseils me guideront toujours, tu veilleras sur moi. O mon bienfaiteur, mon véritable ami! Je dois m'arracher de tes bras. Combien de sentiments m'agitent à présent. La douleur, les larmes qui boignent mon visage en vous traçant ces lignes m'empêchent de continuer. Reçois donc la juste tribut de ma sincère reconnaissance. Puissé-je pouvoir surtout te la témoigner en me rendant chaque jour plus digne de son amitié! Adieu donc, ô mon guide, ô mon ami. Je ne cesserai de faire des vœux pour ta félicité.—

Adieu. Dieu Protecteur veille sur lui! Votre dévoué ami S. Lomossoff. 1817.—7 Juin. Sarskoïé-Sélo. Lycée-Impérial.

38.

Егоръ Антоновичъ! За благодаренія нельзя заплатить ничѣмъ на свѣтѣ; но долгъ и чувства велятъ намъ помнить и благодарить Благодарителей. Богъ награждаетъ ихъ за насъ. Не забудьте *Старика*, Е. А. и М. Я. ¹⁸²⁰ _{23 Іюля}

39.

Александръ Липхартъ. 25 Августа 1823-го года.

40.

Егоръ Антоновичъ! Лучшую, можетъ статья счастливѣйшую часть моей жизни провелъ я въ Лицеѣ,—и находясь подъ Вашимъ начальствомъ увѣрился, что *повиновение* и *должность* могутъ быть несравненно пріятнѣе самой *независимости*. Теперь оставляю мѣсто моего воспитанія осыпанный Вашими благодареніями, и питаю сладкую для меня надежду, что Вы не усумнитесь въ вѣчной непритворной къ Вамъ благодарности Дмитрія Маслова.

41.

Alles, was ich Ihnen nicht schreiben kann, ist nicht im Stande das auszudrücken, was ich fühle.—Nie, nie, Егоръ Антоновичъ, werde ich alle die Wohlthaten, die Sie mir erzeugt haben, vergessen. — Nie werde ich den 6-ten Juny vergessen.—Friedrich Matüschkin. den 30-ten July 1817. und den 8-ten September 1819-ro, wo ich wieder das Glück gehabt habe zurück zu kommen.—Adieu wieder auf zwei Jahr. den Aug. 825 ²).

42.

Не возмогу забыть я сладостныхъ часовъ,
Которы, какъ струи златыя, пробѣгали,
Въ которы чуждъ я былъ и скуки и печали.
Не позабуду я пріятства вечеровъ,
Въ бесѣдахъ дружбы проведенныхъ,
Или мечтаніямъ безмолвнымъ посвященныхъ,
И тихой музыки волшебной, сладкой звукъ,
Кѣмъ часто преношусь въ страны воображенья,
Останется въ душѣ—и средь ужасныхъ мукъ
Миѣ будетъ голосомъ любви и утѣшенья.

¹⁾ Егоръ Антоновичъ и Марія Яковлевна Энгельгардтъ.

²⁾ Подъ записью рисунокъ трехмачтоваго судна подъ парусами.

Когда же увлеченъ
Волною бурной жизни,
Я буду удаленъ
Отъ васъ и отъ отчизны;
Какъ мѣсто между васъ
Займетъ другой щастливой,
Ужель въ пріятной часъ
Веселости игривой
Не вспомните меня
Вы мыслью ни одною?
Ужель съ разлуки дня
И сердцемъ и душою
Я буду одинокъ!...

Быть можетъ! Грустная мысль!...

Но прочь отъ насъ мечтанія!

Примите отъ души неистовныя желанія,

Чтобъ жизни вашей токъ

Печали не мутили

И чтобъ всякой часъ

Вы такъ щастливы были,

Какъ я былъ среди васъ.

Je prends mon bien partout où je le trouve. Иванъ Малинов-
ской. 8 Юли. 1817 года. Царское Село.

43.

Александръ Мартиновъ. Августа 26-го дня 1823-го года.

44.

Пробудь часъ торжести! и скоро на разлуку
Съ прощальною слезой подишь мнѣ мотна руку;
Отторжанный отъ насъ таинственной судьбой,
Повиснешь скоро на безмечни наши сѣни!
А я въ мечтахъ вѣкъ буду жить съ тобою,

И вѣчно обратъ твой,

Какъ и вѣкъ добрый Геній.

Носиться будетъ предо мной!

Но слаби для тебя мои изображенья,

Что сердце чувствуется скоро не начертить;

Благоустроенія твои и начертанія

Наше сердца мотомъ ничто не постробитъ!

Но снмъ строкать аотъ исполните вѣчно предавшего Васъ.

Н. Меринаго. 1823. 27-го Нюбрѣ.

177

45.

Прощайте, Егоръ Антоновичъ! не забывайте Вамъ сердцемъ преданнаго Н. Местмахера. 18^{II}₂₇ 23.

46.

Андрей Малиновскій. 25 Августа 1823.

47.

Карлъ Миллеръ. 27 Ноября 1823.

48.

В. Неклюдовъ. 1823-го Августа 25.

49.

Левъ Нарышкинъ. 1823-го года 27-го Ноября.

50.

Сергѣй Озеровъ. 1823 года 27 Ноября.

51.

Пріятно мнѣ думать, что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между именами молодыхъ людей, которые обязаны Вамъ счастливѣйшимъ годомъ жизни ихъ, вы скажете: въ Лицеѣ не было неблагодарныхъ. Александръ Пушкинъ.

52.

Оставляя *Лицей*, сей гостепріимный кровъ, гдѣ среди тишины и безопасности наслаждался молодою жизнію, я спѣшу изъявить живое непритворное чувство благодарности за ваши обо мнѣ незабвенныя попеченія.—Благодарность есть память сердца.—Мелькнутъ два, три мѣсяца, и питомцы Лицея будутъ разбросаны судьбою по всѣмъ дорогамъ міра, но будьте увѣрены, Егоръ Антоновичъ, что мы подобно Іудеямъ станемъ душою всегда стремиться къ своему—Іерусалиму, и среди шума откровенной Дружбы, и волненій гордыхъ думъ. И. Познякъ. 1820-го 24-го Маія.

53.

Николай Пашенко. 1823-го года 27-го Ноября.

54.

1823 года 25 Августа. Михайло Поповъ.

55.

Константинъ Рихтеръ.

56.

Иванъ Рашетъ, 1823, Авг. 25.

57.

Федоръ Розень 1823-аго года 27-аго Ноября.

58.

Александръ Рихтеръ. 1823 года. 28 Ноября.

59.

Александръ Ригмейстеръ. 27 Ноября 1823.

60.

Вспоминайте иногда и о истинно любящемъ васъ Петрѣ Саврасовѣ 18го _{VI} 17.

61.

Wer die innersten Tiefen der Seele durchschaute und nach ihren Gefühlen den Jungling beurtheilte; der wird auch in seinem Herzen die Empfindungen gewahr werden, welche die schwere Stunde der Trennung von denen, welche er schätzet und liebet, in ihm erwecket, und welche durch Worte nimmer, besonders bei der letzten Umarmung, wo das Herz nur durch Thränen redet, auszudrücken im Stande sind. Friedrich Steven. Den 11-ten Juni 1817.

62.

Вѣрите, Вы всегда найдете во мнѣ одного Савича.

63.

Аполлирій Спафарьевъ. 1823 года 27 Ноября.

64.

Вспоминайте, Егоръ Антоновичъ, что и Смирновъ находится въ числѣ тѣхъ, кои любятъ и почитаютъ васъ. 1823 года 27 Ноября.

65.

Юліанъ Уляновскій. 1823 года. Августа 25-го.

66.

Сергѣй Фаминцынъ. 25 Августа 1823-го.

67.

Пожаръ разсѣялъ насъ, Егоръ Антоновичъ! Выпускъ нашъ былъ слѣдствіемъ ужаснаго нещастія! Да послужить это къ большому соединенію Вашихъ воспитанниковъ. Глядя на голыя стѣны Лицея, я непритворно проливалъ слезы, оставляя въ 1-й разъ моего друга и благодѣтеля, находилъ какую-то неблагодарность бѣжать скоро изъ того мѣста, которое такъ долго пеклось о нашемъ щастіи, оставить дымящимся Лицей . . . , но мнѣ повелѣно было явиться въ шумную столицу.—Я люблю Лицей, Вы приучили меня цѣнить его, но безъ Васъ я бы мало имѣлъ пріятныхъ о немъ воспоминаній, ибо только въ Вашемъ домѣ я былъ истинно щастливъ, забывалъ возлѣ Васъ, что у меня нѣтъ отца, и что болѣе шести лѣтъ я не видалъ Матери. Теперь, прощаясь съ Лицеємъ, скажу Вамъ, что Ваше семейство будетъ вѣчно для меня столь же дорого, какъ и свое собственное и что Вы не ошибегесь, ежели не перестанете любить меня какъ того, который почитаетъ Васъ за лучшаго друга, наставника и благодѣтеля. Прощайте, Егоръ Антоновичъ и Марья Яковлевна, вспоминайте *au clair de la lune* о вашемъ вѣрномъ Pierrot. 15 Іюля 1820 ¹⁾.

68.

Шесть лѣтъ провелъ я въ Лицеѣ отчасти весело, отчасти весьма непріятно, но послѣдній годъ заставилъ меня забыть прошедшее. Признаюсь вамъ, что время сіе, проведенное мною въ ~~самомъ святомъ соединеніи~~ ^{въ Лицеѣ}, почитаю я теперь однимъ изъ щастливѣйшихъ въ моей жизни. Оно уже невозвратно, но сладкое объ немъ воспоминаніе вѣчно будетъ храниться въ груди моей. Вообразите же, Егоръ Антоновичъ, чего стоитъ мнѣ разстаться съ тѣмъ, котораго почитаю и всегда буду почитать единственнымъ ~~благодѣтелемъ моего щастія~~ ^{благодѣтелемъ моего щастія}. Получивъ позволеніе посѣщать домъ его, я вскорѣ увидѣлъ себя посреди щастливѣйшаго въ свѣтѣ семенства, и сердце мое познало, сколь трудно питать одинаковыя чувства къ двумъ равно драгимъ предметамъ, съ коими судьба не позволяетъ быть вмѣстѣ. Тутъ пробудилось во мнѣ одно изъ

¹⁾ Pierrot (Пьеротъ) въ Писемъ писателя рисунка деревенскаго помѣщика отъ 1 декабря 1822. Шенниковъ.

²⁾ *Chacun son tour* — изъ прощальной пѣсни лиценстовъ — барона Денани.

благороднѣйшихъ чувствъ, которое имѣло и всегда будетъ имѣть благотѣльнѣйшее вліяніе на мой характеръ. О естлибъ я могъ удостоиться когда либо того щастія, коимъ многіе давно уже пользовались, естлибъ исполнилось единственное мое желаніе—свободно открывать вамъ мои чувства: тогда бы для совершеннаго моего щастья оставалось только то, чтобы обстоятельства не препятствовали мнѣ неразлучно провести всю жизнь мою съ двумя равно для меня драгоцѣнными семействами. Для нихъ охотно бъ согласился я оставить и шумный свѣтъ, и всѣ его непостоянныя удовольствія, и глухая пустыня была бъ неоцѣненнымъ для меня сокровищемъ. Простите моей болтливости, вы сами, Егоръ Антоновичъ, виноваты, что это сдѣлалось во мнѣ закоренѣлою страстью.

III, ъ, а, к, в.

69.

Коллегіи Секретарь Яковлевъ.

№ 10. Къ главѣ XIX, стр. 274.

Увѣдомленіе.

Главный Директоръ Пажескаго и Кадетскихъ Корпусовъ имѣетъ честь извѣстить, что по случаю предполагаемаго по Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ переобразования Царскосельскаго Благороднаго пансіона, въ коемъ будетъ весьма ограниченное число воспитанниковъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ предоставлено родителямъ и родственникамъ молодыхъ дворянъ, числящихся нынѣ кандидатами Царскосельскаго Благороднаго пансіона, просить теперь же о помѣщеніи ихъ въ другія учебныя заведенія по собственному ихъ усмотрѣнію, исключая Пажескаго Корпуса, въ которомъ не только нѣтъ вакансій, но даже находится довольное число пажей, сверхъ комплекта, а потому благоволятъ родители и родственники означенныхъ кандидатовъ доставить въ Хозяйственное Правленіе Императорскаго Царскосельскаго Лицея (состоящее въ Царскомъ Селѣ) въ теченіе шести мѣсяцевъ, считая со дня сей публикаціи, вышеупомянутое свѣдѣніе, по минованіи какового срока не доставившіе отзывовъ будутъ представлены къ исключенію ¹⁾.

¹⁾ Прибавленіе № 47 къ СПбургскимъ Вѣдомостямъ. Понедѣльникъ, Февраля 25 дня 1829 г.

№ 11. Къ главѣ XXXII, стр. 437.

Отношеніе военнаго министра ген.-адъют. гр. Чернышева къ министру юстиціи д. т. с. Блудову, 24 ноября 1839 г.¹⁾

Господину министру юстиціи.

Его Императорское Высочество Главный Начальникъ Военно-учебныхъ заведеній, принимая во вниманіе, что по новому положенію объ Училищѣ Правовѣдѣнія, Высочайше утвержденному въ 27 день Іюля 1838 года, дарованы служащимъ при ономъ гражданскимъ чиновникамъ нѣкоторыя преимущества, коихъ не имѣетъ Царскосельскій Лицей, и, основываясь на § 194 сего положенія, по коему Училище Правовѣдѣнія въ правахъ и преимуществахъ своихъ равняется съ Лицеемъ, вошелъ съ представленіемъ о распространеніи на сей послѣдній тѣхъ же преимуществъ, коими пользуется Училище Правовѣдѣнія и которыя состоятъ: 1) въ томъ, что гражданскіе чиновники онаго получаютъ большіе оклады жалованья, 2) что нѣкоторыя изъ должностей положены въ высшихъ классахъ, 3) что попечитель онаго имѣетъ право соединять разныя должности въ одномъ лицѣ, назначая жалованье за каждую должность, и, наконецъ, 4) что гражданскимъ чиновникамъ за 25 лѣтъ службы производится въ пансіонъ полный окладъ содержанія, какое они получали, тогда какъ служащіе при Лицѣ пользуются этимъ правомъ только по прошествіи 35 лѣтъ.

По всеподданнѣйшему докладу о семъ, Государь Императоръ замѣтитъ извоилъ, что Его Величеству совершенно неизвѣстны причины, по коимъ Училищу Правовѣдѣнія присвоены преимущества, Царскосельскому Лицею не предоставленныя, тогда какъ Его Императорскимъ Величествомъ повелѣно было заведеніе это сравнить съ Лицеемъ.

Вслѣдствіе сего Государю Императору благоугодно, дабы Ваше Высокопревосходительство довели до Высочайшаго свѣдѣнія, какъ объ уваженіяхъ по коимъ допущены въ Уставѣ Училища Правовѣдѣнія вышеозначенныя отступленія отъ Устава Лицея, такъ равно и о мѣрахъ, какія, по мнѣнію Вашему, Милостивый Государь, могутъ быть приняты къ сравненію обоихъ этихъ заведеній

¹⁾ Изъ дѣла министерства юстиціи «относительно сравненія Царскосельскаго Лицея въ правахъ и преимуществахъ съ Императорскимъ Училищемъ Правовѣдѣнія», хранящагося въ Сенатскомъ Архивѣ, 1839 годъ, № 79.

во всѣхъ отношеніяхъ согласно съ Высочайшею волею, состоявшеюся при самомъ учрежденіи Училища Правовѣдѣнія, и самымъ его Уставомъ.

Высочайшую волю сію имѣю честь сообщить Вашему Высочайшему Велѣтельству.

Военный министръ генераль-адъютантъ графъ Чернышевъ.

Списокъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея.

І К У Р С Ъ.

выпускъ 1817 г.

Съ чиномъ IX класса:

Горчаковъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ, малая золотая медаль. Родился 16 іюня 1798 г. Умеръ 27 февраля 1883 г. Государственный Канцлеръ.

Масловъ, Дмитрій Николаевичъ, серебряная медаль. Умеръ 13 февраля 1856 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности директора департамента разныхъ податей и сборовъ.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, серебряная медаль. Умеръ 11 августа 1846 г. въ Тобольскѣ.

Ломоносовъ, Сергѣй Григорьевичъ, серебряная медаль. Умеръ въ своемъ имѣніи Санъ Данелло, близъ Флоренціи, 13 октября 1857 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Нидерландскомъ Дворѣ.

Корсаковъ, Николай Александровичъ, серебряная медаль. Умеръ 26 сентября 1820 г. въ чинѣ титулярнаго совѣтника, состоялъ при миссіи въ Тосканѣ.

Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ, серебряная медаль. Родился 11 сентября 1800 г. Умеръ 2 января 1876 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званіи статсъ-секретаря и должности предсѣдателя департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Стевенъ, Ѳедоръ Христіановичъ. Умеръ 12 августа 1851 г. въ Остенде въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности товарища министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго.

Комовскій, Сергѣй Дмитриевичъ. Умеръ 8 іюля 1880 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта.

Гревеницъ, баронъ Павелъ Ѳедоровичъ. Умеръ 10 мая 1847 г. въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности чиновника особыхъ порученій канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Х класса:

Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Умеръ въ чинъ адмирала и званіи сенатора 16 сентября 1872 г.

Илличевскій, Александръ Демьяновичъ. Умеръ 8 октября 1837 г.

Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ. Умеръ 4 января 1868 г. въ чинъ тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Юдинъ, Павелъ Михайловичъ. Умеръ 28 января 1859 г. въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности управляющаго С.-Петербургскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Родился въ Москвѣ 26 мая 1799 г. Умеръ въ С.-Петербургѣ 29 января 1837 г.

Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ. Умеръ 14 января 1831 г.

Костенскій, Константинъ Дмитриевичъ. Умеръ осенью 1830 г. Служилъ въ министерствѣ финансовъ.

Мартыновъ, Аркадій Ивановичъ. Умеръ 2 мая 1850 г. въ чинъ статскаго совѣтника и должности начальника отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія.

Офицеры гвардіи:

Вольховскій, Владиміръ Дмитриевичъ, большая золотая медаль. Умеръ 7 марта 1841 г. въ чинъ генералъ-маіора въ отставкѣ.

Есаковъ, Семенъ Семеновичъ, серебряная медаль. Умеръ въ чинъ полковника въ апрѣлѣ 1831 года.

Пущинъ, Иванъ Ивановичъ. Умеръ 3 апрѣля 1859 г. въ имѣніи Марьино, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи.

Саврасовъ, Петръ Ѳедоровичъ. Умеръ въ чинъ полковника въ 1831 году.

Корниловъ, Александръ Алексѣевичъ. Родился 28 апрѣля. 1801 г. Умеръ 5 августа 1856 г. въ чинъ тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Банунинъ, Александръ Павловичъ. Умеръ 25 августа 1862 г. въ чинъ тайнаго совѣтника и должности Тверскаго губернатора.

Малиновскій, Иванъ Васильевичъ. Умеръ 10 февраля 1873 г. въ чинъ полковника въ отставкѣ.

Офицеры арміи:

Данзасъ, Константинъ Карловичъ. Умеръ 3 февраля 1870 г. въ чинѣ генераль-маіора.

Ржевскій, Николай Григорьевичъ. Умеръ осенью 1817 г.

Мясоѣдовъ, Павелъ Николаевичъ. Умеръ 3 ноября 1868 года въ отставкѣ.

Тырковъ, Александръ Дмитріевичъ. Умеръ въ чинѣ штабс-ротмистра въ отставкѣ 7 ноября 1843 года.

Броглио, графъ Сильверій. Умеръ.

И И У Р С Ъ.

выпускъ 1820 г.

Съ чиномъ IX класса:

Загрянскій, Василій Васильевичъ, большая золотая медаль Умеръ; служилъ въ правительствующемъ сенатѣ.

Дубенскій, Павелъ Ивановичъ, малая золотая медаль. Умеръ 27 октября 1871 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности члена ученаго комитета министерства финансовъ.

Данзасъ, Борисъ Карловичъ. Умеръ 18 октября 1868 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Чарнышъ, Михаилъ Николаевичъ. Умеръ.

Савичъ, Николай Ивановичъ, 2-я серебряная медаль. Умеръ 28 мая 1892 г. въ Одессѣ, былъ директоромъ Одесскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

Угрюмовъ, Александръ Ивановичъ. Умеръ въ должности столоначальника департамента разныхъ податей и сборовъ.

Безанъ, Константинъ Павловичъ. Умеръ 27 апрѣля 1845 г. въ должности оберъ-прокура правительствующаго сената.

Молчановъ, Николай Николаевичъ. Умеръ; служилъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Нумерсъ, Логгинъ Ѳеодоровичъ. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника и должности предсѣдателя Тифлисской палаты уголовного и гражданскаго суда.

Лангеръ, Валеріанъ Платоновичъ. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника и должностяхъ почетнаго вольнаго общника Императорской академіи художествъ и чиновника особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія.

X класса:

Яхонтовъ, Петръ Васильевичъ. Умеръ 4 октября 1858 года.

Пальчиковъ, Владиміръ Петровичъ. Умеръ 27 апрѣля 1842 г. въ чинѣ статскаго совѣтника и должности вице-директора департамента министерства юстиціи.

Познякъ, Иванъ Дмитріевичъ. Умеръ.

Эристовъ, князь Дмитрій Александровичъ. Умеръ 9 октября 1858 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Шабельскій, Ахиллесъ Павловичъ. Умеръ въ 1856 году. Состоялъ секретаремъ Россійской миссіи въ Филадельфіи.

XII класса:

Орлай-де-Карво, Михаилъ Ивановичъ. Умеръ въ чинѣ генераль-лейтенанта.

Офицеры гвардіи:

Подлиневъ, Сергѣй Николаевичъ, серебряная медаль. Умеръ. Служилъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ.

Ханыковъ, Николай Дмитріевичъ. Умеръ въ 1861 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіи почетнаго опекуна Московскаго опекунскаго совѣта.

Брусиловъ, Николай Николаевичъ. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Микулинъ, Ларіонъ Васильевичъ. Умеръ. Служилъ въ Преображенскомъ полку.

Харламовъ, Михаилъ Николаевичъ. Умеръ въ отставкѣ въ чинѣ полковника.

Васильчиковъ, Александръ Михайловичъ. Умеръ. Служилъ въ л.-гв. Гренадерскомъ полку.

Офицеры арміи:

Семеновъ, Василій Николаевичъ. Умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности члена военно-учебнаго комитета.

Гнѣдичъ, Алексѣй Петровичъ. Умеръ въ 1874 г. въ Кременчугѣ, въ чинѣ ротмистра въ отставкѣ.

Ивановскій, Петръ Осиповичъ. Умеръ. Служилъ въ карабинерномъ полку.

III курсъ.

выпускъ 1823 г.

Съ чиномъ IX класса:

Убри, Сергѣй Павловичъ, малая золотая медаль. Умеръ. Состоялъ при миссіи въ Мадридѣ.

Бѣлуха-Кохановскій, Андрей Андреевичъ, серебряная медаль. Умеръ.

Замятнинъ, Дмитрій Николаевичъ, серебряная медаль. Родился въ Нижегородской губ. 31 января 1805 г. Умеръ въ С.-Петербургѣ 19 октября 1881 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіяхъ члена Государственнаго Совѣта, сенатора и почетнаго опекуна.

Жадовскій, Анатолій Евстафьевичъ, серебряная медаль. Умеръ въ Царскомъ Селѣ въ 1871 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника въ отставкѣ.

Ульяновскій, Юліанъ Семеновичъ. Умеръ. Состоялъ при комиссіи, учрежденной при коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Рашетъ, Иванъ Карловичъ. Умеръ 28 января 1865 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должностяхъ сенатора и члена комиссіи прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ.

Х класса:

Васьковъ, Николай Ивановичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Энгельгардтъ, Максимъ Егоровичъ. Умеръ 31 марта 1858 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности директора Варшавскаго банка.

Капгеръ, Иванъ Христіановичъ. Умеръ 24 мая 1867 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Мартыновъ, Александръ Ивановичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Гнѣдичъ, Николай Петровичъ. Умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности дѣлопроизводителя канцеляріи министерства Императорскаго Двора.

ХІІ класса:

Воронихинъ, Александръ Андреевичъ. Умеръ въ 1835 году въ чинѣ лейтенанта флота.

Поповъ, Михаилъ Николаевичъ. Умеръ; служилъ въ министерствѣ финансовъ.

Офицеры гвардіи:

Малиновскій, Андрей Васильевичъ, большая золотая медаль. Умеръ 25 мая 1851 г. въ Алупкѣ, въ отставкѣ.

Анненскій, Николай Николаевичъ, серебряная медаль. Умеръ 24 мая 1880 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Карамышевъ, Модестъ Дмитріевичъ. Умеръ 8 ноября 1880 г. въ чинѣ полковника въ отставкѣ. Былъ Порховскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Служилъ въ л.-гв. Кирасирскомъ полку.

Фаминцынъ, Сергѣй Андреевичъ. Умеръ 14 марта 1879 г. въ чинѣ статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Энгельгардтъ, баронъ Василій Богдановичъ. Умеръ въ 1870 г. въ чинѣ генераль-лейтенанта и должности командира л.-гв. Драгунскаго полка.

Рихтеръ, Константинъ Борисовичъ. Умеръ въ чинѣ полковника въ отставкѣ.

Галаховъ, Сергѣй Павловичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности почетнаго члена Таврическаго губернскаго попечительства дѣтскихъ приютовъ.

Жеребцовъ, Семенъ Николаевичъ. Умеръ 18 сентября 1881 г. въ чинѣ полковника въ отставкѣ. Былъ почетнымъ мировымъ судьей.

Липгартъ, Александръ Александровичъ. Умеръ въ чинѣ полковника въ отставкѣ.

Офицеры арміи:

Неклюдовъ, Василій Николаевичъ. Умеръ въ имѣніи Ржевка, Корочанскаго уѣзда, 29 сентября 1859 г. въ чинѣ поручика въ отставкѣ.

Кондратьевъ, Сергѣй Алексѣевичъ. Умеръ 29 сентября 1823 г. передъ актомъ выпуска.

КУРСЪ

выпускъ 1826 г.

Съ чиномъ IX класса:

Келеръ, Дмитрій Егоровичъ, большая золотая медаль. Умеръ 2 августа 1839 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника и должности чиновника для иностранной переписки при военномъ министрѣ.

Ганъ, Евгенийъ Ѳедоровичъ, серебряная медаль. Умеръ въ С.-Петербургѣ 6 декабря 1874 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Корфъ, баронъ Юлій Ѳедоровичъ, серебряная медаль. Умеръ 23 мая 1876 г. въ Царскомъ Селѣ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности предсѣдателя С.-Петербургскаго коммерческаго суда.

Бѣлуха-Кохановскій Михаилъ Андреевичъ, серебряная медаль. Умеръ 8 января 1891 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Коцебу, Карлъ Евстафьевичъ, серебряная медаль. Умеръ 9 іюня 1896 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Состоялъ въ вѣдомствѣ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ.

Икскуль, баронъ Александръ Карловичъ, серебряная медаль. Умеръ 21 апрѣля 1880 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должностяхъ члена попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ и попечителя Александровской больницы въ память 19-го февраля 1861 г.

Бухало, Василій Ивановичъ. Умеръ. Служилъ въ министерствѣ юстиціи.

Рихтеръ, Александръ Борисовичъ. Умеръ 16 апрѣля 1859 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Бельгійскомъ Дворѣ.

Пашенко, Николай Семеновичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Состоялъ при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ.

Крузенштернъ, Александръ Ивановичъ. Умеръ 7 іюня 1888 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіяхъ сенатора и члена Государственнаго Совѣта Царства Польскаго.

Геслингъ, Николай Николаевичъ. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Х класса:

Смирновъ, Степанъ Ивановичъ. Умеръ 15 мая 1868 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должностяхъ члена коммиссіи провинцій, на Высочайшее Имя приносимыхъ.

Розень, баронъ Федоръ Федоровичъ. Умеръ 16 февраля 1854 г. въ Одессѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности председателя попечительнаго комитета объ иностранныхъ посѣщеніяхъ южнаго края Россіи.

Х класса:

Козельскій, Михаилъ Ивановичъ. Умеръ.

Нарышкинъ, Левъ Кирилловичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 19 сентября 1855 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности члена совѣта министровъ финансовъ.

Офицеры гвардіи:

Спафарьевъ, Аполлинарій Леонтьевичъ, малая золотая медаль. Умеръ въ 1835 г. за границей въ чинѣ полковника гвардейской артиллеріи.

Озеровъ, Сергѣй Петровичъ, серебряная медаль. Умеръ 2 октября 1884 г. въ чинѣ генерала отъ инфантеріи и званіи почетнаго опекуна.

Мертваго, Николай Дмитріевичъ. Умеръ въ Казани въ чинѣ статскаго совѣтника и должности члена Московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта министра финансовъ.

Баумгартенъ, Николай Карловичъ. Умеръ 19 іюня 1886 г. въ чинѣ генерала отъ кавалеріи.

Деволантъ, Александръ Францовичъ. Умеръ въ чинѣ полковника въ отставкѣ.

Баженовъ, Иванъ Александровичъ. Умеръ въ чинѣ штабсъ-ротмистра и должности Слонимскаго городничаго.

Местмахеръ, баронъ Николай Ѳедоровичъ. Умеръ 13 іюля 1855 г. въ Брестѣ въ чинѣ капитана въ отставкѣ.

Ритмейстеръ, Александръ Вильгельмовичъ. Умеръ. Состоялъ при Московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ.

Офицеръ арміи:

Миллеръ, Карлъ Карловичъ. Умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

У к у р с ъ

выпускъ 1829 г.

Съ чиномъ IX класса:

Фроловъ, Ѳедоръ Степановичъ, большая золотая медаль. Умеръ 17 апрѣля 1853 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности производителя дѣлъ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ.

Чевати, Константинъ Степановичъ, малая золотая медаль. Умеръ 28 іюня 1862 г. въ чинѣ статскаго совѣтника и должности генеральнаго консула въ Ливорно.

Шванебахъ, Христіанъ Антоновичъ, малая золотая медаль. Умеръ 18 мая 1872 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должностяхъ: чиновника особыхъ порученій при Его Императорскомъ Высочествѣ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и директора С.-Петербургской сберегательной кассы.

Деларю, Михаилъ Даниловичъ, серебряная медаль. Умеръ 24 февраля 1868 г. въ Харьковской губ. въ чинѣ коллежскаго совѣтника въ отставку.

Потаповъ, Петръ Львовичъ, серебряная медаль. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника въ отставку.

Рунтешель, Романъ Карловичъ, серебряная медаль. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставку.

Реймерсъ, Алексѣй Евстафьевичъ, серебряная медаль. Умеръ, до 1831 года; служилъ въ министерствѣ финансовъ.

Торнау, баронъ Николай Егоровичъ. Умеръ 17 апрѣля 1878 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника въ отставку. Былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Булгановъ, Петръ Ивановичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности директора Оренбургскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета.

Мещерскій, князь Александръ Васильевичъ. Умеръ въ 1901 г. въ должности шталмейстера Двора Ея Императорскаго Высочества великой княгини Екатерины Михайловны.

Х класса:

Нумерсъ, Алексѣй Ѳедоровичъ. Умеръ въ Англіи въ маѣ 1887 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности управляющаго Дворомъ Ея Императорскаго Высочества великой княгини Екатерины Михайловны.

Митусовъ, Петръ Степановичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 26 февраля 1901 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника въ отставку.

ХII класса:

Бодиско, Константинъ Николаевичъ. Умеръ въ 1882 г. въ Полтавской губ. въ чинѣ генераль-лейтенанта и должности командира 7-й запасной кавалерійской бригады.

Энгельгардтъ, Владиміръ Егоровичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности члена Московской комисаріатской комиссіи.

Векротъ, Филиппъ Филипповичъ. Умеръ въ должности корректора сенатской типографіи.

Неѣловъ, Иванъ Петровичъ. Умеръ въ 1832 г. въ чинѣ коллежскаго секретаря. Служилъ въ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеліи.

Офицеры гвардіи:

Тизенгаузенъ, графъ Александръ Павловичъ. Умеръ въ Ревелѣ 21 декабря 1894 г. въ чинѣ подполковника въ отставку.

Фаминцынъ, Александръ Андреевичъ. Умеръ. Служилъ въ л.-гв. Гусарскомъ полку.

Парландъ, Иванъ Ивановичъ. Умеръ въ Англіи въ 1870-хъ годахъ въ чинѣ капитана въ отставкѣ.

Третьяковъ, Ѳедоръ Николаевичъ. Умеръ. Служилъ въ л.-гв. пѣшей артиллеріи.

Рашеть, Владиміръ Антоновичъ. Умеръ въ августѣ 1855 г. въ чинѣ генералъ-маіора и должности командира л.-гв. сапернаго баталіона.

Ромбергъ, Александръ Ѳедоровичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 15 января 1887 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Алопеусъ, графъ Ѳедоръ Давидовичъ. Умеръ въ 1861 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности шталмейстера Высочайшаго Двора.

Ховенъ, Иванъ Романовичъ. Умеръ въ чинѣ полковника въ отставкѣ.

Пейнеръ, Александръ Ивановичъ. Умеръ въ чинѣ полковника въ отставкѣ.

У И К У Р С Ъ

выпускъ 1832 г.

Съ чиномъ IX класса:

Гротъ, Яковъ Карловичъ, большая золотая медаль. Родился 15 декабря 1812 г. Умеръ 24 мая 1893 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности вице-президента и ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ.

Эйхенъ, Василій Николаевичъ, малая золотая медаль. Умеръ въ 1846 г. въ чинѣ статскаго совѣтника. Служилъ въ министерствѣ Императорскаго Двора.

Харламовъ, Николай Николаевичъ, серебряная медаль. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Лихонинъ, Семенъ Семеновичъ, серебряная медаль. Умеръ 6 апрѣля 1867 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности управляющаго государственною комиссіею погашенія долговъ.

Волковъ, Александръ Павловичъ, серебряная медаль. Умеръ 15 марта 1886 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

Гольтгоеръ, Константинъ Ѳедоровичъ, серебряная медаль. 1 января 1852 г. въ С.-Петербургѣ въ чинѣ статскаго совѣтника и должности старшаго помощника производителя дѣлъ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ.

Дмитревскій, Иванъ Дмитриевичъ. Умеръ 11 марта 1842 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника. Служилъ въ азіатскомъ департаментѣ.

Миллеръ, Павелъ Ивановичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Служилъ въ почтовомъ департаментѣ и состоялъ почетнымъ секретаремъ ордена Св. Александра Невскаго.

Бревернъ, Иванъ Христофоровичъ. Умеръ 29 апрѣля 1855 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Анненскій, Федоръ Николаевичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности чиновника особахъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Похвисневъ, Михаилъ Николаевичъ. Родился въ 1813 г. Умеръ въ Парижѣ 4 ноября 1882 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Немовскій, Александръ Дмитриевичъ. Умеръ въ 1873 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіяхъ сенатора и статсъ-секретаря.

Стреловъ, Степанъ Степановичъ. Умеръ 23 ноября 1893 г. въ Москвѣ въ чинѣ статскаго совѣтника. Состоялъ при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ.

Повало-Швейковскій, Доримедонтъ Николаевичъ. Умеръ. Служилъ въ министерствѣ юстиціи.

Коцебу, Иванъ Евстафьевичъ. Умеръ въ 1880 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника въ отставкѣ. Былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Пруссарскомъ Союзѣ.

Рейнбольтъ, Павелъ Антоновичъ. Умеръ въ 1862 г. въ чинѣ статскаго совѣтника.

Ковалевскій, графъ Александръ Петровичъ. Умеръ 29 октябрю 1852 г. въ чинѣ статскаго совѣтника. Служилъ въ Государственной Канцеляріи.

X класса:

Степанъ, Николай Павловичъ. Умеръ 3 мая 1842 г. въ чинѣ полковника совѣтника. Служилъ въ комиссіи прошеній на Высочайшее Имѣ приносимыхъ.

XII класса:

Макаровъ, Петръ Николаевичъ. Умеръ коллегіальнымъ совѣтникомъ въ отставкѣ.

Философовъ, Александръ Павловичъ. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника и должности помощника прокуратора дѣлъ по жалу при присутствіи при канцеляріи департамента военнаго министерства.

Крузенштернъ, Платонъ Ивановичъ. Умеръ въ Ригѣ 12 декабря 1867 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника и должности старшаго члена Рижской таможни.

Штофрегенъ, Александръ Кондратьевичъ. Умеръ 7 февраля 1844 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности управляющаго генеральнымъ консульствомъ въ Амстердамѣ.

Шторхъ, Константинъ Андреевичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 2 февраля 1870 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника и должности управляющаго коммиссіею погашенія долговъ.

Пащенко, Константинъ Семеновичъ. Умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника въ отставкѣ.

III курсъ

выпускъ 1835 г.

Съ чиномъ IX класса:

Врангель, баронъ Василій Егоровичъ, большая золотая медаль. Умеръ 24 октября 1860 г. въ Царскомъ Селѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности чиновника особыхъ порученій и юрисконсульта морского министерства.

Александровъ, Владиміръ Ивановичъ, малая золотая медаль. Умеръ въ с. Пятницкомъ, Алексинскаго уѣзда, 27 іюля 1900 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Колеминъ, Александръ Ивановичъ, серебряная медаль. Умеръ 7 января 1898 г. въ Орловской губ. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Гирсъ, Александръ Карловичъ, серебряная медаль. Родился 29 мая 1815 г. Умеръ 24 іюня 1880 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, должности товарища министра финансовъ и званіи сенатора.

Рененкампфъ, Павелъ Андреевичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Домбровскій, Александръ Мартыновичъ. Умеръ 7 марта 1871 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности старшаго цензора при С.-Петербургскомъ почтамтѣ.

Гротъ, Константинъ Карловичъ. Родился 12 января 1815 г. Умеръ 30 октября 1897 г. въ С.-Петербургѣ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіи члена Государственнаго Совѣта.

Рихтеръ, Борисъ Борисовичъ. Умеръ въ 1844 г. Служилъ въ министерствѣ финансовъ.

Барановъ, графъ Александръ Трофимовичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1880 г. въ чинѣ полковника въ отставкѣ.

Бухаринъ, Николай Ивановичъ. Умеръ 12 августа 1897 г. въ имѣніи Аресмовъ, Волынской губерніи, въ чинѣ гофмейстера.

Апухтинъ, Павелъ Андреевичъ. Умеръ въ чинѣ титулярнаго совѣтника въ отставку.

Озеровъ, Александръ Петровичъ. Умеръ въ Царскомъ Селѣ 19 іюля 1900 г. въ чинѣ оберъ-гофмейстера.

Костливцевъ, Сергѣй Александровичъ. Умеръ 25 января 1887 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника, состоялъ при министерствѣ финансовъ.

Юревичъ, Нилъ Степановичъ. Умеръ 22 февраля 1871 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности управляющаго питейно-акцизнымъ сборомъ въ Смоленской губ.

Харитоновъ, Алексѣй Александровичъ. Умеръ 30 октября 1896 г. въ Петербургѣ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

X класса:

Найдановъ, Александръ Ивановичъ. Умеръ въ 1840-хъ годахъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника въ отставку.

Стесель, Александръ Ивановичъ. Умеръ 28 августа 1836 г. Служилъ въ министерствѣ финансовъ.

Ханыковъ, Яковъ Владиміровичъ. Умеръ 26 января 1862 г. въ Москвѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Мертваго, Дмитрій Дмитриевичъ. Умеръ въ Москвѣ 26 октября 1864 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности оберъ-прокурора правительствующаго сената.

XII класса:

Перовскій, Петръ Николаевичъ. Умеръ 13 августа 1865 г. въ Генуѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности генеральнаго консула въ Генуѣ.

Марченко, Александръ Васильевичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1857 г. въ чинѣ статскаго совѣтника и въ должности правителя канцеляріи 1-го департамента министерства государственныхъ имуществъ.

Шторхъ, Николай Андреевичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 12 декабря 1877 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности товарища главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

XIV класса:

Лаксманъ, Александръ Адамовичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставку.

Третьяковъ, Николай Николаевичъ. Умеръ.

Бекманъ, Антонъ Андреевичъ. Умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника въ отставку.

УІІІ КУРСЪ

выпускъ 1836 г.

Съ чиномъ ІХ класса:

Дунинъ-Барковскій, Яковъ Дмитріевичъ, большая золотая медаль. Умеръ въ 1876 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника въ отставку.

Хвостовъ, Алексѣй Николаевичъ, малая золотая медаль. Умеръ 8 ноября 1887 г. въ Елецкомъ уѣздѣ въ чинѣ коллежскаго совѣтника въ отставку.

Дунинъ-Барковскій, Василій Дмитріевичъ, серебряная медаль. Умеръ въ 1889 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника въ отставку.

Муравьевъ, Александръ Николаевичъ, серебряная медаль. Умеръ 28 февраля 1885 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности управляющаго Смоленской казенной палаты.

Фридбергъ, Петръ Ивановичъ, серебряная медаль. Умеръ 30 мая 1887 г. въ Петербургѣ въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности цензора драматическихъ сочиненій при главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Сталь, Константинъ Ѳедоровичъ. Умеръ въ чинѣ титулярнаго совѣтника въ отставку.

Миклашевскій, Павелъ Михайловичъ. Умеръ 6 января 1893 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Струговщиковъ, Степанъ Якимовичъ. Умеръ. Служилъ въ военномъ министерствѣ.

Стасовъ, Александръ Васильевичъ. Умеръ въ дер. Старожилковѣ, близъ 2 Парголова, 4 іюля 1904 г.

Х класса:

Сиверсъ, графъ Леопольдъ Егоровичъ. Умеръ въ Амстердамѣ 5 іюня 1875 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности генеральнаго консула въ Королевствѣ Нидерландскомъ.

Ханыковъ, Николай Владиміровичъ. Умеръ 3 ноября 1878 г. близъ Парижа въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Иксуль, баронъ Карлъ Петровичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 23 ноября 1894 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника

въ отставкѣ. Былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Римѣ.

Фрейгангъ, Василій Васильевичъ. Умеръ 12 марта 1898 г. въ Петербургѣ въ чинѣ тайнаго совѣтника въ отставкѣ.

XII класса:

Апухтинъ, Петръ Андреевичъ. Умеръ.

Мещерскій, князь Платонъ Васильевичъ. Умеръ. Служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Бурмейстеръ, Александръ Адольфовичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 23 мая 1854 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника и должности столоначальника департамента военныхъ поселеній.

Бутягинъ, Александръ. Умеръ за границею въ августѣ 1837 г.

Усовъ, Дмитрій Степановичъ. Умеръ. Служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Изъѣдиновъ, Василій Львовичъ. Умеръ въ Москвѣ 30 августа 1876 г. въ должности члена Курскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Оде-де-Сіонъ, Александръ Карловичъ. Умеръ 28 мая 1857 г. въ Ораніенбаумѣ въ чинѣ статскаго совѣтника и должности управляющаго Ораніенбаумскимъ дворцовымъ правленіемъ.

XIV класса:

Карбоньеръ, Левъ Львовичъ. Умеръ въ чинѣ губернскаго секретаря въ отставкѣ.

Неклюдовъ, Петръ Сергѣевичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 26 апрѣля 1864 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

IX курсъ.

выпускъ 1838 г.

Съ чиномъ IX класса:

Веселовскій, Константинъ Степановичъ, большая золотая медаль. Умеръ 3 ноября 1901 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности ординарнаго академика.

Найдановъ, Владиміръ Ивановичъ, малая золотая медаль. Умеръ въ Москвѣ 18 декабря 1896 г. въ чинѣ статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Арсеньевъ, Юлій Константиновичъ. Умеръ 4 марта 1873 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности Тульскаго губернатора.

Галицкій, Петръ Павловичъ. Умеръ въ Кузнецкѣ въ апрѣлѣ 1867 г.

Неклюдовъ, Василій Сергѣевичъ. Умеръ 30 сентября 1880 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Искуль, баронъ Борисъ Яковлевичъ. Умеръ 19 ноября 1884 г. въ Ревелѣ. Былъ ландратомъ.

Яхонтовъ, Александръ Николаевичъ. Умеръ 12 января 1890 г. въ селѣ Комиѣ, Псковскаго уѣзда, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Де-Бриньи, Александръ Егоровичъ. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника въ отставкѣ.

X класса:

Гирсъ, Николай Карловичъ. Умеръ 14 января 1895 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности министра иностранныхъ дѣлъ.

Сабиръ, Михаилъ Осиповичъ. Умеръ въ чинѣ генераль-маіора въ отставкѣ.

XII класса:

Гернетъ, Карлъ Густавовичъ. Умеръ 25 января 1892 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности чиновника особыхъ порученій при министрѣ Императорскаго Двора и удѣловъ.

Стесель, Павелъ Ивановичъ. Умеръ. Служилъ въ С.-Петербургской казенной палатѣ.

Трофимовъ, Александръ Ивановичъ. Умеръ въ 1884 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности С.-Петербургскаго столичнаго мирового судьи.

Захаржевскій, Дмитрій Яковлевичъ. Умеръ. Служилъ въ военномъ министерствѣ.

Габерзангъ, Василій Ивановичъ. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Тепловъ, Иванъ Григорьевичъ. Умеръ въ 1844 г. Служилъ въ военномъ министерствѣ.

XIV класса:

Воейковъ, Леонидъ Александровичъ. Родился въ 1818 г. Умеръ въ 1886 г. въ чинѣ штабсъ-капитана въ отставкѣ.

Гинтеръ, Михаилъ Давыдовичъ. Умеръ въ 1845 г. Служилъ въ военномъ министерствѣ.

Ж у р с ъ .

выпускъ 1839 г.

Съ чиномъ IX класса:

Головинъ, Александръ Васильевичъ, большая золотая медаль. Умеръ 3 ноября 1886 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіи члена Государственнаго Совѣта. Былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Саломонъ, Петръ Ивановичъ, малая золотая медаль. Умеръ 9 марта 1905 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіяхъ сенатора и члена Государственнаго Совѣта.

Кузнецовъ, Владиміръ Ивановичъ, серебряная медаль. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника. Служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Былъ воспитателемъ и преподавателемъ латинскаго языка въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ.

Николай, баронъ Александръ Павловичъ, серебряная медаль. Умеръ близъ Тифлиса 3 іюля 1899 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіи члена Государственнаго Совѣта. Былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Рейтернъ, графъ Михаилъ Христофоровичъ. Умеръ 11 августа 1890 г. въ Царскомъ Селѣ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и въ званіи члена Государственнаго Совѣта. Былъ министромъ финансовъ.

Клингенбергъ, Михаилъ Карловичъ, серебряная медаль. Умеръ 3 декабря 1873 г. въ С.-Петербургѣ въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности члена комиссіи прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ.

Кочетовъ, Разумникъ Акинфовичъ. Умеръ 27 октября 1863 г. въ Петербургѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Цез, Василій Андреевичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 24 декабря 1906 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Коншинъ, Михаилъ Аѳанасьевичъ. Умеръ въ им. Красная Ивановка, Екатеринославской г., 19 іюля 1902 г. въ чинѣ статскаго совѣтника.

Кайдановъ, Николай Ивановичъ. Умеръ 8 іюля 1894 г. въ С.-Петербургѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности начальника архива департамента таможенныхъ сборовъ.

Голицынъ, князь Николай Михайловичъ. Умеръ 22 марта 1894 г. въ чинѣ оберъ-гофмейстера и званіи сенатора.

Кіовъ, Александръ Михайловичъ. Умеръ 20 февраля 1873 г.

въ С.-Петербургѣ въ чинѣ надворнаго совѣтника и должности Тихвинскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

Х класса:

Воейковъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника въ отставку.

Чилевъ, Михаилъ Егоровичъ. Умеръ въ Тифлисѣ 6 ноября 1878 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности управляющаго карантинно-таможенною частью на Кавказѣ и за Кавказомъ.

Сиверсъ, графъ Эдуардъ Карловичъ. Умеръ въ Лозаннѣ въ іюнѣ 1900 г. въ должности церемоніймейстера.

ХІІ класса:

Усовъ, Ѳедоръ Степановичъ. Умеръ въ чинѣ коллежскаго секретаря въ отставку.

Филимоновъ, Николай Ивановичъ. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Ахшарумовъ, Николай Дмитріевичъ. Умеръ 18 августа 1893 г. въ имѣніи подъ Москвою. Служилъ въ военномъ министерствѣ.

Марченко, Петръ Васильевичъ. Умеръ 29 декабря 1891 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

ХІV класса:

Буташевичъ-Петрашевскій, Михаилъ Васильевичъ. Родился въ 1819 г. Умеръ въ 1867 г. въ Сибири.

ХІ курсъ.

выпускъ 1841 г.

Съ чиномъ ІХ класса.

Жемчужниковъ, Александръ Лукичъ, большая золотая медаль. Умеръ въ Воронцѣ, Елецкаго у., 26 марта 1868 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника въ отставку.

Гольтгоеръ, Михаилъ Ѳедоровичъ, малая золотая медаль. Умеръ въ С.-Петербургѣ 21 октября 1899 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіяхъ члена Государственнаго Совѣта и сенатора.

Немани, Андрей Ѳедоровичъ, малая золотая медаль. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Служилъ въ морскомъ министерствѣ. Былъ воспитателемъ и преподавателемъ русскаго языка въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ.

Пальчиновъ, Александръ Васильевичъ, серебряная медаль. Умеръ въ С.-Петербургѣ 30 января 1909 года въ чинѣ статскаго совѣтника въ отставку.

Оболенскій, Викторъ Андреевичъ, серебряная медаль. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника и должности чиновника особыхъ порученій при главномъ управленіи Западной Сибири.

Голубцовъ, Степанъ Яковлевичъ. Умеръ около 1860 года въ чинѣ коллежскаго ассессора.

Оболенскій, Константинъ Андреевичъ. Умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Кондоиди, Григорій Владиміровичъ. Умеръ въ Тамбовѣ въ 1894 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности Тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства.

Крейсти, Александръ Александровичъ. Умеръ въ 1866 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника и должности старшаго столоначальника департамента виѣшней торговли. Былъ воспитателемъ, преподавателемъ англійскаго языка и библіотекаремъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ.

Бенлемишевъ, Александръ Петровичъ. Умеръ 2 августа 1877 г. во время командировки въ Могилевскую губернію въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

Принцъ, Густавъ Густавовичъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, присяжный повѣренный округа С.-Петербургской судебной палаты.

Чертковъ, Дмитрій Александровичъ. Умеръ за границей въ чинѣ коллежскаго совѣтника и должности Тарусскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

Кирилинъ, Андрей Николаевичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 20 сентября 1886 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Барышниковъ, Иванъ Ивановичъ. Умеръ 28 января 1868 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника въ отставку.

Оболенскій, князь Михаилъ Александровичъ. Умеръ въ Москвѣ 6 марта 1886 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіяхъ статсъ-секретаря и сенатора.

Х класса:

Зотовъ, Владиміръ Рафаиловичъ. Родился 22 іюня 1822 г. Умеръ 6 февраля 1896 г. С.-Петербургѣ въ чинѣ статскаго совѣтника.

Барышниковъ, Алексѣй Ивановичъ. Умеръ въ Варшавѣ 25 мая 1892 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника и въ должности члена юрбургской таможи.

Гедеоновъ, Петръ Ѳедоровичъ. Умеръ послушникомъ въ Сергіевскомъ монастырѣ близъ С.-Петербурга.

Омельяненко, Николай Яковлевичъ. Умеръ въ чинѣ коллежскаго ассессора.

Мей, Левъ Александровичъ. Родился 13 февраля 1822 г. Умеръ 16 мая 1862 г. въ С.-Петербургѣ въ чинѣ коллежскаго ассессора и должности инспектора 2 московской гимназіи.

ХІІ класса:

Фонъ-Фитингофъ, баронъ Рихардъ Павловичъ. Умеръ въ 1890 г. въ имѣніи Лифляндской губерніи въ чинѣ полковника.

Фонъ-Валь, Богданъ Карловичъ. Умеръ въ г. Везенбергѣ 15 февраля 1874 года въ чинѣ полковника въ отставкѣ.

Ефремовъ, Василій Павловичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 15 іюля 1901 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Криднеръ, баронъ Рихардъ Владиміровичъ. Умеръ въ чинѣ генераль-маіора запаса.

ХІV класса:

Засѣцкій, Петръ Павловичъ. Умеръ 31 августа 1895 г. въ с. Сковородкинѣ въ чинѣ штабсъ-ротмистра въ отставкѣ.

Няжевичъ, Максимъ Дмитріевичъ. Умеръ 9 февраля 1894 г. въ С.-Петербургѣ въ должности шталмейстера и чиновника особыхъ порученій министерства финансовъ.

Крюковъ, Аркадій Петровичъ. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника и должностяхъ хранителя рукописей и бібліотекаря Московскаго главнаго архива.

Дунинъ-Барковский, Петръ Дмитріевичъ. Умеръ въ Кіевѣ въ концѣ 40-хъ годовъ. Служилъ въ канцеляріи Кіевскаго военнаго округа.

ХІІ курсъ.

выпускъ 1842 г.

Съ чиномъ ІХ класса:

Толстой, графъ Дмитрій Андреевичъ, золотая медаль. Умеръ въ С.-Петербургѣ 25 апрѣля 1889 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности министра внутреннихъ дѣлъ.

Былъ министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

Есиповъ, Иванъ Васильевичъ, серебряная медаль. Умеръ въ С.-Петербургѣ 22 ноября 1873 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника и должности С.-Петербургскаго нотаріуса.

Зубовъ, Николай Абрамовичъ, серебряная медаль. Умеръ въ 1883 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника.

Стремоуховъ, Петръ Николаевичъ, серебряная медаль. Родился въ 1823 г. Умеръ въ с. Фатежъ, Курской губ. 24 апрѣля 1885 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Пальчиковъ, Николай Васильевичъ. Умеръ въ Москвѣ 1 марта 1910 г. въ чинѣ статскаго совѣтника.

Корсаковъ, Александръ Васильевичъ. Умеръ въ 1852 г. въ чинѣ коллежскаго ассессора въ отставкѣ.

Спѣшневъ, Яковъ Тимоѣевичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 7 декабря 1865 г. въ чинѣ статскаго совѣтника и должности директора С.-Петербургскаго училища глухонѣмыхъ. Былъ воспитателемъ и преподавателемъ русскаго языка въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ; содержалъ приготовительный къ Лицею пансіонъ.

Ронковъ, Михаилъ Петровичъ. Умеръ. Служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Гартингъ, Николай Мартыновичъ. Умеръ въ Тамбовской губ. 26 сентября 1899 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Рудзевичъ, Петръ Осиповичъ. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника.

Семеновъ, Николай Петровичъ. Умеръ въ С.-Петербургѣ 11 октября 1904 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіи сенатора.

Форостовскій, Павелъ Павловичъ. Умеръ 17 мая 1894 г. въ Перми въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и должности управляющаго Пермскою казенною палатою.

Набоковъ, Петръ Ивановичъ. Умеръ 10 марта 1870 г. въ Неаполѣ въ чинѣ статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Х класса:

Данилевскій, Николай Яковлевичъ. Родился 28 ноября 1822 г. Умеръ 7 ноября 1885 г. въ Тифлисѣ въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности члена совѣта .министерства государственныхъ имуществъ.

Толстой, Юрій Васильевичъ. Родился 9 іюня 1824 г. Умеръ 2 января 1878 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности товарища оберъ-прокурора Святѣйшаго правительствующаго Синода.

Кальмъ-Подоскій, Николай Ѳедоровичъ. Умеръ на островѣ Малага 20 января 1884 г. Былъ Ольгопольскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Фонъ-Фитингофъ, баронъ Борисъ Павловичъ. Умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ отставкѣ.

Бегеръ, Александръ Ѳедоровичъ. Умеръ въ 1897 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника въ отставкѣ. Былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Тегеранѣ.

XII класса:

Рейнботъ, Евгенийъ Антоновичъ. Умеръ въ им. Васильевкѣ, Кобелякскаго у., 17 марта 1905 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Осокинъ, Александръ Гавриловичъ. Умеръ. Служилъ въ военномъ министерствѣ.

Витте, Константинъ Карловичъ. Умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника и должности чиновника особыхъ порученій при полевомъ комисаріатѣ 1-го пѣхотнаго корпуса.

Бурнашевъ, Алексѣй Ѳедоровичъ. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника.

Указатель личныхъ именъ ¹⁾).

(Составитель — профессор ЛХ Кургал В. А. Чудовский).

- Авенариусъ, Василий Петровичъ, 84.
Авенариусъ, Петръ Александровичъ, 290.
Алабовъ, Иванъ Абрамовичъ, 174, 191,
272, 275, 278, 284.
Александра Николаевна, (Александрова), 188.
Александра Феофановна Писаревна, 101, 271, 288.
Александровъ, Николай Ивановичъ, (VIII кн.), 377, 514.
Александръ I Николаевичъ, 1—6, 9—10, 10—20, 25, 35, 38, 47—48, 61, 67, 73, 74—76, 82, 92, 93, 107, 108, 114, 122, 127, 131, 132, 136, 138, 139, 161, 166, 170, 174, 177, 178, 179, 185, 197, 199, 199, 200, 206, 208—211, 216, 217, 218—220, 222, 224, 287, 288, 289, 290—291, 292—293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.
Александро, Николай Ивановичъ, (VIII кн.), 377, 514.
Александръ I Николаевичъ, 1—6, 9—10, 10—20, 25, 35, 38, 47—48, 61, 67, 73, 74—76, 82, 92, 93, 107, 108, 114, 122, 127, 131, 132

У Сторожині був великий цукровий завод, який звалили під час курсу; ад. Б. Нос-
— Іванко був директором Навчально-Виробничо-аграрного спеціального посередства сіль-
ськогосподарського району в Сторожині, який був в складі району. На університеті він по-
кинув школу, вступивши до неї після літнього відпочинку в селі, а потім, після закінчення,
вступивши до спеціального училища в Сторожині, де вступив до групи випускників, після чого він
поступив до Сторожинського училища. На університеті, де він навчався, працював вільно в
спеціальному, університетському, на який він прийшов на факультет. Він продовжив при-
ймати участь в діяльності в селі, а також, після закінчення училища, в селі, працюючи, працюючи

- Баженовъ, Иванъ Александровичъ (IV к.), 490, 510.
 Баженовъ, М., 450.
 Байронъ, лордъ, Джорджъ Гордонъ, 328.
 Бакунина, Екатерина Александровна, 92.
 Бакунина, рожд. Шулепникова, 469.
 Бакунина, Анна Борисовна, рожд. Зеленская, 230, 444, 469.
 Бакунина, Екатерина Павловна, см. Полторацкая, 92.
 Бакунинъ, Александръ Павловичъ (I к.), 39, 52, 132, 134, 182, 230, 443—444, 468—469, 477, 490, 504.
 Балугьянскій, Михаилъ Андреевичъ, 160.
 Бальзакъ, де, Оноре, 336, 371.
 Барановъ, графъ Александръ Трофимовичъ (VII к.), 514.
 Барановы, 283.
 Барантъ, Эмабль Просперъ Брюжіеръ, баронъ де, 390.
 Баратынскій, см. Боратынскій.
 Бардевиъ, сестры, 72, 79.
 Бардовскій, Яковъ Іовлевичъ, 21.
 Барковъ, Дмитрій Николаевичъ, 139.
 Барышовъ, Яковъ Ивановичъ, 357, 391—392, 395, 458.
 Барышникова, Марія Ивановна, см. Миллеръ.
 Барышниковъ, Алексѣй Ивановичъ (XI к.), 522.
 Барышниковъ, Иванъ Ивановичъ (XI к.), 433, 521.
 Барышниковъ¹⁾, Н., 450.
 Барышниковъ, Николай Ивановичъ (XVI к.), 455.
 Барьеръ, 174.
 Батте, Шарль, 231.
 Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ, 226.
 Баумгартенъ, Николай Карловичъ (IV к.), 490, 510.
 Бауръ²⁾, 206—207.
 Бегеръ, Александръ Ѳедоровичъ (XII к.), 448—450, 477, 524.
 Безакъ, Александръ Павловичъ (Л. Б. II. I к.), 275.
 Безакъ, Константинъ Павловичъ (II к.), 7, 444, 477, 505.
 Безакъ, Николай Павловичъ (Л. Б. II. III к.), 275.
 Беклемишевъ, Александръ Петровичъ (XI к.), 426, 521.
 Беклошовъ, Александръ Андреевичъ, 9—10.
 Бекманъ, Антонъ Андреевичъ (VII к.), 280, 516.
 Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ, 185, 249, 318—319, 321, 422.
 Бергъ, Александръ Ѳедоровичъ (Л. Б. II. III к.), 275, 443—444.
 Бернардъ, Петръ Ивановичъ, 381—382.
 Беррійскій, герцогъ, Шарль Фердинантъ, 180.
 Вестужевъ, Аванасій (ик. II к.), 120.
 Вестужевъ, Михаилъ Александровичъ, 245.
 Веттихеръ¹⁾, 185.
 Вибииковъ, Александръ Васильевичъ (XIII к.), 450.
 Вильбасовъ, Василий Алексѣевичъ, 34.
 Влудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ, 321, 437, 482, 502—503.
 Водиско, Константинъ Николаевичъ (V к.), 511.
 Воккаччио, Джованни, 294.
 Боратынскій, Евгенийъ Абрамовичъ, 148, 181, 189, 226, 228—229, 236, 323, 488.
 Боровковъ, Александръ Дмитріевичъ, 226.
 Бороздинъ, Модестъ Алексѣевичъ (XVI к.), 458.
 Бортиянскій, Дмитрій Степановичъ, 280.
 Брамбеусъ, баронъ, см. Сенковскій.
 Бревернъ, Иванъ Христофоровичъ (VI к.), 286, 295, 476, 513.
 Брилевичъ, Дмитрій (ик. VI к.), 286.
 Брогліо, графъ Сильверій Францевичъ (I к.), 39, 45, 59, 61, 133, 468, 490, 505.
 Брокеръ, Адамъ Ѳомичъ, 281.

¹⁾ Лицензетъ XVI к. Николай Ивановичъ

²⁾ Ѳедоръ Васильевичъ?

¹⁾ Böttiger, Karl Wilhelm?

- Броневскій, Димитрій Богдановичъ, 5—6, 425, 432, 443, 450, 455—457, 458.
- Броунъ, Иванъ Егоровичъ, 349, 356—357, 399, 452, 456—457.
- Брусилловъ, Николай Николаевичъ (II к.), 71, 490, 506.
- Брюловъ, Карлъ Павловичъ, 446.
- Брянчаниновъ, 279.
- Будри, де- (Марать), Давидъ Ивановичъ, 28—29, 21, 333.
- Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ, 193—195, 236—237, 256, 281—283.
- Булгаковъ, Константинъ Александровичъ, 279, 281—283.
- Булгаковъ, Константинъ Яковлевичъ, 126, 148, 193, 237, 279, 281.
- Булгаковъ, Петръ Ивановичъ (V к.), 515.
- Булгари, графъ М. П.
- Булгаринъ, Павелъ Ивановичъ, 218, 219, 246, 318, 320—321, 336, 363, 447—450.
- Буратовъ, Степанъ Анисимовичъ, 436.
- Бурмейстеръ, Александръ Адамовичъ (VIII к.), 517.
- Бурнашевъ, Александръ Осиповичъ (XII к.), 524.
- Бурцевъ, Иванъ Григорьевичъ, 135.
- Буссо¹⁾, 72.
- Буташевичъ - Петрашевскій, Михаилъ Ивановичъ (IX к.), 422, 423—424, 475, 520.
- Бутурлинъ, Григорій Ивановичъ.
- Вутягинъ, Александръ (VIII к.), 517.
- Бухало, Василий Ивановичъ (IV к.), 490, 509.
- Бухаринъ, Николай Ивановичъ (VII к.), 477, 515.
- Бырдннъ, Александръ Петровичъ (Л. Б. П. IV к.), 173.
- Бырдннъ, Иванъ Петровичъ (Л. Б. П. IV к.), 173.
- Вѣгичевъ, Степанъ Никитичъ, 488.
- Вѣгичевъ, 488—489.
- Вѣликовъ, Петръ Егоровичъ, 277.
- Вѣлуха-Кохановскій, Андрей Андреевичъ (III к.), 322, 490, 507.
- Вѣлуха-Кохановскій, Михаилъ Андреевичъ (IV к.), 85, 195—196, 197—205, 212, 240—241, 331, 477, 490, 509.
- Бюргеръ, Готфридъ Аугустъ, 88.
- Вюффонъ, Жоржъ Луи Леклеръ, графъ де 293.
- Вагановъ, Александръ (Л. Б. П. IV к.), 173.
- Вадковскій, Федоръ Осиповичъ, 247.
- Вакмутъ, Петръ Яковлевичъ, 262.
- Валь, фонъ, Богданъ Карловичъ (XI к.), 522.
- Вальвиль, Александръ Ивановичъ, 28.
- Вальхольскій²⁾, Федоръ Дмитриевичъ, см. Вадковскій.
- Ванкуверъ, Георгъ, 211.
- Варламъ, Константинъ Константиновичъ (см. Л. Б. П.), 279.
- Випинитцевъ, А. А., 22.
- Васильчиковъ, Александръ Михайловичъ (II к.), 71, 506.
- Васьковъ, Павелъ (Л. Б. П. IV к.), 173.
- Васьковъ, Николай Ивановичъ (III к.), 444, 491, 507.
- Вайденбаумъ, Евгений Густавовичъ, 188.
- Ванессъ, фонъ, 240.
- Векротъ, Филиппъ Филипповичъ (V к.), 511.
- Веліо, баронъ Николай Осиповичъ (XV к.), 458.
- Веліо, баронесса, 92.
- Веневитиновъ, Дмитрий Владимировичъ, 241.
- Венигелъ, Иванъ Андреевичъ, 86.
- Вергилій, Маркъ Публий, 386.
- Вердоровскій, Евграфъ Александровичъ (XIV к.), 459.
- Вердоровскій, Евграфъ Александровичъ, 311.
- Веселовскій, Константинъ Степановичъ (IX к.), 381—387, 393, 381—408, 425, 477, 517.
- Веселовскій, Степанъ, 381—387.
- Вестингаузенъ, Александръ (см. VI к.), 459—461.

¹⁾ Юганнъ Георгъ, историкъ, членъ имп. Акад. Наукъ 1763—1765.

²⁾ Дмитрий Петровичъ, историкъ, членъ имп. Акад. Наукъ 1829.

³⁾ Востригъ, историкъ, членъ имп. Акад. Наукъ 1829.

- Вигель, Филиппъ Филипповичъ, 20—21, 109, 281.
- Виландъ, Христофоръ Мартинъ, 345.
- Вильменъ, Абель Франсуа, 390.
- Виньи, де, Альфредъ, 371.
- Витте, де, 185.
- Витте, Константинъ Карловичъ (XII к.), 150, 524.
- Васильчиковъ, 27.
- Воейковъ, Александръ Ѳедоровичъ, 192, 193, 195.
- Воейковъ, Алексѣй Алексѣевичъ (X к.), 520.
- Воейковъ, Леонидъ Александровичъ (IX к.), 376, 378, 518.
- Военскій, Константинъ Адамовичъ, (XXXVIII к.), 44.
- Волкова, Авдотья Васильевна, 381.
- Волковъ, Александръ Павловичъ (VI к.), 386, 381, 477, 512.
- Волконская, княжна ¹⁾, 41, 42.
- Волконскій, князь Григорій Петровичъ, 390.
- Волконскій, князь Дмитрій Петровичъ, 390.
- Волконскій, свѣтл. князь Петръ Михайловичъ, 188.
- Волконскій, князь Сергѣй Григорьевичъ, 183.
- Вольтеръ, Франсуа де, (Аруэ), 173, 298, 371.
- Вольфъ, баронъ Борисъ Эдуардовичъ, 263.
- Вольховская, Анна (Инна) Владимировна см. Носова.
- Вольховская, Марія Васильевна рожд. Малиновская, 65, 440.
- Вольховскій, (Л. Б. П.) 117.
- Вольховскій, Владиміръ Дмитріевичъ (I к.), 39, 45, 46, 61, 65, 91, 117, 129, 134, 135, 148, 152, 159, 187, 224, 231—233, 245, 269, 312, 313—314, 316, 334, 339, 342, 344, 349, 353—354, 357, 410, 411, 439—442, 475, 480, 490—491, 504.
- Воронихинъ, Александръ Андреевичъ (III к.), 491, 507.
- Воронцовъ, графъ Александръ Романовичъ, 23.
- Воронцовъ, свѣтл. князь Михаилъ Семеновичъ, 183, 279.
- Востоковъ, Александръ Христофоровичъ, 226.
- Врангель, баронъ Александръ Васильевичъ, 336.
- Врангель, баронъ Василій Ѳторовичъ, (VII к.), 337, 514.
- Врангель, баронъ, Егоръ Васильевичъ, 157, 200, 288, 336—337, 357, 367, 378, 391, 395.
- Врангель, баронъ ¹⁾, 212, 215, 443, 471.
- Врангель, баронесса Юлія Александровна, рожд. Харитонова, 336.
- Всеволожскій, Александръ Всеволодовичъ, 139.
- Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ, 135, 139.
- Вяземская, княгиня Вѣра Ѳедоровна, 482.
- Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ, 148, 153, 180, 183, 187, 189, 234, 238, 320, 481—482.
- Габерзангъ, Василій Ивановичъ, (IX к.) 408, 518.
- Гатаринъ, Н., 450.
- Гагомейсторъ ²⁾, 212.
- Гаевскій, Викторъ Павловичъ (XIV к.), 79, 83, 87, 90, 92, 140—142, 190, 226, 229, 323, 347, 458.
- Галактіоновъ ³⁾, 310.
- Галаховъ ⁴⁾, 194—195.
- Галаховъ, Александръ Павловичъ (Л. Б. П. П. к.), 492.
- Галаховъ, Сергѣй Павловичъ (III к.), 492, 508.
- Галицкій, Петръ Павловичъ (IX к.), 408, 477, 517.
- Галичъ (Гаморовъ), Александръ Ивановичъ, 68, 159, 160, 161.
- ¹⁾ Фердинандъ Петровичъ, адмиралъ, 1799—1870.
- ²⁾ Леонтій Андреевичъ, капит. 1-го ранга, 1780—1834.
- ³⁾ Степанъ Филипповичъ, проф. Имп. Акад. Худ. 1778—1854.
- ⁴⁾ Александръ Павловичъ.

- 17107-17115. *Journal of the American Chemical Society*, 1935, 57, 17107-17115.

- Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ. 40. 230—231. 237.
- Голицынъ, князь, Николай Михайловичъ. (X к.). 422. 476. 519.
- Голицынъ, князь Николай Сергѣевичъ (Л. Б. П. VII к.), 31—32, 249, 263, 275. 276. 282.
- Голицынъ, князь Сергѣй Сергѣевичъ (Л. Б. П. VI к.). 275. 282.
- Голицынъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ¹⁾, 194. 282—283.
- Головинъ²⁾, 340.
- Головинъ, Александръ Васильевичъ (X к.). 400—401, 422. 476. 519.
- Головинъ, Василій Михайловичъ. 116. 212. 215. 471.
- Голубцовъ, Степанъ Яковлевичъ (XI к.). 428. 434. 521.
- Гольтгоеръ, Константинъ Ѳедоровичъ (VI к.). 286. 425. 512.
- Гольтгоеръ, Михаилъ Ѳедоровичъ (XI к.). 425. 476. 520.
- Гольтгоеръ, Ѳедоръ Григорьевичъ. 204—205. 264. 268. 272. 274. 287. 298. 340. 342. 349. 350. 365—366. 375—377. 398—399. 403. 408. 423. 425. 427. 432—433. 436.
- Гольштейнъ-Ольденбургскій, герцогъ, см. Ольденбургскій, герцогъ.
- Гомеръ, 289. 302.
- Гончарова, Наталія Николаевна, см. Пушкина.
- Горацій Флаккъ, Квинтъ, 386.
- Горчакова, княжна Софія Михайловна, см. Хвоининская.
- Горчакова, свѣтл. княгиня Марія Александровна, 421. 444.
- Горчаковъ, свѣтл. князь Александръ Михайловичъ (I к.), 39, 46, 61, 84, 85, 91, 113, 133, 147, 152, 224, 236, 238, 242, 383, 421—422, 444, 459, 469. 472. 476. 491. 503.
- Горчаковъ, свѣтл. князь Константинъ Александровичъ, 85.
- Горчаковъ, Николай (ик. VI к.), 286.
- Гревеницъ, баронесса, 89.
- Гревеницъ, баронъ Александръ Ѳедоровичъ, (Л. Б. П. VI к.), 275.
- Гревеницъ, баронъ Павелъ Ѳедоровичъ (I к.), 39, 40, 49, 224, 351, 354. 443. 471. 472. 477. 491. 504.
- Гревеницъ, баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ (Л. Б. П. III к.), 275.
- Грефе¹⁾, 34.
- Гречъ, Николай Ивановичъ, 82, 109, 195, 208, 217—218, 226, 228—229, 248, 263. 320.
- Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ, 187. 188. 231.
- Грибоѣдовы, 489.
- Григорьевъ, 243.
- Гроздовъ, Флегонтъ Васильевичъ, 356, 363. 455. 457. 458.
- Гротъ, Константинъ Карловичъ (VII к.), 295, 471. 476. 514.
- Гротъ, Константинъ Яковлевичъ, 84.
- Гротъ, Наталія Петровна, рожд. Семенова, 330.
- Гротъ, Яковъ Карловичъ (VI к.), 83—84, 85, 216, 248, 276—278, 286, 287—307, 326, 328—330, 336, 339, 382, 387, 398, 400—401, 408, 411, 417, 432—433, 441, 446, 449, 457, 463, 477—478. 521.
- Гудовичъ, графъ²⁾, 40.
- Гурьевъ, Константинъ (ик. I к.), 39, 40. 56. 62. 272.
- Гузслейнъ, Леонтій Андреевичъ, 174.
- Гюаръ, 28.
- Гюго, Викторъ, 327, 336, 371.
- Даль, Владиміръ Ивановичъ, (Казакъ Луганскій), 363.
- Данзасъ, Борисъ Карловичъ (II к.) 119, 121, 237—238, 246—247, 444, 476, 505.
- Данзасъ, Константинъ Карловичъ (I к.), 39, 40, 45, 60, 61, 231, 237, 334, 351, 412—413, 416, 443, 458, 469, 472, 505.
- Даниловскій, Николай Яковлевичъ (XII к.), 448—450, 425, 477, 523.

¹⁾ Подъ «Гольтгоеръ» и «Гольтгоеръ» нужно подразумѣвать действительнаго камергера кн. Ѳ. С. Голицына.

²⁾ Евгеній Александровичъ, 1782—1858.

¹⁾ Христіанъ Фридрихъ (Ѳедоръ Богдановичъ), 1780—1851.

²⁾ Иванъ Васильевичъ, генер.-фельд-маршалъ, 1741—1821.

- Дантесъ (Геккеренъ-Дантесъ), Георгъ, 411—412, 414, 416.
 Дараганъ, 210.
 Дашковъ ¹⁾, 321.
 Де-Бриньи, Александръ Егоровичъ (IX к.), 375—376, 518.
 Деволантъ, Александръ Францевичъ (IV к.), 492, 510.
 Делавинъ, Казимиръ, 318, 320.
 Деларю, Михаилъ Даниловичъ (V к.), 271, 303, 316, 326—328, 341, 420, 477, 511.
 Деларю, Сергій Анк. IV к.), 198, 205, 492.
 Дельвицъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, (отецъ) 132.
 Дельвицъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, (I к.), 33, 40, 60, 70, 83, 85, 88, 90, 104, 112, 132, 133, 134, 139, 140—143, 145, 146, 148, 186—185, 189—190, 221—226, 228, 229, 238—239, 241, 288, 294, 301, 304, 311, 316—323, 326, 342, 354, 374, 383, 417, 473, 477, 496—498, 500, 500, 504.
 Дельвицъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, (сынъ) 317, 321.
 Деманжъ ²⁾, 104.
 Демидовъ, Николай Ивановичъ, 262—270, 272, 273, 280, 280, 333.
 Державинъ, Григоръ Павловичъ, 10, 24, 40, 40—76, 113, 123, 170, 180.
 Джаксонъ, Александръ, 228.
 Дибичъ-Забалканскій, графъ Павелъ Ивановичъ, 188, 191, 236.
 Дмитревскій, Павелъ Дмитриевичъ (VI к.), 286, 513.
 Дмитриева-Мамонова, графиня Марія Александровна, 235.
 Дмитриевъ, Павелъ Ивановичъ, 127, 173, 224.
 Добрецовъ, 311.
 Домбровский, Александръ Мартыновичъ (VII к.), 514.
 Доношъ, 341.
 Дризень, баронъ Николай Васильевичъ, 226.
 Друммель, 340, 361.
 Дубенскій, Павелъ Ивановичъ (II к.), 71, 505.
 Дуинъ-Барковский, Василий Дмитриевичъ (VII к.), 477, 516.
 Дуинъ-Барковский, Петръ Дмитриевичъ (XI к.), 428, 522.
 Дуинъ-Барковский, Яковъ Дмитриевичъ (VIII к.), 477, 516.
 Европеусъ, Александръ Ивановичъ (XV к.), 424.
 Екатерина II, Императрица, 7—8, 21, 251, 448.
 Екатерина Павловна, великая княгиня, принцесса Гольштейнъ-Ольденбургская, 5, 192.
 Елона Павловна, великая княгиня, 284.
 Елисавета Алексеевна, Императрица, 41—43, 93, 130—131.
 Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, 187, 188.
 Ермоловъ, Петръ Николаевичъ, 188.
 Есаковъ, Евгений Семеновичъ (XIII к.), 121, 150.
 Есаковъ, Семенъ Семеновичъ (I к.), 39, 48, 61, 134, 186, 225, 243, 323—324, 353, 470, 473, 492—493, 504.
 Есиповъ, Иванъ Васильевичъ (XII к.), 448, 450, 523.
 Ефремовъ, Василий Павловичъ (XI к.), 522.
 Жадовскій, Анатолий Евстафьевичъ (III к.), 120, 328, 419—420, 444, 507.
 Жаксонъ, см. Джаксонъ.
 Жандръ, Александръ Андреевичъ, 228.
 Жемчужниковъ, Александръ Лукичъ (XI к.), 428, 520.
 Жеребцовъ, Семенъ Николаевичъ (III к.), 247, 493, 508.
 Жеребцовъ, Сергій Петровичъ, 174.
 Жилло, Реми Акинфиевичъ, 289, 356, 370, 371, 389—390, 427.
 Жуковский, Василий Андреевичъ, 88, 140, 152, 180, 184, 190, 192—193, 228, 229, 234, 289, 302, 323, 329, 482, 484, 487, 489.
 Заблоцкій-Десатовскій, Андрей Парменовичъ, 217.
 Затоскинъ, Михаилъ Николаевичъ, 336, 450.

¹⁾ Дмитрий Васильевичъ, министръ юстиціи, 1784—1829.

²⁾ Жанъ-Батистъ Франсуа (Павелъ Францевичъ).

- Загряжскій, 390.
 Загряжскій, Василій Васильевичъ (II к.), 71, 322, 505.
 Запкинъ, Матвій Ивановичъ, 445.
 Закревскій, графъ Арсеній Андреевичъ, 172, 282, 315.
 Замятинъ, Дмитрій Николаевичъ (III к.), 169, 199, 257, 444, 476, 493, 507.
 Зандъ, Карлъ, 180, 185, 206, 208.
 Засѣцкій, Петръ Павловичъ (XI к.), 522.
 Захаржевскій, Дмитрій Яковлевичъ (IX к.), 397, 518.
 Захаржевскій, Яковъ Васильевичъ, 397.
 Зеленская, Анна Борисовна, см. Бакунина.
 Зелинскій, (псевдонимъ), см. Мей, Левъ Александровичъ, (XI к.).
 Зотовъ, Владиміръ Рафанловичъ (XI к.), 426, 431, 433, 435, 436, 453, 477, 521.
 Зубковъ, Василій Петровичъ, 237.
 Зубковъ, Николай Абрамовичъ (XII к.) 150, 523.
 Зубовъ, князь Платонъ Александровичъ, 72.
 Зульцеръ, Іоганнъ Георгъ, 446.
 Ибрагимъ-паша, 220.
 Ивановскій, Игнатій Акинѣевичъ, 357, 369, 392—393, 395, 457.
 Ивановскій, Петръ Осиповичъ (II к.), 71, 506.
 Ивановъ ¹⁾, 347.
 Измайловъ, Александръ Ефимовичъ, 132, 146, 225—226, 228—229.
 Изъѣдиновъ, Василій Львовичъ (VIII к.), 517.
 Искуль, баронъ Александръ Карловичъ (IV к.), 257, 493—494, 509.
 Искуль, баронъ Борисъ Яковлевичъ (IX к.), 376, 518.
 Искуль, баронъ Карлъ Петровичъ (VIII к.), 477, 516—517.
 Илличевскій, Александръ Демьяновичъ (I к.), 31, 39, 47, 61, 69, 85, 86, 90, 91, 133, 159, 226, 239, 310, 311, 316—317, 334—335, 351, 355, 419, 473, 477, 493, 504.
 Илличевскій, Демьянъ Васильевичъ, 133.
 Ильинъ, Ѳедоръ Васильевичъ, 365.
 Инзовъ, Иванъ Никитичъ, 180, 182.
 Иннокентій, епископъ, 270.
 Іоганъ, 196.
 Іосифъ II, императоръ, 258.
 Іуліанія, Новоторжская, 348.
 Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ, 160.
 Казакъ Луганскій, (псевдонимъ), см. Даль, Владиміръ Ивановичъ.
 Кайдановъ, Александръ Ивановичъ (VII к.), 26, 515.
 Кайдановъ, Владиміръ Ивановичъ (IX к.), 26, 408, 517.
 Кайдановъ, Иванъ Кузьмичъ, 26, 27, 28, 68, 116, 158, 200, 254, 296, 369, 382, 383, 385, 386—387, 443.
 Кайдановъ, Николай Ивановичъ (X к.), 26, 424, 519.
 Калашниковъ, Владиміръ Ивановичъ, (XIII к.), 450.
 Каліостро, графъ Александръ, 185.
 Кальмъ-Подоскій, Николай Ѳедоровичъ (XII к.), 477, 524.
 Калининъ, Фотій Петровичъ, 28, 86, 155, 156, 160, 171, 172, 199, 366—367, 382, 453, 459.
 Калкринъ, графъ Егоръ Францовичъ, 217.
 Калгеръ, Иванъ Христіановичъ (III к.), 257, 444, 476, 495, 507.
 Каподистрія, графъ Иванъ Антоновичъ, 147, 182.
 Карзинъ, Василій Назаровичъ, 181.
 Карамзинъ, Николай Михайловичъ, 32—33, 127—128, 179, 219, 322, 471, 482.
 Карамышевъ, Модестъ Дмитріевичъ (III к.), 477, 494, 508.
 Карбоньеръ, Левъ Львовичъ (VIII к.) 517.
 Карлгофъ ¹⁾, 311.
 Карцовъ, Яковъ Ивановичъ, 27, 28, 155, 156, 158, 160, 289, 353, 356, 382, 383, 385, 386.
 Катенинъ, Павелъ Александровичъ, 228.

) Священникъ (Иванъ, † 1843?).

) Вильгельмъ Ивановичъ 1799—1841.

- Каченовскій, Дмитрій Ивановичъ, 25.
 Кашкина, Екатерина Ивановна, рожд. Миллеръ, 455.
 Кашкинъ, Николай Сергѣевичъ (XV к.), 124, 451, 455.
 Кашкинъ, Сергѣй Ивановичъ, 455.
 Кашкинъ, Сергѣй Николаевичъ, 232, 237.
 Келеръ, Дмитрій Егоровичъ, (IV к.), 195, 508.
 Кернеръ, Карлъ Теодоръ, 368.
 Кернъ, Авдотья Петровна, 190.
 Кестнеръ, Карлъ Ивановичъ, 458.
 Кипренскій, Орестъ Адамовичъ, 226.
 Кирилинъ, Андрей Николаевичъ (XI к.), 450, 521.
 Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ, 234.
 Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ, 136, 217.
 Кювъ, Александръ Михайловичъ (X к.), 477, 519—520.
 Клингенбергъ ¹⁾, 457—458.
 Клингенбергъ, Михаилъ Карловичъ (X к.), 422, 519.
 Клодусъ ²⁾, 185.
 Книгге, Францъ Адольфъ Францъ Фридрихъ, 175—176.
 Княжевичъ, Владиславъ Максимовичъ, 224.
 Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ, 227.
 Княжевичъ, Максимъ Дмитріевичъ (XI к.), 428, 522.
 Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ, 149.
 Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ (XXI к.), 66, 114, 346—347, 418.
 Кованько, Иванъ Аонасьевичъ, 226.
 Козельскій, Михаилъ Ивановичъ (IV к.), 194, 509.
 Козодавлевъ, Осипъ Петровичъ, 126.
 Колеминъ, Александръ Ивановичъ, (VII к.), 514.
 Коленкуръ, де, графъ Арманъ Огюстенъ Луи, герцогъ де Висансъ, 22.
 Колошинъ, Павелъ Ивановичъ, 135, 232, 237.
 Колчинъ, 435.
 Кольманъ ¹⁾, 226.
 Колюбакинъ, Николай Петровичъ (Л. Б. П. XI к.), 275.
 Комовскій, Александръ Дмитріевичъ (VI к.), 280, 286—287, 328, 330, 473—475, 476, 513.
 Комовскій, Сергѣй Дмитріевичъ (I к.), 39, 51, 91, 129, 148, 188, 239, 334, 351, 353—354, 443, 458, 469—470, 503.
 Кондоиди, Григорій Владиміровичъ (XI к.), 428, 435, 477, 521.
 Кондоиди, Софья Николаевна, 435.
 Кондратьевъ, Сергѣй Алексѣевичъ (III к.), 508.
 Коновницынъ, графъ Алексѣй Петровичъ (VI к.), 287, 477, 513.
 Коновницынъ, Иванъ, 246.
 Коновницынъ, графъ Петръ Петровичъ, 174—176, 282—283, 300.
 Константинъ Павловичъ, великій князь, 4, 40—43, 175, 176, 194, 246, 248, 271—272, 331.
 Коншинъ, Михаилъ Аонасьевичъ (X к.), 519.
 Корнелій Непотъ, 289, 386.
 Корнилова, рожд. Толстая, графиня, 172.
 Корниловъ, Александръ Алексѣевичъ (I к.), 39, 55, 134, 245, 334, 353, 441, 442—443, 444, 458, 471—472, 476—477, 504.
 Корниловъ, Ѳедоръ Петровичъ (Л. Б. П. XI к.), 275.
 Корсаковъ, Александръ Васильевичъ (XII к.), 450, 513.
 Корсаковъ, Николай Александровичъ (I к.), 39, 58, 85, 91, 151—152, 322, 353, 473, 494, 503.
 Корфъ, баронъ Александръ (Л. Б. П. IV к.), 173.
 Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ (I к.), 4, 5, 28, 39, 49, 61, 79, 81, 84, 91, 106, 114, 116, 134, 144, 145, 149—151, 224, 239, 242, 254, 256, 257, 298, 301, 315, 316, 323—324, 328—329, 334, 344—345, 351, 355, 385, 387, 397, 401, 404, 414—415, 419, 441, 443, 444—446, 458, 467, 467—473, 476—477, 494, 503.
¹⁾ Карлъ Ѳедоровичъ, ген.-лейт., исп. д. гл. дир. кад. корп. 1772—1849.
²⁾ Христіанъ Аугустъ Рейрихъ?

¹⁾ Карлъ Ивановичъ, граверъ, акад. И. А. X. 1788—1846.

- Корфъ**, баронъ (Модестъ Андреевичъ ?), 324.
Корфъ, баронесса Ольга Ѳедоровна, 317.
Корфъ, баронъ, Юлій Ѳедоровичъ (IV к.), 494, 508.
Корфъ, баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ ¹⁾, 468.
Костенскій, Дмитрій, 40.
Костенскій, Константинъ Дмитриевичъ (I к.), 39, 40, 57, 224, 314, 353, 467, 494, 504.
Костливцевъ, Сергій Александровичъ (VII к.), 474, 515.
Костюшко, Тадеушъ, 93.
Коухъ, Алексій Ивановичъ, 356, 367, 399.
Коцебу, рожд. Крузенштернъ фонъ, 207—208.
Коцебу, Августъ, 180, 206—208.
Коцебу, Василій Евстафьевичъ (VI к.), 208, 287, 477, 513.
Коцебу, Карлъ Евстафьевичъ (IV к.), 208, 494, 509.
Коцебу, Осипъ Евстафьевичъ, 212.
Коцебу, Фредерика, рожд. Эссенъ, фонъ, 207.
Коцебу, Христина, рожд. Крузенштернъ, фонъ, 207.
Кочетовъ, Іоакимъ Семеновичъ, 120, 154, 177, 270, 427, 443, 459, 482—484.
Кочетовъ, Разумникъ Акинфовичъ ²⁾, (X к.), 519.
Кочубей, князь Викторъ Павловичъ, 20, 123, 297, 463.
Кошапскій, Николай Ѳедоровичъ, 25, 27, 65, 67, 68, 158, 159, 200, 204, 254, 287—289, 296, 300—305, 353.
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ, 234, 319—320.
Кошелевъ, Родіонъ Александровичъ, 35.
Крафтъ ³⁾, 72.
Ерейсти, Александръ Александровичъ, (XI к.), 478, 521.
- Криднеръ**, баронъ Рихардъ Владиміровичъ (XI к.), 522.
Кронебергъ, Иванъ Яковлевичъ (Іоганнъ Христіанъ), 278.
Кругъ ¹⁾, 34.
Крузенштернъ, фонъ, 218.
Крузенштернъ, фонъ, см. Коцебу.
Крузенштернъ, Александръ Ивановичъ (IV к.), 476, 495, 509.
Крузенштернъ, ²⁾, 212.
Крузенштернъ, Платонъ Ивановичъ, (VI к.), 286, 514.
Крузенштернъ, фонъ, Христина, см. Коцебу.
Крыловъ ³⁾, 226.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, 142, 228—229, 278.
Крюковскій, Матвій Васильевичъ, 1781—1811, 449.
Крюковъ, Аркадій Петровичъ (XI к.), 522.
Кузнецовъ, Владиміръ Ивановичъ (X к.), 478, 519.
Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ, 363.
Кульманъ, Николай Карловичъ, 328.
Куницынъ, Александръ Петровичъ, 26, 27, 28, 42, 68, 71, 137, 157, 158, 185, 193, 226, 254, 257, 391.
Куракинъ, князь, Александръ Борисовичъ, 8, 11, 73.
Курляндская, герцогиня, Анна Шарлотта Доротея, рожд. графиня Медемъ, 185.
Кутневичъ ⁴⁾, 347.
Кушелевъ-Возбородко, графъ, Григорій Григорьевичъ, 464.
Кюстинъ, де, маркизъ Астольфъ, 208.
Кюхельбекеръ, Альбрехтъ Карловичъ, 89.
Кутузовъ, П. В., см. Голенищевъ-Кутузовъ, графъ.
- ¹⁾ Филиппъ Ивановичъ, академикъ, 1764—1844.
²⁾ Иванъ Ѳедоровичъ, адмиралъ 1770—1846.
³⁾ Александръ Абрамовичъ, (?) 1799—1829.
⁴⁾ Василій Ивановичъ, оберъ-священникъ арміи и флота, 1787—1865.

¹⁾ Оберъ-комендантъ въ Митавѣ 1760—1813.

²⁾ Такъ въ спискахъ, въ несоотвѣстствіи съ именемъ отца (Іоакимъ).

³⁾ Вольфгангъ Лудвигъ (Логинъ Юрьевичъ), академикъ физики, 1743—1814.

- Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ** (I к.), 39, 40, 51, 61, 85, 88—90, 111, 126, 140, 143—146, 148, 152, 154, 180, 182, 183, 184—189, 195, 209, 224, 226, 233—236, 242—244, 248, 272, 312—313, 317, 322, 324, 346—347, 353, 354, 365, 417, 472, 477—478, 484—485, 488—489, 503.
- Кюхельбекеръ, Дросида Ивановна**, 347.
- Кюхельбекеръ, Юстина Карловна**, см. Глинка.
- Лаваль, графъ Иванъ Степановичъ**, 167.
- Лавинъ, де**, см. Делавинъ, Клеменсъ.
- Лаврова, Софя Андреевна**, рожд. Глинка, 241.
- Лагарпъ, Жанъ Франсуа**, 21, 241, 250.
- Лаксманъ, Александръ Леонасовичъ**, (VI к.), 515.
- Ламбертъ, графъ Иосифъ Карловичъ** (I к.), 21, X к.), 275.
- Лангеръ, Викторъ Павловичъ** (III к.), 71, 121, 130—131, 246, 244, 410, 417, 446, 477, 496, 505.
- Лашенбергъ, Юлианъ Мартинъ**, 185.
- Лаубе, Николай Ивановичъ** (I к.), 11, IX к.), 275, 279.
- Лаудонъ, баронъ**, 39.
- Лафонтенъ, де, Жанъ**, 186.
- Лебцельтеръ, фонъ, графъ Людвигъ**, 257—260.
- Левашовъ, графъ Василий Васильевичъ**, 471.
- Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ**, 414.
- Лессингъ, Готтольдъ Эфраимъ**, 234, 371, 380.
- Ливень, свѣтл. князь (принцъ графъ) Карлъ Андреевичъ**, 318, 364, 384.
- Ливень, свѣтл. князь Павелъ Христофоровичъ**, 499.
- Ливень, свѣтл. князь Христофоръ Андреевичъ**, 499.
- Липгардтъ, Александръ Александровичъ** (III к.), 496, 508.
- Листъ**, 188.
- Литта, графъ Юлій Помпеевичъ**, 19.
- Лихонинъ, Семенъ Семеновичъ** (VI к.), 286, 307, 477, 512.
- Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ**, 228.
- Лобановъ-Ростовскій, князь Алексѣй Борисовичъ** (XIII к.), 450.
- Лобановъ-Ростовскій, князь Дмитрій Ивановичъ**, 149.
- Ломоносовъ, (ник. Т. Б. II, IV к.), 173.**
- Ломоносовъ, Алексѣй Михайловичъ** (XXVI к.), 461.
- Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ**, 370.
- Ломоносовъ, Сергѣй Григорьевичъ** (I к.), 39, 50, 61, 91, 113, 116, 133, 147—148, 224, 236, 355, 443, 444, 458, 459—561, 472, 477, 481—482, 495—496, 503.
- Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ**, 429.
- Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ¹⁾**, 251.
- Лопухинъ, князь Петръ Васильевичъ**, 242.
- Лувель, Пьерръ Луи**, 180.
- Лѣсковъ, Николай Семеновичъ**, 455.
- Любомирскій, князь Евгеній Евгеніевичъ** (XIV к.), 458.
- Людвикъ XIV, король**, 289, 293.
- Людвикъ XVI, король**, 369.
- Людвикъ, XVIII, король**, 468.
- Лютеръ, Мартинъ**, 387.
- Люценко, Ефимъ Петровичъ**, 36, 345—346.
- Ляминъ**, 305.
- Маврокордато, князь Александръ**, 221.
- Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ**, 35, 119, 157, 160, 249.
- Мазаевъ, Михаилъ Николаевичъ**, 226.
- Майковъ, Владиміръ Владиміровичъ**, 256.
- Майковъ, Леонидъ Николаевичъ**, 84.
- Макарій**, 347.
- Макаровъ, Петръ Николаевичъ** (VI к.), 286, 513.
- Малиновская, Анна Васильевна**, см. Розень, баронесса.
- Малиновская, рожд. Самборская**, 23.
- Малиновская, Марія Васильевна**, см. Вольховская.
- Малиновская, Марія Васильевна, рожд. Пущина**, 467.
- Малиновскій, Андрей Васильевичъ** (III к.), 65, 246, 315—316, 498, 507.
- Малиновскій, Антонъ Ивановичъ** (XXI к.), 65—66.

¹⁾ Сенаторъ, 1756—1816.

- Малиновскій, Василий Ѳеодоровичъ, 22—25, 36, 40—44, 65, 67, 481.
- Малиновскій, Иванъ Васильевичъ (I к.), 25, 39, 40, 48, 61, 65, 91, 113, 129, 134, 224, 353, 413, 439, 440, 442, 443, 467, 497, 504.
- Манзони, Алессандро, 294.
- Мансуровъ, 468.
- Мансуровъ, Павелъ Борисовичъ, 139.
- Маратъ, Давидъ, см. Будри, де.
- Маратъ, Жанъ, (отецъ), 28.
- Маратъ, Жанъ, 28—29.
- Маріетъ ¹⁾, 363.
- Марія Николаевна, великая княжна, 338, 403.
- Марія Павловна, великая княгиня, великая герцогиня Саксенъ Веймарская, 208.
- Марія Ѳеодоровна, Императрица, 4—5, 40, 41—43, 127, 130—131, 214.
- Маркевичъ, Андрей Ивановичъ, 1769—1832, 468.
- Мартини, Иванъ Егоровичъ, 356—357, 373.
- Мартыновъ, Александръ Ивановичъ (III к.), 497, 507.
- Мартыновъ, Аркадій Ивановичъ (I к.), 39, 40, 56, 351, 354, 443, 467, 504.
- Мартыновъ, Иванъ Ивановичъ, 15, 20, 40, 43, 112.
- Марченко, Александръ Васильевичъ (VII к.), 515.
- Марченко, Петръ Васильевичъ (X к.), 520.
- Масловъ, Димитрій Николаевичъ (I к.), 39, 50, 61, 137, 138, 224, 230, 355, 443, 444, 458, 471, 477, 496, 503.
- Маттисонъ, фонъ, Фридрихъ, 368.
- Матюшкинъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ (I к.), 39, 55, 61, 86, 113, 116, 128, 133, 134, 143, 147, 155, 167, 171, 184, 212, 214, 215, 224, 230, 235, 315, 351, 353, 355, 411, 415, 421, 443, 444, 470—471, 476, 477, 496, 504.
- Медемъ, графиня, см. Рекке, фонъ-деръ, баронесса.
- Меденъ, графиня, см. Курляндская, герцогиня.
- Мей, Левъ Александровичъ (XI к.), 126, 428, 433, 434—436, 453, 477, 522.
- ¹⁾ Marryat, Фредерикъ.
- Мейендорфъ, баронъ ¹⁾, 442.
- Менгсъ, Антонъ Рафаэль, 446.
- Менюэ, Петръ Ивановичъ, 277, 357.
- Мерзляковъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ, 303.
- Мертваго, Варвара Дмитріевна, 201.
- Мертваго ²⁾, 230, 471.
- Мертваго, Дмитрій Дмитріевичъ (VII к.), 474, 477, 515.
- Мертваго, Николай Дмитріевичъ (IV к.), 201, 497, 510.
- Местмахеръ, баронъ Николай Ѳеодоровичъ (IV к.), 498, 510.
- Местръ, де, графъ Жозефъ-Мари, 15.
- Метастазіо, Пьетро Бонавентура, 294.
- Меттернихъ, князь Клеменсъ Лотаръ Венцель, 31, 219—223, 257—260.
- Мещерскій, князь Александръ Васильевичъ (V к.), 274, 292, 303, 316, 511.
- Мещерскій, князь Платонъ Васильевичъ (VIII к.), 517.
- Миклашевскій, Павелъ Микханловичъ (VIII к.), 516.
- Микулинъ, Илларионъ Васильевичъ (II к.), 71, 506.
- Милиція, 446.
- Миллеръ, Екатерина Ивановна, см. Кашкина.
- Миллеръ, Карлъ Карловичъ (IV к.), 498, 510.
- Миллеръ, Марія Ивановна, рожд. Барышникова, 455.
- Миллеръ, Николай Александровичъ (XIV к.), 450, 458.
- Миллеръ, Николай Ивановичъ, 454—455, 457.
- Миллеръ, Павелъ Ивановичъ (VI к.), 286, 306, 307—308, 513.
- Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ, 128, 178—179.
- Митусовъ, Петръ Степановичъ (V к.), 511.
- Михаилъ Павловичъ, великій князь, 1, 5, 6, 146, 244, 284—285, 331—332, 338, 365, 368, 375—378, 401—403, 409, 423, 432, 437, 454, 455—457, 461—462, 502.
- Мицкевичъ, Адамъ, 452.
- Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, 323.
- ¹⁾ Александръ Казимировичъ, 1798—1865.
- ²⁾ Дмитрій Борисовичъ (?), 1760—1824.

- Молчановъ, Николай Николаевичъ (II к.), 71, 247, 322, 505.
- Моро, Эженъ (Луи Изидоръ Эженъ Лемуанъ), 450.
- Мочульскій, Петръ (Л. Б. П. IV к.), 173.
- Музовскій, Николай Васильевичъ, 25, 120.
- Муравьева, Александра Григорьевна, 313.
- Муравьевъ, Александръ Михайловичъ, 135.
- Муравьевъ, Александръ Николаевичъ (VIII к.), 516.
- Муравьевъ, Михаилъ (?), 135.
- Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ, 21.
- Муравьевъ, Михаилъ Николаевичъ, 251, 302.
- Муравьевъ, Никита Михайловичъ, 135, 140, 245, 249.
- Муравьевъ, Николай Николаевичъ, 187.
- Муравьевъ-Апостолъ, Матвій Ивановичъ, 247.
- Муравьевъ-Апостолъ, Сергій Ивановичъ, 247.
- Мусина - Пушкина, графиня Марія Александровна, см. Горчакова, свѣтл. княгиня.
- Мухановъ, Сергій Ильичъ, 41, 43.
- Мясоедовъ, Павелъ Николаевичъ (I к.), 39, 57, 133, 147, 351, 354, 468, 505.
- Набоковъ, Иванъ Ивановичъ (XIII к.), 450, 458.
- Набоковъ, Петръ Ивановичъ (XII к.), 450, 523.
- Наполеонъ I, императоръ, 5, 6, 75, 429.
- Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, 184—186.
- Нарышкинъ, Кирилъ Львовичъ, 420—421.
- Нарышкинъ, Левъ Кирилловичъ (IV к.), 420—421, 498, 509.
- Наръжнѣй, Василій Трофимовичъ, 336.
- Наумовъ, А. А., 412.
- Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ, 322.
- Негри, Александръ Федоровичъ, 148.
- Неклюдовъ, Василій Николаевичъ (III к.), 498, 508.
- Неклюдовъ, Василій Сергѣевичъ (IX к.), 518.
- Неклюдовъ, Петръ Сергѣевичъ (VIII к.), 517.
- Немани, Андрей Федоровичъ (XI к.), 428, 478, 520.
- Нессельроде, графъ Карлъ Васильевичъ, 187, 472.
- Несторъ, 299.
- Нечаевъ, 188.
- Нечаевъ, Степанъ Дмитриевичъ, 347.
- Нефловъ, Иванъ Петровичъ (V к.), 511.
- Никитенко, Александръ Васильевичъ, 321.
- Никифоръ, 196.
- Николаевъ, Иванъ Никитичъ (XV к.), 427.
- Николай, баронъ Александръ Павловичъ, 423, 476, 519.
- Николай I, Императоръ, 4, 56, 90, 220, 241, 256, 259, 271—274, 280, 284—285, 308—309, 320—321, 327, 336, 337, 365, 403, 422, 423, 430—431, 437, 440, 442, 455, 459, 461—462, 464—465, 469, 502.
- Николь, Доминикъ Шарль, 390.
- Новиковъ, Николай Ивановичъ, 251.
- Новосильцевъ, графъ Николай Николаевичъ, 34.
- Носова, Анна (Ирина) Владиміровна, рожд. Вольховская, 354, 441.
- Носовъ, 441.
- Нумерсъ, Августъ Федоровичъ (Л. Б. П. V к.), 247.
- Нумерсъ, Алексѣй Федоровичъ (V к.), 511.
- Нумерсъ, Логгинъ Федоровичъ (II к.), 119, 444, 505.
- Нумерсъ, Федоръ Евстафѣевичъ, 171, 195, 204, 274, 283.
- Ободовскій, Платонъ Георгіевичъ, 311.
- Оболѣнскій, князь Александръ Петровичъ, 192—195.
- Оболѣнскій, Андрей Филипповичъ, 199, 274, 299, 349—350, 364, 366, 375, 378, 383—384, 387—388, 393, 407—410, 427, 433, 454, 456—457.
- Оболѣнскій, Викторъ Андреевичъ (XI к.), 521.
- Оболѣнскій, князь Евгенийъ Петровичъ, 245—247.
- Оболѣнскій, Константинъ Андреевичъ (XI к.), 521.

- Оболенскій, князь Михаилъ Александровичъ (XI к.), 476, 521.
- Оде-де-Сюиъ, Александръ Карловичъ (VIII к.), 517.
- Одоевскіе, князья, 234.
- Одоевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ, 234—236, 242, 325, 472, 488—489.
- Ожаровская, графиня, 301.
- Ожаровскій, графъ Адамъ (нк. VI к.), 286.
- Озеровъ, Александръ Петровичъ (VII к.), 362, 515.
- Озеровъ, Владиславъ Александровичъ, 449.
- Озеровъ, Петръ Ивановичъ, 194, 195, 283.
- Озеровъ, Сергѣй Петровичъ (IV к.), 283, 477, 498, 510.
- Оленинъ, Алексѣй Николаевичъ, 142, 189—190, 486—488.
- Олива, де-, Францъ Адамовичъ, 175, 293, 371, 391, 427.
- Оливье, 379.
- Ольга Николаевна, великая княжна, 338.
- Ольдекопъ, 219¹⁾.
- Ольденбургскій, герцогъ, 5, 41, 192.
- Ольденбургскій, принцъ Петръ Георгиевичъ, 5, 462—463.
- Омельяненко, Николай Яковлевичъ (XI к.), 523.
- Опочининъ²⁾, 272.
- Орлай-де-Карво, Михаилъ Ивановичъ (II к.), 71, 506.
- Орловъ, князь Алексѣй Ѳедоровичъ, 136.
- Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, 140, 183.
- Орловъ, князь Николай Алексѣевичъ, 160.
- Осокинъ, Александръ Гавриловичъ (XII к.), 450, 524.
- Остенъ - Сакенъ, баронъ Александръ Ѳедоровичъ, 86—87.
- Остенъ-Сакенъ, графъ Дмитрій Ерофеевичъ, 4.
- Остенъ - Сакенъ, баронесса Елизавета Егоровна, рожд. Энгельгардтъ, 217.
- Остенъ-Сакенъ, баронъ Романъ Ѳедоровичъ, 217.
- Остенъ-Сакенъ, баронъ Ѳедоръ Романовичъ, 81, 201, 205.
- Остолоповъ¹⁾, 226.
- Оттъ, Оскаръ Ѳедоровичъ (XV к.), 452.
- Павель I, Императоръ, 8—9, 20, 73—74, 207, 252.
- Павлищева, Ольга Сергѣевна, рожд. Пушкина, 123, 144.
- Павлищевъ, Николай Ивановичъ (Л. Б. II. I к.), 123, 275.
- Павловъ, 188.
- Павловъ (нк.), 453.
- Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ, 234—235.
- Пальчикова, Марія Александровна, 435.
- Пальчиковъ, Александръ Васильевичъ (XI к.), 433, 451, 521.
- Пальчиковъ, Владиміръ Петровичъ (II к.), 71, 121, 238, 444, 506.
- Пальчиковъ, Николай Васильевичъ (XII к.), 433, 451, 523.
- Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ, 226.
- Парландъ, Иванъ Ивановичъ (Vк.), 512.
- Парротъ²⁾, 215.
- Паскевичъ-Эриванскій, графъ, Варшавскій, князь, Иванъ Ѳедоровичъ, 313, 439—442.
- Пашенко, Константинъ Семеновичъ (VI к.), 286, 514.
- Пашенко, Николай Семеновичъ (IV к.), 198, 509.
- Пезаровіусъ³⁾, 35.
- Пейкеръ, Александръ Ивановичъ (V к.), 512.
- Первошиковъ, Василій Матѣевичъ, 184.
- Перовскій, Петръ Николаевичъ (VII к.), 515.
- Перфильевъ, Василій Стенановичъ (XIV к.), 450.
- Песталоцци, Юганнъ Гейнрихъ, 87.
- Пестель, Павелъ Ивановичъ, 135.
- Петерсъ, 379.

¹⁾ Николай Ѳедоровичъ, 1782—1833.

²⁾ Георгъ Фридрихъ, академикъ И. А. Н., 1767—1852.

³⁾ Павелъ Павловичъ, основатель Русскаго Инвалида, 1776—1847.

¹⁾ Евстафій Ивановичъ (?).

²⁾ Ѳедоръ Петровичъ, оберъ-гофмейстеръ, 1779—1852.

- Петрашевскій, Игнатій Балтазаровичъ, 456—457.
- Петрашевскій, М. В. (X к.), см. Баташевичъ-Петрашевскій.
- Петръ I, Императоръ, 7, 8, 265, 344.
- Пецольдъ, Александръ Семеновичъ, 356, 394, 399.
- Пешель, Францъ Осиповичъ, 46—37, 374, 382, 396, 427, 443, 453.
- Пешуровъ ¹⁾, 147.
- Пилецкій-Урбановичъ, Мартинъ Степановичъ, 28.
- Плетневъ, Петръ Александровичъ, 216, 226, 294, 320, 322—323, 328—329, 442, 444, 446, 449, 457.
- Плутархъ, 140.
- Плюшаръ ²⁾, 347.
- Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ, 418.
- Повало-Швейковскій, Доримонтъ Николаевичъ (VI к.), 286, 513.
- Подлиневъ, Сергій Николаевичъ (II к.), 71, 121, 222, 506.
- Позняковскій, 589.
- Познякъ, Давидъ Прокофьевичъ, 227.
- Познякъ, Иванъ Дмитріевичъ (II к.), 71, 122, 132, 225, 498, 506.
- Познякъ, Софія Дмитріевна, см. Пономарева.
- Полевой, Николай Алексѣевичъ, 459.
- Полетика, Петръ Ивановичъ, 146, 284, 482.
- Полторацкая, Евдокия Павловна, 92, 132.
- Полторацкій, Александръ Александровичъ, 92.
- Полякова, 435.
- Пономарева, Софія Дмитріевна, рожд. Познякъ, 132, 146, 225—226, 228—229.
- Пономаревъ, 481.
- Пономаревъ, Акимъ Ивановичъ, 226, 227, 229.
- Пономаревъ, Иванъ, 227.
- Поповъ, Василій Михайловичъ, 119, 160.
- ¹⁾ Алексій Никитичъ.
- ²⁾ Адольфи Александръ Александровичъ, книготорговецъ, 1803—1865.
- ³⁾ Въ спискахъ .I. гв. Гусарскаго полка не упоминается.
- Поповъ, Михаилъ Николаевичъ (III к.), 198, 507.
- Потаповъ, Петръ Львовичъ (V к.), 511.
- Потемкинъ-Таврическій, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ, 72.
- Похвисновъ, Михаилъ Николаевичъ (VI к.), 287, 476, 513.
- Похвисновъ, Николай Николаевичъ, 187—188.
- Принцъ, Густавъ Густавовичъ (XI к.), 128, 476, 521.
- Приауда, ди, Христина, 72.
- Прозоровская, княгиня ¹⁾ 41, 42.
- Прокешъ-Остенъ, графъ, 222.
- Пугачевъ, Емельянъ Ивановичъ, 344.
- Пушкина, Наталья Николаевна, рожд. Гончарова, 314.
- Пушкина, Ольга Сергѣевна, см. Павлешева.
- Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ (I к.), 1, 5, 27, 36, 27, 39, 45, 54, 68, 79, 83, 84, 85, 87, 90, 91, 92, 112, 123, 133, 134, 135, 136—140, 141, 143—147, 152, 154, 155, 178—184, 185, 186, 200, 206, 219, 225, 228—235—239, 241—244, 254, 272, 275, 288, 289, 291, 300—304, 305—306, 310—313, 314, 315—318, 320, 322—324, 331, 341, 348, 350—351, 354—355, 357, 362, 363, 370, 371—373, 381, 382—383, 385, 398, 400, 411—418, 419, 431, 436, 439, 449, 461, 469, 473, 477—478, 489, 498, 504.
- Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ, 141.
- Пушкинъ, Николай Львовичъ, 146.
- Пущина, Марія Ивановна, см. Малиновская.
- Пущинъ, Иванъ Ивановичъ (I к.), 5, 39, 40, 47, 84, 85, 93, 105, 114, 120, 134, 135, 136, 139, 146—147, 178, 189, 224, 231—233, 237—238, 242, 244, 245, 248, 313, 322, 353, 413, 415—417, 420, 443, 463, 470, 478, 504.
- Пущинъ, Иванъ Петровичъ, 467.
- Пфаффиусъ, Андрей Евгеніевичъ (XLV к.), 227.
- Пѣтушинъ, 278.
- Р. А. К., 489.
- Раевскій, Николай Николаевичъ, 182, 183, 230, 468.
- ¹⁾ Анна Михайловна, рожд. кн. Волконская, статсъ-дама, 1747—1824.

- Разумовскій, графъ Алексѣй Кирилловичъ. 7. 11. 12—13. 15—16. 19. 22. 26—27. 31. 39—44. 61. 62. 63. 65. 67. 75. 81—82. 96. 217. 342.
- Расинъ, де, Жанъ, 293.
- Растопчина, графиня Екатерина Петровна, 256.
- Рашетъ, Владиміръ Антоновичъ (V к.), 512.
- Рашетъ, Евгений Павловичъ (Л. Б. П. VIII к.), 275.
- Рашетъ, Иванъ Карловичъ (III к.), 444, 499, 507.
- Рашидъ-паша, 220.
- Раупахъ ¹⁾, 159, 160.
- Дерптскаго Ун., 1764—1832.
- Ребиндеръ, графъ ²⁾, 329.
- Резлеръ, 184.
- Реймерсъ, Алексѣй Евстафьевичъ (V к.), 511.
- Рейнботъ, Евгений Антоновичъ (XII к.), 477, 524.
- Рейнботъ, Павелъ Антоновичъ (VI к.), 286, 306, 513.
- Рейтернъ, графъ Михаилъ Христофоровичъ (X к.), 422, 476, 519.
- Рекко, фонъ деръ, баронесса Элиза рожд. Медемъ, графиня, 185.
- Рененкампфъ ³⁾, Павелъ Андреевичъ (VII к.), 514.
- Ренненкампфъ, Александръ Яковлевичъ, 44.
- Репнинъ, князь, 44, 61.
- Рербергъ, Федоръ Федоровичъ (XV к.), 458.
- Ржевскій, Николай Григорьевичъ (I к.), 39, 58, 61, 134, 353, 472—473, 505.
- Ритмейстеръ, Александръ Вильгельмовичъ (IV к.), 499, 510.
- Рихтеръ, Александръ Борисовичъ (IV к.), 443, 444, 477, 499, 509.
- Рихтеръ, Борисъ Борисовичъ (VII к.), 514.
- Рихтеръ, Константинъ Борисовичъ (III к.), 499, 538.
- Родзянко, Аркадій Гавриловичъ, 139, 180, 206.
- ¹⁾ Эрнстъ Вениаминъ Соломонъ, 1783—1852.
- ²⁾ Робертъ Ивановичъ, 1777—1841.
- ³⁾ Въ спискахъ черезъ одно и.
- Рожалинъ, Николай Матвѣевичъ, 234.
- Рождественскій, Сергѣй Васильевичъ, 7, 119.
- Рожновъ, Михаилъ Петровичъ (XII к.), 150, 523.
- Розенбергъ, 415—416.
- Розенкампфъ ¹⁾, 35.
- Розенъ, баронъ Андрей Евгениевичъ, 65, 247, 440—441.
- Розенъ, баронесса Анна Васильевна, рожд. Малиновская, 65, 440.
- Розенъ, баронъ ²⁾, 440, 442.
- Розенъ, баронъ Федоръ Федоровичъ (IV к.), 443—444, 499, 509.
- Ромбергъ, Александръ Федоровичъ (V к.), 512.
- Ростовцевъ, графъ Яковъ Ивановичъ, 327, 333, 376—380, 404.
- Ротастъ, Екатерина 196.
- Ротастъ, Петръ Антоновичъ ³⁾, 196.
- Ротъ ⁴⁾, 247.
- Рубецъ, Александръ Александровичъ (LIX к.), 127.
- Рудзевичъ, Петръ Осиповичъ (XII к.), 523.
- Руктешель, Романъ Карловичъ (V к.), 511.
- Румянцевъ, графъ Николай Петровичъ, 33.
- Рунебергъ, Иоганнъ Лудвигъ, 329.
- Руничъ, Дмитрій Павловичъ, 119, 160, 167, 249.
- Руссо, Жанъ Жакъ, 176, 236.
- Ручъ, 379.
- Рылѣвъ, Кондратій Федоровичъ, 248.
- Рѣпинъ, Николай Петровичъ, 248.
- Рюккертъ, Фридрихъ, 368.
- Сабиръ, Михаилъ Осиповичъ (IX к.), 518.
- Сабуровъ (ик. Л. Б. П. IV к.), 173.
- Савичъ, Николай Ивановичъ (II к.), 71, 499, 505.
- Саврасовъ, Петръ Федоровичъ (I к.), 39, 53, 129, 134, 224, 239, 324, 353, 473, 499, 504.
- ¹⁾ Баронъ Густавъ Андреевичъ, проф. Дерптск. Ун., 1764—1832.
- ²⁾ Григорій Владиміровичъ, 1782—1841.
- ³⁾ У Селезнева—Роттастъ.
- ⁴⁾ Логинъ Осиповичъ.

- Сакенъ, Д. Е., см. Остенъ-Сакенъ, графъ Дмитрій Ерофеевичъ.
 Саксенъ-Веймарскій, великая герцогиня, см. Марія Павловна, великая княгиня.
 Саллюстій Криспъ, Гай, 386.
 Саломонъ, Петръ Ивановичъ (X к.), 123, 476, 519.
 Салтыковъ, графъ Иванъ Петровичъ, 73.
 Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ, 122.
 Салтыковъ, Василий Петровичъ, 28.
 Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ (XIII к.), (Щедринъ), 450, 452—453, 463.
 Самборская, Анна Андреевна, 440.
 Самборская, см. Малиновская.
 Самборскій, Андрей Афанасьевичъ, 23, 24, 36, 44.
 Самсоновъ, Александръ Петровичъ (Л. П. П. X к.), 775.
 Самсонъ, Эдуардъ см. III к.), 175.
 Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ, 226.
 Северина, 92.
 Сей, Жанъ Батистъ, 339.
 Селезневъ, Иванъ Феофановичъ, 12, 93, 111, 225, 470, 490, 501, 511, 502, 451.
 Семенова, Наталья Петровна, см. Громова.
 Семеновъ, III к.).
 Семеновъ, Николай Николаевичъ (II к.), 120, 448, 506.
 Семеновъ, Николай Петровичъ (XII к.), 339, 476, 487, 470, 452—453, 476—477, 523.
 Семеновъ, Сидоръ Михайловичъ, 135, 274.
 Сенниковъ, Осипъ Ивановичъ, (Францъ Карлъ), 238, 243, 301.
 Сенъ-Жулиенъ, графъ, 30.
 Сенъ-Пьерръ, де, Бернардъ, 293.
 Серафимъ, митрополитъ, 327.
 Серпо-Соловьевичъ, Александръ Александровичъ (XXX к.), 305.
 Сестренцовичъ-Вогущъ, Станиславъ, митрополитъ, 123.
 Сиверсъ, графъ Леопольдъ Егоровичъ (VIII к.), 516.
 Сиверсъ, графъ Эдуардъ Карловичъ (X к.), 520.
 Сироденъ, Поль, 450.
 Сисмонди, Жанъ Шарль Леонаръ Симондъ де, 339.
 Скобелевичъ, 89.
 Скоттъ, сэръ Вальтеръ, 293, 336, 362.
 Скрибъ, Эженъ, 450.
 Смарагдовъ, Семенъ Николаевичъ, 458.
 Смирновъ, Степанъ Ивановичъ (IV к.), 499, 509.
 Смитъ, Адамъ, 339.
 Смитъ, Маркъ, 92.
 Соболевскій, Сергій Александровичъ, 488—489.
 Сологубъ, графъ Левъ (ик. VI к.), 286.
 Сольскій, графъ Дмитрій Мартыновичъ (XVIII к.), 107.
 Сомовъ, Орестъ Михайловичъ, 226, 311.
 Сосницкій, Иванъ Ивановичъ, 449.
 Спафарьевъ, Аполлинарій Леонтьевичъ (IV к.), 499, 510.
 Споранскій, графъ Михаилъ Михайловичъ, 6—7, 10—11, 20, 34, 35, 153—154, 159, 223, 257—259, 311, 463—464, 470.
 Спѣшновъ, Яковъ Тимофеевичъ (XII к.), 450, 478, 523.
 Сталь, Константинъ Фёдоровичъ (VIII к.), 516.
 Сталь-Роллетъ, баронесса Жермена, 148.
 Старовъ, Александръ Васильевичъ (XIII к.), 516.
 Стевенъ, Фёдоръ Христиановичъ (I к.), 39, 54, 224, 242, 315, 344, 351, 353, 413, 441, 468, 499, 503.
 Стесель, Александръ Ивановичъ (VII к.), 515.
 Стесель, Николай Ивановичъ (VI к.), 287, 513.
 Стесель, Павелъ Ивановичъ (IX к.), 397, 403, 512.
 Стрекаловъ, Степанъ Степановичъ (VI к.), 306, 307, 513.
 Стремоуховъ, Петръ Николаевичъ (XII к.), 470, 477, 523.
 Строганова, графиня Софя Владиміровна, род. Голицына, княгиня, 50.
 Струве, Бернардъ Васильевичъ (XV к.), 457.
 Струговицковъ, Сиданъ Яковлевичъ (VIII к.), 516.

- Стурдза, Александръ Скарлатовичъ, 147.
 Суковкинъ, Акифій Петровичъ (Л. Б. П. XI к.), 275.
 Сумароковъ, Александръ Петровичъ, 370, 449.
 Сутгофъ, Александръ Николаевичъ, 247.
 Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ, 333.
 Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, 16.
 Сушковъ ¹⁾, 279.
 Сю. Эженъ, 371.
 Талтейранъ-Перигоръ, князь, Беневентскій, князь, Шарль Морисъ, 460.
 Тассо, Торквато, 294.
 Татаринова, Екатерина Филипповна, рожд. Буксгевденъ, 119.
 Татищевъ ²⁾, 336.
 Теннеманъ, 339.
 Тепловъ, Иванъ Григорьевичъ (IX к.), 518.
 Тепперъ-де-Фергюсонъ, 92, 125.
 Тереза, 229.
 Тидге, Христофъ Аугустъ, 185.
 Тизенгаузенъ, графъ Александръ Павловичъ (V к.), 511.
 Тикъ, Іоганнъ Лудвигъ, 185.
 Тилло, Иванъ Алексѣевичъ, 29, 199—200, 288—290, 294, 356.
 Тиль, 315.
 Титлиновъ, 107.
 Толстая, графиня, см. Корнилова.
 Толстой, 460.
 Толстой, графъ Дмитрій Андреевичъ (XII к.), 428, 450, 452, 476—477, 522—523.
 Толстой, графъ Николай Александровичъ, 43.
 Толстой, Юрій Василіевичъ (XII к.), 450, 452, 476—477, 523.
 Толстой, Яковъ Николаевичъ, 139.
 Торпау, баронъ, Николай Егоровичъ (V к.), 191, 476—477, 511.
 Траянъ, Маркъ Ульпій, императоръ, 158.
 Третьяковъ, Николай Николаевичъ (VII к.), 516.
 Третьяковъ, Федоръ Николаевичъ (V к.), 512.
 Триго, Иванъ Ивановичъ 277.
 Троицкій, Василій Дмитріевичъ 277, 303.
 Трофимовъ, Александръ Ивановичъ (IX к.), 364, 376, 408, 477, 518.
 Трубецкая, княгиня М. А., 84.
 Трубецкіе, 284.
 Трубецкой, князь, 460.
 Трубецкой, князь Сергій Петровичъ, 135, 245.
 Туманскій, Василій Ивановичъ, 186.
 Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, 33, 183, 187, 259—260, 413—414, 482.
 Тургеневъ, Иванъ Петровичъ, 251.
 Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, 229.
 Тургеневъ, Николай Ивановичъ, 26, 137, 138, 139, 140, 157, 180, 185, 251, 260.
 Тургеневъ, Сергій Ивановичъ, 139.
 Тутолминъ, Иванъ Васильевичъ, 194.
 Тучковъ, Алексѣй Алексѣевичъ, 233.
 Тырковъ, Александръ Дмитріевичъ (I к.), 39, 40, 59, 134, 147, 224, 317, 355, 439, 469, 505.
 Тюлевъ, 446.
 Тютчевъ, 143.
 Убри, Сергій Павловичъ (III к.), 506.
 Уваровъ, графъ Сергій Семеновичъ, 30, 31, 33, 34, 65, 308, 464—466.
 Угрюмовъ, Александръ Ивановичъ (II к.), 71, 505.
 Уландъ, Іоганнъ Лудвигъ, 368.
 Улыбышевъ, Александръ Дмитріевичъ, 139.
 Ульяновскій, Юліанъ Семеновичъ (III к.), 499, 507.
 Унковскій, А. М. (нк. XVI к.), 452.
 Урусовъ, князь П., 450.
 Усовъ, Дмитрій Степановичъ (VIII к.), 517.
 Усовъ, Степанъ Михайловичъ, 217.
 Усовъ, Федоръ Степановичъ (X к.), 520.
 Ушаковъ, Павелъ Петровичъ, 89, 90.
 Фаберъ, Теодоръ (Faber, Fabre), 80—81.
 Фаминцынъ, Александръ Андреевичъ (V к.), 512.

¹⁾ Николай Васильевичъ, 1796—1871.

²⁾ Иванъ Ивановичъ, 1743—1807.

Фаминцынъ, Сергѣй Андреевичъ (III к.), 231, 443, 500, 508.

Фанъ-деръ-Флитъ, Федоръ Тимофеевичъ (Л. Б. П. IX к.), 275.

Федръ, 158, 289, 386.

Фолленбергъ, фонъ, Филиппъ Эммануэль, 87.

Ферри де Пиньи, 294.

Фесслеръ ¹⁾, 35, 259.

Фидларетъ, митрополитъ (Дроздовъ), 270, 347—348.

Филимоновъ, Николай Ивановичъ (X к.), 520.

Филимоновъ, Владиміръ Сергѣевичъ, 311.

Философовъ, Александръ Павловичъ (VI к.), 286, 513.

Философовъ, Владиміръ Дмитріевичъ, 378.

Философовъ, Дмитрій Владиміровичъ, 378.

Фитингофъ, фонъ, баронъ Борисъ Павловичъ (XII к.), 524.

Фитингофъ, фонъ, баронъ Рихардъ Павловичъ (XI к.), 522.

Форостовскій, Павелъ Павловичъ (XII к.), 448, 450, 523.

Фотій, архимандритъ, 219, 321.

Фрейганъ, Василій Васильевичъ (VII к.), 517.

Френъ ²⁾, 34.

Фридбергъ, Петръ Ивановичъ (VIII к.), 516.

Фридрици ³⁾, 284.

Фрисъ ⁴⁾, 384.

Фроловъ, Степанъ Степановичъ, 68, 71, 333.

Фроловъ, Иванъ Степановичъ (Л. Б. П. VII к.), 375.

Фроловъ, Григорій Степановичъ (V к.), 510.

Фуссъ, Павелъ Николаевичъ, 31, 36.

Фуссъ ¹⁾, 167.

Ханыковъ, Николай Владиміровичъ (VIII к.), 477, 516.

Ханыковъ, Николай Дмитріевичъ (II к.), 71, 177, 506.

Ханыковъ, Яковъ Владиміровичъ (VII к.), 11, 339—340, 478, 515.

Харитоновъ, Юлія Александровна, см. Врангель, баронесса.

Харитоновъ, Алексѣй Александровичъ (VII к.), 85, 273, 278—281, 336—341, 476, 515.

Харламовъ, Михаилъ Николаевичъ (II к.), 71, 506.

Харламовъ, Николай Николаевичъ (VI к.), 286, 512.

Хвостовъ, Александръ Алексѣевичъ (XXXVI к.), 428.

Хвостовъ, Алексѣй Николаевичъ (VIII к.), 428, 477, 516.

Хвоцинская, Софія Миханловна, рожд. княжна Горчакова, 236.

Хвоцинскій, Аврамъ Петровичъ, 236.

Херасковъ, Михаилъ Матѣевичъ, 370.

Хлюстинъ, Семенъ Семеновичъ, 346.

Ховенъ, Иванъ Романовичъ (V к.), 299, 512.

Цезарь, Гай Юлій, 386.

Цепъ, 220.

Цетреусъ, Александръ Израилевичъ, 370, 377, 380.

Цезъ, Василій Андреевичъ (X к.), 123, 176, 519.

Цизмеръ, 297.

Цизмеръ, Елисавета Ивановна, 277.

Чарнышъ, Михаилъ Николаевичъ (II к.), 71, 122, 124, 322, 505.

Чарторійскій, князь Адамъ Адамовичъ, 81.

Чевати, Александръ Степановичъ (Л. Б. П. X к.), 275.

Чевати, Константинъ Степановичъ (V к.), 510.

Черкасскій, князь (?), 237.

Черноглазовъ, Владиміръ Григорьевичъ (Л. Б. П. VIII к.), 275.

Чернышевъ, свѣтл. князь (прежде графъ) Александръ Ивановичъ, 136, 327, 437, 502—503.

¹⁾ Николай Николаевичъ (?), академикъ математики 1755—1825.

²⁾ Игнатій Авреліановъ, генер. су-перинтендентъ, проф., 1756—1839.

³⁾ Христіанъ Мартиновичъ, акте-миръ, 1782—1851.

⁴⁾ Ернстъ Карловичъ, генералъ, 1770—1809.

⁵⁾ Иоганъ Фридрихъ?

- Чертковъ, Дмитрій Александровичъ (XI к.), 477, 521.
- Чилиевъ, Михаилъ Егоровичъ (X к.), 520.
- Чириковъ, Владиміръ Сергѣевичъ (XVII к.), 91.
- Чириковъ, Сергѣй Гавриловичъ, 28, 90—91, 199, 290, 372—373, 382, 428, 443, 459.
- Чириковъ, Сергѣй Сергѣевичъ (XIV к.), 91.
- Чистовичъ, Илларионъ Алексѣевичъ, 119.
- Шабельскій, Ахиллесъ Павловичъ (II к.), 120, 506.
- Шадовъ, ¹⁾ 185.
- Шампинъ, Иванъ Ивановичъ (XXII к.), 461.
- Шаплеть, де. ²⁾ 362.
- Шармуа ³⁾, 160.
- Шатобрианъ, виконтъ де, Франсуа Рене, 293.
- Шаховской, князь Александръ Александровичъ, 91, 448, 450.
- Шванебахъ, Христіанъ Антоновичъ (V к.), 510.
- Шеллингъ, фонъ, Фридрихъ Вильгельмъ Іозефъ, 234.
- Шереметевъ, графъ, 120.
- Шетохинъ, 174.
- Шигоринъ, Ѳедоръ (Л. Б. П. IV к.), 173.
- Шиллеръ, фонъ, Іоганнъ Христофъ Фридрихъ, 88, 293, 312, 368, 371.
- Шиллингъ, баронъ, 135.
- Шильдеръ, Николай Карловичъ, 250.
- Шиповъ, Сергѣй Павловичъ, 135.
- Ширинскій-Шихматовъ, князь, Иванъ Платоновичъ (нк. XI к.), 425—426.
- Ширинскій-Шихматовъ, князь Платонъ Александровичъ, 321, 426.
- Шихматовъ см. Ширинскій-Шихматовъ.
- Шмидтъ, Готфридъ и Фридрихъ Вильгельмъ.
- Шмидтъ, Самуилъ Самойловичъ † 1834.
- Шмидтъ, Фердинандъ Сергѣевичъ Францъ, † 1808.
- Шмидтъ, Фридрихъ, 1790—1833.
- Шинниковъ, Александръ Семеновичъ, 21, 464.
- Шлегель, фонъ, Аугустъ Вильгельмъ, 234.
- Штевенъ, Алексѣй Христіановичъ (XIII к.), 450.
- Штейнгейль, баронъ Владиміръ Ивановичъ, 75.
- Штейнъ, баронъ фонъ (von und zum), Гейнрихъ Фридрихъ Карлъ, 137, 260.
- Шторхъ ¹⁾, 72, 79, 80, 200, 339.
- Шторхъ, Константи́нъ Андреевичъ (VI к.), 286, 514.
- Шторхъ, Николай Андреевичъ (VII к.), 477, 515.
- Штофогенъ, Александръ Кондрагевичъ (VI к.), 286, 514.
- Штюмеръ, баронъ, 220.
- Шульгинъ, Иванъ Петровичъ, 200, 288, 290, 292, 297, 339, 340, 369, 383—384, 388—389, 395, 433, 443.
- Щ, ф, а, к, в, 206, 501.
- Щедринъ, (псевдонимъ), см. Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ (XIII к.), 450.
- Щеголовъ, Николай Тихоновичъ, 318, 356, 386.
- Щеголовъ, Павелъ Елисеѣвичъ, 139.
- Щепинъ-Ростовскій, князь, Дмитрій Александровичъ, 245.
- Щулепникова, см. Бакунина.
- Эйлеръ, Леонтій Карловичъ, 28.
- Эйхенъ, Василій Николаевичъ (VI к.), 286, 512.
- Эльснеръ, баронесса Іоганна, см. Гауеншильдъ, фонъ.
- Эльснеръ, Отто (Л. Б. П. X к.), 93.
- Эльсверъ, баронесса Юлія, см. Гауеншильдъ.
- Эльснеръ, баронъ Ѳедоръ Богдановичъ.
- Энгель, Іоганнъ Якобъ, 339.
- Энгельгардтъ, Антонъ Владиміровичъ, 72.
- Энгельгардтъ, баронъ Василій Богдановичъ (III к.), 493, 508.
- Энгельгардтъ, Владиміръ Егоровичъ (V к.), 74, 217, 511.
- Эндрен (Генрихъ) Карловичъ, академикъ, 1766—1835.

Энгельгардтъ, Егоръ Антоновичъ, 71 — 82, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 108, 109, 114, 115—117, 119, 120, 122, 125—130, 151, 154—156, 159, 162, 163, 167—171, 175—177, 178—179, 191—196, 201—205, 209—218, 224, 243, 248—249, 269, 272, 274, 287, 314, 328, 342, 349, 350—354, 356, 358, 365, 393, 413, 419—421, 432, 441, 443—444, 457, 459, 490—501
переписка: 71, 86, 112—113, 114, 117, 126, 127, 128, 130, 134, 141, 143, 144, 147, 152, 154, 155, 158, 159—161, 167, 171, 176, 184, 185, 189, 195, 205, 208, 224, 230, 235, 243, 248, 269, 273—274, 312, 314—317, 321—322, 328, 334, 342, 349, 351, 410, 420—422, 441—442, 443—444, 446, 458—460, 463.
Энгельгардтъ, Елизавета Егоровна, см. Остенъ-Сакенъ, баронесса.
Энгельгардтъ, Максимъ Егоровичъ (III к.), 217, 444, 507.
Энгельгардтъ, Марія Яковлевна¹⁾, 496, 500.
Эрдели, А., 450, 455—457.
Эристовъ, князь Димитрій Александровичъ (II к.), 71, 122, 124, 132—257, 347, 411, 476, 488, 506.
Эртель, 125.

¹⁾ Род. Уитакеръ (Whitaker), въ первомъ бракѣ фонъ-Ганъ.

Эссенъ, Фредерика, фонъ, см. Коцебу.
Юдинъ, Павелъ Михайловичъ (I к.), 39, 53, 224, 334, 351, 355, 443, 472, 477, 504.
Юлій Цезарь, Гай, см. Цезарь.
Юревичъ, Нилъ Степановичъ (VII к.), 515.
Юстиніанъ, императоръ, 367.
Юсуповъ, князь¹⁾, 231.
Изыковъ, Николай Михайловичъ, 363.
Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ (I к.), 39, 52, 61, 85, 91, 133, 226, 230, 231, 233, 236, 239, 242, 257, 310—311, 316, 334—335, 344, 347, 350—351, 353, 411, 415, 443, 470, 476—477, 489, 501, 504.
Яковлевъ, Павелъ Лукьяновичъ, 180.
Якубовичъ, Петръ Ивановичъ (Л. Б. II к.), 132.
Яхонтовъ, Петръ Васильевичъ (II к.), 71, 112, 122, 123, 206, 500, 505.
Яхонтовъ, Александръ Николаевичъ (IX к.), 85, 356, 357—381, 408, 413, 414, 477, 518.
Федоровъ²⁾, 311.
Феокрытъ, 228.

¹⁾ Николай Борисовичъ, чл. Госуд. Сов., 1750—1831.

²⁾ Борисъ Михайловичъ (?), 1799—1875.

Исправленія и дополненія.

- Къ стр. 39*, перечень воспитанниковъ, происходившихъ изъ фамилій, «старинныхъ, существовавшихъ въ Московской Руси»—долженъ быть дополненъ именами: Бакуниныхъ, Корниловыхъ, Пушковыхъ.
- Къ стр. 71*, въ списокъ лицейскихъ II курса слѣдуетъ читать: Угрюмовъ, Загряжскій, Орлай-де-Карво, вмѣсто: Угримовъ, Загрязскій, Орлай.
- Къ стр. 85*, сверху 2-ая строка, читать: IX-го курса Веселовскій и Яхонтовъ, (вмѣсто: X-го).
- Къ стр. 92*, сверху 16-ая строка читать: Тепперъ де Фергюсонъ, вмѣсто: Теперь де Фергюсонъ.
- Къ стр. 114*, въ дополненіе къ сказанному относительно памятника «Genio loci» можно прибавить, что у высшаго военнаго начальства Лицея одно время явилось предположеніе, что памятникъ этотъ посвященъ Пушкину. Соотвѣтственный запросъ былъ присланъ директору Лицея Броневскому. См. замѣтку фонъ деръ Ховена Русская Старина, 1873, т. VIII, стр. 1003.
- Къ стр. 156*, сверху 6-ая стр., читать: [Ф. П. Калининъ, вмѣсто: О. П. Калининъ.
- Къ стр. 199*, снизу 10-ая стр., читать: В. М. Архангельскій, вмѣсто: П. М. Архангельскій.
- Къ стр. 205*, (снизу 4-ая строка). 35-ая подпись въ альбомѣ Е. А. Энгельгардта, первоначально прочтенная: Дмитрій Козловъ, разобрана какъ подпись Дмитрія Келера, лицейскаго IV к. (ср. въ приложеніяхъ, стр. 495). Такимъ образомъ предположеніе о существованіи некончившаго курсъ Козлова отпадаетъ.
- Къ стр. 257*, снизу 10 и 11 строка вмѣсто: «II-го к. Замятинъ и кн. Эристовъ, III-го—Капгеръ», читать: «II-го кн. Эристовъ, III-го Замятинъ и Капгеръ.
- Къ стр. 287* (а равно 397 и 405), читать Стесель, вмѣсто: Стессель.
- Къ стр. 423*, сверху въ 5 и 6 строкахъ словъ: «случай, не бывавшій дотолѣ въ лѣтописяхъ Лицея»—не читать вовсе.
- Къ стр. 450*, снизу 16 стр., читать: Paul Siraudin, вмѣсто: Sewrin.
- Къ стр. 458*, сверху 16 стр., читать: Гаевскій, вмѣсто: Гальскій.
- Къ стр. 477—478*, въ списокъ лиценстовъ, занимавшихъ высшія должности пропущенъ фонъ Стевень, I-го курса.
- Къ стр. 488*, читать: кн. В. О. Одоевскій, вмѣсто: кн. В. Д. Одоевскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стан.
Заглавный листъ исполненъ по рисунку Е. Е. Лансере.	
Предисловіе	VII—X
I. Учрежденіе новыхъ училищъ въ царствованіе Александра I. Мысль объ общественномъ воспитаніи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Предположеніе объ учрежденіи особаго для сего Лицея. Записка о лицѣхъ М. М. Сперанскаго. Мѣры правительства къ подъему образованія служилыхъ людей. Указы 3 апрѣля и 9 августа 1809 года. Предположеніе объ учрежденіи Лицея съ цѣлю образованія юношества, предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной	1—11
II. Записка о Лицеѣ, переданная Императоромъ Александромъ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому. Замѣчанія на эту записку Мартынова, графа де-Местра и графа Разумовскаго. Всеподданиѣйшій докладъ графа Разумовскаго съ резолюціями Государя. Постановленіе о Лицеѣ, Высочайше утвержденное 12 августа 1810 года. Главныя его основанія. Сумма на содержаніе Лицея. Помѣщеніе Лицея. Грамота Лицею. Миѣніе В. П. Кочубея о лицѣхъ. Изъ «Записокъ» Ф. Ф. Вигеля.	12—21
III. Назначеніе директоромъ Лицея В. Ѳ. Малиновскаго и образованіе штата служащихъ. Преподаватель Закона Божія прот. Музовскій, русскаго и латинскаго языковъ профессоръ Кошанскій, исторіи и географіи—Кайдановъ, нравственныхъ наукъ—Куницынъ; физико-математическихъ наукъ—Карцовъ, французскаго языка—де-Будри, нѣмецкаго языка—Гауеншильдъ. Учителя искусствъ. Хозяйственное правленіе и первый его секретарь Е. П. Люценко.	22—37

	Стран.
IV. Первый приѣмъ воспитанниковъ; списокъ ихъ. Открытіе Лицея 19 октября 1811 года. Воспоминанія современниковъ. Описаніе этого праздника оберъ-гофъ-фурьеромъ. Начало ученія. Первые шаги. Похвальныя доски. Дѣтскій балъ. 1812 годъ и предположеніе о временномъ переводѣ воспитанниковъ въ Або.	38—44
V. Характеристика воспитанниковъ къ марту 1812 года. Частное полугодовое испытаніе 1812 года (декабрь). Размѣщеніе воспитанниковъ въ классахъ и столовой.	45—62
VI. Учрежденіе приготовительнаго Благороднаго при Лицеѣ пансіона. Назначеніе директоромъ онаго профессора Гауеншильда. Кончина директора Лицея В. Ѳ. Малиновскаго. Его семейство. . .	63—66
VII. Временное управленіе Лицеємъ по смерти В. Ѳ. Малиновскаго. Литературныя занятія первокурсниковъ. Переводныя экзамены первокурсниковъ изъ младшаго возраста въ старшій. Старикъ Державинъ. Формированіе II-го курса Лицея. Назначеніе директоромъ Е. А. Энгельгардта. Свѣдѣнія о жизни его, религіозныя его воззрѣнія; литературная дѣятельность до назначенія директоромъ. Увольненіе графа Разумовскаго отъ должности министра. Замѣна его княземъ Голицынымъ.	67—82
VIII. Первоначальныя шаги Энгельгардта въ должности директора. Внутренняя жизнь лицейскихъ I курса. Размѣщеніе. Содержаніе. Виѣклассное препровожденіе времени. Театральныя представленія. Литературныя занятія. Журналы. . . .	83—93
IX. Отчетъ конференціи о ходѣ преподаванія въ Лицеѣ за первое шестилѣтіе. Первый выпускъ изъ Лицея. «Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье»	94—111
X. Памятникъ genio loci. Чугунныя кольца. Культъ Царскаго Села. День Лицея. Гербъ и девизъ Лицея. Лицейскій=лицействъ. Переписка Энгельгардта съ бывшими воспитанниками.	112—117

Стран.

- XI. Министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ. Характеристики нѣкоторыхъ воспитанниковъ II курса. Освященіе лютеранской церкви въ Царскомъ Селѣ. Устройство для Лицея отдѣльнаго сада (ограды). Первый выпускъ изъ благороднаго пансіона. Пожаръ Лицея. Выпускъ изъ Лицея II-го курса въ 1820 году. Воспитаникъ Лангеръ и его виды Царскаго Села. 118 132
- XII. Лицейскіе I курса. Пушкинъ. Общество «Арзамасъ» и «Зеленая Лампа». Баронъ Дельвигъ. Кюхельбекеръ. Пущинъ. Баронъ Корфъ. Литературныя общества. Смерть Корсакова. Князь Горчаковъ и Ломоносовъ. 133 152
- XIII. Начало реакціи. Письмо Сперанскаго. Энгельгардтъ и Гауеншильдъ. Положеніе Энгельгардта въ 1821 году. Увольненіе профессора Куницына. Лицейское общество друзей полезнаго. Школьная шалость въ пансіонѣ. Подчиненіе Лицея военному начальству. Выпускъ III курса. Прощальная прогулка Энгельгардта съ воспитанниками. Встрѣча съ Государемъ. 153—177
- XIV. Высылка Пушкина изъ Петербурга. Кавказъ, Крымъ и Бессарабія. Масонская ложа въ Кишиневѣ. Заграничное путешествіе Кюхельбекера. Его лекція въ Парижѣ. Пребываніе его въ Грузіи. Дуэль. Пребываніе въ Москвѣ. Служба Дельвига въ Публичной Библіотекѣ. Письма его къ Оленину. Первокурсники на военной службѣ. 178—190
- XV. Воспоминанія лицейскаго IV курса Бѣлухи-Кохановскаго. Военное управленіе Лицеємъ. Отставка Е. А. Энгельгардта. Кандидатура А. П. Оболенскаго, Воейкова и другихъ лицъ. Альбомъ Энгельгардта. Директоръ Гольтгоеръ. Воспитанники Коцебу. 191 208
- XVI. Литературныя труды Энгельгардта по оставленіи имъ Лицея. Russische Miscellen. Переводъ путешествія Ванкувера. Редакція путешествія Крузенштерна и русскаго его перевода. Изданіе „Земледѣльческой Газеты“. Дѣятельность профессора Гауеншильда по оставленіи имъ Лицея. 209 223

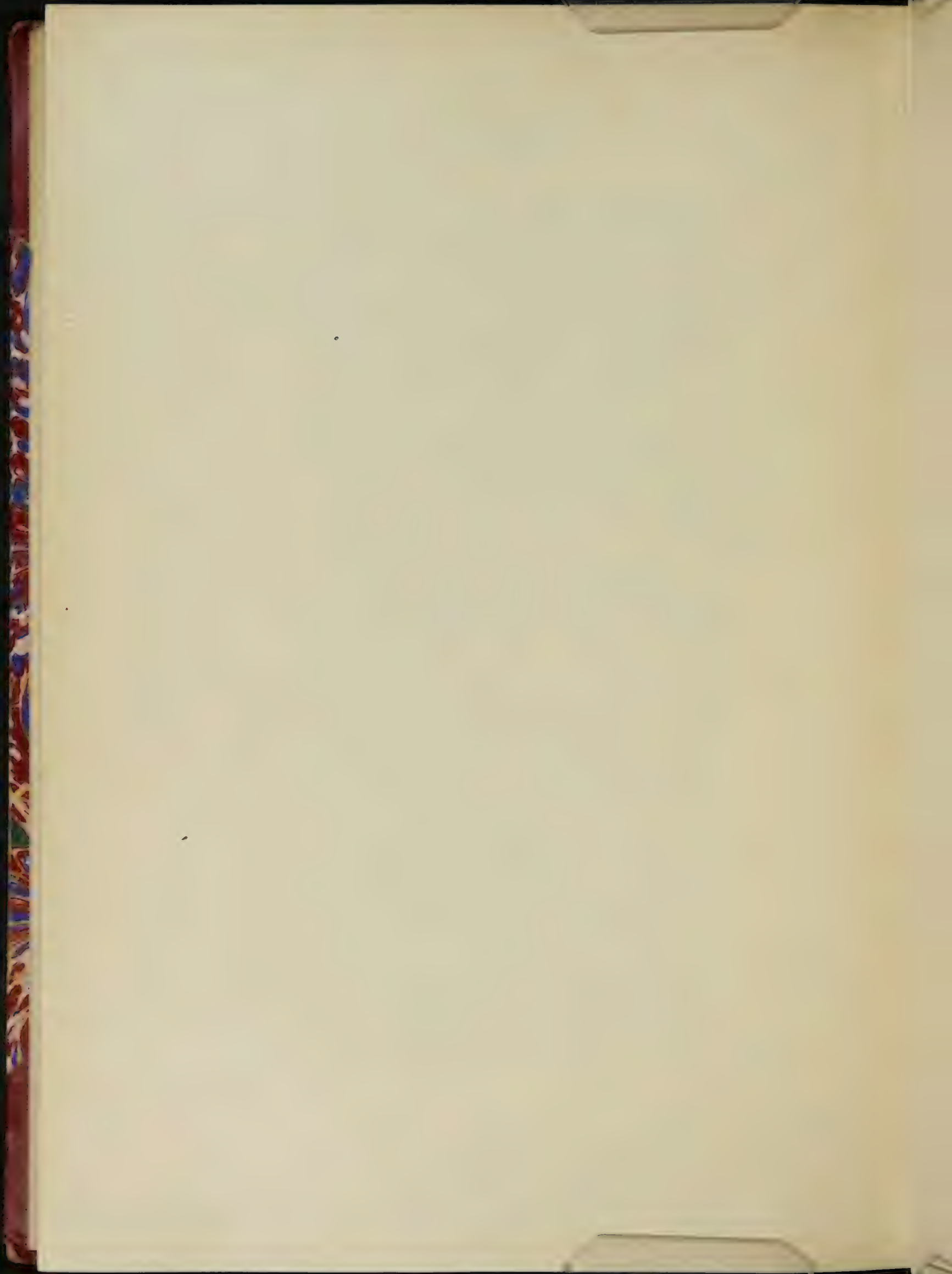
- XVII. Дѣятельность лицейскихъ I курса. Баронъ Дель-
вигъ. Дружеское литературное общество С. Д.
Пономаревой. Лицейская колонія въ Москвѣ.
Яковлевъ. Бакунинъ. Пушкинъ. Данзасъ. Паль-
чиковъ. Кюхельбекеръ. Его журналъ «Мнемо-
зина». Пушкинъ въ Михайловскомъ. Посѣщеніе
его товарищами. 19 октября 1825 года 224—239
- XVIII. Кончина Императора Александра. Впечатлѣніе
отъ нея въ Лицеѣ. Отзывъ Пушкина. 14 де-
кабря 1825 года. Показанія Кюхельбекера и
Пушкина. Другіе лицейскіе, привлекавшіеся по
этому дѣлу. Оправдательная статья Энгельгардта
и его письмо шефу жандармовъ. Кто были враги
Лицея? Выпускъ IV курса. Записка о лицейскомъ
духѣ. Мнѣніе князя Меттерниха объ Александрѣ I
и о Лицеѣ. 240—261
- XIX. Начало царствованія Императора Николая I. Ма-
нифестъ 13 іюля 1826 года. Главный директоръ
кадетскихъ корпусовъ Н. И. Демидовъ. Его
распоряженія по Лицею. Посѣщеніе Лицея и
пансіона Государемъ. Закрытіе пансіона. Вы-
пускъ V курса (1829 года) 262—275
- XX. Я. К. Гротъ, А. А. Харитоновъ и К. А. Булга-
ковъ въ Благородномъ пансіонѣ 276—285
- XXI. VI курсъ Лицея. Воспоминанія Я. К. Грота. По-
сѣщенія Лицея Пушкинымъ. Знакомство съ
Пушкинымъ воспитанника VI курса П. И. Мил-
лера. Альбомъ П. Рейнбота. Выпускъ 1832 года.
Несостоявшійся проектъ учрежденія Лицея въ
Москвѣ. 286—309
- XXII. Лицейскіе I курса. Илличевскій и его «Опыты».
Яковлевъ и его музыкальная дѣятельность. Пуш-
кинъ, посланіе его къ Пушкину, встрѣча съ Кю-
хельбекеромъ и путешествіе на Кавказъ. Сви-
даніе съ Вольховскимъ. Женитьба Пушкина.
Смерть Костенскаго. Баронъ Дельвигъ. «Сѣвер-
ные цвѣты», «Подснѣжникъ» и «Литературная
Газета». Ея запрещеніе. Смерть Дельвига, Еса-
кова и Саврасова (1831 г.). Матюшкинъ и
баронъ Корфъ. «Ижорскій» Кюхельбекера. 310—325

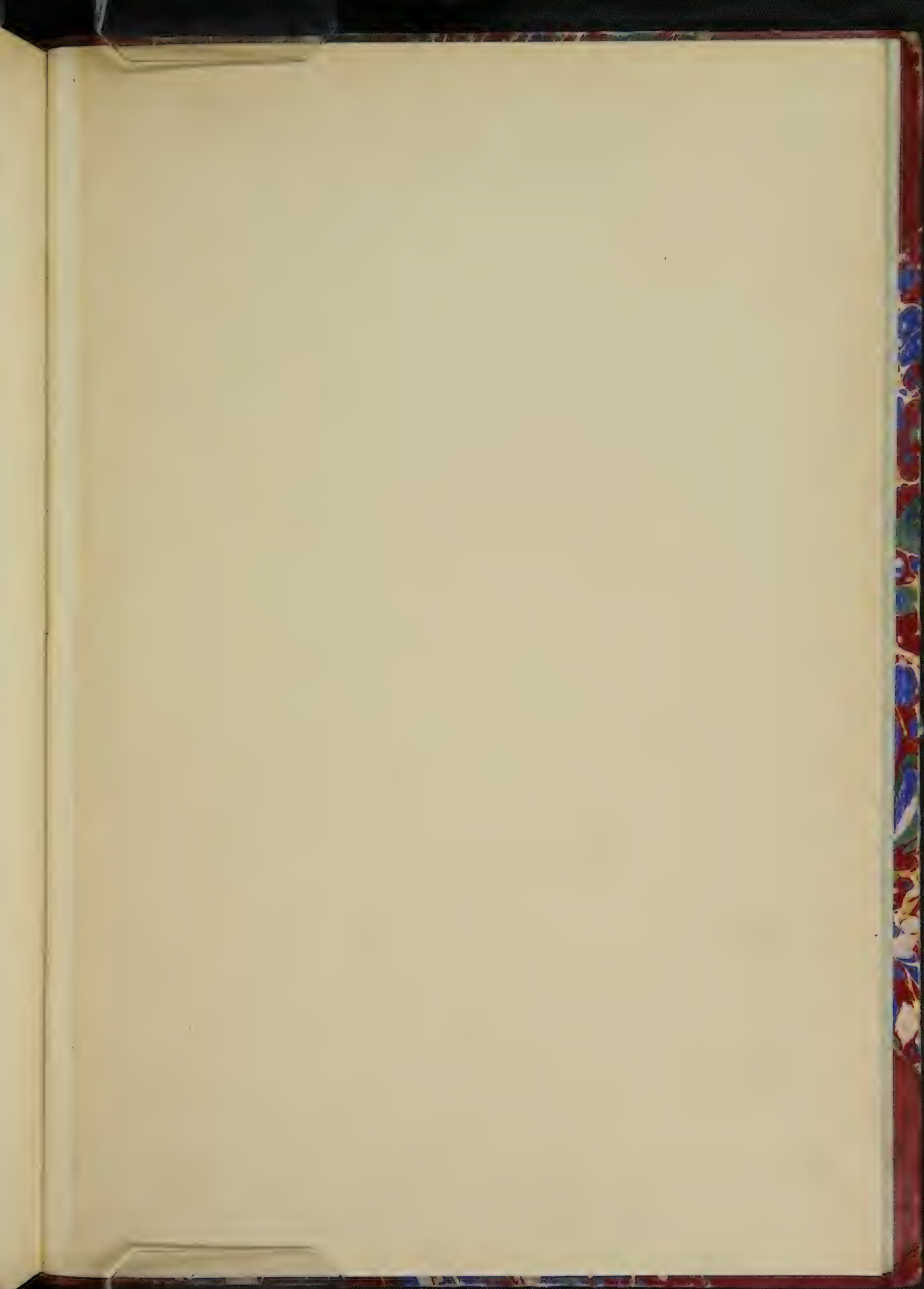
Стран.

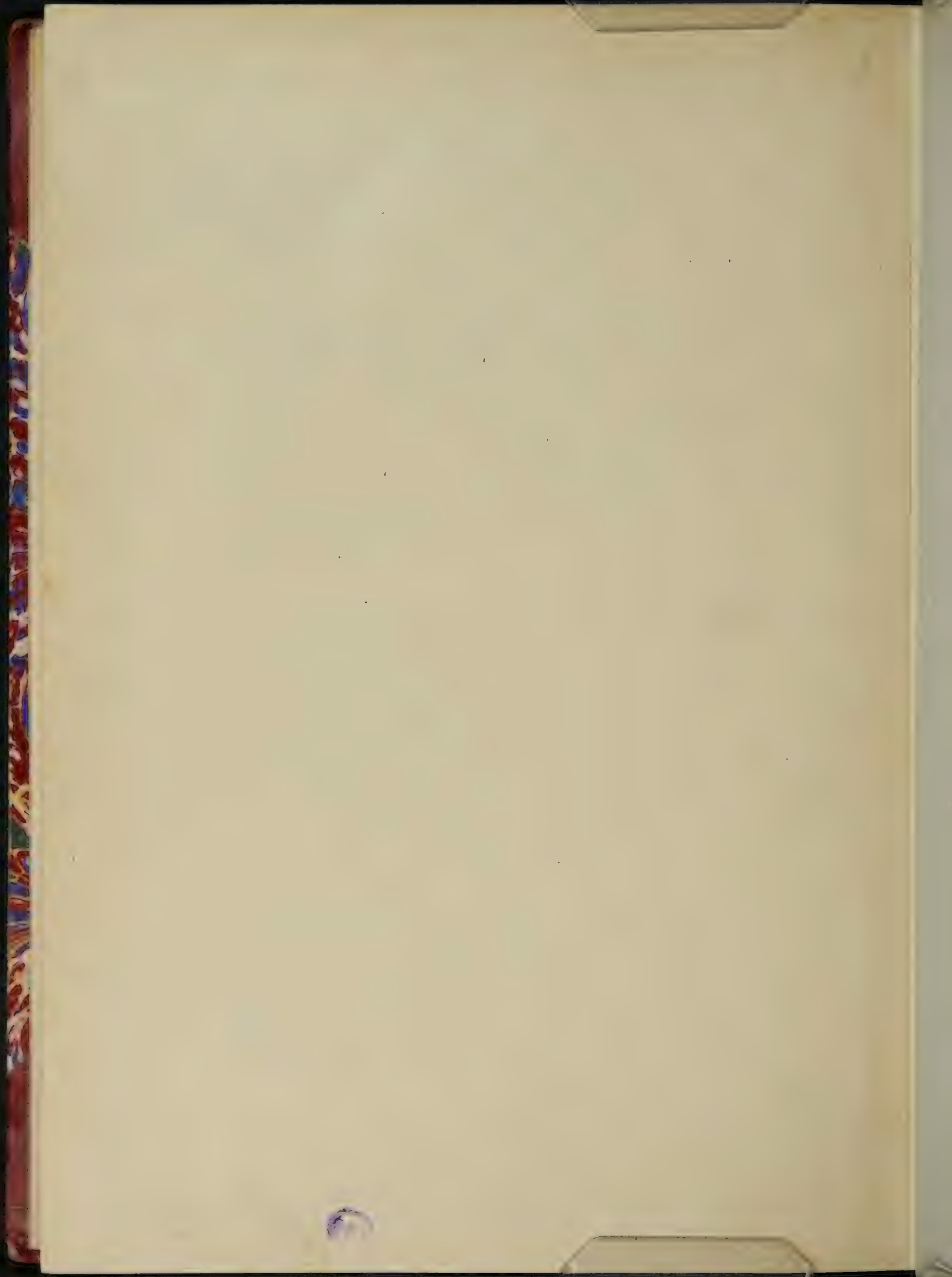
- XXIII. Деларю. Его переводъ стихотворенія «Красавицѣ». Я. К. Гротъ и его литературная дѣятельность до назначенія профессоромъ Александровскаго университета. А. Д. Комовскій и его дневники. 326—330
- XXIV. Смерть Цесаревича Константина и назначеніе главнымъ начальникомъ Лицея великаго князя Михаила Павловича. Лиценсты на обѣдахъ у великаго князя. Измѣненія въ учрежденіи Лицея, введенныя положеніемъ о немъ 1832 года. Лицей по Своду военныхъ постановленій. 19 октября 1833 года. Стихотвореніе Илличевского . 331—335
- XXV. VII курсъ Лицея (1835 г.). Воспоминаніе А. А. Харитонова. Тѣлесныя наказанія въ Лицеѣ. Назначеніе ко Двору для исполненія обязанностей пажей. Благодарность великаго князя Михаила Павловича за прекрасное поведеніе. Окончаніе перваго періода исторіи Царскосельскаго Лицея. Изданіе Энгельгардтомъ прощальной пѣсни барона Дельвига. 336—348
- XXVI. «Исторія Пугачевского бунта». Занятія Пушкина исторіей Петра Великаго. Баронъ М. А. Корфъ. Первая мысль собранія иноязычныхъ сочиненій о Россіи. Изданіе Пушкинымъ перевода «Вастолы» Люценко. Кюхельбекеръ на поселеніи. «Словарь историческій о святыхъ» князя Эристова и Яковлева. 344—348
- XXVII. VIII курсъ; выпускъ декабря 1836 года. Положеніе Лицея въ 1836 году. 25-лѣтіе Лицея. Празднованіе его лицейскими I курса. Письмо Энгельгардта объ этомъ юбилеѣ; письмо о томъ же Яковлева. Стихотвореніе Кюхельбекера. . . 349—355
- XXVIII. IX курсъ, май 1838 года. Воспоминанія Яхонтова и К. С. Веселовскаго. Приготовительный пансіонъ инспектора Оболенскаго. 356—410
- XXIX. Кончина Пушкина (1837 г.). Впечатлѣніе, произведенное ею въ Лицеѣ. Открытіе Памятника Пушкину въ Царскомъ Селѣ. Письмо К. П. Побѣдоносцева. 411—418

XXX.	19 октября 1839 года. Лицейскій сиротскій капиталъ. Л. К. Нарышкинъ и его сынокъ. Князь Горчаковъ въ Петербургѣ. X курсъ; въ декабрѣ 1839 года. Юбилей директора Гольтгоера. Письмо воспитанника Петрашевскаго.	419—424
XXXI.	XI курсъ. Увольненіе Гольтгоера. Назначеніе директоромъ Д. Б. Броневскаго. Смерть воспитанника князя Ширинскаго-Шихматова. Возобновленіе памятника генію Іосі. Зотовъ и Мей. Альбомъ А. Л. Жемчужникова. Лицейскія карикатуры.	425—436
XXXII.	Примѣненію къ Лицею нѣкоторыхъ статей устава Императорскаго училища правовѣдѣнія. Смерть Вольховскаго. 19 октября 1841 года. Энгельгардтова галлерей лицейскихъ первыхъ четырехъ курсовъ. Баронъ М. А. Корфъ и книгопродавецъ Запкинъ.	437—446
XXXIII.	Послѣдній Царскосельскій курсъ декабря 1842 г. Н. Я. Данилевскій и Н. П. Семеновъ. Статья Ѳ. В. Булгарина о празднованіи 19 октября 1842 года. Театральныя представленія въ Лицеѣ 1840—1842 годовъ. Расходы воспитанниковъ на эти спектакли.	447—453
XXXIV.	Инспекторскій смотръ въ Лицеѣ. «Возмущеніе» въ Лицеѣ. Увольненіе профессора Оболенскаго отъ должности инспектора и замѣна его капитаномъ Н. И. Миллеромъ. 19 октября 1843 года. С. Г. Ломоносовъ. Его очерки Бразиліи. Перемѣщеніе Лицея въ С.-Петербургъ съ 1 января 1844 года. В. Д. Ахшарумовъ и М. Е. Салтыковъ. Значеніе пребыванія Лицея въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній.	454—466
XXXV.	Лицейскіе I курса. Характеристика ихъ барономъ Корфомъ. Взглядъ царскосельскихъ лиценстовъ на петербургскихъ (изъ дневника Комовскаго).	467—475
XXXVI.	Насколько Царскосельскій Лицей удовлетворилъ требованію перваго параграфа своего устава, какъ учебнаго заведенія, имѣвшаго цѣлію образованіе юношества, особо предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной.	476—478

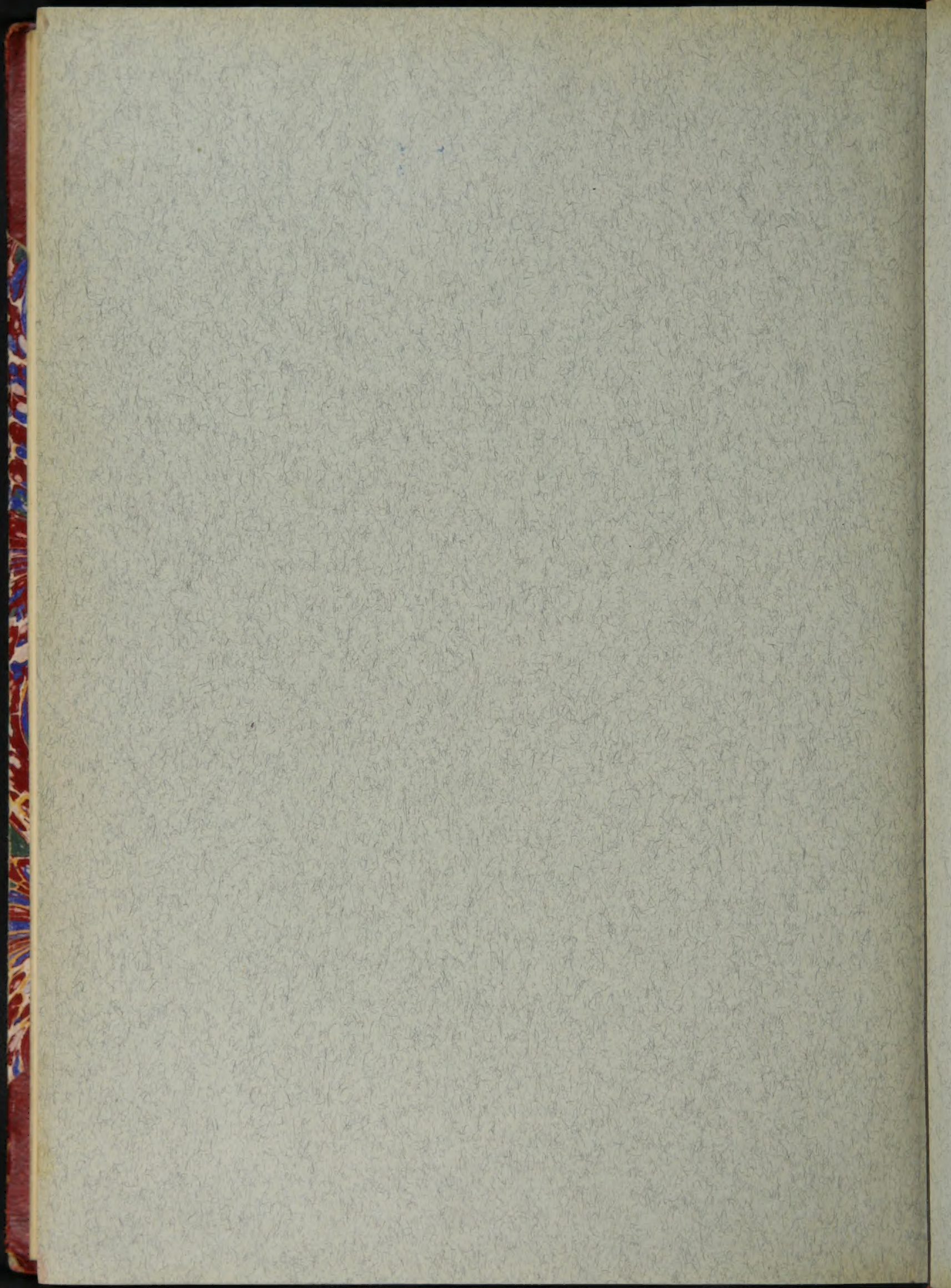
Приложенія.	481—524
I. Описаніе праздника въ Лицеѣ 12 декабря 1811 г.	
II. Письмо С. Г. Ломоносова къ князю П. А. Вяземскому 1817 года.	
III. Слово Законоучителя Лицея о. Кочетова при посвященіи въ 1823 году воспитанниковъ V курса.	
IV. Письма Кюхельбекера:	
а) къ ректору Дерптскаго университета,	
б) къ В. Д. Вольховскому.	
V. Письма барона Дельвига къ А. Н. Оленину.	
VI. Письмо Кюхельбекера къ кн. В. Ѳ. Одоевскому.	
VII. Альбомъ директора Лицея Е. А. Энгельгардта.	
VIII. Объявленіе о закрытіи Благороднаго при Лицеѣ пансіона.	
IX. Списокъ романсовъ, положенныхъ на музыку М. Л. Яковлевымъ.	
X. Отношеніе военнаго министра ген.-ад. гр. Чернышева къ министру юстиціи 24 ноября 1839 г. № 7079.	
XI. Списокъ окончившихъ курсъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ.	
Указатель личныхъ именъ.	525
Исправленія и дополненія.	546

25

Carpenteria hydromedusa (Edwards)

